

ТОМАС
ГАРДИ

2

ТОМАС
ГАРДИ

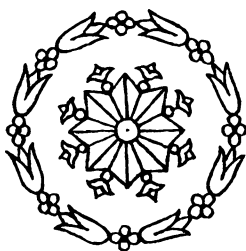

ТОМАС ГАРДИ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМАС ГАРДИ

— ❖ —

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1989

ТОМАС ГАРДИ
—❖—
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОМ
ВТОРОЙ

В КРАЮ ЛЕСОВ
•
ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ
ЧИСТАЯ ЖЕНЩИНА,
ПРАВДИВО ИЗОБРАЖЕННАЯ

РОМАНЫ

ПЕРЕВОДЫ
С АНГЛИЙСКОГО

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1989

ББК 84. 4Вл
Г20

Thomas Hardy
THE WOODLANDERS
1887

TESS OF THE D'URBERVILLES
*A Pure Woman
Faithfully Presented*
1891

Составление
Н. ДЕМУРОВОЙ

Комментарии
Н. ДЕМУРОВОЙ и М. ГОРДЫШЕВСКОЙ

Иллюстрации художника
Л. ХАЙЛОВА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

Гарди Томас
Г20 **Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2: В краю лесов; Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Чистая женщина, правдиво изображенная: Романы: Пер. с англ./ Сост. Н. Демуровой; Коммент. Н. Демуровой и М. Гордышевской; Ил. худож. Л. Хайлова.— М.: Худож. лит., 1989.— 639 с., портр.**

ISBN 5-280-00744-7 (Т. 2)

ISBN 5-280-00742-0

Во второй том «Избранных произведений» Т. Гарди включены романы «В краю лесов» (1887) и «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891).

Г 4703010100-110 986-89
028(01)-89

ББК 84.4Вл

© Состав, комментарии, иллюстрации, оформление. Издательство «Художественная литература», 1989 г.

В КРАЮ ЛЕСОВ

ПОМАН

ПЕРЕВОД
А. СЕРГЕЕВА и М. ЛИТВИНОВОЙ

ГЛАВА I

Если досужему путешественнику захочется по старой памяти или из каких-либо других соображений пройти заброшенным трактом по почти меридиональной линии от Бристоля к южному побережью Англии, то с середины пути он окажется в краю обширных лесов, иногда перемежающихся яблоневыми садами. Здесь деревья — будь то лесные или плодовые — ломают черту придорожных изгородей, бросая на них узоры света и тени, непринужденно протягивают свои горизонтальные ветви над дорогой, словно бесплотный воздух служит им достаточной опорой. В одном месте с холма, на который взбирается тракт, открывается вид на самый большой из здешних лесов; он надвое разделен трактом подобно тому, как густые волосы разделяются светлой линией пробора. Место это пустынное.

Вид заброшенной дороги выражает одиночество гораздо острее, нежели безлюдные доли и холмы, а ее могильная тишина намного выразительней тишины озер и болот. Вероятно, причину этому невольное сравнение того, что есть, с тем, что могло бы быть. Поэтому шагнуть из-за ограды на белеющую дорогу и на миг задержаться среди ее пустоты — значит внезапно сменить простое отсутствие людей на ощущение заброшенности.

Именно здесь в сгущающихся сумерках зимнего дня и стоял человек, оказавшийся на дороге описанным выше образом. Он только что перелез через изгородь и, нимало не будучи «избранным сосудом» для лирических переживаний, все же на миг ощутил себя более одиноким, чем за минуту до этого.

Взглянув на весьма щеголеватую одежду незнакомца, можно было заключить, что это не местный житель, да и по лицу его было видно, что направление дороги ему намного важнее, чем мрачная красота пейзажа, пение ветерка или вызванная к жизни воображением зыбкая процессия призраков в старинных

каретах. Его не волновали ни труд ушедших поколений, проложивших дорогу на холм, ни бесчисленные путники, утрамбовавшие ее, ни слезы, ее окропившие, ибо времени, отпущенного ему судьбой, хватало лишь для сугубо практических нужд.

Он посмотрел на север, потом на юг, и машинально потыкал землю своей тростью. Лицо незнакомца при более пристальном взгляде подтверждало то, о чем свидетельствовал его щеголеватый костюм. Оно выражало ни на чем не основанное самодовольство. Ничто не озаряло это лицо, и не только мудрец, но и простой наблюдатель увидел бы в его выражении полную подчиненность немногочисленным правилам и привычкам и незыблемую в них веру.

Кругом не было, — да, казалось, и не будет, — никого, кто мог бы указать ему дорогу. Однако вскоре послышался негромкий скрип колес и размеренный постук подков, и в седловинке между деревьями и вершиной холма замаячил одноконный фургон. Вглядевшись, незнакомец сказал себе с некоторым облегчением:

— Это миссис Доллери — она-то мне и поможет.

В фургоне было несколько пассажиров, главным образом женщин. Подождав, когда фургон приблизился, путник поднял трость, и сидевшая на козлах женщина натянула вожжи.

— Миссис Доллери, я тут полчаса ишу дорогу на Малый Хинток, — сказал он. — Я раз десять бывал в Большом Хинтоке и в Хинток-хаусе, но эта деревушка просто куда-то запропастилась. Не поможете — а?

Миссис Доллери заверила его, что поможет, — она сама направляется в Большой Хинток и будет проезжать мимо

Малого — это совсем рядом, вверх по тропинке в сторону от дороги, на которую они сейчас свернут.

— Впрочем,— продолжала миссис Доллери,— это такая неприметная деревушка, что вы, городской житель, сами днем с огнем не найдете, ежели заранее не знаете, где она. Боже! Да я бы за деньги не стала там жить! То ли дело Большой Хинток! Тут есть все, что душе угодно.

Он вскарабкался на козлы и свесил ноги так, что лошадь порой задевала их хвостом.

Для знавших эти места фургон миссис Доллери был скорее движимой принадлежностью тракта, чем посторонним предметом, оказавшимся на пути. Ее кляча, чья грива жесткостью и цветом напоминала вереск, а ноги и тело были изувечены упряжью и многолетним тяжким трудом, появлялась на этой дороге почти ежедневно в течение двух десятков лет — хотя полагалось бы ей пастись где-нибудь на восточной равнине, а не тащиться здесь, ибо когда-то это была ладная породистая лошадь. Да и править ею было не так уж легко: коротковатая сбруя все время сползала набок, и хвост не был должным образом пропущен через подхвостник. Лошадь знала каждый малейший уклон дороги на протяжении всех семи или восьми миль от Хинтока до Шертон-Аббаса — торгового городка, куда лежал ее обычный путь, знала так хорошо, как может знать разве что землемер, вооруженный нивелиром.

Черный квадратный кузов фургона покачивался на ходу; от него над головою возницы торчал крюк, за который иногда цепляли вожжи; тогда они свисали с плеч лошади, как оковы. Где-то около оси болталась цепь,— единственным назначением ее было греметь на ходу.

По дороге миссис Доллери по многу раз приходилось слезать с козел, поэтому она для соблюдения приличия надевала под платье короткие гамаша, особенно в ветреную погоду; на голове ее был не чепчик, а фетровая шляпа, обмотанная платком, ибо у миссис Доллери частенько болели уши. В задней стенке кузова имелось застекленное окошечко, которое хозяйка протирала носовым платком каждый рыночный день перед отправкой в город. Шагая позади фургона, можно было увидеть сквозь стекло квадратный кусочек окрестностей и небосвода, но их то и дело заслоняли профили пассажиров, шевеливших губами и кивавших головами в оживленной дорожной беседе, блаженно не ведая, что их ужимки и гримасы как нельзя лучше видны постороннему глазу.

Для них час дороги домой с рынка был счастливым, если не счастливейшим часом недели. Усевшись поудобнее, они забывали о горестях бытия и с умиротворенными улыбками рассуждали о жизни, вспоминая происшествия минувшего дня.

Пассажиры тесно сдвинулись в задней части фургона и, пока незнакомец толковал с хозяйкой, принялись обсуждать его, благо скрип колес заглушал их слова.

— Это парикмахер Перкомб — тот, у которого восковая кукла в окне — на Эбби-стрит, — сказал кто-то. — Хотела бы я знать, что ему надобно в наших краях. Он ведь не бродячий цирюльник, а настоящий парикмахер. Он даже убрал вывеску, потому что это не благородно!

Они прислушивались к его словам, но мистер Перкомб, казалось, не собирался удовлетворять их любопытство, хотя все время кивал и что-то говорил; а вдохновлявший пассажиров общий разговор прервался с его появлением.

Так они ехали, пока не свернули на еле заметную крутую тропинку, с вершины которой можно было различить в полумиле направо во впадине сады и огороды, словно срезанные с поверхности лесного края. Оттуда в сторожком молчании подымались высокие столбы дыма; воображение могло проследить за дымами до незыблемых камней очага, обвешанного гирляндами копченых окороков. Это было одно из тех отдаленных мест, где обычно бывает больше раздумий, чем действия, и больше пассивности, чем раздумий; рассуждения здесь строятся на зыбких основаниях и приводят к фантастическим выводам; тем не менее здесь, как и во всех подобных местах, от нагнетания страстей и тесной взаимосвязи коренных обитателей порою разыгрываются драмы истинно софокловского величия.

Это и был Малый Хинток, который разыскивал парикмахер. Сгушавшаяся ночь постепенно поглощала дым, вырывавшийся из труб, но местоположение маленького уединенного мирка выдавали несколько слабых огоньков, неверно мерцавших сквозь безлиственные ветви, среди которых устроились на ночлег пичуги, похожие в потемках на шары из перьев.

От проезжей тропинки ответвлялась тропинка поуже; тут парикмахер сошел, ибо миссис Доллери направлялась в Большой Хинток, чье превосходство над презренным Малым Хинтоком не слишком явствовало из сравнения тропинок, ведущих в эти деревни. Но такова уж прихоть судьбы.

— Там поселился очень умный и ученый молодой доктор. Говорят, он в союзе с дьяволом. И больных у него нет, а выбрал он это место потому, что это самая середина нашего края, — сообщила парикмахеру одна из пассажирок, надеясь хоть напоследок узнать цель его путешествия.

Но он не сказал ни слова и углубился во мрак, с осторожностью ступая по скользким опавшим листьям, почти скрывавшим от глаз дорогу и улицу деревушки. С наступлением темноты посторонние тут не ходили, и большинство обитателей Малого Хинтока считало оконные занавески излишеством, — именно поэтому мистер Перкомб мог заглядывать в окна почти каждого дома, очевидно, стараясь угадать местожительство того или тех, кого разыскивал.

Его интересовали дома поменьше, он равнодушно прошел мимо нескольких домов, чьи размеры, возраст и службы свидетельствовали о том, что и в этих глухих местах жили или

живут люди, занимающие достаточно высокое положение в обществе. Запах яблочных выжимок и шипение забродившего сидра, доносившиеся из дворов, говорили о недавних трудах обитателей и соединялись с запахом гниения от волглой листвы под ногами.

Так он прошел пол-улицы. Дом у высокого дерева излучал необычное сияние; зарево, вырывавшееся из печной трубы, превращало дым в мерцающее облако. Увиденное в окне заставило парикмахера решительно остановиться и всмотреться внимательнее. Дом был великоват для деревенского; сквозь приоткрытую наружную дверь длинная лента света падала в ночь. Сонные осенние мотыльки то и дело влетали в узкую полосу лучей и тут же пропадали во тьме.

ГЛАВА II

В доме, распространявшем это приветливое сияние, он увидел девушку в огромном кожаном переднике. Она сидела на плетеном стуле и работала при ярком пламени полыхавшего очага. В правой руке она держала секач, на левую была надета непомерно большая кожаная рукавица. Девушка с поразительной ловкостью обстругивала ветки, изготавливая кровельный прут. Слева от нее находилась кладка гладких, ровных прутьев, справа — гора обрезков, которыми и поддерживалось пламя в печи; перед ней аккуратной стопой лежал готовый кровельный материал. Она брала ветку, критически окидывала ее взглядом, ловкими ударами отсекала боковые отростки и заостряла ее с обоих концов, придавая им сходство с треугольным концом штыка.

В случае надобности она могла бы зажечь и свечу в медном подсвечнике, который стоял близ нее на скамейке — из тех, на которые ставят гробы. Чтобы придать ей сходство со столиком, на скамейку набили круглую сосновую доску, белизна которой странно оттеняла черный резной дуб подставки. Былое общественное положение обитателей дома распознавалось по этому предмету с той же точностью, с какой дом дворянина узнают по висящим в нем старым щитам и шлемам. Когда-то каждый зажиточный крестьянин, чьи права на землю значились в бумагах поместного суда или были, по крайней мере, неоспоримее, чем у простого арендатора, считал необходимым приобрести пару таких скамей для гробов своих близких. Однако в последних поколениях мысль *сui bono* (кому это нужно?) вытеснила привязанность к старому обычаю, и скамьи для гробов теперь часто использовали так, как мы это только что описали.

Девушка на мгновение отложила в сторону секач и осмотрела отнюдь не жесткую и не грубую ладонь правой руки, которая, в отличие от левой, не была защищена рукавицей.

Ладонь была красная и в водяных мозолях; стругание веток явно не относилось к числу ее привычных занятий. Как у множества людей физического труда, в очертаниях руки этой девушки не было ничего, подтверждавшего ходячее мнение, что происхождение человека — от высокого до самого низкого — неизменно сказывается на форме руки. Лишь волей случая пришлось ей готовить кровельный прут; и пальцы, охватившие тяжелую ясеневую рукоятку, могли бы уверенно вести перо по бумаге или трогать струны, будь они приучены к этому в должное время.

Лицо ее было исполнено той одухотворенности, которая рождается одиночеством. Взгляды множества людей словно стирают с лица индивидуальность, обкатывают его, как волна камень. Но в тихих водах уединенной жизни каждое чувство и мысль распускаются с той откровенностью, какую можно увидеть разве что на лице ребенка. Лет ей было не более девятнадцати — двадцати, однако необходимость рано задумываться над жизнью придала очертаниям ее почти детского лица преждевременную законченность. Эта девушка не претендовала на красоту, одно бросалось в глаза сразу — ее волосы, густые и непослушные до неукротимости. В зареве очага они казались темно-коричневыми, однако при свете дня выяснилось бы, что их истинный цвет — редкий и роскошный оттенок каштанового.

От этого дара, поднесенного временем своей жертве, и не мог отвести взгляда пришелец, пальцы его правой руки машинально поигрывали ножницами, засунутыми в жилет; на их блестящем металле слабо горел отсвет пламени из очага. Мысленно парикмахер уподобил девушку за работой великолепному полотну позднего Возрождения. Волосы ее были выписаны ярко и отчетливо, лицо же, плечи, руки и вся фигура, будучи скоплением маловажных деталей, терялись в тени.

Не колеблясь более, он постучал в дверь и вошел в комнату. Песок, которым был посыпан пол, захрустел под его ногами, девушка оглянулась и, побледнев, воскликнула:

— Ах, мистер Перкомб, как вы меня напугали!

— Закрывай дверь плотнее — и не напугаешься.

— Не могу, — сказала она, — печь дымит. Мистер Перкомб, когда вы не у себя в парикмахерской, у вас такой забавный вид, — ну точь-в-точь канарейка на боярышнике. Вы ведь сюда не из-за меня пришли, не из-за того...

— Нет, я как раз пришел из-за этого самого. — Он коснулся ее головы своей тростью; девушка содрогнулась. — Ты согласна? — продолжил он. — Мне надо знать это сейчас же. Дама скоро уедет, а на работу мне нужно время.

— Не торопите меня, прошу вас. Я уж думала, что вы забыли. Я не могу расстаться с ними — нет, нет!

— Послушай, Марти,— сказал парикмахер, присаживаясь на столик, сделанный из скамейки.— Сколько тебе платят за этот прут?

— Тс! Отец наверху не спит. Он не знает, что я делаю работу за него.

— Так сколько тебе за это платят? — сказал парикмахер, понизив голос.

— Восемнадцать пенсов за тысячу,— неохотно ответила она.

— А для кого ты их делаешь?

— Для мистера Мелбери, лесоторговца, он живет тут неподалеку.

— Сколько же ты их можешь сделать за день?

— За день и полночи — три связки. Это полторы тысячи.

— Два шиллинга с четвертью.— Парикмахер помолчал, вычисляя ту наименьшую сумму, которой можно было бы победить сопротивление бедности и женскую любовь к красоте.— Взгляни-ка, вот соверен — золотой соверен, почти новенький.— Он держал монету между указательным и большим пальцами.— Это ровно столько, сколько ты получаешь за полторы недели мужского труда. Соверен твой, если ты позволишь состричь то, чего у тебя и так слишком много.

Грудь девушки вздымалась.

— Почему эта дама не обратилась к кому-нибудь другому? Может, другой девушке это было бы безразлично. Почему именно ко мне? — воскликнула она.

— Глупышка, да потому, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее, а этого не добьешься никакой краской. Ты ведь мне не откажешь — я же нарочно приехал сюда из Шертон.

— Я... я не продам их ни вам, ни кому другому.

— Послушай.— Он подвинулся поближе к ней.— Дама очень богата, ей не жалко прибавить несколько шиллингов,— беру это на себя, я дам тебе соверен и два шиллинга, только чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— Нет-нет-нет! — волнуясь, заговорила она.— Вы искусситель, мистер Перкомб. Вы как Дьявол, искушающий доктора Фаустуса, из книжки! Я не хочу ваших денег, я не согласна! Зачем вы пришли? Когда вы привели меня в парикмахерскую и начали уговаривать, я сразу сказала, что ни за что не продам свои волосы! — Она говорила горячо и решительно.

— Марти, послушай меня внимательно. Твои волосы крайне нужны этой даме. Между нами говоря, лучше б ты с ними рассталась. Худо тебе будет, если ты ей не удружишь.

— Худо? А кто она такая?

Парикмахер молчал, и девушка повторила вопрос.

— Я не имею права говорить. Но она скоро уедет за границу, так не все ли тебе равно?

— Она хочет взять с собой за границу мои волосы?

Перкомб кивнул. Девушка задумчиво смотрела на него.

— Парикмахер Перкомб,— сказала она,— я знаю, кто эта дама. Это миссис Чармонд, из Хинток-хауса.

— Пока это мой секрет. Отдай волосы, и я тебе его открою.

— Не отдам, пока не узнаю правду. Это миссис Чармонд? Парикмахер понизил голос:

— Ну... да, она. Вы в церкви сидели почти что рядом, и она заметила, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее. Вот ей и взбрело на ум купить их. Но она наденет шиньон не раньше, чем окажется за границей, а там никто не заметит перемены. Мне поручено сделать шиньон. Я бы не потащился на край света, если б меня не послала такая важная особа. Теперь учти, что она откажется от моих услуг, если узнает, что я выболтал ее тайну. Поклянись, что ты ничего никому не скажешь. Иначе мне несдобровать.

— Я и не собираюсь ничего говорить,— сухо ответила Марти.— Но мои волосы принадлежат мне, и я с ними ни за что не расстанусь.

— Я тебе все рассказал, а ты мне отказываешь. Это нечестно! — воскликнул уязвленный парикмахер.— Рассуди, Марти, ты с ней в одном приходе, ты живешь в доме, которым она владеет, твой отец болен, и ему не захочется покидать эти стены. Тебе бы следовало ее уважить. Я говорю это как друг. Я ведь не требую ответа сейчас же. Завтра по дороге на рынок загляни ко мне. Когда ты все хорошенько обдумаешь, ты без колебаний отдашь то, что мне нужно.

— Мне вам нечего больше сказать,— прежним тоном ответила девушка.

Парикмахер понял, что дальше убеждать ее словами бесполезно.

— Я знаю, что на тебя можно положиться,— сказал он.— Я оставлю здесь эти соверены для красоты, чтобы ты могла на них как следует полюбоваться. Завтра ты принесешь мне свои волосы или вернешь золотые.— Он поставил монеты ребром за рамку небольшого зеркала.— Хочу надеяться, что ты принесешь волосы — так будет лучше и для тебя и для меня. Я и сам думаю, что она могла бы обойтись без твоей помощи, да уж раз она вбила себе это в голову, то приходится ей потакать. Если ты вздумаешь срезать их сама, то постарайся не перепутать пряди. Вот как это делается...

— Я не буду,— ответила она кратко и безразлично.— Я сама хочу быть красивой. Даме нужны мои волосы, чтобы привлечь нового поклонника. Говорят, она разбила немало сердец.

— Боже, удивительно, как ты догадлива, Марти,— сказал парикмахер.— Знающие люди говорят, что у нее и вправду есть на примете один иностранный джентльмен. Как бы то ни было, помни мою просьбу.

— Пусть увлекает любовников без моей помощи.

Перкомб, стоявший уже в дверях, вернулся, положил свою трость на подставку для гроба и взглянул прямо в лицо девушки.

— Марти Саут,— сказал он нарочито отчетливо,— у тебя у самой есть любовник, поэтому ты не хочешь расставаться с волосами!

Она покраснела, но это был тот румянец, который только подчеркивает красоту. Натянув желтую кожаную рукавицу на левую руку, в правую она взяла секач, повернулась спиной к посетителю и вновь упрямо углубилась в работу. Некоторое время он смотрел на нее, затем пошел к дверям и, еще раз оглянувшись, переступил порог.

Несколько минут Марти продолжала работать, затем решительно отложила секач, встала и направилась к двери в глубине комнаты, за которой открывались добела выскобленные ступеньки. Поднявшись по лестнице, она на цыпочках приблизилась к двери спальни и, не открывая ее, спросила:

— Отец, тебе ничего не надо?

Слабый голос ответил, что ничего не надо, и добавил:

— Если бы не это дерево, я к утру был бы совсем здоров!

— Опять дерево — вечно это дерево! Успокойся, отец! Ты же знаешь, что оно не может тебе повредить.

— С кем ты там разговаривала?

— Заходил человек из Шертона — ничего важного,— заявила она старика.— Отец,— продолжала она,— может миссис Чармонд выгнать нас из дому, если захочет?

— Выгнать? Нет. Никто не может выгнать нас, пока моя бедная душа не расстанется с телом. Я арендовал дом пожизненно, как и Джон Уинтерборн. Дом перейдет к ней, когда я умру, не раньше.— Голос старика прозвучал разумно и внятно.— Пока меня не убьет это дерево,— продолжал он плаксиво.

— Полно, ты ведь знаешь, что это чепуха.— Она не стала продолжать разговор и спустилась по лестнице вниз.— В таком случае слава богу,— сказала она себе.— Мое у меня и останется.

ГЛАВА III

Дом за домом огни деревушки гасли, и вот в темноте их осталось всего два. Один из них светился в большом доме на склоне холма — о нем мы пока умолчим,— другой в окне Марти Саут. Однако, когда часы пробили десять, она встала и задернула окно плотной холщовой занавеской. Тогда снаружи показалось, что свет погас и в ее доме. Только дверь у нее, как и у многих соседей, оставалась приоткрытой из-за дыма, наполнявшего комнату, но, чтобы свет не падал на улицу, она занавесила холстиной и дверь. Марти была из тех, кто предпо-

читает скрывать от соседей трудности, и не хотела показывать, что ей приходится засиживаться допоздна; лишь по невнятному треску ветвей случайный прохожий мог догадаться, что в этом доме не спят.

Пробило одиннадцать, двенадцать, потом час; груда кровельного прута росла, увеличивалась и куча обрезков. Наконец свет на холме погас, а она все работала. Ночь за окном стала еще холодней, девушка стала зябнуть и, чтобы спастись от ветра, отгородилась от двери большим голубым зонтиком. Два соверена выглядывали из-за рамочки зеркала, словно пара подстерегающих желтых глаз. Переводя дыхание, Марти на мгновение отрывалась от работы и задерживалась взглядом на монетах, но тут же отводила глаза и касалась пальцами прядей, словно желая удостовериться, что они целы и невредимы. Когда пробило три, она встала и присоединила последнюю вязанку к тем, что уже были сложены у стены.

Накинув на плечи красный шерстяной платок, она открыла дверь. Необъятная ночь встретила ее на пороге; за его гранью словно разверзлась вселенская пустота, предшествовавшая сотворению мира — Гиннунг-гэп из легенд ее предков-датчан. Мрак показался Марти особенно непроглядным, так как глаза ее только что были обращены к пламени очага, на улице же не горело ни одного фонаря, который мог бы смягчить переход от света комнаты ко тьме ночи. Ленивый ветерок доносил из соседнего леса скрипение трущихся друг о друга веток с уснувшими птицами, доносил превращенную в звуки печаль деревьев, уханье сов, глухое трепыханье крыльев лесного голубя, неловко устроившегося на ночлег.

Но глаза ее скоро привыкли к темноте. Она взяла две вязанки прутьев и, определяя путь по темным зубчатым вершинам деревьев, вырисовывавшимся на более светлом небе, отнесла их под длинный сарай, окруженный ковром из опавших листьев, который был в сотне ярдов от дома. Ночь — это странное существо, — в четырех стенах она побуждает человека к губительному самоанализу и вселяет недоверие к себе, и та же ночь под открытым небом гонит душевную тревогу, представляя ее не достойной внимания. Ночь умиротворила Марти Саут, и ее движения стали спокойней и уверенней. Опустив вязанки наземь, она возвратилась в дом за следующими двумя; и так перетаскала в сарай все плоды своего труда.

Это строение было каретным сараем главного из местных дельцов, мистера Мелбери, лесоторговца и поставщика всевозможных изделий из дерева; на мистера Мелбери и работал отец Марти, получая за труды сдельно. Сарай принадлежал к многочисленным службам, беспорядочно разбросанным вокруг дома мистера Мелбери, столь же беспорядочного и неуклюжего строения, чьи непропорционально длинные трубы различались даже теперь. В сарае находилось четыре по старинке сколоченных фургона; они раздавались вширь и закруглялись у осно-

вания и в концах, странным образом напоминая достопочтенные и неуклюжие корабли Трафальгарского боя. Один был нагружен кормушками для ягнят, другой штакетником, третий древесным углем, четвертый, возле которого Марти сложила прутья, был наполовину заполнен такими же вязанками.

Она помедлила там с успокоительным чувством довольства от выполненной нелегкой работы, как вдруг услышала из-за изгороди взволнованный женский голос: «Джордж!» И через мгновение опять:

— Джордж! Иди в дом! Что ты там делаешь?

Каретный сарай примыкал к саду лесоторговца, и прежде чем Марти успела шевельнуться, в сад с черного крыльца спустилась пожилая женщина, она прикрыла пламя свечи рукой, отчего темнота сгустилась и скрыла лицо девушки. Перед женщиной вырисовывалась фигура мужчины, — костюм его был в страшном беспорядке. Пламя осветило гладко выбритого, худощавого, ссутуленного человека с маленьким нервным ртом. Он ходил по дорожке, уставясь в землю. Марти узнала своего хозяина мистера Мелбери и его жену. Это была вторая миссис Мелбери, ибо первая умерла вскоре после рождения единственной дочери лесоторговца.

— Что толку зря валяться в постели, — сказал он, спокойно расхаживая взад-вперед. — Не спится. Все думаю о девочке, и от этих дум нет спасенья. — Потом он сказал, что никак не поймет, отчего она не пишет (Марти поняла, что он имеет в виду свою дочь). — Наверно, она захворала — не иначе как захворала, — повторял он.

— Ну что ты, Джордж. Ничего там с ней не случилось, — заверила его жена и начала убеждать, что ночью все кажется особенно мрачным, что нечего поддаваться дурным мыслям, что, только настанет утро, все страхи растают, как призраки.

— Грейс жива-здоровая, как мы с тобой, — говорила она.

Мелбери возражал, что ей всего не понять, что ему виднее. Грейс не пишет, но это лишь одна из причин его тревоги. Если бы не дочь, он бы так не беспокоился из-за денежных дел. Ведь о ней некому позаботиться, кроме отца, вот он и хочет, чтобы после его смерти Грейс была надежно защищена от бедности.

Миссис Мелбери отвечала, что Грейс, без сомнения, сделает хорошую партию, а значит, не все ли равно, получит она сотней фунтов больше или меньше.

Муж согласился, что так думать вполне естественно, тем не менее миссис Мелбери не права: ему есть отчего тревожиться.

— Я уже обдумал ее будущее, — сказал он, — она выйдет замуж за небогатого человека.

— Ты хочешь, чтобы она сделала невыгодную партию? — Жена была озадачена.

— В некотором роде да,— ответил Мелбери.— Она должна выйти замуж за одного человека, а так как у него нет больших денег, то это можно назвать, как назвала ты. Может быть, я на это и не решусь, а даже если решусь, может, оно для нее не очень-то хорошо обернется. Я хочу ее выдать за Джайлса Уинтерборна.

Его собеседница повторила имя.

— Что ж, прекрасно,— сказала она, подумав.— Он готов целовать следы ее ног; только он не из тех, кто показывает свои чувства.

Марти Саут была поражена, теперь она не могла уйти отсюда.

Лесоторговец подтвердил, что сам прекрасно все знает. Уинтерборн давно влюблен в его дочь; именно поэтому он и решил соединить их в браке. И он знает, что его дочь не будет против. Никаких препятствий к женитьбе нет, и не это его беспокоит. Дело в том, что он дал дочери такое хорошее образование, что она теперь выше всех девушек в округе, и поэтому, в сущности, неразумно отдать ее за подобного человека.

— Это-то я и хотела сказать,— проговорила миссис Мелбери.

— Вот теперь, Люси, ты понимаешь меня,— с чувством заключил лесоторговец.— В этом-то вся беда. Я поклялся, что позволю ей выйти за него, что я сделаю из нее превосходную жену, дам ей самое лучшее образование. И я хочу сдержать свое слово. Я дал эту клятву, потому что причинил его отцу ужасное зло, и оно тяготило мою совесть до тех пор, пока я не увидел, как она нравится Джайлсу. Тогда-то я и понял, что сумею загладить свою вину.

— Ты причинил зло его отцу? — спросила миссис Мелбери.

— Да, ужасное зло,— ответил муж.

— Не думай об этом хоть ночью,— сказала она.— Пойдем домой.

— Нет, нет, у меня голова горит. На воздухе мне лучше. Я скоро приду.

Помолчав, он сказал отчетливо, так что Марти расслышала каждое слово, что его первую жену, мать Грейс, когда-то любил отец Уинтерборна, но он, Мелбери, отбил ее самым нечестным образом.

Голос Мелбери звучал невесело. Он причинил несчастье сопернику, и хотя тот позднее женился на матери Джайлса, брак этот был не по любви. Мелбери прибавил, что впоследствии нечестный поступок его угнетал, но со временем, когда дети подросли и вроде бы привязались друг к другу, он дал себе слово загладить свою вину, позволив дочери выйти замуж за Джайлса; и более того, он решил дать дочери самое лучшее образование, чтобы искупление было полное.

— И слова я не нарушу,— заключил он.

— Так в чем же дело? — спросила миссис Мелбери.

— Вот что меня мучит, — сказал он. — Я понимаю, что хочу искупить свою вину за счет дочери, и не могу отделаться от этой мысли. Я часто прихожу сюда и смотрю.

— На что? — спросила жена.

Он взял у нее свечу, наклонился и отодвинул кусок черепицы, который лежал на дорожке.

— Вот след ее ботинка, она пробежала тут за день до отъезда — а было это столько месяцев назад. Когда она уехала, я прикрыл его и сейчас все прихожу сюда и смотрю на него и спрашиваю, почему она должна жертвовать собой за мои грехи и выходить замуж за бедняка?

— Это совсем не жертва, — сказала жена. — Он ее любит, он честный, порядочный человек. Если она не против, так чего еще желать?

— Я ничего особенного и не желаю. Но ведь ей может представиться столько счастливых случаев. Скажем, я слышал, что миссис Чармонд ищет образцовую молодую девушку в компаньонки — или как это там называется — для поездки за границу. Грейс для нее — находка.

— Как знать. Лучше уж держаться за то, что есть.

— Верно, верно, — сказал Мелбери, — должно быть, ты права. Надо было их поженить поскорее и разделаться с прошлым раз и навсегда. — И, не сводя глаз со следа, он вдруг проговорил: — А что, если она сейчас при смерти? Что, если ей больше никогда не ходить по этой дорожке?

— Будь спокоен, она скоро напишет. Пошли, нечего тут ломать себе голову, — сказала жена.

Он согласился, но прибавил, что поделаться с собой ничего не может.

— Напишет она или не напишет, я через два-три дня съезжу за ней. — Он прикрыл след черепицей и первым вошел в дом.

Чувствительность, заставлявшая Мелбери оберегать след на дорожке, надо думать, была ему немалой помехой в жизни. Природа правит людьми, никоим образом не принимая в расчет подобные чувства; и когда на старости лет их сердца не защищены от бурь, они «страдают под ударами грома и молний» не меньше, чем слабые лютики.

Мэри медленно зашагала домой, мысли ее занимало горе не мистера Мелбери, а собственное.

— Так вот в чем дело, — говорила она себе, — Джэй Уинтерборн не для меня. Что ж, чем меньше я буду думать о нем, тем лучше.

Она вернулась домой. Соверены по-прежнему выглядывали из-за рамки зеркала. Удерживая слезы, она достала ножницы и стала сосредоточенно и беспощадно обрезать свои прекрасные длинные волосы и раскладывать их прядь к пряди, как показывал парикмахер. На добела выскобленной крышке сто-

лика, сделанного из подставки для гроба, они лежали, словно волнистые длинные водоросли на светлом каменистом дне прозрачного ручья.

Из жалости к себе она не отважилась повернуться к зеркалу, зная, что оттуда на нее глянет обезображенное лицо, а это было бы невыносимо; она боялась собственного отражения не меньше, чем богиня ее предков Сиф, когда волосы ее похитил зловредный Локи. Покончив с волосами, Марти завернула их в пакет, потом выгребла из очага головешки и легла спать, не забыв поставить возле себя будильник, сооруженный из горящей свечи и нитки с подвязанным камешком.

Однако эта предосторожность оказалась излишней. Промаявшись без сна часов до пяти, Марти услышала, что воробьи, проснувшиеся в длинных ходах под крытой ветвями крыши, уже спешат к выходам под застреху; тогда она тоже встала и спустилась на нижний этаж.

Было еще темно, но она стала ходить по дому и что-то делать с машинальностью, которой у хозяек отмечено начало очередного дня. Среди хлопот она услышала гроыхание фургонов мистера Мелбери, лишний раз подтверждавшее, что дневные труды уже начались.

Марти бросила несколько прутьев на еще горячие угли очага, и они весело вспыхнули, отчего на стену упала сильно уменьшившаяся тень ее головы. Кто-то в это время подошел к дверям дома.

— Вы не спите? — спросил хорошо знакомый ей голос.

— Нет, мистер Уинтерборн, — ответила Марти, натягивая на голову большой чепец, полностью скрывший опустошительную работу ножниц. — Входите!

Дверь распахнулась, и на рогожку у входа ступил человек, равно не похожий ни на юного влюбленного, ни на зрелого дельца. Взгляд его изобличал скрытность, очертания губ — сдержанность. Он держал фонарь на длинной проволочной ручке, который, раскачиваясь, отбрасывал узорчатые блики на еще темные стены.

Уинтерборн объяснил, что зашел по пути сказать, чтобы ее отец не спешил с работой, пока нездоров. Мистер Мелбери подождет еще неделю, а сегодня они поедут в город налегке.

— Работа готова, — сказала Марти. — Она в сарае.

— Готова? — повторил он. — Значит, ваш отец не так уж болен и может работать?

Марти ответила уклончиво.

— Если вам по пути, я вам ее покажу, — добавила она.

Они вышли из дому и пошли рядом; свет из отверстий для воздуха в крышке фонаря огромными кругами отражался в тумане над головой и, казалось, доставал до низкого полога небес. Им нечего было сообщить друг другу, и они молчали. Трудно представить себе более обособленных, замкнутых людей, чем эти двое, шагавшие рядом в безлюдный предрас-

светный час, когда тени в природе и душе становятся особенно темными. И все же, если подумать, их уединенная прогулка входила крохотной крупницей в повседневные дела, занимающие человечество от Белого моря до мыса Горн.

Они дошли до сарая, и Марти указала на связки прутьев. Уинтерборн молча взглянул на них, а потом на нее.

— Марти, мне кажется...— начал он, покачивая головой.

— Что?

— Что это вы сами сделали всю работу.

— Никому не говорите об этом, мистер Уинтерборн, прошу вас,— взмолилась она,— если мистер Мелбери узнает, что это сделала я, он не примет работу.

— Как вам удалось? Это же надо уметь.

— Уметь! — сказала она.— Да я научилась за два часа.

— Не волнуйтесь, Марти.— Уинтерборн опустил фонарь и осмотрел аккуратно обструганные прутья.— Марти,— сказал он со сдержанным восхищением,— ваш отец с сорокалетним опытом не сделал бы лучше. Для кровли они слишком ровные, могут пойти и на мебель. Я вас не выдам. Покажите-ка мне ваши руки!

Он говорил доброжелательно, тихо и строго; увидев, что Марти как будто не хочет выполнить его просьбу, он сам взял ее руку и рассмотрел ее, как свою собственную. Все пальцы были в волдырях.

— Со временем загрубеют,— сказала она.— Если отец не поправится, мне придется работать самой. Дайте-ка я помогу вам их погрузить.

Она склонилась над вязанками, но Уинтерборн, не сказав ни слова, поставил фонарь на землю, поднял на руки Марти, перенес ее в сторону и начал сам укладывать вязанки в фургон.

— Лучше уж это сделаю я,— сказал он.— Да и люди сейчас сюда придут. Что случилось, Марти? Что с вашей головой? Господи, да она стала вдвое меньше!

Сердце ее так билось, что она не могла выговорить ни слова. Наконец, уставясь в землю, она простонала:

— Ну, я себя изуродовала — вот и все!

— Нисколько,— ответил он.— Я понял — вы только остригли волосы.

— Ах, зачем об этом говорить!

— Но дайте я посмотрю.

— Ни за что! — И Марти убежала в сумрак медлительного рассвета. Уинтерборн не пытался ее догонять. Добежав до крыльца родительского дома, Марти оглянулась. Работники мистера Мелбери уже грузили вязанки в фуруны, и на таком расстоянии казалось, что их фонари окружены серыми кругами, какие ложатся вокруг утомленных глаз. Пока запрягали лошадей, Марти помедлила на пороге, а затем вошла в дом.

ГЛАВА IV

В воздухе уже явственно ощущалось наступление утра; вскоре пасмурный зимний день появился на свет, как мертворожденный ребенок. Деревня проснулась более часа назад; в это время года крестьяне встают до рассвета. Еще ни одна птица не вынула головы из-под крыла, а в деревне зажглись два десятка огней в двух десятках спален, распахнулись двадцать пар ставней, и двадцать пар глаз взглянули на небо, чтобы определить, какая сегодня будет погода.

Совы, ловившие мышей в сараях, кролики, объедавшие деревья в садах, и горностаи, пившие кровь кроликов, слышав, что соседи их — люди уже шевелятся, благоразумно попрятались до следующей ночи.

При свете дня обозначилась вся усадьба мистера Мелбери. Она представляла собой четырехугольник, с трех сторон заставленный разного рода постройками; центральной и самой большой из них был жилой дом. Открытой стороной четырехугольник выходил на улицу.

Поместительный дом глядел на прохожих с чувством собственного достоинства; и он, и его одряхлевшие соседи своим видом указывали на то, что Малый Хинток некогда играл куда более важную роль; о том же свидетельствовало и старинное его наименование Хинток Сент-Осмонд. Дом Мелбери был не старинный, но достаточно старый, хотя и не запущенный особняк; старость его не была почтенной, он не поседел, а просто слинял с лица; фасад его смотрел на вас из начала Георгианской эпохи, еще свежей в памяти, и поэтому пробуждал воспоминания куда живее, чем древние и величественные сооружения, взывающие к нам из туманных далей средневековья. Сравнивая этот дом с неприятными современными постройками, можно было представить себе лица, одежду, страсти, добрые и недобрые чувства прапрадедов и прапрабабок, которые первыми смотрели в эти прямоугольные окна и стояли под этой сводчатой дверью. Если как следует вслушаться, в таком доме можно услышать отзвуки чьих-то странных судеб — не то, что в древнем замке или монастыре, где давно уже смолкло самое эхо.

Фасад, обращенный к саду, в общем сохранил свой первоначальный вид, здесь были дверь и крыльцо. Однако главный вход в дом находился со стороны четырехугольного двора, обращенного к улице; двор был некогда рассчитан на то, чтобы по нему могла проехать и развернуться карета; сейчас же вся середина его была завалена фашинником, бревнами, брусьями и тому подобными предметами. От улицы его отделяла грязная, поросшая мхом стена с воротами, навешенными на покосившиеся столбы с круглыми белыми шарами.

В длинной постройке по левую руку изготовляли кровельный материал, пилили бревна на доски, сколачивали кормушки

и занимались разного рода плотницкой работой. Напротив располагались сараи, в один из которых ночью Марти сложила свою работу.

Здесь-то и остался Уинтерборн после внезапного ее бегства, желая проследить, чтобы все фургоны были нагружены как следует. Уинтерборн был связан с семейством Мелбери многими узами. Их объединяли не только сентиментальные воспоминания о том, что первая миссис Мелбери любила его отца; тетка Уинтерборна много лет тому назад вышла замуж за единственного брата лесоторговца и вместе с ним уехала из Англии,— этого брака было вполне достаточно для того, чтобы поставить Уинтерборна на одну ступеньку общественной лестницы с семейством Мелбери. В таких обособленных деревнях, как Малый Хинток, соседи связаны узами родства не менее тесно, чем европейские династии, и во всей деревне едва ли можно было найти два дома, не состоящих между собой в родстве.

Благодаря этому обстоятельству между мистером Мелбери и Уинтерборном существовали некие дружеские взаимоотношения, основанные на своего рода неписаном законе, по которому оба считали своим долгом идти на взаимные уступки и все решать по справедливости. У лесоторговца Мелбери самой страдной порой были зима и весна. Уинтерборн занимался садоводством и приготовлением сидра и отправлял свой товар на рынок в осеннюю пору, поэтому, когда яблоки начинали падать, Мелбери давал ему лошадей, фургоны и даже работников; в свою очередь, Уинтерборн, как мы уже видели, помогал Мелбери в холодное время года, когда спрос на товары лесоторговца особенно возрастал.

Уинтерборн уже собирался уйти из сарая, когда к нему прибежал мальчик из дома и сказал, что мистер Мелбери хочет его видеть и просит подождать. Уинтерборн направился в длинный сарай напротив, где уже трудилось несколько человек — двое из них были сезонники из Уайтхарт-Лейна, неизменно появлявшиеся в пору заготовки кровельного материала; когда работа кончалась, они молча исчезали до следующего сезона.

Чего-чего, а топлива в Малом Хинтоке было в избытке; в сарае весело полыхали щепки и стружки, и свет их еще соперничал со светом дня. В полых тенях под крышей виднелись бесцветные и безвольные побеги плюща, которые, пробравшись между черепицами, теперь тщетно искали опоры; из-за отсутствия солнечного света листья на них были мелкие и хилые; плющ же, росший на свету, с такой силой давил снизу вверх на застрехи, что, казалось, готов был приподнять самое крышу.

Кроме уже упомянутых сезонников, в сарае находились жившие неподалеку столяр Джон Апджон; пильщики старый Тимоти Тенгс и молодой Тимоти Тенгс и фермер Баутри,

промышлявший изготовлением сидра; у огня грел руки старый Роберт Кридл, работник Уинтерборна; последних привлек весело разгоревшийся огонь, и они зашли в сарай, хотя не имели в нем решительно никакого дела. Отдельного описания никто из них не заслуживает, разве что Кридл. Чтобы всесторонне изобразить его, пришлось бы начать с воспоминаний о войне, ибо из-под холщового халата у него выглядывал ворот видавшего виды солдатского мундира с чужого плеча; продолжить воспоминаниями об охоте, чтобы включить в картину высоченные сапоги, купленные по случаю, и закончить воспоминаниями о путешествиях и кораблекрушениях, ибо в кармане он носил складной нож — подарок моряка, бывавшего в разного рода переделках. Жизнь самого Кридла была лишена событий, и он хранил эти памятки войны, охоты и приключений, нимало не задумываясь над тем, какие мысли они способны вызвать у стороннего наблюдателя.

Пока руки заняты, думы обычно далеки от предметов труда, и побасенки, истории и семейные хроники, которые мастера своего дела рассказывают за работой, настолько богаты подробностями, что пересказать их просто нет возможности.

Увидев, что мистера Мелбери еще нет, Уинтерборн вышел на улицу, и беседа, прерванная его приходом, потекла вновь, в лад каплям сгустившегося тумана, которые монотонно струились с ветвей.

В сарае обсуждался вечный неразрешимый вопрос — свойства характера миссис Чармонд, владелицы окрестных роц и лесов.

— Шурин мне говорил, а уж он-то знает, — рассказывал Кридл, — что она сидит за обедом в таком платье, что считай, что голая. Когда он только ее увидел, он сказал себе: «Мерзкая баба, ты ходишь в церковь, стоишь на коленях и делаешь вид, что святее тебя и на свете нет, а сама обсчитываешь арендаторов на медяки, как последний торгаш, да и хлеб господень ешь только что не нагишом!» Кто знает, может, она уже образумилась, а в общем, не все ли равно, что там делается с тех пор, как мой шурин оттуда сбежал.

— И она это вытворяла еще при муже?

— Не знаю... Наверяд ли, нрав у него не такой. М-да! — От малоприятных мыслей Кридл склонял голову ниже и ниже, на глазах его появились слезы: — Это был крепкий орешек! «Пусть ангелы небесные сойдут просить за тебя, — сказал он мне, — но ты все равно не останешься здесь ни днем дольше!» Да, он мог сказать что угодно, да и кощунствовать был мастак. Ну ладно, надо снести все эти вязанки домой и завтра с божьей помощью взяться за дело.

В сарай вошла старуха, служанка мистера Мелбери, постоянно сновавшая по двору между домом и сараем. Сейчас она пришла за растопкой. Когда она прислуживала в гостиной или спальне, лицо ее изображало униженность и угодливость,

когда же она появлялась в сарае или вообще на людях, на нем было выражение суровости и надменности.

— А, бабушка Оливер! — приветствовал ее Джон Апджон. — Сердце радуется при виде такой шустрой, юркой старушки. Еще бы, после пятидесяти каждый год можно считать за два! Однако сегодня ты растопила печь поздновато — дым у тебя пошел в четверть восьмого по моему будильнику. Так-то, бабушка Оливер!

— Ты такой недомерок, Джон, что люди просто не замечают твоего ехидства. При твоём росточке ни одна женщина не обратит на тебя внимания, хоть плюй на нее огнем и серой. Бери, — сказала она, протягивая одному из работников прут, на который был надет длинный кусок кровяной колбасы, — это тебе на завтрак; если хочешь чаю, зайди в дом.

— Что-то мистер Мелбери сегодня запаздывает, — сказал молодой Тимоти Тенгс.

— Да. Сегодня и рассвело поздно, — ответила миссис Оливер. — Даже сейчас так темно, что невозможно отличить босняка от джентльмена или Джона от метлы. Кажется, к тому же хозяин сегодня плохо спал. Он все тревожится за дочку; я-то знаю, что почему, я сама целое ведро слез выплакала.

Когда старуха ушла, Кридл сказал:

— Он с ума сойдет, если дочка скоро ему не напишет. Да, ученые надежней, чем дома да земля. Только держать девку в школе, когда она уже вымахала выше мамы, это просто судьбу искушать.

— Кажется, и дня не прошло, как она тут с куклами возилась, — сказал молодой Тимоти Тенгс.

— Я еще помню ее мать, — сказал столяр. — Она всегда была такая тоненькая, хрупкая; пальчики нежные, холодные — дотронется, как ветерок. А когда ей привили оспу, так ей хоть бы что. Это было как раз тогда, когда я выходил из подмастерьев... И долго же я в них ходил. Я работал у мастера шесть лет и триста четырнадцать дней.

Столяр произнес число дней с таким выражением, словно оно было более важно, чем число лет.

— Она раньше дружила с отцом мистера Уинтерборна, — сказал старый Тимоти Тенгс. — Мистер Мелбери ее отбил. Она была совсем дитя и, чуть что, плакала в три ручья. Мистер Мелбери переносил ее через все лужи, как куколку, чтобы она не запачкалась. Если он продержит дочку в пансионе так долго, она будет такая же нежная, как ее мать. А вот и хозяин.

Несколькими минутами раньше Уинтерборн увидел, как мистер Мелбери выходит из дому. В руке у него было вскрытое письмо. Он шагал прямо к Уинтерборну. Тревога минувшей ночи совершенно исчезла с его лица.

— Я, Джайлс, никак не мог понять, отчего это она не едет и не пишет, пока вот не получил от нее письма: «Клиф-

тон, среда. Дорогой отец,— пишет она,— я приеду домой завтра (это значит — сегодня), я решила, что не стоит извещать об этом заранее». Вот плутовка, она, видите ли, решила! Послушай, Джайлс, поскольку ты уж сегодня везешь в Шертон свои яблони, то давай встретимся все там и вернемся домой втроем.

Он обращался к Уинтерборну радостно и энергично: это был совсем не тот человек, которого Марти видела в темный предзакатный час. Так уж заведено, что даже самые мрачные люди легче поддаются оживлению, нежели унынию; душа все же легче, чем беды, и всегда всплывает над их океаном.

Обычно медлительный Уинтерборн согласился сразу и даже с некоторой поспешностью. По-видимому, у Марти были все основания пожертвовать волосами, коль скоро она дорожила ими для привлечения Джайлса. Что же до лесоторговца, то он прямо вел дело к браку дочери и Уинтерборна. В этом он видел свой непрременный долг и старался как можно лучше его исполнить.

В сопровождении Уинтерборна Мелбери направился к сараю, и тогда-то шаги его были услышаны работниками.

— Ну, работнички,— сказал он, кивая им,— прохладненькое нынче утро.

— Вот именно, сэр,— энергично ответил Кридл; он все никак не мог решиться уйти и засесть за работу, а потому испытывал необходимость вести себя поразвязней.— Кто знает, может, это самое прохладное утро за всю осень.

— Я слышал, вы тут удивлялись, с чего я так долго держу дочь в пансионе,— заговорил мистер Мелбери, поднимая глаза от письма, которое перечитывал у огня; он повернулся со своей обычной резкостью.— Ну? — язвительно спросил он.— Я же слышал. Ладно, хоть это вас не слишком касается, я объясню вам. Когда я был мальчишкой, другой мальчишка, сын священника, спросил меня при товарищах: «Кто тащил кого вокруг стен чего»? — и я ответил, что когда жена Сэма Баррета родила, он носил ее в кресле вокруг церкви. Мальчишки стали надо мной издеваться, и я просто сгорел со стыда. Ночью я проплакал всю подушку насквозь. Но потом я подумал: «Смейтесь надо мной, отец меня ничему не выучил. Мне так и жить, но зато над моими детьми никто смеяться не сможет, чего бы мне это ни стоило». Слава богу, мы не голодали, пока моя дочь училась. А теперь она такая ученая, что сама учила других в пансионе. Пусть теперь посмеются: сама миссис Чармонд знает не больше, чем моя Грейс.

Уязвленная гордость пробивалась в мистере Мелбери сквозь маску деланного безразличия, и работники не нашлись, что ему ответить. Уинтерборн слушал его с интересом, но молча; он все время стоял у огня, пошевеливая угли прутом.

— Так мы встречаемся, Джайлс? — продолжал Мелбери, словно освобождаясь от дум.— Ну, а что нового было вчера в Шотсфорде, мистер Баутри?

— Что ж, Шотсфорд — это Шотсфорд, без денег там не накормят; а кружечку настоящего и за деньги не купишь... Но, как говорится, поезжай за тридевять земель и там услышишь о собственном доме. Как будто наш новый сосед доктор, как его там, ну тот странный джентльмен, который все время читает,— будто бы он продал душу нечистому.

— Бог его разберет,— пробормотал лесоторговец; новость его не заинтересовала; однако слова Баутри напомнили ему о некоем уговоре.— Я как раз сегодня утром договаривался о встрече с одним джентльменом, а мне придется ехать в Шертон-Аббас встречать дочку.

— Интересно, сколько доктор получил за свою душу,— сказал старый Тимоти Тенгс.

— Это все только бабьи рассказы,— продолжал Баутри.— Говорят, что он разыскивал книги не то по какой-то тайной науке, не то по черной магии, и чтобы никто в округе не прознал про это, он выписал их прямо из Лондона, а не из Шертонна. Посылку же по ошибке принесли к священнику, а того не было дома; жена и раскрой ее; когда она почитала их и поняла, что ее муж — еретик и погубит детишек, с ней сделался обморок. Но тут он пришел и сказал, что ничего такого не знает, и догадался, что книги посланы этому самому мистеру Фитцпирсу. Поэтому он написал на посылке «Остерегайтесь!» — и отправил ее с пономарем.

— Должно быть, занятный малый,— высказался столяр.

— Должно быть,— подтвердил старый Тимоти Тенгс.

— Чепуха,— решительно сказал мистер Мелбери,— этот джентльмен просто любит науки, философию, поэзию и тому подобное; ему здесь скучно, вот он и пристрастился к чтению.

— М-да,— сказал старый Тимоти Тенгс,— странно, что все доктора чем хуже, тем лучше. Я хочу сказать, что если услышишь о них такое, можно поставить десять к одному, что они вылечат вас, как никто.

— Это верно,— с чувством подтвердил Баутри.— Кто как, а если со мной что случится, я теперь пойду не к старому Джонсу, а прямо к этому. В прошлый раз старый Джонс прописал мне такое лекарство, что я и вкуса его не почувствовал.

Как знающий человек, мистер Мелбери не прислушивался к подобным суждениям, тем более что его занимали мысли о деловом свидании, про которое он чуть было не позабыл. Он прохаживался взад-вперед по сараю и глядел себе под ноги, как обычно бывало с ним в минуты нерешительности. Руки и ноги у него были прямые, почти негнущиеся — следствие тяжелой физической работы, ибо в молодости он начинал лесорубом и выбился в люди только благодаря трудолюбию и выносливости. Он мог бы порассказать о каждом ушибе, о каждом вывихе: это он заработал, когда один нес домой на левом плече длин-

ное бревно от Татком-Боттома; это — когда на лесоповале его ударил по ноге вяз; другую ногу он растянул, корчуга пень. Изнуренный тяжелым трудом, он едва дотягивал до ночи, но на следующее утро вставал как ни в чем не бывало; усталость проходила и, казалось, никогда не вернется; уверенный в непобедимой силе молодости, он вновь возвращался к трудам. Но годы предательски копили болезни, и на склоне лет Мелбери поразили ревматизм, подагра и судороги, в которых он безошибочно узнавал то или иное происшествие, от которого своевременно не предостерегся.

Бабушка Оливер позвала Мелбери завтракать, и он ушел. На кухне, где, во избежание лишних хлопот, хозяева завтракали в зимнее время, он уселся у очага и долго глядел на голубоватые блики, плясавшие на побеленной стене, которую слегка желтил свет из окна.

— Прямо не знаю, что делать,— сказал он наконец жене.— Совсем забыл, что в двенадцать я должен встретиться с управляющим миссис Чармонд в Круглом лесу, а мне еще надо съездить за Грейс.

— За ней может съездить Джайлс. Это даже поможет им лучше сдружиться.

— Можно и так, только мне хотелось бы съездить самому. До сих пор я всегда сам встречал ее, всегда. Так приятно приехать в Шертон и ждать ее, она, может, еще и расстроится, если я ее там не встречу.

— Ты сам расстроился, а за нее не беспокойся. Ее встретит Джайлс,— сухо сказала миссис Мелбери.

— Ладно... Пошлю его.

Спокойствие миссис Мелбери действовало убедительней, чем горячность, которая не привела бы ни к чему. Вторая жена лесоторговца отличалась уравновешенностью; она нянчила Грейс, когда мать той была смертельно больна, и успела привязать к себе девочку. Когда матери не стало, Мелбери, опасаясь, что единственная женщина, которая может позаботиться о его дочери, вдруг покинет их, уговорил кроткую Люси выйти за него замуж. Эта сделка — а это была отчасти сделка — оказалась удачной: Грейс было хорошо, да и сам мистер Мелбери не раскаивался.

Он возвратился в сарай и, увидев Джайлса, сообщил ему о своем намерении.

— Она придет не раньше пяти; ты успеешь закончить дела и встретить ее,— сказал Мелбери.— Возьми зеленую двуколку, на ней ты доедешь скорее, и вам не придется возвращаться в потемках. За вещами можно послать фургон.

Не подозревая, что лесоторговец стремится загладить свою вину, Уинтерборн счел все это счастливой случайностью; он еще более мистера Мелбери торопился сбыть саженцы до приезда Грейс и поэтому был готов отправиться в путь сейчас же.

Мистер Мелбери позаботился о том, чтобы выезд имел достойный вид. Колеса двуколки, которые в зимнее время мыли редко, ибо их тут же залепляла дорожная грязь, были сегодня надраены до блеска. Сбрую начистили ваксой, и, когда уже была запряжена старая белая лошадь, а Уинтерборн сидел на козлах, готовый тронуться в путь, мистер Мелбери вышел с сапожной щеткой и собственноручно обмахнул сверху желтые копыта лошади.

— Видишь ли, Джайлс,— приговаривал он,— она ведь из новомодной школы, и простые домашние вещи могут ей не понравиться. Женский глаз приметлив. Мы тут живем в стороне ото всего и не замечаем нашу грязь, а она только что из города, и сразу все углядит.

— Углядит,— подтвердил Джайлс.

— И будет нас презирать.

— Не будет.

— Верно, верно, это я только так сказал. Она очень хорошая и не будет нас презирать. Но ведь она столько знает, да еще с последнего приезда столько навидалась, что надо уж постараться, чтобы мы ей понравились. Она не была у нас целый год, потому что летом ездила за границу; я на все иду — только бы ей было лучше. Понятно, мы ей покажемся мелкими поначалу,— конечно, только поначалу.

Мистер Мелбери старался делать вид, что осуждает собственную незначительность, но его интонации выдавали гордость,— еще бы, разве это возвышенное, утонченное существо не было его безраздельной собственностью? Иные чувства испытывал Джайлс; его терзали сомнения, он больше не ждал ничего хорошего, ибо все слова мистера Мелбери относились непосредственно и к нему. Поэтому он неодобрительным взглядом оглядел свой костюм.

В сезон посадок Джайлс обычно возил на рынок яблоньку как образец и рекламу своего дела. Эту яблоньку, сегодня привязанную к двуколке, придется отдать кому-нибудь в городе, чтобы она не смущала взгляда возвращающейся домой мисс Грейс Мелбери.

Двуколка тронулась; веточки яблоньки затрепетали; мистер Мелбери скрылся за дверью. Но не успела двуколка исчезнуть из виду, как он выбежал на улицу и прокричал:

— Эй, Джайлс! — Задыхаясь, он нагнал Уинтерборна и вручил ему несколько пледов.— Вдруг вечером похолодает. Она, может быть, захочет укутаться во что-нибудь теплое. И еще, Джайлс,— добавил он, когда молодой человек уложил пледы и натянул вожжи,— объясни ей, что я бы, конечно, приехал сам, но у меня важное дело с управляющим миссис Чармонд. Не забудь.

Он стоял и смотрел на дорогу, по которой удалялась двуколка с Уинтерборном и, как с ним часто бывало в минуты волнения, отрывисто бормотал:

— Ну вот, теперь, может, они столкнутся — и делу конец! Жалко отдавать такую дочь за него... Черт знает как жалко... И все же надо... ради его отца.

ГЛАВА V

По дороге в Шертон-Аббас Уинтерборн не испытывал ни воодушевления, ни подавленности. Займись он рефлексией, к которой все больше склоняются влюбленные наших дней, он вероятнее всего почувствовал бы гордость, признав за собой редкое достоинство — способность в трудные минуты сдерживать чувства и не терять здравого смысла. Но ни о чем подобном он не задумывался. Не размышлял он и над тем очевидным обстоятельством, что хотя и питал самые теплые и искренние чувства к Грейс Мелбери, но рабом ее никоим образом не был. Тут надо вспомнить, что он не видал ее целый год.

Выезжая на длинный плоский тракт, утопанный в те времена, когда путешествовать означало ходить пешком, Уинтерборн заметил перед собой съезжившуюся фигурку в деревянных башмаках; весь вид решительно шагавшей и занятой своими мыслями девушки ясно говорил, что идет она по делу, а не ради удовольствия. Нагнав ее, он узнал Марти Саут.

«Клик-клик-клик», — стучали деревянные башмаки; девушка не оборачивалась.

Она давно уже догадывалась, что приближающейся повозкой правит Джайлс. Ей было не по себе, но, зная, что от встречи не уклониться, она только сжала задрожавшие губы и, чтобы не выдать себя, зашагала еще решительнее.

— Марти, отчего вы в деревяшках? Дорога, правда, грязная, но обочины ведь сухие.

— Оттого, что берегу ботинки.

— Но идти двенадцать миль в деревяшках — вы же собьете ноги. Ну-ка, влезайте сюда.

Подумав, Марти сняла башмаки, постучала ими о колесо, чтобы вытряхнуть набившиеся камешки, и уселась в двуколку перед подрагивавшей яблонькой. В дорогу она надела большой чепец, скрывший отсутствие волос так искусно, что ее внешность почти не пострадала; впрочем, Джайлс видел все и прекрасно понимал, в чем дело, так как подобная купля-продажа в этих краях совершалась хоть и нечасто, но не впервые. Он не подозревал только, что проданное сокровище совсем рядом, в каких-нибудь двух футах от него. Длинные каштановые пряди Марти лежали у нее в корзинке в пакете из оберточной бумаги, который она не могла никому доверить ради сохранения тайны.

Неуверенным голосом Джайлс осведомился о здоровье мистера Саута.

— Отцу лучше, — ответила Марти, — через день-два он сможет работать. Да он бы давно был на ногах, если бы не

дерево. Ему все кажется, что его вот-вот придавит наше дерево.

— Вы, должно быть, поняли, отчего я не часто справляюсь о вашем отце, — продолжал Уинтерборн.

— Кажется, да.

— Вы думаете, дело в домах?

Марти кивнула.

— Поймите меня, Марти, я в самом деле беспокоюсь о вашем отце, а не о домах, которые потеряю, если он умрет. Хотя дома, конечно, не шутка — от них идет половина моих доходов... Как нелепо, что дома сдаются пожизненно — из-за этого возникают такие сложные отношения!

— После смерти отца они перейдут к миссис Чармонд?

— Да.

«Как и мои волосы», — подумала Марти.

Так, разговаривая, они подъехали к городу. Но Марти не могла позволить себе проехать рядом с Джайлсом по улице.

— Это право принадлежит другой, — сказала она с шутивым вызовом, надевая деревянные башмаки. — Хотела бы я знать, о чем вы сейчас думаете! Спасибо, что подвезли на такой красивой двуколке. До свиданья.

Он слегка покраснел, покачал головой и въехал в город; его путь лежал мимо церквей, мимо аббатства и других зданий, которые этим ясным светлым утром обладали четкостью линий первоначального замысла, словно на несколько мгновений перед нашим равнодушным веком вспыхнула мечта их строителя, какого-нибудь Виларса или другого средневекового зодчего, так и не познавшего славы. В прозрачном воздухе это видение предстало перед Джайлсом, но он не был способен понять его и равнодушно свернул во двор трактира.

Марти, шедшая той же дорогой, спешила в парикмахерскую мистера Перкомба. Перкомб был главным лицом в своей профессии на весь Шертон-Аббас. К его клиентуре принадлежали боковые отпрыски знатных родов, поневоле скромно живущие в небольших особнячках этого старинного города, местное духовенство и прочие знатные персоны. Для некоторых из них он изготовлял парики; но и те, кто не прибегал к его услугам при жизни, неизбежно попадали в его руки после смерти для последнего туалета. В силу этих обстоятельств на его доме не было вывески, сам же он именовал себя «аристократическим куафёром».

Тем не менее подобная деятельность не давала ему возможности прокормить семью, а ведь дети должны быть сыты. Поэтому во дворе лицом к переулку на его доме висела обычная вывеска обычной цирюльни, которая ничего общего не имела с солидным салоном, выхлывшим на главную улицу. Здесь суботними вечерами с семи до десяти он без передышки взимал по два пенса с работников окрестных ферм, стекавшихся к нему толпами. Так он и жил.

Марти, разумеется, вошла в салон со стороны улицы и молча вручила ему пакет.

— Спасибо,— сказал обрадованный парикмахер.— Я совсем было отчаялся после того, что услышал от тебя вчера вечером.

При упоминании о вчерашнем разговоре она отвернулась, чтобы скрыть стоявшие в глазах слезы.

— Ни слова о том, что я тебе сказал,— проговорил он шепотом, так как в салоне были посетители.— Впрочем, я вижу, что на тебя можно положиться.

Исполнив это мучительное обязательство, Марти безразлично зашагала по другим делам. Разделавшись с ними часам к четырем, она на обратном пути вновь оказалась на рыночной площади, где нельзя было не заметить Уинтерборна. Каждый год в эту пору осени он стоял на площади со своей яблонькой, которая высоко поднимала над толпой свои ветви и наводила людей на благую мысль о садах среди тесных зданий. Когда Марти в последний раз взглянула на Джайлса, он стоял в стороне и сжимал деревцо, как древко знамени, но сам смотрел в землю и не старался выставить свой товар напоказ. Его торговля как сидром, так и саженцами обычно шла не слишком успешно, ибо если он заговаривал с покупателем, он никогда не старался расхвалить свое добро, а это, разумеется, не служило к пользе дела.

В это самое мгновение Джайлс тоже поднял глаза, только взгляд его обратился в другую сторону, и лицо вспыхнуло от радости и удивления. Обернувшись, Марти увидела стройную юную особу, в которой признала мисс Грейс Мелбери, впрочем, лучше одетую и более изысканную, чем в прежние времена. Яблонька словно пригвоздила Джайлса к месту; не в силах шагнуть, он свободной рукой снял шляпу и растерянно смотрел, как Грейс на цыпочках пробирается к нему по грязи.

Марти догадалась, что столь ранний приезд мисс Мелбери был неожиданностью для Джайлса и что он не готов к встрече. В самом деле, Мелбери говорил ему, что Грейс прибудет не раньше пяти, и весь день перед ним маячил этот срок. И вот оказывается, что она уже здесь и в его приготовлениях нет смысла. Джайлс нахмурился, видя, что ей пришлось самой разыскивать его и что она чувствует неловкость от встречи на рыночной площади под десятифутовой яблонькой. Сняв перчатки, нарочно купленные в дорогу, Грейс протянула Уинтерборну белую руку с розовыми пальчиками. Рукопожатие, осененное яблонькой, являло собой зрелище, какого не знали улицы Шертон-Аббаса.

В выражении лица Грейс и словах приветствия была вполне объяснимая сдержанность. Действительно, по сравнению с фермерами Джайлс Уинтерборн был недурно одет и неплохо воспитан, но рядом с Грейс Мелбери выглядел деревенщиной. В задумчивой тишине Малого Хинтока ему порой приходило в голову, что внешние, малосущественные свойства человека — ска-

жем, форма и цвет шляпы, покрой пиджака, фасон ботинок или случайный взгляд, жест, поза — могут сильно повлиять на мнение женщины о мужчине. И сейчас его обычное скептическое отношение к себе и окружающему миру удержали Джайлса от каких-либо проявлений радости. Грейс мгновенно почувствовала, что ей следует быть суровой и этим наказать его нерешительность.

Отдав яблоньку первому встречному, охотно принявшему обременительный подарок, Уинтерборн тут же направился с Грейс к трактиру, где остановился утром. Марти шагнула было вперед, чтобы поклониться мисс Мелбери, но удержалась и отступила за ближайший фургон.

«Зачем я им?» — подумала она, критически оглядывая спутницу Уинтерборна.

Описать Грейс Мелбери в эту минуту, да и в любое другое время, весьма затруднительно. С высшей точки зрения описать человека вообще невозможно — как-никак в нем сосредоточена целая вселенная. Но в данном случае, даже не призывая на помощь философию, придется признать, что едва ли когда-нибудь попытка оценить женщину по ее внешности бывала менее успешной. Попросту говоря, Грейс Мелбери в иные минуты казалась очаровательной, в иные — нет, все зависело от ее настроения и состояния здоровья.

Впрочем, если говорить только о внешности, Грейс была блондинка с чистым, скорее бледным, нежели румяным лицом и тонкой, гибкой фигурой. В ее глазах читалось стремление узнать, что думает собеседник, прежде чем высказать свое мнение, а возможно, и посмотреть, как поступят другие, прежде чем самой решиться на поступок. В очерке ее тонких нежных губ, по-видимому, едва привыкших сдерживать чувства, была мягкость, скрывавшая заметное в ее чертах болезненное сомнение. Работая над портретом Грейс, живописец, наверное, написал бы ее красивые брови праутовской или ван-дейковской коричневой.

В платье Грейс тоже не было ничего особенно примечательного, разве что для шертонских глаз покрой его выдавался своей новизной. Будь это платье даже экстравагантно — что бы это прибавило к нашему портрету? Ничто не говорит о личности женщины меньше, чем ткань, цвет, покрой ее одежды, ибо они от нее не зависят; женщина едва успевает бросить на них одобрительный взгляд, когда ей укажут, какой надо носить фасон и цвет, потому что где-то за нее уже решили, что сейчас надо одеваться так, а не иначе.

Бегло взглянув на Грейс, люди замечали ничтожно мало, главным образом то, что не было ею самой. Переменчивая и неуловимая, она имела мало общего с образом, представшим перед глазами шертонцев; она оставалась загадкой, и разгадать ее сущность можно было, лишь соединив все случайно подмеченные движения и взгляды, а на такое постоянное участливое внимание способна только любовь.

Воспользовавшись тем, что Грейс и Уинтерборн задержались в городе, Марти Саут поспешила домой: ей хотелось уклониться от встречи с ними в дороге, чтобы не помешать их приятному уединению. Она шагала торопливо и проделала треть пути, когда обнаружила, что в быстро сгущавшихся сумерках ее нагоняет повозка. Взбираясь на холм, она ясно различила очертания двуколки у поворота в низине; головы едущих в ней, казалось, слегка наклонялись друг к другу — так вожжи сблизжают непослушных коней. Марти прибавила шаг.

Между ними, однако, оказался еще один экипаж, очевидно, двухместная карета, ехавшая в том же направлении с зажженными фонарями. Когда карета нагнала девушку, — а на это потребовалось немало времени, ибо Марти шагала быстро, — было уже совсем темно, и за ярким светом фонарей не удавалось разглядеть, кто сидит внутри.

Марти еще раньше подумала, что, если не отставать от кареты, быть может, удастся избежать унижительной встречи с Грейс и Уинтерборном. Поэтому, когда на долгом подъеме карета поравнялась с ней, она зашагала рядом с колесами, ярко освещаемая светом ближайшего фонаря. Чуть-чуть отстав, она заметила, что карета вдруг остановилась, и, к изумлению Марти, кучер через плечо спросил, не надо ли ее подвезти. Самое странное было то, что кучер пригласил ее несомненно не по своему желанию.

Марти с радостью согласилась, — после целой ночи трудов и дня на ногах ее одолевала усталость. Взобравшись на козлы рядом с кучером, она молча радовалась такой удаче. Кучер был огромен и суров с виду, и Марти долго не решалась к нему обратиться.

Наконец она проговорила:

— Кто это так любезно пригласил меня?

— Миссис Чармонд, — величественно ответил ее сосед.

Марти взволновало это имя, столь тесно связанное с переживаниями минувшей ночи.

— И карета ее? — прошептала она.

— Да, она сама в ней едет.

Марти подумала, что миссис Чармонд узнала ее в свете фонаря по стриженной голове — лицо Марти упорно отворачивала — и догадалась, по чьему желанию острижена эта голова.

Марти была не далека от истины. Из окна кареты смотрело уже не очень молодое красивое лицо с блестящими глазами, в которых был виден ум, странный и непостижимый; впрочем, сердце этой женщины, не чуждое внезапным порывам, воспламенялось порою безудержной страстью. Вот и сейчас, узнав девушку, миссис Чармонд поддалась движению души, очевидно, испытывая радость при виде Марти, внешность которой свидетельствовала об успехе парикмахера.

— Удивительно, что она тебя пригласила,— важно произнес кучер.— Я такого что-то не припомню, она деревенских обычно не замечает.

Марти промолчала; несколько раз она оглядывалась в надежде увидеть возвышенное существо, которое, как верно заметил кучер, редко спускалось с облаков и снисходило к дольным крестьянам. Однако леди не было видно. Она поискала глазами мисс Мелбери с Уинтерборном. Их лошадь временами чуть не тыкалась мордой в задок кареты миссис Чармонд, но они ни разу не попытались выехать вперед и оказались на свободной дороге, лишь когда карета свернула к воротам парка. Здесь карета остановилась, и в тишине, наступившей перед открытием ворот, Марти услышала негромкий гортанный звук, нежный, как ветерок.

— Что это? — прошептала она.

— Хозяйка зевнула,— ответил кучер.

— С чего это она?

— Да с того, что она привыкла к удивительной, прекрасной жизни, а здесь ей скучно. Поэтому она снова скоро уедет.

— Такая богатая, все может, и вдруг зевать! — пробормотала девушка.— Выходит, жизнь у нее не счастливей моей.

Когда Марти слезла с козел, свет фонаря опять упал на нее, и нежный голос из отъезжавшей кареты произнес:

— До свидания.

— До свидания, сударыня,— сказала Марти. Ей опять не удалось разглядеть лица миссис Чармонд, второй из двух женщин, весь день занимавших ее мысли.

ГЛАВА VI

Тем временем на той же дороге Уинтерборн и Грейс Мелбери предавались своим мыслям и чувствам.

При выезде из города со всех сторон к ним обращались любопытные взгляды; молодые люди думали, что Уинтерборн неплохо устроился, и гадали о его отношениях с мисс Мелбери. Один Уинтерборн ничего не подозревал. В своих хлопотах он не заметил ни толпы любопытных, ни наряда Грейс и не догадывался, какое зрелище представляют они вдвоем на фоне шертонского пейзажа.

До отъезда они успели обменяться несколькими короткими фразами. Грейс никак не могла взять в толк, что, кроме Джайлса, ее никто не встретит, и все время находилась в некотором замешательстве. Когда город остался позади, Джайлс заговорил:

— Смотрите, как странно выглядит браунлейская ферма — все дома и сараи перенесены из низины на холм.

Грейс согласилась, что ферма и впрямь выглядит странно, хотя, промолчи он, она бы ничего не заметила.

— В этом году паслен так уродился, что они не знали, куда его девать,— продолжал Джайлс, кивая в сторону сада, где высились груды неубранных яблок.

— Да,— сказала она, поглядев на другой сад.

— Да нет, вы не туда смотрите, это же не паслен, а ябло-ни! Разве вы забыли, как выглядит паслен?

— Боюсь, что да, к тому же сейчас темно.

Уинтерборн замолк. Он видел, что Грейс охладела к увлечениям и познаниям детства. Может быть, она так же охладела и к нему, мелькнуло у него в голове.

Так или иначе, но в то время, как перед его глазами вставали яблони, сараи и фермы, перед нею разворачивались иные, далекие видения, столь же простые и невинные, но совсем иные — широкая лужайка в фешенебельном пригороде веселого города, вечнозеленая листва при свете заходящего солнца, под которой резвятся, щебечут, смеются от полноты счастья прекрасные девушки в изысканных голубых, коричневых, алых, черных и белых платьях, а из открытых окон дома льются звуки арфы и фортепиано. К родителям этих девушек Джайлс обратился бы не иначе, как с почтительным «сэр» или «мэм» — по-женски проницательная Грейс Мелбери не могла этого не создавать. Она судила с высоты своих двадцати лет, и на ее взгляд скромные фермы не могли идти ни в какое сравнение с рисовавшейся ей картиной. Хотя Джайлс и провел всю жизнь в уединении лесного края, он все же сообразил, что завел разговор на слишком низкую тему, и поэтому решил заговорить о самом главном.

— Помните, когда-то давным-давно мы дали друг другу одну клятву. Я часто о ней думаю. Я хочу сказать, что если и сейчас, когда вам двадцать, а мне двадцать пять, мы все еще любим друг друга...

— Это была просто детская болтовня.

— Ах, вот оно что! — вырвалось у Джайлса.

— Я хочу сказать, что мы были тогда детьми, — деликатно поправила Грейс. Прямота его слов показывала, что он мало переменялся.

— Прошу прощения, — меня послал встретить вас мистер Мелбери.

— Я поняла. И я рада этому.

От этих слов он, казалось, успокоился.

— Мы тогда возвращались с пикника, — продолжал он, — и все набились в крытый фургон вашего отца, как овцы на аукционе, а мы с вами сидели сзади. Темнело, и я кое-что сказал вам, — точных слов я не помню, — но вы мне позволили обнять вас за талию, но тут ваш отец — он сидел на передке — вдруг перестал толковать с фермером Болленом и начал раскуривать трубку. Я отдернул руку, но огонь вспыхнул ярко, и кое-кто нас увидел, и все стали смеяться. А ваш отец, вместо того чтобы рассердиться, подобрел и даже как будто обрадовался. Вы уже позабыли об этом?

Нет, теперь, когда он упомянул, при каких обстоятельствах это произошло, она, признаться, все вспомнила.

— Но боже, я была тогда совсем маленькая!

— Что вы, мисс Мелбери, разве так можно! Маленькая! Вы сами знаете, что это не так.

Грейс тотчас объявила, что ей не хочется спорить с дорогим старым другом; и эти слова слетели с ее губ с уклончивостью, в которой всегда есть что-то утешительное. Те времена кажутся ей такими далекими, продолжала она, что если тогда она была подростком, то теперь, должно быть, совсем старуха.

— Вы когда-нибудь пытались взглянуть на жизнь с философской, общей точки зрения? — спросила она.

— Трудно сказать, — ответил Джайлс; его глаза различили впереди темное пятно — это была карета.

— Я думаю, иногда полезно рассматривать себя, как лодку, плывущую по потоку среди других лодок, и размышлять о том, как всем избежать крушения, а не только о том, как спасти себя самого, — продолжала она. — Хотите, я расскажу вам о Бате, или Челтенхеме, или о городах на континенте — я там была летом?

— Конечно, хочу.

И она принялась описывать города и людей в тех же словах, в каких бы их описала любая другая женщина в Англии любому собеседнику — до того в ее рассказе не было ничего личного, свойственного ей одной. Кончив, она весело сказала:

— А теперь расскажите мне за это, что произошло в Хинтоке в мое отсутствие.

«Она готова говорить о чем угодно, только не о нас двоих»,— подумал Джайлс.

В самом деле, образование и воспитание так сильно изоцирили ум мисс Мелбери, что она научилась без запинки болтать о чем угодно, умалчивая о том, что знала лучше всего и что ей было интересней всего на свете,— о себе самой.

Не успел Уинтерборн довести до конца свой бесхитрый рассказ, как они нагнали карету, уже некоторое время маячившую перед их глазами. Мисс Мелбери спросила его, чей это экипаж.

Уинтерборн, давно заметивший карету, ни разу не взглянул на нее внимательно. Сейчас, всмотревшись, он узнал карету миссис Чармонд.

Она катилась легко и плавно и, видимо, вызывала у Грейс куда большую симпатию, чем отцовская двуколка, в которой ее везли домой.

— Коли на то пошло, эти мили мы пролетим так, что держись,— сказал Уинтерборн, угадав ее мысли, и в подтверждение словам хлестнул лошадь. Старая кобыла мистера Мелбери чуть не ткнулась носом в задок ослепительного экипажа миссис Чармонд.

— Там на козлах рядом с кучером Марти Саут,— сказал Уинтерборн, увидав знакомое платье.

— Бедная Марти! Надо сегодня же пригласить ее зайти. Как это она там оказалась?

— Не знаю. Но это очень странно.

Так несколько человек, чьи судьбы тесно переплелись, ехали вместе по одной дороге, пока Уинтерборн не свернул на Малый Хинток, где чуть ли не первым на их пути был дом лесоторговца. Падавший из окон свет выхватывал из темноты белые цветы лаурестина и бликами ложился на блестящие листья лаврового дуба. Отчетливо виднелись комнаты, в гостиной огонь камина отражался в стекле картин и книжного шкафа, а на кухне огонь очага плясал на доньях сковородок и кастрюль.

— Погодите минутку, я хочу полюбоваться родными местами,— попросила Грейс.

На кухне готовился обед; обычно Мелбери обедал в час, но сегодня отложил трапезу до приезда дочери. Старый шаткий вертел, укрепленный на тагане, поворачивался при помощи проволоки, протянутой через блок на потолке к камню, висевшему в углу кухни; в руках бабушки Оливер он гремел, как мельничный жернов.

Огромная тень головы миссис Мелбери падала на стену и потолок гостиной; однако, прежде чем Грейс удалось наглядеться на дом, ее присутствие обнаружили, и отец с мачехой поспешили навстречу.

Семейство Мелбери относилось к той породе людей, что не любят выставлять напоказ сильные чувства,— свойство, обычное у деревенских жителей и резко отличающее их от обитателей городов. По виду ничего не значащие слова надежно скрывали истинные переживания, и встреча Грейс с родными на посторонний взгляд была спокойной и сдержанной. Правда, вводя Грейс в дом, отец так забылся, что совсем упустил из виду Джайлса — так же, как, кстати, о нем не подумала и сама Грейс. Молча въехав во двор, Уинтерборн вызвал из сарая приставленного к лошадям человека, который все свободное время проводил в бесконечных пересудах с другими работниками. Джайлсу хотелось войти в дом, и он вернулся к дверям.

Семейство было уже в гостиной; об Уинтерборне никто так и не вспомнил. По-прежнему там горел один камин, озаряя лицо и руки Грейс, отчего они казались удивительно прекрасными и гладкими, особенно рядом с лицом и руками отца и миссис Мелбери; свет проникал и сквозь завитки волос на висках, как солнечные лучи проникают сквозь листву. Глядя на дочь, отец изумлялся, как сильно она повзрослела и переменилась за время отсутствия.

Уинтерборн все это видел, но, не зная, входить ему или нет, стоял и машинально водил пальцами по полустертым буквам на косяке — инициалам прежних обитателей дома, тех, кто в нем жил и умирал.

Нет, решил он, на сегодня хватит, он не станет входить; они забыли о нем, о том, что он привез Грейс домой. И все-таки его задевало, что Мелбери, так настойчиво желавший, чтобы именно он съездил за дочерью, вдруг отнесся к нему с таким пренебрежением.

Джайлс медленно зашагал по тропинке домой: у поворота, за которым пропадала из виду усадьба лесоторговца, он в последний раз оглянулся. Потом он постарался вообразить, что говорит в эту минуту Грейс, и, усмехнувшись, пробормотал: «Ясно, что не обо мне!» Он посмотрел в другую сторону и увидел одинокую кровлю и трубу над убогим домиком Марти и представил себе, как в эту самую минуту она в одиночку сражается с прутьями, горшками и мисками.

Тем временем в доме лесоторговца шел оживленный разговор, к теме которого Джайлс Уинтерборн, как он правильно понял сам, не имел никакого отношения. Одной из причин было обстоятельство, что мистер Мелбери неожиданно для себя увидел, что дочь его — вполне взрослая женщина, и так изумился этому открытию, что образ Джайлса, о котором он все же не мог позабыть совсем, отодвинулся куда-то в самые дальние уголки его сознания. Другой причиной был утренний разговор с управляющим миссис Чармонд, при котором несколько минут присутствовала сама леди. Она давно продала Мелбери лес на корню, а сейчас, когда пришло время рубки, предоставила ему почти полную свободу действий. Как раз об

этом и шла беседа в гостиной, в то время как Уинтерборн предавался размышлениям на улице; Мелбери был счастлив, что внес ясность в свои отношения с божеством окрестных рощ и лесов, и эта ясность уравнивала неопределенность в его мыслях касательно Уинтерборна.

— Она мне вполне доверяет,— говорил Мелбери,— я могу теперь валить, пилить, рубить все, что мне нужно, любое дерево в ее лесах, сам могу назначать цену и вести дела. Видит бог, на ее месте я так бы не поступил. Однако ее доверие может весьма пригодиться... Хорошо бы, ей по душе пришлось наши края, тогда бы она жила здесь круглый год.

— Да дело не в том, что миссис Чармонд так тебе доверяет. Просто она терпеть не может наш Хинток,— заметила миссис Мелбери.

После обеда Грейс взяла свечу и отправилась бродить по комнатам старого дома, в котором чувствовала себя сейчас почти чужой. Каждый уголок, каждый предмет вызывали воспоминание и что-то меняли в нем. Потолки оказались ниже, чем ей помнилось по другим поездкам, при взгляде на стены бросались в глаза все их неровности и старомодность обоев. Ее собственная спальня выглядела и роднее и незнакомее, чем при отъезде. Обитавшие в ней привычные вещицы смотрели на нее с беспомощной неподвижностью, словно в отсутствие хозяйки не раз пытались сдвинуться с места, да так и не сумели. Над столиком, где горела свеча, когда Грейс зачитывалась в постели до полуночи, на потолке виднелся бурый круг копоти. Она не знала, что отец принял особые меры, чтобы этот круг не исчез во время уборки.

Завершив обход своего бесполезно просторного дома, Грейс почувствовала усталость от дня, проведенного в пути, и легла, как только ее оставили отец с мачехой, заходившие осведомиться, удобно ли ей и горит ли камин. Но стоило Грейс оказаться в постели, как сонливость словно рукой сняло, и она пожалела, что улеглась так рано. От нечего делать она прислушалась к старым знакомым звукам, доносившимся с первого этажа, потом стала смотреть в окно. Ставня была открыта, как она любила в детстве, и на фоне неба обрисовывались неясные вершины деревьев на соседнем холме. Ниже границы света и мрака за ходившими под ветром ветвями мерцал единственный крохотный огонек. Судя по местоположению, он горел в окне дома на склоне холма. Когда Грейс приезжала сюда в последний раз, дом пустовал. «Любопытно, кто там живет теперь»,— подумала она.

Однако дальше этой мысли она не пошла и продолжала лениво глядеть на огонек, как вдруг поняла, что он постепенно меняет цвет. Вот он стал сапфирно-синим, вот фиолетовым и, наконец, красным.

Грейс начало разбирать любопытство, она села в постели и стала внимательно следить за огоньком. Подобное явление

привлекло бы к себе внимание где угодно, но в Хинтоке, как понимала Грейс, его можно было принять за чудо. В этом краю лесов почти все, что доступно глазу днем или ночью, до сих пор было непосредственно связано с чередованием времен года, и вдруг появляется нечто иное, выбивающееся из их размеренного хода, чужое, неведомое.

Грейс слышала, что на первом этаже готовятся ко сну: отец ходил по дому и запирает двери на засовы. Потом запели ступеньки; отец с мачехой прошли к себе мимо ее комнаты. Последней поднялась наверх бабушка Оливер.

Грейс выскользнула из постели, пробежала до двери и, отодвинув засов, окликнула старуху:

— Бабушка, я не сплю. Зайдите ко мне на минутку.

Через мгновение Грейс уже лежала под одеялом, а старуха, погасив свою свечу, уселась на край постели.

— Что это за свет там на холме? — спросила Грейс.

Миссис Оливер взглянула в окно.

— Ах, тот, — сказала она, — это у доктора. Он все время что-нибудь вытворяет. Вы, должно быть, еще не знаете, что у нас поселился доктор, мистер Фитцпирс по имени.

Грейс подтвердила, что не знает.

— Так вот, мисс, поселился и хочет обзавестись тут практикой. Я-то его хорошо знаю, потому что в свободное время хожу к нему мыть полы, — с позволения вашего батюшки. У доктора на весь дом один слуга-мальчишка, а сам он холостяк. Я-то его хорошо знаю, он иногда говорит со мной, совсем как с родной матерью.

— Неужели?

— Да, именно так. Я его как-то спросила, отчего он поселился в нашем безлюдье. А он говорит мне: «Бабушка, дело простое. Я, мол, отметил на карте, где на севере кончается практика доктора Джонса, а на юге мистера Тейлора, а на востоке маленького Джимми Грина, а на западе еще чья-то. Потом взял циркуль и нашел середину, а эта середина и есть Малый Хинток; и вот, говорит, я тут...» Бедняга!

— Отчего же бедняга?

— Он мне раз сказал: «Я, бабушка, здесь три месяца, и хоть в обоих Хинтоках с окрестностями немало народу и хоть, говорят, выгодно практиковать в мелких разбросанных деревнях, у меня пациентов что-то маловато. К тому же общества никакого нет, и я прямо с ума схожу от скуки,— сказал и зевнул.— Я бы, говорит, давно свихнулся, кабы не книги да ла-лаборатория и все такое. Я, мол, бабушка, создан для более высокой жизни». И опять принялся зевать.

— А он правда создан для более высокой жизни? Я хочу сказать, он умный человек?

— Ну, нет, какое там умный! Уж перелом, верно, залечит, и, где болит, нащупает, особенно, если подсказать — но ох, уж эти молодые люди! Доживи они до моих годов — сами увидят, какими умниками были в двадцать пять лет! А еще у него есть философии, настоящее философии, послушали б вы, что он несет! Раз он мне говорит: «Бабушка, с вашего позволения, все есть ничто. Во всем мире есть только я и не-я». И еще говорит, что руки у человека не свободнее, чем стрелки на часах. Да, все чудные мысли, а глазами глядит куда-то вдаль, точно на Полярную звезду.

— Он, верно, скоро уедет отсюда.

— Да не думаю.

Грейс не спросила, почему, видя, что бабушка колеблется, сказать или не сказать. Наконец старуха не выдержала:

— Только не говорите отцу и матери, мисс, я открою вам тайну.

Грейс пообещала.

— Он меня хочет купить — потому и не уедет.

— Купить вас? Каким образом?

— Да не душу — тело, когда я помру. Раз как-то я у него убираю, а он и говорит: «Бабушка, у вас огромный головной мозг, а у женщины, говорит, мозг обычно на четыре унции легче, чем у мужчины». И вот — хи-хи! — стал он меня ублажать, десять фунтов пообещал, чтобы, когда я помру, получить мою натомию. А у меня никовошеньки не осталось, и никто плакать по мне не будет, вот я и подумала, что уж лучше я после смерти удружу ближнему. Ну, я и сказала ему, что подумаю, да скорее всего соглашусь и возьму у него десять фунтов. Только, мисс, никому ни слова, это тайна. Денежки мне очень пригодятся, а кому от этого худо?

— Разумеется. Только, бабушка, как вы могли на такое пойти! Уж лучше бы я этого не знала!

— Уж лучше бы, это верно, раз оно вам так не по душе, мисс. Да вы не тревожьтесь. Господи, хи-хи! — я еще поманежу его не год, не два!

— Надеюсь. Я даже уверена.

Тут девушка задумалась так глубоко, что беседа сама собой прекратилась, и бабушка Оливер, взяв свечу, пожелала мисс Мелбери доброй ночи. Грейс не сводила глаз с далекого мерцающего огонька, вокруг которого сейчас роились ее неясные раздумья и мечты. Она пыталась в воображении нарисовать образ философа, таившегося за полночным огоньком. Странно, что, вернувшись из огромного мира в Малый Хинток, она нашла в этом заброшенном уголке средоточие передовых идей и поступков, чуждых окружающей жизни и тем похожих на редкое тропическое растение, попавшее в деревенскую живую изгородь. Странное пристанище нашли здесь химические опыты, анатомические исследования и метафизические умозаключения.

Так она размышляла, соединяя предполагаемые занятия человека, который зажег огонек, с его воображаемыми чертами, но вот ее веки сомкнулись, и она уснула.

ГЛАВА VII

Всю ночь Грейс Мелбери снились то таинственный доктор-алхимик, то скелет бабушки Оливер, то лицо Джайлса Уинтерборна. Когда она проснулась, стояло ясное утро. Дул северный ветер, вполне приемлемый как компромисс между режущим восточным и промозглым западным. Грейс выглянула за окно в сторону давешнего огонька и сквозь деревья различила далекие очертания дома, в котором поселился доктор. Почему-то при ясном и трезвом свете дня в ней угас интерес к этому незнакомому нелюдимому джентльмену, который так тревожил ее во мраке ночи своей личностью и занятиями; за туалетом Грейс забыла о нем совершенно.

Меж тем Уинтерборн, хотя и обнадеженный мистером Мелбери, все же был обеспокоен поведением его дочери. Обычно сдержанный, он сегодня поминутно взглядывал на двери дома лесоторговца, ожидая, чтобы оттуда кто-нибудь появился. В самом деле, вскоре из дому вышли двое: это был сам мистер Мелбери и Грейс. Они свернули к лесу, и Джайлс, подумав, отправился за ними, и вскоре все трое оказались под сенью деревьев.

В окрестностях Хинтока было много защищенных от ветра низинок, в которых листва деревьев держалась намного дольше, чем на открытых вершинах холмов. Поэтому, хотя по сезону ветви и обнажались, местами глазам представала пестрая смесь времен года: кое-где в лощинах пылающий остролист возвышался рядом с едва тронутым желтизной дубом или орешником и

зарослями куманики, листва которой маслянисто зеленела, как в августе. Для Грейс это была хорошо знакомая особенность родных мест, вновь увиденная старая картина.

В эту пору особенно остро воспринимается перемена, которую лес каждый раз претерпевает, вступая в зимние месяцы. В прекрасном проступает нечто странное, острые углы занимают место волнистых линий и сквозящих светом поверхностей, и на полотне природы этот внезапный скачок от изысканного к примитивному можно сравнить разве с шагом назад от передовой живописной школы к рисункам туземцев каких-нибудь тихоокеанских островков.

Уинтерборн ступал, не сводя глаз с двух фигур, двигавшихся впереди него по многоцветному лесу.

Соседи на любом расстоянии тотчас узнавали мистера Мелбери по длинным ногам, затянутым у лодыжек гетрами, легкой хромоте и привычке уходить в себя, чтобы внезапно, тряхнув головой, с возгласом «м-да!» пробудиться к реальности. Даже белки и птицы, казалось, знали его. Иногда с тропинки сбегала белка и пряталась за стволом от взгляда мистера Мелбери и его дочери, как будто посмеиваясь: «Хо-хо, ты всего-навсего лесоторговец, и у тебя даже нет ружья!»

Они бесшумно ступали по коврам звездчатого мха, шли по шуршащим насыпям листьев, огибали стволы с торчащими корнями, покрытыми мхом и оттого похожими на руки в зеленых перчатках; пробирались сквозь старые вязы и ясени. В развилках деревьев скапливались целые озера воды, в дождливую погоду они переполнялись и зелеными каскадами выплескивались на ствол. С совсем старых деревьев свисали гроздья древесной губки, похожие на человеческие легкие. Здесь, как, впрочем, и всюду, Несбывшиеся Мечты определяли самый строй жизни и обнаруживали себя не менее ясно, чем в приниженной толпе обитателей городских трущоб. Листва потеряла форму, плавные линии изломаны, в кронах зияют провалы; лишайник высасывает из стволов соки, плющ удушает молодые побеги.

Они вошли в буковую рощу, где под кронами ничего не росло; на молодых ветках еще удержались кое-где листья с лихорадочным румянцем, которые металлически позванивали под ветерком, совсем как железная листва сказочного Ярвидского леса. Джайлсу удавалось не терять из виду Мелбери и Грейс, пока за деревьями виднелось светлое пятно ее платья; но вот они скрылись из глаз, и Джайлсу пришлось довериться только слуху; это было не трудно, так как на всем протяжении их пути с деревьев то и дело взлетали дикие голуби, ударяясь о ветки с такой силой, что непонятно, как они не ломали себе крыльев. Ориентируясь по птичьему шуму, Джайлс вскоре вышел к ступенькам, ведущим через живую изгородь.

Стоило ли идти дальше? Взглянув на влажную, утопанную перед ступеньками почву, он увидел рядом с большими четкими следами легкие отпечатки ботинок явно не местного пошива;

Уинтерборн без труда узнавал изделия местных сапожников, шивших обувь по старинке. Легких следов было достаточно для того, чтобы подбодриться и продолжить путь.

Вид леса теперь изменился. Молодые деревья у корня были догола обьежены кроликами, там и тут сквозь подлесок белели кучи свежих щепок и еще не потемневшие срезы на пнях. В этом году была большая рубка леса, о которой лишний раз напомнили донесшиеся до него звуки.

Услышав отрывистый мужской голос, Джайлс вспомнил, что именно на сегодня назначены торги леса и фашинника. Конечно, Мелбери должен быть здесь. Сообразив, что и ему нужно несколько вязанок прутьев, Уинтерборн вышел на поляну, где шел торг.

Покупатели толпились вокруг аукциониста: когда он умолкал, они переходили за ним от одной партии леса к другой, наподобие учеников Аристотелевой школы, следовавших за философом по тенистым ликейским рощам. Все это были лесоторговцы, мелкие землевладельцы, арендаторы, крестьяне и прочий люд, главным образом обитатели этого лесистого края; они щеголяли друг перед другом тростями, в которых запечатлелись самые неожиданные причуды леса; чаще всего трость являла собой подобие штопора из белого или черного боярышника; эту форму ему придавала мучительница-жимолость, обвивавшая и искривлявшая молодые побеги,— так, по слухам, китайцы, бинтуя грудных детей, превращают их в чудовищные живые игрушки. Две женщины в надетых на платья мужских куртках возили за толпой тележку с бочонком пива, которым они наполняли рога, ходившие по рукам вместе с хлебом и сыром, доставаемым из корзины.

Аукционист орудовал своей тростью, как молотком, отстукивая сделку по первому попавшемуся предмету, будь то темя вертевшегося поблизости мальчишки или плечо зеваки, у которого только и было дела, что хлебнуть пива; это могло бы позабавить зрителей, если бы не строгая неподвижность на лице аукциониста, словно говорившая, что эксцентричность его поступков не каприз фантазии, а следствие совершенной поглощенности делом.

Мистер Мелбери стоял чуть в стороне от ликейской толпы; Грейс опиралась на его руку; среди старомодных платьев странно выделялась ее элегантный наряд; рядом с ним знакомая красота деревьев приобретала новую прелесть, казалось, они требовали, чтобы и в их одеянии появилось что-то модное, современное. Грейс наблюдала за торгами с интересом — в ней пробудились старые воспоминания.

Уинтерборн подошел и встал рядом; лесоторговец громко называл цену. Грейс молча улыбалась. Чтобы как-то оправдать свое присутствие, Уинтерборн вступил в торги, хотя лес и фашинник были ему совсем не нужны; при этом он был так рассеян, что доносившийся до него голос аукциониста казался

ему одним из обычных звуков леса. Упало несколько снежинок, и встревоженная этой приметой надвигающейся зимы малиновка, понимая, что людское вторжение ей ничем не грозит, усеялась на грудь продававшегося фашинника и уставилась прямо в лицо аукционисту, поглядывая, правда, не упадет ли какая крошка из корзины с бутербродами. Стоя чуть позади Грейс, Уинтерборн следил за снежинками, которые падали ей то на локон, то на плечо, то на край шляпки; от рассеянности он назначал одну цену нелепее другой и, когда аукционист, кивнув в его сторону, произносил: «Ваше, мистер Уинтерборн», — не имел понятия, что купил, — прутья, жерди или бревна.

Ему было досадно, что отец Грейс как будто вовсе забыл о вчерашнем и сегодня не отпускает ее ни на шаг, хотя сам говорил об их помолвке как о решенном деле. С такими чувствами он бродил за толпой взад и вперед, пока шел аукцион, ни с кем не вступая в разговоры. Наконец торг закрылся, и лишь тогда Джайлс осознал размеры своих приобретений. Сотни жердей и стволов числились за ним, а между тем ему нужно было от силы несколько вязанок прутьев, чтобы работник Роберт Кридл быстрее разводил огонь.

Теперь, когда аукцион кончился, Джайлс решился заговорить с лесоторговцем. Однако Мелбери был холоден и краток; Грейс тоже казалась недовольной и смотрела на него укоризненно. Только тут до него дошло, что он, не желая того, перебил у Мелбери лес и взял как раз то, что заранее облюбовал лесоторговец. Обронив всего несколько слов, отец и дочь направились в обратный путь.

Терзаемый мукой раскаяния, Джайлс стоял на поляне до тех пор, пока все не разошлось по домам. Он видел, как Мелбери, не оборачиваясь, шагал рядом с дочерью. Позади них на просеке показалась какая-то дама верхом; она ехала в ту же сторону, что и Мелбери, и скоро их нагнала. Лесоторговец снял шляпу, дама остановилась. Издалека было видно, что между ними завязалась беседа. Во всаднице — не столько по очертаниям фигуры, сколько по ливрее грума — Джайлс угадал миссис Чармонд.

Собеседники долго не трогались с места и, казалось, успели много сказать друг другу. А когда наконец Мелбери и Грейс снова зашагали по просеке, в их поступи появилась некая легкость.

Тогда отправился домой и Уинтерборн. Не желая допустить, чтобы из-за какого-то недоразумения в его отношениях с Мелбери появилась холодность, он пошел к нему в тот же вечер. У ворот ему бросилось в глаза, что окно одной из спален ярко освещено. В нем он увидел Грейс, зажигающую свечи; в правой руке она держала тоненькую свечку, левую прижимала к груди; она задумчиво следила за каждым фитильком, словно видя в разгорающемся пламени жизнь, которая вступает в пору расцвета. Недоумевая, что бы могла означать эта иллюминация,

Джайлс вошел в дом и увидел мистера и миссис Мелбери в состоянии сдержанного возбуждения, о причине которого он мог только гадать.

— Простите мое поведение на аукционе,— сказал Джайлс,— я не соображал, что делаю. Я пришел сказать, что вы можете взять любую партию леса из того, что я купил.

— Полно, полно! — ответил лесоторговец, махнув рукой.— Тут столько забот, что я об этом давно позабыл. Нам сейчас приходится думать совсем о другом, так что не беспокойся.

Лесоторговца, по-видимому, занимали соображения более возвышенные, нежели лесные торги, и озадаченный Джайлс перевел взгляд на миссис Мелбери.

— Грейс приглашена на завтра в Хинток-хаус,— услышал он.— Сейчас она примеряет платье. Ей, должно быть, нужна моя помощь.— С этими словами миссис Мелбери вышла из комнаты.

Нет ничего удивительнее, чем язык, временами обретающий совершенную независимость. Мистер Мелбери понимал, что бахвалится. Он всегда осуждал зазнайство, особенно в беседах с Джайлсом, однако, когда разговор касался его Грейс, рассудок немедленно покидал министерство речи.

Уинтерборн выслушал новость с удивлением, радостью и некоторой опаской. Он повторил слова миссис Мелбери.

— Да,— подтвердил гордый отец, без стеснения раскрывая то, что все равно не в силах был удержать в тайне.— Сегодня по дороге с аукциона мы встретили миссис Чармонд — она выезжала верхом. Сначала мы потолковали о делах, а потом она разговорилась с Грейс. Удивительно, как она оценила Грейс за какие-нибудь пять минут. Этакое чудеса делает образование! Они сразу сошлись. Миссис Чармонд, понятно, изумилась, что такая штучка — ха-ха! — вышла из моего дома. В конце концов она пригласила дочку к себе. Сейчас мисс Грейс как раз перебирает всякие платья, кружева,— надо ведь одеться к лицу.— Так как Джайлс не отвечал, Мелбери предложил: — Я сейчас позову ее сюда.

— Нет, нет, не надо. Она занята,— быстро возразил Уинтерборн.

Почувствовав, что вся его речь была предназначена для Уинтерборна и ничего не значила для него самого, Мелбери тотчас раскаялся. Выражение его лица изменилось, и, делая над собой усилие, он тихо проговорил:

— Что до меня, Джайлс, то она твоя.

— Да, да, спасибо... Но я думаю, раз насчет леса все улажено, я уж не буду ей мешать. Зайду как-нибудь в другой раз.

Выйдя на улицу, он опять взглянул в окно спальни. Грейс, освещенная таким множеством свечей, что никакая мелочь туалета не могла ускользнуть от ее критического взгляда, стояла перед большим зеркалом в раме, которое недавно по-

дарил ей отец. В шляпке, мантилье и перчатках она смотрела через плечо в зеркало, удостовераясь, все ли в порядке. Лицо ее выражало ликование, столь понятное в юной девушке, которую завтра ждет праздник близкого знакомства с личностью новой, интересной и могущественной.

ГЛАВА VIII

Предвкушение восхитительного визита, заставившее Грейс Мелбери накануне при шести свечах изучать свой наряд, теперь наполняло ее радостью так, что она ног под собой не чувала. Как светляк озаряет ночью траву, так все кругом — и воздух, и окрестные леса — озаряло сознание того, что и вблизи родного крова ее сумели оценить по достоинству. Чувства, готовые излиться в любое мгновение, переполняли ее до краев.

С четверть часа она шла по роще, потом миновала живую изгородь, поднялась на холм и с вышины его в узкой лощине увидела наконец Хинток-хаус. Назвать углубление, в котором находилось поместье, низиной, пожалуй, несправедливо; вернее сказать, это был овраг, впрочем, достаточно живописный и даже привлекательный. С того места, где стояла Грейс, легко было попасть камешком в облепленные птичьими гнездами трубы дома. За высоким зубчатым парпетом в серой свинцовой крыше отчетливо виднелись желоба, водостоки, квадраты верхних окон и даже буквы и контуры подошв, для забавы выцарапанные на мягком свинце праздными людьми.

Фасад дома украшали переплеты обычных для поместья елизаветинских окон с навесами, облицованных местным камнем густого табачного цвета. Каменные стены, там, где они не были увиты другими ползучими растениями, сплошь покрывал лиственный всевозможных оттенков, ближе к цоколю он делался все ярче и пышнее, пока на земле не сливался со мхом.

За домом по склону начинался густой лес, так что корни деревьев приходились выше уровня печных труб. Склон напротив, где стояла Грейс, зарос буйной травой, среди которой виднелось одно-два дерева. Кругом, жуя траву, лежали овцы, мирно созерцавшие окна спальни. Местоположение дома, пагубное для человека, оказалось как нельзя более благоприятным для растительности, — обитателям поместья то и дело приходилось прореживать разросшийся плющ и подстригать деревья и кустарники. Дом этот был построен еще в те времена, когда человек не пугался сырости, когда, строя жилище, он искал укрытия лишь от бурных стихий, не принимая в расчет тех, что подтачивают жизнь исподволь. Но теперь расположенный в овраге Хинток-хаус, явно не пригодный для людей, был словно призван служить наглядным напоминанием их физического упадка. Никакие ухищрения архитекторов не сделали бы Хинток-хаус суше и здоровее, самое яростное невежество было бы

бессильно разрушить его красоту и живописность. Растения чувствовали себя здесь как нельзя лучше, этот уголок мог бы вдохновить живописца и поэта тихой жизни, если бы, впрочем, не изнурил их своей атмосферой; человеку общительному захотелось бы немедленно бежать отсюда. Извилистой тропинкой Грейс спустилась по зеленому откосу на огибавшую холм дорогу. Снаружи дом был знаком ей с детства, но она никогда не видела его изнутри, а возможность узнать с новой стороны нечто давно знакомое всегда живо нас занимает. Войдя в дом, она ощутила трепет, но тут же вспомнила, что миссис Чармонд, вероятно, одна. Обычно в приезды и отъезды владелицу Хинток-хауса сопровождала родственница, которую считали ее теткой; однако совсем недавно дамы расстались, как говорят, повздорив, и миссис Чармонд оказалась в печальном одиночестве. Надо полагать, уединение не было ей по вкусу,— не этим ли объясняется ее неожиданный интерес к Грейс.

Когда доложили о мисс Мелбери, миссис Чармонд, как раз находившаяся в галерее близ вестибюля, увидела гостью сквозь стеклянную дверь. С улыбкой она пошла навстречу девушке и сказала, что рада ее видеть.

— Ах, вот что привлекло ваше внимание,— продолжала она, заметив, что Грейс смотрит на странные предметы, развешенные по стенам.— Это, видите ли, капканы для браконьеров. Мой муж был знаток этого дела. Он скупал капканы и самострелы со всей округи и разузнавал их истории — какой из них кому раздробил ногу, какой убил кого насмерть. Я помню, вон тот самострел лесник поставил на пути известного браконьера, но по забывчивости пошел той самой дорогой, получил в себя весь заряд и умер от раны. Им здесь не место, но я все не распоряжусь, чтобы их убрали.— И шутливо добавила: — Ловушки в доме, где живет женщина... Это могут понять превратно.

Грейс принужденно улыбнулась; мало знакомая с этой стороной женского опыта, она не испытывала к ней особого любопытства.

— Без сомнения, они очень интересны как памятники варварских времен, к счастью, минувших,— сказала Грейс, задумчиво глядя на орудия пытки самых причудливых очертаний — одни с полукруглыми челюстями, другие с прямоугольными,— почти все ощеривали острые длинные зубья; те же, что были без зубьев, походили на старческие пустые десны.

— Впрочем, это не стоит принимать слишком всерьез,— проговорила миссис Чармонд, томно склонив голову, и пригласила Грейс в комнаты. После того как миссис Чармонд — с безразличием на лице, то ли врожденным, то ли навеянным здешней скукой, показала гостье все, что могло ее заинтересовать: гобелены, резьбу по дереву, слоновую кость и миниатюры,— был подан ранний чай.

— Сделайте одолжение, разлейте его,— обратилась к Грейс миссис Чармонд, откинувшись в кресле и прикрыв рукой лоб. Голос ее был еле слышен, а миндалевидные глаза, глаза ангелов с полотен раннего итальянского Возрождения, еще более удлиннились. В облике миссис Чармонд была та вкрадчивая мягкость, которую мы чаще всего встречаем у женщин иного типа, более смуглых и флегматичных; томной улыбкой эти женщины говорят мужчинам больше, чем словами, они скорее чаруют, чем увлекают, им свойственно не обузывать поток, а умело в нем лавировать.

— Здесь я удивительно бездеятельна,— говорила миссис Чармонд.— Временами мне кажется, что я рождена жить, ничего не делая, ничего, ничего, только парить, как, знаете, иногда мы парим в снах. Впрочем, не может быть, чтобы таково было мое предназначение, я должна гнать от себя эти нелепые фантазии.

— Право, жаль, что здесь вы тоскуете,— это так грустно! О, если бы я могла вам помочь — могла сделать вас счастливой!

Голос Грейс звучал так сочувственно, так дружелюбно, что в разговоре с ней обычно раскрывались даже самые замкнутые натуры.

— Вы меня очень тронули,— сказала миссис Чармонд,— но не преувеличивайте серьезности моей апатии. Просто на меня угнетающе действуют эти места, и я решила уехать за границу — и надолго. Обычно со мной путешествует родственница, но сейчас это невозможно.— Бросив на Грейс оценивающий взгляд, она, казалось, испытала удовлетворение и продолжила: — Меня нередко влечет занести на бумагу свои мысли о встречах, городах, о времени. Я хотела бы написать новое «Сентиментальное путешествие». Но в одиночку у меня не хватает энергии. Когда я путешествую по югу Европы, меня переполняют мысли и чувства, но разложить письменные принадлежности, взять в руки холодное стальное перо, систематически изложить свои впечатления на гладкой холодной бумаге — нет, это выше моих сил. И я подумала, что, будь подле меня приятный человек, я бы просто могла диктовать мысли, которые приходят мне в голову. А вчера при встрече с вами меня как раз осенило, что вы бы мне очень подошли. Что вы об этом думаете? Если вы не против, вы могли бы читать мне иногда вслух. Подумайте, прошу вас, и посоветуйтесь с родителями.

— О, разумеется,— тотчас ответила Грейс.— Я почти уверена, что они будут очень рады.

— Вы получили прекрасное образование; я слышала об этом. Общество столь умной девушки оказало бы мне честь.

Покраснев, Грейс со скромностью отвергла это утверждение.

— Вы, очевидно, не оставляете занятий и в Малом Хинтоке?

— О нет. Правда, кое-кто и в Малом Хинтоке не забывает о занятиях...

— Как? Неужели еще есть просвещенные люди в этой глуши?

— Сюда недавно приехал доктор, и, я слышала, он много читает. Поздней ночью я иногда вижу сквозь деревья свет в его окне.

— Ах да, доктор. Мне как будто говорили о нем. Странное он выбрал место.

— Говорят, в Малом Хинтоке хорошая практика. Но его интересы, кажется, простираются дальше медицины. Он изучает теологию, метафизику и многие другие предметы.

— Как его зовут?

— Фитцпирс. Должно быть, это старинный род из Бак-бери-Фитцпирс — в нескольких милях отсюда.

— Я ничего не слышала о Фитцпирсах, я вообще мало знаю здешние места. До замужества мне не приходилось бывать в этом графстве.— Миссис Чармонд не проявила любопытства к истории рода Фитцпирсов. Сколько бы обаяния ни таила в себе древность фамилии, миссис Чармонд, привлекая к путешествиям, смене стран, лиц и впечатлений, давно устала гордиться своей родословной и интересоваться чужими, чем резко отличалась от своих соседей.— Гораздо важнее знать, что он за человек, а не каков его род, раз он собирается нас лечить,— сказала она.— Вы его видели?

Грейс его не видела, но сообщила, что, кажется, он не стар.

— Он женат?

— Насколько мне известно, нет.

— Что ж, надеюсь, он сможет быть нам полезен. Непременно познакомлюсь с ним, когда вернусь из-за границы. Весьма удобно иметь по соседству врача, если, конечно, он толков. Иногда меня пробирает дрожь при мысли, что в этой глуши за врачом можно послать разве что в Шертон, а это так далеко. Вероятно, побывав на курортах, вы смотрите на Хинток совсем другими глазами.

— Да, это так. Но здесь мой дом. У него есть и свои достоинства и свои недостатки.— Говоря это, Грейс думала не столько об одиночестве, сколько о сопутствующих ему обстоятельствах.

Они поговорили еще немного; в обществе такой собеседницы Грейс чувствовала себя непринужденно. Миссис Чармонд, как женщина светская, прекрасно понимала, что покровительственный тон мог бы лишь уронить, а не утвердить ее в глазах неглупой девушки, которая все схватывает на лету. Одержимая мыслью во что бы то ни стало извлечь пользу из приятного знакомства, подвернувшегося так кстати, она не жалела

усилий на то, чтобы с первого же шага завоевать доверие Грейс.

Гостя уже уходила, когда случайно обе они оказались рядом у зеркала, которое, словно нарочно, отразив их, подчеркнуло сходство и различие черт. Из беспристрастного стекла глянуло два привлекательных лица, но в облике Грейс было нечто, от чего миссис Чармонд вдруг стала казаться старше своих лет. Есть лица, внезапно выгадывающие от сближения, есть несовместимо разные, так что одно убивает или безжалостно калечит другое. Увы, это был как раз последний случай. Миссис Чармонд впала в задумчивость и рассеянно отвечала на слова гостя. Однако она попросилась со своей юной знакомой самым дружелюбным образом и пообещала прислать за ней, как только все будет готово для того дела, о котором она просила Грейс подумать.

Добравшись почти до самой вершины холма, Грейс оглянулась и увидела, что миссис Чармонд еще стоит в дверях, задумчиво глядя ей вслед.

Всю ночь после разговора с Мелбери Уинтерборна не отпускала мысль о предстоящем визите Грейс в Хинток-хаус. Отчего он не вызвался проводить ее хотя бы до середины пути? Что-то ему подсказывало, что в подобном случае Грейс едва ли обрадуется его обществу.

Он окончательно утвердился в этой мысли, когда утром из своего сада увидел, с какой очаровательной гордостью шествует Грейс в Хинток-хаус. «Не случится ли так,— подумал он,— что отец, честолюбиво мечтавший просветить и образовать ум дочери так, как это и не снилось односельчанам, окончательно оторвет Грейс от деревенской жизни, которая еще недавно была для нее вместилищем целой вселенной».

И все же Мелбери позволил ему добиваться расположения дочери, а раз так, надо поторопить события. Положим, она не сочтет его ровней; что ж, он не станет преследовать ее домогательствами. Однако, не сделав попытки, стоит ли решать, что она отвергнет его ухаживания? Все дело в том, как скорее направить события к развязке.

Обдумывая это так и этак, он наконец решил, что не худо бы устроить у себя рождественский вечер и как почетных гостей пригласить Грейс и ее родителей.

Ход его мыслей был прерван внезапным стуком в калитку. Спустившись по тропинке, Джайлс выглянул за ограду: перед ним стояла Марги Саут, одегая для работы.

— Где же вы, мистер Уинтерборн? Я жду, а вас все нет и нет; я уж подумала, не поискать ли вас? — проговорила она.

— О, господи, как же я мог,— огорчился Джайлс, вспомнив, что накануне намеревался собственноручно рассадить тысячу елочек на вырубленном участке леса. У него был удивительный дар — посаженные им деревья неизменно принима-

лись. Со стороны казалось — всего-то и дела, что копнуть, но между ним и елочкой, дубком или букком словно был сговор — корешки в несколько дней завладевали почвой. А когда те же деревца сажал поденщик, то, как бы точно он ни повторял все приемы Джайлса, четверть саженцев неминуемо погибала к августу следующего года.

Уинтерборн всегда испытывал радость от этой работы и потому брался за посадки даже на тех участках леса, в которых не был сам заинтересован, — как это и было сейчас. Марти, поневоле соглашавшейся на всякую работу, обычно отводилась несложная обязанность придерживать саженец, пока Уинтерборн засыпает корни.

Джайлс немедленно отправился вслед за Марти, радуясь тому, что место посадок находится близ дороги, по которой Грейс будет возвращаться из Хинток-хауса.

— Марти, вы простужены, — заметил он вдруг. — У вас, должно быть, стынет голова после стрижки.

— По правде говоря, у меня голова просто раскалывается от боли.

— Неужели?

— Да, ломит от простуды, и на глаза давит, да еще с горя внутри все изныло. Но я подумала, вдруг вы меня ждете и сердитесь, что меня нет. Поэтому я и пришла.

Ямки были вырыты заранее, и Джайлс с Марти, не мешкая, принялись за работу. Чуткими, как у фокусника, пальцами он, словно лаская, расправлял корни саженца, и их тончайшие нежные волокна, казалось, сами ложились в землю наивернейшим образом. Большую часть деревьев он обращал корнями к юго-западу, объясняя, что, если лет через сорок оттуда принесется ураган, им понадобится опора как раз с той стороны.

— Они точно вздыхают, когда мы опускаем их в землю, а когда лежат, то совсем не дышат, — сказала Марти.

— Разве? — удивился Джайлс. — Я никогда не замечал.

Марти погрузила в ямку корни елочки и подняла палец; тотчас послышался тихий вздох; теперь эти вздохи будут слышаться день и ночь и не прекратятся до тех пор, пока не срубят взрослое дерево, — вероятно, к тому времени ни Джайлса, ни Марти уже не будет на свете.

— Мне иногда кажется, — продолжала девушка, — что эти деревья вздыхают потому, что им грустно начинать жизнь всерьез, — совсем как нам.

— Совсем как нам? — переспросил Джайлс, взглянув на нее укоризненно. — Вам не пристали подобные мысли, Марти.

Вместо ответа она потянулась за новым саженцем; большую часть дня они проработали, не произнеся ни слова; при этом Уинтерборн так размышлял о своем рождественском вечере, что едва ли сознавал присутствие Марти. По роду

этой работы один все время орудует лопатой, а другой только придерживает деревце, поэтому Джайлс разогрелся от движения, а Марти совсем застыла, но, с окоченевшими руками, посиневшими щеками и разыгравшейся простудой, работала, не отставая от Уинтерборна. Когда он разогнулся, она спросила:

— Мистер Уинтерборн, можно я пробежусь по просеке, а то у меня ноги замерзли.

— О, ради бога, разумеется,— воскликнул он, вспомнив о ее существовании.— А я как раз подумал, какой сегодня теплый день для зимы. Да вы вконец простужены, Марти. Незачем было затевать это дело со стрижкой; впрочем, так вам и надо. Ну-ка, бегите скорее домой.

— Нет, спасибо, я только пробежусь по просеке.

— Вам вообще незачем было сегодня выходить.

— Мне хотелось закончить...

— Марти, говорю вам, идите домой,— повторил он тоном, не допускающим возражения.— Я подопру саженцы палкой и прекрасно обойдусь без вас.

Марти молча пошла прочь. Через несколько шагов она оглянулась. Джайлс подбежал к ней.

— Марти, я был груб, но для вашего же блага, вы это знаете. Впрочем, согрейтесь, как вам хочется, мне все равно.

Когда Марти скрылась из виду, ему показалось, что сквозь ветви остролиста, окаймлявшего дорогу, он различил мелькание женского платья. Это была Грейс, возвращавшаяся наконец от миссис Чармонд. Выпустив из рук саженец, Джайлс готов был уже ринуться к Грейс сквозь остролиственную изгородь, когда внезапно обнаружил присутствие другого мужчины. Незнакомец, привлекательный джентльмен лет двадцати шести — двадцати восьми, стоял за изгородью с противоположной стороны и рассматривал в монобль ничего не подозревавшую Грейс. Заметив Уинтерборна, он выронил монобль, звякнувший о слегу, ограждавшую живую изгородь, и зашагал прочь. Джайлс тотчас догадался, что это был мистер Фитцпирс. Когда тот скрылся из глаз, Уинтерборн раздвинул кусты и вышел на дорогу, оказавшись лицом к лицу с объектом двойного наблюдения.

ГЛАВА IX

— Я услышала шум в кустах еще до того, как увидела вас, — сказала Грейс. — Сначала я подумала: это какой-то страшный зверь, потом — браконьер и, наконец — нет, это друг!

Слегка улыбаясь, Джайлс смотрел на нее и раздумывал, но не о ее словах, а о том, стоит ли ей говорить, что за ней наблюдали. «Не стоит», — решил он.

— Вы были в Хинток-хаусе? Впрочем, незачем спрашивать.

В самом деле, лицо мисс Мелбери выражало ту степень восторга, в какой человек перестает замечать подробности окружающего мира и едва сознает самого себя.

— Почему незачем?

— Потому что у вас сейчас лицо, какое, наверно, было у Моисея, когда он спустился с Синая.

— Как вам не стыдно кощунствовать, Джайлс Уинтерборн! — покраснев, возмутилась Грейс.

— А зачем вы обожествляете эту породу людей? Впрочем, не сердитесь; я не хотел вас задеть. Как вам показались Хинток-хаус и хозяйка?

— О, они чудесные. Ведь я с детства не была в усадьбе. Тогда ее, помните, еще сдавали — до того, как она перешла к покойному супругу миссис Чармонд. А миссис Чармонд просто обворожительна!

Тут взгляд Грейс застыл в созерцании обворожительной миссис Чармонд, чей образ, материализованный силой вооб-

ражения, казалось, вот-вот зареет в воздухе между Грейс и Уинтерборном.

— Она пробыла здесь всего месяц или два, но не хочет оставаться дольше; она говорит, что здесь скучно, а в доме зимой сыро. Она собирается за границу. И представьте себе, приглашает меня с собой.

Лицо Джайлса окаменело.

— Вот как? Зачем? Впрочем, я напрасно вас задерживаю. Эй, Роберт! — крикнул он появившейся в отдалении растрепанной фигуре.— Поработай за меня, я сейчас вернусь.

— Слушаюсь, сэр, слушаюсь.

— Дело в том,— пояснила Грейс, когда они продолжили путь вдвоем,— что у миссис Чармонд есть очаровательная склонность — она записывает путевые впечатления, как Александр Дюма, и Мери, и Стерн, и другие. Только самой ей это очень утомительно.— И Грейс посвятила Джайлса в замысел миссис Чармонд.— Я нахожу, что стиль Мери подойдет ей лучше всего, его перу свойственны та же мягкость, полнота чувства и великолепие, что и у миссис Чармонд,— задумчиво добавила Грейс.

— Неужели! — с шутивным благоговением отозвался Уинтерборн.— Вы и впредь будете расточать свою ученость, мисс Грейс Мелбери?

— О, я не хотела,— с раскаянием сказала она, заглядывая ему в глаза.— Что до меня лично, то я французских книг не терплю. Я люблю наш милый старый Хинток и его жителей в сто раз больше, чем весь континент. Но самый замысел миссис Чармонд — разве он не прелестен?

— Затея неплохая,— смягчился Уинтерборн,— но вы ведь опять нас покинете.

— Совсем ненадолго. Мы возвратимся в мае.

— Ну что ж, мисс Мелбери, пусть решит ваш отец.

Уинтерборн проводил Грейс почти до калитки. У него не повернулся язык пригласить ее на рождественский вечер, хотя он только о том и думал весь день, дожидаясь ее у дороги,— такой убогой и неуклюжей показалась ему мысль о домашней вечеринке, по-деревенски старомодной и простодушной, по сравнению с возвышенным складом речей и помыслов Грейс.

Едва за ней затворилась дверь, Уинтерборн побрел обратно, не в силах отделаться от предчувствия, что затея с вечеринкой вряд ли приведет к чему-нибудь путному. Сегодняшний визит Грейс в поместье не сулил ему ничего доброго. Девушка, которая вхожа в Хинток-хаус, на дружеской ноге с его хозяйкой, которая и говорит-то, как она, и одевается не хуже,— такая девушка не пойдет за него, простого фермера, сажающего елочки, как бы хорошо он их ни сажал.

— И все же сердце у нее доброе,— думал он, вспоминая ее слова о Хинтоке,— надо поговорить с ней начистоту, а там будь что будет.

Добравшись до участка с посадками, он обнаружил, что Марти уже там, и, отпустив Кридла, молча принялся за работу.

— Как вы думаете, Марти,— наконец проговорил он, глядя на ее вытянутую окоченевшую руку с багровыми следами царапин,— допустим, вы знаете человека и хотите, чтобы он лучше вас понял, поможет рождественская вечеринка ускорить дело? Выйдет из нее толк?

— Какая вечеринка, с танцами?

— Надо думать, с танцами.

— А он будет с ней танцевать?

— Пожалуй... да.

— Тогда что-нибудь да выйдет — хорошее или плохое.

— Чему быть, того не миновать,— заключил Уинтерборн, словно про себя, хотя произнес эти слова вслух. И, так как день был уже на исходе, добавил: — Вот что, Марти, завтра я пришлю работника, он закончит посадки. А мне придется заняться другими делами.

Марти не спрашивала какими, ибо видела, как он провожал Грейс Мелбери. Она взглянула на запад,— небо на закате полыхало, как гигантская плавильня, в которой рождались новые миры. На фоне пламенеющего неба, отчетливо чернея каждым сучком, торчала безлиственная ветка, на которой темными силуэтами вырисовывались три фазана, устроившихся на ночлег.

— Завтра будет ясно,— сказала Марти, внимательно глядя на птиц; в ее зрачках горел киноварный отблеск заката,— фазаны уселись почти с краю сука. Если бы шло к ненастью, они бы прижались к стволу. Им ведь, кроме погоды, не о чем думать, правда, мистер Уинтерборн? Им, должно быть, полегче, чем нам.

— Должно быть, полегче,— повторил Джайлс.

Прежде чем взяться за приготовления, Уинтерборн в тот же вечер направился к лесоторговцу; не льстя себя особыми надеждами, он все же хотел знать наверняка, почтит ли его Мелбери своим присутствием. Однако, провозившись с силками для кроликов, объедавших деревья, он вышел из дому довольно поздно — свет луны, пробираясь сквозь ветви, уже ложился неровными лоскутами на крыши и стены домов. Мелбери как раз подходил к воротам, намереваясь проведать кого-то в деревне, но, увидев Уинтерборна, охотно отложил свое дело и стал расхаживать с ним взад-вперед по дорожке.

Униженно сознавая, что занимает в Хинтоке куда более скромное положение, чем Мелбери, молодой человек остерегался прямо объявить свои намерения. Поэтому он скромно сказал:

— Не могли бы вы с миссис и мисс Мелбери заглянуть ко мне послезавтра на часок, я хочу сказать, если у вас не найдется других спешных дел.

Мелбери заколебался.

— Прямо не знаю, что тебе сказать. Погоди до завтра. Я спрошу женщин. Что до меня, я-то к тебе со всей охотой, да ведь кто его знает, что там у Грейс в голове. Шутка ли, столько лет прожить с образованными людьми, да еще тут миссис Чармонд... Ладно, спрошу. А пока большего не скажу, не знаю.

Расставшись с Джайлсом, лесоторговец зашагал своей дорогой. Он был уверен, что, какие бы чувства ни испытывала Грейс к Уинтерборну, она не ослушается отцовской воли, но он-то как раз склонялся к тому, что ей не стоит принимать приглашение. Оказавшись у церкви, он заколебался, идти ли дальше кладбищем или вдоль церковной ограды. По неизвестной причине он выбрал первое.

Лунный свет слабо озарял могилы, тропинку и фасад церкви. Внезапно сбавив шаг, Мелбери свернул в сторону и, ступая по траве, подошел к могильной плите. «Здесь покоится Джон Уинтерборн»,— значилось на ней; ниже стояли даты рождения и смерти. Это была могила отца Джайлса.

Лесоторговец коснулся надгробия ладонью, и черты его смягчились.

— Не кори меня, Джек,— сказал он.— Я своему слову хозяин и вину перед тобой заглажу.

В тот же вечер, возвратившись домой и застав Грейс и миссис Мелбери за шитьем у камина, он решительно сказал:

— Джайлс приглашает нас к себе на часок послезавтра. Я думаю, раз Джайлс зовет, надо пойти.

Возражений не последовало, и наутро, как было уговорено, к Джайлсу послали сказать, что приглашение его принято.

То ли от желания быть ненавязчивым, то ли просто по забывчивости Уинтерборн не оговорил времени визита: поэтому Мелбери, не предполагая у Джайлса других гостей, исходил из собственных удобств; случилось же так, что он в этот день управился с делами раньше обычного, и задолго до наступления сумерек семейство уже было готово к выходу. Как бы показывая, что приглашение малозначительно, все трое шли по улице не спеша, точно прогуливаясь без видимой цели или собираясь ненароком заглянуть к соседу на чашку чая.

В то же самое время в доме Уинтерборна царил суматоха. Около шести замышлялось устроить чаепитие, а ближе к одиннадцати — добрый веселый ужин. Как холостяк и человек не избалованный, Джайлс взял часть хлопот на себя, а другую возложил на вездесущего Роберта Кридла, незаменимого во всех домашних делах, от уборки постели до ловли

котов на хозяйском поле. Кридл бесценно служил Уинтерборнам еще с тех времен, когда хозяйство возглавлял отец Джайлса, а сам Джайлс был озорным мальчуганом.

Джайлс и Кридл отличались известной медлительностью, поэтому в изображаемый момент хлопоты их были в полном разгаре, тем более что гостей ждали никак не ранее шести. Сам хозяин с засученными рукавами орудовал в кухне у печи, то подбрасывая сухие ветки боярышника, то вороша полыхающие поленья огромной кочергой, похожей на адские вилы Вельзевула; пот струился по его разгоряченному лицу, глаза сверкали, боярышник трещал и сыпал искрами. Кридл в ожидании, пока раскалится плита, сутился у стола, заставленного противнями с яблочными пирогами, и напоследок сверху приглаживал тесто скалкой. Рядом на огне кипела большая кастрюля, а в открытую дверь кухни виднелся мальчишка, который, усевшись на каминную решетку, начищал щипцы для снятия нагара; подсвечники дожидались своей очереди на каминной конфорке, куда их поставили, чтобы растопить пристывшее сало.

Мимоходом взглянув в окно, Кридл остолбенел: к дому в праздничном костюме шествовал лесоторговец, за ним в лучшем шелковом платье — миссис Мелбери и, наконец, Грейс в том самом привезенном с континента наряде, который она надевала по случаю визита к миссис Чармонд. Не дойдя до двери, все трое остановились: их внимание привлекли яркие отсветы огня, лежавшие на лицах Джайлса и работника и на кухонной утвари.

— Боже милостивый, да они уже тут! — всполошился Кридл.

— Как, не может быть! — воскликнул ошеломленный Джайлс. Обернувшись, он увидел, что мальчишка уже восторженно приветствует вошедших, размахивая дымящимся подсвечником. Делать было нечего, растерянный Уинтерборн поспешил навстречу гостям.

— Дорогой Джайлс, мы не слишком рано? — озабоченно спросила миссис Мелбери.

— Нисколько, я очень рад. Что же вы не заходите? — Джайлс был в замешательстве.

— Да у тебя настоящий пир! — грозно проговорил мистер Мелбери, оглядываясь и тыча палкой в сторону кухни.

Джайлс замялся.

— Что ж, надо думать, ты и музыкантов из Большого Хинтока позвал, и танцы будут?

— Я сказал троим, чтобы зашли, если выберут время, — скромно подтвердил Джайлс.

— Так какого же ты дьявола прямо не сказал про эту затею? Если ты сам толком не говоришь, откуда же нам знать, что у тебя на уме? Ну, теперь что прикажешь делать, заходить

или, может, назад вернуться, подождать, пока ты тут управишься?

— Заходите, пожалуйста, присаживайтесь, виноват, виноват, мне только несколько минут, я мигом все улажу. Надо быть порасторопней, конечно.— Обычно сдержанный, Уинтерборн не мог скрыть волнения.

— Мы сами виноваты, что поспешили,— проворчал мистер Мелбери.— Да не держи ты нас в гостиной, веди прямо на кухню. Коли уж так вышло, надо тебе помочь. Ну-ка, хозяйка, давай, надевай фартук, берись за дело. Я займусь печью, а ты, Джайлс, иди разделявай уток.— Его взгляд с беспощадной быстротой устремился в дальний угол неуклюжей кухни, где висели вышеозначенные птицы.

— А я помогу испечь пирог,— весело добавила Грейс.

— Этого только не хватало,— недовольно отозвался Мелбери,— оставь-ка пироги нам с мачехой, на кухне тебе не место.

— Да, да, я этого не допущу, Грейс,— спохватился огорченный Уинтерборн.

— Нечего спорить, пирогами займусь я,— решительно сказала миссис Мелбери. Сняв шелковый шарф, она повесила его на крюк, аккуратно засучила до плеч рукава и отобрала у Джайлса передник. Пока отец с мачехой помогали Уинтерборну управиться со стиркой, Грейс празднично бродила по кухне, блуждая взглядом по убогой обстановке. Перехватывая временами этот взгляд, Джайлс не видел в нем ничего, кроме жалости, но эта жалость колола его сильнее, чем презрение.

Пока гости разбирались в хозяйских кастрюлях, сковородах и припасах, Кридл, улучив минуту, подкараулил Джайлса у колодца и хрипло прошептал ему в самое ухо:

— Вот это переплет, хозяин! Кто бы мог подумать, что нелегкая принесет их в такую рань!

Удрученный взгляд Уинтерборна говорил больше, чем слова, хотя он изо всех сил старался казаться спокойным.

— У тебя сельдерей чищен? — спросил он вместо ответа.

— Позабыл, как есть позабыл. И что за напасть такая, никак я про него не упомяну. Ты мне хоть что дай, хоть золотом осыпь, все равно не упомяну. Только я тебе вот что скажу и от своего не отступлю: сельдерей как ни чисть, если по нему скребком не протрешь, он все одно будет грязный.

— Хватит, хватит болтать. Пойди лучше позаботься о гостях,— оборвал его Джайлс, но через минуту, вернувшись с корнями из огорода, он застал Кридла все с тем же трагическим выражением на лице.

— Будь вы женаты, хозяин, такой истории с нами бы не приключилось,— заверил он Джайлса.

Наконец все было улажено, жар в печи полыхал, оставалось только ждать, когда поспеет ужин. Перебравшись из кухни в гостиную, миссис и мистер Мелбери, теперь уже гостя-

ми, удобно в ней расположились, хотя здесь было далеко не так тепло и уютно, как в кухне. Начали появляться другие приглашенные, среди прочих — фермер Баутри и столяр, и вскоре чаепитие пошло полным ходом.

Грейс была так ровна и приветлива, так снисходительна к хозяйственным просчетам Джайлса, что он невольно заподозрил, не видит ли она огрехов больше, чем открыто его взгляду. Сочувственная улыбка на ее лице, не исчезающая с самого прихода, не оставляла в нем на этот счет никаких сомнений.

— Надо полагать, вам давно не приходилось видеть такой неразберихи? — спросил Джайлс, улучив минуту.

— Может быть, но мне это даже нравится. Так приятно убедиться, что в старом добром Хинтоке ничего не изменилось. Правда, стулья, по-моему, не стоило мазать, а в остальном все превосходно.

— Мазать? Чем мазать?

— Не знаю, я хочу сказать, что они пачкают платье. Впрочем, это не так важно, оно все равно не новое.

Тут только до Джайлса дошло, что переусердствовавший Кридл натер мебель для блеска полигатурой и не вытер насухо, чтобы не портить эффекта. Извинившись, Джайлс тут же сделал Кридлу выговор; но было поздно, он видел, что в этот вечер против него ополчилась сама судьба.

ГЛАВА X

Настало время ужина; он был сервирован на снежно-белой скатерти с топорщившимися четкими складками, ни дать ни взять как на «Тайной вечере» кисти фламандского художника. Кридл и мальчишка, его подопечный, с поразительным проворством сновали из кухни в гостиную, сменяя блюда. Желая польстить наставнику, мальчишка наедине с ним без устали восхищался его умом и талантами.

— А правда, мистер Кридл, что вас в ополчении научили всему на свете?

— Как неправда, правда. Чего я там только не навиделся. Конечно, сегодня-то мне Джайлс помог, без его подмоги мне бы такого лоска не навести. Я его Джайлсом зову, даром что он мне хозяин. Надо бы величать его как положено, да мы с его родителем как родные братья росли, ну совсем как от одних отца-матери.

— А правда, мистер Кридл, что вы историю всю насквозь знаете?

— Как не знать. Что ни случалось, сражения, мор или там казни, все помню. А в нашем приходе сколько почтенных людей на моей памяти перемерло. Вот, опять им подавай чистые тарелки, старые им для пудинга не хороши, видите ли. Нет чтоб поставить их кверху дном, как раньше, бывало...

Тем временем Уинтерборн, едва ли сознавая происходящее, восседал в гостиной во главе пиршественного стола. Сраженный неудачей, унижившей его в глазах Грейс, он в рассеянности поедал хлеб кусок закусом и снимал нагар со свечей так часто, что их мигающие фитильки утопали в растопленном салe. За пудингом последовала печеная утка; Кридл внес ее прямо на треногой жаровне, высоко поднял в воздух и с плеском вывалил на блюдо, предупреждающе воскликнув:

— Осторожно, леди и джентльмены!

Грейс вздрогнула, заморгала и прижала к лицу носовой платок.

— Боже милостивый! Что ты наделал, Кридл,— гневно закричал Джайлс, вскочив, как ужаленный.

— Да я что, без гостей так делали, ну я и хотел опять...— громким шепотом начал Кридл.

— Ладно тебе,— оборвал его Джайлс и поспешил выразить надежду, что масло не попало Грейс в глаза.

— Нет, нет, пустяки,— успокоила она его.— Мне только слегка брызнуло в лицо.

— Поцелуй — и все как рукой снимет,— галантно заметил мистер Баутри.

Грейс вспыхнула.

— Ничего, обойдется,— быстро вступил лесоторговец,— беда невелика,— но лицо его вразрез со словами говорило: «Этого надо было ожидать».

Джайлс и сам был не рад своей затее; что говорить, Грейс совсем не место среди этих людей. И зачем было приглашать Баутри со столяром? Но кого же тогда звать, если других приятелей у него нет, а без гостей дом выглядел бы совсем пусто и неуютно. Нет, не такой виделась ему в мечтах эта рождественская вечеринка; прочие гости должны были только заполнить пустоту, отдав первенство семейству Мелбери, а вышло так, что они вылезли вперед, оттеснив Мелбери на задний план.

После ужина сели за карты. Баутри со столяром мигом завладели новой колодой и, облюбовав в углу отдельный столик со свечой, принялись за свою нескончаемую игру. Всюду, куда бы эти двое ни являлись, они тотчас с видом важной задумчивости сядились продолжать прерванную игру, при которой мелок поминутно переходил из рук в руки. Остальным гостям поневоле пришлось довольствоваться вынутой из комода старой колодой, заигранной еще бабушкой Джайлса. Посредине карт были темные сальные пятна — отпечаток азартных пальцев нескольких поколений игроков, давно сошедших в могилу; от времени короли и дамы приобрели унылый вид и смотрели не царственными особами, а обездоленными изгнанниками, ютящимися под случайным кровом. Чинное молчание за общим столом изредка нарушали доносившиеся из угла рифмованные прибаутки фермера Баутри или столяра:

Попомни, друг, мои слова,
Что тут всего лишь тридцать два! —

их сопровождал скрип мела по столу, вслед за чем слышалось новое восклицание, перебранка, и карты сдавались заново.

Лесоторговец уже не скрывал своих чувств: на вопрос Джайлса, не скучно ли ему и его семейству, он с самодовольной миной похвалил вечеринку:

— Не бойся, все идет как по маслу,— заверил он Джайлса покровительственным тоном.— Экие славные у тебя бокалы. Не знал, не знал, что у тебя в хозяйстве столько добра. Люси,— обратился он к жене,— надо бы и нам такие завести.

Окончив игру, он, как хозяин, стал спиной к камину и свысока, точно вещь, оглядев что-то говорившего ему Уинтерборна, заметил:

— Ладная у тебя куртка, Джайлс. И я бы не прочь в такой ходить, да не знаю, где взять, мне за тобой не угнаться.

Заждавшиеся музыканты из Большого Хинтока выступили вперед и заиграли. Начались танцы. Грейс сделала несколько па и сбилась — за годы разлуки с Хинтоком она совсем забыла фигуры деревенских танцев. Джайлс почувствовал, что все пропало. А Грейс, глядя на движущиеся в старинном ритме пары, припоминала себя в светлой зале просторного дома среди прелестных воздушных подруг, точно эльфы порхавших в облачке легкого муслина; сейчас, должно быть, они далеко, в местах, ничуть не похожих на Малый Хинток.

Какая-то незнакомая Грейс женщина, взяв со стола карты, предложила ей погадать. Грейс согласилась, и женщина сбивчиво и несвязно, извиняясь, что давно уж не пробовала гадать, что-то ей напорочила.

Стоя рядом, мистер Мелбери презрительно комментировал:

— Да что ей гадать? Ее судьбу люди ученые, не тебе чета, предсказали. Знаешь, как они называются? Френологи. А это что за гадание? Столько лет поживешь среди умных людей, разве в Хинтоке чему удивиться?

Наконец подошло время расходиться по домам. Когда Мелбери с семейством откланялись, игроки в углу еще не поднимали голов от карт, успев исчеркать мелом весь столик красного дерева. Ночь была погожая, дорога недалняя, и все трое Мелбери решили прогуляться пешком.

— Хороший парень Джайлс, ничего не скажешь,— сказал мистер Мелбери, выйдя на аллею под своды деревьев, среди которых, точно вкрапленные в узор ветвей, ярко светились звезды.

— Очень хороший,— подтвердила Грейс таким тоном, точно хотела уверить собеседников, что Джайлс ничуть не упал в ее глазах.

Выйдя на прогалину, откуда днем был виден дом доктора, они заметили свет в одном из его окон, хотя было уже далеко за полночь.

— Еще не ложился,— заметила миссис Мелбери.

— Важная работа, стало быть,— отозвался лесоторговец.

— А со стороны подумаешь, нет у человека забот, так хоть поспит вволю. Днем-то его, почитай, и не видит никто.

После событий минувшего вечера особенно приятно было отвести душу разговором об образе жизни мистера Фитцпирса.

— Что странного, что никто его не видит? Какой интерес такому человеку жить в нашей глуши? Ну, да надо думать, он у нас не задержится.

Тут мистер Мелбери снова припомнил Джайлсову вечеринку, и, пользуясь тем, что Грейс ушла чуть вперед, доверительно сказал:

— Что ни говори, а эта жизнь не по ней. Не к тому она приучена. Вот ведь, ничего наперед не угадаешь; думал, пусть учится, по заграницам ездит, вернется — будет Джайлсу хоро-

шая жена, а вышло, что он ей не пара. Черт знает, какая досада! А что делать? Придется ей за него идти, придется...

При этих словах за их спиной раздался топот и два голоса, принадлежавшие неразлучным картежникам, во всю глотку завопили на мотив военного марша:

Так пусть она,
Так пусть она
Отправится ко всем чертям!

— Вот, смотри, с кем нас позвали, — с негодованием сказал Мелбери, оборачиваясь назад. — Нам, старикам, что, нас от того не убудет, но Грейс каково — о ней-то он не подумал.

Тем временем обсуждаемый на все лады Уинтерборн бродил по дому, откуда только что убрались последние гости, и с тоской взирал на царивший в нем беспорядок. На кухне он застал Роберта Кридла, — о чем-то размышляя, тот сосредоточенно смотрел на догоравшие в печи угольки.

— Ты, верно, притомился за день, Роберт, ложись-ка спать.

— Да что там, Джайлс, я хотел сказать, хозяин. Хорошо посидеть, когда все дела переделаны.

Думая о своем, Уинтерборн взял кочергу и, наморщив лоб, стал ворошить золу, пока широкий под не стал похож на опаленную зноем Сахару, усеянную огненно-красными камнями.

— Ну что, по-твоему, вечер удался? — спросил он наконец.

— Угощение вышло на славу, это точно. И выпивка удалась, тут меня не проведешь — бочки, какую ни возьми, все гудят. Да, выпивка такая, что лучше не выдумаешь. Крепче меда я во всю жизнь не пробовал. И наливка вишневая хороша. И сидра игристей никто не выгоняет, а уж как я его настоял на спирту да на пряностях, так о том я и не говорю. А яичный флип вышел такой, что хоть сквозь муслин цеди — ни пятнышка не останется. Такой флип кого хочешь развеселит, сам король от него запляшет. Тем, не спорю, тем небось не все по нраву пришлось. — Он кивнул в сторону дома Мелбери.

— Да, боюсь, что тут-то мы и оскандалились.

— Ну, коли так, значит, судьба. И как эту улитку попасть...

— Какую еще улитку?

— Да обыкновенную, я, когда тарелку ее выносил, гляжу — с самого края улиточка, маленькая такая, лежит; откуда, думаю, ей там взяться? Должно, с зеленью попала.

— Это еще что за новости? А в зелень она как попала?

— Чего не знаю, того не знаю. Только, не иначе, там она и была.

— Но, черт возьми, Роберт, там-то ее и не должно быть!

— Это как сказать. Где же еще улитке быть, как не в огороде? Улитки всегда в огороде живут. Я уж знаю, меня

не проведешь. Что улитки, что гусеницы — к капусте так и льнут. Эту тварь, как ни старайся, от капусты не отвадишь.

— Но она хоть была не живая? — содрогнулся Джайлс, подумав о Грейс.

— Ну, это нет. Вареная, вот те крест, вареная. Боже избави, чтоб у Роберта Кридла да в стряпне живая улитка! Ах ты, господи, эта тварь-то мелкая и родилась на капусте, и весь век на капусте, и другого пропитания не знает. И чем она сама не капуста? Но молодая леди какова — сидит, все молчком, другая бы разговор завела, приятно побеседовала, откуда, мол, улитка взялась, а то все, как сычи, сидели, не знали, о чем говорить.

— Что ж, значит, всему конец, — пробормотал Джайлс, тряхнув головой, наклоненной над тлеющими углями, и сильнее хмурия лоб. — Она, Роберт, привыкла не к такому обхождению, ей надо, чтоб были лакеи, чтоб все блестело, мы перед ней деревенщина неотесанная.

— А коли так, пусть поищет себе другого. Нечего было забивать голову науками, заноситься невесть куда; а то еще скажу, незачем было холостому джентльмену устраивать такой пир, а уж если устраивать, так для тех, кто тебе ровня.

— Ты прав, — с горьким вздохом ответил Джайлс и отправился спать.

ГЛАВА XI

— Какая досада... Боже, какая досада, — повторял наутро Мелбери, пользуясь тем, что Грейс еще не спускалась к завтраку.

Но что было делать: отказав Уинтерборну, он изменит слову, разрушит замысел, который до сих пор вынашивал — да и сейчас невольно помогал его осуществлению. Как бы то ни было, все должно решиться в ближайшее время, и надо заранее обдумать, как себя вести.

Того, что есть, не спрячешь: за год Грейс переменялась неузнаваемо, и теперь, вложив столько денег в ее образование, он чувствует, что не в силах, просто не в силах отдать ее за Джайлса, который до гроба будет возиться с яблоками и торговать сидром. Этой женитьбе надо помешать, хотя бы и против желания самой Грейс.

— Конечно, они поженятся, коли ты прямо не скажешь ей, что никто ее не неволит, — заметила ему миссис Мелбери. — А то смотри, она тут поживет, обвыкнет, подумает, что и в Хинтоке неплохо живется, и с Джайлсом тоже стерпится, слюбится, в доме у него наведет порядок, — приданое ведь за ней немалое. Это она только поначалу, с непривычки дичится. Я, думаешь, верила, что приживусь в Хинтоке? А вот время про-

шло, и освоилась. Раньше казалось, пол каменный такой холодный, и совы по ночам ухают — страх, а теперь все ничего; и в глуши люди живут.

— Ты права. Пройдет время, и Грейс будет под стать нам, деревенским. И делать все станет, как мы, и разговаривать так же, еще спасибо скажет, что сосватали за Джайлса. Но мне-то какво думать, что это я своими руками тяну ее вниз, к старой жизни, когда ей впору жить во дворце, когда я себя не щадил, чтоб ее над всеми возвысить. Какowo мне теперь знать, что руки у нее загрубеют,— а сейчас пальчики такие нежные,— и ходить она начнет вразвалку да враскачку, как фермерша...

— Ну, такого с нею не будет,— решительно возразила жена.

Когда Грейс сошла наконец к завтраку, отец встретил ее недовольным ворчаньем — не то что ему казалось предосудительной привычка долго спать по утрам, но его испугала нарисованная им перспектива.

— Ты мог ворчать на меня,— ответила Грейс, и губы ее дрогнули,— ты мог ворчать на меня, когда я была девочкой, а теперь я взрослая и могу жить своим умом... Но дело не в этом, дело совсем в другом...— И, не договорив, она выбежала из комнаты на улицу.

Мелбери огорчился. Взаимное недовольство отца и дочери было вызвано не друг другом, а сцеплением причин и следствий, не ведающим ни правых, ни виноватых, которого обычно не улавливает и не постигает человеческий ум. Мелбери нагнал дочь уже за домом. Она бесцельно брела по покрытой белой изморозью поляне, где стаями по двадцать — тридцать разгуливали скворцы, а за ними, охорашиваясь на солнце, наблюдало семейство воробьев, уютно устроившихся на цоколе кухонной трубы.

— Вернись, позавтракай, дочка,— просительно проговорил он.— А про Джайлса думай сама и поступай, как захочешь,— я со всем согласен.

— Но мы же помолвлены, папа. Рано или поздно мне придется стать его женой,— ведь ты дал ему слово.

По этому ответу Мелбери заподозрил, что Грейс не вполне равнодушна к Джайлсу, что в глубине души у нее еще, может быть, сохраняется детская привязанность к нему, позднее заглушенная новыми впечатлениями. Однако он счел преждевременным расхолаживать Грейс.

— Вот и ладно,— сказал он.— Нам еще не сейчас расставаться, так что походи куда позавтракай. Расскажи-ка лучше, как ты была в Хинток-хаусе, понравилось тебе там?

— Да, там было прекрасно.

— Не то что у Джайлса?

Грейс не ответила, но, зная ее, он догадался, что в молчании ее скрывался упрек за жестокое сопоставление.

— А в какой день, ты говоришь, тебя ждет миссис Чармонд?

— Скорее всего во вторник, но она обещала накануне меня известить.

С этими словами отец и дочь вернулись к прерванному завтраку.

Долгожданный вторник настал, но приглашения не последовало, не было его и в среду. Через две недели стало окончательно ясно, что миссис Чармонд раздумала принимать Грейс под свое покровительство.

Мелбери терялся в догадках. Миссис Чармонд виделась с Грейс дважды — в лесу и у себя в Хинток-хаусе; в том, что она ее оценила, у него не было сомнений. После этого не случилось ничего нового, кроме вечеринки у Джайлса. Конечно, по всей округе в эти две недели только и было разговоров, что о его щедром гостеприимстве и о Грейс, — кто же не видит ее необыкновенных достоинств! Наверно, эти деревенские толки успели дойти до миссис Чармонд, и ей не понравилось, что Грейс водит знакомство с простолюдинами.

Уверившись в правильности этого хода мыслей, мистер Мелбери совсем упустил из виду, что женщины могут менять решения по множеству других причин и, наконец, просто из прихоти. Он знал, что Грейс привлекательна, но забыл, что миссис Чармонд тоже притязает на красоту. В простоте душевной он полагал, что привлекательная женщина одинаково располагает к себе всех людей.

Теперь он был непоколебимо убежден, что в неудаче Грейс, — самой серьезной неудаче, как он ее расценивал, — повинен один Джайлс со своей никчемной деревенской пирушкой.

— Экая досада! — твердил он себе. — Хочу успокоить совесть, а на деле гублю дочь.

Через несколько дней утром, когда семейство Мелбери сидело за завтраком, предаваясь все тем же тревожным раздумьям, окно вдруг закрыла странная тень. Подняв глаза от тарелки, они увидели за окном Джайлса верхом на лошади; пригнувшись и вытянув шею, всадник, видимо, давно уже старался привлечь к себе внимание.

— Вот и он... на новой лошади! — воскликнула Грейс, по-видимому первой заметившая его старания.

Если бы Джайлс мог разглядеть их лица сквозь старые двойные стекла, он прочитал бы на них всю сумятицу чувств, все, что было сейчас у них на уме. По счастью, он ничего не увидел. Сияя и радостно улыбаясь без видимой причины, он был занят какой-то своей тайной мыслью. Семейство вышло ему навстречу. Грейс — встревоженная и хмурая, Мелбери, — рассеянный и задумчивый, миссис Мелбери — искренне заинтересованная зрелищем.

— Ну-ка покажите, что у вас за лошадь,— обратилась она к Джайлсу.

Не в силах скрыть, что ему льстит внимание, Джайлс поспешил объяснить, что уже проскакал на ней милью или две, испытывая ее резвость. Отчаянно стараясь выглядеть безразличным, хотя его распирала радость, он добавил:

— Я ее купил потому, что она приучена держать в седле даму.

Мистер Мелбери нимало не оживился.

— А она смиренная? — поинтересовалась миссис Мелбери.

Уинтерборн заверил ее, что лошадь смиренная.

— Я все разузнал. Ей двадцать пять лет, она очень понятливая.

— Ладно, давай слезай и заходи в дом,— не церемонясь, оборвал его Мелбери, и Джайлс послушно спешился.

Появление Уинтерборна верхом на лошади явилось следствием неустанных двухнедельных раздумий. Свою неудачу с вечеринкой Джайлс перенес стоически, но, не исчерпав вполне запаса энтузиазма, в один прекрасный день он купил на шертонском рынке упомянутую кобылу, много лет служившую дочерям священника из соседского прихода; по уверениям, лошадь годилась и для поездок верхом,— все равно, джентльмену или леди,— а при нужде и в упряжку, и для полевых работ. В крохотном животном Джайлсу почудилось спасительное средство утвердить свою пошатнувшуюся репутацию в доме Мелбери и представить себя как человека солидного, способного позаботиться о будущем Грейс.

Сама она этим утром смотрела на Уинтерборна с особым чувством, которое доводится испытать только женщине; выразить это чувство, это душевное состояние обычными словами значит произнести нечто несовместимое, как, скажем, сочетание «невещественность вещества». Говоря попросту, Грейс испытывала щемящую жалость к человеку, с которым накануне была излишне холодна. Обычная невозмутимость Уинтерборна в этот день уступила место одушевлению, которое окрасило его щеки и придало блеск глазам. Миссис Мелбери предложила ему сесть с ними за стол, и он с радостью согласился. Чуть-чуть пронизательности, и он бы заметил, что хозяйева уже кончают завтракать, что чайник кипит на плите, а стало быть, надо долить воды и подбросить дров, что надо сызнова уставлять стол едой. Но Джайлс ничего такого не видел, помышляя только о том, как угодить предмету своих чаяний; он не знал, сколько выпил чаю, не понимал, что завтрак затянулся сверх обычного и что хозяйевам давно пора приняться за дневные дела.

Он подробно излагал комическую историю своей покупки, все время рассказа мрачно кося вбок, как бывало с ним во всех случаях, когда он пытался поведать что-то забавное.

Только собрался он завершить описание торгов, как Грейс встала из-за стола со словами:

— Мне пора, мистер Уинтерборн, я должна помочь маме по хозяйству.

— Что? — переспросил он, взглянув на нее.

Грейс повторила, слегка покраснев от неловкости; мгновенно осознав несуразность своего положения, Джайлс вскочил и, сказав: «Да, да, разумеется», — скороговоркой попрощался и выбежал вон.

Но странное дело, вопреки всему, ему удалось отвоевать свои позиции в доме Мелбери. Время работало на него, и мистер Мелбери с тоской замечал, что Грейс постепенно осваивается с простым укладом домашней жизни, — так поначалу нам кажутся чуждыми и непривычными лица близких после долгой разлуки, но встречи учащаются, и мы снова видим перед собой милые знакомые черты.

В общем, мистер Мелбери роптал на судьбу за то, что ему приходится жертвовать дочерью, выпестованной с таким трудом. В дальнем уголке его души таилась надежда, что, прежде чем чаша весов окончательно склонится в пользу Уинтерборна, вмешается случай и выручит его так, что и совесть останется чиста, и Грейс уберется от грубой и низкой жизни.

Его точила мысль, что миссис Чармонд утратила интерес к Грейс так же внезапно, как и проявила, и эта мысль поддерживала в нем уверенность, что всему виной Уинтерборн со своей вечеринкой, вынудившей Грейс проявить снисходительность к Джайлсу и его окружению.

Однако события не спешили. Но вот, подобно тому, как бондарь легким постукиванием то справа, то слева подгоняет обруч к нужному месту, несколькими незначительными обстоятельствами твердо определились все изгибы жизненного пути Грейс Мелбери.

ГЛАВА XII

Стоял ясный осенний день. Мисс Мелбери отправилась на утреннюю прогулку; как всегда, заботливый отец вызвался ей в попутчики. От дуновений свежего утреннего ветерка, пробиравшегося сквозь сеть обнаженных ветвей, ерошились, задевая друг друга, мелкие листочки плюща, обвивавшего деревья. Грейс с упоением вдыхала родной воздух. Дойдя до опушки леса, клином выходившего на пустое осеннее поле, они остановились, оглядывая окрестности. Вдруг из-за деревьев прямо на них выбежала лиса с поджатым хвостом, покорная, как домашняя кошка, и тихо скрылась в пожелтевших папоротниках.

— Где-то рядом охота, — заметил Мелбери, проводив зверя взглядом.

Действительно, вскоре в отдалении показалась стая гончих, беспорядочно рыскавших вправо и влево, видимо, потеряв след. За ними возникли и разгоряченные всадники. В замешательстве они оглядывались кругом, недоумевая, куда могла подеваться их жертва. Через минуту к пешеходам подскочил, задыхаясь от возбуждения, фермер и, окликнув Грейс, чуть опередившую отца, спросил, не пробегала ли мимо них лисица.

— Пробегала,— ответила Грейс.— Совсем недавно. Она ушла туда.— И она показала рукой.

— И ты не кликнула собак?

— Нет.

— Так какого же черта... не могла сама, надоумила бы старого хрыча! — И фермер пустил лошадь галопом.

Грейс растерялась; взглянув на отца, она увидела, что тот побагровел от гнева.

— Как он смел...— выговорил он наконец, не в силах скрыть, что уязвлен до глубины души таким обращением с дочерью.— Распустил язык, невежа. Разве так разговаривают с дамой? Увалень деревенский, думает, с образованной, воспитанной девушкой можно говорить, как со скотницей. Шведам да татарам шутки такие шутить позволительно. А я чуть не сотню фунтов в год на тебя тратил, чтоб ты училась, чтоб выше их всех залетела, всем показала, какая у меня дочь. Дело простое, ясно, почему так вышло. Потому, что я шел рядом. Будь это не я, а какой-нибудь помещик в черном шуртуке или пастор — этот грубиян по-другому бы заговорил.

— Зачем ты так, папа. Не наговаривай на себя понапрасну.

— Не спорь, так оно и есть, как я говорю. Каков мужчина, такова и женщина, по нему судят, а не по ней. Если женщину видят рядом с джентльменом, ее всегда примут за леди, а если она водится с деревенщиной, всякий подумает, что и сама она немногого стоит. Ну нет, я не позволю, чтобы с тобой так обходились, берегу хоть не тебя, так твоих детей. Ты будешь выходить на прогулку с видным мужем — не мне чета, да поможет тебе господь!

— Поверь мне, отец,— с волнением возразила Грейс,— меня это ничуть не задело. Мне не нужно другого уважения, чем то, что мне оказывают.

«Иметь дочь тревожно и хлопотливо»,— сказал, кажется, Менандр или кто-то еще из греков. К Мелбери это относилось в полной мере, ибо он обожал свою дочь. Что до Грейс, то ею все больше овладевало беспокойство; если ее не влекла мысль смиренно посвятить свои дни Джайлсу, то еще меньше ей хотелось служить предметом честолюбивых устремлений отца.

— Ты не откажешься от должного уважения, коли будешь знать, что этим угодишь отцу,— настаивал Мелбери.

Грейс не сопротивлялась. Против ее воли доводы отца запали ей в душу.

Уже подходя к дому, он сказал:

— Слушай, Грейс, я тебе обещаю, чего бы мне это ни стоило, что я жизни не пожалею, а выдам тебя за джентльмена. Сегодня я видел, какая цена женщине, если рядом с ней нет достойного человека.

Он тяжело дышал, ветерок подхватывал его дыхание и уносил прочь, точно укоряя за несправедливые суждения.

Грейс прямо взглянула на отца.

— А как же мистер Уинтерборн? Дело не во мне, то есть не в моих чувствах, но ведь ты дал ему слово...

Лесоторговец нахмурился.

— Не знаю, не знаю... Об этом рано еще говорить. Поживем — увидим.

В тот же вечер отец позвал Грейс к себе в кабинет. Это было небольшое уютное помещение рядом с гостиной, некогда служившее пекарней, о чем говорила печная кладка в стене. Мелбери приспособил его для своих нужд, устроив в печи сейф, где хранил деловые бумаги. Сейчас дверца сейфа была распахнута, и из замочной скважины торчал ключ.

— Садись, Грейс, побудь со мной, — сказал ей отец, указывая на стул. — Я хочу тебе кое-что показать, это тебя позабавит. — И он выложил перед ней кипу бумаг.

— А что это такое? — спросила Грейс.

— Разное — акции, купчие. — Он разворачивал их одну за другой. — Каждая стоит больших денег. Вот это, скажем, дорожные акции. Поверишь ли, что такой клочок бумаги стоит двести фунтов?

— Мне бы в голову не пришло.

— А это так и есть. Вот это трехпроцентные бумаги на разные суммы, а здесь, смотри, акции порта Бриди. У меня там большие дела, там грузят мой лес. Остальное разбери сама, посмотри, что понравится. Тебе интересно будет.

— Хорошо. Я непременно как-нибудь их посмотрю, — сказала Грейс, вставая.

— Вздор говоришь, смотри сейчас. Тебе надо знать в этом толк. Молодая образованная девушка, вроде тебя, должна кое-что смыслить в денежных делах. Ну как, не приведи бог, останешься вдовой со всеми мужними бумагами на руках — как ты тогда разберешься с капиталом?

— Не надо, папа. Капитал... Это слишком громкое слово.

— Ничего не громкое. У меня, хочешь знать, немалый капитал. Вот видишь пергамент? Это мои дома в Шертон-Аббасе.

— Да, но... — Она заколебалась, но, взглянув на огонь, тихо закончила: — ...если твой уговор с Уинтерборном останется в силе, мне придется скромно жить среди скромных людей.

— Этому не бывать! — воскликнул Мелбери, и на сей раз в его голосе прозвучал не минутный порыв, но твердая решимость. — Вспомни, ты сама говорила, что у миссис Чармонд ты чувствовала себя как дома, когда она тебе показывала

всякие красивые вещицы и усадила пить чай в гостиной. Что, разве не правда?

— Правда,— подтвердила Грейс.

— Значит, я верно сказал.

— Видишь ли, так мне показалось в тот день, сейчас я в этом меньше уверена.

— Не-ет, тогда ты все правильно поняла, а сейчас запуталась. Тогда ты душой и телом была еще не с нами, а с образованными людьми, потому ты и повела себя с миссис Чармонд, как равная с равной. А теперь ты к нам притерпелась и забываешь, где твое настоящее место. Так вот, делай, что я тебе говорю, посмотри бумаги и прикинь, какое в один прекрасный день получишь наследство. Сама знаешь, все, что есть, твоим будет, больше мне некому оставлять. Эх, если к твоему образованию да воспитанию прибавить столько бумаг, а может, еще столько же за достойным человеком, вот тогда всякому проходимцу неповадно будет язык распускать.

Грейс подчинилась и стала одну за другой просматривать бумаги, стоявшие, как ей сказал отец, больших денег. Целью его было пробудить в ней честолюбие,— утренняя перебранка в лесу оказалась последним доводом против его прежних благих намерений.

Грейс всей душой восставала против того, чтобы на ней сосредоточились тщеславные планы отца,— слишком тяжелым бременем ложились они на нее. Но не сама ли она навлекла на себя эту беду, приобретя не деревенскую внешность и манеры? «Если бы я вернулась домой в затрапезном платье, если бы я говорила, как они, я могла бы этого избежать»,— думала она. Но еще больше, чем это двусмысленное положение, ее удручали последствия, которыми оно было чревато.

По настоянию отца ей пришлось просмотреть и приходную книгу, и счета. Среди них, заложенный где-то в конце, ей попался счет за ее одежду, пансион и учение.

— Значит, я тоже обхожусь не дешево? Не дешевле, чем лошади, телеги и фураж? — спросила она с виноватым видом.

— В это незачем было заглядывать. Мне надо только, чтобы ты знала о моих делах. А что ты стоишь недешево, так в том беды нет. И от тебя выгода будет куда больше.

— Не говори обо мне так! — взмолилась Грейс.— Я же не движимость.

— Движимость! Всё ученые слова. Да ладно, ладно, я не против, тебе пристало говорить по-ученому, хотя ты мне и перечишь,— добродушно закончил Мелбери, с гордостью оглядывая дочь.

Наступило время ужина, как о том возвестила бабушка Оливер, между прочим, сообщившая:

— А хозяйка-то Хинток-хауса нас покидает. Говорят, завтра поутру отправляется в дальние края на всю зиму.

А у меня в горле так и хрипит; разрази меня гром, если мне не хочется побежать за ней следом.

Когда старуха вышла из комнаты, Мелбери с горечью сказал:

— Выходит дело, дружбе вашей конец. Теперь нечего и мечтать, что она тебя повезет с собой, не придется тебе описывать ее путешествия.

Грейс промолчала.

— Что ни говори,— сердито продолжил Мелбери,— а во всем виноват Уинтерборн со своей дурацкой затеей. Так вот, слушай меня — обещай, что не будешь с ним видеться без моего ведома.

— Я и так с ним не вижусь.

— Вот и отлично. А то мне вся эта история совсем не нравится. Обижать я его не хочу, но твое благо мне дороже, так-то. Да сама смекни, разве такой девушке, как ты, воспитанной, деликатной, пристало жить с неотесанным фермером.

Грейс вздохнула; в этом вздохе слышалось одновременно и сочувствие к Джайлсу, и покорность непостижимой воле обстоятельств.

В это самое время за воротами напротив дома Мелбери Тимоти Тенгс — старший, встретив на дороге Кридла, вел с ним разговор о том же злополучном Уинтерборне.

Справляясь у Кридла, не слышно ли чего новенького, пильщик выражал лицом попеременно то радость в предвкушении новостей, то озабоченность в ожидании неприятностей, которыми эти новости были чреваты.

— Бедняга Марти Саут и так одна, как перст, да еще вот-вот лишится отца. Ведь совсем было оправился старик, а теперь, говорят, опять худо, кожа да кости... А что ты думаешь, сосед Кридл, если старик отправится к праотцам, не навредит ли это твоему хозяину Уинтерборну?

— Что я, пророк израильский,— отвечивал Кридл.— А если правду сказать, так еще как навредит. Я еще вчера своим худым умишком раскинул, и так прикидывал, и эдак. И я тебе вот что скажу — все дома мистера Уинтерборна висят на волоске; помрет Саут, и все дома без никакого перейдут к ней в ручки, в Хинток-хаус. Я ему говорил, да только все слова на ветер.

ГЛАВА XIII

Кридл говорил правду. Жизнь — хрупкая жизнь одного человека,— законом назначенная отмерять срок аренды, держалась сейчас на волоске, а вместе с ней — будущее Джайлса Уинтерборна. Домишко Саутов, его собственный дом и арендованные еще его отцом полдюжины домов, принадлежавших различным семьям на протяжении последней сотни лет,— все

они должны были с кончиной старика слиться в одном обширном владении.

И подумать только, каких-нибудь два месяца тому назад на отца Марти, человека лет пятидесяти пяти, суетливого и беспокойного, никто не обращал внимания, жизнь его была далека от злобы дня, волновавшей соседей, и обещала продлиться еще добрую четверть века.

Утром следующего дня Джайлс Уинтерборн бродил по своему саду, размышляя о горьких превратностях судьбы. Странное чувство не отпускало его: ему казалось, что дорожки сада, грядки с капустой, яблони, дом, винный подвал, давящая конюшня, флюгер — все бежит от него куда-то прочь, как рисованные картинки в волшебном фонаре. Он давно знал о болезни Джона Саута, но как-то ни разу всерьез не подумал, чем это грозит ему в будущем. Справляться о здоровье больного, когда в дело замешан корыстный интерес, казалось ему еще безжалостнее, чем избегать разговора, поэтому он взял себе за правило обходить домик Марти стороной.

Джайлс все еще бродил по саду, когда кто-то его окликнул. Это оказалась Марти, прибежавшая к нему за помощью в таком отчаянии, что даже забыла прикрыть свою стриженую голову.

— Отец совсем измучился, мистер Уинтерборн. Вы знаете, о чем я говорю. Его изводит это высокое дерево перед окном. Ему все мерещится, что оно вот-вот рухнет и раздавит его и меня. Вы не могли бы забежать к нам на минутку? Может быть, вы его успокоите, меня он совсем перестал слушать.

Джайлс отправился за Марти и, войдя в дом, поднялся к старику наверх. Джон Саут сидел в кресле у кровати, обложенный со всех сторон подушками, и, не отрываясь, смотрел на высокий вяз за окном.

— А, сосед Уинтерборн,— встретил он Джайлса.— Если бы моя смерть была в убыток мне одному, я бы не роптал,— моей жизни какая теперь цена,— да за вас досадно. Вы еще человек молодой, у вас вся жизнь впереди. Подвел я вас, собрался помирать в пятьдесят пять лет, точно назло. Только я бы еще за себя постоял, знаю, что постоял, кабы не это вот дерево. Сведет оно меня в могилу. Как ветер подует, так жду беды, все думаю, сейчас рухнет и нас всех в лепешку. И это в нашем-то доме! Ну, как оно меня вправду убьет — что вы тогда скажете?

— Вы обо мне не тревожьтесь. О себе лучше подумайте,— успокоил его Джайлс.

Он посмотрел на вяз, с которого не сводил взгляда старый лесоруб. Огромное дерево — Джайлс знал его с детства — отстояло на две трети своей высоты от жилища Саутов. В ненастную погоду под порывами ветра оно гнулось и скрипело, как в эту минуту, и это обычное явление породило в старике ставшую неотвязной мысль о том, что вяз каждое мгновение

может рухнуть и задавить его насмерть. Не внимая никаким уговорам, он целыми днями просиживал у окна, устремив беспокойный взгляд на дерево и вслушиваясь в унылые грегорианские хоралы, которые исторгал из него ветер. Не телесный недуг, а именно этот страх с несомненностью для окружающих подтачивал здоровье Джона Саута.

Под ветром раскачивалась вершина старого вяза, и послушно раскачивалась за ней голова старика.

— Я еще мальчишкой был, подумывал, а не срубить ли мне его — хорошая выйдет жердь для бельевой веревки; и когда постарше стал, все собирался его срубить, да так и не собрался. Вот и стоит оно, разрослось. Это мой враг, смерть моя. Мог я тогда мальчишкой подумать, что это такое деревце вон как вымахает и меня в могилу сведет?

— Да не тревожьтесь, ничего такого не случится, — наперебой утешали его Марти с Уинтерборном, думая про себя, что дерево в самом деле сведет его в могилу, хоть и не так, как ему это представляется.

— Вот что можно сделать, — вдруг сообразил Уинтерборн. — Я сегодня же обобью нижние сучья, тогда оно не будет так скрипеть под ветром.

— Она не позволит, — прошептал Саут, — эта чужая женщина... Что ей до наших забот, она не разрешит.

— О ком вы, о миссис Чармонд? Да она, поверьте мне, знать не знает об этом дереве. К тому же я не собираюсь рубить ее собственность, я только обобью нижние ветви. Тут не о чем беспокоиться.

Днем Уинтерборн, как обещал, зашел к Саутам, достал из хозяйского сарая топор, с помощью лестницы взобрался

на вяз и стал рубить, или, по местному выражению, «обивать», нижние ветви. Под ударами топора они сотрясались, потом обламывались и с треском валились вниз, на живую изгородь. Обрубив нижний ярус, Джайлс поднялся чуть выше по перекладинам лестницы и приступил к следующему. Дойдя до верхней перекладины, он вскарабкался по сучьям еще выше, обрубая их за собой и оставляя внизу оголенный ствол.

Могучие ветви вяза поддавались медленно. День постепенно клонился к вечеру, часам к четверем опустился туман. По временам, отрываясь от работы, Джайлс заглядывал в верхнее окно дома, откуда в слабом отсвете камина на него не мигая смотрел старик, крепко зажавший ладонями ручки кресла.

Странная мысль, неожиданно посетившая Джайлса, заставила его на мгновение прервать работу. Он самовольно распорядился собственностью лица, которому окончание срока аренды только на руку. Имеет ли он право, зная это, продолжать работу? Но, с другой стороны, он старается не из корысти, а для того, чтобы спасти жизнь другому человеку. Разве это не служит оправданием его самоуправства?

Обдумывая, как ему быть, он случайно взглянул вниз и увидел, что в его сторону движется неясная в тумане фигура. Грейс, догадался он. Должно быть, она вышла прогуляться до наступления темноты, воспользовавшись часом затишья. Приготовившись окликнуть ее, он ждал, пока она подойдет ближе.

Грейс тоже заметила его издалека, но, помня о наказе отца, решила дать ему понять, что не одобряет его ухаживаний. Ее детская привязанность к Джайлсу с возвращением домой не превратилась в страстное чувство, которое одно могло бы ее подвигнуть на бунт против отца. Решив, что Грейс его не видит, Уинтерборн первый окликнул ее:

— Мисс Мелбери!

Грейс подняла голову. Снизу она хорошо видела Джайлса, различая не только выражение его глаз, но даже блестящие, отшлифованные ходьбой гвоздики на башмаках. Однако она не отозвалась и, опустив голову, молча прошла мимо.

Уинтерборн нахмурился. Недоумевая, что бы могло значить такое поведение, он пожал плечами и снова взялся за топор. Грейс, успев отойти всего на несколько шагов, остановилась у калитки и, прислонившись к ней, с тоской прошептала:

— Что же мне теперь делать?

Туман быстро сгущался, и Грейс ничего не оставалось, как повернуть назад и снова пройти под злополучным вязом. Уинтерборн, заметив ее приближение, решил не отступать.

— Грейс, послушайте меня! — позвал он.

Она снова не ответила и, покачав головой, прошла мимо, но, зайдя за изгородь, остановилась и оглянулась.

Она никому не хотела причинять зла, но если дело идет к тому, чтобы рвать отношения, то лучше сделать это сразу, не оттягивая, размышляла она. Словно угадав, о чем она думает, Джайлс отвернулся и стал с силой рубить сук, за ним другой, карабкаясь по стволу все выше, как будто желая совсем оторваться от земли. Забравшись достаточно высоко, он продолжал работу в непроглядном тумане; снизу Джайлс казался темным пятном на светло-сером фоне неба; только стук топора и треск обрушивавшихся ветвей выдавали его присутствие.

Нет, это был неверный поступок, лучше всего вести себя просто и искренне. И Грейс Мелбери в который раз направилась к вязу; не замеченная Джайлсом, она долго стояла, глядя на него снизу вверх и откладывая тягостную минуту, когда ей придется положить конец его надеждам.

— Джайлс... Мистер Уинтерборн,— выговорила она наконец.

Голос ее потерялся в тумане, и Джайлс ее не услышал.

— Мистер Уинтерборн! — крикнула она; на этот раз он остановил работу и перегнулся вниз.

— Мое молчание не случайно,— проговорила она дрожащим голосом.— Отец сказал, что лучше нам больше об этом не думать... о том, что мы помолвлены... что он обещал... словом, вы понимаете. Я думаю, что он прав. Но, Джайлс, мы останемся друзьями, вы знаете, мы ведь почти родственники.

— Ну что же,— ответил он, словно несколько не удивившись; голос его звучал слабо и доносился как будто издалека.— Мне нечего вам возразить... Я бы хотел обдумать то, что вы мне сказали.

Волнуясь, она продолжала:

— Если бы дело было во мне одной, я бы за вас вышла... наверно... со временем. Но, я думаю, отец прав, это было бы неразумно.

Вместо ответа он откинулся назад, прислонившись спиной к стволу и опершись локтем на развилину сука, опустил голову на руку. Грейс стояла внизу и смотрела на него до тех пор, пока туман и темнота не скрыли его из виду.

Грейс вздохнула и, почувствовав, что горло ее сжалось, быстро зашагала прочь. Сердце ее разрывалось на части, глаза застилала слезы. Известно, что случилось бы с дочерним послушанием Грейс, которое она только что выказала с такой решимостью, если бы Джайлс нагнал ее в эту минуту, вместо того чтобы хранить трагическую неподвижность. Если женщины говорят правду, что им никогда так не хочется навеки связать свою судьбу с мужчиной, как через пять минут после решительного «нет», то не исключена возможность, что, прояви Уинтерборн большую настойчивость, все могло бы повернуться иначе. Но он предпочел безмолвно застыть в окутавшей его

пелене тумана, и Грейс ничего другого не оставалось, как повернуться и уйти прочь.

Местность, казалось, опустела. Свет из окна Саутов, едва пробиваясь сквозь туман, не достигал вяза. Минуло еще четверть часа, и вокруг воцарилась крошечная тьма. Джайлс не двигался.

Но вот дерево затрепетало, издав подобие вздоха. Джайлс очнулся и почти бесшумно соскользнул по стволу вниз. Он уже обдумал, как ему поступить, и, положив на место лестницу и топор, отправился прямо домой. Главное теперь не подавать вида, что он угнетен происшедшим, как он не подавал вида, что боится потерять аренду. Он лег спать в обычное время. Две беды разом не всегда оказываются вдвое тяжелее, чем одна. Так и в этом случае — неурядицы с арендой, которых в другое время с лихвой хватило бы на то, чтобы лишить его сна на всю ночь, оттеснились на задний план неудачей в любовных делах. Сегодняшние слова Грейс означали не временную беду, но прощание навеки. Однако это не сразу дошло до его сознания. Утром следующего дня он был по-прежнему суров и мрачен, светлая грусть, приходящая на смену щемящей скорби об утраченном, еще не родилась в его душе.

В то утро дожидалась отправки в город за много миль от Малого Хинтока большая партия дубового леса. Гордые стволы срубили в лесу, где они сотни лет то безмолвно обнажались, то вновь покрывались листвой, и, как рабов, цепями приковали к тяжелой подводе с огромными красными колесами, запряженной четверкой самых сильных битюгов в хозяйстве Мелбери.

К их сбруям в тот день были подвешены колокольчики, всего шестнадцать на упряжку, расположенные по дуге двумя октавами, так что самый высокий тон приходился у оглобли справа от коренника, а самый низкий — на две октавы ниже, у оглобли слева от пристяжной. Мелбери одним из последних в лесном краю держался старого обычая привешивать лошадям колокольчики: здесь, в Малом Хинтоке, где дороги не стали шире со времен застав и поборов, они еще могли сослужить возчикам добрую службу. Немало встречных подвод выручил за многие годы их предупреждающий перезвон, тем более что, наперечет зная все колокольчики в округе, возчики за версту могли определить, свой или чужой едет им навстречу.

Вчерашний туман еще окутывал лес плотной пеленой, через которую с трудом пробивались лучи утреннего солнца. Видя, что туман не редет, а груз нешуточный и дорога извилистая, Уинтерборн взялся сам сопровождать подводу до поворота на большой тракт, как не раз поступал в подобных случаях.

Подвода тяжело прогрохотала по дороге, сотрясая фундаменты ближних домов и оглашая окрестности мелодичным перезвоном колокольчиков, выехала из долины и начала спу-

скатся к тракту, скрежеща ободьями о камень и высекая искры, грозившие поджечь палую листву по обочинам.

Тут на спуске и приключилось одно из тех дорожных происшествий, которые призван был предотвратить предупреждающий звон колокольчиков. Внезапно перед самой упряжкой из тумана вынырнули два бледно светивших фонаря и показались крытая карета, приближения которой никто не слышал за грохотом подводы. Позади кареты смутно угадывался возок с вещами.

Пройдя вперед, Уинтерборн услышал, как кучер требует, чтобы они завернули. Возчик отвечал, что это невозможно.

— Отвяжи пристяжных и заворачивай,— настаивал кучер.

— Вам проще отъехать назад, чем нам,— вмешался Уинтерборн.— У нас как-никак пять тонн леса.

— А у меня карета и возок с вещами.

Уинтерборн согласился, что возок усложняет дело.

— И все же вам проще подать назад, чем нам. Что же вы раньше зевали — наши колокольчики гремят на полмили.

— А вы что, фонарей не видели?

— Какие фонари в таком тумане!

— Ладно, хватит, нам время дорого,— высокомерно заключил кучер.— Небось тащитесь в какую-нибудь деревеньку по соседству, а мы едем напрямик в Италию.

— Не слезая с козел,— съязвил Уинтерборн.

Пререкания продолжались до тех пор, пока из кареты не послышался голос, спросивший, в чем дело. Голос принадлежал даме.

Кучер поспешно доложил, и Джайлс услышал, как дама приказала лакею потребовать, чтобы ей уступили дорогу.

Лакей явился, но Уинтерборн отослал его назад, присовокупив к извинениям отказ выполнить требование и мотивируя отказ тем, что в таких обстоятельствах легкому экипажу отъехать куда проще, чем тяжело груженной подводе. Не будь вчерашнего объяснения с Грейс Мелбери, поколебавшего его веру в слабый пол, он бы, вероятно, вел себя с большей любезностью, но его словно преследовал злой рок.

Ничто не могло сдвинуть его с места, и карете пришлось вместе с возком ехать вспять до разъезда, нарочно устроенного на случай подобных встреч. Там мимо посрамленных экипажей, как назло скосившихся к обочине, с торжествующим грохотом проехала подвода, опережаемая триумфальным звоном шестнадцати колокольчиков, кстати сказать, мало согласовавшимся с настроением Джайлса Уинтерборна.

Поравнявшись с неподвижной каретой, Джайлс услышал, как внутри ее тихий голос спросил:

— Кто этот грубиян? Не Мелбери?

Голос был такой беззащитно-женский, что Джайлс почувствовал угрызения совести.

— Нет, мэм, ему до Мелбери далеко. Это молодой парень из Малого Хинтока, Джайлс Уинтерборн.

Карета тронулась.

— Ну, мистер Уинтерборн,— сказал возчик, покачив головой,— это же была она сама... миссис Чармонд! Кто бы мог подумать! Какое у нее может быть тут дело, что она разъезжает спозаранку? В Италию, дескать, едем... Может, и впрямь в Италию. Я слышал, она собиралась за границу,— видать, не по ней наши зимы.

Происшествие огорчило Уинтерборна, тем более что мистер Мелбери, всегда преклонявшийся перед Хинток-хаусом, первым осудит его поведение, если узнает о случившемся. Ничего не ответив возчику, он проводил подводу до тракта и зашагал назад, намереваясь по дороге домой заглянуть к Саутам — проведать, не полегчало ли старику со вчерашнего дня.

Как раз в это время, несмотря на ранний час, Мелбери послал Грейс, давно уже не опаздывавшую к семейному завтраку, справиться о здоровье старого Саута. Марти встретила ее в дверях. Не успели они поздороваться, как на дороге показалась разделавшаяся с препятствиями карета миссис Чармонд. Девушки проводили ее глазами. Профиль миссис Чармонд ясно различался в занимавшемся свете дня; она смотрела прямо перед собой, откинув голову с пышно рассыпавшимися по плечам локонами.

— Какая она сегодня красивая! — проговорила Грейс, в великодушном восторге позабыв о нанесенной ей обиде.— Как к лицу ей эта прическа. Никогда не видела прически красивее!

— Я тоже, мисс,— сухо отозвалась Марти, рассеянно проводя рукой по голове.

Грейс с сожалением провожала глазами удалявшуюся карету с возком, пока оба экипажа не скрылись из виду. Узнав от Марти, что старому Сауту не стало лучше, она уже собралась идти назад, когда к калитке подошел Уинтерборн. Однако, завидев в дверях Грейс, он повернулся и пошел к себе переждать, пока она уйдет.

ГЛАВА XIV

Встреча с каретами не выходила у Уинтерборна из головы и заставляла его призадуматься над тем, что после смерти Саута к помещице немедленно перейдут числившиеся за стариком дома и службы в обоих Хинтоках. О чем думали люди былых времен, изобретая такие немислимые условия аренды? Что заставило его хинтокских предков обменять свою собственность на пожизненное пользование чужой? Джайлс не покладая рук трудился в унаследованном им хозяйстве и мог

теперь только удивиться беспечности отца, не застраховавшего себя от последствий кончины Саута.

С этими мыслями Уинтерборн после завтрака поднялся наверх, свернул постель и извлек из-под матраца плоский полотняный мешочек. В таких мешочках под матрацами фермеры обычно хранят бумаги. Джайлс сел на край кровати и просмотрел арендные права, в которые не заглядывал со смерти отца. Это были обычные договоры на аренду в течение трех жизней, по которым кто-то из Саутов лет пятьдесят назад уступил свои права владельцу поместья в обмен на ремонт обветшавших строений. Большинство этих бумаг отец Уинтерборна получил от своей матери, урожденной Саут.

К пергаменту одного из договоров было подшито письмо, прежде не попадавшееся Джайлсу на глаза. На нем стояла давняя дата, почерк принадлежал какому-нибудь стряпчему или посреднику, внизу красовалась подпись арендатора. Письмо гласило, что в любое время до истечения последней из упомянутых жизней мистер Джайлс Уинтерборн-старший имеет право, уплатив ничтожную сумму, приписать свою жизнь, равно как и жизнь своего сына, к условиям аренды. Уступка эта делалась в силу согласия Уинтерборна-старшего снести дом, который стоял у крутого поворота узкой дороги и мешал движению.

Дом этот сломали давным-давно. Непонятно, отчего отец Джайлса не воспользовался своим правом и не вписал в бумаги себя и сына. Скорее всего причиной была его смерть, ибо Уинтерборн-старший не принадлежал к тем людям, которые легко расстаются с собственностью.

Пока последний из Саутов был еще жив, Джайлс, вероятно, мог утвердиться в правах, упущенных его отцом. Эта возможность немало его обрадовала, ибо от домовладения зависело слишком многое. Разве не сомнительность его арендных прав в Большом и Малом Хинтоках мешала Мелбери отдать за него Грейс? Уинтерборн решил не откладывать дела в долгий ящик, тем более что для продления аренды требовалось внести небольшую сумму, которую он мог собрать без труда. Однако замысел этот нельзя было осуществить в один день, поэтому он во второй раз отправился к Саутам узнать, помогла ли вчерашняя рубка сучьев.

Марти встретила его в дверях.

— Ну как, Марти...— начал он, но по ее лицу понял, что дела не так хороши, как он надеялся.

— Увы, ваши труды пропали зря,— сказала Марти.— Отец говорит, что дерево стало еще выше.

Уинтерборн оглянулся. Обнажившийся ствол и впрямь подчеркивал высоту дерева.

— Когда он утром увидел, что вы сделали, он совсем обезумел от страха,— продолжала Марти.— Он твердит, что дерево теперь падет на нас, как «меч господень и Гидеонов».

— М-да. Могу я чем-нибудь помочь?— спросил Джайлс.

— Доктор сказал, что дерево надо срубить.

— Так к вам приходил доктор?

— Я его не звала. Это миссис Чармонд перед отъездом узнала, что отец болен, и распорядилась, чтобы доктор посещал нас за ее счет.

— Это очень любезно с ее стороны. Значит, доктор считает, что дерево надо срубить. Но мы же не можем срубить его без ведома миссис Чармонд.

Джайлс поднялся наверх. Старый Саут сидел в кресле, не сводя глаз с удлинившегося ствола. К несчастью, ветер, разогнавший туман, принялся раскачивать дерево, и взгляд старика неотступно следовал за мятущимися ветвями.

Послышались шаги — мужские, но необычно легкие.

— Это опять доктор Фитцпирс,— сказала Марти и вышла ему навстречу. Вскоре заскрипели ступеньки.

Мистер Фитцпирс вошел к больному именно так, как в подобных случаях входят доктора, особенно, когда им случается входить в убогое крестьянское жилище, то есть глядя на пациента с той преувеличенной деловитостью, которая ясно говорит, что врач со времени своего последнего посещения почти совсем забыл о больном и его болезни. Он кивнул Уинтерборну, с которым был шапочно знаком, и, припоминая, чем болен Саут, направился к его креслу.

Фитцпирс был строен и, пожалуй, даже красив. Его темные выразительные глаза излучали свет, свидетельствовавший не то об энергии, не то о восприимчивости, а может, о том и другом сразу. Взгляд их не был быстрым, легким и трезвым взглядом, который бодро скользит по поверхности, не проникая вглубь. Однако только в поступках выявилось бы, чем была эта глубина, свойством природы или случайной художественной особенностью его облика.

Лицо его было скорее мягко, чем сурово, скорее привлекательно, чем надменно, скорее бледно, нежели румяно. Не слишком взыскательный скульптор мог бы увековечить в мраморе его нос. Это был обыкновенный прямой нос, лишенный признаков властолюбия. Классическим линиям его губ недоставало определенности. Тем не менее то ли по понимающему и сочувственному выражению лица его, то ли по неторопливости манер, то ли по приверженности к глубокомысленным фразам можно было заключить, что это скорее философ, нежели денди или праздный гуляка. Такому впечатлению способствовало и отсутствие брелоков и других побрякушек на его костюме, более элегантно, чем это обычно бывает у сельских врачей.

Придирчивые великосветские судьи, узнав о докторе, пожалуй, обвинили бы его в том, что у него скорее чересчур много идей, нежели чересчур мало, и, пожалуй, сочли бы его бесплодным мечтателем или страстным приверженцем какого-нибудь лжеучения. Что бы там ни было, мы еще убедимся, что

он представлял собою редкостное для Малого Хинтока сочетание врача и джентльмена, невесть откуда свалившееся в эту деревню.

— Это необыкновенный случай,— обратился он к Уинтерборну, осмотрев больного и по его речам, виду и пульсу удостоверившись, что навязчивая идея только окрепла.— Сойдемте вниз, я хочу вам кое-что сказать.

Они спустились по лестнице, и доктор продолжил:

— Дерево надо срубить — иначе я не отвечаю за жизнь больного.

— Дерево принадлежит миссис Чармонд, и для рубки необходимо ее разрешение,— сказал Джайлс.— Миссис Чармонд уехала — придется поговорить с управляющим.

— О, так ли важно, чье это дерево: что значит дерево рядом с человеческой жизнью! Срубите его! Я пока не имею чести знать миссис Чармонд, но все же готов взять риск на себя.

— Это же строевой лес,— возразил Джайлс, который, разумеется, был бы менее щепетилен, если бы дело не затрагивало его собственных интересов.— Прежде чем срубить дерево, на нем ставят отметку или сама миссис Чармонд, или управляющий.

— Так давайте учредим новые порядки! Как давно он страдает? — спросил доктор у Марти.

— Много недель, сэр. Ему кажется, что это дерево — злой дух, что оно околдовало его. Он говорит, что они ровесники, что оно все понимает — как человек, что, когда он родился, дерево проросло, чтобы сделать его своим рабом. Такое в Хинтоке уже бывало.

Сверху послышался голос Саута:

— Ах, как оно клонится! Оно упадет на нас! Упадет! Прикончит мою бедную жизнь — а от нее зависит столько домов. Ох! Ох!

— И так все время,— сказала Марти.— Он смотрит только в окно и ворчит, когда я задергиваю занавески.

— Так срубите дерево и не думайте о миссис Чармонд! — воскликнул Фитцпирс.— Только сделать это надо вечером, в темноте, или рано утром, когда он спит. Иначе, когда дерево будет падать, он может перепугаться насмерть. Не раздерижьте занавески, пока я не приду. А я объясню ему, что все беды позади, и покажу, что дерева больше нет.

Сказав это, доктор ушел, и Марти с Уинтерборном решили дождаться вечера. Когда смерклось и окно было занавешено, Уинтерборн послал двоих лесорубов за поперечной пилой, и угрожавшее человеку высокое дерево подрезали у основания. Джайлс не стал его валить, опасаясь, что оно может задеть дом. Лишь на следующее утро, когда старик еще спал, Джайлс с работниками осторожно пригнули дерево макушкой прочь от дома Саутов. Такую работу нелегко выполнить без шума,

но все закончилось благополучно, и вяз — ровесник старого Саута вытянулся во всю длину по земле. Теперь самый неловкий или ленивый прохожий мог поставить ногу на верхние развилки ствола, куда прежде забирались лишь отчаянные смельчаки; теперь можно было вблизи рассмотреть недоступные некогда гнезда; а на ветвях, где раньше сидели лишь птицы, теперь мог отдохнуть всякий, кому не лень.

Когда совсем рассвело, явился доктор, и Уинтерборн последовал за ним к больному. Марти сообщила, что отец уже одет и готов занять свое обычное место в кресле. Войдя, они помогли усадить его, и старик тотчас начал жаловаться на дерево, которое угрожает его жизни и, следовательно, домовладению Уинтерборна.

Доктор сделал знак Джайлсу, и тот раздернул пестрые полотняные занавески.

— Деревя больше нет, сэр,— сказал мистер Фитцпирс.

Как только старик увидел на месте знакомого ветвистого великана квадрат чистого неба, он вскочил на ноги, глаза его закатились и он рухнул навзничь. На лице его проступила голубоватая белизна.

Перепуганные, они перенесли его на кровать. Едва он пришел в сознание, как с губ его сорвался шепот:

— Где оно? Где оно? Где?

Казалось, весь он оцепенел. Ошеломленные доктор и Джайлс старались помочь ему, как могли, но безуспешно. До вечера они хлопотали вокруг него, но спасти его не сумели. Старик промучился целый день и умер на заходе солнца.

— Черт возьми, ведь это я его угробил! — пробормотал Фитцпирс.

ГЛАВА XV

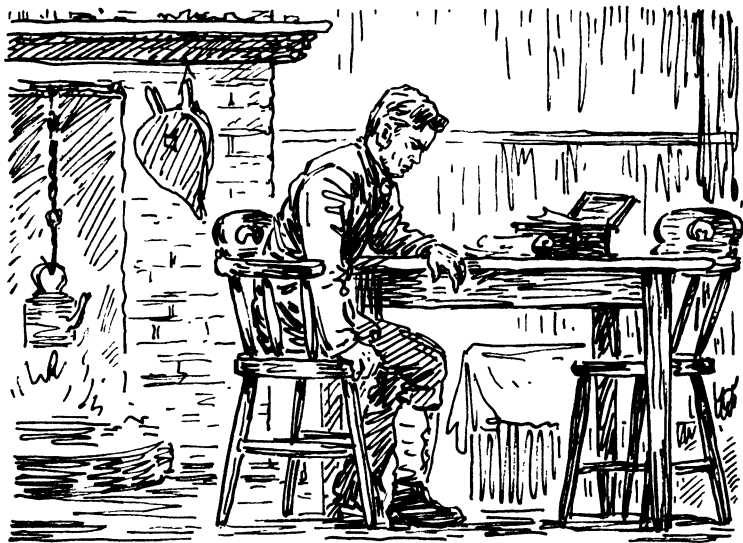
Мелбери сильно растревожила весть о смерти старика; не находя себе места, он все утро бродил по комнатам, раздумывая о случившемся. Искренне опечаленный, он испытывал беспокойство при мысли, что беда свалилась на Уинтерборна сразу после того, как его помолвка с Грейс была расторгнута так решительно.

Мелбери негодовал на обстоятельства, наставшие на Джайлса эту вторую беду; он достаточно проучен той первой, которую сам навлек на себя.

— Как сейчас помню, когда к отцу Джайлса перешли эти дома, я ему сказал: не вкладывай все деньги в собственность, которая может ухнуть в любой день,— с жаром говорил Мелбери.— Да разве он меня слушал? А теперь Джайлсу за это расплачиваться.

— Бедный Джайлс,— пробормотала Грейс.

— И знаешь, Грейс, между нами говоря, я сам себе удивляюсь. Получилось так, как будто я мог все предвидеть

заранее. Мне от души жалко Джайлса, но разве не кстати ты от него избавилась! Не откажи мы ему тогда, сейчас бы у нас не хватило духу. Да, да, это очень кстати. Я ему как другу всегда помогу, но уж зятем моим ему не бывать.

Он не знал, что именно тщетность упований бедного Уинтерборна трогала сердце Грейс, пробуждая в нем куда большее участие, что во все минувшие годы.

Тем временем Джайлс сидел один в уже не принадлежавшем ему старом знакомом доме, спокойно и невесело обдумывая свое положение. Маятник стенных часов, временами касаясь стенки футляра, производил глухой барабанный стук. Через окно Джайлс видел, что Кридл бросил работу в саду, видимо, считая, что им уж не придется воспользоваться плодами следующего урожая.

Уинтерборн снова просмотрел арендные права и приложенное к ним письмо. Так и есть, он потерял свою собственность лишь по нелепой случайности, которой было легко избежать, зная он истинное положение дел. Если исходить из буквы закона, время для спасения упущено, но, может быть, узнав об обстоятельствах смерти Саута, помещица не будет оспаривать морального права Джайлса продлить аренду до конца жизни.

В груди у него защемило, когда он подумал, что, несмотря на письменные обязательства и гарантии, решение его судьбы целиком зависит от прихоти женщины, карету которой он отказался пропустить на узкой дороге.

Так он сидел и размышлял, когда у дверей послышались шаги; в комнату вошел Мелбери, всем видом своим выражая

сочувствие. Уинтерборн поздоровался с ним и опять стал перебирать пергаменты. Мелбери сел.

— Как все это нелепо,— начал он.— Мне очень жаль тебя. Что ты собираешься делать?

Джайлс рассказал, что упустил возможность продлить срок аренды.

— Вот не повезло! И почему об этом раньше никто не подумал? Что ж, теперь нет другого пути, кроме как написать обо всем миссис Чармонд,— может, она смилостивится.

— Да не хотелось бы,— пробормотал Джайлс.

— Без этого не обойдешься,— уверил его Мелбери.

Он привел такие неоспоримые доводы, что Джайлс дал себя убедить и, написав письмо, отправил его в Хинток-хаус. Он знал, что почту оттуда немедленно пересылают хозяйке.

Мелбери ушел домой уверенный, что оказал Джайлсу благодеяние, которым почти полностью загладил свою недавнюю вину; Уинтерборн остался в одиночестве ожидать ответа от божества, распорядившегося судьбами обитателей Хинтока. К этому времени вся деревня знала о случившемся и, как большая семья, дружно ждала, что будет дальше.

Все думали об Уинтерборне, о Марти совсем забыли. Если бы кто-нибудь заглянул к ней лунным вечером перед похоронами, то обнаружил бы, что она одна в доме с покойником. Спальня Марти была перед самой лестницей, поэтому в нее и перенесли гроб с телом отца; лунный свет обрисовывал профиль Саута, облагороженный высочайшим присутствием смерти, и чуть дальше — лицо дочери, лежавшей на кровати в почти том же суровом покое, что и отец,— покое безвинной души, которой нечего больше терять на свете, кроме не столь уж ценной жизни.

Саута похоронили, прошла неделя, Уинтерборн ждал ответа от миссис Чармонд. Мелбери не сомневался в успехе, тем более что Уинтерборн промолчал о той злосчастной дорожной встрече с миссис Чармонд, когда по ее голосу понял, что сильнее не мог оскорбить владелицу Хинток-хауса.

Почтальон обычно проходил мимо мастерской Мелбери вскоре после того, как там собирались работники. Раньше в свободные дни Уинтерборн заезжал туда пособить, но теперь он каждое утро выходил на тенистую дорогу к тому повороту, откуда издали мог увидеть ссутулившуюся под ношей фигуру почтальона. Грейс была полна нетерпения — больше, чем ее отец, и, может быть, больше, чем сам Уинтерборн. И под тем или иным предлогом каждое утро заглядывала в мастерскую, где тоже ждали письма.

Ждал его и Фитцпирс; он не выходил из дому, и на душе у него было смутно: опытный врач подтвердил то, о чем он начал догадываться сам,— если бы дерево не срубили, старик, несмотря на жалобы, мог бы прожить еще лет двадцать.

Одиннадцать раз Уинтерборн выходил к повороту и во влажных и серых сумерках зимнего рассвета, не отрываясь, смотрел на пустынный откос, по которому в определенное время спускался сгорбленный почтальон. Однако письма все не было; лишь на двенадцатый день почтальон издали помахал Уинтерборну конвертом. Не распечатывая письма, Джайлс понес его в мастерскую, работники окружили его, в открытую дверь заглянула Грейс.

Ответ был составлен не самой миссис Чармонд, а ее стряпчим в Шертоне; просмотрев его, Уинтерборн поднял глаза на работников.

— Конец, — сказал он.

Все ахнули.

— Миссис Чармонд поручила стряпчему сообщить, что не считает возможным нарушить естественный ход событий, тем более что дома эти она хочет снести, — тихо пояснил он.

— Вот это да! — сказал кто-то.

Уинтерборн отвернулся и, ни к кому не обращаясь, с сердцем проговорил:

— Пусть сносит — черт с ней!

Кридл, на лице которого изобразилась вся скорбь мира, сказал Джайлсу:

— Это все тот проклятый призрак, это он погубил вас, хозяин!

Уинтерборн устыдился своей несдержанности и решил впредь держать себя в руках. До самой последней минуты в нем теплилась надежда, что, если все разрешится благополучно, Мелбери отдаст за него дочь. Теперь попросту бессмысленно мечтать о женитьбе, думал он, не подозревая, что одного приданого Грейс хватило бы им обоим на долгую безбедную жизнь.

С этого дня он погрузился в молчание. Впрочем, как бы мало ни говорило молчание посторонним, для друзей оно красноречивее всяких слов. Так фермер безошибочно определяет время суток по мельчайшим переменам в природе, которых без особой надобности не заметит тот, кто привык слушать размеренный постук часов. Не так ли и мы смотрим на молчащего друга? Пока мы слышим его речь, перемены в выражении его лица, игра морщинок на лбу ускользают от нашего внимания — но вот он умолк, и нам сразу стали ясны его мысли и чувства.

То же самое случилось с Уинтерборном. Он молчал, и, видя его молчащим, соседи понимали, как ему тяжело.

Мистер Мелбери не находил себе места; беда Уинтерборна терзала его совесть едва ли не больше, чем совесть его дочери. Если бы дела Уинтерборна уладились, лесоторговец с легким сердцем твердил бы каждый день, что не отдаст за него дочь; но теперь он не отваживался об этом заговорить.

Его тешила надежда, что Джайлс по доброй воле отречется от Грейс, и помолвка сама собой отойдет в область преданий. Хотя Джайлс отчасти смирился с решением ее родителей, он все же мог бы доставить им немало хлопот, если бы попытался склонить Грейс в свою пользу. Поэтому, встретившись с ним однажды на улице, Мелбери постарался выказать одновременно и дружелюбие, и холодность, чтобы посмотреть, как поведет себя Джайлс.

Было ясно, что тот оставил все надежды.

— Хорошо, что я встретил вас, мистер Мелбери,— тихо проговорил Джайлс, безуспешно стараясь выглядеть деловитым.— Боюсь, что мне не под силу теперь держать лошадь. Не хочется ее продавать, и, если вы позволите, я бы подарил ее мисс Мелбери. Лошадь смиренная, не испугает.

Мистер Мелбери растрогался.

— Этак ты совсем разоришься. Лучше сделаем так: Грейс получит лошадь, а я возьму тебе все расходы.

О других условиях Мелбери слышать не хотел, и Уинтерборну пришлось подчиниться. Они находились вблизи от дома Мелбери, и лесоторговец настоял, чтобы Джайлс зашел к нему, благо Грейс не было дома.

Усадив Уинтерборна, Мелбери объявил, что хочет с ним серьезно потолковать. Откровенно и по-дружески он изложил Джайлсу свои соображения. Не хотелось бы отталкивать человека, попавшего в беду, сказал он, но как же Уинтерборн может теперь жениться на его дочери, когда ему некуда привести жену.

Джайлс не спорил. Однако ему хотелось услышать, что скажет сама Грейс, и он ушел от прямого ответа. Вскоре он отклонялся и пошел домой, чтобы собраться с мыслями и наедине с собой решить, стоит ли ему искать встречи с Грейс.

Вечером, когда он сидел, погруженный в раздумья, ему вдруг почудилось, что снаружи что-то царапнуло стену. В ветреную погоду это могли быть колючие ветки шиповника, росшего вблизи дома, но сегодня ветра не было. Взяв свечу, Джайлс вышел на улицу. Никого. Он повернулся, чтобы войти в дом, и при свете свечи увидел на белой стене нацарапанный углем стишок:

О Джайлс, ты потерял свой дом
И Грейс не будешь женихом.

Уинтерборн возвратился в комнату. Он догадывался, кто написал стишок, хотя утверждать наверное не осмеливался. Да не так уж это было существенно; Джайлс вдруг понял, что стишок говорит правду. Сомнения разрешились; ему незачем видеть Грейс. Он сел за стол и написал Мелбери письмо, в котором сообщал, что его положение вынуждает его целиком разделить мнение Мелбери о давнем обещании его и его дочери и что настоящим он объявляет это обещание недействи-

тельным и освобождает Мелбери и его дочь от каких-либо обязательств.

Запечатав конверт, Джайлс почувствовал желание поскорее от него избавиться. Не раздумывая, он направился к дому Мелбери. Было уже очень поздно, и в доме все спали. На цыпочках подойдя к крыльцу, Джайлс просунул письмо под дверь и удалился так же неслышно, как и пришел.

На следующее утро Мелбери встал первым. Точно гора с плеч свалилась, подумал он, прочитав письмо.

— Весьма достойно с его стороны,— сказал он себе.— Весьма достойно. Я не брошу его в беде. А дочь выдам за ровню.

В то утро Грейс разминулась с отцом; она вышла погулять, он задержался в мастерской. Как обычно, ее путь проходил мимо дома Уинтерборна. Белый фасад озаряло солнце, и черные ёлова надписи тотчас бросились ей в глаза. Прочитав стихок, Грейс густо покраснела. Джайлс и Кридл о чем-то разговаривали на огороде. Обугленный прут, которым был нацарапан стихок, лежал тут же, у фундамента. Понимая, что Уинтерборн сейчас ее заметит, она подбежала к стене и, переправив вторую строчку, без оглядки поспешила домой. Прочитав: «Но Грейс ты будешь женихом»,— Джайлс мог подумать что угодно.

Можно с уверенностью утверждать, что Грейс, мягкой от природы, Уинтерборн внушал теперь куда более теплое чувство и даже нежность, чем во все те годы, когда считался ее женихом; с тех пор как с ним произошло несчастье, его простоватость, так грубо выпяченная сравнением с обществом, в котором она вращалась вне Малого Хинтока, отступила в тень, его великодушие вновь пробудило в ней былую романтическую привязанность. Приобретя со времени отрочества новые понятия и навыки, Грейс убереглась от честолюбия и, предоставленная самой себе, скорее всего с легкой душой отдала бы руку и сердце Джайлсу. Сейчас ее чувства были так растревожены, что, прочитав стихок, она не удержалась от необдуманного поступка.

Дома она в молчании села за завтрак. Едва мачеха вышла, Грейс проговорила:

— Я решила не разрывать помолвку с Джайлсом — пока, а там будет видно.

Мелбери не поверил своим ушам.

— Вздор,— решительно сказал он.— Ты не знаешь, что говоришь. Вот, почитай.

И он протянул ей конверт.

Она молча прочла письмо. Видел ли Уинтерборн, как она передельвала стихок? Откуда ей знать? Что бы там ни было, отказ есть отказ, и следует покориться судьбе.

Как ни странно, Уинтерборн так и не заметил присутствия Грейс у своего дома. Несколькими часами позже он оттаскивал срубленное дерево от дома покойного Саута. В две-

рях показалась Марти, из-за черного платья она выглядела тоненькой, худенькой девочкой. Приблизившись к ней, Джайлс спросил:

— Марти, зачем вы это написали на стене? Это же вы писали.

— Затем, что это правда. Я хотела тут же стереть, клянусь вам, но вы вышли, и я убежала.

— Вы напорочили мне одно, а потом переправили на другое. Такие предсказания не многого стоят.

— Я ничего не переправляла.

— Как же так!

— Честное слово.

— И все же там переправлено. Подите и убедитесь.

Марти пошла к его дому и прочла, что, хотя Джайлс и потерял свой дом, он все же будет женихом Грейс. Изумленная, Марти вернулась к Уинтерборну.

— Это не я, — сказала она. — Кто это написал там такую чушь?

— Правда, кто?

— Я все стерла, потому что не стало ни склада, ни лада.

— Зря вы встреваете в чужие дела. Я ведь вас не просил.

По мне, раз написано, пусть остается.

— Это, наверно, какой-нибудь мальчишка, — пробормотала Марти.

Это предположение показалось Джайлсу правдоподобным, и Грейс Мелбери осталась вне подозрений; не сказав ей ни слова, он перестал думать о происшествии.

Хотя Уинтерборн еще жил в своем доме, судьба его перестала привлекать внимание окружающих, как это часто бывает с людьми, утратившими богатство и уважение. Не сомневаясь, что Джайлс видел, как она переправляла стишок, Грейс ждала от него ответного шага; украдкой выказанная верность, как утлая ладья, сгнула, не выдержав встречи с первым препятствием.

ГЛАВА XVI

Доктор Фитцпирс жил на склоне холма, в доме куда скромнее и меньше, чем у лесоторговца. Дом Мелбери, по всей вероятности, был некогда центром небольшого имения Малый Хинток, границы которого стерлись, ибо вся окрестность ныне влилась во владения миссис Чармонд. Сам Мелбери ничего не подозревал, но многие — особенно приходский священник — считали, что владельцами Малого Хинтока были предки Мелбери, так как эта фамилия часто упоминалась в документах о купле-продаже земель, относившихся ко временам гражданской войны.

Дом Фитцпирса, как мы уже говорили, был невелик, похож на крестьянский и к тому же недавней постройки. Он при-

надлежал удалившемуся на покой фермеру и его жене, которые по прибытии доктора в деревню уступили ему передние комнаты и перебрались поближе к кухне, они же взяли на себя все домашние хлопоты о Фитцирсе, за что в назначенные дни с благодарностью принимали известную мзду.

Дом и сад своей симметричностью напоминали создания голландских архитекторов времен Вильгельма и Марии. Островерхую живую изгородь делили пополам ворота, обрамленные аркой из высокого кустарника; от ворот прямая буксовая аллея вела вверх по склону к крыльцу, расположенному в середине четырехоконного фасада. Справа и слева от дорожки рядами росли крыжовник, смородина, малина, клубника и скромные цветы. Перед крыльцом красовались два правильных буксовых шара, похожих на школьные глобусы. За крышей виднелись кроны яблонь, росших выше по склону, а еще выше — деревья рощи, поднимавшейся до гребня холма.

Точно против ворот в дальней части сада находилась калитка, от которой тянулась тропинка в поле. Калитку недавно покрасили, к ее липкой поверхности еще прилипали мошки. Сидя в гостиной, доктор рассеянно наблюдал за редкими прохожими. Будучи философом, он заметил, что характер путников забавно выражается в том, как они распахивают перед собой калитку.

Действия мужчин не отличались разнообразием: они толкали калитку и быстро проходили. Другое дело женщины, — для них липкое крашеное дерево было неприятной преградой на пути, опасностью или даже ловушкой.

Первой привлекла его внимание рослая женщина с нечесаными волосами, в подоткнутой юбке. Не глядя, она взялась за калитку и нажала плечом; перепачкав рукав, она разразилась потоком проклятий, присела и стала с причитаниями вытирать кофту о траву.

Доктор рассмеялся.

Следующей была коротко стриженная девушка, в которой доктор признал дочь своего покойного пациента, лесоруба Саута. При виде ее черного траурного чепца доктора кольнуло воспоминание, что именно его совет срубить дерево привел к кончине Саута и разорению Уинтерборна. Девушка шагала не спеша, погруженная в свои мысли; ничего не подозревая, она схватилась за белую штaketину и измазалась в краске. Фитцирс с сожалением подумал, что девушка бедная и, должно быть запачкала свое единственное черное платье. Она осмотрела рукав, казалось, не слишком удивившись, счистила краску и, не меняя выражения лица, двинулась дальше.

Вскоре на лужайке перед изгородью показалась особа совершенно иного рода. Изящная поступь ее говорила о городском воспитании, твердая походка — о деревенском происхождении. Судя по всему, девушка сознавала, что привлекательна, но это не мешало ей сохранять обаяние непосредственности,

по-видимому, благодаря склонности уходить в собственные мысли. Вот она подошла к калитке. Сейчас она коснется перчаткой крашеного дерева. Это представилось Фитцпирсу чуть ли не самоубийством. Он бросился искать шляпу, не нашел, опять глянул в окно и увидел, что опоздал. Девушка осмотрела преграду и, подняв с земли прутик, ткнула им калитку. Калитка распахнулась.

Фитцпирс продолжал внимательно наблюдать за девушкой, пока та не скрылась из виду. Это была та самая юная дама, которую он однажды повстречал на прогулке. Но кто она? Откуда это выразительное лицо? Все прочие хинтокские девушки отталкивали его своей деревенской грубостью. Но эта особа была совсем другого склада, и доктор решил, что она не из местных.

Точно то же он подумал, увидев ее впервые; но сейчас, поразмыслив, он заключил, что, раз в окрестностях не появилось ни одной новой кареты, девушка не могла быть приезжей. Должно быть, она живет в Хинток-хаусе. Не сама ли это миссис Чармонд, о которой он столько слышал, или в крайнем случае ее гостья? От этих мыслей на душе у доктора полегчало.

Фитцпирс попытался читать и раскрыл начатое им сочинение немецкого метафизика. Доктор любил подобные книги, ибо не был человеком практическим и мир идеальный предпочитал реальному, а открытие принципов их применению. Юная дама не выходила у него из головы. Он мог бы пойти за ней следом, но, не будучи человеком действия, предпочел следовать за ней в мыслях. И все же, выйдя к вечеру погулять, Фитцпирс невольно направился в сторону Хинток-хауса, не подозревая, что днем туда же ходила Грейс, которую с утра занимали мысли о миссис Чармонд. Грейс дошла до вершины холма, откуда открывался вид на усадьбу, и возвратилась домой окольным путем.

Фитцпирс тоже взобрался на холм и взглянул вниз. Ставни были закрыты; из одной трубы поднимался дым. Самый вид усадьбы говорил о том, что миссис Чармонд уехала, а в доме никто не живет. Сообразив, что виденная им юная дама не могла быть той миссис Чармонд, о которой он столько слышал, доктор ощутил смутное разочарование. Равнодушно отвернувшись от опустевшей усадьбы, как от тела, покинутого душой, он зашагал назад.

Поздно вечером Фитцпирса вызвали к больному, жившему за две мили. Как и большинство молодых сельских врачей, Фитцпирс не мог похвастаться, что разъезжает по вызовам в лакированном кабриолете со слугой; он довольствовался обычной двуколкой и сам управлялся с лошадью — то привязывал ее у жилища больного к столбу, штaketине или крюку, то давал мальчишке пенни, чтобы тот подержал ее под уздцы на время визита. Иногда ему приходилось подолгу утешать пациента, и тогда мальчишке медяк доставался недешево.

Унылые ночные поездки в одиночестве случались довольно часто, ибо роды в отдаленных и труднодоступных местах происходили, как правило, именно ночью. Будучи человеком городским, доктор боялся одиночества в темном ночном лесу. Править лошадь он толком не умел, и нередко ему приходило в голову, что, случись с ним в лесной чаще несчастие, он погибнет от одного сознания своего одиночества. Поэтому он обычно предлагал подвезти любого крестьянина или даже мальчишку, лишь бы приобрести чье-то общество и воспользоваться затем мелкой услугой, вроде открывания ворот.

Когда этой ночью доктор выезжал из деревни, свет его фонаря упал на Уинтерборна, празднично разгуливавшего у дороги, словно у него не было никакой цели в жизни. О лучшем попутчике не приходилось мечтать, и Фитцпирс не раздумывая спросил, не хочет ли тот прокатиться по лесу в такую славную ночь.

Джайлса несколько удивила эта любезность, однако он не возразил и уселся в двуколке рядом с Фитцпирсом.

Над ними раскинулась черная сеть ветвей, наброшенная на звездное небо; все деревья походили друг на друга, и ни одно не походило на соседнее. Почти касаясь головой низких ветвей, они время от времени замечали на них причудливые тени, похожие на головастиков; Джайлс объяснил, что это фазаны, устроившиеся на ночлег; порой до них доносился раскат ружейного выстрела, подтверждавший, что не одному Джайлсу ведомо, что представляют собой тени на сучьях.

Наконец доктор решился задать Джайлсу занимавший его вопрос:

— Что это за юная дама живет в наших краях?.. Она очаровательна... знаете, в белом боа, в перчатках с белой выпушкой...

Уинтерборн уже раз видел, как доктор тайно наблюдал за Грейс, да и по описанию сразу понял, о ком идет речь. Но, мрачный и настороженный от природы и к тому же подавленный своей бедой, Уинтерборн предпочел ответить уклончиво:

— На днях я видел юную даму, она беседовала с миссис Чармонд. Должно быть, это та самая.

Фитцпирс сделал из этого вывод, что Уинтерборн не видел, как он рассматривал Грейс из-за кустов.

— Эта девушка, должно быть, настоящая дама,— сказал он.— Едва ли она живет в Хинтоке постоянно, иначе я бы ее приметил. Да она и не похожа на деревенскую.

— Она не живет в Хинток-хаусе?

— Нет, там никто не живет.

— Может, она гостит в деревне или у кого-нибудь из фермеров?

— Маловероятно. Она совсем не такого рода.— И Фитцпирс начал вслух декламировать, полагая, видимо, что с Джайлсом можно не считаться:

Она своим сияньем залила
Дотоле бездыханный и пустой
Простор земли — сама легка, светла,
Как облачко с рассветною росой,
Спешащее дорогой голубой
Пустыню влагой одарить. Она
Взрастала тут, в стране моей родной,
И для меня была подобьем сна,
Который после бурь дарует тишина.

Уинтерборн догадывался, что эти стихи сочинил не Фитцпирс, но и чужие строки ясно говорили о том, что доктор очарован его бывшей невестой. Сердце у Джайлса заняло.

— Вы, кажется, здорово влюбились в нее, сэр,— проговорил он, упрямо избегая называть Грейс по имени.

— Нет, нет... Дело не в этом. Когда человек живет в одиночестве, как я здесь, чувства копятся в нем, как электричество в лейденской банке. Любовь — понятие субъективное, это — сама сущность человека, *ipsa hominis essentia*, — как говорил великий философ Спиноза; это радость, которой мы озаряем любой подходящий объект в поле нашего зрения, — точно так же многоцветие радуги одинаково озаряет дуб, ясень или вяз. Поэтому, если бы вместо этой юной дамы передо мной появилась другая, я испытал бы к ней тот же интерес и процитировал бы ту же строфу из Шелли. Все мы несчастные жертвы обстоятельств!

— Так или иначе, в наших краях это называется влюбиться,— повторил Уинтерборн.

— Вы отчасти правы, только заметьте, что влюблен я в собственный вымысел, на самом деле я никого не люблю.

— Скажите, сэр, а что, такое отношение к людям входит в обязанности сельского врача? — спросил Уинтерборн, прибегая к Сократовой иронии; лицо его было так простодушно, что Фитцпирс с готовностью ответил:

— Нет,нисколько. Сказать по правде, сельским врачом быть не так уж трудно; пропишешь старушке горькую микстуру — чем горше, тем лучше; вскрыешь череп; побудешь при родах для порядка — люди тут такие здоровые, что и без врача обойдутся. А ставить опыты, заниматься исследованиями в этих условиях невозможно, — хотя, впрочем, я кое-что пробовал сделать.

Джайлс не стал оспаривать взглядов доктора; его поразило странное сходство между Фитцпирсом и Грейс, — оба, разговаривавшись, так увлекались своими суждениями, что забывали, насколько эти суждения должны быть чужды ему, Джайлсу.

Лишь на обратном пути доктор вернулся к разговору о Грейс. Они остановились у придорожного трактира, выпили бренди и сидру, а когда снова тронулись в путь, приободренный выпивкой Фитцпирс проговорил:

— Да, хотел бы я знать, кто эта юная дама.

— А не все ли равно? Она же только дерево, на которое падает ваша радуга.

— Ха-ха-ха! Верно.

— Вы не женаты, сэръ?

— Нет, и не собираюсь. Надеюсь, меня хватит на большее, чем женитьба и жизнь до гроба в Хинтоке. Вообще-то врачу жениться неплохо, и иногда об этом даже приятно подумать, особенно когда за окном завывает ветер и дождь и ветви стучат по крыше. Верно ли говорят, что после смерти Саута вы потеряли все?

— Да. Больше, чем все.

Они выехали на Главную улицу Хинтока, если Главной улицей можно назвать участок дороги, на три четверти окаймленный рощами и садами. Одним из первых на их пути был дом Мелбери. Из окна спальни на улицу падал свет. Сейчас все раскроется, подумал Уинтерборн. Зачем он пытался скрыть от Фитцпирса, что знает Грейс? «Кто удержит ветер рукой? кто принесет воду в подоле?» Лучше бы он откровенно ответил на расспросы доктора — все равно шила в мешке не утаишь. Двуколка поравнялась с домом, в окне вырисовывалась фигура Грейс, задергивавшей занавески.

— Так вот она! — воскликнул Фитцпирс. — Как она туда попала?

— Нет ничего проще. Это ее дом. Она дочь мистера Мелбери.

— Не может быть! Откуда у него такая дочь?

Уинтерборн сухо рассмеялся.

— Деньги сделают все, было бы из чего делать, — сказал он. — Отдайте неглупую и смазливую хинтокскую девушку в хорошую школу, и она сойдет за настоящую даму.

— Это верно, — пробормотал разочарованный доктор. — Мне и в голову не приходило, что она дочь Мелбери.

— И это ее принижает в ваших глазах. — Голос Уинтерборна дрогнул.

— Ну нет, — сказал доктор с чувством. — Нисколько не принижает. Я потрясен. Черт возьми! Я за ней приударю. Она ведь очаровательна!

— Не для меня, — сказал Уинтерборн.

По уклончивым репликам молчаливого Уинтерборна доктор Фитцпирс заключил, что тот недолюбливает мисс Мелбери за высокомерие. Не потому ли он не хотел сказать ее имени? Этот вывод, впрочем, не помешал ему восхищаться Грейс Мелбери.

ГЛАВА XVII

Грейс стояла в окне, задергивая занавески, потому что в доме случилась беда — слегла никогда доселе не хворавшая бабушка Оливер. Как и всем очень здоровым людям, мысль о болезни была ей почти так же непереносима, как

мысль о самой смерти. Она хлопотала по дому, пока не свалилась; один-единственный день болезни сделал ее другим человеком, ничто в ней не напоминало бойкую бабушку Оливер, командовавшую на дворе и в мастерской. Ей было худо, и все же она упрямо не соглашалась видеть врача, Фитцпирса.

Джайлс и доктор заметили Грейс в окне комнаты, где лежала бабушка Оливер. Грейс укладывалась спать, когда ей сказали, что бабушка просит ее зайти.

Грейс поставила свечу на стул возле постели больной, и профиль бабушки Оливер четкой тенью обозначился на белой стене; ее большая голова казалась еще больше из-за юбки, тюрбаном обкрученной вокруг головы. Грейс немного прибрала в комнате и подошла к бабушке.

— Вот и я. Давайте, пока не очень поздно, пошлем за доктором.

— Я не хочу,— объявила бабушка Оливер.

— Тогда кто-то должен посидеть с вами.

— Я этого не вынесу. Нет! Я вас позвала, мисс Грейс, чтобы сказать вам об одном деле. Милая мисс Грейс, я ведь взяла у доктора деньги!

— Какие деньги?

— Да те десять фунтов.

Грейс ничего не понимала.

— Он же дал мне десять фунтов за голову, потому что у меня большой мозг. Я взяла деньги и, не подумав, подписала бумагу. Я вам не сказала, что все решено,— вы тогда так испугались. Так вот, я хорошенько размыслила и поняла, что не надо мне было с ним соглашаться. Теперь все время только об этом и думаю. Джон Саут помер, потому что боялся дерева, а я помру, потому что боюсь доктора... Я уж хотела просить его смилостивиться, да духу не хватило.

— Почему же?

— Да я потратила... больше двух фунтов. Я места себе не нахожу, я дрожу от страха, что поставила на бумаге святой крест. Помру, как Саут.

— Попросите его, и он сожжет эту бумагу, я уверена. Не стоит о ней думать.

— Сказать по правде, я уже просила, мисс. Он только рассмеялся, как бес, и сказал: «У вас, бабушка, такой отличный мозг, что науке без него не обойтись. К тому же вы и денежки получили». Только ничего не говорите мистеру Мелбери!

— Хорошо. Я дам вам деньги, и вы их вернете.

Бабушка Оливер покачала головой.

— Даже если мне хватит сил дойти до него, он не согласится. И что ему далась голова несчастной старухи, когда вокруг ходит столько народу! Я же знаю, он скажет: «Вы одна, ни родных, ни близких, не все ли вам равно, что с вами будет, когда душа расстанется с телом?» Прямо покоя лишилась!

Вы бы ахнули, кабы знали, как он за мной во сне гоняется. И как я тогда с ним сговорила — ума не приложу! Я всегда была такая отчаянная... Вот если б кто попросил за меня!

— Миссис Мелбери с радостью вам поможет.

— М-да. Он и слушать ее не станет. Тут надо кого-нибудь помоложе.

Грейс испугалась.

— Вы думаете, что он это сделает для меня?

— Еще как сделает!

— Я к нему ни за что не пойду. Да я с ним и не знакома.

— Будь я молоденькой и хорошенькой,— продолжала лукавая бабушка Оливер,— я бы радовалась, что могу помочь старым косточкам спастись от язычника и успокоиться в христианской могилке. Всю жизнь себя не жалела, а чуть захворала, так от меня норвят избавиться.

— Как вам не стыдно, бабушка Оливер! Вы говорите так потому, что больны. Я знаю. Поверьте, вам рано думать о смерти. Вы же сами мне говорили, что заставите его подождать еще много лет.

— Так ведь шутишь, пока есть силы, и на старости лет шутишь, а как сляжешь — тут не до шуток; когда смерть рядом, всякая мелочь гробит.

На глазах у Грейс были слезы.

— Мне очень не хочется ходить к нему, бабушка Оливер,— проговорила она, сдаваясь.— Но так и быть, я схожу — пусть вам полегчает.

На следующее утро Грейс против воли направилась к доктору. Ей было особенно не по себе от слов бабушки Оливер, что ее хорошенькое лицо произведет на Фитцпирса нужное впечатление. Поэтому, вопреки здравому смыслу, она надела густую вуаль, которая скрывала ее черты и могла свести на нет все благие намерения.

Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о странном и зловещем поручении бабушки Оливер, и она приняла все меры предосторожности. Она вышла из дому в сад, зная, что не встретит там никого из домочадцев. Тихонько открывая калитку, Грейс подумала, что погода не благоприятствует ей. В воздухе оттепель брала верх над ночными заморозками; крупные капли срывались с ветвей, затопляя грядки, на которых из-за избытка влаги ничего не росло; и все же из года в год с упорством обреченных на грядках сажали и сеяли овощи. Мох, покрывавший широкую гравиевую террасу, был залит водой. Грейс остановилась в нерешительности, но, вспомнив, как за бабушкой Оливер во сне гоняется доктор с ланцетом, она подумала, что бабушке грозит участь Саута, и напрямик зашагала по слякоти.

Необычность поручения и рассказ бабушки Оливер о страшном договоре превращали Фитцпирса в человека таин-

ственного и притягательного. Грейс слыхала, что доктор молод, но самая цель ее посещения изгоняла из сознания мысли о его возрасте и положении. Глядя на него глазами бабушки Оливер, Грейс видела в нем безжалостного Юпитера, требующего человеческих жертв. В иных обстоятельствах она избегала бы с ним знакомства, но в маленькой деревушке это знакомство было неотвратимым, поэтому в их сегодняшней встрече едва ли было что-нибудь предосудительное.

Вряд ли следует говорить, что представление мисс Мелбери о Фитцпирсе как о бессердечном, прямолинейном, немоллимом ученом не вполне соответствовало действительности. У реального доктора Фитцпирса было слишком много увлечений, чтобы добиться славы в науке или хотя бы приобрести изрядную практику в сельском краю, который теперь был полем его деятельности. За год он ухитрялся побывать под всеми знаками интеллектуального Зодиака. То под Овном он месяц увлекался алхимией, то под Тельцом упивался поэзией; месяц он проводил под Близнецами астрологии и астрономии, потом его знаком был Рак немецкой романтики и метафизики. Справедливости ради заметим, что он, между прочим, занимался и тем, что непосредственно относилось к его профессии; именно в месяц пристрастия к анатомии он заключил с бабушкой Оливер договор, о котором та поведала своей молодой хозяйке.

Как можно понять из разговора с Уинтерборном, доктор в последнее время с жаром углубился в философию. Быть может, его аналитический и непрактичный современный ум чувствовал себя особенно легко и уверенно в области отвлеченных понятий. Хотя у Фитцпирса не было определенных целей, склад его ума все же заслуживал похвалы: он был пытливым исследователем несмотря на то, что видный издали свет его полночной лампы чаще озарял книги о чувствах и страстях, чем научные сочинения и препараты.

Как бы ни увлекался доктор музами или мыслителями, одиночество хинтокской жизни уже начало накладывать отпечаток на его впечатлительную натуру. Зима в деревне, в уединенном доме, без общества бывает терпима, приятна и даже восхитительна при определенных условиях, которых не может быть у врача, ибо он попадает в деревню по воле случая. Эти условия заключаются в старых воспоминаниях, которыми человек биографически — если угодно, исторически — связан с каждым одушевленным и неодушевленным предметом в поле его зрения. Так жили Уинтерборн, Мелбери, Грейс; они знали все о тех, кто в минувшие дни ступал по унылым полям, кто плугом взрывал пласты весенней земли и взрастил деревья на соседнем холме; о тех, чьи кони и охотничьи собаки выскочили однажды из подлеска напротив; о птицах, гнездящихся в придорожном кустарнике; о драмах любви, ревности, мести и разочарования, разыгравшихся в

деревенских домах, в помещичьей усадьбе, на улице, в лесах и лугах. Местность может быть красивой, величественной, полезной для здоровья, удобной для жизни, но если она не населена воспоминаниями, она неизбежно становится в тягость тому, кто в ней поселился, лишившись общения с подобными себе.

Старик в одиночестве, вероятно, начнет мечтать об идеальном друге и попадет в объятия мошенника, прикинувшегося другом. Об идеальном друге будет мечтать и молодой человек, но волнение в крови заставит его возмечтать об идеальной подруге, и, в конце концов, шелест женского платья, звуки девичьего голоса, появление стройной фигуры зажгут в нем то пламя, от которого слепнут глаза.

Узнав, кто такая Грейс Мелбери, доктор в иных обстоятельствах тотчас позабыл бы о ней, а если не позабыл, то отнесся бы к ней совершенно иначе. Он бы не лелеял в душе ее неземной образ, но мысленно играл им, как игрушкой. Это было в его натуре. Но в деревне он не мог позволить себе подобную бесцеремонность. Он перестал почтительно боготворить Грейс, но не мог не думать о ней всерьез.

Он продолжал грезить о невозможном и в мечтах заходил так далеко, что рисовал себе беседы и целые сцены с Грейс, в которых она оказывалась таинственной миссис Чармонд, владелицей Хинток-хауса, и, отвергая всех кавалеров, благодетельно принимала его ухаживания. Намечтавшись вдоволь, Фитцпирс говорил себе:

— Что ж, Грейс — не миссис Чармонд, но она милая, чудная, исключительная девушка.

Тем утром он, по обыкновению, завтракал в одиночестве. Снежинки нехотя и без цели плавали в воздухе, отчего темный лес, высветляясь, казался серым. В почте не оказалось ни одного письма, лишь медицинский вестник и еженедельная газета.

В такую погоду он целые дни проводил у камина с книгой, а вечером, ощущая прилив энергии, зажигал лампу и, подыскав себе увлекательное занятие, просиживал далеко за полночь. Но сегодня все было иначе. Развившаяся в деревенской глуши поглощенность собой впервые сменилась в нем интересом к чему-то, находившемуся за пределами дома. Вынашивая коварные планы, он бродил от окна к окну и чувствовал, что самое невыносимое одиночество наступает, когда предмет мечтаний не где-то вдали, а рядом.

Время тянулось медленно, за окном шел полудожде-полуснег, предвестник ярких не по сезону дней, вроде тех, что стояли в середине зимы. Местному уроженцу капризы природы дали бы обильную пищу для размышлений. Он заметил бы, что некстати проклюнувшиеся почки на деревьях залепил мокрый снег, что гнезда, до срока свитые нетерпеливыми птицами, загоплены талой водой. Но все это были приметы

чуждого доктору мира, и, внезапно утратив интерес к привычным грезам, он ощутил невыразимую скуку.

Надолго ли мисс Мелбери в Хинтоке? Погода не располагает к случайной встрече на улице; чтобы познакомиться с ней, нужно исключительное стечение обстоятельств. Ясно одно: знакомство должно произойти как бы невзначай и ограничиться легким ухаживанием, ибо высокое призвание в один прекрасный день, несомненно, уведет его к иным сферам бытия.

С такими беспорядочными мыслями он прилег на кушетку, изголовье которой, как во многих старых домах, защищал от сквозняка полог. Он пытался читать, но, так как ночью бодрствовал до трех часов, книга выскользнула у него из рук, и он задремал.

ГЛАВА XVIII

В это время к дому, где жил доктор, подошла Грейс, робевшая при мысли о странной цели своего визита. По врожденной деликатности она никогда не умела громко оповещать о своем приходе, но сегодня ее стук в дверь прозвучал как-то особенно тихо. Однако его расслышала хлопотавшая по хозяйству жена фермера. Заглянув в комнату доктора и никого не обнаружив, она предположила, что доктор где-то поблизости, и вызвалась его поискать. По ее приглашению Грейс вошла в комнату и присела на стул у двери.

Как только дверь за хозяйкой затворилась, Грейс огляделась и вздрогнула, — на кушетке перед ней возлежал красивый молодой человек в позе, напоминавшей мраморное изваяние усопшего на гробницах XV века, с той лишь разницей, что руки его не были молитвенно сложены. Грейс поняла, что это и есть доктор. Она не решалась прервать его сон и встала, чтобы дернуть бронзовую сонетку на широкой ленте у камина и вызвать хозяйку. Но, вспомнив, что хозяйка с минуты на минуту должна вернуться, она оставила свое намерение и в замешательстве взглянула на погруженного в сон философа.

Глаза молодого человека были закрыты, отчего свет, исходивший от него, померк, лишив его облик той выразительности, которая отличала его в часы бодрствования. Но сон, погрузив во мрак телесную оболочку, взамен придал всей фигуре спящего таинственное очарование, неотразимое для восприимчивых натур, к которым, без сомнения, относилась и Грейс. Насколько она могла судить в таких обстоятельствах, перед ней находился молодой человек, каких в здешних местах не видали. Людей подобной породы, впрочем, куда грубее, ей случалось видеть лишь вдали от Хинтока, да и то на расстоянии.

Не понимая, куда могла запропасться хозяйка, которой давно пора было обнаружить свою ошибку, Грейс снова сдела-

ла шаг к звонку. В зеркале она различала отражение спящего, и каков был ее ужас, когда она обнаружила, что глаза его широко раскрыты и с удивлением устремлены на нее. Застигнутой врасплох Грейс едва достало сил, чтобы обернуться и взглянуть уже не на отражение, а на оригинал. Доктор спал, как и за минуту до этого.

Ошеломленная загадочным поведением доктора, Грейс тотчас забыла о цели своего визита. Бросившись к дверям, она бесшумно открыла и закрыла их за собой и, незамеченная, выбежала из дому. Только достигнув калитки и оказавшись на дороге, она обрела присутствие духа. Здесь, за кустарником изгороди, ее не могли увидеть; она остановилась, чтобы собраться с мыслями.

«Кап-кап-кап» — барабанил дождь по зонту, и капли гулко шлепались наземь; она вышла из дому в ненастье, потому что взялась за серьезное дело, и вот все губит нелепый испуг из-за обстоятельства, которому незачем было придавать значения.

Как бы мало шума ни произвело ее бегство, оно все же потревожило Фитцпирса, и он приподнялся. Разгадка увиденного Грейс в зеркале была чрезвычайно проста: доктор в самом деле на миг приоткрыл глаза, но тут же сон снова одолел его, так что сам он не мог бы сказать, было ли виденное им сном или явью. Ему казалось, что из комнаты минуту назад кто-то вышел, да и тождество прелестного облика во сне и только что исчезнувшей посетительницы не вызывало сомнений.

Взглянув через несколько мгновений в окно, выходившее к изгороди и гравиевой дорожке, обсаженной буксом, он увидел, что калитка приотворяется и в сад входит девушка его грез. Грейс действительно решила вернуться и снова попытать удачи. Но как странно, подумал он, она входит, а не уходит, не было ли и впрямь ее первое явление сном? Грейс неуверенно продвигалась вперед, так низко опустив зонтик, что ему не удавалось рассмотреть ее лица. Но у того места, где кончался малинник и начинались грядки клубники, она зашкалалась.

В тревоге, что гостья снова от него ускользнет, Фитцпирс бросился ей навстречу. Гадая о цели ее посещения, он невыносимо боялся ее спугнуть.

— Прошу прощения, мисс Мелбери,— начал он.— Я заметил вас в окно и побоялся, что вы сочтете, будто меня нет дома... если только вы идете ко мне.

— Я могу изложить свое дело в двух словах,— ответила Грейс.— Я не буду к вам заходить.

— Нет, нет, как можно, зайдите, прошу вас. По крайней мере, поднимемся на крыльцо.

Уступив, Грейс взойшла на крыльцо. Там она остановилась, и Фитцпирс закрыл ее зонт.

— У меня к вам небольшое дело, просьба,— сказала она.— Тяжело заболела служанка моего отца — вы ее знаете.

— Очень печально. Я тотчас же зайду к вам и осммотрю ее.

— Нет, этого как раз не нужно.

— Вот как!

— Да, таково ее желание. Ваш визит только повредит ей, может быть, даже убьет ее. У меня к вам дело не совсем обычного и тягостного свойства. Видите ли, она чрезвычайно подавлена своим злосчастным обещанием касательно... ее тела после смерти.

— А, так это бабушка Оливер, старуха с великолепной головой. Тяжело заболела, вы говорите?

— Да, и очень, очень удручена своей опрометчивостью. Пожалуйста, вот я принесла назад деньги... прошу вас, верните бумагу, которую она подписала.— Грейс вынула из перчатки две пятифунтовые банкноты.

Не отвечая и не глядя на деньги, Фитцпирс думал только о том, что нежданно-негаданно оказался лицом к лицу с Грейс. Крыльцо было узкое, дождь припустил; сбегая по навесу, струйки стекали по стеблям вьюнка и падали на подол плаща и юбку Грейс.

— Вы совсем вымокнете, прошу вас, войдите в дом,— попросил он.— Я не могу позволить, чтобы вы тут оставались.

За парадной дверью другая дверь сразу вела в гостиную; распахнув ее, он жестом пригласил Грейс войти. Она попыталась, но не смогла противиться мольбе, выражавшейся в его лице и манерах, и, страдая от своей покорности, проскользнула мимо него в комнату, задев в узком проходе рукав его куртки.

Он вошел вслед за ней, притворил дверь — Грейс почему-то надеялась, что дверь останется открытой,— и, предложив ей стул, сам сел напротив. От этих простых действий ей стало еще тревожнее, должно быть, она не успела оправиться от того первого потрясения, когда увидела в зеркале раскрытые глаза доктора. Что, если он тогда не спал, а лишь притворялся с какой-то ему одному ведомой целью?

Она снова протянула деньги; он очнулся от долгого созерцания ожившего произведения искусства и почтительно склонился, вслушиваясь в ее слова.

— Могу ли я надеяться, что вы отступитесь и откажетесь от обязательства, которое несчастная бабушка Оливер подписала по недомыслию?

— Сделайте одолжение. Только позвольте мне остаться при своем мнении касательно ее недомыслия. Бабушка Оливер — мудрая старуха и в этом деле тоже рассудила здраво. Вы полагаете, что в нашем договоре есть что-то дьявольское, не правда ли, мисс Мелбери? Но припомните, что в былые времена самые прославленные наши врачи заключали именно такие соглашения.

— Дьявольское?.. Нет, скорее, странное.

— Странное — может быть, но ведь предмет странен не по сути своей, а лишь по отношению к внешним объектам, в данном случае, к стороннему наблюдателю.

Подойдя к секретеру, он после недолгих поисков вынул оттуда сложенный лист бумаги и, развернув, протянул его Грейс. Внизу с краю выделялся жирный чернильный крест, выведенный рукой бабушки Оливер. Грейс вложила листок в карман, и от сердца у нее отлегло.

Так как Фитцпирс все еще не взял денег, половину которых Грейс доложила из собственного кошелька, она подвинула их поближе к нему.

— О нет, не нужно. Зачем разорять старуху? — поспешно возразил он.— Не так удивительно то, что врач заручается объектом для вскрытия, как то, что подобное соглашение могло привести к нашему знакомству.

— Боюсь, мое поведение показалось вам необычным и вы сочли меня неучливой. Простите, я не имела в виду вас обидеть.

— Нет, нет, нимало! — снова возразил он, глядя на нее с прежним изумлением.— Меня поразило иное.— Он колебался, продолжить ли мысль.— Накануне я просидел далеко за полночь,— наконец отважился он,— и оттого с полчаса назад задремал вон на той кушетке. Я забылся всего на несколько минут — и вообразите, мне пригрезилось, что вы стоите здесь, в комнате.

Признаться или нет? Грейс покраснела.

— Подумайте,— продолжал Фитцпирс, вполне уверившись, что это был сон,— как много мне пришлось о вас думать, прежде чем вы явились мне в сновидении.

Она почувствовала, что это не было притворством.

— Мне снилось, что вы стоите вот тут,— он протянул руку к камину,— но я видел не самое вас, а ваше отражение в зеркале. Что за чудное видение, подумал я. Такое бывает раз в жизни — замысел воплотился, Природа и Мысль слились в своем изначальном единстве! Видите ли, прошлой ночью я как раз читал философа-трансценденталиста и, вероятно, проникшись его идеализмом, перестал разделять сон и явь. Я готов был заплакать, когда проснулся и обнаружил, что вы являлись мне во времени, но, увы, не в пространстве!

В этом словоизлиянии проскальзывала театральность, хотя в целом она была чужда Фитцпирсу. Нередко, забывшись, человек дает волю чувствам, и тогда их внешнее проявление нелегко бывает отличить от красноречия. Истина тонет в потоке громких фраз и, как злосчастное следствие этого, неузнанная, бывает отвергнута вместе с шелухой аффектации.

Грейс, впрочем, плохо разбиралась в свойствах человеческой природы и восхищалась силой чувств, не раздумывая о

форме их выражения. Слова «чудное видение» смутили ее, скромность помешала ей трезво оценить речь Фитцпирса.

— А не могло быть так,— вдруг спросил он,— что вы наяву посетили меня?

— Признаться, я уже была здесь однажды,— еле выговорила Грейс.— Хозяйка пошла вас искать, но долго не возвращалась, и я ушла.

— Значит, вы видели, как я спал,— пробормотал доктор; в голосе его слышалось унижение.

— Да, если, впрочем, вы меня не обманывали.

— Обманывал?

— Я увидела в зеркале, что вы лежите с открытыми глазами, но, когда оглянулась, глаза были закрыты, и я подумала, что вы, может быть, меня обманываете.

— Никогда,— порывисто возразил Фитцпирс,— никогда я не мог бы вас обмануть.

Обладай она даром предвидения, какой насмешкой прозвучала бы эта благородная речь. Он никогда не мог бы ее обмануть! Однако они не умели глядеть на год вперед, и фраза возымела свое действие.

Грейс с беспокойством подумывала, что пора бы прервать разговор, но обаяние доктора мешало ей подняться со стула. Она медлила, как неопытная актриса, которая, проговорив все реплики, не знает, как уйти со сцены. На помощь ей пришла спасительная мысль о бабушке Оливер.

— Мне не терпится рассказать бабушке Оливер о вашем благородстве,— сказала она.— Она испытает от этого большое облегчение.

— У бабушки Оливер — и нервное расстройство, как удивительно! — говорил доктор, следуя за Грейс к двери.— Погодите минуту, вас это, вероятно, заинтересует.

С этими словами он распахнул дверь в другом конце коридора, и Грейс увидела стоящий на столе микроскоп.

— Взгляните сюда, пожалуйста, это покажется вам достойным внимания,— повторил он.

Посмотрев в окуляр, она увидела светлый кружок, покрытый необычным узором клеток.

— Как вы думаете, что это? — спросил Фитцпирс.

Грейс не знала.

— Это срез с мозга старого Джона Саута. Я его исследую.

Она вздрогнула и отпрянула, впрочем, не от отвращения, а от неожиданности, удивившись, как он сюда попал. Фитцпирс рассмеялся.

— Теперь вы меня знаете,— сказал он.— Я пытаюсь одновременно познать и физиологию, и трансцендентальную философию, мир материальный и идеальный, с тем чтобы, если это возможно, определить между ними границу. Вас это отталкивает?

— Вы ошибаетесь, мистер Фитцпирс.— Грейс не кривила душой.— Это вовсе не так. Я не раз видела ночью свет в вашем окне и знаю, как серьезно вы работаете. Ваш труд не кажется мне предосудительным, я восхищаюсь вами!

Лицо ее было так очаровательно, так серьезно и искренне, что впечатлительный Фитцпирс от души проклял разделявший их стол. Видно это было по его глазам или нет, но Грейс, оторвавшись от микроскопа, поспешно выбежала под дождь.

ГЛАВА XIX

Вместо того чтобы довершить исследование мозга Саута, который при всей важности этого органа под микроскопом выглядел не так уж интересно, Фитцпирс откинулся в кресле и задумался. Он думал, что Грейс еще прелестнее из-за того, что легко поддается его влиянию, хотя это влияние скорее тревожит ее, нежели очаровывает. Фитцпирс был в должной мере ученым, готовым ревностно доискиваться сути физических явлений, но в еще большей мере он был мечтателем и идеалистом. Он верил, что за несовершенным прячется совершенное, что незаурядное скрывается в гуще обыденного, что, как бы точно ни повторялись условия опыта, результат окажется всегда новым и непредсказуемым. Он усматривал в себе личность с неограниченными возможностями потому только, что это его личность,— хотя в тех же обстоятельствах тысячи ему подобных кончали ничем,— и был уверен, что открыл в Хинтоке совершенно исключительное существо, предназначенное для него одного.

Фитцпирс обладал привычкой разговаривать с собой вслух, какая обычно встречается у мечтателей более преклонного возраста; он расхаживал по комнате, стараясь ступать на самые яркие цветы в узоре ковра, и бормотал себе под нос:

— Пока я в Хинтоке, эта удивительная девушка будет озарять мою жизнь светом, и — что самое замечательное — наши отношения будут исключительно духовного свойства. Мы разного круга, иная близость между нами невозможна. Как она ни прелестна, брак с ней был бы безумием. Одна мысль о нем убила бы всю одухотворенность нашей дружбы. Да и вообще, в практической жизни у меня есть другие цели.

Фитцпирс рассчитывал со временем жениться на женщине, равной ему происхождения, но гораздо более богатой. Однако в настоящем его помыслы сосредоточились на Грейс Мелбери, в которой он видел скорее некое духовное явление, чем существо из плоти и крови, явление, которое годится на то, чтобы оживить его бытие и развеять однообразие и скуку деревенской жизни.

Увидев Грейс, но еще не обменявшись с ней ни словом, он от праздности вознамерился приволокнуться за хорошень-

кой дочкой лесоторговца, но теперь, узнав ее ближе, он устыдился прежних поползновений. Близость с такой девушкой не может принять вульгарный оборот, она сулит высокое духовное общение и сопричастность миру идей. Не имея причин наведываться в дом ее отца, он понимал, что дружба их будет питаться случайными встречами у дороги, в лесу, на пути в церковь или из церкви, где-то возле ее дома.

Как он и предполагал, мимолетные свидания стали событиями в их жизни. Но в деревенской глуши минутные встречи, часто повторяясь, порождают интерес и даже близость между людьми. Их близость росла так же незаметно для глаза, как растут почки на деревьях. Нельзя было установить, в какой день они стали друзьями, и все же понимание тонкой нитью уже связывало двух людей, еще зимой бывших чужими друг другу.

Весна началась неожиданно: давно набухшие почки распустились за одну теплую ночь. Казалось, слышно, как деревья наливаются соком. Откуда ни возьмись явились позднеапрельские цветы с таким видом, будто они здесь век, хотя еще позавчера их не было и следа. В лужах барахтались птицы. Домоседы говорили, что слышали соловья, на что гуляки с презрением отвечали, что слышали его две недели назад.

Практика у молодого доктора была менее обширной, чем у его лондонских коллег, и оставляла время для частых прогулок по лесу. Да и то сказать, врачебной деятельности он отдавался отнюдь не с тем усердием, которое служит залогом широкой известности. Однажды он задумчиво бродил с книгой в руках по дубовой роще. День был погожий, повсюду в природе кипела деятельность; человеку созерцательному перед ее лицом невольно хотелось поежиться от неловкости за свою праздность. Вдруг издали донесся странный звук, словно бы криканье утки; обычный в лесном краю, этот звук был новостью для Фитцпирса.

Продвигаясь в глубь рощи, доктор вскоре догадался, откуда исходил звук. Как обычно, в это время года в лесу заготавливали кору. Лезвия топорков с треском отдирали ее от липкой поверхности ствола. Корой торговал Мелбери, отец Грейс, он мог находиться поблизости, и, привлеченный этим сообщением больше, чем интересом к самому зрелищу, доктор ускорил шаги. Подойдя ближе, он узнал среди работников обоих Тимоти Тенгсов — старшего и младшего — и Роберта Кридла, которого, по всей вероятности, прислал на подмогу Уинтерборн; рядом хлопотала Марти Саут.

Первым на обреченное дерево набрасывался Кридл. Маленьким топориком он ловко обрубал ветки и счищал наросты мха, покрывавшего ствол на фут-два от земли, — операция, которую можно уподобить «малому туалету» приговоренного к казни. Вслед за тем дерево обдирали на высоту человеческого роста. Если благородное создание природы может вы-

глядеть нелепо, то это был как раз тот случай: голенастый дуб стоял, словно стыдясь самого себя, пока его не подрубали под корень, после чего отец и сын Тенгсы с поперечной пилой довершали дело. Едва дерево оказывалось на земле, работники набрасывались на него, как саранча, и в мгновение ока очищали от коры весь ствол и нижние ветви. Марти Саут поставили обдирать макушку; затерявшись, как птица среди веток с набухшими почками, она тщательно выполняла работу, на которую у мужчин не хватало сноровки и терпения; при жизни дуба вершина его поднималась над лесом, улавливая лучи встающего и заходящего солнца и свет луны, в то время как нижние ярусы сучьев окутывала густая тьма.

— Ваш топорик, видно, лучше, чем у других,— заметил наблюдавший за Марти Фитцпирс.

— Что вы, сэр,— ответила она, показав заточенную конскую кость, которая была посажена на черенок.— Просто у других не хватает терпения на мелкую работу, их время стоит дороже, чем мое.

Рядом на поляне был сложен просторный шалаш, перед ним на костре весело посвистывал чайник. Фитцпирс устроился в шалаше с книгой, иногда отрываясь от чтения, чтобы бросить взгляд на разыгравшуюся перед ним сцену. На минуту у него мелькнула мысль, что он может поселиться здесь навсегда и, женившись на Грейс Мелбери, слиться с лесной жизнью. Да и зачем гнаться за неизвестным? Тихое счастье приобретается лишь ценою отказа от дальних планов и устремлений; мысли местных жителей не выходят за пределы Хинтокских лесов — отчего бы ему не уподобиться им? Небольшая практика среди окружающих его людей могла бы стать венцом его желаний.

Тем временем Марти Саут, покончив со вздрагивавшими от ее прикосновения мелкими ветками, вышла из-за поверженного дуба и принялась заваривать чай. Когда чай был готов, она созвала работников, и Фитцпирс, подчинясь настроению, подсел к ним.

Он медлил уйти и только тогда понял скрытую причину своего промедления, когда до слуха сидевших у костра донесся легкий скрип повозки и кто-то из работников сказал:

— Сам едет.

Оглянувшись, все увидели приближающуюся двуколку Мелбери с налипшим на колеса податливым мхом.

Лесоторговец вел лошадь под уздцы и, поминутно оглядываясь, предупреждал сидевшую сзади дочь, когда и где пригнать голову, чтобы не задеть за свисающие ветки. Он задержался у того места, где только что была прервана работа, беглым взглядом окинул груды коры и направился к работникам. Встреченный громкими возгласами, он согласился выпить с ними чаю и привязал лошадь к соседнему дереву. Грейс отказалась принять участие в чаепитии; не сходя с ме-

ста, она задумчиво смотрела на лучи солнца, пробивавшиеся тонкими нитями сквозь остролист, перемежавшийся с дубняком.

Подойдя ближе к шалашу, Мелбери заметил среди сидевших доктора и с радостью принял его приглашение усесться рядом с ним на бревно.

— Черт возьми, кто бы мог подумать, что вы окажетесь в таком месте,— воскликнул он, довольный неожиданной встречей.— Хотел бы я знать, разглядела ли дочка, что вы тут сидите, рукой подать? Наверно, нет.

Он вытянул голову в сторону двуколки: Грейс смотрела вдаль.

— Она на нас и не глядит. Ну, да ладно, бог с ней.

Грейс в самом деле не подозревала о соседстве Фитцпирса. Ее мысли были далеки от того, что открывалось ее взгляду, она думала о дружбе с миссис Чармонд, которую утратила, едва успев обрести, о причудливом нраве этой женщины, о тех дальних краях, где она окружена сейчас совсем иными людьми, с которыми Грейс надеялась свести знакомство через посредство своей покровительницы. Она мечтала, что летом, вернувшись в Хинток, хозяйка поместья, быть может, захочет возобновить дружбу, так резко прерванную в прошлый приезд.

Мелбери, сидя у костра, пересказывал старые истории о лесорубах, обращаясь к Фитцпирсу и как бы призывая в свидетели работников, знавших эти истории назубок. Когда он умолк, Марти поднялась со словами: «Я, пожалуй, отнесу чаю мисс Грейс»,— но в эту минуту послышался звон сбруи; оглянувшись, Мелбери увидел, что лошадь забеспокоилась и задергалась, а испуганная Грейс не решается позвать на помощь. Мелбери вскочил, но Фитцпирс его опередил, и, пока отец обуздывал лошадь, доктор помог Грейс слезть с двуколки. Она так растерялась при виде Фитцпирса, что не догадалась спрыгнуть наземь сама, позволив ему чуть ли не перенести себя на руках. Он выпустил ее не прежде, чем она коснулась ногами земли, и осведомился, не испугалась ли она.

— Нет, не очень,— сказала Грейс, переводя дух.— Это не опасно, другое дело, если бы лошадь понесла под деревьями, там можно расшибить голову о сучья.

— Это могло вам угрожать, так что тревога как нельзя более оправданна.

Говоря это, он подразумевал растерянность, которую, как ему показалось, он прочитал на ее лице, не зная, что виной тому был отнюдь не испуг, а его внезапное появление. Как и в прежние встречи, когда он наклонялся к ней ближе обычного, на нее нашло неожиданное желание заплакать. Управившись с лошадью и увидев, что Грейс цела и невредима, Мелбери вернулся к работникам. Тотчас взяв себя в руки, Грейс

последовала за ним вместе с Фитцпирсом и, подойдя к костру, весело заявила:

— Не думала я принимать участие в вашем пикнике, да, видно, судьба.

Марти нашла ей место поудобнее, и Грейс уселась в кружке, прислушиваясь к Фитцпирсу, который выспрашивал у ее отца и работников предания об их отцах и дедах, о превратностях лесной жизни, о таинственных видениях, которые можно объяснить только вмешательством сверхъестественных сил, о белых и черных ведьмах; он выслушал непременною историю о двух братьях, которые сразились друг с другом и пали, после чего их души поселились в Хинток-хаусе и жили там, пока священник не заговорил их и не загнал в болото в этом самом лесу, откуда они каждый новый год, по старому стилю, кочетами скачут к прежнему жилищу. Недаром пословица говорит: «Новый год придет, кочетом запоет».

Время бежало легко и незаметно. Дым от голых веток, наваленных в костер, тянулся к небу, заволакивая солнце, а за его синеватым пологом вздымались, как обнаженные руки, ветви простертых на земле деревьев. Запах древесного сока мешался с запахом горящих веток, разбросанные вокруг куски коры причудливо поблескивали липкой светлой изнанкой. Общество доктора тешило тщеславие Мелбери; как хозяин у этого костра, он готов был еще долго длить удовольствие встречи, но Грейс, постоянно ловившая на себе взгляды Фитцпирса, поднялась, давая понять, что время вышло, и Мелбери послушно поплелся за ней к двуколке.

Нарочно медля, доктор подсадил Грейс, рассудив, что, приняв ее недавно с двуколки, он впредь обеспечил себе право на подобные любезности.

— Вы сейчас чуть не расплакались, отчего? — тихо спросил он.

— Не знаю, — ответила она и сказала правду.

Мелбери уселся с другой стороны, и двуколка тронулась, бесшумно круша колесами нежные узорчатые мхи, гиацинты, баранчики и образки вместе с другими редкими и заурядными растениями, и с треском переламявая сучки, лежавшие поперек дороги. Их путь домой шел вершиной высокого холма; по правую руку от него простиралась обширная долина, обликотом и испарениями земли отличавшаяся ото всей хинтокской округи. Это был край сидра, отделенный от лесного края гребнем холма. Воздух в этой яблочной долине синел, как сапфир, — воздуха такой синевы больше не встретишь нигде. Понизу стелились сады, охваченные пламенем неистового цветения, несколько буйно расцветших яблонь взбежали по холму почти до самой дороги. Облокотившись на калитку, за которой спускалась вниз тропа, спиной к дороге стоял человек и так самозабвенно любовался цветущими садами, что не заметил проехавшей мимо двуколки.

— Это был Джайлс,— сказал Мелбери, когда они отъехали от него на порядочное расстояние.

— Неужели! Бедный Джайлс,— сказала Грейс.

— Это цветение означает для него тяжкую работу осенью. Если не упадет какая порча, урожай будет на славу.

Между тем в лесу работники, засидевшись у костра, собрались на вечер глядя по домам, благо условия сдельщины позволяли им самим устанавливать время работы. Складывая свежую кору рядами для просушки, они мало-помалу отделились от шалаша и с наступлением сумерек отправились восвояси.

Фитцпирсу не хотелось уходить. Он снова раскрыл книгу, хотя не мог уже разобрать в ней ни слова, и так сидел у замирающего костра, вряд ли подозревая, что работники разошлись по домам. Погруженный в мечты и раздумья, он, казалось, объял ими весь край лесов; никакой шорох, никакое движение не нарушало его совершенного слияния с окрестной природой. Он снова подумал, что ради этого покоя стоит пожертвовать честолюбивыми планами. Зачем биться над разработкой новых идей, если можно зажить здесь своим домом в тиши и довольстве на славный старинный лад. Между тем лес кругом темнел, погружаясь в сумерки; уже робкая пташка, осмелев с наступлением вечерней поры, неудержимо разливалась на соседнем кусте.

Глаз различал только светлый на фоне леса полукруг поляны. Дойдя взглядом до ее края, Фитцпирс увидел, что оттуда в его сторону движется человек. Затаившись в тени шалаша, доктор переждал, пока прохожий его минует. Скоро из темноты проступили очертания женской фигуры; низко наклонив голову, женщина брела по следам двуколки, как будто что-то выискивая на земле. Фитцпирса осенило, что это Грейс; через мгновение его догадка подтвердилась.

Да, она действительно что-то искала, обходя поваленные деревья, белевшие во тьме своей наготой. Вот она подошла к груде золы и, увидев в ней мерцавший уголек-другой, взяла прут и разворошила костер. Ветки ярко запылали, из темноты выступило освещенное лицо Фитцпирса, сидевшего точно на том же месте, где она его оставила несколько часов назад.

Грейс вздрогнула и даже вскрикнула: мысли о докторе не покидали ее, но меньше всего она ожидала снова встретить его в лесу. Фитцпирс подошел к ней.

— Я ужасно вас напугал,— проговорил он.— Мне надо было вас окликнуть, но я никак не думал, что это вы. Я здесь сижу с вашего ухода.

Он поддерживал ее рукой, словно боясь, что она лишится чувств. Поняв, в чем дело, Грейс мягко высвободилась и объяснила, зачем она вернулась. То ли у двуколки, то ли у костра она обронила кошелек.

— Сейчас мы его разыщем,— сказал Фитцпирс.

Он подбросил в костер охапку прошлогодних листьев, отчего пламя взметнулось ввысь, а окрестные тени внезапно сгустились, мгновенно превратив вечер в ночь. При свете костра они долго обшаривали на четвереньках поляну, пока наконец Фитцпирс не поднял голову от земли.

— Мы всегда встречаемся при странных обстоятельствах,— сказал он, опершись на локоть.— Хотел бы я знать, нет ли за этим тайного смысла.

— Разумеется, нет,— поспешно проговорила Грейс, выпрямляясь.— Прошу вас, не надо об этом.

— Надеюсь, в кошельке было не много денег,— сказал Фитцпирс, неохотно вставая и стряхивая с брюк налипшие листья.

— Совсем пустяки. Мне жалко не денег, а кошелька, это подарок. В Хинтоке деньги нужны не больше, чем Робинзону на необитаемом острове; здесь почти не на что их тратить.

Они уже оставили поиски, когда Фитцпирс увидел, что у его ног что-то лежит.

— Вот он,— сказал Фитцпирс.— Теперь ни вашему отцу, ни матери, ни подруге, ни поклоннику не придется досадовать на вашу рассеянность.

— Знал бы он, где я сейчас...

— Поклонник? — лукаво спросил Фитцпирс.

— Не знаю, можно ли его назвать этим словом,— простодушно ответила Грейс.— Поклонник — это что-то легкомысленное, поверхностное. А этот человек совсем не таков.

— Он обладатель всех основополагающих добродетелей.

— Может быть... Только я не могла бы их перечислить.

— Зато ими обладаете вы, а это гораздо лучше. Шлейермахер учит, что основополагающими добродетелями являются самообладание, настойчивость, мудрость и любовь. Лучшего перечня добродетелей мне не приходилось встречать.

— Боюсь, что у бедного...— Она чуть было не сказала, Уинтерборна, подумав о том, что у подарившего ей кошелек Джайлса было не слишком много настойчивости, хотя вдоволь хватало трех других добродетелей, но вовремя сдержалась и умолкла.

Полупризнание Грейс перевернуло Фитцпирса. Мгновенно утратив чувство превосходства, он взглянул на нее глазами истинно влюбленного.

— Мисс Мелбери,— сказал он внезапно,— признайтесь, я угадал, что тот добродетельный человек, о котором вы упоминали... словом, что вы его отвергли.

Грейс пришлось признать это.

— Это не праздное любопытство. Боже избави, чтобы я посягал на чужую святыню. Но, дорогая мисс Мелбери, теперь, когда его нет, могу я приблизиться к вам?

— Я... я ничего вам не скажу! — воскликнула она. — Сейчас он мне ближе, чем раньше. Когда отвергаешь чело- века, потом чувствуешь к нему жалость.

Эта новая помеха лишь возвысила Грейс в глазах док- тора; любовь его перешла в обожание.

— Скажите хоть слово, прошу вас, — взмолился он, теряя голову.

— Не настаивайте... Уже поздно, мне надо домой.

— Да, конечно, — отозвался Фитцпирс, но не двинулся с места; ей показалось неловко уйти так сразу, и они молча стояли рядом еще некоторое время. Тишину нарушили две птицы, — не то устраиваясь на ночлег, не то свивая гнездо, они вступили в отчаянную распрю, помешавшую им воспользо- ваться крыльями, и с размаху шлепнулись в горячую золу костра, откуда сразу разлетелись в разные стороны.

— Вот так кончается то, что зовут любовью, — произ- нес чей-то голос. Это была Марти Саут, она стояла, запро- кинув голову, в надежде увидеть упорхнувших птиц. Вне- запно обнаружив перед собою Грейс, она невольно восклик- нула:

— Ах, мисс Мелбери! Я засмотрелась на голубей и не заметила вас. А вот и мистер Уинтерборн! — робко прибавила она, взглянув на стоявшего в тени Фитцпирса.

— Марти, — прервала ее Грейс, — проводите меня домой, пожалуйста! Пойдемте, прошу вас. — Не мешкая, она схва- тила Марти за руку и быстро зашагала прочь от шалаша.

Они удалялись от призрачных рук поваленных голых деревьев, от роши, от надранной коры, от Фитцпирса, ото всего — тропинкой через перелесок, где между стволов про- глядывали бледные пучки примулы.

— Я и не знала, что мистер Уинтерборн там, — нару- шила молчание Марти уже возле самого дома Мелбери.

— Его там не было, — сказала Грейс.

— Но, мисс Мелбери, я сама его видела.

— Нет, — ответила Грейс. — Это был другой. Джайлс Уинтерборн мне не нужен.

ГЛАВА XX

Воздушный узор ветвей над Хинтоком заслонили тяже- лые непроницаемые купы листьев, и лес стал казаться внуши- тельнее и обширнее. Его ветви отбрасывали на дорогу и на лица проходивших по ней деревенских девушек зеленые тени, бахромчатым краем нависали над садом Мелбери и в дожд- ливую погоду роняли в него крупные капли, оставявшие оспины вдоль всего засеянного участка, пока Мелбери не при- шел к выводу, что хорошему огороду на таком месте не бы- вать. Два дерева, скрипевшие всю зиму, затихли, однако

этот зловещий звук достойно сменили жалобы козодоя. Солнце множеством мелких звездочек вспыхивало среди листвы, лишь в полдень открыто показываясь из-за деревьев прямо над головами хинтокских обитателей.

Таким оно предстало и в канун Иванова дня, но пробило девять, и по земле пролегли таинственные тени; местами они сгушались, пугая прохожих неожиданными очертаниями. Среди стволов и ветвей мерещились странные лица и фигуры, созданные игрой угасающего дня; листья ясеня, точно зрачки, мерцали в полутьме, а бледное небо выглядывало из-за стволов то закутанным в белое призраком, то раздвоенным змеиным жалом. Так было до восхода луны. Но едва ночное светило глянуло вниз с небесной выси и всем полным ликом засияло окрестным лужайкам и полянам, как шум голосов нарушил привычный покой позднего часа.

Услышав возгласы, доносившиеся с опушки леса рядом с владениями Мелбери, Фитцпирс выглянул за калитку,— теперь он чаще смотрел на дорогу, чем в книги,— вообразив, что это Грейс переговаривается с кем-то на улице. Отныне он был безраздельно предан Грейс Мелбери, не будучи, впрочем, уверен, что она платит ему тем же. На сей раз идее удалось воплотиться в материальном объекте, думал он, в порыве влюбленности уверив себя, что ему выпал тот самый случай, который он до сих пор считал невозможным. Однако за калиткой он увидел не Грейс, а стайку деревенских девушек,— кто чинно, кто в приступе необузданного веселья, они направлялись куда-то в сторону леса. Потихоньку спросив у вышедшей в сад хозяйки, что они затевают, доктор узнал, что сегодня канун Иванова дня и девушки собираются гадать на суженого. Заявив, что это кошунство, которое она, со своей стороны, осуждает, хозяйка вернулась в дом и улеглась спать.

Раскурив сигару, доктор последовал за девушками. На прогалине между домами Мелбери и Саутов они свернули, но Фитцпирс быстро нашел их по голосам, как ни старались они говорить приглушенно.

Меж тем многие жители Малого Хинтока провели о ночной затее девушек и тоже украдкой последовали за ними в лес. Мисс Мелбери еще днем узнала о предстоящем гадании от Марти Саут и, будучи всего лишь молодой девушкой, загорелась посмотреть, чем кончится дело. Луна светила так ярко, а ночь была так тиха, что Грейс без труда увидела выйти с ней миссис Мелбери; в сопровождении Марти они отправились вслед за остальными.

Подходя к дому Уинтерборна, они услышали стук молотка. Это последняя ночь Уинтерборна под родительским кровом,— объяснила Марти. Все сроки истекли, Джайлс перетаскивает вниз шкафы и кровати, чтобы с зарей покинуть дом. Встреча с миссис Чармонд обошлась ему дорого.

Вскоре Марти отозвала бабушка Оливер, которая в таких делах была моложе молодых, и Грейс с миссис Мелбери пришлось самим разыскивать место, избранное дочерьми Хинтока для тайного действия, которое, вопреки их желаний, стало явным. Грейс с мачехой остановились у ясеня; неподалеку, в тени дуба, стоял Фитцпирс и внимательно рассматривал Грейс, озаренную полной луной.

Он наблюдал за ней молча, не замеченный никем, кроме Марти и бабушки Оливер. Подойдя к ясеню с другой, теневой стороны, они тихонько переговаривались.

— Попомни мое слово, быть им вместе, коли они на Иванову ночь в лес явились,— шептала бабушка Оливер, кивая на Фитцпирса и Грейс.— Уж верно, он скоро заполучит не мои косточки, а ее живехонькую. Она собой, нечего сказать, видная леди и достойная, а все мне сдается, что она ему не пара — ему бы жену вроде миссис Чармонд, а с мисс Грейс хватило бы Уинтерборна.

Марти промолчала: в эту минуту девушки, среди которых немало было из Большого Хинтока, вышли на поляну, собираясь приступить к гаданию,— близилась полночь.

— Как что покажется, бежим домой со всех ног,— сказала одна из них, явно начинавшая трусить. Остальные согласились, не подозревая, что в окрестных кустах засело не менее дюжины односельчан.

— Зря мы это затеяли,— сказала другая девушка.— Хватило бы завтра в полдень вырыть ямку да послушать, какое будет ремесло у жениха. А то накликаем нечистую силу.

Однако отступать было поздно, и девушки неровной цепью двинулись меж стволов в глубь леса. Насколько могли уловить подслушивавшие, волхвованье, к которому собирались приступить девушки, заключалось в сеянье конопли, пригоршню которой каждая захватила из дому. Посматривая то направо, то налево, девушки заметили мисс Мелбери, она единственная из соглядатаев не пряталась и в ярком свете луны, как зачарованная, следила за их приготовлениями. Все, что делали девушки, было совсем не похоже на ее жизнь последних лет, она чувствовала себя так, словно попала столетия на два назад. Светлое платье делало ее вдвойне заметной; девушки пошушукались, и одна из них, здоровенная девица, помолвленная с Тимоти Тенгсом-младшим, подбежав к ней, пригласила ее в цепь. Грейс, взволнованная, согласилась и пошла за ними, чуть в стороне от цепи.

Теперь до соглядатаев не доносилось ничего, кроме слабого шороха листьев.

— А чего ты не пошла? — снова зашептала бабушка Оливер.— Попытала бы счастья, как все.

— Я в это не верю,— коротко ответила Марти.

— Господи, да тут полприхода. Глупые девки, разво-

нили на весь свет. А вон и мистер Уинтерборн подоспел с Кридлом. Что ж, Марти, иной раз и нам не грех помочь провидению. Пойди-ка и скажи ему, чтобы он встал за кустами у подножья холма. Мисс Грейс небось туда побежит, может, попадет ему в руки. Как только полночь пробьет, они пустятся домой, как зайцы. Я этикие дела не раз видывала.

— Стоит ли? — неохотно проговорила Марти.

— Иди, иди, он тебе будет век благодарен.

— Не надо мне такой благодарности.

Поразмыслив, она все же исполнила поручение; бабушка Оливер удовлетворенно отметила, что Джэйлс медленно спускается к кустистой лощинке, которой должна была пробежать Грейс.

Миссис Мелбери, успевшая тем временем заметить всех присутствовавших, разглядела и этот маневр. Не долго думая, она решила повернуть дело по-своему, ибо, в отличие от мужа, с некоторых пор догадывалась, что доктор голову потерял из-за Грейс. Подойдя к Фитцпирсу, она шепнула:

— Подите туда, где стоит мистер Уинтерборн.— И многозначительно прибавила: — Она побежит назад куда быстрее, чем шла вперед — девушки все пугливы.

Фитцпирс был не из тех, кому надо напоминать дважды. Он пересек лощинку и встал позади Уинтерборна. Догадываясь о намерениях друг друга, соперники молчали, ибо Фитцпирс считал ниже своего достоинства тягаться с Уинтерборном, а тот, в свою очередь, получив отставку, не находил нужным церемониться с Фитцпирсом.

Бабушка Оливер не заметила маневра Фитцпирса и, желая пособить Уинтерборну, послала Марти Саут вперед, наказав следовать за Грейс по пятам и «выгнать» ее куда надо, если той вдруг вздумается побежать в другую сторону. Бедная Марти, обреченная жертвовать собой ради чужого счастья, послушно пошла вперед и молча остановилась у того места, куда должны были выбежать Грейс и ее легкомысленные подруги.

Тишину нарушил глухой звук — часы на колокольне в Большом Хинтоке начали бить полночь. Вмиг часть леса, куда скрылись девушки, огласилась хлопаньем крыльев вспугнутых птиц; затем оттуда выскочило несколько зайцев или кроликов и, наконец, послышался хруст сухих веток и топот ног, выдававший приближение беглянок; вскоре их юбки замелькали среди деревьев. Державшаяся поначалу в стороне, мисс Мелбери была теперь одной из первых. Поддавшись общему веселью, она бежала прямо на Марти, стоявшую неподвижно, как дорожный указатель; пробежав мимо, она устремилась к роковому кусту. Марти подросла как раз вовремя, чтобы увидеть развязку. Обежав Уинтерборна, который из самолюбия остался на месте, Фитцпирс решил на то, о чем не смел бы помыслить, если бы не сообщничество миссис Мелбери и не ударивший в голову хмель Ивановой ночи. Простерев руки к метнувшейся на него белой фигуре, он схватил ее, как птицу.

— Ах! — воскликнула Грейс в испуге.

— Вы в моих руках, дорогая, — проговорил Фитцпирс. — Право победителя — я не отпущу вас, пока мы живы!

Обессиленная, она поникла в его руках, лишь через несколько мгновений оправившись от своей внезапной беспомощности. Приглушенные возгласы и шум борьбы, доносившиеся из зарослей папоротника, свидетельствовали о том, что другие девушки тоже попали в засаду. В отличие от них, Грейс не вскрикивала и не вырывалась; дрожа от волнения, она тихо попросила:

— Пустите меня, мистер Фитцпирс.

— Пушу, — смеясь, ответил он, — пушу, как только вы успокоитесь.

Переждав еще мгновение, она тихо, но твердо отвела его руки и скользнула на тропинку; лунный свет бледнил ее пылав-

шие щеки. Этого было достаточно — между Грейс и Фитцпирсом установились новые отношения.

Как было сказано, у других девушек дело шло иначе. Они вырывались и, задыхаясь, хихикали, обретая свободу лишь после отчаянной борьбы. Расставшись с Грейс, Фитцпирс еще долго прислушивался к этой возне, стоя все у того же куста, где он поймал Грейс и откуда ушел Уинтерборн. Вдруг по скло-ну на него выбежала стройная молодая женщина с обнажен-ными руками. Завидев Фитцпирса, она игриво и с вызовом бросила ему:

— Эй, Тим, поцелуй меня, коли поймаешь!

Фитцпирс узнал ее, это была Сьюк Дэмсон, отчаяннейшая девица в деревне, которая попросту приняла его в темноте за своего возлюбленного. Поддавшись минуте, он решил воспользо-ваться ее ошибкой и, едва она бросилась бежать, помчался ей вдогонку.

Она мчалась по лесу, то появляясь на свету, то исчезая в тени, поминутно оглядываясь через плечо и посылая ему воздушные поцелуи, но все время так ловко увертывалась от него, что ни разу не подпустила на опасное расстояние. Так они бегали, петляя по лесу, пока голоса вокруг не замерли окончательно. Разгоряченный погоней, Фитцпирс совсем было отчаялся догнать Сьюк Дэмсон, когда вдруг, подзадоривая его, она подбежала к изгороди и перемахнула на другую сторону. За изгородью картина переменялась: впереди расстился за-валенный сохнувшим сеном луг, над которым высоко в небе сияла полная луна.

Фитцпирс мгновенно сообразил, что, выбежав на открытое место, она оказалась в его власти, и решительно рванулся за нею вслед. Она пробежала еще несколько шагов по лугу и вдруг исчезла, точно провалилась сквозь землю. «Зарылась в копну»,— догадался Фитцпирс. Он был так возбужден, что не мог позволить ей легко себя одурачить. Подбежав ближе, он стал раскидывать копну за копной. Когда он, раззадоренный и недоумевающий, остановился, чтобы перевести дух, он услышал звук воздушного поцелуя, и где-то возле него тоненький голосок пропел строчку из популярной в этих краях песни:

— Иди домой из росы лугов...

Убежище было обнаружено.

— Так это не Тим! — проговорила она, закрывая лицо руками.

Не обращая внимания на ее робкое сопротивление, Фитц-пирс крепко поцеловал ее и с размаху опустил на соседнюю копну, с трудом переводя дух после погони.

— За кого ты меня приняла? — спросил он.

— За моего кавалера Тима Тенгса,— ответила девушка.

— А ты и вправду подумала, что это он?

— Сначала так и подумала.

— А потом поняла?

- Потом поняла.
- И ты очень огорчилась, что это не он?
- Нет,— лукаво ответила она.

Фитцпирс оставил расспросы. Сюк была очень хороша при свете луны, бледные лучи светила скрадывали все царапины, все ссадины, заметные днем на руках и лицах деревенских девушек. Тишину нарушал только хриплый насмешливый голос козодоя, доносившийся с опушки леса. Никакой другой звук не достигал их слуха, ибо пора соловьев прошла, а до Хинтока было не менее двух миль. Перед ними раскинулся сенокос, уходивший вдаль в легкий зыбкий туман.

ГЛАВА XXI

Когда девушки толпой бросились по лесу, Уинтерборн остановил одну из них и спросил, чего они испугались.

Задыхаясь от бега и волнения, она ухитрилась торжественно объявить, что увидели они совсем не то, чего ожидали, и что она зареклась участвовать в нечестивых затеях.

— За нами погнался сатана с песочными часами! Страх!

Решив проверить ее слова, Джайлс направился туда, откуда убежали девушки. Постояв там несколько минут, он услышал шуршание сухой листвы под чьими-то медленными шагами и, выглянув за свисавшую с ветвей перепутанную сеть жимолости, увидел на полянке невысокого плотного мужчину в черном костюме; через руку его было переброшено летнее пальто; в той же руке он держал цилиндр, очевидно, принятый пугливыми девушками за песочные часы,— если только они видели именно его. Движением свободной руки он словно сопровождал невысказанные слова. Лунный свет озарял его волосы и высокий лоб, какой чаще встречается на старинных гравюрах и полотнах, чем в повседневной жизни. Его необычная внешность, странные жесты актера, репетирующего роль, и неподходящие для встречи время и место могли легко вселить трепет в сердца наткнувшихся на него дочерей Хинтока.

Он остановился и огляделся, словно не понимая, где находится, но не заметил слившегося с листвой Уинтерборна. Джайлс вышел на поляну. Подняв руку, джентльмен направился прямо к нему.

— Я заблудился,— сказал незнакомец.— Не можете ли вы мне выбраться на дорогу?

Он отер со лба пот, выступивший скорее от волнения, чем от физического усилия.

— Тракт совсем рядом,— сказал Джайлс.

— Зачем мне тракт? — нетерпеливо воскликнул джентльмен.— Я иду от тракта. Мне нужен Хинток-хаус. Как к нему выйти?

— Туда ведет тропинка. Но вам будет трудно ее найти. Позвольте, я вас провожу.

— Буду очень признателен, друг мой. Дело в том, что я после обеда решил прогуляться пешком. Я остановился дня на два в шертонской гостинице. Я не думал, что это так далеко.

— Отсюда до Хинток-хауса будет с милю.

Они тронулись в путь. Тропинка была узкой, и Джайлсу приходилось, опережая спутника, отводить колючие ветки и предупреждать:

— Берегите глаза, сэр,— на что джентльмен ронял рассеянное:

— Да-да.

Так они шли и шли, и легкие тени листьев нервно подрагивали на их лицах. Наконец незнакомец спросил:

— Далеко еще?

— Не очень,— ответил Уинтерборн.— Лес выходит клином к самой усадьбе. Но, насколько я знаю, миссис Чармонд нет дома.

— Вы ошибаетесь,— быстро возразил незнакомец.— Миссис Чармонд была в отъезде, но сейчас она возвратилась.

Джайлс не стал возражать, хотя был уверен в обратном.

— Вы здешний? — спросил незнакомец.

— Да.

— Счастливец, у вас есть дом. Это то, о чем я могу только мечтать.

— Вы, вероятно, из дальних краев?

— Я с юга Европы.

— Да что вы, сэр! Вы, наверно, итальянец, или испанец, или француз?

— Ни то, ни другое, ни третье.

Наступило молчание. Джайлс не задавал вопросов, и, испытывая потребность отплатить любезностью за услугу, джентльмен добровольно пояснил:

— Я американец, из Южной Каролины, но сейчас постоянно живу в Италии. Когда юг потерпел поражение, я покинул родину и с тех пор ни разу там не был.

Больше он о себе ничего не сказал. Они вышли на опушку и, миновав пересекавший луга забор, увидели в низине безмолвные, бледные трубы над крышей усадьбы.

— Вы не знаете, который час? — спросил джентльмен.— У меня остановились часы.

— Что-нибудь между двенадцатью и часом,— ответил Джайлс.

— А я-то думал, не больше десяти! — воскликнул озадаченный незнакомец.— Боже мой!

Он попросил Джайлса не провожать его дальше и протянул ему золотой размером в соверен. К удивлению незнакомца, Джайлс отказался от денег, и тот, опустив монету обратно в карман, проговорил запинаясь:

— Я хотел заплатить вам, чтобы вы никому не рассказывали о нашей встрече. Вы обещаете мне?

Джайлс с готовностью обещал ему молчать. Он стоял и смотрел, как незнакомец спускается по склону холма. Сойдя вниз, тот неуверенно оглянулся. Джайлс понял, что ему пора уходить, и направился лесом в Хинток.

Он догадывался, что взволнованный опечаленный джентльмен был тем давним и страстным воздыхателем миссис Чармонд, о котором столько говорили в деревне и который, по слухам, не пользовался ее расположением.

Однако догадка его не подтвердилась ничем, кроме рассказа о полном госте, который переполошил оставшихся в Хинток-хаусе слуг и, узнав, что миссис Чармонд вернулась из-за границы, но сейчас находится в Лондоне, ушел с проклятиями неизвестно куда, не оставив даже визитной карточки.

Принесшие эту весть служанки божились, что, прежде чем разразиться бранью, он трижды вздохнул, но другие очевидцы этого не подтвердили. Тем не менее на следующий день из шертонской гостиницы в наемном экипаже отбыл соответствующий их описанию джентльмен.

ГЛАВА XXII

С Ивановой ночи прошла неделя; яркое солнце светило над пышной листвой, когда у дверей Фитцпирса постучался посетитель; в коридоре послышался знакомый голос: это был Мелбери. Он отказывался войти в гостиную, чтобы не наследить пыльными сапогами, но доктор настаивал, и гостю пришлось покориться.

. Не глядя ни вправо, ни влево, да, пожалуй, не глядя и на самого Фитцпирса, он положил шляпу на стул и, сосредоточенно уставившись в пол, начал:

— Я пришел к вам, доктор, чтобы поговорить о деле, которое меня весьма беспокоит. У меня дочь Грейс, как вы, вероятно, слышали, единственная дочь. Так вот, в Иванову ночь ей хотелось посмотреть на причуды хинтокских девушек, и она вышла в легких туфельках; ходила досветла по росе и теперь кашляет — часто, сухо, и мне это очень не нравится. Я подумал, не отправить ли ее к морю, может, ей там полегчает...

— Послать к морю! — У Фитцпирса вытянулось лицо.

— Вот именно. И я хотел у вас спросить, какое место вы посоветуете.

Лесоторговец нанес визит как раз в тот момент, когда охваченный влюбленностью Фитцпирс пришел к выводу, что дня не может прожить без Грейс. Он живо помнил, как благодаря уловке, на которую он отважился с благословения ночи и лунного света, она попала в его объятия и прикикла к

его груди. И вдруг ее хотят куда-то отправить! С горделивыми планами можно повременить. Разницу в происхождении в наши дни заменяет общность культуры и вкусов. Волны желаний уносили его дальше и дальше.

— Как странно, как удивительно, что вы пришли сегодня ко мне поговорить о мисс Мелбери,— проговорил он.— Я каждый день собираюсь зайти к вам по той же причине.

— Вы тоже заметили, что ее здоровье...

— Я не заметил ничего опасного, она совершенно здорова. Но, мистер Мелбери, мне посчастливилось несколько раз видеть вашу дочь. Я бесконечно преклоняюсь перед вашей дочерью и хотел бы просить вас позволить мне поближе с ней познакомиться... посещать ее.

Мелбери глядел в пол и не видел, как растерялся Фитцпирс, испугавшись, что поспешное изъявление чувств повредит его планам.

— Вы хотите... вы хотите с ней познакомиться? — выговорил Мелбери после долгого молчания; чувства его прорывались наружу.

— Да,— ответил Фитцпирс.

— Вы хотите поближе ее узнать? Я должен понимать так, что вы намереваетесь жениться на ней?

— Да,— ответил доктор.— Я хочу поближе ее узнать, хочу, чтобы вы принимали меня как жениха, и если мы подойдем друг другу, то непременно поженимся.

Лесоторговец был ошеломлен, дрожащей рукой он отставил в сторону трость.

— Ваши слова застигли меня врасплох,— проговорил он срывающимся голосом.— То есть нет ничего неожиданного в том, что моя дочь привлекла внимание джентльмена; но мне в голову не приходило, что это будете вы.— Ком в горле мешал ему говорить.— Я всегда знал, что моя Грейс поднимется высоко,— продолжал он.— Я сказал себе: «Чего бы мне это ни стоило, я дам ей хорошее образование». Я так и сделал, хотя жена опасалась, что я из года в год попусту сорю деньгами. Я-то знал, что деньги не пропадут. «Расходы на такую смышленную девочку окупятся сторицей»,— сказал я.

— Я счастлив, что вы согласны,— сказал Фитцпирс, почти сожалея, что разрешение видеть Грейс досталось ему так легко.

— Если она не прочь, я, конечно, согласен. Да и то сказать,— признался лесоторговец,— мне это большая честь, да и ей в заслугу, что она привлекла внимание человека с высоким положением и из хорошей семьи. Тот охотник и не подозревает, как он в ней ошибался. Что ж, берите ее — и в добрый час, сэръ!

— Я постараюсь добиться ее расположения.

— Да-да. И я думаю, вас она не отвергнет. Конечно же, не отвергнет.

— Надеюсь. Теперь я буду у вас частым гостем.

— Милости прошу. Но все-таки как же быть с ее кашлем? Может, ей все же поехать к морю? Совсем забыл, зачем я у вас.

— Уверяю вас, кашель ее от легкой простуды,— сказал Фитцпирс,— нет необходимости обрекать ее на одиночество у моря.

Слова его не убедили Мелбери, который не знал, стоит ли следовать врачебным советам лица, заинтересованного в том, чтобы его дочь никуда не уезжала. Доктор понял ход его мыслей и, искренне опасаясь потерять Грейс хотя бы на время, взволнованно заверил лесоторговца:

— Если я добьюсь у нее успеха, я сам отвезу ее к морю на месяц-другой после женитьбы, а я надеюсь, что мы поженимся до холодов. Это гораздо лучше, чем отпускать ее одну.

Мелбери обрадовало его предложение. Вряд ли отсрочка угрожала здоровью дочери: погода стояла теплая, да и причина была нешуточная. Спохватившись, он встал и сказал Фитцпирсу:

— Не буду отнимать у вас драгоценного времени, доктор. Я пойду. Много вам обязан. Вы теперь будете часто видаться и сами посмотрите, как у нее со здоровьем.

— Поверьте мне, она совершенно здорова,— сказал Фитцпирс, который виделся с Грейс гораздо чаще, чем полагал ее отец.

После ухода Мелбери Фитцпирс стал перебирать свои мысли и чувства; он был подобен человеку, нырнувшему за жемчужиной и оказавшемуся в среде, ни плотность, ни температура которой ему не известны.

— Однако жребий брошен, а Грейс — прекраснейшая из смертных.

Что касается Мелбери, то весь обратный путь его мучили сказанные им перед уходом слова; он считал, что, расчувствовавшись, говорил глупо, неблаговоспитанно и недостойно общества образованного человека, ничтожность врачебной практики которого с лихвой окупалась былым величием его рода. Он вел себя необдуманно. Слова его выразили чувства по поводу намерений Фитцпирса, но это были неудачные слова. Глядя в землю, он при каждом шаге водружал трость, словно она была древком знамени. Так он дошел до дому и, проходя через двор, машинально заглянул в мастерскую. Кто-то из работников спросил его о спицах для колес.

— Что? — переспросил Мелбери, уставившись на него. Тот повторил вопрос.

Мелбери помолчал и, ничего не ответив, повернулся и направился к дому.

Время для поденщиков мало что значило, и они лениво уставились на дверь, закрывшуюся за Мелбери.

— Интересно, что его так гвоздит? — проговорил Тенгстарший. — Не иначе, что-нибудь с дочкой. Когда у тебя, Джон Апджон, подрастет дочка, которая будет стоить тебе таких денег, у тебя воскресные башмаки и те скрипеть перестанут! Твое счастье, что у тебя росту неостанет поднять такую дочку. М-да, будь у него дюжина дочерей, он поступал бы разумнее. Не далее как в прошлое воскресенье гляжу — идут, подходят к луже, так он ее взял и перенес, как игрушечку. Завел бы дюжину — сами бы по лужам шлепали.

Тем временем Мелбери вошел в дом, уставясь перед собой, словно ему предстало видение. Не снимая шляпы, он уселся куда попало.

— Люси, свершилось. — сказал он жене. — Да, все, как я ожидал. На что надеялся, то и вышло. Она этого добилась — да еще как. Где она? Где Грейс?

— У себя, наверху. Что случилось?

И мистер Мелбери изложил случившееся со всей связностью, на которую был способен в такую минуту.

— Я же тебе говорил, — повторял он, — такая красавица в девках не засидится, даже в нашей глуши. Но где же Грейс? Позови ее! Нет, постой. Гре-е-ейс!

Грейс появилась лишь через несколько минут, ибо любящий отец приучил ее ни при каких обстоятельствах никуда не спешить.

— Что случилось, папа? — спросила она с улыбкой.

— Лентяйка ты моя, что ты только наделала! Ты же дома всего шесть месяцев! Нет чтобы привязаться к людям нашего круга — ей надо смущать умы людей просвещеннейших.

Привыкшая угадывать на лету смысл отцовских обиняков, Грейс на сей раз решительно ничего не понимала.

— Ну да, ты, конечно, не понимаешь или делаешь вид, что не понимаешь, хотя, по-моему, женщины такое и через двойной забор разглядят. Так и быть уж, скажу тебе. Ты подцепила доктора на крючок, теперь он будет ходить к тебе как жених.

— Нет, только подумай, милая. Какая удача! — проговорила миссис Мелбери.

— Как жених! Но я ведь этого не хотела! — воскликнула Грейс.

— Чего тут, хотеть — не хотеть! Все вышло само собой... М-да, он вел себя в высшей степени достойно и просил моего согласия. Не сомневаюсь, ты знаешь, как его встретить. Тебе же не надо говорить, чтобы ты ему не мешала.

— Не мешала жениться на мне?

— Вот именно. Для чего же еще ты училась?

Грейс посмотрела в окно, потом на камин, восторга на лице ее не изображалось.

— Отчего это все так вдруг? — капризно спросила она. — Разве вам не важно знать мое мнение?

— Очень важно. Но ты сама понимаешь, как все замечательно.

Грейс задумалась и ничего не ответила.

— Ты же вернешься в то общество, которого тут лишена,— продолжал отец.— Я думаю, долго в Хинтоке он не выдержит.

Грейс согласилась, что замужество сулит ей некоторые возможности; но было ясно, что, хотя присутствие Фитцпирса чаровало, почти гипнотизировало ее, хотя его неожиданный поступок в лесу порядочно смутил ее чувства,— она никогда не думала о нем как о предназначенном судьбой супруге.

— Не знаю, что и сказать,— проговорила она.— Я слышала, он очень умен.

— Он молодчина, он будет ходить к тебе в гости.

Предчувствие, что она не сможет противиться его ухаживаниям, странно всколыхнуло ее чувства.

— Но, отец, ты же помнишь, еще совсем недавно Джайлс...

— Выкинь его из головы. Он же сам от тебя отказался.

Она не умела выражать чувства с той непосредственностью, с какой ее отец высказывал свои мнения, хотя ее обучали красноречию, а его нет. Появление Фитцпирса возбуждало ее, как глоток вина, погружало в непонятную стихию, в которой она не была над собой властна, но Фитцпирс уходил, и она испытывала что-то вроде угрызений совести, особенно когда вспоминала безмолвную, саркастическую усмешку Уинтерборна... Она не находила слов, чтобы объяснить это отцу и мачехе.

Случилось так, что в тот же день Фитцпирса вызвали на собрание медицинского общества, поэтому визиты его начались не сразу. Грейс получила от него письмо с сожалением по поводу вынужденной отлучки. С виду письмо было элегантно, стиль его отличался утонченностью; со дня возвращения в Хинток подобные письма приходили к Грейс разве от школьной подруги — да и та писала до чрезвычайности редко, ибо школьные подруги весьма уважали чины и звания, и стоило Грейс исчезнуть из виду, как они перестали думать о дочери лесоторговца. Письмо не могло не обрадовать Грейс, и, получив его, она несколько часов бродила в задумчивости по окрестностям.

Тем же вечером отец сказал ей:

— А почему бы тебе не сесть и не написать ответ? В мое время молодежь отвечала на письма без промедления.

Грейс ответила, что на это письмо ответа не полагается.

— Тебе лучше знать,— заключил отец. Но он долго еще сомневался, правильно ли поступила Грейс, не слишком ли легкомысленно она относится к своему счастью.

Уважение Мелбери к Фитцпирсу основывалось отнюдь не на профессиональной репутации доктора, которая немногого стоила, но на громком имени Фитцпирсов, некогда игравших важную роль в графстве. У старомодных людей в деревнях

еще сохраняется безотчетное доверие к отпрыскам древнего рода, независимо от их нынешнего положения и личных достоинств. Это доверие в высшей степени было присуще лесоторговцу; человек, искавший руки его дочери, происходил из семьи, о величье которой он слышал еще от деда, из семьи, имя которой стало названием соседней деревни; разве может выйти что-либо дурное из помолвки дочери с таким человеком?

— Дело надо довести до конца,— сказал лесоторговец жене.— Грейс понимает, что все это для ее же счастья, но она молода, и ей не повредит совет человека постарше.

ГЛАВА XXIII

Именно поэтому он пригласил ее прогуляться,— так он поступал всегда, когда хотел сказать собеседнику что-то важное. Дорога привела их на вершину одного из холмов, отделявших лесной край от яблоневого; отсюда весной они любовались пышным цветением садов. Теперь сады были густо-зеленого цвета. Живо вспомнив, как она проезжала тут на двуколке, Грейс сказала:

— Кажется, в этом году урожай на яблоки будет большой — как и ждали. Джайлс, наверно, уже готовится делать сидр?

Не для таких разговоров отец привел ее сюда. Поэтому вместо ответа он поднял руку и указал ей на густую зелень вдали.

— Видишь то место, где яблони переваливают через холм? — сказал он.— Там много веков назад находилось поместье Фитцпирсов, а сейчас там деревня Бакбери-Фитцпирс. Великолепное было имение, великолепное!

— Но сейчас они им не владеют?

— Увы! Слава и величие умирают так же, как ничтожность и глупость. Кажется, нынче наш доктор и незамужняя дама — не знаю, где она живет,— единственные потомки Фитцпирсов. Ты должна быть счастлива, что будешь носить такую прославленную фамилию. Ты приобщишься к истории.

— Но разве наш род в Хинтоке не такой же древний, как их в Бакбери? Ты же мне говорил, что наша фамилия все время встречается в старинных бумагах.

— Да, как фамилия йоменов, арендаторов и тому подобных. Согласись, что фамилия Фитцпирс куда лучше. Ты будешь вести высокую умственную жизнь, к которой привыкла в последние годы; практика у доктора тут небольшая, но он, конечно, наберется сил и вскоре переедет в большой город, заведет модную карету, и ты перезнакомишься со множеством дам из самого высшего общества. Если тогда встретишь меня на улице, можешь смело проехать мимо и отвернуться. Я и мечтать не буду, чтобы ты говорила со мной,— разве в каком-

нибудь неприметном безлюдном уголке, чтобы встреча со мной не унизила тебя ни в чьих глазах. Теперь и думать не смей о соседе Джайлсе. Мы с ним друзья, но тебе он не ровня. Он живет простой, грубой жизнью, и жена его должна жить простой, грубой жизнью.

Отцовские уговоры подействовали. Вольная распорядиться своим временем Грейс, воспользовавшись погожим днем незадолго до возвращения Фитцпирса, решила посетить долину, где находилась деревня Бакбери-Фитцпирс. Оставив работника с лошадей и двуколкой у трактира, она направилась к развалинам замка, вышедшимся невдалеке. Она не сомневалась, что это и есть видная твердыня рода Фитцпирсов.

Развалины выглядели убого и состояли в основном из сводов нижнего этажа, которые покоились на низких толстых колоннах с узорчатыми капителями. Две-три лучше сохранившиеся комнаты какой-то фермер превратил в загон для телят, которые шуршали соломой, покрывавшей каменный пол, и лизали стены с диковинными норманнскими орнаментами, лоснившимися от сырости. Грейс подумала, что даже это примитивное искусство не заслуживает подобного небрежения, и впервые род Фитцпирсов предстал перед ее воображением в грустном романтическом свете.

Пора было ехать домой, и она вернулась к двуколке, раздумывая об увиденном. Ее глубоко поразила неожиданная мысль, что человек столь современных воззрений на науку и искусство может быть кровно связан с руинами столь отдаленных времен. Эта связь еще увеличила заинтересованность Грейс умом и положением доктора, и она устрашилась: и без того, оказываясь рядом с ней, он производил на нее непостижимое действие.

Весь обратный путь она пребывала в возбуждении, вызванном не любовью, а скорее страхом перед надвигавшейся опасностью.

Меж тем отец ее тоже готовился к встрече с Фитцпирсом. В доме хранилась старая книга по медицине, изданная в конце прошлого века, и, чтобы не ударить лицом в грязь, Мелбери после рабочего дня раскладывал эту книгу на колени и читал о Галене, Гиппократе и Герофиле, о догматиках, эмпириках и герметиках, соперничавших между собой в истории медицины. Потом он перешел к классификации болезней и способам их излечения, подробно изложенным в этом достойном сочинении. Мелбери опасался, что трактат его устарел и что ему не удастся должным образом поддерживать беседу с доктором, без сомнения, находящимся в курсе самоновейших открытий.

Наконец Фитцпирс приехал; он послал сообщить, что зайдет немедленно. На приведение дома в порядок оставались считанные минуты, поэтому уборка в гостиной Мелбери напоминала уборку в приемной Толмача, при которой бедный Пилигрим чуть не задохнулся от пыли. Наведя порядок, мис-

сис Мелбери уселась в кресло, сложа руки, и стала ждать. Муж ее беспокойно расхаживал по двору, навеваясь в комнаты и, пробормотав: «Да-да»,— опять выходил из дому. В пятом часу Фитцпирс привязал лошадь к крюку перед парадными дверьми.

Он вошел в гостиную и, увидев одну миссис Мелбери, счел отсутствие Грейс за дурное предзнаменование. Лишь видя ее, он мог поддерживать в себе пламя, заставившее его пойти на такое отчаянное предприятие, но ее не было, и он испытал желание убраться восвояси.

Он сидел и рассеянно произносил слова, какие, по его мнению, подходили моменту и были понятны хозяйке деревенского дома; но вот на лестнице послышался шелест платья, и Грейс спустилась в гостиную. Фитцпирс был растерян не менее, чем она. Грейс вызвала в нем самое искреннее чувство, но он не мог отделаться от мысли, что решается на плохо обдуманый шаг.

Мистер Мелбери задержался в мастерской и не успел вовремя надеть жилет и парадный пиджак. Не желая, чтобы его долго ждали, он вошел в гостиную, на ходу застегивая пуговицы.

Фитцпирс заметил, что это смутило щепетильную Грейс и что мистер Мелбери в его присутствии держится неестественно. На кухне у бабушки Оливер внезапно появилась необходимость шуметь сверх обычного, так что беседе в гостиной сопутствовал гул и плеск, доносившийся сквозь открытую дверь.

Стоило в разговоре за чаем возникнуть непринужденности, как мистер Мелбери выступал с обстоятельными вымученными речами на отдаленные темы, словно боясь, что Фитцпирс начнет критически размышлять о предмете, приведшем его сюда. Сказать по правде, напряжение и неловкость мистера Мелбери были вполне извинительны, ибо он вплотную подошел к осуществлению заветной мечты. Если бы телесная оболочка не заслоняла души, на месте мистера Мелбери трепетало бы жалкое существо с широко раскрытыми глазами и сжатыми губами, в ужасе ожидающее исхода. Будущее его счастье было в тем большей опасности, что отеческие заботы его распространялись не на обширное семейство, но на единственную дочь, занимавшую столь необычное положение в жизни.

Фитцпирс сидел в гостях не более часа, но и этого времени хватило, чтобы его зыбкие неопределенные чувства к Грейс окрепли и окончательно утвердились. Вряд ли в ответ на его тихую просьбу она стала бы провожать его до дверей, если бы мачеха деловито не подтвердила:

— Разумеется, Грейс, проводи мистера Фитцпирса.

Родители остались в комнате, а Грейс послушно пошла за гостем. Когда молодые люди оказались одни в обширной прихожей с кирпичным полом, влюбленный доктор заставил

Грейс взять его под руку. Так они дошли до дверей, где он быстро поцеловал ее.

Грейс вздрогнула и отшатнулась, краска бросилась ей в лицо; она вряд ли ожидала, что дело могло пойти так далеко. Отъезжая от крыльца, Фитцпирс послал ей воздушный поцелуй и помахал рукой Мелбери, глядевшему в окно. Счастливый отец ответил ему широким взмахом руки и довольной улыбочкой.

Присутствие доктора всегда пьянило Грейс, но на сей раз опьянение улетучилось вместе с его уходом. Она плохо помнила о событиях минувшего часа, но смутно подозревала, что произошло нечто вроде помолвки с красивым, настойчивым, неотразимым Фитцпирсом.

За первым визитом последовали другие, продолжавшиеся все лето. Поток рассуждений, доводов, увещаний увлекал Грейс, и, надо признать, она порою охотно им поддавалась. Горделивые мечты свойственны каждой женщине и, если она удерживает себя в определенных границах, не сулят ничего дурного. Что же касается Грейс, то она получила такое воспитание и образование, что ей как нельзя более очевидны были преимущества брака с человеком, подобным Фитцпирсу. Ее не слишком интересовали его настоящие или будущие доходы, зато необыкновенно увлекала возможность богатой внутренней жизни, утонченного духовного общения с мужем. Именно это, а не житейская мысль о выгодном замужестве и заставило ее в конце концов поплыть по течению и покориться той власти, какую имел над ней доктор Фитцпирс.

Не обладая особой проницательностью, можно было с уверенностью заключить, что если Грейс и не питает в обычном смысле любви к доктору, то со временем эта любовь непременно придет.

Однажды, прогуливаясь под вечер, они забрели довольно далеко и, чтобы возвратиться домой до сумерек, прошли короткой дорогой по аллее у Хинток-хауса. Дом был необитаем и смотрел слепыми закрытыми окнами на поросший кустарником склон. Грейс устала, и они присели на низкий каменный подоконник, который еще хранил тепло солнечных лучей, лившихся на него весь день.

— Пожалуй, этот дом подошел бы нам, Грейс, дорогая, как вы думаете? — проговорил Фитцпирс, рассеянно озирая старинный фасад.

— О да, — ответила Грейс, которой подобная мысль никогда не приходила в голову. — Она еще путешествует, — прибавила Грейс в задумчивости, ибо не в силах была забыть, как по непонятной причине утратила драгоценное расположение хозяйки поместья.

— О ком это вы? Ах, понял, о миссис Чармонд. Знаете ли, моя милая, я одно время думал, будто это вы живете в этой усадьбе.

— Не может быть! — воскликнула Грейс.— Как вы могли так подумать?

Он рассказал ей историю своего заблуждения, умолчав о том, как был разочарован, узнав правду.

— Ну, это пустяки,— продолжал он.— Я хотел поговорить с вами о более существенном деле. Я бы не хотел венчаться в здешней ужасной церквушке, чтобы вся деревня глазела на нас, а пастор бубнил непонятно что. Надеюсь, вы понимаете мои чувства?

— Но где же тогда? В городе?

— Нет. Совсем не надо венчаться. Давайте запишемся в мэрии. Это проще, спокойней и во всех отношениях удобнее.

Грейс была не на шутку озадачена.

— Но как же я выйду замуж не в церкви и без всех моих дорогих друзей?

— Включая йомена Уинтерборна.

— А почему бы и нет? Между нами всерьез ничего ведь не было.

— Видите ли, моя дорогая, я против венчания в церкви с колокольным звоном потому, что об этом начнут судачить по всей округе. А огласка может нам повредить, я, между прочим, собираюсь купить практику в Бедмуте, а это всего милях в двадцати отсюда. Судите сами, не лучше ли будет, если никто там не узнает, откуда вы родом и кто ваши родители. Если удастся избежать лишней огласки, ваша красота, ваше образование и манеры доставят вам уважение любого общества.

— Но разве нельзя обвенчаться в церкви без шума? — молила Грейс.

— Не вижу в этом необходимости.— В голосе Фитцпирса слышалось нетерпение.— Брак — это гражданский договор, чем проще его заключают, тем лучше. Не ходят же люди в церковь, когда покупают дом или составляют завещание.

— Эдрид, какие ужасные вещи вы говорите!

— Простите, я не хотел вас обидеть. Но я советовался с вашим отцом, и он со мной согласился. Отчего же вы против?

Грейс уже не возражала, полагая, что в данном случае чувства должны подчиниться голосу благоразумия,— если только планы Фитцпирса были благоразумны. И все же на сердце у нее было тяжело.

ГЛАВА XXIV

Он проводил ее до дому. Когда зыбкие тени в отдалении скрыли его фигуру, Грейс почудилось, что этот человек вряд ли имеет к ней какое-нибудь отношение. Он настолько превосходил ее умом и знатностью, был так далек от привычного круга

ее мыслей, что представлялся ей скорее повелителем, чем ровней, защитником и дорогим другом.

Неожиданное пожелание доктора ошеломило ее, его взгляды на брак оскорбили ее чувства, день свадьбы был близок и неотвратим, и Грейс всю ночь не могла сомкнуть глаз. Она поднялась, когда первые ласточки начали выбираться из гнезд под застрехой, села на пол у окна и выглянула за штору. На улице уже обозначился день, хотя было еще темно, и утренние голоса звучали вяло и неуверенно. Солнце обещало не скоро проглянуть над погруженной в тени долиной. Из сараев и мастерских еще не доносилось ни звука. Недвижный рассветный час придавал почти гипнотическое оцепенение стволам деревьев, дороге, двору и строениям. Их беспомощная неподвижность словно была исполнена тихой задумчивости, плохо вязавшейся с беспокойными мыслями, обуревавшими Грейс. За дорогой виднелись крыши домов и макушки деревьев, за крышами и садами ниже леса на гребне холма сквозь выюнки белела грубая штукатурка дома, в котором жил ее будущий муж. Станни были закрыты, окна его спальни плотно занавешены шторами, из покрытых щербинами труб не вздымалось ни прядки дыма.

Вдруг что-то нарушило спокойствие. Дверь дома на холме тихо открылась, и на крыльце показалась девушка, закутанная в большую шаль, из-под которой виднелся белый подол длинного просторного платья. Серая рука, высунувшаяся из сеней, поправила шаль на плечах девушки и исчезла. Дверь затворилась.

Девушка быстро спускалась по тропинке, обсаженной буксом, между смородиной и малиной. Фигура и походка ее выдали. Это была Сьюк Дэмсон, нареченная простодушного Тима Тенга-младшего. У подножия сада живая изгородь скрыла ее по плечи, лишь по быстрому мельканию головы можно было догадаться, что девушка торопится домой.

Грейс узнала или, по крайней мере, была уверена, что узнала на серой руке, высывавшейся из-за двери, рукав того самого халата, который был на Фитцпирсе в день ее памятного посещения. Лицо ее залила краска. Она собиралась одеться и пройтись поутру под прохладной зеленой сенью деревьев, теперь же села на край кровати и погрузилась в задумчивость. Она не замечала, как идет время, и ей показалось, что домашние кухонные шумы начались сразу, хотя, сойдя вниз, неожиданно для себя обнаружила, что солнце уже завладело кронами деревьев и что с минуты, когда она выглянула в окно, прошло, по крайней мере, часа три.

Она принялась искать отца и наконец нашла его на огороде, где он проверял, хороша ли картошка. Услышав ее шаги, он выпрямился и, потянувшись, сказал:

— Доброе утро, Грейси. Поздравляю. Сегодня ровно месяц до свадьбы!

Она ничего не ответила и, не подобрав подола, направилась к отцу между рядами росистой ботвы.

— Сегодня утром — с рассвета — я думала о своем положении, — возбужденно заговорила она, едва удерживаясь на ногах от дрожи. — Я поняла, что мое положение ложно. Я не хочу выходить замуж за мистера Фитцпирса. Я вообще не хочу замуж, но уж лучше выйду за Джайлса Уинтерборна, лишь бы не за мистера Фитцпирса.

Мелбери побледнел, на лице его обозначились жесткость и неумолимость, он не проронил ни слова, пока они шли с огорода. Грейс не видела никогда отца в таком бешенстве.

— Слушай меня, — наконец сказал он, — бывает время, что женщина может думать и передумать, а бывает, что уже поздно, если только она дорожит отцовской честью и правилами приличия. Так теперь поздно — слышишь? Я не хочу сказать, что ты непременно обязана выходить за него. Только знай, что, коли ты ему откажешь, я буду навек опозорен, я стану стыдиться своей дочери и не смогу ждать от тебя ничего хорошего. Что ты понимаешь в жизни? Куда тебе рассуждать, что лучше, что хуже? Ты неблагодарная дочь, Грейс. Я вижу, ты где-то видала Джайлса, и он задурил тебе голову. В этом-то все и дело!

— Отец, отец, ты не прав. Джайлс тут ни при чем, тут такое, о чем я тебе не могу рассказать...

— Что ж, выставляй меня на посмешище, гони Фитцпирса, делай что хочешь!

— Но кто же знает о нашей помолвке? Как может тебя опозорить разрыв?

Мелбери неохотно признался, что рассказал о помолвке тем-то и тем-то, и Грейс поняла, что зуд тщеславия заставил его похвалиться выданьем дочери буквально всему Хинтоку. Она уныло побрела к беседке, видневшейся в кустах лавровишни. Отец шел за ней следом.

— Это все из-за Джайлса Уинтерборна, — твердил он, укоризненно глядя на дочь.

— Вовсе нет. Ты ведь сам когда-то хотел, чтобы я вышла за Джайлса. — Грейс была близка к отчаянию. — Вовсе не из-за Джайлса, а из-за мистера Фитцпирса.

— Стало, у вас размолвка? Знаешь, милые бранятся, только тешатся.

— Дело в одной женщине...

— Ах, вот оно что! Ты ревнуешь. Старая история. Не спорь со мной. Посиди-ка здесь, а я пришлю к тебе Фитцпирса. Я его только что видел — он курил перед своим домом.

Он быстро вышел за ворота и зашагал по дорожке. Грейс не могла оставаться в беседке, она вылезла сквозь брешь в ограде и углубилась в рощу. Ее было видно издали: меж большими редкими деревьями без подлеска двигалось хрупкое,

как сильфида, существо, на которое солнце и листва роняли золотистые и зеленоватые блики. Неожиданно за ее спиной послышался шорох шагов по сухой листве, и, оглянувшись, она увидела приближающегося Фитцпирса, доброго и свежего, как само утро.

Взгляд его изображал скорее любопытство, чем любовь. Но Грейс была так хороша в зеленом лесном царстве, щеки ее так чудно атели, простое легкое платье и плавные движения придавали ей такую неотразимую прелесть, что в глазах его вспыхнуло восхищение.

— Дорогая моя, что случилось? Ваш отец сказал мне, что вы на меня дуетесь, да еще и ревнуете. Ха-ха-ха! Будто в этой глуши у вас может быть соперница, кроме великой природы! Вы же сами об этом знаете!

— Ревную? Нет, совсем не ревную,— грустно проговорила Грейс.— Мой отец ошибается, сударь. Видно, я чересчур горячо говорила о нашем с вами супружестве, и он не понял, что я имела в виду.

— Значит, что-то все же случилось? — Он пристально взглянул ей в глаза и привлек к себе. Она отпрянула, и поцелуя не получилось.

— Что же произошло? — уже серьезно спросил он, обескураженный неудачей.

— Мистер Фитцпирс, мне пора домой, я еще не завтракала.

— Подождите,— настаивал он, глядя на нее в упор.— Скажите мне все, прошу вас.

На его стороне было преимущество сильного, но Грейс ответила, подчиняясь не столько силе, сколько убеждению, что молчать нечестно.

— Я видела в окно,— проговорила она неуверенно.— Я расскажу вам потом. Мне пора. Я еще не завтракала.

Фитцпирс вдруг понял все, что она имела в виду.

— Да ведь и я не завтракал,— оживленно заговорил он.— Я сегодня встал поздно. Меня разбудили посреди ночи, вернее сказать, на рассвете. Чуть забрезжило, является какая-то девица из деревни — не знаю ее имени — прибежала между четырьмя и пятью, говорит, спасения нет от зубной боли. Звонка ее никто не услышал, тогда она стала кидать камешки в мое окно, пока не разбудила. Я накинул халат и вышел к ней. Стоит вся в слезах и молит выдрать ей злополучный зуб. Я говорю, не надо, она — ни в какую. Так и вытащил, чистенький, ни пятнышка, мог бы прослужить ей еще лет пятьдесят. А она завернула его в носовой платочек и ушла предвольная.

Это было так правдоподобно, так исчерпывающе объясняло все! Не зная о том, что случилось в лесу Ивановой ночью, Грейс решила, что ее подозрения беспочвенны и недостойны, и с бесхитростностью чистой души немедленно уверилась в правдивости его слов. На душе у нее стало необычайно

легко; как раз в эту минуту кустарник, окаймлявший сад, зашевелился, и на тенистую лужайку вышел ее отец.

— Надеюсь, все в порядке? — весело спросил он.

— Да, да,— ответил Фитцпирс, не сводя глаз со стыдливо потупившейся Грейс.

— Скажите мне, что вы по-прежнему хотите стать мужем и женой, и я на радостях прибавлю вам две сотни. Ей-богу,— объявил Мелбери.

Фитцпирс взял Грейс за руку.

— Мы так и скажем, верно ведь, дорогая моя? — спросил он.

Избавившись от подозрений, Грейс затрепетала от радости и благоговейной готовности проявить великодушие; но, оставаясь женщиной, тут же захотела добиться ответной уступки за свое согласие.

— Если мы обвенчаемся в церкви, то да,— подчеркнуто спокойно сказала она.— А если нет, то нет.

Тут пришел черед Фитцпирса проявлять благородство.

— Да будет так,— с улыбкой сказал он.— В святую церковь мы пойдем, и это будет благо.

И они направились домой втроем; Грейс с задумчивым лицом шла посередине, чувствуя, как полегчало у нее на душе от объяснения Фитцпирса и сознания, что она все-таки будет венчаться в церкви.

«Пусть будет так,— говорила она себе.— А там бог милостив, все обойдется».

С этой минуты она уже не пыталась идти наперекор судьбе, Фитцпирс не отходил от нее ни на шаг, парализуя ее волю и вынуждая безропотно подчиняться каждому его слову. Страсть его не потухала, а несколько сот фунтов золотом, назначенные в приданое, представлялись ему недурным приложением к хорошенькому личику и отчасти заглашали опасения, что он погубит карьеру, вступив в брачный союз с дочерью простого лесоторговца.

День свадьбы приближался медленно, но неотвратимо. Порой Грейс изнывала от прежних сомнений, и тогда ей казалось, что время сжимается и само пространство сужается вокруг нее; порой она снова становилась жизнерадостна и весела. День следовал за днем; один-два плотника еще захаживали в мастерскую отца в этот нерабочий сезон, что-то пилили, строгаили, сбивали, каждое утро отпирали и каждый вечер запирали за собой дверь, ужинали, подолгу простаивали у ворот, вдыхая свежий воздух и обмениваясь новостями из внешнего мира, которые докатывались до Малого Хинтока и замирали в нем, как обессилевшая волна докатывается до самого дальнего грота самой глубокой бухты; однако ни одна из новостей не затрагивала свадебных приготовлений в доме по соседству. День этот близок, думала Грейс, так близок, что не успеют молодые побеги окрепнуть, не успеет листва пожелтеть, а она

уже станет женой Фитцпирса. Все кругом выглядело как обычно; заезжему постороннему человеку и в голову не пришло бы, что здесь, в Хинтоке, есть женщина, чья судьба решится в один из этих августовских дней.

Лишь посвященным было дано знать, что приготовления быстро продвигаются к концу. В отдаленном модном курорте Сэндборне в них участвовало немало разных людей, которые слыхом не слыхивали о Грейс, никогда ее не видели и не знали, хотя тому, что создавалось их руками, суждено было облечь ее в тот день, когда сердце ее забьется если не счастьем, то хотя бы новым волнением, не испытанным ни в один из дней ее прежней жизни.

Почему фургон миссис Доллери, всегда ходивший напрямик к Большому Хинтоку, одним прекрасным субботним вечером вдруг завернул на Главную улицу Малого Хинтока и остановился у ворот дома Мелбери? Вечерний свет позолотил большую плоскую, тщательно перевязанную картонку, которую с немалыми предосторожностями извлекли из-под черного верха экипажа. Картонка едва ли была тяжелой, если миссис Доллери собственноручно внесла ее в дом. Тим Тенгс, столяр, Баутри, Сьюк Дэмсон и еще кто-то понимающе переглянулись и обменялись замечаниями; Мелбери стоял с видом человека, не снисходящего до таких домашних пустяков, как прибытие дамской картонки. Если же говорить правду, он сразу угадал ее содержимое и приятно взволновался этим доказательством того, что все, слава богу, идет своим чередом. Все время, что миссис Доллери оставалась в доме, то есть довольно долго, ибо она была исполнена сознанием важности своей миссии, Мелбери переждал в сарае, но едва она, умолкнув, получила вознаграждение и удалилась, как он вошел в дом и увидел то самое, что ожидал, — жену и дочь, в восхищении склоненных над подвенечным платьем, прибывшим от лучшего портного вышеупомянутого курорта Сэндборна.

Все эти недели о Джайлсе Уинтерборне не было ни слуху ни духу. Потеряв аренду в Хинтоке, он распродал часть мебели, а остальное — несколько вещей, дорогих как воспоминания или необходимых в работе, оставил у соседа, сам же уехал прочь. Поговаривали, что он запустил дела, не показывается в церкви, что в воскресенье кто-то видел, как он в грязных башмаках, растянувшись под деревом и опершись на локоть, насмешливо поглядывал на прохожих. Впрочем, добавляли, что он собирается вернуться в Хинток, когда начнут гнать сидр, забрать от соседа давилню, чтобы разъезжать с ней из деревни в деревню.

Однако краткий промежуток, отделявший Грейс от дня свадьбы, все уменьшался. Не раз просыпалось в ней некое подобие радости — радости от мысли, что это будет ее час; более того, она даже испытывала гордость, что она, просвещенная женщина, станет женой просвещенного человека. Это

счастливым случай, который не часто выпадает девушкам в ее положении, девушкам, которым родители, открыв ценность образования, привили новые вкусы, но отнюдь не предоставили возможность удовлетворить их в своем кругу. Однако какая пропасть была между этой холодной гордостью и мечтами ее юности, в которых она рисовалась себе радостно идущей к алтарю в пурпурном сиянии, в ореоле любви, без дурных предчувствий и со всем юным пылом как должное принимающей «уважение тысяч сердец и любовь одного».

Тогда в грезах все было ясно; сейчас оставалось что-то недосказанное. Отчаяние посещало ее редко, странная покорность судьбе, казалось, овладела ею, и она испытывала мучительную потребность в человеке, которому могла бы излить все, что копилось у нее в душе.

Этот день был теперь так близок и огромен, что ее чуткий слух уже улавливал его звуки, перешептыванье односельчан на паперти и тонкий перезвон трех колоколов хинтокской церкви. Голоса становились все громче и громче, звон колоколов все настойчивее. Она проснулась: это утро уже настало.

Пять часов спустя она была женой Фитцпирса.

ГЛАВА XXV

Главная гостиница Шертон-Аббаса представляла собой трактир с въездной аркой, через которую, согнувшись в три погибели, кучера провозили постояльцев во двор к благоустроенным номерам, выходящим на задний фасад. Окна, смотревшие на улицу и забранные решеткой, едва пропускали свет и упирались в стены соседних домов; вероятно, поэтому самым роскошным номером гостиницы считался тот, что выходил окнами на задний двор,— из него открывался вид на фруктовые сады, отягощенные алыми и золотыми плодами, без конца и без края раскинувшиеся в мерцающем лиловатом мараеве дня. Стояла ранняя осень.

Когда от яблок, алых, как закат,
К земле обильной сучья принакают,
И груши грузно на ветру дрожат,
И сливы синью взоры привлекают.

Пейзаж и в самом деле мог показаться тем чудным краем, что виделся в мечтах юному Чаттертону.

В этом номере и сидела сейчас молодая женщина, которую звали Грейс Мелбери вплоть до того дня, как перст судьбы коснулся ее и превратил в миссис Фитцпирс. После свадьбы прошло два месяца. Фитцпирс отправился полюбоваться аббатством при свете заходящего солнца, а Грейс осталась в одиночестве, слишком утомленная, чтобы сопровождать его на прогулке. Их долгое свадебное путешествие, продолжавшееся

восемь недель, подошло к концу, и тем же вечером они собирались отбыть в Хинток.

Во дворе, за которым начинались сады, глазам Грейс предстала обычная для этого времени года картина. Несколько человек хлопотало возле перевозной мельницы и давилъни: одни подносили в плетеных корзинах яблоки, другие их перемалывали, третьи выжимали. Всею работой заправлял молодой фермер степенной наружности, по всем признакам — хозяин давилъни. Черты его лица были Грейс хорошо знакомы. Повесив куртку на гвоздь у сарая, он закатал рукава рубашки выше локтей, чтобы не испачкать их яблочной массой, которую он закладывал в сетку из конского волоса. Кусочки кожуры пристали к полям его шляпы, должно быть, брызнув из прорвавшейся сетки, а коричневые ошметки засохшей яблочной кашицы покрывали до локтей его сильные красивые руки.

Грейс сразу догадалась, как он сюда попал. Дальше, в глубь яблоневого края чуть не каждый фермер имел в хозяйстве собственную давилъню и готовил сидр своими силами, но здесь, на границе владений Помоны, где сады соперничали с лесами, обзаведение столь громоздким оборудованием едва ли могло окупить себя. Здесь-то и открывалось широкое поле деятельности для бродячего сидродела. Его давилъня и весь завод размещались не в сарае, а на колесах, и с парой лошадей, всеми приспособлениями, чанами, трубами и ситами, да еще одним-двумя работниками он переезжал с места на место, выручая этим хлопотным делом изрядные деньги, особенно в урожайный год.

Сады по окраинам городка ломились от плодов. Яблоки лежали по дворам в телегах, корзинах, сваленные в кучи, и неподвижный голубоватый воздух осени был напоен тяжелым и сладким духом яблочного брожения. Выжимки лепешками сушились на топливо под желтым осенним солнцем. Нынешний урожайный год принес несметное изобилие скороспелых яблок и опадышей, не годившихся в лежку даже на малый срок. Поэтому в корзинах и дрожащей воронке мельницы Грейс увидела образчики самых разных сортов — аниса, коричной, папировки, грушовки и других добрых знакомых всеядной юношеской поры.

Грейс с интересом наблюдала за хозяином давилъни. С губ ее сорвался легкий вздох. Может быть, ей вспомнился тот день, когда совсем еще недавно друг ее детства по просьбе отца встречал ее в этом самом городе, застенчивый и полный надежд, поверивший в обещание, скорее подразумевавшееся, чем данное всерьез. А может быть, ей вспомнилось время уже давнее, детство, когда ее губы просили у него поцелуя, о котором он еще не помышлял. Как бы то ни было, все это дело прошлое. Она чувствовала свое превосходство над ним тогда и чувствует его сейчас.

«Отчего он не обернется?» — думала Грейс, стоя у открытого окна. Она не знала, что днем их приезд вызвал оживление в гостинице и привлек внимание Джайлса; увидев ее въезжающей под арку, он густо покраснел, отвернулся и с удвоенным рвением принялся за работу. Неразлучный с ним Роберт Кридл, прослышав от конюха, что доктор Фитцпирс с молодой женой остановились в гостинице, стал многозначительно покачивать головой и шумно вздыхать, отрываясь от рычага яблочного пресса.

— Какого черта ты вздыхаешь? — не вытерпел наконец Уинтерборн.

— Эх, хозяин, все мысли... мысли не дают покоя! Пятьсот подвод выдержанного теса, да к тому же пятьсот фунтов добрых денежек, да каменный дом — там бы дюжина семей поместилась, — да еще доля в лошадях и повозках — все разом пропало, а из-за того, что упустили ее, когда она была вашей по праву!

— Ах ты, господи, да ты меня с ума сведешь, Кридл, — в сердцах проговорил Джайлс. — Замолчи, ради бога.

На этом разговор во дворе оборвался. Тем временем Грейс, невольная виновница этих потерь, еще стояла у окна. Она была изысканно одета, занимала лучший номер гостиницы, ее долгое свадебное путешествие отличалось разнообразием и даже роскошью, ибо там, где речь шла об удовольствиях, Фитцпирс был решительно неспособен на экономию. Рядом со всем этим Джайлс и окружающие его люди казались ей сейчас убогими и будничными, их мир был так далек от ее собственного, что она не могла понять, какой внутренний смысл находила в нем еще недавно.

— Нет, я никогда бы не стала его женой, — произнесла она, покачивая головой. — Папа был прав. Эта жизнь слишком груба для меня. — И она взглянула на украшавшие ее белые тонкие пальцы кольца с сапфиром и опалом — подарок Фитцпирса.

Джайлс по-прежнему стоял спиной к окну, и, ощущая некоторую гордость своим положением, — вполне извинительную в молодой неопытной женщине, которая полагает, что удачно вышла замуж, — Грейс с мягкой улыбкой окликнула Джайлса.

— Мистер Уинтерборн!

Джайлс, казалось, не слышал.

— Мистер Уинтерборн! — повторила она.

Он снова не услышал, хотя тот, кто стоял рядом и видел его лицо, мог бы в этом усомниться. Смущенная громким звуком своего голоса, Грейс окликнула его в третий раз!

— Мистер Уинтерборн, вы забыли мой голос? — И, ожидая ответа, вновь приветливо улыбнулась.

Он повернулся, не выразив удивления, и решительно пошел к окну.

— Зачем вы меня зовете? — спросил он против ожидания сурово; лицо его было бледно.— Вам мало того, что я выбиваюсь из сил, чтобы заработать себе на хлеб, пока вы тут сидите в довольстве, вам еще надо беречь мои раны.

Она вспыхнула, в растерянности не зная, что сказать, но не рассердилась, ибо знала, чем вызван его гнев.

— Я не хотела вас обидеть, простите меня,— кротко сказала она.— Поверьте, у меня не было на уме ничего дурного. Просто, увидев вас тут, рядом, я не могла удержаться, чтобы вас не окликнуть.

Сердце его готово было выпрыгнуть из груди, глаза застилала слезы — так растрогали его эти ласковые слова, произнесенные знакомым голосом. Потупившись, он заверил ее, что ничуть не сердится, и неуклюже, сдавленным голосом спросил, довольна ли она своим путешествием и много ли повидала интересного. Она рассказала ему о нескольких местах, в которых успела побывать, а он слушал ее, пока ему не пришлось вернуться к рычагам давилни.

Забыть ее голос! Разве в его словах прозвучало бы столько горечи, если бы он забыл этот голос! Сгоряча он сурово упрекнул ее, но, опомнившись, стал думать о ней с нежностью, ибо видел, что она была права, отвергнув его, свою же верность он считал недостойной внимания. Он мог бы сказать о себе словами современного поэта:

Коль я забуду,
Пусть реки позабудут море,
Коль я забуду,
Любовь свою забуду в горе,—
Да буду я гнуснее всех,
Да буду воплощенный грех,
Коль я забуду.
Коль ты забудешь,
Ни в чем тебя не упрекну я,
Коль ты забудешь,
«Будь счастлива»,— тебе шепну я,
Я буду лишь тобою жить,
Я буду лишь тебе служить,
Хоть ты забудешь.

Слезы выступили у нее на глазах при мысли, что она могла бы не напоминать ему о том, чего он сам не мог позабыть; она уверяла себя, что не ее воля, а неумолимый ход событий разрушил их детские мечты. Встреча со старым другом неожиданно отняла у нее ту ликующую гордость, с которой она растворяла окно. Грейс не понимала, отчего вдруг ей сделалось так грустно. Произошло же это единственно оттого, что жестокость ее не была достаточно безоглядной. «Если надо действовать ножом— не раздумывайте»,— говорят великие хирурги. Для собственного спокойствия Грейс следовало бы или не ставить Уинтерборна ни во что, или обращаться с ним как с равным. Теперь же, закрывая окно, она испытывала невыразимую,

можно сказать, опасную жалость к своему отвергнутому жениху.

Вскоре вернулся Фитцпирс и сообщил ей, что видел великолепный закат.

— А я его и не заметила,— вздохнула Грейс и поглядела во двор.— Зато я видела одного нашего знакомого.

Фитцпирс тоже посмотрел в окно и сказал, что никого не узнает.

— Да там же мистер Уинтерборн, у давилъни. Он ведь подрабатывает на сидре.

— Ах, тот, деревенский,— равнодушно проговорил Фитцпирс.

— Не говори так про мистера Уинтерборна,— упрекнула Грейс мужа.— Правда, я только что подумала, что никогда не могла бы выйти за него, но я его уважаю и буду уважать.

— Ради бога, любовь моя. Я же говорю, что я человек злой и надменный и тщеславно горжусь своим обветшавшим родом; более того, сказать по правде, мне кажется, будто я принадлежу совсем к другой породе людей, чем те бедняки, что трудятся во дворе.

— И к другой, чем я. Я же одной с ними крови.

У Фитцпирса был вид пробудившегося ото сна: если он нашел верные слова для выражения своих чувств, было, в самом деле, противоестественно, что женщина из племени, работающего под окном, стоит рядом с ним и является его женой. Все время путешествия она ни разу не уступила ему в высоте мыслей, безошибочности вкуса и изяществе манер, и он почти позабыл, что, женись на ней, почитал свои жизненные принципы поруганными.

— Одной крови? Но образование и воспитание превратили тебя в совсем иного человека,— сказал он скорее для себя, чем для Грейс.

— Мне бы не хотелось так думать,— пробормотала она с тоской.— Кажется, ты недооцениваешь Джайлса Уинтерборна. Не забывай, что мы были неразлучны, пока меня не послали учиться, поэтому я не могу так уж сильно от него отличаться. По крайней мере, я так считаю. Без сомнения, это большой недостаток. Надеюсь, ты примиришься с этим, Эдрид.

Фитцпирс обещал, и так как время близилось к вечеру, они стали собираться в дорогу, чтобы засветло добраться до Хинтока.

Менее чем через полчаса они тронулись в путь. Меж тем работа во дворе прекратилась, и тишину нарушало лишь шлепанье капель из-под до отказа завинченного пресса да гуденье запоздалой осы, которая так охмелела, что не заметила наступления сумерек. Грейс радовалась, что скоро окажется дома, в краю лесов; Фитцпирс молча сидел с нею рядом. Его невыразимо угнетала мысль, что путешествие подошло к концу и

теперь вновь придется остаться один на один с неприкрытой наготой деревенской жизни.

— Ты все молчишь, Эдрид, — нарушила молчание Грейс. — Разве ты не рад, что мы едем домой? Я так рада!

— У тебя тут друзья. У меня никого.

— Но ведь мои друзья — твои друзья.

— М-да, ты права.

Разговор оборвался; они уже ехали по Главной улице Хинтока. Еще до отъезда было решено, что они, хотя бы на первых порах, поживут в просторном доме Мелбери, пустовавший флигель которого отдавался в их распоряжение. За время отсутствия новобрачных его привели в порядок, побелили, покрасили, оклеили обоями. Лесоторговец не пожалел сил, чтобы по возвращении новобрачные устроились как можно удобнее и уютнее. В довершение всего Мелбери распорядился, чтобы на первом этаже большую комнату с отдельным выходом превратили в приемную, к дверям которой с улицы привинтили бронзовую табличку с именем Фитцпирса — единственно ради украшения, ибо лесному краю на много миль в окрестности было отлично известно место жительства каждого его обитателя.

Мелбери и его супруга приветствовали прибывших с чувством, их домочадцы — с почтением. Первым делом Грейс и Фитцпирс осмотрели свои комнаты, к которым вел коридор по левую руку от лестницы. Комнаты эти отделялись от остального дома дверью, навешенной по особому указанию Мелбери. В камине весело полыхал огонь, хотя до холодов было еще далеко. Фитцпирс объявил, что не голоден, ибо они недавно обедали в Шертон-Аббасе, и что он хочет пройтись до своего прежнего жилища, чтобы узнать, как шли дела у его заместителя.

Выйдя из дома Мелбери, он оглянулся. Жить под этой крышей означало желанную экономию денег, плохо было то, что все в этом доме будет напоминать ему, что он зять лесоторговца. Он направился к домику на холме. Его заместитель был в отлучке, и Фитцпирс разговорился со своей недавней хозяйкой.

— Что хорошего слышно, миссис Кокс? — спросил он с деланным оживлением.

Хозяйку немало огорчала потеря выгодного жильца, и у нее не оставалось надежды хоть как-то восполнить упущенное, ибо где-где, а в Хинтоке приезжих не бывало. Поэтому она недовольно пробормотала:

— Не хочу я и говорить об этом, особенно вам, сэр.

— Уж расскажите, миссис Кокс, мне можно.

— Да люди все удивляются вашей женитьбе, доктор Фитцпирс. Они-то считали, что вы столько превзошли в науке, и вдруг вы женитесь на дочке Мелбери, такой же хинтокской, как и я.

— Пусть говорят что хотят,— сказал Фитцпирс, не давая виду, что ее слова пронзили его в самое сердце.— Что еще нового?

— Возвратилась сама.

— Кто?

— Миссис Чармонд.

— Да ну! — Фитцпирс был заинтригован.— Я никогда ее не видел.

— Зато она вас видала, сэр.

— Не может быть!

— Все может. Она вас видела не то в гостинице, не то на улице, когда вы путешествовали, и что-то про вас сказала, а ее горничная, мисс Эллис, объяснила ей, что это ваше свадебное путешествие с дочкой мистера Мелбери, и тогда она говорит, что вы могли бы жениться поудачнее. «Боюсь, он испортит себе карьеру»,— сказала она.

Фитцпирс не продолжал беседы с приветливой хозяйкой и быстрыми шагами направился домой. Он тихонько поднялся по лестнице в выделенную им гостиную, где, уходя, оставил жену. Камин еще горел, но в комнате было темно. Он заглянул в столовую, однако стол для ужина не был накрыт. Он пошел дальше, но тут с первого этажа, из гостиной лесоторговца, донесся гул голосов, в котором легко распознавался голос Грейс.

Не заходя туда, он с порога взглянул в комнату и обнаружил веселое общество соседей и знакомых, среди которых узнал мелочника, фермера Баутри, кузнеца из Большого Хинтока, бочара, столяра, акцизного чиновника и их жен. Все они наперебой расточали комплименты миссис Фитцпирс и поздравляли новобрачных с возвращением. Забыв о том, что она теперь дома и что муж ее важный человек, раздумывая от удовольствия Грейс охотно принимала изъявления их дружбы.

Фитцпирсу эта сцена показалась отвратительной. Мелбери отсутствовал, но его жена, заметив доктора, поспешила ему навстречу.

— Тут разнесся слух о вашем приезде, и вот все пожаловали к нам. Мы с Грейс подумали, что неловко не пригласить гостей к ужину, и Грейс решила, что по случаю возвращения вы отужинаете вместе с нами.

Грейс тоже его заметила.

— Правда мило, что они меня так поздравляют,— растроганно сказала она, подходя к мужу.— Нехорошо было бы не ответить на их любезность и запереться у себя.

— О, разумеется... разумеется,— пробормотал Фитцпирс и с героической улыбкой мученика присоединился к обществу.

Как только гости уселись за стол, появился хозяин дома, сразу приметивший, что Фитцпирс охотно уклонился бы от участия в столь многолюдном собрании. Отозвав жену в сторону, он выговорил ей за поспешное приглашение. Миссис

Мелбери ответила ему в оправдание, что Грейс сама одобрила эту затею, и любящий отец не нашелся что возразить. Фитцпирс к этому времени успел уже совершенно освоиться со своими добродушными сотрапезниками, которые, широко расставив локти, пили, ели, шутили и хохотали. Поддавшись общему веселью, он вынужден был под конец признаться себе, что этот ужин — отнюдь не самый тягостный в его жизни.

И все же мгновениями, точно таинственные письма на стене, перед ним возникали будто бы сказанные миссис Чармонд слова о том, что он погубил свою будущность. Мысли тотчас уносили его прочь от веселой трапезы, в негодовании он задавал себе вопрос, вправе ли миссис Чармонд или любая другая женщина совать нос в его дела. Но, поразмыслив, приходил к заключению, что владелица Хинток-хауса проявляет вполне естественный интерес к судьбе приходского врача. Стакан грога избавлял его от неприятных раздумий. Находившая на него временами мрачность не укрылась, однако, от взгляда Грейс и старого Мелбери, поэтому оба они облегченно вздохнули, когда один из гостей заявил, что время позднее и пора расходиться по домам. При этих словах Мелбери проворно поднялся с места, словно его подбросило пружиной, и через десять минут в доме не осталось никого, кроме хозяев.

— Послушай, Грейс,— обратился к жене Фитцпирс, едва они остались вдвоем в своей комнате,— мы провели приятный вечер, все было очень мило. Но давай все же договоримся, какого образа жизни нам следует здесь придерживаться. Пусть нам предстоит жить в этом доме, но это не значит, что мы должны общаться со всеми, кто посещает твоих родителей. Говоря по правде, мне это непереносимо.

Поначалу Грейс неприятно поразило его отвращение к тому самому доброму старому укладу деревенской жизни, к которому он выказывал столько интереса в пору ухаживания, но спустя мгновение она согласилась.

— Мы должны вести себя так, словно мы квартиранты, то есть совершенно независимо, как если бы мы жили в наемном доме,— продолжал Фитцпирс.

— Да, да, Эдрид, я понимаю, мы должны вести себя именно так.

— Но ты в мое отсутствие собрала этих людей и даже не подумала о том, каково это мне.

— Ты прав. Мне следовало дождаться тебя.— Она вздохнула.— Но они явились так неожиданно, я думала, что поступаю, как лучше.

На этом их разговор оборвался. Назавтра Фитцпирс отправился в свой первый по приезде обход больных. Со свойственной ему приметливостью, а может быть, мнительностью, он тотчас почувствовал, что односельчане перестали видеть в нем таинственного, непостижимого джентльмена, которому дарованы безграничные возможности. Теперь он был для них

просто партнером мистера Мелбери, в известной мере таким же деревенским жителем, как они сами. В обитателях Хинтока крепко держалось врожденное почтение к аристократам, и едва они узнали, что Фитцпирс родом из бакберийских Фитцпирсов, как тотчас стали при встрече с ним касаться шляпы и оказывать ему всяческие знаки уважения и услуги — все то, чего Мелбери не удавалось добиться никакой ценой. Теперь, предав древность рода женитьбой, Фитцпирс утратил в их глазах былой ореол, он стал для них деревенским врачом, не более, заслуживающим того же обращения, что и старый Джонс, на которого они посматривали сверху вниз.

Он и раньше не мог похвастаться обширной практикой, теперь же число его пациентов сильно поубавилось. В довершение всего, из Попечительского совета пришла бумага с жалобой на его заместителя, который отказал в помощи бедняку. Уязвленный, Фитцпирс заявил о своей отставке.

Недели через две после приезда он вбежал в комнату Грейс в необычном возбуждении.

— Мне предлагают практику в Бедмуте, ту самую, о которой я вел переговоры, — объявил он. — Для этого требуется внести восемьсот фунтов, — я думаю, твой отец не откажется их ссудить. Тогда мы уехали бы отсюда навсегда.

Вопрос этот обсуждался и прежде, так что Грейс не была застигнута врасплох. Но не успела она ответить, как в дверь дома постучали, и бабушка Оливер прибежала доложить, что доктора Фитцпирса срочно вызывают в Хинток-хаус к миссис Чармонд, карета которой перевернулась.

— Ну, это уж кое-что, — проговорил Фитцпирс с заинтересованностью, которую вряд ли сумел бы объяснить. — У меня всегда было предчувствие, что я познакомлюсь с этой загадочной женщиной.

Последние слова он произнес про себя.

Когда он уходил, Грейс пожелала ему доброй ночи.

— Я, наверно, буду уже спать к твоему возвращению, — прибавила она.

— Покойной ночи, — рассеянно ответил он и стал спускаться по лестнице. Впервые со дня свадьбы он ушел из дома, не поцеловав жену.

ГЛАВА XXVI

Уинтерборн покинул свой дом. Его теперь редко видели в Хинтоке: он, возможно, и совсем бы не появлялся в деревне, если бы не деловые отношения с Мелбери, в усадьбе которого он оставил сидровый аппарат, ибо своей усадьбы у него больше не было.

Возвращаясь однажды под вечер в лесную хижину, где он теперь жил, он заглянул в Хинток и не увидел знакомой из бурого камыша островерхой крыши отцовского дома, впрочем,

и самого дома не было — его снесли по распоряжению управляющего. У Уинтерборна болезненно сжалось сердце, когда он увидел пустырь на месте родного дома. Поужинав в своей хижине, он в сумерки вернулся в Малый Хинток и долго бродил по земле, на которой родился.

Снова и снова возвращался он сюда по вечерам. Даже в темноте он мог различить бывшие границы комнат, легко находил угол кухни, где стояла печь, в которой он пек в детстве яблоки и картошку, отливал грузила и выжигал инициалы на своих и чужих предметах. Яблони в саду были все целы; самые старые еще и теперь стояли, покосившись на северо-восток: их погнул сильный шторм, разразившийся в ноябре тысяча восемьсот двадцать четвертого года и выбросивший на берег Чесильской отмели большое парусное судно. Сейчас эти яблони покосились еще сильнее под тяжестью спелых плодов. Висевшие на ветках яблоки ударили Уинтерборна по голове, а невидимые в густой траве с хрустом раздавливались под ногами. Их теперь некому было собирать.

В один из таких вечеров Уинтерборн сидел, прислонившись к наклоненному стволу яблони, погруженный в раздумье, устремив взгляд туда, где прежде на небе чернел островерхий силуэт крыши с трубами, а теперь одна за одной загорались неяркие звезды. Пустота на месте старого дома, еще недавно неуклюже выдвигавшегося на дорогу, была теперь особенно заметна.

В вечерней тишине вдруг послышался скрип колес и дробный стук копыт, и скоро на фоне чистого закатного неба обрисовалась коляска, приближавшаяся туда, где дорога в объезд старого дома делала крюк. Коляской правила женщина, сидевшая на высоких козлах, грум ехал на запятках.

Внезапно раздался громкий треск и тотчас за тем легкий испуганный возглас. Уинтерборн вскочил на ноги и бросился на дорогу: коляска опрокинулась на бок; женщина сидела на груде обломков — все, что осталось от родного очага Уинтерборна; грум держал лошадей под уздцы. Коляска принадлежала миссис Чармонд, а потерпевшей была сама хозяйка Хинтокхауса.

На вопрос Уинтерборна, не ушиблась ли она, миссис Чармонд невнятно ответила, что не знает. Что до остального, то урон был не так велик; экипаж тотчас поставили на колеса, затем водворили туда миссис Чармонд; вожжи на этот раз взял грум. Оказалось, что миссис Чармонд, введенная в заблуждение образовавшейся на месте дома пустотой, пустила лошадь прямо на развалины.

— Домой! Скорее домой! — нетерпеливо приказала миссис Чармонд.

Но не проехали они и ста шагов, как до Уинтерборна донеслись — вечер был тихий — слова, сказанные миссис Чармонд груму.

— Стой! Вернись и скажи этому человеку, пусть он позовет ко мне доктора. Я чувствую, что ушиблась гораздо сильнее, чем мне показалось в первую минуту.

Уинтерборн усмехнулся: звать доктора, по его мнению, особой надобности не было. Но, выслушав груга, он тотчас отправился за доктором. Передав просьбу миссис Чармонд, Уинтерборн отступил в тень, не сводя глаз с дома Мелбери. Он видел, как Фитцпирс ушел, видел в освещенном окне сидевшую за столом Грейс. Так он постоял несколько минут. Потом зашагал прочь, слившись с черными деревьями.

Фитцпирс незамедлительно прибыл в Хинток-хаус, чьи двери открылись перед ним впервые. Вопреки ожиданию, он не заметил той тревожной суеты, какая бывает в доме, когда с хозяином несчастье. Его провели наверх по лестнице в уютную, обставленную в чисто женском вкусе комнату, где в мягком свете затененной абажуром лампы полулежала на софе красивая молодая женщина, предусмотрительно приняв позу, не грозившую ее высокой, уложенной в виде короны прическе. Роскошные золотисто-каштановые волосы составляли приятный контраст с малиновым пеньюаром; левая рука, обнаженная почти до плеча, была небрежно откинута; в правой миссис Чармонд держала папиросу, выпуская изящно очерченным ртом ленивые струйки дыма.

Взглянув на миссис Чармонд, доктор невольно подосадовал, оттого что, предвидя тяжелый случай, захватил с собой чуть не всю свою аптечку. Но досада тут же сменилась иным чувством: хотя он никогда прежде здесь не бывал, а миссис Чармонд видел впервые, вся обстановка, эта женщина, его собственное состояние — все показалось ему до странности знакомым. Могло ли такое быть? Уж не видел ли он все это когда-нибудь во сне?

Миссис Чармонд не шевельнулась, а только подняла на Фитцпирса глаза, когда он подошел к софе. Она посмотрела на него исподлобья, и Фитцпирс заметил, как по ее красивому лицу пополз румянец. Она поспешно отвела от него свой глубокий, проникновенный взгляд и рассеянно поднесла к губам папиросу.

На мгновение он забыл, зачем он здесь. Но тут же, поборов наваждение, выразил пострадавшей сочувствие, приличествующее в таких случаях, и стал расспрашивать с профессиональной обстоятельностью, как произошло несчастье и что миссис Чармонд себе повредила.

— Вы должны мне это сказать: я за тем вас и пригласила,— проговорила миссис Чармонд тоном едва уловимого высокомерия.— Я вам верю, ибо наслышана про вашу ученость, которую вы приобрели неусыпным трудом.

— Постараюсь сделать все, чтобы оправдать ваше лестное обо мне мнение,— сказал молодой человек, поклонив-

шись.— И это будет тем легче, что падение, как я успел заметить, не причинило, к счастью, большого вреда.

— Я сильно ушиблась.

— Да, конечно,— не возражал Фитцпирс; но, осмотрев миссис Чармонд, окончательно убедился, что его пациентка совсем не пострадала, и искренне изумился про себя, зачем его позвали, ибо миссис Чармонд отнюдь не производила впечатления слабонервной женщины.

— Вы должны немного полежать и попить микстуры, которую я пришло.

— Да, вот еще что! — воскликнула миссис Чармонд.— Я совсем забыла.— И она показала доктору маленькую царापину на полной обнаженной руке.— Заклейте, пожалуйста, пластырем.

Фитцпирс повиновался.

— А теперь, доктор,— сказала миссис Чармонд,— перед тем как уйти, ответьте мне на один вопрос. Садитесь вот на эту скамеечку, поближе ко мне. И переставьте, пожалуйста, свечи на маленький столик. Вы курите? Да? А я еще только учусь. Берите папиросы. Вот вам спички.— Она бросила Фитцпирсу коробок.

Фитцпирс поймал коробок и, закурив, стал рассматривать миссис Чармонд, лицо которой от перестановки свечей стало хорошо видно.

— Как вы думаете, сколько лет прошло с тех пор, как мы с вами встречались последний раз? — спросила она, не отступая от принятого тона едва заметного превосходства и глядя на Фитцпирса с той застенчивостью, какая опаснее всякого кокетства.

— Вы говорите, мы с вами встречались?

Миссис Чармонд кивнула.

— Я видела вас недавно в Лондоне. Вы поднимались по лестнице, как я догадываюсь, со своей молодой женой. И я сразу узнала вас, хотя последний раз мы виделись, когда я была еще почти ребенком. Помните Гейдельберг, английскую семью, любившую дальние прогулки...

— И молоденькую девушку,— подхватил Фитцпирс,— с огромной золотисто-каштановой косой. Помню, точно это было вчера. Как-то, гуляя на Грейт-Террас, она потеряла носовой платок и вечером пошла его искать. «Позвольте мне пойти»,— сказал я. «Не надо,— ответила она.— Это далеко. Бог с ним». Мы долго гуляли в тот вечер и разговаривали. На другое утро я пошел на Грейт-Террас, и нашел его в траве — крохотный, мокрый от росы комочек кружев с вышитым в одном уголке именем Фелис. Он и сейчас у меня в глазах! Я поднял его и...

— Что же вы сделали?

— Поцеловал,— с некоторым смущением проговорил Фитцпирс.

— Но вы видели меня всего один раз, и то в сумерки!

— Так что же! Я тогда был молод, и я прижал его к губам. Я решил воспользоваться счастливым случаем и в тот же день зайти к вам в отель. Но полил дождь. И я пошел к вам назавтра. Увы, я не застал вас. Вы уехали.

— Да,— вздохнула миссис Чармонд.— Моя мать понимала, что красота дочери — единственное ее богатство, и она не могла позволить, чтобы дочь ее — совсем еще дитя — влюбилась в студента, у которого ни гроша за душой. Она увезла меня в Баден. Это было очень давно, и я могу вам признаться теперь, что, знай я тогда ваше имя, я бы написала вам. Но я узнала его только месяц назад в Лондоне, когда вы прошли мимо меня по лестнице. Моя горничная сказала мне: «Это мистер Фитцпирс».

— Боже мой! — воскликнул Фитцпирс.— Вы возвращаете меня в дни моей юности. Вечерняя прогулка, утро, роса на траве, крошечный кружевной комочек. Когда я понял, что потерял вас, свет померк у меня в глазах. Я пошел туда, где мы гуляли вечером, бросился на траву и заплакал — я ведь был тогда совсем мальчишка. Я не знал, кто вы, не знал вашего имени, но я не мог, не мог забыть звук вашего голоса!

— И вы долго помнили его?

— Много, много дней!

— Дней! Только дней! О, сердце мужчины!

— Но, прекрасная госпожа, я видел вас всего один или два раза. Моей любви не суждено было стать цветком. Это был бутон, розовый, свежий, полный жизни, но всего лишь бутон. Зачаток огромной любви. Она так и не достигла поры цветения.

— Возможно, это лучше.

— Возможно. Но подумайте, как бессилён человек перед судьбой. Люди разлучили нас, а мы все-таки встретились. Много воды с тех пор утекло, многое переменялось. Вы стали богаты. Не изменилось одно — я по-прежнему беден. И не только это. Судя по вашему последнему замечанию, вам удалось одержать победу над необузданными желаниями юности. Мне это удалось.

— Вы заблуждаетесь.— Голос миссис Чармонд дрожал от сдерживаемых чувств.— Вы не знаете моей жизни. Она не могла способствовать таким победам. Да я и не верю, что люди сильных страстей способны обуздать свои чувства. И чем старше они, тем менее над собою властны. Излечиваются они разве что к ста годам. Что до меня, то я буду рабой страстей и в семьдесят лет, если, конечно, доживу до той поры.

Фитцпирс смотрел на миссис Чармонд с нескрываемым восхищением. Удивительная, необыкновенная женщина!

— Как вы правы! — воскликнул он.— Но в ваших словах печаль. Почему?

— Я всегда печальна, когда я здесь,— многозначительно понизив тон, проговорила миссис Чармонд.

— Тогда позвольте спросить, зачем вы приехали сюда?

— Так хотел мужчина. Женщину весь ее век, точно углую ладью, носит по волнам мужских прихотей. Я надеюсь, что мое уныние не передалось вам. Хинток имеет странную особенность: когда я живу здесь, сердце мое как запечатанный сосуд — чувства переполняют его, а исхода им нет. И я часто бегу отсюда куда глаза глядят. Иначе я бы умерла.

— В городе, надо полагать, есть интересное общество. Разумеется, для тех, кто в него вхож.

— По всей вероятности. Но беда в том, что соседи в провинции нетерпимы к взглядам и вкусам, отличным от их собственных. Одни мои знакомые считают меня вольнодумной, другие католичкой. Когда я без должного почтения говорю о погоде или видах на урожай, они приходят в ужас от такого кощунства.

Леди Чармонд замолчала и долго в задумчивости смотрела на огонь свечей.

— Вы хотите, чтобы я оставил вас? — прервал молчание Фитцпирс.

— Пожалуй!

— Тогда прикажите мне уйти.

— А вы не можете уйти без моего приказа?

— Будь моя воля, я бы слушался только своих чувств.

— И что бы вы сделали? Вы боитесь, что я рассержусь?

— Да.

— Не бойтесь. А теперь ступайте. И приходите завтра проведать больную. Мне было очень приятно возобновить наше знакомство. Я испытываю к вам искреннее расположение.

— Если бы это зависело от меня, мы бы стали друзьями на всю жизнь.

— Надеюсь, так и будет.

Фитцпирс спускался по лестнице в полном недоумении: зачем миссис Чармонд позвала его к себе? Было ли это следствием естественной тревоги о своем здоровье или ей просто хотелось воскресить прошлое, для чего несчастный случай послужил отличным предлогом?

Когда Фитцпирс вышел из дома, была уже ночь, слабо освещенная мерцанием звезд. Он стал думать о Хинток-хаусе. Как странно, он не раз приходил сюда в отсутствие хозяйки и с непонятным любопытством смотрел на этот дом; а еще до знакомства с Грейс почему-то решил, что она живет именно здесь; словом, Хинток-хаус в иные минуты казался ему святым местом с существом, имевшим прямое отношение к его жизни.

Краткая встреча с миссис Чармонд в те далекие дни действительно пробудила в нем нежные чувства. Но знакомство было так мимолетно, что, если бы не этот визит, он никогда бы, вероятно, и не вспомнил о нем. Однако сегодняшнее свидание при несколько романтических обстоятельствах сделало то, что давнее, полузабытое чувство вспыхнуло в нем с необычайной силой.

Войдя в Малый Хинток, он вдруг заметил, что смотрит на окружающее не глазами жителя маленькой деревушки и зятя лесоторговца, а скорее глазами владельца Хинток-хауса. Он отворил двери своего дома. Все семейство спало. Поднимаясь по лестнице, он слышал храп отца Грейс, доносившийся с его половины. Свернув в коридор, ведущий в их комнаты, он почувствовал вдруг, как у него тоскливо заныло сердце.

В спальне горел огонь. Грейс, хотя и лежала в постели, но еще не спала. Из-за полога послышался ее нежный голос:

— Что, миссис Чармонд сильно ушиблась, а, Эдрид?

Фитцпирс совсем забыл, зачем его звали в Хинток-хаус. Секунду он изумленно смотрел на Грейс, но тут же спохватился.

— Нет,— ответил он, когда смысл вопроса дошел до него.— Переломов нет, только ушибы. Но завтра придется опять идти туда.

Поинтересовавшись еще немного здоровьем миссис Чармонд, Грейс сказала:

— Миссис Чармонд спрашивала обо мне?

— Да, кажется. Не помню.

— А ты не можешь вспомнить, какими точно словами она говорила обо мне?

— Не могу.

— Значит, она почти совсем ничего не говорила обо мне,— разочарованно протянула Грейс.

— Почти ничего.

— Зато ты, наверное, много обо мне рассказывал? — Грейс простодушно ожидала комплимента.

— Ну конечно, милая,— ласковым тоном проговорил Фитцпирс, едва ли понимая, что говорит — такое сильное впечатление произвела на него миссис Чармонд.

ГЛАВА XXVII

Мистер Фитцпирс посетил Хинток-хаус и на второй и на третий день. Миссис Чармонд, как и в первый его визит, полулежала на софе, и вид ее ясно говорил, что она не спешит выздоравливать. Оба раза Фитцпирс внимательно осмотрел царапину, точно это была глубокая рана.

К вящему своему удовольствию, он обнаружил у миссис Чармонд на виске легкую ссадину и наклеил на это весьма заметное место черный пластырь вместо розового, чтобы рассеять у прислуги всякие сомнения насчет его визитов, если таковые успели появиться.

— Ой, больно,— воскликнула миссис Чармонд, когда Фитцпирс в одно из своих посещений стал осторожно отдирать с ее руки пластырь. Царапина поджила и затянулась корочкой цвета неспелой черной смородины, которая вот-вот готова была отпасть.

— Одну минутку, я подышу на пластырь.— С этими словами Фитцпирс поднес к губам руку миссис Чармонд. Она не протестовала.

— Вы сами просили заклеить царапину,— сказал он, с легкостью отлепляя пластырь.

— Да, я помню,— ответила миссис Чармонд.— А теперь взгляните, пожалуйста, цела ли у меня на виске голубая жилка. Я ударилась как раз виском. Будь рана поглубже, я бы истекла кровью.

Фитцпирс нагнулся так низко, что его теплое дыхание коснулось ее щеки. Их взгляды встретились. Глаза миссис Чармонд были темные, бездонные и таинственные, как межзвездное пространство. Она быстро отвернулась.

— О нет, нет! Только не это! — воскликнула она.— Я не могу с вами кокетничать. Наша бедная, краткая, почти дет-

ская влюбленность вспыхнула и угасла очень давно, и не надо воскрешать ее. Мы должны договориться об этом в самом начале нашей возобновившейся дружбы.

— Кокетничать! Но ведь и для меня это не игра. Ничего не изменилось с того дня, как я встретил вас в Гейдельберге. Возможно, я тогда глупо себя вел. Возможно, глупо веду себя и теперь. Но разве я могу забыть тот счастливый миг, когда волею судьбы я оказался в поле вашего зрения. Ах, эти воспоминания прошлого! Как далеко уносят они мое воображение!

— Да, как знать, что было бы, если бы моя мать не увезла меня тогда в Баден,— прошептала миссис Чармонд, следя взглядом за далекой верхушкой дерева, качаемой ветром.

— Мы встретились бы еще раз.

— А потом?

— Огонь разгорелся бы сильнее. Как все было бы, я не могу сказать. Но я знаю одно — все кончилось бы страданием и болью сердца.

— Почему?

— Печальный конец уготован любви самой природой. Вот почему.

— Не говорите так! — запротестовала миссис Чармонд.— Не губите моей мечты. Мы ведь только воображаем, что могло быть.— Последние слова миссис Чармонд произнесла полупрошептом, надув обиженно губы.— Позвольте мне хотя бы думать, что если бы вы любили меня искренне и глубоко, то никогда бы не разлюбили.

— Что ж, думайте, если это утешает вас. Мысль приятна и ни к чему не обязывает.

Миссис Чармонд несколько секунд размышляла над последними словами Фитцпирса, потом спросила:

— Вы что-нибудь слышали обо мне в эти годы?

— Ничего не слышал.

— Это хорошо. Мне, как и вам, пришлось испытать немало. Может, я когда-нибудь и расскажу вам о себе. Только не сейчас. И никогда не просите меня об этом.

Таким образом, два-три дня, проведенные на романтических берегах Неккара, где началось их трогательное знакомство, превратились с расстояния лет в годы нежной дружбы, и на этой благодатной почве выросли воздушные замки упительных фантазий, овеянных печалью невозможного и порождающих надежды, волнующие и прекрасные, коих не надо ни доказывать, ни отвергать.

Имя Грейс ни разу не было упомянуто между ними, но слух о предстоящем отъезде Фитцпирса из Малого Хинтока каким-то образом достиг ушей миссис Чармонд.

— Доктор, вы покидаете нас! — воскликнула однажды миссис Чармонд. Ее огромные темные глаза, нежный голос укоряли Фитцпирса мягко, но весьма чувствительно.— Да, да, вы уезжаете отсюда! — Она в страстном порыве соскочила с

софы.— Не отрицайте, вы купили практику в Бедмуте. И я не виню вас. Образованному человеку, стремящемуся быть в курсе новейших открытий, жить в Хинтоке невыносимо. Тем более, когда ничто и никто его здесь не держит. Вы правы. Уезжайте.

— Да я еще не купил этой практики, а только веду переговоры. И если мое теперешнее настроение не изменится, я никуда не уеду отсюда.

— Но вас тяготит Хинток и все его обитатели, кроме тех, конечно, кого вы берете с собой.

Фитцпирс стал было горячо возражать, но миссис Чармонд свела разговор к пустому кокетству, которое маскировало, однако, недюжинные страсти. Сильные, изменчивые, они тлели в ее душе до поры до времени, как жар в раскаленных углях под слоем пепла, и вспышка была всякий раз внезапной.

Если можно одним словом определить характер человека, то миссис Чармонд была сама непоследовательность. Она была женщиной взбалмошной, не боящейся опасных положений; она обожала мистификации в жизни, любви, в истории. Справедливость, однако, требует заметить, что ей нечего было особенно стыдиться в прошлом, хотя и гордиться тоже было нечем. Честные умы Хинтока ничего не знали о ее прошлом, и она редко в их присутствии пускалась в воспоминания. Ее слуги и арендаторы со свойственной зависимому классу поразительной способностью миновать острые углы в характере своего господина, жили под ее своенравным правлением куда более благополучно, чем если бы у нее был ровный и спокойный характер.

Что касается намерения Фитцпирса купить практику в Бедмуте и уехать из Хинтока, то его переговоры зашли гораздо дальше, чем он пытался это представить миссис Чармонд. Вопрос должен был решиться окончательно в ближайшие сутки. Вечером того дня, когда он виделся с миссис Чармонд, он вышел из дому и зашагал по аллее, с обеих сторон которой тянулась живая изгородь, серебристая от дикого ломоноса, именуемого в тех краях «белый бородач» по его виду в более позднее время года.

Вечером Фитцпирс должен был послать в Бедмут письмо, которое окончательно уладило бы вопрос о покупке практики. Но мог ли он уехать теперь, после всего, что произошло между ним и миссис Чармонд? Деревья, холмы, трава, листья — все ожило и заиграло нежными красками с тех пор, как он познакомился с хозяйкой Хинток-хауса, узнал ее душу, а главное, почувствовал ее расположение к себе. У него были все основания бежать отсюда — он опять займет подобающее место в обществе, которое покинул, ища уединения, под влиянием гнева, вызванного воображаемой обидой. Его жена, видевшая все неудобства их жизни в Малом Хинтоке, радостно ожидала переезда. Оставалось сделать последний шаг. Разум Фитцпир-

са говорил, что уезжать необходимо,— сердце его протестовало.

Подавив вздох, Фитцпирс вошел в дом и торопливо написал письмо, в котором окончательно отказывался от практики в Бедмуте. Почта уже побывала в Малом Хинтоке, и Фитцпирс послал одного из слуг Мелбери догнать почтовый фургон на соседней развилке, чтобы письмо пошло в тот же день.

Нарочный скоро вернулся и, встретив Фитцпирса в аллее, сказал, что письмо отправлено. Фитцпирс повернул к дому. Он шел и размышлял над происходящим. Почему он поддался этому безрассудному порыву, зачем губит мечты о будущем, свои и Грейс? Причина, побудившая его отказаться от практики в Бедмуте, была такая же прекрасная, такая же фантастическая и мимолетная, как краски закатного неба. Он был всего-навсего домашний врач миссис Чармонд, а жена его арендовала ее землю. Каким веским доводом оказалась сердечная склонность в дни холостяцкой жизни Фитцпирса, когда он решал, уехать ли ему из Малого Хинтока. Но тогда дело шло к женитьбе, а матримониальные побуждения — весьма почтенная вещь!

— Отец сказал, что ты послал письмо в Бедмут! — воскликнула Грейс, вышедшая встретить мужа. На быстро темнеющем небе одиноко горела вечерняя звезда.— Ты решился наконец заплатить, сколько они просят? Слава богу, это неприятное дело окончено. Когда мы едем, Эдрид?

— Я передумал,— ответил Фитцпирс.— Семьсот пятьдесят фунтов — слишком дорого для нас. И я отказался. Подождем более подходящего случая... Боюсь, что делец из меня никудышный!

Последние слова он сказал, устыдившись на мгновение величайшей глупости своего поступка. Глядя в глаза Грейс, ясные и правдивые, он вдруг испытал угрызения совести.

Грейс была расстроена в тот вечер. Она любила дом, где прошло ее детство, и не гналась за удовольствиями света, но она видела, что мужа ее гнетет жизнь в этом глухом углу, и ради него искренне хотела уехать отсюда.

Дня через три Фитцпирс опять пошел к миссис Чармонд. С самого утра было ветрено, то и дело начинал накрапывать дождь, стуча каплями, точно пригоршнями зерна, по стеклам и стенам домиков Малого Хинтока. Фитцпирс шел глухой частью парка, где росли старые вязы и дубы. На их коре, бурчатой и морщинистой, как лицо столетней колдуньи, темнели пятна влаги, сочившейся из старых ран, а внизу у самой земли изумрудно зеленели наросты лишайника. Это были могучие деревья, чьи стволы не сгибались под напором самых сильных ветров, а только раскачивали ветвями. Над их густыми, еще зелеными кронами — осень уже позолотила листву других деревьев — торчали, как олени рога, голые, черные сучья.

Миссис Чармонд приняла Фитцпирса не то в будуаре, не то в маленькой гостиной во втором этаже. Хотя на дворе был день и холода еще не настали, окна были наглухо завешены шторами, горели свечи и лампа под красным абажуром, ярко пылал камин.

— Почему топится камин и горят свечи? — спросил Фитцпирс.

Миссис Чармонд сидела в кресле, отвернувшись.

— О, мир за окнами так уныл,— прошептала она.— Небо в трауре, потоки слез льются по окнам. Сегодня ночью по стеклу скрипела улитка. Печальный звук. Я проплакала все утро, не осушая глаз. И я не хочу, чтобы вы видели мое заплаканное лицо. Скажите, доктор, зачем нам даны мятежные сердца и пламенные желания, когда приходится жить в этом мире? Почему смерть одна дарит то, что у жизни приходится вымалывать,— покой? Ответьте мне, доктор.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, милая Фелис, нужно вкусить еще от одного древа познания.

— Когда родник страстей иссякает, душа моя наполняется страхом и мне кажется, что я скоро умру. О, свет так жесток, так неумолим к тому, чье сердце из воска, а не из камня. Я боюсь людей, они сурово карают за каждый неверный шаг. Законы, правила, твердят они, созданы для того, чтобы человек стал совершенен. Какое мне дело до чужого совершенства? И ради него я должна жертвовать всем, что дорого моему сердцу!

— Что вас так расстроило сегодня? — тихо спросил Фитцпирс, садясь рядом с миссис Чармонд. Он подумал, что сплин ее объясняется единственно сидением взаперти, но ничего не сказал.

— Мои мысли, доктор. Вы не должны больше приходить ко мне. Люди начинают говорить, что моя болезнь — притворство. Не приходите больше. Только не сердитесь на меня.— Миссис Чармонд порывисто вскочила с кресла и, схватив Фитцпирса за руку, умоляюще взглянула на него.— Это необходимо. Так будет лучше для вас и для меня.

— Но что плохого мы сделали? — спросил, помрачнев, Фитцпирс.

— Мы не сделали ничего плохого, доктор. Но оттого, вероятно, и эти мысли. А впрочем, все суета... Я решила уехать в Миддлтон-Эби. Это недалеко от Шотсфорда. Там живет тетка моего мужа. Я еще в Лондоне обещала навестить ее. И не могу нарушить слова. Так будет лучше. Я уеду, и все забудется. А вы когда насовсем покидаете Хинток с вашей милой женой?

— Я отказался от практики в Бедмуте. Я полюбил эти места и не хочу уезжать отсюда.

— Отказались? — изумилась миссис Чармонд, недоверчиво глядя на Фитцпирса.— Но вы погубили себя. Боже мой, что я наделала!

— Ничего, кроме того, что собрались уезжать.

— Да, но я уезжаю недалеко и ненадолго, всего на месяц-другой в Миддлтон-Эби. Но, может статься, я обрету там душевный покой и вернусь в Хинток преображенной. Вы будете приходить ко мне в гости с вашей прелестной женой, и мы с ней станем друзьями. О, как легко родятся в уединении праздные мысли и чувства! С завтрашнего дня я перестану быть на вашем попечении, доктор. Я так хочу... И все-таки я рада, что вы остаетесь в Хинтоке, если, конечно, это не повредит вашему будущему.

Но едва Фитцпирс ушел, глаза миссис Чармонд потухли, с губ слетела полупечальная, полуигривая улыбка. Сердце ее налила свинцовая тяжесть. Она опять погрузилась в унынье, не имея сил шевельнуть пальцем; губы ее задрожали, закрытые глаза увлажнились.

Обратные шаги Фитцпирса испугали ее, и она быстро подняла голову.

— Я вернулся сказать вам, что вечер обещает быть теплым. Отдерните шторы, потушите лампу и свечи — за окном такое яркое солнце. Позвольте, я помогу вам.

— Пожалуйста, если вам не трудно.

Он отдернул шторы, и в комнату хлынули закатные лучи неяркого осеннего солнца. Красный огонь лампы и желтое пламя двух свечей стали почти невидимы.

— Можно подойти к вам? — спросил Фитцпирс: миссис Чардмонд сидела к нему спиной.

— Нет.

— Почему?

— Я плачу и не хочу, чтобы вы видели мое лицо, когда на него падает свет.

Секунду он стоял в нерешительности, сожалея, что отдернул шторы и солнечный свет рассеял розовый альковный полумрак.

— Тогда я пойду...

— Идите,— сказала она, протягивая ему руку, а другой промокнув глаза платком.

— Можно, я буду писать вам?

— Нет, нет! — воскликнула она. И прибавила голосом короткого благоразумия: — Вы не должны мне писать. Не надо.

— Ну что же. До свидания.— С этими словами Фитцпирс ушел.

Вечером, когда служанка одевала ее к обеду, она с самым невинным видом то и дело наводила разговор на женитьбу Фитцпирса.

— Люди говорят, что миссис Фитцпирс любила когда-то мистера Уинтерборна,— сказала служанка.

— Почему же она не вышла за него замуж?

— Да потому, что, говорят, он в одночасье лишился дома и всего, что имел.

— Как это могло случиться?

— У него кончился срок аренды, а ваш управляющий не стал ее продлевать, хотя, говорят, у мистера Уинтерборна были все права. Он остался без крова, и помолвка расстроилась. Так люди говорят, мадам.

Самые разнообразные чувства охватили миссис Чармонд и она стала горько упрекать себя. «Отказав этому бедному человеку в его законном притязании, я тем самым обрекла на гибель мою воскресшую любовь,— говорила она себе.— Кто бы мог подумать, что простое распоряжение по хозяйству нанесет впоследствии такую глубокую рану моему сердцу. И вот теперь меня ожидает печальная зима, зима горьких сожалений, сердечных мук и неисполнимых желаний. А весной я забуду его. О, я рада, что уезжаю».

Миссис Чармонд вышла из комнаты и, вздохнув, пошла вниз. Секунду она задержалась на площадке и глянула в окно, выходящее на зеленый холм перед домом. Было еще довольно светло. Прямо перед ней, на середине крутого, поросшего травой склона маячила фигура старого Тимоти Тенгса. Он возвращался домой и, чтобы сократить путь, двинулся прямо вверх по лужайке, где не было тропы и ходить запрещалось. Остановившись, чтобы взять понюшку табаку, он вдруг встретился глазами с миссис Чармонд, бросился было вверх, поскользнулся и покатился, как бочка, вниз наперегонки с табакеркой.

Необъяснимая, вспыхнувшая от безделья, безнадежная любовь к Фитцпирсу, меланхолия, вызванная нервическим расстройством, еще не просохшие слезы — все это вдруг сменилось безудержным смехом; миссис Чармонд закатилась, глядя на Тенгса; казалось, все мрачное унынье предшествующего часа вылилось в этом пароксизме смеха. Она едва справилась с собой, только войдя в столовую, но и здесь, в присутствии слуг, плечи ее то и дело вздрагивали, когда она вспоминала комическую фигуру Тенгса, а глаза увлажнились то ли от сдерживаемого смеха, то ли от недавней печали.

Она решила больше не предаваться унынию. Выпила два бокала шампанского, потом еще немного; и весь вечер развлекалась пением романсов.

— Однако надо что-то сделать для этого бедного Уинтерборна,— сказала она себе, поднимаясь в спальню.

ГЛАВА XXVIII

Прошла неделя, и миссис Чармонд покинула Хинток-хаус. Миддлтон-Эби, место ее уединения, находился милях в десяти от Хинтока по большаку и немного ближе, если добираться верховыми и пешеходными тропами.

А спустя некоторое время Грейс заметила, что муж ее стал беспокоен и как будто избегает ее. Он был вежлив, и только,— так держатся со знакомыми. За обедом он, казалось, не слышал ни одного ее слова. Ее маленькие заботы больше не интересовали его, тестя он почти не замечал. Было ясно, что его внимание поглощено чем-то, не имеющим отношения к ее жизни,— чем, она не могла сказать. Возможно, опытами или чтением медицинских книг.

Надежда, что он опять погружен в научные занятия, как было до женитьбы, когда огонек в его окне до глубокой ночи служил путнику маяком, покоилась на том малозначительном факте, что он теперь поздно ложился спать.

Однажды она встретила своего мужа на холме Хайстоу, недалеко от Малого Хинтока; он стоял, облокотившись на калитку, ту самую, возле которой некогда стоял Уинтерборн; от калитки круто вниз сбегала тропа, ведущая напрямик в долину Черного Вереска, тянущуюся отсюда на много миль. Фитцпирс задумчиво смотрел вдаль; Грейс подошла неслышно, и он не заметил ее. Приблизившись, Грейс увидела, что губы ее мужа беззвучно шевелятся, точно взгляду его представлялось волнующее зрелище.

— Что ты увидел там? — окликнула Грейс мужа.

Фитцпирс вздрогнул от неожиданности.

— Я смотрю на свое старое пепелище. Вон там находилась когда-то старинная усадьба Сукбери. Только и остается теперь, что смотреть,— ответил он.

Грейс показалось, что он смотрит несколько правее того места, которое было колыбелью и усыпальницей его родовитых предков; но она ничего не сказала ему, а, взяв его под руку, пошла с ним домой; почти всю дорогу оба молчали. Грейс не знала, что взгляд его был устремлен в сторону Миддлтон-Эби.

— Тебе нужна будет сегодня Любимая? — спросила Грейс, наконец прерывая молчание.

Фитцпирс последние дни постоянно выезжал на Любимой, немолодой светло-серой кобыле, подаренной Грейс Уинтерборном; подарок оказался превосходным — Любимая была послушна и почти по-человечьи умна; к тому же молодой задор у нее давно угас. Фитцпирс был неважный ездок и ценил эти ее качества.

— Да,— ответил он.— Но я поеду не в коляске, а верхом... Надо привыкать к седлу. Верховые тропы короче.

Любовью к верховой езде Фитцпирс воспытал всего неделю назад. Пока миссис Чармонд жила в Хинток-хаусе, он предпочитал ездить в коляске.

Спустя несколько дней Фитцпирс отправился верхом навестить больного, живущего в вышеназванной долине Черного Вереска. Выехал он около пяти часов пополудни и к ужину не вернулся; когда Грейс ложилась спать, мужа все не было.

Грейс не очень встревожилась, хотя знала, что самый дальний его пациент жил милях в пяти-шести от Малого Хинтока. Фитцпирс вернулся, когда часы пробили час, в спальню он вошел неслышными шагами, точно боялся разбудить Грейс.

На другое утро Грейс поднялась гораздо раньше мужа. Во дворе шел разговор о кобыле, на которой Фитцпирс накануне ездил к больному; человек, ходивший за лошадьми, клялся, что ночью на Любимой не иначе как черти верхом катались. Придя утром в конюшню, он сразу смекнул, что дело неладно, — такой загнанный вид был у Любимой. И то правда, что ночью доктор сам поставил ее в конюшню, так что уход был, конечно, не тот; но если он и впрямь ездил не дальше долины Черного Вереска, то без нечистого тут не обошлось. Небывалое происшествие с Любимой в изложении конюха послужило зачином: истории о ведьмах, охочих до верховой езды, так и посыпались одна другой удивительнее.

Грейс вернулась в дом. Проходя переднюю, она увидела пальто мужа, небрежно брошенное им ночью на стул. Из нагрудного кармана торчал билет миддлтонской дорожной заставы, а до Миддлтона и обратно, если ехать верхом, было ни много ни мало двадцать пять миль.

Грейс в тот же день навела справки и узнала, что миссис Чармонд живет сейчас в Миддлтон-Эби. Сопоставив эти два факта, Грейс сделала некий вывод, показавшийся ей самой весьма странным.

Спустя несколько дней Фитцпирс опять отправился в тот же час и к тому же пациенту в долину Черного Вереска. Грейс знала теперь, что этот пациент — предлог и что муж ее ездит к миссис Чармонд.

Грейс удивило то, как равнодушно отнеслась она к своему открытию. Ей было неприятно, но ревности она не почувствовала. И это объяснило ей истинную природу ее отношения к мужу. До замужества она питала к Фитцпирсу благоговейную почтительность, какую мы испытываем в присутствии высшего существа. В ее чувстве не было тогда ни капли нежной привязанности влюбленного сердца. Фитцпирс был осенен для нее ореолом таинственности: таинственными были его прошлое, характер научных занятий, профессия, взгляды. Когда это идеальное представление рассыпалось под действием ежедневного домашнего общения и она увидела перед собой обыкновенного человека, ничем не отличающегося от других обитателей Хинтока, то понадобилось иное, новое основание для долгой и верной любви — доброжелательное взаимопонимание, когда обоюдные слабости становятся залогом прочного союза. Фитцпирс же не обладал ни прямодушием, ни искренностью, а вторая любовь между супругами может родиться только при наличии этих свойств. Вот почему Грейс с холодной сдержанностью смотрела сейчас на то, как выводят и приготавливают Любимую для поездки.

— Я пойду с тобой до холма, если ты не очень спешишь,— сказала Грейс, не испытывая, однако, большого желания отпустить мужа.

— Конечно, время у меня есть,— ответил Фитцпирс.

Он взял Любимую под уздцы и пошел рядом с Грейс, проявляя все признаки нетерпения. Так они дошли до поворота на шоссе, миновали заставу и стали подниматься к Догберихилл и Хай-стоу. Скоро они были у калитки, возле которой десять дней назад Фитцпирс стоял, облокотившись на перекладину, и где Грейс нашла его. Грейс остановилась, Фитцпирс попрощался с ней ласково, даже нежно, и Грейс заметила, что глаза у него усталые.

— Зачем ты едешь сегодня вечером? — спросила она.— Ты ведь уже был там подряд два вечера.

— Я должен ехать,— ответил он почти с досадой.— Не жди меня.

С этими словами Фитцпирс вскочил в седло и, миновав калитку, которую Грейс открыла для него, поскакал вниз по крутой верховой тропе в долину. Любимая, несмотря на возраст, была еще резвой лошадкой.

С верхушки холма Грейс долго смотрела вслед мужу. Заходящее солнце за ее спиной ярко осветило его удаляющуюся фигуру, как только тень холма осталась позади. Несмотря на недостойное поведение мужа, она сказала себе, что будет любить его, если он останется ей верен, будет, чего бы ей это ни стоило. Но подобные решения слишком дорого обходятся сердцу, и ему все труднее становится любить.

Светло-серая масть Любимой заметно выделялась на буроватой зелени вереска. Хотя Уинтерборн с такой трогательной заботливостью выбирал Любимую для Грейс, она так ни разу и не прокатилась на умном и спокойном животном; Фитцпирсу же она пришлась по вкусу, особенно теперь, когда он стал ездить в седле. Фитцпирс, подобно многим людям его характера, презирая в душе Мелбери, не гнушался его деньгами и не стеснялся брать для своих прогулок лошадь, принадлежавшую его дочери.

Итак, очарованный доктор продолжал свой путь по долине, а вокруг него пылал яркими красками осенний пейзаж — краснобокие яблоки, ягоды, листья, все блестяло, как лаковое, в закатных лучах. Земля в том году поражала изобилием, а сейчас был апогей ее щедрот. В самых бедных садах под тяжестью гроздей гнулись боярышник и черная смородина; желуди хрустели под ногами, лопнувшие каштаны соблазнительно обнажали желто-рыжее нутро, точно выставленные напоказ рачительной хозяйской рукой на ярмарке. Среди этого изобилия, однако, попадались подточенные червем плоды — точь-в-точь как семья Грейс; и она спросила себя, есть ли во всей вселенной хоть один мир, где бы в плодах не заводилась червоточина, а в любви — печаль.

Тангейзер ее тем временем удалялся; его неспешный конь долго оставлял всадника в поле зрения Грейс. Если бы она могла слышать сейчас голос Фитцпирса, она услышала бы, как он шептал:

Путеводная звезда моей мечты,
Как мотылька огонь, влечешь меня к себе...

Но картина была для нее немой. Скоро он пересек долину, поднялся на высокое меловое плато справа, круто обрывавшееся к долине, и поскакал по его краю; меловое плато, поросшее вереском, и яблоневая долина являли собой такой разительный контраст, что плато, казалось, только вчера возникло посреди этой обширной равнины.

Фитцпирс скакал по самому краю пустынной, невозделанной земли; малиновый закат медленно угасал, и Грейс еще долго следила взглядом за светлым пятнышком на его фоне: точь-в-точь картина Ваувермана, только сильно уменьшенная, порождение его прихотливой фантазии. Наконец всадник с лошадей скрылись из вида.

Так довелось Грейс увидеть собственную лошадь, купленную для нее человеком, истинно любившим ее, в верности которого нельзя было усомниться, уносящей ее мужа в объятия вновь обретенного идола. Размышляя над превратностями судьбы, уготованными женам и лошадям, она вдруг заметила внизу, в долине, приближавшихся к ней путников, которых до той минуты скрывала густая придорожная поросль. Это был не кто иной, как Джайлс Уинтерборн со своим помощником Робертом Кридлом. Два фургона везли сидровый аппарат и все к нему необходимое. Они поднимались все выше и выше по склону, луч солнца то и дело ярко вспыхивал на лезвиях сидровых лопаток, которые под действием яблочной кислоты отполировались до зеркального блеска. Грейс спустилась на дорогу и поравнялась с Джайлсом. Лошади, только что преодолев подъем, остановились передохнуть.

— Здравствуйте, Джайлс, — приветливо сказала Грейс, повинувшись внезапному порыву.

— Вы вышли погулять, миссис Фитцпирс? — сдержанно спросил Уинтерборн. — Погода очень хорошая.

— Нет, я возвращаюсь домой, — ответила Грейс.

Фурунги тронулись, с ними зашагал Кридл; Уинтерборн с Грейс немного отстали.

Родной брат Осени, пахнущий осенним лесом, шел сейчас рядом с Грейс: на его загорелом лице под цвет спелой пшеницы синели, как васильки, глаза. На шляпе блестели спелые семечки яблочка. Штаны и рукава рубахи забрызганы сидром. Пальцы склеил сладкий яблочный сок. Весь он источал аромат сидра, который таит в себе неизъяснимое очарование для тех, кто родился и вырос среди садов. Сердце Грейс отряхнуло недавнюю печаль и воспрянуло, как ветка, освободившаяся от

спелых плодов: таким целительным было это обращение к безыскусной природе. Деликатные манеры, подобающие жене ученого доктора, чопорность, воспитанная в фешенебельной школе, все это вдруг слетело с Грейс, и она опять стала простодушной деревенской девушкой, живущей по велению сердца.

Природа не скупится, подумала она. Не успела она оплакать потерю Эдрида, как другой мужчина, олицетворение рыцарского благородства, возник перед ней посланцем родной земли, готовый служить ей до конца. Устыдившись вдруг своих мыслей и пряча смущение, Грейс спросила Джайлса, не встретил ли он ее мужа.

— Встретил,— сказал Уинтерборн после некоторого колебания.

— Где вы встретили его?

— Около гостиницы Ревеллера. Мы идем из Миддлтон-Эби. Я там работал эту неделю.

— Разве у них нет своего сидрового пресса?

— Есть, но его сейчас чинят.

— Я думаю... я слыхала, что миссис Чармонд гостит в Миддлтон-Эби.

— Да, я видел ее два-три раза в окне, когда проезжал мимо.

Грейс минуту помолчала, потом спросила:

— А мистер Фитцпирс ехал в Миддлтон-Эби?

— Да... он ехал туда верхом на Любимой.

Грейс ничего не ответила, а Уинтерборн прибавил, смягчившись:

— Вы знаете, почему лошадь названа этим именем?

— Да, конечно,— поспешно ответила Грейс.

Беседуя таким образом, они обошли холм, и им открылась вся западная часть неба, охваченная пожаром вечерней зари. Огненно-красные отроги гор, золотые аркады, сталактиты и сталагмиты из чистого топаза громоздились, образуя феерическую картину. Выше, вторым ярусом, стлались тонкие перистые облака. А еще выше светились бездонные глубины небесной лазури.

Грейс упивалась блаженной минутой, забыв недавнюю горькую обиду, забыв расстояние, которое разделяло ее и Джайлса. Томление по бесхитростной жизни поселяня переполнило сердце. По лицу пробежал отсвет волновавших ее чувств. Уинтерборн не отрывал глаз от Грейс, взгляд его скользнул по цветку, приколотому на ее груди. Как во сне, он протянул руку и нежно погладил цветок. Грейс отпрянула.

— Что вы делаете, Джайлс Уинтерборн? — воскликнула она в изумленном негодовании. Сообразив, однако, что никакими последствиями этот жест не грозит, она решила, что можно, пожалуй, обойтись и без нравоучений.

— Вы должны помнить, Джайлс,— мягко сказала она,—

что теперь наши отношения не те, что были прежде; и то, что вы сейчас сделали, другие бы назвали вольностью.

Эти слова точно обожгли Джайлса: как он мог забытьесь до такой степени! Краска стыда и гнева на себя проступила даже сквозь загар.

— Я не знаю, что со мной случилось! — воскликнул он с горячностью. — Я никогда не позволял себе ничего подобного.

В глазах его заблестели слезы.

— Не расстраивайтесь так, Джайлс! Я обошлась с вами слишком строго.

— Этого бы не случилось, если бы на днях я не был свидетелем точно такой же сцены в Миддлтоне, — прибавил Уинтерборн после некоторого раздумья.

— А кто были ее участники?

— Не спрашивайте меня об этом, Грейс.

Грейс пристально посмотрела на Джайлса.

— Я и так знаю, — ответила она с видимым безразличием. — Это был мой муж с миссис Чармонд. Встретив меня, вы по ассоциации вспомнили ту сцену... Знаете что, Джайлс, расскажите мне все! Пожалуйста, Джайлс! Хотя нет, я не хочу ничего знать. Давайте лучше говорить о другом. И по старой дружбе не рассказывайте ничего моему отцу.

Они подошли к месту, где дороги их расходились. Уинтерборн продолжал путь дальше по большаку, вдоль опушки леса. Грейс отворила калитку и исчезла за деревьями.

ГЛАВА XXIX

Грейс шла по мягкой, заросшей травой верховой тропе, по обеим сторонам которой тянулись заросли орешника, отягченного спелыми гроздьями по два, три, четыре ореха в каждой. Дойдя до перепутья, где тропа пересекала под прямым углом другую, точно такую же, Грейс остановилась: в нескольких шагах от себя она увидела дородную Сьюк Дэмсон, просто-волосую, без чепца и с высоко подоткнутой юбкой; пригибая высокие ветви, она срывала орехи, с быстротой молнии разгрызала их и съедала; ее возлюбленный Тим Тенгс был занят неподалеку тем же приятным делом.

«Щелк, щелк, щелк» — раздавалось каждые две-три секунды. Мысль Грейс вдруг повернула в неожиданном направлении: она вспомнила рассказ мужа, как он рвал у Сьюзин большой зуб. Грейс подошла к сборщикам орехов и, преодолев неприятное чувство, заговорила с Сьюзин, находившейся поодаль от Тима.

— Добрый вечер, Сьюзин, — сказала она.

— Добрый вечер, мисс Мелбери (щелк), — ответила та.

— Ты хотела сказать, миссис Фитцпирс, — поправила ее Грейс.

— Ах да, мадам... миссис Фитцпирс,— сказала та с на-
смешливой почтительностью, удивившей Грейс.

Но, боясь, что разговор на том и кончится, Грейс про-
должала:

— Береги зубы, Сьюк. Знаешь, как они от орехов болят.

— Мне боль неведома. У меня никогда не болели ни зубы,
ни уши, ни, слава тебе господи, голова (щелк)!

— И тебе никогда никто зубы не рвал?

— Смотрите сами, мадам.

Сюзин раскрыла свой розовый рот и показала два нетро-
нутых ряда великолепных белых зубов.

— Значит, все зубы у тебя целы?

— Все.

— Тем лучше для твоего желудка,— сказала изменившим-
ся голосом миссис Фитцпирс. Быстро повернувшись, она пошла
прочь, подумав: «Бедный Тимоти Тенгс, какую ложку детгя
могла бы я влить сейчас в бочку меда, если бы захотела».

Когда таким образом характер Фитцпирса открылся Грейс
с этой неожиданной стороны, она даже испугалась, не испытав
мук ревности, какие жена должна испытывать в подобных
обстоятельствах. Не было в ее душе и мстительного гнева про-
тив соперницы, предписанного обычаем и моралью; почувство-
вала она только то, что брак ее был ужасной ошибкой. Поко-
рившись воле отца, она предала самое себя. Предчувствия не
напрасно посылаются людям; Грейс вспомнила, как вышла тог-
да на рассвете из дому и заметила женскую фигуру, выскольз-
нувшую из дверей Фитцпирса; она должна была внять голосу
благоразумия и наотрез отказать ему. О, как правдиво звучал
тогда рассказ ее нареченного о том, как бедняжка Сьюк умоля-
ла его вырвать больной зуб, терзавший ее хуже лютого зверя;
в его рассказе была даже смешная подробность: впопыхах он
вырвал у Сьюк отличный коренной зуб, без единого изъяна!

Остаток пути Грейс проделала как в тумане, размышляя
над сложностью своего положения. Если верить речам Фитц-
пирса, которые он расточал перед ней до свадьбы, он действи-
тельно любил ее; но вместе с тем он питал какие-то чувства и
к Сьюк. Теперь, видно, происходило то же, и он опять любил
сразу двоих — миссис Чармонд и ее, свою жену: ведь время от
времени он по-прежнему бывал с ней ласков, даже нежен. Но
тогда каким же искусным лицемером он был! Эта мысль была
самой горькой: из нее вытекало, что Фитцпирс мог и не любить
ее, и, значит, единственной причиной, побудившей его предло-
жить ей руку и сердце, было ее небольшое состояние.

Но Грейс ошибалась; любовь таких людей, каким был
Фитцпирс, терпит раздвоение чувств. Как-то в разговоре (не с
Грейс, конечно) Фитцпирс заметил, что однажды он пылал
страстью сразу к пяти особам прекрасного пола. Если это
правда, то любовь его отличалась от истинного чувства тем, чем
отличается примитивный организм от высокоразвитого: послед-

нему расчленение приносит смерть, первому — многократное возрождение. Фитцпирс любил Грейс, искренне любил, на свой собственный, эгоистический лад, и продолжал ее любить до сих пор. Такое любвеобилие, однако, было недоступно пониманию Грейс.

О бедной Сьюк Дэмсон Грейс больше не думала. Ее время давно отошло.

— Если он не любит меня,— гордо сказала себе Грейс,— то и я не буду его любить.

И хотя это были только слова, они были грозным предзнаменованием для Фитцпирса, ибо сердце ее действительно было готово перестать любить. Самое отсутствие ревности, благодаря чему Фитцпирс так легко мог отлучаться из дому и за что в душе благодарил бога, было куда более опасно для семейного благополучия (хотя об этом не подозревали ни муж, ни жена), чем докучливая бдительность ревнивой жены.

Грейс провела беспокойную ночь. Крыло дома, где она жила с мужем, никогда еще не было таким пустынным и печальным. Сон не шел к ней. Грейс встала, оделась и спустилась вниз. Ее отец, всегда спавший очень чутко, услышал ее шаги и вышел на лестницу.

— Это ты, Грейс? — спросил он. — Что случилось?

— Ничего. Просто мне что-то не спится. Эдрид задержался у больного в долине Черного Вереска.

— Где, где задержался? Сегодня вечером я встретил хозяина той фермы. Жена его поправляется. Доктор навещал их днем.

— Ну, тогда он задержался еще где-нибудь,— сказала Грейс. — Не обращай на меня внимания. Иди спать. А Эдрид скоро вернется. Я жду его к часу.

Грейс вернулась в спальню, задремала было, проснулась, снова задремала. В прошлый раз Фитцпирс вернулся в час, теперь уже давно пробило два и три, а его все не было. На рассвете Грейс услышала за окном разговор и какой-то шум. Время от времени щели ставней озарялись огнем фонаря. Отец предупреждал ее, что встанет рано, чтобы снарядить возы с плетнями на дальнюю ярмарку. Выглянув из окна, она увидела отца и работников, суетившихся вокруг возов, и среди них щепенника: он укладывал свой товар — ставцы, миски, пробки, ложки, сырны чаны, воронки — на телеги отца, который каждый год отвозил его по дружбе на ярмарку.

В другой раз эта сцена развлекла бы ее, но сейчас ей не давала покоя тревога о муже: было уже около пяти часов утра, а он все не возвращался. Она знала, что он не мог задержаться в Миддлтон-Эби позже десяти часов, каким бы сильным ни было его увлечение. По-видимому, и там его посещения были в глазах окружающих простыми визитами доктора. От Миддлтона до Хинтока всего два часа верховой езды. Значит, с ним

что-то случилось. Грейс очень беспокоилась,— ведь и два предыдущих вечера он вернулся поздно.

Грейс оделась, спустилась вниз и вышла во двор; в таинственной серой мгле, возвещающей близость дня, желтые лучи фонарей теряли теплоту красок, а лица мужчин казались бледными и усталыми. Увидев дочь, Мелбери, не зная, что подумать, бросился к ней.

— Эдрид не вернулся,— проговорила она.— И у меня есть основания думать, что он уехал не к постели больного. Две предыдущие ночи он тоже мало спал. Я пойду к дальней калитке, поищу его, не случилось ли что с ним.

— Я пойду с тобой.

Грейс стала умолять отца не ходить с ней — это далеко, он устанет; но Мелбери настоял на своем, ибо он подметил в лице дочери, кроме естественного беспокойства, какое-то особенно мрачное, упрямое выражение, не на шутку встревожившее его. Сказав работникам, что скоро вернется, он пошел вместе с Грейс. Выйдя проселком на тракт, они скоро достигли холма, с которого Грейс смотрела накануне вслед удалявшемуся мужу. Поднявшись несколько по косогору, отец с дочерью остановились под старым, уже наполовину сухим дубом, дуплистым и в белых наростах лишайника, чьи могучие корни, как когти, вцепились в землю. Прохладный предутренний ветерок оведал их, на его струях слетали вниз, на траву, светло-зеленые парашютики, срывающиеся, как птенцы из гнезда, с веток соседней липы. Редящая мгла окутывала долину, таинственную и нереальную в этот час; восток был задернут голубовато-серым занавесом, отороченным по краю розовой бахромой. Фитцпирса не было ни видно, ни слышно.

— Что мы здесь стоим,— сказал ее отец.— Он мог вернуться десятком других дорог... Гляди, что это? Следы Любимой! Они совсем сухие и ведут к дому. Он, должно быть, давно вернулся. Просто ты не видела его.

— Нет, он не возвращался.

Отец с дочерью заспешили домой. Войдя во двор, они увидели, что возчики, покинув телеги, столпились у ворот конюшни, ведущих в стойло Любимой.

— Что случилось? — воскликнула испуганно Грейс.

— Ничего страшного, госпожа. Все хорошо, что хорошо кончается,— успокоил ее старик Тимоти Тенгс.

— Я слышал, что такие вещи иногда приключаются. Правда, не с господами, а с нашим братом.

Мелбери с дочерью вошли в конюшню и увидели в стойле светлый круп Любимой и Фитцпирса, который, сидя в седле, крепко спал. Кобыла жевала сено, хотя мундштук мешал ей; поводья, выпавшие из рук спящего, свисали с ее шеи.

Грейс приблизилась к мужу и коснулась его руки; он не проснулся, тогда она потрясла ее. Фитцпирс вздрогнул, зашевелился, открыл глаза и воскликнул:

— Фелис... Ах, это ты, Грейс! Я не разглядел в темноте. Что это? Да я в седле!

— Да,—ответила Грейс.—Как ты здесь очутился?
Фитцпирс собрался с мыслями.

— Видишь ли,— начал он неуверенно, слезая с лошади,— когда я возвращался, было уже очень поздно, и мне очень хотелось спать. Доехав до Святого источника, я увидел, что кобыла воротит морду к воде. Я понял, что она хочет пить, и пустил ее к источнику; Любимая пила, пила и все не могла остановиться. Тем временем часы на церкви в Ньюленд-Бэктон пробили полночь. Я помню, что насчитал ровно двенадцать ударов. Но больше решительно ничего не помню.

— Если бы не Любимая,— проговорил Мелбери,— он сломал бы себе шею.

— Чудо, истинное чудо. До чего смирная лошадка! Привезла домой спящего седока, живого, здорового, да еще в самую полночь,— удивлялся Джон Апджон.— Как же не чудо: бывает, конечно, подвыпивший парень заснет верхом и целую милю

так во сне и проскачет. А тут ведь десять миль, не одна! И вернулся целехонек. Вот уж действительно повезло! Ведь мог бы утонуть или расшибиться насмерть. А то на дереве повеситься, как Авессалом. Благородный был джентльмен, священник сказывал, вам под стать.

— Истинная правда,— почтительно проговорил старый Тимоти,— от донышка шляпы до подметок никакого в нем изъяна не было.

— А то еще могло бы оторвать руку или ногу, и никто во всей округе не взялся бы приладить ее обратно.

Пока окружающие расписывали столь красочно возможный исход дела, Фитцпирс спешился и, опершись на руку Грейс, побрел на негнувших ногах на свет божий. Мелбери остался в конюшне. У Любимой был не только измученный вид, все бока у нее залепило грязью. Меж тем вокруг Хинтока везде было сухо, кроме дальней низины, где глинистая почва долго не просыхала. Мелбери смотрел на то, как бока кобылы под скребками становились чистыми, и сопоставлял в уме чужеземное происхождение грязи с именем, которое доктор пробормотал, едва очнувшись, когда Грейс коснулась его руки. Фелис. Кто такая Фелис? Да ведь это миссис Чармонд; а она, как было известно Мелбери, жила сейчас в Миддлтоне.

Мелбери не ошибся, именно этой женщиной была полна еще не вполне воспрявшая ото сна душа Фитцпирса.

Он заново переживал каждую минуту недавнего свидания: на зеленой лужайке перед домом при свете звезд взбалмошная, капризная женщина умоляла его не приезжать больше, но интонации ее голоса говорили другое, приказывали не повиноваться. «Что вы здесь делаете? Почему преследуете меня? Другая принадлежит вам. Если кто-нибудь увидит, что вы лезете через забор, вас поймают, как вора!» Потом, уступая его настойчивости, Фелис в бурных выражениях призналась, что уехала в Миддлтон не столько затем, чтобы ухаживать за больной, сколько гонимая стыдом и страхом перед собственной слабостью, с которой она не в силах бороться, живя в двух шагах от дома Фитцпирса. Фитцпирс торжествовал, несмотря на то, что положение его было по меньшей мере затруднительным. Наконец-то он одержал настоящую, хотя и очень запоздалую победу над этой красавицей. Любовь его была любовью конгривовской Милламанты, для которой особая прелесть любви заключалась в сознании того, что «сердце, из-за которого кровоточат другие сердца, кровоточит из-за меня».

Все утро Мелбери не находил себе места: его спокойная уверенность в том, что дома все благополучно, была грубо поколеблена. Правда, он замечал последнее время, что Грейс все чаще ищет его общества, помогает мачехе печь хлеб, стряпать обед, забросив свое гнездо. Казалось, собственный очаг перестал быть для нее средоточием жизни; она походила сейчас на слабую пчелиную матку, улетевшую было со своим роем, но

скоро вернувшуюся в родной улей. Однако до этого случая значение происходящего как-то ускользало от него.

Что-то неладное творилось в его семье. Мелбери вдруг бросило в дрожь при мысли, что он один виноват в несчастье дочери, ради которой он жил, ради которой пошел на все неудобства,— Фитцпирсу была отдана лучшая часть дома,— только бы она всегда была рядом. Сомневаться не приходилось: не помешай он естественному ходу событий, Грейс стала бы женой Уинтерборна, и таким образом осуществилась бы его заветная мечта. И он загладил бы свою вину перед старым другом.

То, что Фитцпирс позволил себе хотя бы на минуту увлечься другой женщиной, поразило и опечалило Мелбери. В своем простодушии он не представлял себе, что мужчина, связанный узами брака, может нарушить супружескую верность. Мелбери посчитал бы неслыханной дерзостью поведение зятя, который осмелился столь высоко замахнуться: возмечтал, так сказать, сорвать покрывало Изиды с самой миссис Чармонд,— если бы не подозрение, что она сама его поощряла. Что могли он и его Грейс, почти еще дитя, противопоставить любви этих двух искушенных людей света, опытных в сердечных делах, имеющих в своем распоряжении богатый арсенал кокетства. Мелбери чувствовал себя дикарем, вооруженным луком и стрелами против современного смертоносного оружия.

Грейс вышла из дому, когда утро уже кончалось. Деревня опустела, все уехали на ярмарку. Фитцпирс, чувствуя себя разбитым после ночи, проведенной в седле, лег спать. Грейс пошла на конюшню. Взглянув на Любимую, она не могла не подумать, что, подарив ей такую умную и спокойную лошадь, Джейлс Уинтерборн спас тем самым жизнь ее мужа. Эта мысль несколько времени занимала ее, пока она не услышала за спиной шаги отца.

По его лицу, которое искажала сейчас нервная судорога, по взгляду, полному тревоги, Грейс тотчас поняла, что отец догадался, какая беда постигла ее семью.

— Он, кажется, задержался вчера вечером? — спросил Мелбери.

— Да, очень трудный случай в долине Черного Вереска,— спокойно ответила Грейс.

— Все равно, он должен был остаться дома.

— Он не мог.

Мелбери отвернулся. Он не в силах был видеть такого унижения дочери: ни слова лжи не слетало прежде с ее губ, а теперь она обманывала его.

В ту ночь тяжкая забота не давала Мелбери сомкнуть глаз.

— Мне не заснуть сегодня,— наконец прошептал он, зажег свечу и вышел из комнаты.— Что я наделал! Что я наделал! Бедняжка Грейс! — сказал он проснувшейся в испуге жене.— Ведь я дал слово выдать дочь замуж за сына человека,

которому нанес когда-то обиду; помнишь, я рассказывал тебе об этом накануне возвращения Грейс? Почему я не сделал того, что должен был сделать! На что только я польстился?

— Не терзайся так, Джордж,— возразила его жена.— Я не верю, что все так уж плохо. Вряд ли миссис Чармонд поощряет его. Других мужчин она, может, и завлекала, но какая ей корысть завлекать Фитцпирса? Скорее всего она в самом деле больна и не хочет звать другого доктора.

— Грейс так любила украшать свое гнездышко,— продолжал Мелбери, оставляя без внимания слова жены.— То повесит новую занавеску, то переставит мебель. А теперь ее словно подменили.

— Ты что-нибудь знаешь о прошлом миссис Чармонд? Это могло бы многое объяснить. Она приехала сюда пять или шесть лет назад как жена старого Чармонда. А до тех пор никто ничего о ней не слыхал. Почему бы тебе не навести справки? А пока самое лучшее подождать. Еще успеешь наплакаться, если будет из-за чего. Глупо отчаиваться раньше времени.

В словах жены был здравый смысл, и Мелбери, надеясь на лучшее, решил не предпринимать пока никаких шагов, а тем временем порасспрашивать о прошлом миссис Чармонд. Но минутами им вновь овладевало отчаянье.

ГЛАВА XXX

Если бы Мелбери и стал расспрашивать Грейс, она все равно ничего бы не сказала ему. Поэтому он решил пока наблюдать молча.

Сознание того, что его любимую дочь пренебрегают, произвело разительную перемену в Мелбери. Никто не бывает так хитер и находчив, как простодушный крестьянин, вдруг заметивший, что его простотой злоупотребляют. Почтительная доверчивость к зятю сменилась кошачьей подозрительностью; это мешало ему заниматься делами и омрачало душу.

Он знал, что женщина, отданная мужчине на все дни жизни ее, чаще всего безропотно принимает судьбу, приспособляясь по возможности и не ища помощи у других; но только теперь он впервые задумался, почему это так. А что, если случай необыкновенный, рассуждал он. Ведь Грейс не такая, как все, и положение у нее исключительное,— она как бы между двух ярусов общества, и в Хинтоке у нее нет ни одной близкой души. Поэтому пренебрежение мужа для нее во сто крат тяжелее, чем для какой-нибудь другой женщины. И он решил — умно ли, нет ли — начать сражение за счастье дочери. И пусть другие отцы осудят его.

Тем временем миссис Чармонд воротилась домой. Возвращение ее прошло незаметно, и Хинток-хаус не подавал признаков жизни. Зябкая осень приближалась к концу. С каждым

днем в садах и огородах становилось все более пусто и голо; нежные листья и стебли овощей побило первыми заморозками и трепало на ветру, как вылинявшие лоскуты; всю осень лес не спеша ронял листья, а теперь они падали торопливо и густо; все оттенки золотого цвета, еще недавно шуршавшие над головой, теперь побуревшей массой лежали под ногами: тысячи жухлых, скрученных в трубочку листьев, готовых предаться тленю. Миссис Чармонд жила в эту осень в уединенной усадьбе одна, без компаньонки, что мало приличествовало вдове ее лет и с ее красотой; не уехала она и за границу на зиму, как в прежние годы. Эти два обстоятельства наводили на кое-какие размышления. Что касается Фитцпирса, единственным нарушением его привычек был отказ от ночных занятий; в окнах его нового жилища не светился допоздна огонек, как бывало прежде, когда он жил один.

Если миссис Чармонд и Фитцпирс встречались, то так умно и осторожно, что даже бдительный Мелбери не замечал этого. В посещениях доктора нет ничего предосудительного, и Фитцпирс раз-другой навестил Хинток-хаус. Что происходило во время этих визитов, известно было только доктору и его пациентке, но скоро Мелбери получил возможность убедиться, что миссис Чармонд находится под чьим-то сильным влиянием.

Наступила зима. По утрам и вечерам стали кричать совы, опять появились стаи лесных голубей. Однажды в феврале, по прошествии приблизительно полугода со времени женитьбы Фитцпирса, Мелбери возвращался пешком из Большого Хинтока; вдруг впереди себя он увидел знакомую фигуру зятя. Мелбери догнал бы его, но тот свернул в одну из просек, которая никуда не вела, а привлекала путника живописными поворотами, петляя между деревьев. В тот же миг впереди показался маленький плетеный экипаж, в котором миссис Чармонд обычно объезжала поместье; она была одна, без грума. Не заметив Мелбери, а возможно, и Фитцпирса, она свернула на ту же самую живописную тропу. Мелбери, не раздумывая, пошел следом и скоро нагнал миссис Чармонд, несмотря на болезни и немалый уже возраст. Экипаж остановился, миссис Чармонд сидела в коляске, небрежно откинув руку на спинку сиденья, рядом стоял Фитцпирс.

Они молча глядели друг на друга, на губах Фелис играла кокетливая и вместе мрачная улыбка. Фитцпирс взял ее руку, миссис Чармонд оставалась безучастной, только глаза ее выразительно смотрели на доктора. Он украдкой расстегнул перчатку и стал стягивать ее, выворачивая наизнанку и обнажая запястье. Потом поднес к губам пальчики миссис Чармонд, а она все сидела, не двигаясь, и смотрела на Фитцпирса, как смотрела бы на муху, севшую на платье.

— Как объяснить подобное непослушание, сэръ? — наконец нарушила она молчание.

— Но я во всем послушен вам,— ответил Фитцпирс.

— Тогда идите своей дорогой и пустите меня.

Она вырвала руку, хлестнула лошадь кнутом. Экипаж покатился, Фитцпирс остался стоять, где стоял.

Первым побуждением Мелбери было выйти из укрытия и отчитать зятя. Но здравый смысл подсказал ему, что этого делать нельзя. Самое простое средство — не самое лучшее. Сцена, которой он был свидетель, сама по себе не говорила еще ни о чем, но за ней могло скрываться многое,— Фитцпирс, возможно, был сейчас в таком состоянии духа, что вмешательство могло только вконец все испортить. И еще он подумал, что если уж объясняться, так с самой миссис Чармонд. В полном расстройстве чувств побрел Мелбери домой; он чуть не плакал, ибо сердце его становилось как воск, когда дело касалось любимой дочери.

Замечательный пример пронизательности, рожденной любовью, являл сейчас собой Мелбери. Ни самообладание Грейс, ни ее полный достоинства разговор, ни спокойное лицо не обманывали отца: он видел, что происходит в душе дочери, как бы ни старалась она скрыть свои чувства от постороннего глаза.

Семейная жизнь Грейс становилась все тягостнее. Фитцпирс последние дни был особенно мрачен и раздражителен; раздражение его выливалось в коротких монологах непременно в присутствии Грейс. Как-то утром, когда за окном было серо и сумрачно, а ночью дул ветер, Фитцпирс стоял у окна и смотрел, как работники Мелбери тащат через двор большой сук, сломанный ветром. Все кругом было тусклое и озябшее.

— Боже мой! — воскликнул Фитцпирс, стоя у окна в шлафроке.— И это жизни!

Он не знал, проснулась ли Грейс, но не пожелал удостовериться и не повернул головы.

— Идиот! — продолжал он.— Сам себе подрезал крылья! А какая была блестящая возможность взлететь! Да, сделанного не воротишь. Но ведь я так страстно желал этого. Почему я так глупо устроен, что прозреваю слишком поздно? Я полюбил...

Грейс шевельнулась. Он подумал, что она слышала последние слова. И огорчился, хотя мог бы говорить тише.

Он ожидал за завтраком неприятного разговора. Но Грейс была только более молчалива, чем обычно. И Фитцпирс тотчас стал раскаиваться, что причинил жене боль, ибо приписал ее молчание своей несдержанности. Но он ошибался: ни его слова, ни его действия не были причиной ее уныния. Она не слыхала его утренних сетований.

Над ее домом нависла более серьезная беда, чем крушение честолюбивых замыслов ее мужа.

Она сделала открытие, которое ей с ее прямодушием показалось чудовищным. Она заглянула в свое сердце и увидела, что ее детская влюбленность в Джайлса ярко разгорелась,

ибо у нее было теперь иное понятие о великом и ничтожном в жизни. Простые манеры Уинтерборна не раздражали больше ее утонченного вкуса; недостаток так называемой культуры не оскорблял ее образованности; его деревенское платье стало радовать ее глаз; а внешняя грубоватость восхищала. Замужество показало ей, что рафинированный интеллект легко уживается с самыми низменными свойствами души. Она почувствовала отвращение к тому, что прежде считала таким важным. Честным, добрым, верным и мужественным мог быть теперь в ее глазах только простой человек; и такой человек был с самого детства рядом с ней.

И еще в сердце Грейс никогда не угасала жалость к Джайлсу; она жалела его, потому что причинила ему зло, потому что в мирских делах он был неудачник, и еще потому, что, подобно другу Гамлета, «который и в страданиях не страждет», Джайлс испытал такие невзгоды, что стал почти что святым. Вот какие мысли, а не случайно брошенная мужем фраза, повергли Грейс в молчаливое уныние.

Оставив Фитцпирса в лесу, Мелбери пошел к дому и увидел в окне гостиной Грейс; она сидела у окна, точно ей нечего было делать, не о чем заботиться. Мелбери остановился.

— Грейс,— окликнул он дочь, пристально глядя на нее.

— Что, отец? — ответила Грейс.

— Ждешь любимого мужа? — спросил он тоном, в котором слышались жалость и вместе сарказм.

— Нет, не жду. У него сегодня много больных.

Мелбери подошел совсем близко.

— Грейс, зачем ты это говоришь, ведь ты хорошо знаешь... Ладно, спускайся вниз. Погуляем в саду.

Он отпер калитку в увитой плющом изгороди и стал ждать. Видимое безразличие Грейс беспокоило его. Уж лучше бы она в порыве ревности бросилась в Хинток-хаус и, позабыв приличия, устроила сцену Фелис Чармонд, вцепилась бы в нее *unguibus et rostro*¹, обвинив, пусть даже без достаточных оснований, в том, что она украла у нее мужа. Подобная буря только бы разрядила атмосферу надвигавшейся грозы.

Минуты через две появилась Грейс, и отец с дочерью вышли в сад.

— Тебе, как и мне, хорошо известно, что твоему супружескому счастью грозит беда, а ты делаешь вид, что всё прекрасно. Ты думаешь, я не вижу постоянной тревоги в твоих глазах? По-моему, ты ведешь себя неправильно. Нельзя оставаться безучастной. Надо что-то делать.

— Я ничего не делаю, потому что моей беде нечем помочь.

Мелбери готов был забросать ее вопросами: ревнует ли она, испытывает ли возмущение? Но природная деликатность удержала его.

¹ Когтями и клювом (лат.).

— Ты какая-то вялая, должен тебе сказать. Замкнулась в себе,— заметил Мелбери укоризненно.

— Я такая, какая есть, отец,— ответила Грейс.

Мелбери посмотрел на дочь и вдруг вспомнил, как за несколько дней до свадьбы она спросила его, не лучше ли будет, если она выйдет замуж за Уинтерборна; и он подумал, уж не полюбила ли Грейс Уинтерборна теперь, когда он потерян для нее навсегда.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила Грейс тихо.

Мелбери очнулся от горьких воспоминаний.

— Я бы хотел, чтобы ты пошла к миссис Чармонд.

— Пойти к миссис Чармонд? Зачем? — спросила она.

— Затем,— прости меня за мою прямоту,— чтобы просить, умолять ее во имя вашей женской солидарности вернуть тебе мужа. Твое семейное счастье зависит от нее. Это я знаю наверняка.

Грейс вспыхнула при этих словах отца, юбки ее громко зашуршали, коснувшись цветочного ящика, точно и они выражали негодование.

— И не подумая к ней идти! Я не могу этого сделать, отец,— ответила Грейс.

— Разве ты не хочешь снова стать счастливой? — спросил Мелбери, явно озабоченный происходящим больше, чем его дочь.

— Я не хочу еще больших унижений. Раз уж мне суждено страдать, я буду страдать молча.

— Но, Грейс, ты еще очень молода и не понимаешь, как далеко может зайти дело. Посмотри, что уже произошло. Из-за миссис Чармонд твой муж отказался от практики в Бедмуте. И хотя это еще не бог весть какая беда, но лучше бы и ее не было. Миссис Чармонд поступает так не из злого умысла, а по легкомыслию, и одно только слово, сказанное вовремя, может избавить тебя от больших неприятностей.

— Когда-то я любила ее,— дрогнувшим голосом проговорила Грейс,— а она и не подумала обо мне. Я не люблю ее больше. И пусть она делает что хочет, мне все равно.

— Нельзя так говорить, Грейс. Тебе было многое дано. Ты хорошо воспитана и образованна, стала женой ученого человека, из очень хорошей семьи. И ты должна быть счастлива.

— Нет, я не могу быть счастлива. Как бы я хотела, чтобы ничего этого не было! Зачем только меня учили в закрытой школе? Как бы я хотела быть такой, как Марти Саут! Я ненавижу господскую жизнь. Если бы я могла, как Марти, резать в лесу ветки для плетней!

— Кто тебе внушил эти мысли?! — спросил потрясенный отец.

— Образование принесло мне только страдания и невзгоды. Зачем, ну зачем ты послал меня учиться в эту школу?

Отсюда все зло. Если бы я жила дома, я бы вышла замуж...

Грейс оборвала себя на полуслове и замолчала, и Мелбери увидел, что она едва сдерживает слезы.

Мелбери совсем расстроился.

— Что ты говоришь? Ты хотела бы жить здесь, в Хинтоке? Остаться деревенской девчонкой и ничему не учиться?

— Да, я никогда не была счастлива вдали от дома. У меня всегда болело сердце, когда ты отвозил меня в город после каникул. Какие это были горькие дни, когда я в январе возвращалась в школу. А вы оставались дома, среди лесов,— такие счастливые! Я часто спрашивала себя, почему я должна все это терпеть. В школе девочки относились ко мне презрительно, они знали, что мои родители небогатые и незнатные.

Бедного Мелбери очень обидела строптивость и неблагодарность дочери. Он уже давно с горечью понял, что нельзя было мешать юным сердцам; что он должен был помочь Грейс понять, кого она любит в действительности, и выдать ее замуж за Уинтерборна, как он раньше и хотел; но менее всего Мелбери ожидал, что Грейс страдает из-за того, что ее воспитали как благородную даму,— скольких денег и какого труда стоило ему это воспитание!

— Ну что же,— уныло проговорил он.— Не хочешь идти к миссис Чармонд — не ходи. Я не собираюсь принуждать тебя.

Мелбери не мог ума приложить, как отвратить беду от дочери. Целыми днями сидел он у очага, погруженный в невеселые думы, рядом с ним на камине стоял кувшин сидра с рогом, надетым на горлышко. Всю неделю сочинял он послание главному обидчику, несколько раз переделывал, а потом вдруг скомкал его и бросил.

ГЛАВА XXXI

Февраль сменился мартом, и дровосеки стали возвращаться домой засветло. Весной по Большому и Малому Хинтоку ползли слухи о неурядицах в доме Мелбери.

Слухи основывались на догадках, ибо никто не знал истинного положения дел. Факты не утоляли любопытства; они намекали на существование определенных отношений между местным доктором и его высокородной пациенткой и одновременно затемняли их, и это вызывало всеобщие толки и пересуды. Вряд ли кто ожидал, что хинтокцы поведут себя, как добрые горожане из Ковентри, и будут мирно заниматься своими садами и рубкой леса в разгар столь захватывающих событий.

Как ни странно, слухи почти ничего не преувеличивали. Семье Грейс действительно угрожала беда, древняя, как мир, поразившая не одну семью; беда, которая исторгла плач Ари-

адны, явилась причиной послушания Васти и гибели Эми Дадли. Действительно, были встречи, случайные и умышленные, тайная переписка, внезапные угрызения совести с одной стороны, дурные предчувствия с другой. Таким бурным было душевное состояние этой заблудшей пары, что оно заглушало доводы здравого смысла. Решив следовать одним путем, они тут же сбивались на другой; гордая неприступность вдруг сменялась постыдным падением; ни один отчаянный шаг не был сделан намеренно и с расчетом; все совершалось вопреки рассудку.

Этого Мелбери ожидал и боялся, не ожидал он другого: что дело так скоро получит огласку. Что теперь предпринять? Самому идти к миссис Чармонд, раз уж Грейс так непреклонна? Он вспомнил про Уинтерборна и решил поговорить с ним, чувствуя настоятельную потребность посоветоваться с другом. Он совсем утратил веру в собственную рассудительность, на которую столько лет твердо полагался; теперь же его способность здраво рассуждать, как неверный друг, сбросивший маску, предстала перед ним ханжой и лгуньей. Он боялся даже высказать предположение о погоде, о том, какой теперь час, или о видах на урожай — так сильно он не доверял себе.

Одним промозглым весенним днем отправился он на поиски Джайлса. Лес точно покрылся холодной испариной, на каждом голом сучке и веточке висела прозрачная капля; низко стелилось тусклое, бесцветное небо; деревья расступались перед Мелбери, как серые бесплотные призраки, чья земная жизнь давно окончена. Мелбери последнее время редко видел Уинтерборна, однако знал, что тот живет в одинокой хижине за границей имения миссис Чармонд, но в пределах лесного края. Тощие ноги лесоторговца меряли сырую блеклую землю; взгляд скользил по мертвым прошлогодним листьям; и с уст время от времени срывалось односложное: «Да!» — в ответ на горькие размышления.

Вдруг внимание его привлек тонкий сизый дымок, вьющийся в кустах, вскоре стали слышны голоса и стук топоров; повернув на дымок, Мелбери чуть не столкнулся с Уинтерборном.

Мало кто знал, что Джайлс был сильно болен этой зимой; сейчас же после долгих месяцев недомогания и вынужденного досуга он, волей случая, стал одним из самых занятых людей в округе. Часто бывает, что, потеряв из виду друга, с которым стряслась беда, мы думаем найти его несчастным и чуть ли не голодающим, а находим вполне преуспевающего человека. Уинтерборн менее всего помышлял о выгодном деле, когда ему вдруг предложили большой заказ на поделку плетней. Он купил участок орешника и теперь трудился не покладая рук.

Не зря, видно, в этих краях орешник называют «коричником» — в разрывах тумана проглядывал чистейший светлорыжий тон. Уинтерборн, нагнувшись, переплетал длинными прутьями вбитые в землю колья. Рядом, как алтарь Каина,

возвышалась кладь уже готовых плетней, ощерившаяся во все стороны остроконечными кольями. Неподалеку работали нанятые Уинтерборном поденщики. Срубленный кустарник правильными рядами лежал на земле; в двух шагах от вырубki виднелся навес; под навесом неярко горел костер, дым которого и привлек Мелбери. Воздух был такой влажный, что дым стелился понизу, тяжело уползая в кусты.

Понаблюдав немного за работой, Мелбери подошел ближе и коротко спросил Уинтерборна, чем он занят; в голосе его прозвучало откровенное изумление, как это Джайлс так быстро оправился после разрыва с Грейс и даже затеял такое большое дело. Мелбери был видимо взволнован: он давно не встречал Уинтерборна. Замужество Грейс положило конец их старой дружбе.

Уинтерборн так же коротко ответил, продолжая работу и не поднимая глаз на Мелбери.

— Ты, наверное, к апрелю уже все кончишь? — спросил Мелбери.

— Да, пожалуй, — ответил Уинтерборн, ударом топорика расколов последнее слово надвое.

Опять помолчали. Мелбери невесело смотрел за тем, как ловко ходит топор в руках Уинтерборна; отлетающие щепки то и дело ударяли гостя то по ногам, то по жилету, но он, казалось, ничего не замечал.

— Да, Джайлс, ты должен был быть мои зятем и компаньоном, — начал наконец старик. — Куда как было бы лучше и для нее, и для меня.

Уинтерборн понял, что его старого друга что-то гнетет, и, отшвырнув в сторону прут, который уже начал вплетать, с поспешностью спросил, здорова ли Грейс.

— Здорова-то здорова, — ответил Мелбери и опять замолчал. А потом вдруг повернулся и зашагал прочь, не имея сил продолжить разговор.

Уинтерборн велел одному из дровосеков прибрать на ночь инструменты и пошел вслед за Мелбери.

— Мне не позволительно быть слишком любопытным, — сказал он, — особенно с тех пор, как наши отношения изменились. — Но, надеюсь, в вашем семействе все обстоит благополучно?

— Нет, — ответил Мелбери. — Нет!

Он остановился и ударил ладонью гладкий ствол молоденького ясеня.

— Если бы вместо этого ясеня была его щека! — воскликнул Мелбери. — Слишком уж я был добр к нему!

— Вот оно что, — сказал Уинтерборн. — Подождите, Мелбери. У меня в золе греется эль. Посидим, поьем эля и поговорим обо всем.

С этими словами Уинтерборн взял старика за руку, — тот послушно остановился, — и повел его к огню под навес.

Дровосеки ушли. Джайлс вынул из золы кружку эля, и оба по очереди отпили.

— Джайлс, она должна была быть твоя,— повторил Мелбери.— Я сейчас объясню тебе почему. Объясню впервые.

И Мелбери, точно исповедь приносила ему облегчение, стал рассказывать Уинтерборну о том, как он отбил у его отца невесту, совершив поступок, который в любом другом случае считался бы жестоким и бесчестным,— он солгал. Всю жизнь мучался Мелбери сознанием вины перед Уинтерборном-отцом и решил искупить ее, отдав свою дочь Грейс замуж за Уинтерборна-сына. Но дьявол в образе Фитцпирса попутал его, и он нарушил данную себе клятву.

— Я был высокого мнения об этом человеке! Кто бы мог подумать, что он окажется таким ничтожным и слабым. Она должна была принадлежать тебе. И вот наказание.

Мелбери, поглощенный собственной кровной заботой, с бессознательной жестокостью терзал едва зажившую рану Уинтерборна, который сохранял полное самообладание, слушая старого друга, и даже попытался было успокоить его, заметив, что все в конце концов сделалось, как лучше для Грейс.

— Она не была бы со мной счастлива,— глухим, бесстрастным голосом проговорил молодой человек, глубоко пряча свои истинные чувства.— Я недостаточно образован. Во мне нет того лоску. И я не мог бы ей дать тонкого обхождения, умного разговора, словом, всего, что ей нужно.

— Ах, какая чепуха! — воскликнул в простоте душевной старик.— Это все не так, Джайлс. Она на днях сказала мне, что ненавидит светское обращение и все такое. Так что, оказывается, все мои заботы были напрасны, а деньги, потраченные на школу, просто, можно сказать, выброшены на ветер. Она хочет быть такой, как Марти Саут. Нет, ты только подумай, о чем она мечтает! Хотя, может быть, она и права. Она любит тебя, Джайлс, в глубине своего сердца. Она и сейчас, бедняжка, любит тебя.

Если бы Мелбери знал, в какой огонь он так опрометчиво подлил масла, он, наверное, не прибавил бы последних слов. Уинтерборн долго молчал. Тьма сгустилась вокруг них. Однообразный стук капель стал чаще, и туман стал сеяться мелким дождем.

— Она никогда не думала обо мне,— медленно выговорил Уинтерборн, помешивая палкой тлеющие угли.

— Думала и сейчас думает, говорю тебе,— упрямо стоял на своем Мелбери.— Однако что теперь толковать об этом! Я пришел, чтобы посоветоваться с тобой, как лучше поправить беду. Я тут задумал один смелый ход: пойти прямо к миссис Чармонд. Грейс не хочет с ней говорить, так уж, видно, придется мне самому. Ведь все от нее зависит. Он не отстанет от нее, пока ей не надоест морочить его глупую, бедную го-

лову, набитую всякими романтическими бреднями. А надоест ей, когда пройдет каприз. Не слышал ли ты чего о ее жизни до поселения в Хинтоке?

— Она была, надо думать, в свое время покорительницей сердец,— отвечал Джайлс все с той же бесстрастностью и не отрывая глаз от раскаленных углей.— Она из тех женщин, что играют с огнем, не любя, и любят не только мужа. До того, как стать миссис Чармонд, она была, правда недолго, драматической актрисой.

— Вот что! Но как ты хорошо осведомлен о ней. А еще что ты о ней знаешь?

— Мистер Чармонд был очень богат. Торговал в Шотландии железом. Он был лет на двадцать или тридцать старше своей жены. Женившись, он отошел от дел, приехал сюда и купил Хинток-хаус.

— Да, да. Все это я знаю, а вот остального не знал. Нет, видно, ничего из моей затеи не выйдет. Можно ли требовать добродетельного поведения от женщины, привыкшей к свободной любви и погрязшей в страстях. Спасибо тебе, Джайлс, за твой рассказ. Но моя задача кажется мне теперь еще труднее, раз миссис Чармонд принадлежит к ненадежному племени лицедеев.

Последовало долгое молчание, оба мрачно смотрели на дым, поднимающийся к навесу, сквозь щели которого время от времени падали тяжелые капли, громко шипя на горячих углях. Уинтерборн не был другом миссис Чармонд, но он был справедливый человек, и не в его характере было выносить приговор, основываясь только на слухах.

— У нее, говорят, доброе сердце,— прибавил он.— Так что, возможно, вы и не зря к ней пойдете.

— Да, я пойду к ней,— сказал, поднимаясь, Мелбери.— К добру или худу, но я повидаю миссис Чармонд.

ГЛАВА XXXII

На другое утро в девять часов Мелбери, облачившись в лоснящийся, тонкого черного сукна костюм со складками от долгого хранения и пахнущий камфорой, отправился, не мешкая, в Хинток-хаус. Исполнению его намерения способствовало отсутствие зятя, который на несколько дней отправился в Лондон для встречи с коллегами,— так, по крайней мере, он сам объяснил цель своей поездки.

Мелбери не сказал ни жене, ни дочери, куда идет, из опасения, что они могут отговорить его от столь рискованного предприятия, и вышел из дому незамеченный. Он выбрал именно этот час, полагая, что сразу после завтрака застанет миссис Чармонд одну и успеет поговорить с ней до прихода первых посетителей. Задумчиво шагая вперед, вышел он на просеку,

отделявшую Хинток-хаус от леса, принадлежавшего Малому Хинтоку. Место было открытое, и Уинтерборн, работавший с подручными в зарослях орешника на соседнем холме, тотчас заметил лесоторговца. Зная, куда тот идет, молодой человек чуть не бегом бросился с холма, чтобы не упустить его.

— Я долго думал о нашем разговоре,— начал он,— и мне кажется, лучше повременить с этим визитом в Хинток-хаус.

Но Мелбери даже не остановился. Решение его было бесповоротно,— он во что бы то ни стало повидает сегодня миссис Чармонд.

И все то время, пока Мелбери не скрылся из вида, Уинтерборн стоял и печально смотрел ему вслед.

Мелбери очень скоро дошел до дома миссис Чармонд и позвонил в колокольчик с черного хода. Тотчас на пороге появился слуга и сказал ему, что миссис Чармонд еще не вышла, о чем Мелбери должен был и сам догадаться, принадлежи он к другому кругу. Мелбери ответил, что подождет. Тогда слуга по-соседски доверительно сообщил ему, что госпожа, кажется, еще спит.

— Ничего,— повторил Мелбери,— я подожду. Похожу пока во дворе.

Поглощенный предстоящим визитом, он не был расположен к праздному разговору.

Но ему долго не пришлось мерять шагами вымощенный каменными плитами двор; он устал, вошел в дом и опустился на стул в маленькой прихожей: отсюда он краем глаза видел ведущий в кухню коридор и весело порхающих служанок в белых чепцах. Они уже прослышали о его приходе и, думая, что он еще во дворе, громко судачили о возможных причинах его появления в Хинток-хаусе. Они удивлялись его смелости, ибо, хотя досужие языки Малого Хинтока обвиняли во всем Фитцпирса, домочадцы Хинток-хауса главным источником зла считали свою хозяйку.

Мелбери сидел, обхватив обеими руками набалдашник своей любимой суковатой палки, которую он помнил еще деревцем. Он почти ничего не видел вокруг: несчастье его дочери застило ему свет, предметы и явления окружающего мира едва просвечивали сквозь горестную пелену последних событий, точно окрестный пейзаж сквозь густо окрашенные картины витража.

Так он прождал час, два. Он чувствовал, что бледнеет и что у него кружится голова. Вошел дворецкий и предложил ему выпить стакан вина.

— Нет, нет,— отказался Мелбери, поднимаясь со стула.— Госпожа скоро выйдет?

— Она кончает завтракать, господин Мелбери,— ответил дворецкий.— Я как раз иду наверх доложить о вас.

— А вы еще не докладывали? — спросил Мелбери.

— Нет, конечно,— ответил дворецкий.— Вы пришли слишком рано.

Наконец зазвонил звонок. Миссис Чармонд была готова принять посетителя. Когда Мелбери вошел в маленькую приемную, там никого еще не было, но в ту же минуту на парадной лестнице послышались легкие шаги, и наконец явилась сама хозяйка Хинток-хауса.

В этот утренний час миссис Чармонд выглядела, пожалуй, несколько старше своих лет. Она была то, что называется «тридцатилетняя женщина», хотя в действительности ей было лет двадцать семь, двадцать восемь. Но красота ее уже достигла расцвета, если не начала блекнуть.

В комнате было нетоплено, и миссис Чармонд куталась в большую наброшенную на плечи шаль. Она и не подозревала, что Мелбери могло привести сюда что-то иное, чем торговля лесом. Фелис одна во всем приходе находилась в неведении относительно слухов, ожививших однообразное течение деревенской жизни. Не они были причиной уныния, которое порой овладевало ею. Она понимала, что ее увлечение Фитцпирсом может обернуться большой бедой.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Мелбери. Вы ведь уже почти что кончили с порубкой деревьев, купленных вами в этом году? Остались, кажется, только дубы?

— Да, да,— рассеянно подтвердил Мелбери, думая о другом.

Он не сел, а стоял, опираясь на свою палку, миссис Чармонд тоже осталась стоять.

— Миссис Чармонд,— начал лесоторговец,— я пришел к вам по более важному, по крайней мере для меня, делу, чем рубка леса. Если моя речь покажется вам грубой, то виной тому моя неотесанность, а не отсутствие уважения к вам.

Миссис Чармонд нахмурилась: она вдруг поняла, куда клонит Мелбери. Все грубое, неизящное в жизни, в том числе и открытое проявление чувств, было противно ее утонченной натуре, и, услышав первые слова Мелбери, она сильно расстроилась.

— В чем дело? — коротко спросила она.

— Я старик,— продолжал Мелбери.— На склоне лет господь наградил меня ребенком. Я очень любил ее мать, но она рано покинула нас. И единственное, что у меня осталось,— это моя дочь. Дороже у меня ничего нет. В ней вся моя жизнь. Ради нее я и женился второй раз на простой крестьянке, ее няне, которая любит ее, как родная мать. Когда девочка подросла и пришло время ее учить, я сказал себе, что буду есть один хлеб, но дочь моя будет воспитываться в самой лучшей школе. Я не мог спокойно думать о ее будущем замужестве. Мысль, что придет чужой мужчина и уведет ее, была для меня равносильна смерти. Но нельзя противиться законам природы. Я понимал, что моя дочь может быть счастлива

только в своем доме, у своего очага. Тогда и мне будет легче умирать. И я решил все устроить сам. В молодости я нанес обиду своему другу, который давно уже умер, и, чтобы искупить вину, я решил отдать свою дочь, свое бесценное сокровище, его сыну. Молодые люди нравились друг другу, но я стал сомневаться, будет ли моя дочь счастлива. Он был беден, а она воспитана, как благородная дама, появился другой мужчина, моя дочь приглянулась ему. Он был образован, хорошо воспитан, словом, во всех отношениях ей ровня. И мне показалось, что в его доме моя дочь будет счастлива. Я не препятствовал ей, и она вышла замуж. Но, мадам, в основе всех моих расчетов крылась роковая ошибка. Этот благородный джентльмен, в котором я так был уверен, оказался слабохарактерным и ветреным человеком, и это грозит большой бедой моей дочери. Он встретил на своем пути вас, остальное вам известно... Я пришел не затем, чтобы требовать чего-то или угрожать. Я пришел как отец, глубоко встревоженный за судьбу своего единственного чада. Умоляю вас, пощадите мою дочь, не отворачивайте от нее сердце ее мужа. Запретите ему видеть вас, напомните о его долге,— вы имеете над ним такую власть, что это будет нетрудно. И я уверен, что все у них наладится. Вы от этого не потеряете ничего, ваша стезя пролегает гораздо выше стези простого доктора. А благодарность мою и моей дочери за ваше доброе отношение нельзя будет описать никакими словами.

В первую минуту миссис Чармонд пришла в сильнейшее негодование. Ее бросило в жар, потом в холод. «Оставьте меня, оставьте!» — воскликнула она. Но Мелбери точно не слышал ее, и мало-помалу смысл его речи стал доходить до нее. Когда же Мелбери умолк; она спросила, задыхаясь от волнения:

— Но отчего вы так плохо думаете обо мне? Кто вам сказал, что я посягаю на счастье вашей дочери? Кто-то распространяет ужасные слухи, а я в полном неведении.

— Но, мадам,— Мелбери простодушно взглянул в глаза миссис Чармонд,— вы знаете правду лучше, чем я.

Черты лица миссис Чармонд вдруг чуть заострились, и первый раз на ее красивом лице стала заметна тончайшая пленка пудры.

— Оставьте меня,— проговорила она, выказывая слабость, близкую к обмороку, свидетельствующую о нечистой совести.— Это так неожиданно. Вы проникли сюда обманным путем.

— Небо свидетель, мадам, это не так. Я никого не обманывал. Я был уверен, что вы знаете, зачем я пришел. Эти слухи и...

— Но я ничего не знаю. Какие слухи? Расскажите мне, ради бога!

— Разве могу я вам рассказать это? Да и не так важно, что говорят. Важно, что есть на самом деле. А это-то вам

известно. Дыму без огня не бывает. Простите старика за грубость. Ведь я пришел сюда затем, чтобы просить вас, умолять стать другом моей дочери. Когда-то она любила вас, мадам, и вы любили ее. Но потом почему-то забыли о ней. Это ранило нежное сердце моей дочери. Я вам не указ, вы стоите высоко над всеми нами. Но если бы вы знали, каково ее положение, вы бы не стали причинять ей зла.

— Но я, конечно, не причиню ей зла... я...

Глаза их встретились. Все красноречие Мелбери пропало бы втуне, если бы не упоминание о том, что Грейс любила когда-то миссис Чармонд.

— О, Мелбери! — воскликнула миссис Чармонд. — Как я несчастна! И это все вы! Как могли вы прийти ко мне с такими речами! Ах, как все ужасно! Уходите, умоляю вас, уходите.

— Я ухожу. Но вы хорошо обо всем подумайте, — глухо проговорил Мелбери.

Оставшись одна, миссис Чармонд бросилась в кресло в углу комнаты и залилась слезами. Душу ее терзали не только досада и уязвленное самолюбие, но и более благородные чувства.

Переменчивой натуре миссис Чармонд были свойственны бурные периоды ураганов и наводнений. Но до разговора с Мелбери она и не подозревала, до какой степени ее душа опять во власти безумия: под действием его она переставала трезво мыслить, теряла чувство собственного достоинства, становилась одним слепым порывом и живым воплощением страсти.

Миссис Чармонд чувствовала себя пленницей могущественных чар, точно чья-то бархатная длань крепко держала ее. Очнувшись, она вдруг увидела себя во мраке глубокой ночи, среди опустошения, оставленного ураганом.

Пока она сидела в кресле, сжавшись в комок, потрясенная разговором с Мелбери, наступил час второго завтрака, пробило полдень, — она не замечала времени. Вошел слуга и доложил о приходе незнакомого господина, не пожелавшего назваться.

Фелис знала, кто это: один из многочисленных воздыхателей, которому она улыбнулась мимолетной улыбкой, путешествуя за границей. Но видеть его сейчас ей было невыносимо.

— Меня ни для кого нет дома! — сказала она слуге.

Больше о посетителе не было слышно. Немного погодя, надеясь энергичной ходьбой восстановить душевное равновесие, миссис Чармонд надела шляпу и мантилью и отправилась гулять. Пошла по тропинке, ведущей по косогору в лес. Она не любила леса, но только здесь могла бродить часами никем не замеченной.

ГЛАВА XXXIII

В тот день много волнений было пережито всеми участниками описываемых событий. Грейс обнаружила отсутствие отца только за обедом, который в Хинтоке подавался в час дня; Грейс узнала, что отец, никому ничего не сказав, ушел утром из дому и до сих пор не возвращался. Поразмыслив немного над этим и кое-что уточнив, Грейс догадалась, куда отец направил свои стопы.

Мужа не было дома, отец все не возвращался. Из Хинток-хауса Мелбери отправился в Шертон, надеясь, что дела хоть немного развлекут и успокоят его; но Грейс не знала об этом. Опасаясь, как бы визит отца к миссис Чармонд, вследствие неровности его характера, а также подверженности гневным вспышкам, не усугубил беды, Грейс в три часа пополудни вышла из дому и отправилась не спеша по лесной дороге в сторону Хинток-хауса, предполагая, что отец вернется именно этим путем. Стена деревьев по бокам дороги и сплетение голых ветвей над головой надежно защищали путника от внешнего мира ветров; Грейс все шла и шла, под ногами у нее хрустел сухой валежник, скоро высокие деревья остались позади, и она вступила в молодую рощу, где Уинтерборн с дровосеками вырубали подлесок.

Если бы Уинтерборн был поглощен только делом, он не заметил бы Грейс, но он с самого утра, после неудачной попытки отговорить Мелбери идти в Хинток-хаус, пребывал в состоянии сильнейшего беспокойства; вчерашний разговор с лесоторговцем не шел у него из ума, так что появление Грейс произвело на него действие, какое не произвело бы появление самого Мелбери с новостями.

Грейс давно уже не видела своего бывшего возлюбленно-но, но, вспомнив, что нашептывало ей сердце последние дни, она не могла сейчас спокойно и просто смотреть на него.

— Я только ищу своего отца,— сказала она, точно оправдываясь.

— Я тоже хотел пойти поискать его,— ответил Джайлс.— Но, по-моему, искать его надо подальше отсюда.

— Значит, вы знали, Джайлс, что он пойдет в Хинток-хаус? — спросила Грейс, посмотрев на Уинтерборна большими, кроткими и встревоженными глазами.— А он говорил вам, зачем он туда собрался?

Уинтерборн нерешительно глянул на Грейс и в двух словах рассказал ей о вчерашнем разговоре с Мелбери и о том, что дружба их восстановлена; остальное Грейс поняла без слов.

— Как я рада, что вы снова друзья! — воскликнула Грейс.

Они стояли друг против друга, глядя один другому в глаза, возволнованные и растерянные. Грейс с болью душевной смотрела на груды хвороста, на дровосеков; сердце ее исходило

любовью к тихой, уединенной жизни среди лесов, с которой она должна была, если дома у нее все наладится, расстаться навсегда.

Неподалеку, на краю рощи, Марти Саут обстригивала прутья, готовя себе вечернюю порцию работы. Уинтерборн и миссис Фитцпирс, смущенные присутствием друг друга, молча смотрели на нее. Из-за деревьев вдруг появилась дама в темной меховой мантилье и черной шляпке, кокетливо повязанной белой вуалью. Подойдя к Марти, дама окликнула ее, девушка, обернувшись, поклонилась, и дама о чем-то заговорила с ней. Это была миссис Чармонд.

Находясь в сильном возбуждении, миссис Чармонд шла сегодня гораздо быстрее, чем обычно. Даже выкуренная папироса не успокоила ее. Дойдя до зарослей орешника, она несколько времени рассеянно наблюдала за Марти, бросила прочь папироску и подошла ближе. «Тук, тук, тук» — стучала маленьким топориком Марти, увлекшись делом и не замечая миссис Чармонд, пока та не заговорила.

— Кто вон та молодая леди, что разговаривает с дровосеком? — спросила миссис Чармонд.

— Миссис Фитцпирс, мадам, — ответила Марти.

— Миссис Фитцпирс! — воскликнула миссис Чармонд чуть ли не в испуге, не узнав Грейс на таком расстоянии. — А с кем она разговаривает?

— С мистером Уинтерборном.

Краска залила лицо Марти, и миссис Чармонд не преминула заметить это.

— Ты с ним помолвлена? — спросила она ласково.

— Нет, мадам, — ответила Марти. — Это она когда-то была с ним помолвлена, и, по-моему...

Но Марти не смогла бы выразить словами сложный ход своих мыслей, выказывающий необычную для ее лет и жизненного опыта пронизательность; Марти поняла, какая опасность для чистых сердец таится в этих встречах, явившихся следствием пренебрежения Фитцпирса к жене. Миссис Чармонд, однако, чуть ли не сверхъестественным чутьем, которое является у женщин в подобных обстоятельствах, угадала, что хотела сказать Марти; и вид этой пары, вступившей на опасный путь и разбившей тем самым надежды бедной Марти, еще более укрепил миссис Чармонд в ее благородном намерении, родившемся под действием разговора с лесоторговцем.

Полная самых прекрасных чувств, она простилась с Марти и пошла, переступая через пеньки срубленного орешника, к тому месту, где стояли Уинтерборн с Грейс. Они видели приближение миссис Чармонд, и Уинтерборн сказал:

— Она идет сюда. Это хороший знак. Она не любит меня, так что я лучше уйду.

И он отошел туда, где работал до прихода Грейс; грозная

соперница Грейс приблизилась к ней, и две женщины оглядели друг друга с головы до пят.

— Дорогая... миссис Фитцпирс! — воскликнула миссис Чармонд, волнуясь так сильно, что у нее прерывался голос.— Я столько времени не видела вас!

С этими словами она неуверенно протянула руку; Грейс замерла, точно дикое животное, впервые увидевшее зеркало или иной не менее удивительный продукт цивилизации. Неужели это миссис Чармонд так приветливо говорит с ней? Нет, Грейс решительно не понимала, что такое жизнь.

— Я хотела бы поговорить с вами,— сказала миссис Чармонд без дальнейших обиняков, ибо Грейс посмотрела на нее так, что у нее мурашки побежали по коже.— Вы не могли бы сейчас пойти со мной туда, где мы будем совсем одни? — прибавила она.

Едва преодолевая отвращение, Грейс кивнула и, точно подчиняясь заведенной пружине, углубилась вместе с миссис Чармонд в чашу леса. Они шли и шли и зашли гораздо дальше того, чем предполагала миссис Чармонд; язык не повиновался ей, и она шла молча.

— Я виделась с вашим отцом,— наконец начала она.— И... и я очень расстроена тем, что он мне сказал.

— А что он сказал вам? Он не посвятил меня в свои планы, когда пошел к вам.

— Зачем повторять то, что вам и без того известно.

— В самом деле, зачем? — с горечью переспросила Грейс. — Зачем повторять то, о чем мы обе сейчас думаем?

— Миссис Фитцпирс, ваш муж, мистер Фитцпирс...

И в тот самый миг, как с уст ее сорвалось это опасное имя, по лицу ее вдруг пробежало жалкое и несчастное выражение, которое, как вспышка молнии, озарило то, чем было до краев полно ее сердце. Так мимолетно было это выражение, что никто, кроме очень чуткой женщины — а таковой как раз и была Грейс,— не уловил бы его значения.

— Так вы действительно его любите! — воскликнула Грейс в несказанном удивлении.

— Что вы сказали, милочка?

— Боже мой,— продолжала Грейс. — А я-то до сих пор думала, что для вас это просто злое кокетство, что вы только забавляетесь от нечего делать — богатая леди с бедным сельским доктором, а в глубине души презираете его вместе с той, которая ему принадлежит. Но теперь я вижу, что вы любите его, любите безумно; и я перестала вас ненавидеть, как ненавидела раньше... Да,— продолжала миссис Фитцпирс, и голос ее задрожал от волнения,— если это не забава, а настоящее чувство, то во мне больше жалости к вам, чем презрения! Потому что вы страдаете больше всех!

Миссис Чармонд была взволнована не менее Грейс.

— Я не должна была бы пускаться с вами в объяснения.

Это унизительно. Но я любила вас когда-то и только ради тех дней попытаюсь объяснить вам, как глубоко вы заблуждаетесь!

Смущение миссис Чармонд было вызвано главным образом тем неожиданным и досадным фактом, что простая девчонка, еще вчера ребенок, вдруг одержала над ней такую победу, эмоциональную и духовную.

— Я не люблю его! — с отчаянием выговорила миссис Чармонд эту противоречащую истине фразу. — С моей стороны это всего лишь любезность. Я была с ним более приветлива, чем обычно принято с докторами. Я была так одинока; мы беседовали, я от нечего делать иногда флиртвала с ним. И я очень сожалею, что эта ребяческая игра, основанная на чисто дружеском расположении, обернулась таким досадным недоразумением. Кто бы мог ожидать? Но люди в этих местах так неискusstvenны!

— Нет, нет, это любовь, — продолжала Грейс, качая головой. — К чему все слова, вы любите его! Я вижу по вашему лицу, что в этой истории с моим мужем сердце ваше не дало ходу привычке. Последние пять-шесть месяцев вы вели себя недостойно, но, по крайней мере, вы были искренни; и это обезоруживает меня!

— Я была неискренна, если уж вы предпочитаете это слово. Я играла им, и я не люблю его!

— Вы играли другими, но его вы полюбили, как не любили раньше никого, — упрямо стояла на своем Грейс.

— Ну, хорошо, не буду спорить, — сказала миссис Чармонд, невесело усмехнувшись. — Что же, дитя мое, вы хотите упрекнуть меня за это?

— Нет, — великодушно ответила Грейс, — любите его сколько угодно, я не возражаю. Только, позвольте мне сказать вам, вы избрали нелегкий путь, мне будет легче. Вы скоро наскучите ему — таков он уж есть, вы ведь не знаете его так, как я! И вы еще горько пожалеете, что встретились с ним!

Миссис Чармонд побледнела и почувствовала дурноту, услышав это пророчество. Грейс, которую все считали воплощенной кротостью, вдруг оказалась куда более твердой, чем ее соперница.

— Вы все выдумываете, глупая, жестокая девчонка! — вспыхнула миссис Чармонд. — Ничего, кроме приятельских отношений, между нами нет, ничего! Самое ближайшее будущее докажет это. Я немедленно прикажу не принимать его больше. И мне это будет нетрудно, поскольку ничем не грозит ни моему сердцу, ни имени.

— Сомневаюсь, чтобы вы решились больше не принимать его, — сухо сказала Грейс, пригибая вниз тонкий ствол орешника. — Я не питаю против вас зла, как вы против меня, — прибавила она, резко отпустив ветку. — До нашего разговора я презирала вас за бессмысленную жестокость, теперь же я вас жалею за вашу слабость, за то, что любовь ваша так несчастлива.

во направлена. Когда Эдрид уходит из дому, чтобы повидать вас в урочные и неурочные часы, когда он в полночь скакал верхом через лес и вересковую пустошь, рискуя жизнью, весь облепленный грязью, только бы одним глазком взглянуть на вас, я называла его глупцом, жалкой игрушкой в руках закоренелой кокетки. Я думала, что то, что представляет собой трагедию для меня,— для вас комедия. Теперь я вижу, что ваше положение так же, а может быть, и более трагично, чем мое; что если я просто огорчена — то вы страдаете; что если я познала разочарование — вы познали отчаяние. Силы мои укрепят здоровое размышление, вам да поможет бог!

— То, что вы говорите,— бред, и я даже не подумаю возражать вам,— сказала миссис Чармонд, изо всех сил пытаясь сохранить приличествующее ее положению достоинство. — Моим оправданием будут мои поступки. В том кругу, о котором вы не имеете понятия, дружба между мужчиной и женщиной вещь обыкновенная; и вам бы с вашим отцом пристало относиться ко мне с большим почтением, а лучше всего совсем оставить меня в покое. Я не хочу вас больше ни видеть и ни слышать, мадам.

Грейс кивнула головой, миссис Чармонд высокомерно отвернулась, и обе пошли в разные стороны; скоро тени деревьев и сгущающиеся сумерки поглотили их удалявшиеся фигурки.

Возбужденные разговором, они шли по лесу, не замечая направления, петляя между деревьями. Звуки топора давно умолкли в отдалении, их заглушило не только расстояние: в этот вечерний час дровосеки уже вернулись домой.

Грейс шла, не боясь заблудиться. А лес становился все гуще, его пересекали теперь только узкие тропы, затененные косматыми ветвями. Она не была в этой самой глухой части с детства и ничего не узнавала кругом: старые деревья, прежде служившие вехами, все были срублены или повалены бурей; кустарник, прежде мелкий и редкий, теперь разросся выше головы. И Грейс скоро поняла, что плутает. Быстро темнело, завывал ветер, Грейс стало страшно, и она чуть не бегом пошла наугад, сворачивая то вправо, то влево.

Тьма сгущалась, ветер шумел сильнее, а Грейс все еще ничего не узнавала вокруг; нигде не светился среди деревьев огонек, не слышались голоса, хотя Грейс блуждала в лесу уже более часа и стала уставать. Она сердилась на собственную глупость: ведь если бы она шла, не сворачивая, то давно вышла бы к какой-нибудь отдаленной деревушке, а она вместо того все петляла и петляла по лесу, выбиваясь из сил. Неужели придется ночевать в лесу? Мысль эта не на шутку встревожила Грейс.

Не зная, что делать, Грейс остановилась в изнеможении, как вдруг в свисте и завывании ветра ей почудилось шуршание шагов по листьям, более тяжелых, чем шаг кролика или иного лесного обитателя «с трепещущим сердцем». Первым ее чувством был страх, но она тут же решила, что, кто бы ни был этот люби-

тель ночных прогулок, он не обидит ее. А может даже, это кто-нибудь из домашних ищет ее, и Грейс не очень громко крикнула: «А-у!»

На крик ее тотчас кто-то откликнулся, Грейс побежала на голос и скоро между деревьями увидела чей-то смутный силуэт, быстро приближавшийся к ней. Только чуть ли не в объятьях предполагаемого спасителя Грейс узнала по фигуре и белой вуали на шляпке ту, с которой недавно рассталась: это была миссис Чармонд.

— Я заблудилась! — воскликнула она. — О, это вы? Я так рада встретить здесь хоть кого-нибудь! С той минуты, как мы расстались, я хожу и хожу по лесу, и я умираю от усталости и от страха.

— Я тоже, — сказала Грейс. — Что же мы... что же нам теперь делать?

— А вы не бросите меня здесь? — спросила испуганно миссис Чармонд.

— Конечно, нет. Вы очень устали?

— Очень, совсем из сил выбилась. И ноги у меня все исцарапаны.

Грейс подумала немного, потом сказала:

— Пожалуй, самое лучшее — отдохнуть с полчаса. Давайте сядем под каким-нибудь деревом, земля ведь совсем сухая. А потом опять пойдем. Если мы не будем сворачивать, то обязательно выйдем на какую-нибудь дорогу, так и доберемся к утру до жилья.

Отыскав большой куст, надежно защищавший от ветра, они устроили подобие гнездышка в сухих прошлогодних зарослях

папоротника и сели отдыхать, стараясь держаться на расстоянии друг от друга.

Разгоряченные быстрой ходьбой, они не сразу почувствовали холод мартовской ночи. Первой стала ежиться Грейс, которая, по причине легкомыслия, свойственного здоровой юности, была одета совсем легко, по-весеннему, тогда как миссис Чармонд еще не рассталась с зимней меховой накидкой.

Но, посидев без движения, и она стала зябнуть не меньше Грейс; обе чувствовали, как холод просачивается к ним сквозь листья, которые касались плеч и спины. Скоро стал слышен шорох дождя по листьям, но у них в убежище пока было сухо.

— Если мы прижмемся друг к дружке,— сказала миссис Чармонд,— нам будет теплее... Но,— прибавила она неуверенно,— вы ведь ни за что на свете не сядете рядом со мной?

— Почему?

— Потому что... вы знаете почему.

— Конечно сяду. Я ведь не чувствую к вам неприязни.

Миссис Чармонд и Грейс сели поближе, и в этой крошечной тьме, усталые и несчастные, сделали то, чего бы в других обстоятельствах не сделали никогда,— обнявшись, крепко прижались друг к другу. Теплый мех накидки миссис Чармонд грел замерзшее лицо Грейс; они сидели так тесно, что каждая чувствовала дыхание другой; а над их головами раскачивались черные деревья и пели заунывную похоронную песню.

Прошло несколько томительных минут, и миссис Чармонд прошептала, тяжело вздохнув:

— Ах, я так несчастна!

— Просто вам страшно,— сказала Грейс. — Но бояться нечего. Я очень хорошо знаю этот лес.

— Я боюсь не леса, мне страшно совсем по другой причине.

Миссис Чармонд все теснее прижималась к Грейс, скоро ее щека коснулась холодной щеки молодой женщины. Грейс слышала, как дыхание ее становится все чаще, прерывистей, точно она была не в силах больше бороться с нахлынувшими чувствами.

— Когда мы расстались,— продолжала Фелис,— я стала жалеть о том, что была неискренна с вами. Я должна была рассказать вам все. Должна,— прошептала она срывающимся голосом.

Для этой экзальтированной женщины высшим удовольствием было отдаться на волю чувств; именно поэтому она позволила себе увлечься Фитцпирсом, поэтому готова была сейчас, предвкушая сладостную боль признания, открыть сердце его жене.

— Я сказала вам, что могу легко и без страданий отказаться от него, что он был для меня забавой от нечего делать. Это неправда, я говорила это, чтобы обмануть вас! Я могу отказаться от него только ценой величайших страданий; но самое ужас-

ное заключается в том, что, если бы я и хотела расстаться с ним, я бы по собственной воле не смогла этого сделать.

— Почему? Потому что вы так сильно любите его?

Фелис Чармонд молча кивнула головой.

— Я знаю, что я была права! — с чувством воскликнула Грейс. — Но это не должно быть препятствием, — прибавила она немного погодя нравоучительным тоном. — Боритесь, и вы одержите над собой победу.

— Ах, вы так наивны, так наивны! — проговорила Фелис. — Вы думаете, что если сумели разгадать под маской равнодушия мое истинное к нему отношение, то способны постигнуть и самые запутанные, самые невероятные ситуации. Но при всей вашей проницательности жизнь может оказаться гораздо сложнее. Я не могу расстаться с ним до тех пор, пока он первый от меня не откажется.

— Но вы выше его во всех отношениях, так что вы должны сделать первый шаг.

— Ах! Неужели мне придется все сказать прямо, просто-душно вы дитя? Да, по всей вероятности. Я не прощу себе, что, узнав ваше бесхитрое сердце, не открылась вам до конца!

Сказав это, она прощептала на ухо Грейс несколько слов и разразилась неистовыми рыданиями.

Грейс резко откинула полу меховой накидки и вскочила на ноги.

— Великий боже! — воскликнула она, как громом пораженная, ибо услышанное далеко превзошло все самые смелые ее предположения. — Вы его любовница? Это невероятно! Этого не может быть!

Грейс повернулась, готовая бежать отсюда, но рыдания Фелис были так безутешны; лес заволочла-непроницаемая тьма; холодные уста ветра целовали ее щеки, еще теплые от меховой накидки миссис Чармонд; к тому же она не знала, куда идти. Первый порыв гнева прошел, и она нагнулась к распростертой у ее ног женщине.

— Вы отдохнули? — спросила она голосом женщины, вдруг постаревшей на десять лет.

Миссис Чармонд, ничего не ответив, поднялась на ноги.

— Вы хотите бросить меня здесь? — проговорила она в отчаянии. — О, какую я совершила глупость!

— Нет, — коротко ответила Грейс. — Я не брошу вас. Но мы должны спешить. Нам предстоит нелегкий путь. Думайте только о том, как бы нам держаться одного направления.

Они шли, храня полное молчание, раздвигая руками намокшие ветки, скользя по сырым корням, но стараясь не сворачивать в сторону. Грейс совсем выбилась из сил, ее спутница тоже едва волочила ноги, когда вдруг они вышли на пустынный большак, тот самый, где однажды человек из Шертоната ожидал фургона миссис Доллери. Грейс огляделась по сторонам и тотчас узнала место.

— Как мы могли сюда попасть,— сказала она с холодной вежливостью,— не представляю себе. Мы описали полукруг, в центре которого Малый Хинток. Заросли орешника как раз в противоположной стороне. Теперь пойдем прямо по большаку.

Кое-как дотащились они до проселка, свернули, оставили позади дорогу на Малый Хинток и наконец добрались до Хинтоковского парка.

— Дальше я не пойду,— тем же бесстрастным тоном произнесла Грейс. — Ваш дом совсем близко отсюда.

Миссис Чармонд остановилась; она была в полной прострации; казалось, она только сейчас поняла ужасный смысл своего признания.

— Повинуясь непреодолимому желанию снять со своей души бремя, я рассказала вам то, что всякий человек в здравом уме хранил бы в глубочайшей тайне до самой смерти,— сказала она. — Сделанного не воротить. предадим все забвению или вы объявите мне войну?

— предадим забвению, разумеется,— проговорила Грейс горестно. — Разве может бороться с вами такое несчастное и беспомощное существо, как я?

— Я сделаю все, чтобы больше не видеть его. Я его рабыня, но я все-таки постараюсь.

У Грейс было доброе сердце, но тут она не преминула уколоть соперницу.

— Не надо так убиваться,— сказала она, не тая презрения. — Можете видеться с ним сколько угодно, я позволяю вам.

Если бы признание Фелис не ужаснуло ее чудовищностью греха, а больно ранило, она не стала бы говорить этих слов; но любви к Фитцпирсу уже почти не было в ее сердце.

Они расстались, и Грейс в глубокой задумчивости побрела домой. Проходя мимо хижины Марти, она увидела в окно, что девушка что-то пишет за столом; это необычное для Марти занятие удивило Грейс, и она спросила себя, кому и о чем Марти может писать. По дороге ей попались люди, посланные Мелбери на поиски дочери, а дома она застала настоящий переполох. Она объяснила, что заблудилась в лесу, и ее унылый вид был приписан усталости.

Если бы она знала, что писала Марти, изумлению ее не было бы границ.

Слухи о миссис Чармонд и докторе, взволновавшие добрых хинтокцев, дошли наконец и до Марти; и она сочиняла письмо Фитцпирсу, в котором объясняла ему, что большая часть роскошной косы миссис Чармонд принадлежит автору письма, а не той, чью голову коса украшает. Это был единственный козырь Марти, и она пошла им, не имея понятия об ухищрениях моды и веря в простоте душевной, что подобное открытие может нанести смертельный удар любви мужчины.

ГЛАВА XXXIV

Фитцпирс возвращался из Лондона в начале апреля, несколько дней спустя после ночного разговора Грейс с миссис Чармонд. Он подъезжал к Хинтоку в карете, которую нанял в Шертон-Аббасе. Взгляд у него был невеселый, черты брюзгливого лица выражали беспокойство. Он производил впечатление человека, считающего свое появление на свет не такой уж большой удачей.

Положение его было и впрямь незавидное, но ему с его впечатлительностью оно казалось безвыходным. Его практика последнее время все уменьшалась и теперь грозила сойти на нет. Старый доктор Джонс беззастенчиво перехватывал пациентов у самой его двери. Фитцпирс хорошо знал главную причину своей непопулярности, но так уж противоречиво устроен человек, что источником еще одной заботы Фитцпирса было как раз лекарство от первой: а именно письмо Фелис Чармонд, в котором она умоляла его больше не приходить к ней и писала еще, что решила немедленно покинуть Хинток и уехать в Италию, чтобы расстаться с Фитцпирсом навсегда.

Начало апреля было той скучной порой для жителя лесного края, когда зимняя рубка леса пришла к концу, а заготовка коры еще не начиналась; эта бездеятельная пора совпадала со временем наибольшей активности в жизни самого леса: внутри каждого куста, каждого дерева соки с такой силой устремлялись вверх, точно кто-то качал их гидравлическим насосом.

Уинтерборн окончил работу, и роща с ореховым подлеском была пустынна. Смеркалось; деревья стояли голые и притихшие — соловьям петь еще через две недели. «Отец месяцев» — апрель — был в самой своей неприглядной поре: изголодавшийся, тощий и скрюченный, он то и дело мелькал среди голых ветвей, составляя компанию Фитцпирсу.

Вернувшись домой, Фитцпирс прошел прямо в гостиную жены. В ней было пусто, камин не тоplen. Он не писал о дне приезда, однако очень изумился, увидев, что его не ждут.

Спустившись на пфловину тестя и спросив у миссис Мелбери, где Грейс, он, к еще большему удивлению, узнал, что она уехала три дня назад навестить подругу в Шотсфорд-форум. А сегодня утром пришло известие, что Грейс сильно занемогла, и Мелбери тотчас отправился за дочерью.

Фитцпирс пошел на свою половину; маленькая гостиная, в тот вечер освещенная единственной свечой, не стала уютнее с появлением бабушки Оливер; бросив охапку дров в камин, она стала выгребать золу, греметь щипцами и кочергой, стараясь, видно, как-нибудь скрасить одиночество вернувшегося хозяина. Фитцпирс, не подозревавший о признании, сделанном в лесу, подумал, что Грейс должна быть более внимательна и посвящать мужа в свои планы, а не бросать дом когда вздумается. Он подошел к окну — шторы еще не были спущены — и рассеянно

поглядел на узкий серп убывающей луны, потом на дым, встающий над крышей домика Сьюк Дэмсон; молодая женщина в этот час обычно разжигала очаг, чтобы приготовить ужин.

Вдруг снаружи до него долетел разговор. Кто-то из дворни, остановив проходивших мимо дровосеков, громко рассказывал, перегнувшись через забор, последние деревенские новости; ухо доктора уловило имя миссис Чармонд.

— Бабушка, не греми так сильно решеткой,— сказал Фитцпирс и раскрыл окно.

Бабушка Оливер, стоя на коленях, выпрямилась с поленом в руках и укоризненно глянула в спину хозяина.

— Она опять едет в чужие края. Ни с того ни с сего взяла вдруг и собралась. Последние дни она была как сама не своя. Лицо мрачное, точно ее горе какое гложет. Чужая она здесь, в Хинтоке: до сих пор дуба от вяза отличить не может. Мне дела нет, чей он там муж. Лично мне она ничего плохого не сделала.

— Значит, едет, говоришь? А ведь кое для кого отъезд ее будет великим счастьем.

Камин разгорелся, и Фитцпирс сел к огню, объятый то-скливым одиночеством, как последний листок на дереве поздней осенью.

«Лицо мрачное. Точно ее горе какое гложет»,— звучали в душе Фитцпирса только что услышанные слова. Бедная, бедная Фелис! Как, должно быть, она страдает сейчас, как болит ее прелестная головка, как тягостно на сердце. Если бы не злые языки, не ее твердая решимость порвать их далеко зашедшее знакомство, она бы непременно послала за ним: ей необходим сейчас доктор. Одна в пустом доме, она, должно быть, вся исстрадалась и, возможно, уже жалеет, что запретила ему приходить.

Чувствуя, что он не может больше находиться в этой мрачной комнате в ожидании ужина, который готовили внизу, Фитцпирс оделся для верховой езды, спустился во двор, подождал у ворот конюшни, пока оседлают Любимую, и поскакал в Хинток-хаус. Он пошел бы пешком, если бы не чувствовал себя таким разбитым после долгого путешествия. Когда он подъехал к домику Марти Саут,— путь его лежал мимо ее дверей,— Марти, завидев его, сошла с крыльца и протянула ему письмо. Фитцпирс, не останавливаясь, склонился в седле, взял конверт и спросил через плечо, от кого послание.

Марти подумала секунду.

— От меня,— сказала она решительно.

Это было то самое письмо, в котором Марти раскрывала тайну великолепной косы миссис Чармонд, приложив в доказательство прядь собственных волос, которые уже значительно отросли. Рука Марти дрожала, когда она протягивала Фитцпирсу это яблоко раздора, на которое она возлагала такие большие надежды.

Сумерки быстро сгущались, и Фитцпирс не смог тотчас прочесть послание Марти, хотя оно и возбудило его любопытство. Он опустил письмо в карман, да и забыл о нем, увлеченный мыслями о предстоящем свидании. Напрасно Марти рисовала себе самые унижительные для миссис Чармонд сцены. Письмо так и осталось нераспечатанным.

Фитцпирс очень скоро доехал до усадьбы. Под сенью темных дубов, охранявших ворота, он натянул поводья и задумался. В его появлении у миссис Чармонд, ввиду ее нездоровья, не было ничего предосудительного; но все-таки, решил он, будет лучше, если он дальше пойдет пешком. Если миссис Чармонд не одна, то он, приблизившись к дому неслышно, сможет уйти незамеченным. Фитцпирс спешился, привязал Любимую к нижней ветке дуба и пошел к дому.

Тем временем Мелбери вернулся из Шотсфорд-форума. Большой четырехугольный двор лесоторговца отделяла от затененной деревьями дороги увитая плющом стена, в которой по обоим концам были ворота, выкрашенные в белый цвет. Так случилось, что в тот момент, когда Фитцпирс выезжал из одних ворот, направляясь в Хинток-хаус, Мелбери подъезжал к другим. Фитцпирс, повернув направо, ехал, не оборачиваясь, и не видел, как Мелбери приближался к дому. Мелбери же заметил Фитцпирса.

— Как Грейс? — спросила его жена, только что он вступил в дом. Лицо у Мелбери было чернее тучи.

— Плохо, — ответил он. — Вид ее испугал меня, и я стал звать ее домой. Разве можно оставлять ее в таком состоянии у чужих людей? После долгих уговоров она наконец согласилась вернуться. К сожалению, я поехал туда верхом, но мне удалось нанять отличную карету, очень легкую на ходу, так что часа через два Грейс будет уже дома. Сам я поспешил вперед, чтобы предупредить тебя о ее приезде. Надо привести в порядок комнаты Грейс. А что, муж ее, кажется, уже вернулся?

— Да, вернулся, — ответила миссис Мелбери. — А ты подумал, во сколько обойдется карета от самого Шотсфорда? — посетовала она.

— Во сколько бы ни обошлась! — сердито возразил лесоторговец. — Я решил сегодня же привезти Грейс домой, чего бы мне это ни стоило. И что это ей вздумалось уехать, ума не приложу! Она делает все, чтобы разладить дело, а не наладить его.

Грейс не рассказала отцу о прогулке по лесу с миссис Чармонд и о признании, прошептанном на ухо.

— Раз Эдрид вернулся, — продолжал Мелбери, — он должен был подождать меня, чтобы справиться о здоровье жены, хотя бы ради приличия. Я видел, как он выезжал со двора. Куда это он собрался?

Миссис Мелбери ответила мужу, что у нее нет сомнений относительно того, куда их зять поскакал тотчас по возвращении.

Мелбери ничего не сказал. Его приводило в отчаяние то, что Фитцпирс не остался дома и не поехал встречать больную жену, как должен был поступить, а отправился бог знает куда, нанеся Грейс еще одну обиду. Старик вышел из дому; лошадь его еще не была расседлана, он велел Апджону подтянуть подпруги, вскочил в седло и поскакал вслед за Фитцпирсом.

Доскакав до усадьбы миссис Чармонд, Мелбери, взбешенный неслыханным поведением зятя, пришел в такую ярость, что готов был прибегнуть к самым крутым мерам. Силой или уговором, но он приведет сегодня Эдрида Фитцпирса домой; потому что, решил он, хуже, чем есть, не будет, хотя и припомнил поговорку, что на всякую беду есть худшая. Въехав в парк через ворота, он поскакал по мягкому дерну чуть ли не следом за лошадей Фитцпирса и вскоре достиг дубов, под которыми остановился его зять. В темных кустах что-то неясно белело, это была Любимая, привязанная к одному из дубов Фитцпирсом.

— Вот ведь негодяй! Побоялся подъехать к дому открыто! — воскликнул Мелбери и, последовав примеру зятя, спешился, привязал коня к соседнему дереву и двинулся к дому пешком. Он решил довести расследование до конца и не стесняться пустяками; поэтому без колебания отворил дверь, пренебрегши колотушкой, и неслышно вошел в дом.

Большой квадратный холл с дубовыми полами, лестничным маршем и стенами, обшитыми дубовой панелью, был слабо освещен тусклой лампой, свисавшей с поперечной балки на потолке. В холле никого не было. Мелбери прошел в коридор и прислушался у двери, которая, как он знал, вела в гостиную; там было совсем тихо, он повернул ручку: гостиная оказалась пуста. В камине горел небольшой огонь — единственное освещение комнаты; его отблески весело плясали на золоченой мебели, которая своим музейным изяществом менее всего подходила к тяжеловесной простоте дома; Фелис, по всей вероятности, сама обставляла эту гостиную, чтобы смягчить многовековую угрюмость родовой английской усадьбы. Разочарованный тем, что не встретил зятя с первых шагов, Мелбери вошел в столовую, в которой не горели ни свечи, ни камин; холод нетопленной комнаты говорил о том, что миссис Чармонд сегодня здесь не обедала.

Настроение Мелбери к этому времени несколько смягчилось. Все вокруг было так мирно, так безобидно и покойно, что он не испытывал больше желания вступать в ссору ни с Фитцпирсом, ни с кем бы то ни было другим. Видя это чинное благолепие, он скорее почувствовал, чем сообразил, что там, где так покойно и прилично, не могут твориться

те гнусные деяния, которые он подозревал. Ему вдруг пришло в голову, что, будь даже подозрения его справедливы, его внезапное, если не незаконное вторжение в чужой дом может обернуться позором и унижением не только для его обитателей, но и для него с Грейс. Если разразится скандал, то больше всех пострадает, конечно, Грейс. И Мелбери решил, что будет вести себя более разумно и поговорит с зятем наедине, как он поговорил уже с миссис Чармонд.

Неслышно, как и вошел, Мелбери поспешно ретировался. Проходя мимо гостиной, он услышал сквозь потрескивание поленьев в камине какой-то легкий шум. Мелбери тихонько приоткрыл дверь и увидел, как через противоположную высокую стеклянную дверь выходят наружу две фигуры: в женщине он узнал хозяйку дома, в мужчине своего зятя. Мгновение спустя они исчезли за дверями, слившись с темнотой парка.

Мелбери вернулся в холл, вышел во двор через парадную дверь и, обогнув дом, оказался возле террасы, прилегающей к гостиной. Он подошел как раз вовремя: остановившись у ограды, отделяющей газон от парка, Фитцпирс и миссис Чармонд нежно прощались.

Расставшись с возлюбленным, миссис Чармонд тотчас поспешила в дом; Фитцпирс зашагал в глубь парка и исчез среди деревьев.

Мелбери подождал, пока миссис Чармонд вернется в гостиную, и пошел за Фитцпирсом. Он сегодня выскажет этому красавчику, что он о нем думает, а то и задаст хорошую трепку, если будет введен в искушение.

Но, углубившись в черноту дубовой рощи, Мелбери не нашел Фитцпирса, не было видно и его собственного коня Блоссом; пробираясь с осторожностью вперед, он различил в темноте светлый круп Любимой, которая все еще стояла под деревом по соседству с тем, к которому был привязан Блоссом. На секунду Мелбери подумал, что Блоссом, молодой и сильный конь, сорвался с привязи и убежал; но, прислушавшись, уловил невдалеке ровный топот его копыт и скрип седла: значит, Блоссом нес на себе всадника. Дойдя до маленькой калитки в ограде парка, он встретил крестьянина, у которого спросил, не видел ли тот всадника на сером коне, крестьянин ответил, что ему только что попался навстречу доктор Фитцпирс, ехавший куда-то верхом.

Мелбери догадался, что произошло: Фитцпирс по ошибке сел не на ту лошадь,— промах вполне объяснимый, если принять во внимание непроглядную темень дубовой рощи и неумение Фитцпирса распознать лошадь по статям и масти. (При свете дня было хорошо заметно, что Блоссом гораздо темнее Любимой.)

Мелбери поспешил обратно, сел на Любимую и поскакал вслед за Фитцпирсом,— самое лучшее, что он мог придумать в таком положении.

Въехав в лес, он поскакал по дороге, извивающейся между деревьями; ее глубокие колеи в мягком лиственном покрове были проложены фургонами лесорубов, изъездившими лес вдоль и поперек в поисках новых мест вырубки; скоро Мелбери различил впереди себя, в том месте, где дорога огибала высокий каштан, круп своего коня. Он натянул поводья, надеясь догнать Фитцпирса; Любимая прибавила шаг.

Приблизившись, Мелбери увидел, что конь без седока. Почуввав хозяина, Блоссом радостно махнул хвостом и галопом поскакал в сторону дома. «Что-то, видно, произошло», — подумал лесоторговец. Доехав до каштана, он спешился, осмотрелся и в двух шагах от тропы увидел лежащего на земле Фитцпирса.

— Помогите, помогите! — воскликнул тот, почувствовав прикосновение чьей-то руки. — Меня сбросила моя лошадь... но, к счастью, я, кажется, несильно ушибся.

Поскольку Мелбери не мог при таких обстоятельствах прочитать зятю приготовленной нотации, а дружеское сочувствие считал лицемерием, он почел за лучшее совсем не разговаривать. Молча приподняв Фитцпирса, он осмотрел его: тот был слегка оглушен падением и испуган, но цел и невредим. Падение его было легко объяснимо. Фитцпирс думал, что возвращается домой на Любимой, известной кротостью нрава, тогда как под ним был торопившийся в конюшню молодой, резвый конь.

Мелбери был путешественник старой закалки: он только что вернулся из Шотсфорд-форума и карман его все еще оттопыривала дорожная фляга с ромом, которую он всегда брал с собой в поездки, превышающие десять миль, хотя почти никогда к ней не прикладывался. Он влил в рот Фитцпирса немного рому, и тот мгновенно очнулся. Мелбери поднял его на ноги, не зная, что делать дальше: Фитцпирс не мог пройти и двух шагов, а вторая лошадь была далеко.

С большим трудом удалось ему взгромоздить зятя на круп Любимой, сам он сел позади, обхватив туловище Фитцпирса одной рукой. Любимая, имея широкий круп, прямую спину и высокую холку, могла нести двоих, идя небыстрым шагом, по крайней мере, до Хинтока.

ГЛАВА XXXV

Любимая шла мерным, осторожным шагом через рощу, где недавно работал Уинтерборн; орешник остался позади, начался дубняк, где земля суше и жестче, скоро въехали в Маршкомскую долину, глухую и темную, заросшую высоким кустарником: место, по слухам, нечистое.

К Фитцпирсу постепенно вернулись силы. Но у него с утра маковой росинки во рту не было: завтракал он рано

и наспех, еще в Лондоне, а из дому уехал, не дождавшись ужина,— так его встревожило состояние Фелис; по этой причине старый ром, которым попотчевал его Мелбери, ударил ему в голову, и язык его развязался: Фитцпирс принял бессвязно жаловаться на судьбу, не подозревая, чья рука вызволила его из беды, да и теперь еще поддерживала.

— Я сегодня проделал немалый путь... вернулся из Лондона,— начал он.— Вот где общаешься с равными себе. Я ведь живу здесь, в Хинтоке, нет, даже в Малом Хинтоке! И меня тут ни в грош не ставят. На расстоянии десяти миль от Хинтока нет ни одной души, которая бы понимала меня... ни одной... Скажу тебе, отец, не хвалюсь, не знаю, как звать тебя,— я человек высокообразованный. Знаю несколько языков. Знаменитые поэты — мои друзья. Проскачи хоть пятьдесят миль, не встретишь ни одного, кто бы прочитал столько ученых книг, сколько прочитал я... Так что во всем Уэссексе никто не может сравниться со мной по учености... А я должен прозябать в обществе каких-то торговцев в этой жалкой дыре, в Хинтоке!

— Ну и ну,— поразился Мелбери.

Прервав свои излияния, Фитцпирс с решительностью пьяного выпрямился, резко откинувшись назад — до этой минуты он, согнувшись, полулежал на спине лошади — и с такой силой толкнул Мелбери в грудь, что тот едва не выпустил поводья.

— Здесь мне цены не знают,— воскликнул доктор; и прибавил, смягчая голос,— все, кроме одной. Восторженная душа и прелестная женщина: умна, прекрасна, добра и притом богата. Послушай, старик, очень уж ты своими когтями впился в мой бок. А когти твои что у орла, который терзал печень Про... Пру... ну того на горе Кавказа... Нет, никто здесь меня не ценит, говорю тебе, кроме нее!.. Господи! Какой я несчастный человек! Она была бы моей, она стала бы носить мое имя. Но, увы, этому не бывать! Я женился на неровне. Так унижись! И как же горько я теперь раскаиваюсь.

Положение Мелбери, физическое и моральное, становилось довольно-таки затруднительным. Объясняться с Фитцпирсом было сейчас бесполезно,— падение и ром произвели некоторую сумятицу в его голове. И Мелбери ехал молча, держа своего спутника твердой, но отнюдь не сострадательной рукой.

— Ты делаешь мне больно, отец! — продолжал Фитцпирс.— Хотя я очень тебе признателен за твою доброту. Люди не ценят меня здесь. Говоря между нами, я теряю практику. А почему? Потому что знаю, кто здесь лучше всех по уму, красоте и положению. Я не называю имен, так что в болтливости меня упрекнуть нельзя. Но я потерял ее... потерял, так сказать, перед лицом закона. Если бы я был свободен, то она бы не отказала мне: так далеко зашли наши отношения; а с ее богатством (вообще-то за ее богатством я не гонюсь) я бы смог

удовлетворить наконец мое благородное честолюбие, какой возможности у меня до сих пор не было. И, наверное, никогда, никогда уже не будет.

Мелбери, в чьи ребра стучало сердце самого злого его врага и чья душа горела от негодования, решил спросить хриплым от ненависти голосом, почему тот не надеется осуществить свои честолюбивые помыслы.

— Потому что я несвободен,— ответил не сразу Фитцпирс.— Другая держит меня так крепко, как ты сейчас своей рукой... Я, конечно, не жалею, наоборот, я очень благодарен тебе... Где это мы едем? До дому еще далеко? До дому! И это мой дом! Когда я мог бы назвать своим совсем другой дом! — и Фитцпирс пьяно махнул рукой в сторону Хинток-хауса.— Если бы я подождал всего каких-то два месяца... Если бы я первой увидел ее...

При этих словах Мелбери хорошенько потрянул зятя.

— Что это ты делаешь? — продолжал Фитцпирс.— Сиди смирно или ссади меня. Так вот, всего каких-то два месяца — и я лишился ее. Вот почему я в таком отчаянии. Все для меня потеряно теперь в этом мире, все... Если, конечно, судьба не сжалится надо мной и с той, другой что-нибудь не приключится. Она в общем-то милая, но если бы с ней что случилось, — а я слышал, что она захворала, — если бы что случилось, то я получил бы свободу, а с ней счастье и блестящее будущее!

Это было последнее, что сказал Фитцпирс, сидя на лошади впереди разъяренного лесоторговца. Не в силах дольше сдерживать себя, Мелбери перестал поддерживать зятя и освободившейся рукой схватил его за шиворот.

— Ты — бессердечный негодяй! И это после всего, что мы сделали для тебя! — воскликнул Мелбери, у которого от возмущения дрожали губы.— Ведь ты живешь на ее деньги, в ее доме! Подумай, что ты мне сказал сейчас, мне, Джорджу Мелбери, ее отцу!

Эти слова сопровождались энергичным взмахом руки, и злосчастный молодой человек полетел головой вперед на дорогу, рухнув на кучу листьев, которая лежала здесь с зимы. Любимая прошла несколько шагов и остановилась.

— Господи, прости меня! — прошептал Мелбери, раскаиваясь в содеянном.— Он слишком долго испытывал мое терпение, и я, наверное, убил его.

Мелбери повернулся в седле посмотреть, куда упал Фитцпирс. К своему удивлению, он увидел, как тот поспешно поднялся на ноги, точно совсем не ушибся, и быстро зашагал в лес. Скоро шаги его стихли в густой чаще.

— Если бы не охапка листьев, на которую он упал по милости провидения, то быть бы сегодня смертоубийству,— проговорил с облегчением лесоторговец. Но, вспомнив последние слова Фитцпирса, опять пришел в сильнейшую ярость

и чуть ли не пожалел, что не отправил Фитцпирса к праотцам.

Проехав еще немного, он разглядел в кустах Блоссом. Соскочив с Любимой, Мелбери без особого труда поймал молодого коня, который явно чувствовал себя виноватым, привязал обоих лошадей к дереву и пошел в лес искать зятя, раскаиваясь уже, что обошелся с ним несколько более сурово, чем намеревался. Он исходил лес вдоль и поперек, вороша ботинками сухие скрюченные рожки, бывшие когда-то листьями. Наконец остановился послушать и осмотреться. Ветер, точно сквозь фильтр, просачивался сквозь переплетение тонких оголенных веток; огромные черные стволы и сучья отпечатывали на бледном небе часовых под ружьем, гигантские канделябры, пики, копыя, алебарды, — словом, чего только не разглядело бы там богатое воображение. Отказавшись от поисков, Мелбери вернулся к привязанным лошадям и медленно, держа их в поводу, двинулся домой.

Так случилось, что в то самое время, как Фитцпирс ехал на Блоссоме домой, из Большого Хинтока в Малый возвращался один местный мальчишка. Он ходил к шорнику за отданным в починку хомутом, который требовался к пяти часам утра. Мальчишка шел короткой дорогой через лес и, просунув голову в хомут, насвистывал единственную известную ему песенку, чтобы не было страшно.

Вдруг он услышал позади себя довольно частый конский топот и, не зная, друг это или враг, осторожности ради перестал свистеть и сошел с дороги в лес, чтобы переждать, пока всадник проедет мимо; скоро он увидел бледный силуэт коня, приближавшийся, как привидение, и, с ужасом вспомнив Смерть из Апокалипсиса, прислонил хомут к дереву, а сам притаился за ним. Всадник приближался; глаза у мальчишки были зоркие, как у кошки, и скоро, вздохнув с облегчением, он узнал во всаднике доктора.

Как Мелбери и предполагал, Фитцпирс в темноте перепутал лошадей и, неспешно труся по лесной дороге, пребывал в полной уверенности, что под ним Любимая, хотя минутами необычная резвость всегда спокойной лошадки несколько его удивляла. Между тем Блоссом, отличавшийся не менее острым зрением, чем мальчишка, заметил впереди под деревом какой-то странный предмет (это был уже известный нам хомут) и с присущей животным нелюбовью ко всему непонятному вдруг взбрыкнул задними ногами (Любимая на его месте и ухом бы не повела), так что Фитцпирс, будучи весьма посредственным наездником, вылетел из седла.

Он оставался лежать неподвижно, покуда подоспевший Мелбери не влил ему в рот несколько капель рому. Мальчишка же, бросив доктора на произвол судьбы, помчался что есть духу прочь от этого проклятого места, заглушив укоры совести тем соображением, что надо немедленно оповестить односельчан о

несчастье. Ворвавшись в деревню, он тут же растрюбил о падении доктора, приукрасив этот сам по себе сухой факт самыми драматическими подробностями.

Грейс вернулась; экипаж, нанятый для нее отцом, был после расчета с возницей отпущен. Многочасовое путешествие несколько ободрило Грейс: болезнь ее была нервной лихорадкой, недугом скорее души, нежели тела, и она поднялась к себе в гостиную в более спокойном настроении. Миссис Мелбери, встретив Грейс, сразу же сообщила ей, что муж ее вернулся из Лондона, но тотчас уехал, по-видимому, к пациенту и должен скоро вернуться, добавила она, поскольку не пил чаю и не ужинал. Грейс ничего не ответила; она запретила себе пускаться в догадки, где может быть сейчас ее муж; а мачеха не стала ей говорить, что миссис Чармонд, по слухам, в большой печали и, кажется, собирается за границу.

Грейс сидела возле огня в молчаливом ожидании. Она уехала из Хинтока, почувствовав после признания миссис Чармонд непреодолимое отвращение к мужу и не желая, чтобы он, вернувшись, застал ее дома. Но, обдумав все хорошенько еще раз, она позволила отцу уговорить себя и увезти домой. А теперь даже жалела немного, что Эдрид вернулся в ее отсутствие.

Вдруг в гостиную, запыхавшаяся и расстроенная, поспешно вошла миссис Мелбери.

— Я должна тебе что-то сказать... плохие вести,— начала она.— Только не волнуйся, все еще, может быть, обойдется. Эдрида сбросила лошадь. Но, даст бог, он не очень сильно зашибся. Это случилось в лесу, по ту сторону Марш-комской долины. Место там, говорят, нечистое.

И она рассказала в нескольких словах, что произошло, опустив самые ужасные подробности, созданные живым воображением подростка.

— Я решила, что лучше тебе сразу сказать,— прибавила она.— Вдруг его... вдруг он не сможет идти и его принесут.

В действительности же миссис Мелбери думала, что дело обстоит гораздо хуже, и Грейс это поняла сразу. Несколько минут она сидела задумавшись. Миссис Мелбери спросила, не надо ли что-нибудь сделать. Грейс отрицательно покачала головой.

— Хотя нет,— сказала она.— Пойди, пожалуйста, в спальню и посмотри, все ли готово на случай, если ему совсем плохо.

Миссис Мелбери позвала бабушку Оливер, и обе женщины поднялись в спальню, чтобы по собственному разумению приготовить все к возвращению хозяина.

В первом этаже дома никого не осталось. Прошло немного времени, как вдруг Грейс услышала стук в дверь — постучали только один раз и так тихо, что в спальне стука не слышали.

Грейс вышла на площадку лестницы и сказала тихо:

— Войдите.

Входная дверь, как и в других домах Хинтока, не запиралась. Отступив в темноту широкого коридора, она увидела, что по лестнице поднимается женская фигурка; сперва Грейс не разглядела, кто это, но, услышав голос, полный тревоги и горя, тотчас узнала Сьюк Дэмсон. Полоса света из приоткрытой двери в комнату Грейс упала на лицо молодой женщины: оно было бледное и осунувшееся.

— О мисс Мелбери, то бишь миссис Фитцпирс! — воскликнула Сьюк, заламывая руки. — Такое ужасное известие! Он умер? Сильно ушибся? Скажите мне, ради бога, правду! Пожалуйста, простите меня, мисс Мелбери, то бишь миссис Фитцпирс, за то, что я пришла к вам. Я не могла оставаться дома!

Грейс опустила на дубовый сундук, стоявший в коридоре, и прижала ладони к горящему лицу. Разве не должна она выпроводить сейчас же Сьюк Дэмсон из своего дома? Каждую минуту могут внести ее мужа, и что тогда будет? Но разве хватит у нее духа велеть уйти этой женщине, чья скорбь так искренна и глубока?

Около минуты на лестнице царила мертвая тишина.

— Почему вы не отвечаете мне? Он здесь? Жив? Если нет, почему мне нельзя увидеть его? Что в этом дурного?

Не успела Грейс ответить, как снаружи послышались еще чьи-то шаги, легкие, как у лани. Кто-то торопливо постучал в дверь, точно ему некогда было искать молоточек. Не ожидая ответа, руководствуясь, по-видимому, косою полоской света на площадке, новый пришелец стал быстро подниматься по лестнице. Сердце Грейс заколотилось, когда она узнала в гостье миссис Чармонд. В полумраке лестницы фигура Грейс была хорошо различима, и миссис Чармонд подошла к ней.

— На мой стук никто не ответил внизу, — проговорила она, и Грейс почудилось, что она слышит шуршание ее пересохших губ. Дыхание миссис Чармонд прерывалось, казалось, она вот-вот упадет без чувств. — Что с ним? Он будет жить? Я хочу знать всю правду!

Она умоляюще глядела на Грейс, не замечая бедняжки Сьюк, забившейся в испуге и изумлении в самый темный угол при появлении на сцене столь важной персоны. Маленькие ножки Фелис были все в грязи: она ничего не замечала.

— До меня дошли слухи о страшном несчастье, — продолжала она. — И я пришла узнать, правда ли это. Он расшибся насмерть?

— Она не хочет говорить с нами! Он умирает! Он в той комнате! — вдруг не помня себя вскричала Сьюк: она услышала шум в спальне, находившейся в конце коридора, где сейчас были миссис Мелбери и бабушка Оливер.

— Где? — спросила миссис Чармонд.

Сьюк махнула рукой, и миссис Чармонд бросилась было в указанном направлении. Грейс преградила ей дорогу.

— Его там нет,— сказала Грейс.— Я точно так же, как и вы, не знаю, где он. О несчастье мне рассказали. Но все не так страшно, как вы думаете. До вас дошли преувеличенные слухи.

— Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего. Я должна все знать,— проговорила миссис Чармонд, недоверчиво глядя на Грейс.

— Вы будете знать все, что известно мне самой. Вы ведь имеете неоспоримое право войти к нему в спальню... Вы обе,— прибавила Грейс, не упустив возможности уколоть соперниц, чего те в смятении чувств не заметили.

Дойдя до двери спальни, Грейс широко распахнула ее.

— Мы все его жены, и мы войдем вместе... Повторяю, я слышала, что случившееся не так страшно. Что именно произошло, можно только гадать. И я из простого человеколюбия молю бога, чтобы все окончилось счастливо. Вы, вероятно, молитесь о том же по иной причине.

Она смотрела на стоявших рядом с ней в этой тускло освещенной комнате у пустой кровати Фитцпирса двух убитых горем женщин, которые не отрывали глаз от его постели и пижамы, сложенной на подушке, не отвечая на ее колкости, не замечая ее настроения. И вдруг душу Грейс, точно траву росой, подернуло жалостью.

С точки зрения общепринятой морали язвительность ее в разговоре с миссис Чармонд и Сьюк была вполне понятна. Но мораль — одно, а жизнь другое. Грейс весь день «подвергала себя ранам и обличениям», как певец псалма Асафа; но не провинилась ли она перед родом своим, произнеся злые слова, чтобы облегчить душу, чего тот певец не совершил?

— Он, наверное, при смерти! — воскликнула Сьюк Дэмсон, прижимая фартук к глазам.

В их лицах и позах было столько тревоги, скорби сердца и любви к человеку, который не только не принес им счастья, но никогда не вел себя иначе, как эгоист! Но даже сейчас они с радостью отдали бы за него полжизни. Возможное несчастье с Фитцпирсом не могло исторгнуть слезы из глаз Грейс, а сейчас она плакала, глядя на этих женщин, которые были так же близки ему, как и она, не будучи связаны с ним узами брака.

Заплакала и Фелис, слезы текли и текли по ее лицу, она не вытирала их. Так и стояли эти три женщины у пустой постели Фитцпирса, жалея друг друга, как вдруг за окном послышался конский топот и следом громкий голос Мелбери, зовущий конюха.

Грейс тотчас опаматовалась и бросилась вниз по лестнице навстречу отцу, который шел уже по двору к дому.

— Отец! Что с ним случилось? — воскликнула она.

— С кем? С Эдридом? — спросил сухо Мелбери.— Что с ним могло случиться? Ровным счетом ничего. Ты-то как,

моя голубка? О, да тебе, я вижу, гораздо лучше! Но ты не должна выбегать раздетая на холод.

— Его сбросила лошадь!

— Знаю, знаю. Сам видел. Он поднялся на ноги и пошел в лес как ни в чем не бывало. Падение на кучу листьев не может причинить большого вреда такому крепкому парню. Пошел он в лес,— прибавил многозначительно Мелбери.— Видно, решил поискать лошадь. Я отправился было за ним, но он как сквозь землю провалился. Ища его, я наткнулся на Блоссома и привел домой, чтобы не потерялся. Так что ему придется идти домой пешком. А ты ступай сейчас же в дом, не стой на таком холоде!

Грейс вернулась домой с отцом. Поднявшись в свои комнаты, она, к огромному облегчению, обнаружила, что обе пассивности ее супруга тихонько удалились. Они, по всей вероятности, слышали слова лесоторговца и ушли в значительной степени успокоенные.

Скоро к Грейс поднялись отец с мачехой и стали развлекать ее, как могли. Заметив, однако, что дочь предпочитает остаться одна, они под каким-то предлогом ее покинули.

Грейс стала ждать. Время от времени били часы, а муж все не возвращался. Перед сном Мелбери опять поднялся навестить дочь.

— Ложись спать,— сказала ему Грейс, чуть только он вошел.— Я совсем не устала и подожду его.

— Думаю, ты напрасно его прождешь, Грейс,— медленно проговорил Мелбери.

— Почему?

— Мы с ним крепко поссорились. И я думаю, что он сегодня не вернется.

— Поссорились? Уже после того, как его сбросила лошадь?

Мелбери кивнул, не отрывая взгляда от свечи.

— Да,— ответил он,— когда мы с ним вместе возвращались домой.

Слушая отца, Грейс чувствовала, как в ней закипает обида и негодование.

— Зачем ты ссорился с ним? — вдруг воскликнула она.— Почему не привез его мирно домой, раз он ехал сюда. Он мой муж. И если уж ты выдал меня за него, так зачем теперь все осложнять? То ты требуешь, чтобы я помирилась с ним, а то делаешь все, чтобы разлучить нас, хотя между нами и так пропасть.

— Как ты несправедлива, Грейс! — сказал Мелбери, вконец расстроенный.— Я все делаю, чтобы разлучить вас?! Ты не думаешь, что говоришь...

Он хотел было пересказать ей все, что слышал сегодня от Фитцприса, объяснить, что причиной случившегося были

единственно его возмутительные речи, оскорбляющие Грейс; но подумал, что это больно заденет дочь, и промолчал.

— Ложись лучше спать,— мягко сказал он ей.— Покойной ночи.

Весь дом уснул, тишина опустилась на усадьбу, только изредка слышался скрип уздечки в конюшне. Несмотря на уговоры отца, Грейс так и не заснула. Она ждала, но Фитцпирс не возвращался.

Грейс пережила в ту ночь тяжелый духовный кризис. Она много думала о муже, позабыв на время об Уинтерборне.

— Как сильно, должно быть, любят Фитцпирса эти несчастные женщины! Каким привлекательным он кажется для всех! Но он ведь и в самом деле привлекателен,— говорила себе Грейс.

Если бы Фитцпирс взглянул сейчас ласково на жену, то эти мысли Грейс, родившиеся под влиянием встречи с соперницами, обернулись бы, по всей вероятности, нежным чувством. Любовь птицей рвалась из сердца Грейс и жадно тосковала по гнезду.

Но Фитцпирс так и не вернулся в ту ночь. Мелбери заблуждался относительно истинного состояния зятя. Люди не падают головой оземь без вреда для себя. Если бы Мелбери имел возможность поближе увидеть Фитцпирса, он бы заметил, что тот удаляется в лес, истекая кровью. Не пройдя и пятидесяти шагов, он почувствовал дурноту, поднял руки к голове, зашатался и рухнул на землю.

ГЛАВА XXXVI

Не одна Грейс провела эту ночь в думах и ожидании. Фелис Чармонд не легла спать в урочный час; она сидела возле комода гостиной в просторном пустом доме, погруженная в глубокое раздумье, как и Грейс в своей маленькой гостиной в доме отца.

Услыхав на лестнице успокоительное известие из уст Мелбери и почувствовав большое облегчение, миссис Чармонд тотчас вспомнила о приличиях, поспешно сбежала по ступенькам вниз и исчезла в дверях, как привидение: прячась в тени стены, она достигла ворот, через которые и удалилась, никем не замеченная, не успели еще Грейс с отцом вернуться в дом. Сьюк Дэмсон решила, что самое лучшее последовать примеру благородной дамы, спустилась по черной лестнице так же поспешно, как Фелис по парадной, выскочила из дому через боковую дверь и была такова.

Очутившись за воротами усадьбы Мелбери, миссис Чармонд побежала домой со всей быстротой, на какую были способны ее ноги, ни разу не остановившись и не повернув головы. Она вошла в дом, как и вышла из него,— через стеклянную

дверь гостиной. В доме все было, как до ее ухода: она отсутствовала три четверти часа, и никто из домочадцев не успел ее хватиться. Усталая физически, но в душевном возбуждении, села она перед камином; сердце бешено колотилось в груди, и она глядела широко раскрытыми глазами на огонь, не переставая изумляться своему поступку.

Любовь и страх предательски толкнули ее в дом Грейс, и теперь, когда тревога за Фитцпирса улеглась, она с сокрушением думала о проявленной слабости. Вот как начала она бороться со своей страстной к нему привязанностью! Признавши перед собой и Грейс непозволительность своего увлечения, она тем не менее проявила полное бессилие справиться с ним.

Если бы только небо могло укрепить ее, но на небо плохая надежда! Одно было несомненно: если она действительно хочет победить соблазн, она должна покинуть Хинток. Борьба слишком безнадежна, слишком изнурительна. Это была медленная капитуляция совести перед тем, что она не смела назвать.

Мало-помалу Фелис стала проникаться непреклонной решимостью вести себя впредь более мудро. Это была реакция после всех ее страхов, следствие уверенности, что возлюбленный ее цел и невредим. В эти минуты она была, говоря словами миссис Элизабет Монтегю, «благоразумна до безумия». Она видела единственный выход в немедленном отъезде и, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, соскочила с кресла и принялась собирать свои мелкие вещицы, разбросанные здесь и там по комнате.

Фелис ходила в гостиной от столика к столику, как вдруг услышала легкий шорох за дверью и остановилась. Кто-то тихонок стучал в стекло. Щеки миссис Чармонд вспыхнули. Он и прежде приходил к этой двери. Но как он осмелился прийти сейчас! Все слуги в доме спали, она тоже должна быть в постели! Фелис вспомнила, что, войдя в дом с веранды, неплотно задернула штору, так что из комнаты на газон падала полоска света, выдававшая ее присутствие запоздалому пришельцу. Даже вещи, казалось, сговорились помешать ей сдержать слово, данное Грейс.

Стук повторился, он был такой легкий, точно птичка клювом постукала в стекло; объявленные вне закона чувства одержали верх над благоразумием, и миссис Чармонд подошла к окну с твердой решимостью, однако, покачать отрицательно головой и плотно задернуть штору.

То, что она увидела за окном, могло поразить ужасом и более мужественное сердце, чем сердце беззащитной женщины, одиноко коротающей ночь. В центре нижнего квадрата двери к стеклу прижималось чье-то лицо, в котором она с трудом узнала лицо Фитцпирса. Смертельно бледное, покрытое кровью, оно пятном выделялось в черноте ночи. Испуганными глазами смотрела она на это лицо, которое показалось ей ликом с платка святой Вероники.

Губы Фитцпирса зашевелились, он о чем-то молил ее. Миссис Чармонд мгновенно представила себе события, предшествующие этому печальному исходу. Дрожащей рукой отворила она створку двери, наклонилась к скорчившейся фигуре Фитцпирса и со страстной тревогой прижалась своей щекой к его. Потом, не сказав ни слова, она помогла ему войти в комнату, вернее, чуть не внесла его на руках.

Поспешно заперев двери и задернув шторы, она, почти не дыша, наклонилась над ним.

— Как это случилось? Ты очень, очень сильно ушибся? — прошептала она.

— Довольно сильно, только ты не пугайся,— проговорил он с трудом, пытаясь принять более удобную позу.— Немного воды, пожалуйста.

Миссис Чармонд бросилась в столовую и принесла графин с водой. Фитцпирс жадно выпил стакан. Ему стало легче, и он смог с ее помощью добраться до софы и лечь.

— Тебе очень плохо, Эдрид? — говорила миссис Чармонд.— Скажи мне.

— Я едва жив,— прошептал Фитцпирс.— Но все, наверное, обойдется... Это от потери крови.

— Но я слышала, что ты не так сильно ушибся,— сказала миссис Чармонд.— Как это произошло?

— Это сделал мой тесть, Фелис! Я чуть не на четвереньках полз больше мили. Думал, не дотяну... Я пришел к тебе потому, что ты — мой единственный друг на всем свете. И я никогда больше не вернусь в Хинток под крышу Мелбери, никогда! Нет, ни мак, ни мандрагора не исцелят моей ненависти... Только бы мне поправиться...

— Давай, Эдрид, я перевяжу тебе голову. Я вижу, тебе чуть полегче.

— Перевяжи. Хотя нет, подожди немного. Кровотечение, к счастью, остановилось, а то бы меня уже в живых не было. Еще в лесу, в кромешной тьме, мне удалось наложить жгут из носового платка и нескольких полупенсов... Послушай, Фелис, не могла бы ты спрятать меня в своем доме, пока я не встану на ноги? Что угодно, но я не покажусь больше в Хинтоке. Практика моя почти совсем иссякла, ты это знаешь. А после того, что произошло, я просто не хочу возобновлять ее.

Слезы, не переставая, текли по лицу Фелис. Куда девалось ее намерение расстаться с Фитцпирсом навсегда? Ее единственным желанием было теперь ухаживать за ним, пестовать его, пока он болен, всеми покинут и в нищете. Во-первых, надо было спрятать его. Она стала думать куда — и придумала.

Фелис дала ему выпить немного вина, которое принесла из столовой. Затем разудала его. Теперь он мог, опираясь на ее плечо и на палку, немного пройти. Так они вышли из комнаты и стали медленно подниматься по лестнице. Наверху они вышли на галерею, отдохнули немного и добрались наконец до узкой

лестнички, которая привела их в самый глухой и отдаленный угол дома. Фелис отперла дверь: это был большой чулан, где находилась всевозможная старая мебель; среди этого нагромождения, застилающего свет из окон, было много закутков и тайных местечек, надежно укрывающих от постороннего взгляда, даже если заглянуть в дверь. Мебель эта по большей части принадлежала прежнему владельцу: покойный мистер Чармонд купил ее на аукционе; но прихоти моды, а также вкусы молодой жены послужили причиной ссылки ее на чердак.

Фитцпирс опустился на пол, прислонившись к стене, пока Фелис ходила за тюфяком и одеялом и устраивала ему на полу постель в одном из закутков. Потом она принесла таз с водой, смыла засохшую кровь с его рук и лица. Устроив Фитцпирса как можно удобнее, — он полулежал, откинувшись на высокие подушки, — Фелис пошла в буфетную за едой. Пока он ел, она смотрела на его лицо, следила за каждым его движением с такой тревогой, с такой добротой и любовью, как может смотреть только любящая женщина.

Скоро он почувствовал себя гораздо лучше и был в состоянии обсудить с ней свое положение.

— То, что я сказал Мелбери, может действительно привести в ярость любого, если это, конечно, сказано с умыслом. И адресовано тому, кто слушает. Но ведь я не узнал его, да к тому же голова у меня пошла кругом от той гадости, которую он дал мне хлебнуть... Завеса в храме разодралась надвое... Я не вернусь больше в Хинток, и поэтому первое, что я должен сделать, это рассеять беспокойство, вызванное моим исчезновением, я не хочу, чтобы меня искали. Никто не должен знать о моем состоянии. Иначе пойдут всякие толки. Я должен

немедленно написать письмо, чтобы предотвратить поиски. Не можешь ли ты сейчас же принести мне бумаги и чернила? Я не буду спокойно спать, если не напишу этого письма. Бедняжка! Сколько приходится тебе ходить вверх-вниз из-за меня.

Миссис Чармонд принесла все, что Фитцпирс просил, подложила ему под листок бювар, и он скоро набросал коротенькое письмо своей законной супруге.

«Враждебность, проявленная по отношению ко мне твоим отцом,— писал он в своем ледяном послании,— такова, что я не могу вернуться под крышу, которая принадлежит ему, хотя бы даже под этой крышей жила ты. Разлука неизбежна, поскольку ты, несомненно, примешь его сторону. Я уезжаю очень далеко. Не жди меня скоро».

Затем он отдал Грейс несколько распоряжений, касающихся его практики и других хозяйственных дел, и закончил письмо, не обмолвившись ни словом, куда едет и когда вернется. Прежде чем запечатать конверт, он предложил Фелис прочитать письмо, но она не могла ни видеть его, ни слышать о нем,— эта сторона жизни Фитцпирса и связанные с ней обязательства были для нее источником невыразимого страдания. Она отвернулась от Фитцпирса и горько разрыдалась.

— Если бы ты могла отправить письмо из какого-нибудь другого места, подальше от Хинтока,— прошептал Фитцпирс, снова почувствовавший себя хуже,— из Шотсфорда, или Порт-Бредли, а еще лучше из Бедмута, то ни у кого не возникло бы и подозрения, что я нашел убежище в твоём доме.

— Я сама поеду в один из этих городов. Я сделаю все, чтобы никто ничего не узнал,— проговорила она.

Теперь, когда Фитцпирс был устроен, в голосе ее стали слышны нотки легкого опасения.

Вслушав Фелис, Фитцпирс прибавил, что необходимо сделать еще одну вещь.

— Перелезая через ограду вокруг газона перед верандой, я испачкал ее кровью. Красные пятна отчетливо видны на белой краске. Даже в темноте. Ты не могла бы, Фелис, пойти туда и смыть их? Это очень важно.

Чего не сделает женщина в такие исключительные минуты самоотречения? Хотя она уже очень устала, она опять спустилась по крутым ступенькам вниз, нашла фонарь, зажгла его и прикрыла полой; взяла губку, смочила ее, выжала и вышла из дому в сад. Белая ограда ясно выделялась в темноте; луч фонаря, блеснувший из-под полы, упал на пятна крови — они были как раз там, где он сказал. Миссис Чармонд содрогнулась. Слишком много испытаний выпало на ее долю в тот день; нетвердой рукой стерла она кровь и вернулась в дом.

Все случившееся заняло около двух часов. Поправив постель Фитцпирса, поцеловав его и положив под руку все, что ему могло понадобиться, Фелис ушла, плотно затворив за собой дверь.

ГЛАВА XXXVII

Письмо, которое Грейс получила от мужа, было отправлено, судя по штемпелю на конверте, из весьма отдаленного места, и ей в голову не пришло, что Фитцпирс, больной и беспомощный, находится всего в одной миле от нее. Грейс почувствовала облегчение оттого, что муж ее довольно спокойно писал о ссоре с отцом, каковы бы ни были причины, вызвавшие ее; однако общая холодность тона погасила ту искорку, которая последнее время затеплилась было в ее сердце.

В Хинтоке очень скоро стало известно об отъезде Фитцпирса, а так как никто, кроме домашних Грейс, не знал, что в ночь падения с лошади он не возвращался домой, то его отъезд не вызвал никаких пересудов в деревне.

Наступил май. Однажды поздно вечером, в конце первой половины месяца, плотно закутанная фигура с костылем в одной руке и палкой в другой выползла из Хинток-хауса, пересекла лужайку перед домом и исчезла среди деревьев. Никто, кроме ночных птиц и лесных тварей, не видел, как таинственный путник медленно и с трудом пробирался по лесу и как вышел наконец на шоссе, держа путь к ближайшему перекрестку.

Внешность его была так преображена, что и собственная жена не могла бы его узнать. Фелис Чармонд была большая искусница по этой части (что, впрочем, неудивительно), но на сей раз она превзошла себя, использовав для маскарада залежавшиеся на чердаке атрибуты своей прежней профессии.

На шоссе Фитцпирса подобрал крытый экипаж, доставивший его в Шертон-Аббас, откуда он отправился в ближайший порт на южном побережье и, не задерживаясь ни на один день, пересек Ла-Манш.

А спустя три дня после того, как Фитцпирс покинул Хинток-хаус, стало известно, что миссис Чармонд отправилась наконец в столь долго откладываемое путешествие, чтобы поселиться на неопределенный срок где-нибудь за границей. Она покинула Хинток ранним утром, стараясь не привлечь ничего внимания и не взяв с собой горничной. Тетке она объяснила, что в одном из городков, лежащих на ее пути, ее будет ждать новая горничная, только что нанятая. Хинток-хаус, так часто пустовавший, опять остался без хозяина, и в одном из его окон появилось объявление о сдаче внаем. Лето еще не успело сменить весну, а до Хинтока дошли вполне достоверные слухи, что миссис Чармонд и Фитцпирс вместе живут в Бадене и отношения между ними ни у кого не вызывают сомнений. Таким образом, любопытство, мучившее честных хинтокцев всю зиму, было сразу и полностью удовлетворено.

Отец и дочь вступили в Долину Унижения. Отец страдал сильнее. Дух его был сломлен.

Но раз в неделю, согласно заведенному порядку, он продолжал ездить на ярмарку; и однажды, проходя мимо кабака,— походка его выдавала убитого горем человека,— он услышал, как кто-то окликнул его по имени. Голос был знакомый. Мелбери обернулся и увидел некоего Фреда Бокока, бывшего когда-то местным щеголем и подававшим надежды стряпчим. Его считали в Шертоне большим докой по части законов; говорили, что адвокатская контора, где он служил клерком, процветает только благодаря его неоспоримым талантам. Но потом Бокко вдруг покотился по наклонной плоскости. Имея приятный голос, он был завсегдаем на званных обедах горожан и сельских праздниках и постепенно стал прикладываться к рюмке чаще, чем того требует здоровье души и тела. Потеряв довольно скоро место, он уехал попытать счастья на стороне, но скоро вернулся домой (как раз во время вышеописанных событий в Хинтоке) и стал промышлять тем, что за смехотворно низкую плату толковал законы своим согражданам. Обычно он занимался этим, сидя за столиком в недрах питейного заведения; профессиональным голосом он требовал перо, чернила и полупенсовый листок бумаги, освобождал на столе местечко среди батареи кружек и стаканов и, придерживая лист одной рукой, другой писал за полкроны завещание для какого-нибудь поселянина. Известно, что идеи, воспринятые в юности, трудно поддаются искоренению, и многие солидные горожане считали, что Фред Бокко и по сей день непревзойденный знаток законов.

Вот этот-то Фред Бокко и окликнул сейчас проходящего мимо Мелбери.

— У вас совсем убитый вид, мистер Мелбери,— начал он, увидев, что лесоторговец обернулся.— Знаю, все знаю. Очень прискорбный случай. Я изучал законы, как вам известно. И кое-что смыслу в подобных делах. И я говорю вам, что миссис Фитцирс можно помочь.

— Как... чем помочь? — воскликнул Мелбери.

— Вышел новый закон. И согласно этому закону,— статья двадцатая и двадцать первая, параграф восемьдесят пятый,— развестись стало так же просто, как и выйти замуж. Не нужен теперь никакой парламентский акт. Новый закон имеет одну силу для всех: для богатых и бедных. Давайте зайдем сюда на минутку. Я как раз иду погреть душу глотком горячего рому. И все вам разъясню.

Это известие как громом поразило Мелбери, который за делами и заботами почти не читал газет. И хотя он был человеком строгих правил и ему претило идти с Фредом Бококом в кабачок (в любом другом случае он ни за что не стал бы слушать советов этой отпетой личности), но такой заманчивой показалась ему перспектива освободить бедняжку Грейс от тяжкого бремени, что он потерял способность здраво судить, и не будучи в состоянии противиться бывшему стряпчему, пошел, куда тот пригласил его.

Они сели за стол и заказали рому,— платил, конечно, Мелбери; Бокок откинулся на высокую спинку скамьи и принял глубокомысленный вид, подобающий в таких случаях юридическому лицу. Он, казалось, не замечал стоявшего перед ним рома, который исчезал, однако, с непостижимой быстротой.

В какой степени новый бракоразводный закон в изложении Бокока был плодом невежества, а в какой — сознательного мошенничества, так никогда и не было впоследствии установлено. Но он так убежденно говорил о том, с какой легкостью Грейс может стать свободной, что отец ее прямо-таки загорелся этой идеей; хотя сам он едва пригубил свой стакан, он не помнил, как вышел из кабака, как добрался до своей двуколки и поехал домой.

Опамятовался он, только подъезжая к дому; голова у него всю дорогу гудела, как колокол. По дороге он встретил Уинтерборна, который с удивлением заметил, что лицо лесоторговца напоминает лик ангела: таким предстал перед синедрионом святой мученик Стефан.

Мелбери соскочил с двуколки и, взяв Уинтерборна под руку, повел к сложным у живой изгороди очищенным от коры дубовым бревнам.

— Джайлс,— начал он, когда оба сели на бревно,— оказывается, существует новый закон. Теперь Грейс очень легко может стать свободной. Я узнал об этом законе случайно. А мог бы еще лет десять ничего о нем не слышать. Грейс, стало быть, совсем просто избавиться от него, ты слышишь, совсем просто. Подумай только, Джайлс.

И он рассказал Уинтерборну все, что узнал о новом законе. Джайлс в ответ только пробормотал что-то.

— Теперь, мой мальчик,— прибавил Мелбери,— она будет твоя, если ты, конечно, этого хочешь.

Голос Мелбери дрожал от волнения, глаза увлажнились, когда он выразил словами давнюю свою мечту.

— Это правда... про новый закон? — спросил Уинтерборн, пораженный известием, предаваясь поочередно то черному сомнению, то бурной радости и не уловив поэтому смысла последних слов Мелбери.

Мелбери ответил, что у него нет ни малейшего сомнения, ибо после разговора с Бококом вспомнил, что не так давно в одной газете сам видел сообщение о новом бракоразводном законе, но в то время это отчаянное средство не интересовало его, и он не придал прочитанному внимания.

— Я не буду тратить ни одного дня,— продолжал он.— И завтра же еду в Лондон, чтобы выяснить все подробности. Бокок едет со мной, мы пойдем к самому лучшему адвокату. В чем, в чем, а в знакомых Бокок разбирается. Единственная его беда — неутолимая жажда. А я помню, когда во всей округе не было лучшего стряпчего, чем он.

Уинтерборн на все речи Мелбери отвечал что-то невнятное. Он не мог вдруг осмыслить возможность такой перемены. В Хинтоке его считали человеком основательным; он продолжал сомневаться не из упрямства, а потому что жизнь научила его не поступать опрометчиво.

— Только вот что,— продолжал лесоторговец; волнения прорезали на его лбу две новые морщины в дополнение к тем, что оставило на его лице время.— Грейс сейчас нездорова. Ничего страшного, как ты знаешь; с той несчастной ночи она все время сама не своя. Но я не сомневаюсь, что она очень скоро поправится... Как-то она там сейчас?

С этими словами Мелбери поспешно вскочил на ноги, точно его взяло раскаяние, что, увлекшись мечтами о будущем дочери, он про нее-то и забыл.

В садах уже протянулись вечерние тени. Старые друзья двинулись к дому лесоторговца; Джайлс несколько поотстал: Мелбери, окрыленный возможной переменой в судьбе дочери, ног под собой не чуял. Уинтерборн же испытывал смущение от предстоящей встречи с Грейс,— отец ее, несомненно, будет теперь обращаться с ним, как с женихом, хотя, в сущности, ничего пока не изменилось. Мелбери очертя голову бросился туда, где и ангелам боязно ступить.

Очень скоро, однако, их радужное настроение омрачилось. Поднявшись вслед за Мелбери на крыльцо, Уинтерборн услышал встревоженный голос бабушки Оливер; она сообщила Мелбери, что состояние миссис Фитцпирс с утра ухудшилось. Старый доктор Джонс оказался поблизости, его тотчас позвали, и он велел немедленно уложить Грейс в постель. Болезнь ее, по общему мнению, не представляла опасности; это был приступ нервной лихорадки, последствие недавних событий; и, без сомнения, через несколько дней все должно было пройти без следа.

Уинтерборн поэтому не вошел в дом, и его надежда повидать в тот день Грейс не сбылась.

Даже болезнь Грейс не сильно огорчила Мелбери. Здоровье у дочери, говорил он всем, крепкое, единственная причина недуга — несчастная семейная жизнь. Став свободной, она расцветет, как прежде. Мелбери не ошибся в диагнозе, родители, впрочем, редко ошибаются в подобных случаях.

На следующий день Мелбери отправился в Лондон; доктор Джонс заходил еще раз и уверил его, что он может ехать со спокойным сердцем; тем более что цель его поездки — самое целительное для нее лекарство.

Через день-другой после отъезда Мелбери по Хинтоку поползли слухи, что в лесу кто-то нашел шляпу мистера Фитцпирса. Слухи оказались верными, и вечером шляпу принесли в дом лесоторговца. Шляпа эта, к несчастью, попала на глаза Грейс. Она пролежала в лесу с того дня, как Фитцпирс упал с лошади, но вид у нее был столь аккуратный,— летняя погода и лиственный покров отлично сохранили ее,— что Грейс не

могла в это поверить. Такого пустяка было достаточно, чтобы возбудить большое воображение: она стала со страхом думать, что Фитцпирс, наверное, вернулся, что он вот-вот появится в доме, и нервная лихорадка вспыхнула с такой силой, что доктор Джонс сразу посерьезнел, а весь дом впал в беспокое-ство.

Было начало июня; кукушки умолкали об эту пору только на два ночных часа. Крик этой птицы, знакомый с детства, теперь был для Грейс настоящей пыткой. В пятницу, через день после отъезда Мелбери и на другой день после того, как нашли злополучную шляпу, кукушка закуковала в два часа утра чуть не под самым окном Грейс.

— Это он, он приехал,— вскричала, не помня себя, бед-няжка Грейс и соскочила с постели на пол.

Эти приступы страха продолжались до полудня. Пришел доктор Джонс, осмотрел больную, поговорил с миссис Мелбери, сел и задумался. Было совершенно необходимо снять это состояние страха у Грейс. И доктор Джонс размышлял, как это лучше сделать.

Не сказав ни слова никому из домашних Мелбери, даже потерявшему покой Уинтерборну, ожидавшему за воротами усадьбы, доктор Джонс поехал домой и написал Мелбери в Лондон по адресу, взятому у его жены. В письме доктор пи-сал, что надо немедленно сообщить миссис Фитцпирс о шагах, предпринятых для ее освобождения от пут, ставших для нее пыткой; надо внушить ей, что она скоро будет свободна и что уже сейчас может считаться таковой. «Если вы немед-ля все это напишете ей, вы отвратите тем самым большое несчастье».

В субботу доктор опять наведлся в Хинток и с таинст-венным видом заверил Грейс, что через день-другой она получит хорошее известие.

Так и случилось. В воскресенье утром Грейс пришло от отца письмо. Почтальон принес его в семь часов утра, с утрен-ней почтой. Грейс проснулась в восемь, на удивление проспав часом дольше, чем спала последние дни. Миссис Мелбери тот-час подала ей письмо.

— Ты сама его распечатаешь?

— Да, да,— воскликнула слабым голосом Грейс, проявляя, однако, явное нетерпение.

Она разорвала конверт, развернула листок и стала читать; по ее бледным щекам и шее пополз румянец.

Ее отец решил на смелый шаг. Он написал Грейс, что ей нечего больше бояться возвращения Фитцпирса, что очень скоро она будет свободна и что если она хочет стать женой другого человека, который с детства был ее другом,— а Мелбери считал, что Грейс хочет этого, поскольку сам теперь только об этом и думал,— то никаких препятствий больше нет. Мелбе-ри верил в то, что писал. Единственным отступлением от истины

было сообщение, что юридические формальности, необходимые для расторжения брака, уже почти все соблюдены.

Получив письмо доктора, бедный Мелбери встревожился до такой степени, что готов был немедленно ехать домой. Немалого труда стоило Бококу уговорить его остаться. Какой смысл мчаться сломя голову обратно в Хинток? — сказал он лесоторговцу. Единственное, что может исцелить Грейс, это известие о том, что она свободна. Хотя они еще не говорили со знаменитым адвокатом, но не сегодня завтра попадут к нему, а случай их, можно сказать, бесспорный. Вот каким образом простак Мелбери, побуждаемый родительской заботой о здоровье дочери, уверениями Бокока, а также отчаянным письмом доктора, решился до окончательного выяснения всех обстоятельств написать дочери, что она больше не связана узами брака.

— Напишите также мистеру Уинтерборну, — посоветовал ему Бокок. Видя, что дело может вернуть ему былую славу, а вместе с тем и многочисленных клиентов, он хотел самых верных гарантий, что Мелбери не остановится на полдороге, если возникнут препятствия. А какая гарантия вернее, чем сердечная склонность Грейс к Уинтерборну? Мелбери сделает все, чтобы любовь его дочери приобрела законное право на существование.

Мелбери, охваченный лихорадочным нетерпением, охотно согласился «подтолкнуть и того и другого», как он сам выразился. Привести в исполнение замысел, который искупил бы его вину, стало у него навязчивой идеей. В письме к дочери он сделал приписку, намекая, что она должна быть внимательнее к Уинтерборну, если не хочет совсем его потерять; Уинтерборну же написал, что счастье его теперь уже совсем близко. Жизнь коротка, философствовал сам с собой Мелбери, старость не за горами; чашу остается только поднести к губам. Надо заново пробудить в сердце Грейс интерес к ее прежнему возлюбленному, чтобы ничто не помешало соединению этих двух сердец, когда все препятствия останутся позади.

ГЛАВА XXXVIII

Письмо Мелбери пробудило в душе Уинтерборна самые противоречивые чувства. Он вдруг осознал, как все разительно переменялось за последнее время. Всего несколько месяцев назад он был чужим для этой семьи; издали смотрел он на Грейс, высокомерную, нарядно одетую, которая была теперь женой молодого, всеми уважаемого доктора и стояла недосягаемо высоко на ступенях социальной лестницы. Это было совсем недавно. Цветы, распустившиеся тогда, еще не отцвели, а горячо любящий отец уже советует ему быть смелее и не мешкая

готовиться к тому дню, когда можно будет просить руки его дочери.

Точно в тумане проплывали перед ним картины прошлого. Как они презирали его тогда, с каким пренебрежением отнесся Мелбери к рождественскому празднику, который он устроил для них. Даже кроткая, нежная Грейс и та свысока смотрела на него, на его скромное хозяйство и на нехитрые приготовления бедного Кридла!

Нет, в это нельзя поверить. Нерушимые оковы брака не могут так легко пасть. Это будет крушение устоев. А новый закон — ведь он что-то значит? Но мыслимое ли дело, чтобы воспитанная, образованная женщина, бывшая замужем за ученым доктором, могла снизить до простого крестьянина? Мог ли он, Джайлс, сделать счастливым такое утонченное создание, каким была Грейс, особенно теперь, когда до нее рукой не достанешь?.. Уинтерборна раздирали сомнения.

Он не был человеком отсталых взглядов, но поспешность — чего так хотел Мелбери — казалась ему неуместной ввиду неопределенности положения Грейс. Он не знал всех тонкостей закона, но понимал, что назваться женихом Грейс, когда она еще не свободна, — чистое безумие и что подобная дикая мысль могла родиться только в воспаленном мозгу Мелбери. Ему было больно видеть, с каким почти мальчишеским энтузиазмом взялся Мелбери за исполнение своего плана. Какими тяжкими должны быть страдания этого старика, что он до такой степени утратил способность трезво мыслить.

Благородство души не позволяло Уинтерборну подумать, что старый друг заискивает в нем, боясь, что развод поставит Грейс в очень странное, двусмысленное положение, а тогда самый плохой муж будет лучше, чем ничего. Он видел, что Мелбери себя не помнит, стараясь поправить почти непоправимое зло, которое сам же причинил, — соединить два сердца, предназначенных друг для друга самой природой. Растаяла холодная отчужденность последних лет. И в ослеплении он забыл о формальной стороне дела. Вот почему Уинтерборн решил, что его долг — не делать поспешных шагов, чтобы не повредить репутации Грейс. Такого явления, как равномерная любовь, не существует в природе: человек любит то сильнее, то меньше; Джайлс, однако, не замечал, чтобы любовь его к Грейс становилась слабее. После замужества Грейс, когда больше не на что было надеяться, он сделал над собой отчаянное усилие, чтобы страсть его сменилась дружеским расположением, но напрасно: Грейс оставалась возлюбленной его сердца.

Прошло больше недели, а от Мелбери не было никаких вестей. Но действие, произведенное его письмом на впечатлительную душу дочери лесов, было таким, как и ожидал старый Джонс. Оно успокоило ее лучше всякого лекарства. Целые сутки проспала она глубоким, спокойным сном. «Новый

закон» представлялся ей таинственным, добрым, всесильным существом, наподобие господа бога, которому ничего не стоит вернуть ей счастливую, беззаботную пору девичества. Теперешнее ее положение приводило ее в отчаяние; она ненавидела не столько человека, причинившего ей зло, сколько самую ситуацию. Какой она была обидной, унижительной, непристойной. Ею Грейс могла забыть, свое положение ни поправить, ни забыть она не могла.

Во время болезни Грейс не видела Уинтерборна, и, вероятно, поэтому ее воображение обрядило его в слишком романтическую тогу, чего не случилось бы, будь он рядом, со всеми слабостями и недостатками, присущими несовершенной человеческой природе. Он возникал в ее памяти то как бог леса, облепленный листьями и зеленым мхом, как тогда, в зарослях орешника, то как бог садов, забрызганный сидром и яблочными семечками, каким она встретила его, когда он возвращался из долины Черного Вереска с сидровым прессом. В глубине души она, как и отец, хотела показать Джайлсу, что он по-прежнему ей мил.

Неужели они будут вместе всю жизнь, не переставала изумляться Грейс. Она знала, что пока это невозможно. Но, свято веря, как и подобает дочери, в здравый смысл и жизненный опыт отца, она вспоминала письмо, в котором он писал, что не худо бы заронить надежду в сердце Уинтерборна, чтобы не потерять его еще раз, и чувствовала, что совет этот ей по душе, если, конечно, следовать ему в границах благопристойности.

Мало-помалу Грейс, превратившаяся в тень за время болезни, стала оживать и наливаясь здоровьем. Щеки ее порозовели, и она уже снова могла, как прежде, совершать далекие прогулки.

Вскоре миссис Мелбери предложила ей для развлечения прокатиться в двуколке на ярмарку в Шертон, куда отправился с хозяйским поручением один из работников отца. Никаких дел у Грейс в Шертоне не было, но она подумала, что может встретить там Уинтерборна, и охотно согласилась.

По дороге в Шертон Уинтерборн не попался ей, но, когда двуколка медленно продвигалась по запруженной народом и экипажами Шип-стрит, Грейс увидела его на тротуаре. И она вдруг вспомнила, как однажды он ждал ее здесь — она тогда только что вернулась из школы — и как нежному свиданию помешала воспитанная в ней чопорность. Сердце у нее защемило. Как проклинала она сейчас благородное воспитание. Вспомнилась и сцена во дворе гостиницы «Эрл-ов-Уэссекс»: Уинтерборн выжимал сок из яблок сидровым прессом, а она, изображая собой прекрасную даму, благосклонно взидала на него сверху.

Грейс велела работнику остановиться, вышла из двуколки и поспешила к своему возлюбленному.

Джайлс не сразу увидел Грейс, а когда увидел, то глаза его засветились сдержанной радостью, а в манерах появилась непринужденность, которой давно уже не было при встречах с Грейс.

Обменявшись несколькими общими фразами, Грейс проговорила со значением:

— Я никуда не спешу, но, может быть, ты очень занят?

— Я? Нет, я не занят ничем. У меня сейчас, в самую рабочую пору, к сожалению, нет никаких дел.

— Ну тогда... Я иду в собор. Пойдем со мной.

Уединиться в соборе — это самый простой способ в Шертоне избавиться от соглядатаев. Разговаривая с Уинтерборном, Грейс чувствовала на себе десятки глаз: значит, время не охладило любопытства, как она надеялась, совсем наоборот. Люди с сочувствием смотрели на покинутую жену, почти ребенка. Их взгляды не были ни оскорбительными, ни навязчивыми, но Грейс все равно было не по себе.

Они бродили по приделам собора, потом присели на скамью. Во всем здании были только они двое. Она смотрела на мраморную плиту над могилой последнего местного барона, и ей в голову не приходило, что Фитцпирс по материнской линии прямой потомок этой вымершей аристократической семьи. Взглянув вверх, на цветные стекла окон, она спросила Уинтерборна, помнит ли он, когда они были в Шертоне последний раз вместе.

Джайлс это хорошо помнил.

— Ты была тогда важной дамой, — ответил он, — прекрасной и недосягаемой. Но, может быть, ты осталась ею и сейчас? Грейс медленно покачала головой.

— Несчастье изменило меня, — проговорила она выразительно. — Я теперь совсем, совсем другая. — Почувствовав, что в ее словах таится смысл, который она не сумела бы объяснить, она поспешно прибавила: — Тебе мой отец писал?

— Да, — ответил Уинтерборн.

Грейс вопросительно взглянула на него.

— Обо мне?

— Да.

Она поняла, что отец в письме просил его не пропускать мимо ушей то, что Грейс по его просьбе должна была сказать ему. Щеки ее вспыхнули, но она тотчас оправилась от смущения, — ведь перед ней был Джайлс, ее старый верный друг, которого она совсем не боялась.

— Он написал мне, чтобы мы поговорили... Ты понимаешь о чем, — продолжал Уинтерборн тихо. Поскольку Грейс сама начала разговор, он вовсе не был расположен ограничиться одним-двумя словами.

Они вместе росли, и между ними было то полное доверие, какое бывает только между друзьями детства.

— Знаешь, Джайлс, — проговорила Грейс самым деловым

тоном,— все это очень хорошо, но сейчас мое положение самое ненормальное, и я пока не могу сказать тебе ничего определенного.

— Да,— отрешенно произнес он и посмотрел на Грейс со странным ощущением новизны.

Он как-то думал, что их возобновившаяся дружба откроет ему новую Грейс. В первый раз за все время он вдруг заметил в ней нечто незнакомое, неожиданное для себя, хотя, по правде говоря, он мог бы ожидать, что она переменится. Перед ним была сейчас не наивная девушка Грейс Мелбери, которую он знал с детства. Конечно, он мог бы давно это заметить, но вот не заметил. Перед ним была миссис Фитцпирс, замужняя дама. Да, Грейс изменилась: сохранив приличествующую ее полу скромность, она утратила милую девическую застенчивость. Уинтерборн понимал, что перемена неизбежна, но до этой встречи она не бросалась в глаза; и на мгновение эта перемена ошеломила его. Дело в том, что с тех пор, как Грейс вышла замуж за Фитцпирса, Уинтерборн ни разу близко не видел ее, не считая короткой встречи на холме Хай-стоу, когда он возвращался с сидровым прессом из долины Черного Вереска; но они так быстро расстались тогда, что Уинтерборн ничего не успел заметить.

Уинтерборн тоже стал другой. По-прежнему мягкий, он, однако, мог теперь критически относиться к Грейс. Прошло время, когда Грейс Мелбери была в его глазах непогрешима, как существо высшего порядка. Он и перемену-то заметил в ней, потому что его отношение к ней изменилось. Ведь перед ним была не близкая, понятная Грейс, а таинственная незнакомка, которую ему еще предстояло узнать; взгляды ее стали шире, она держалась с большим достоинством, с большей уверенностью, чем прежняя Грейс. На первых порах он не мог решить, нравится ли ему эта перемена. Но своя прелесть в этом, во всяком случае, была.

Затянувшееся молчание Джайлса испугало впечатлительную душу Грейс: не таится ли в нем недоброе?

— О чем ты задумался? Какие мысли проложили эти морщинки на лбу? — спросила она.— Я не обидела тебя, сказав, что еще не время серьезно говорить о будущем?

Тронутый искренней любовью, прозвучавшей в этих словах, и глубоко взволнованный, Уинтерборн отвернулся, взяв Грейс за руку. Он уже сожалел, что позволил себе критиковать ее.

— Ты очень хороша, Грейс, очень,— проговорил он глухо.— Ты стала гораздо лучше, чем была.

— Почему?

Он не мог бы ей объяснить почему и ответил, уклончиво улыбаясь, что она стала еще красивее, хотя думал совсем о другом. Он держал ее правую руку своей правой, так что лица их были обращены в разные стороны; видя, что Джайлс не собирается отпускать ее руку, Грейс решила мягко укорить его.

— Мне кажется, мы зашли не дальше, чем дозволено в таких обстоятельствах, и достаточно далеко, чтобы мой бедный отец больше не волновался, не правда ли, Джайлс? Мы ведь с тобой те же, что были. Видишь ли, Джайлс, дело мое еще не кончено, вдруг... представь себе только, что я никогда не получу свободы!.. Возникнет какое-нибудь препятствие, или неостанет какого-нибудь документа?

Грейс побледнела, дыхание у нее оборвалось. До самой последней фразы разговор их был беспечной любовной болтовней. Мрачные события прошлого, еще более мрачное будущее, если хлопоты Мелбери не увенчаются успехом, все было на какой-то миг забыто. Теперь же несчастные обстоятельства снова обступили их, свет и тень заняли подходящие места.

— Но, кажется, дело уже решено,— проговорила Грейс.— Отец пишет, что ему сказал адвокат?

— Пишет, что все в порядке. Случай простой, проще не бывает. Еще, правда, не все оформлено, как полагается по закону. И это естественно.

— Да, конечно! — сказала Грейс и, нахмутив лоб, задумалась.— Но ведь отец написал, что дело почти решено, да? А ты сам что-нибудь знаешь про новый закон?

— Подробно не знаю. Слыхал только, что если муж и жена не ладят, то развестись теперь очень легко. Никакого постановления парламента не надо.

— Они, наверное, просто должны что-нибудь подписать или под присягой рассказать о чем-нибудь?

— Да, наверное.

Сострадательный человек, услышав, как эти две простые души рассуждают об имперском законе, зарыдал бы, знай, какие опасные мечты лелеют они, усыпленные неведением.

Какое-то время оба молчали, как дети при виде чудесного, непостижимого явления.

— Джайлс,— наконец сказала Грейс,— когда я вспоминаю, как серьезно мое положение, то я очень расстраиваюсь. Давай уйдем отсюда. Мы с тобой так долго вместе, это опрометчиво с моей... с нашей стороны. Вдруг кто-нибудь нас увидит?.. Я почти что уверена,— прибавила она с сомнением,— что не должна позволять тебе брать мою руку, ведь документы еще не подписаны и я еще связана ненавистными узами или почти что связана. Мой отец потерял голову. Правда, я ни перед кем не чувствую никаких моральных обязательств, и на моем месте ни одна женщина, имеющая гордость, не чувствовала бы их после всего, что было. Но я хочу, чтобы приличия были соблюдены.

— Да, да, конечно. Но твой отец пишет в письме, что жизнь коротка. И он прав, поэтому я так хочу знать, Грейс, твое теперешнее ко мне отношение. Минутами я чувствую себя, после того как получил это письмо, точно ребенок, который ничего не понимает и всего боится. Если одному из

нас суждено умереть до того, как будут окончены все формальности и ты станешь свободна, если один из нас отойдет в мир иной и мы не воспользуемся этой краткой, минутной, но вполне реальной возможностью, то я, умирая, скажу себе, если это буду я, «правильно ли, что я ни одного раза не поцеловал ее? А я, видит бог, ни разу ее не целовал, хотя она и обещала быть моей; и теперь уже никогда не поцелую». Вот что я подумал бы.

Грейс смотрела, как слова слетают с губ Уинтерборна, точно они были видимы; лицо ее становилось печально; услышав последние слова, она опустила голову.

— Да,— сказала она,— я тоже об этом думаю. Все время думаю, и я совсем не хочу быть сдержанной и холодной с тобой, с моим единственным другом, который столько лет и так преданно любит меня; я не хочу причинять тебе боль, как причиняла когда-то в те бездумные дни. Не хочу! Но могу ли я сейчас позволить тебе... Не слишком ли рано?..

В глазах Грейс от смущения и страха заблестели слезы. Честный Уинтерборн не стал настаивать, видя смятение Грейс.

— Да, ты права,— ответил он, уже раскаиваясь в сказанном.— Лучше подождать, пока все устроится. А что пишет тебе твой отец?

Уинтерборн хотел спросить, в каком положении дело; но Грейс, поняв его по-своему, стала простодушно пересказывать ту часть письма, где Мелбери советовал ей, как вести себя.

— Он пишет... то, что я уже сказала тебе. Рассказать подробнее?

— Нет, конечно, если это секрет.

— Вовсе не секрет. Я перескажу тебе все слово в слово, Джайлс, если ты хочешь. Он пишет, что я должна подать тебе надежду. Вот! Но я не могу пока зйти так далеко, как он этого хочет... Ну, пойдем отсюда,— прибавила Грейс и, мягко высвободив свою руку из его, первая пошла к выходу.

— Я подумал, что не мешало бы пообедать,— сказал Уинтерборн, спускаясь с небес на землю.— Тебе надо обязательно поесть. Пойдем, я знаю здесь такое местечко.

У Грейс за стенами отцовского дома не было во всем свете ни одного друга. Фитцпирс не ввел ее в общество, напротив, живя с ним, она временами чувствовала себя одинокой, как никогда. И ей было приятно ощутить чью-то заботу. Но все-таки она стала сомневаться, благоразумно ли предложение Уинтерборна и не является ли оно следствием его неискушенности. Грейс ласково сказала ему, что было бы лучше, если бы он пошел один и заказал ей обед где-нибудь поблизости, а она подождет его в привратничкой монастыря. Джайлс понял сомнения Грейс и, упрекнув себя в незнании приличий, пошел, куда велела ему Грейс.

Вернулся он через десять минут и застал Грейс на том же месте, где оставил.

— Пока ты дойдешь туда, обед будет готов,— сказал он и назвал харчевню, где заказал обед. Грейс никогда о такой харчевне не слыхала.

— Я спрошу, как туда идти,— сказала Грейс, спускаясь со ступеней храма.

— Мы еще увидимся сегодня?

— Конечно, приходи туда ко мне. Как будто ты случайно зашел. Это совсем другое дело, не то что идти вместе. А потом ты поищешь мою двуколку.

Уинтерборн подождал четверть часа, достаточный, по его мнению срок, чтобы пообедать, и поспешил в харчевню. Харчевня «Три бочки», маленькая, опрятная и недорогая, находилась в соседнем переулке. По дороге Уинтерборн вдруг со страхом подумал, достаточно ли хорошо это место для Грейс; а войдя в зал и увидев там Грейс, сразу понял, что совершил промах. Грейс сидела за столом в зале, бывшем по ярмарочным дням и столовой и гостиной; это была длинная узкая комната с полом, посыпанным песком, на котором метла оставила след в виде елочки, и двумя окнами — одно, занавешенное красной шторой, выходило на улицу, другое во двор. Грейс забилась в самый дальний угол, поглядывая растерянно на молочников и мясников, занявших все передние столики. Надо отдать Уинтерборну справедливость: когда он заходил сюда, чтобы заказать обед, этой публики еще не было.

Грейс была совершенно подавлена. Войдя в харчевню и оглядевшись, она немало изумилась, но было уже поздно отступать, и она, сделав над собой героическое усилие, прошла вперед и села на тщательно выскобленную скамейку за длинный узкий стол со стальными ножами и вилками, оловянными перечницами и голубыми солонками. Со стены на нее глядели вывески, рекламирующие торговлю волами. Последний раз, когда Грейс обедала вне дома, это было в фешенебельной гостинице «Эрл-ов-Уэссекс», в обществе Фитцпирса, а до этого она два месяца путешествовала с ним по Европе и останавливалась в тамошних роскошных гостиницах.

Но разве она могла ожидать что-нибудь другое теперь, когда спутником ее стал Уинтерборн? И все-таки перемена была разительной! А она и не подозревала до этой минуты, что ей в такой степени привились вкусы и наклонности Фитцпирса. Правда, эlegantный Фитцпирс еще и по сей день не уплатил по весьма внушительному счету вышеназванной гостинице: всякий раз, приезжая с Грейс в Шертон, он останавливался и обедал именно в этом комфортабельном заведении. Но так уж устроен человек, что, Грейс, несмотря на долги, обедала в «Эрл-ов-Уэссекс» с легким сердцем, тогда как здесь, в «Трех бочках», вкушая еду, за которую Уинтерборн честно уплатил вперед, она чувствовала себя несчастной и униженной.

Уинтерборн мгновенно понял, что Грейс страдает в этой непривычной обстановке. И радость его как рукой сняло. У не-

го родилось то горькое чувство приниженности, которое испортило тогда памятный рождественский праздник.

Он не знал, что эта вспышка тщеславия в Грейс была единичной и кратковременной, — так бывает на первых порах со всеми, кто, как она, твердо решил начать новую страницу жизни. Грейс кончила свою трапезу, бывшую, как заметил Уинтерборн, для нее мучительной. И он постарался поскорее увести ее отсюда.

— Ну вот, — сказал он, как только они вышли, глядя на нее огромными, печальными глазами. — Ты голодная. Пойдем в «Эрл-ов-Уэссекс». Ты выпьешь там чаю. Я не подумал, что то, что хорошо для меня, для тебя может быть плохо.

Поняв, что происходит в душе Джайлса, Грейс совсем расстроилась.

— О, Джайлс! — воскликнула она с горячностью. — Я совсем не хочу есть. Зачем ты так говоришь, ведь ты ничего не знаешь? Ты никогда, никогда не поймешь меня!

— Нет, миссис Фитцпирс, вы не правы. Разве вы станете отрицать, что в «Трех бочках» вам было очень плохо?

— Ах, я не знаю!.. Ну, хорошо, поскольку ты первый об этом заговорил, мне там было действительно не по себе.

— А я обедаю в этой харчевне вот уже двадцать лет и чувствую себя как дома. Вы с вашим мужем останавливались обычно в «Эрл-ов-Уэссекс»?

— Да, — неохотно откликнулась Грейс. Как могла она здесь, на улице, объяснить Джайлсу, что это не она, не ее чувства обижены, а привитые ей вкусы, наносные и преходящие?

К счастью или к несчастью, но в этот момент увидели они двуколку, которой правил работник Мелбери; он ехал, вертя головой по сторонам, высматривая Грейс, — назначенный час, когда он должен был встретить ее, давно прошел. Уинтерборн окликнул его, и Грейс пришлось оборвать разговор. Она села в двуколку, возница взял вожжи, и лошадь побежала. Лицо Грейс было печально.

ГЛАВА XXXIX

Всю ночь Уинтерборн не смыкал глаз, мучаясь воспоминаниями о том, как грустно окончилось их свидание с Грейс, позабыв все приятные его минуты. Он опять стал сомневаться, смогут ли они быть счастливы, даже если Грейс и выберет теперь его. Она была образованна и хорошо воспитана. Он был неотесанный деревенский парень. Это препятствие существовало всегда, и он не мог легкомысленно от него отмахнуться, как на его месте поступили бы многие.

Уинтерборн был по натуре человек независимый и малообщительный, он никогда не искал чьего-нибудь расположения

или покровительства и, возможно, поэтому обладал редкой проницательностью. Он не легко менял свои взгляды и склонности, и если уже какое-то убеждение или надежда, пройдя все стадии развития, в конце концов умирали в его груди, то впоследствии он редко к ним возвращался, как бывает с людьми более сангвинического склада. Когда-то он боготворил Грейс, был готов до конца дней служить ей, уже видел ее своей женой и вдруг потерял ее. И хотя он вернулся к ней почти с тем же пылом сердца, но прежних надежд он уже не питал и не позволял себе беспредельно поддаваться ее очарованию.

Он больше не приблизится к ней ни на шаг; он даже оттолкнет ее, уступая велению совести. Преступление склонять Грейс на замужество с таким человеком, как он; для нее это будет еще одно не менее горькое разочарование. Отец ее сейчас слеп, а раньше-то он хорошо видел эту опасность. Долг Уинтерборна открыть глаза Грейс — ради ее же блага.

Грейс также провела бессонную ночь, наутро ей дали еще одно письмо от отца, но оно не принесло успокоения ее смущенной душе. Отец все так же упрямо стоял на своем.

Порадовавшись выздоровлению Грейс, он писал:

«Дело опять затягивается. Адвокат, к которому мы хотим попасть, сейчас в отъезде. Так что я не знаю еще, когда буду дома. Задержка больше всего пугает меня тем, что ты можешь потерять Джайлса Уинтерборна. Я не сплю по ночам, думая, что, пока мы тут тянем время, он может почему-то обидеться на тебя или от застенчивости совсем уехать из наших мест. А я решил бесповоротно: Джайлс или никто. Пожалуйста, Грейс, будь с ним ласковее, хотя, быть может, это и преждевременно. Но я верю, что господь простит нас, когда вспоминаю, сколько мы натерпелись. У меня есть еще одна причина, почему я так уповаю на твою дружбу с Джайлсом: я уже стар и чувствую, что дело идет к концу, последние события совсем dokonали меня. И, пока ты не устроена, я не умру спокойно».

В конце письма стояла приписка: «Только что стало известно, что адвокат вернулся, и завтра мы идем к нему. Вероятно, буду дома к вечеру того дня, как ты получишь письмо».

Чувства Грейс совпадали с желанием отца; и все-таки вчера Грейс чуть было не нанесла глубокого оскорбления Джайлсу. Стараясь изо всех сил снова стать простой деревенской девушкой, как хотел того отец, желая вытравить из себя мисс — точнее миссис недотрогу, она споткнулась на первом же шагу: именно эта «мисс недотрога» вдруг ожила в ней вопреки всем ее добрым намерениям. Отец, вернувшись и увидев, что Джайлс обижен, упрекает ее за строптивость: когда-то она противилась воле отца, настаивавшего на браке с Фитцпирсом, а теперь отваживает бедного Уинтерборна.

В тот день Уинтерборн работал в саду напротив окна Грейс. Он решил не втягивать больше Грейс в эти опасные

разговоры. Но если бы у него было как раз обратное намерение, если бы он был самым искусным оболъстителем, он вряд ли придумал бы более верный способ возбудить ее интерес. Грейс не могла разглядеть, чем занимается Джайлс, но она видела, что он все еще расстроен: он ходил по саду с самым сосредоточенным видом и ни разу не взглянул в сторону ее дома.

О, как хотела она помириться с ним! Отец ее возвращался вечером, это значит, что очень скоро никакие формальности не будут стоять между ними, замужество ее потеряет силу и она станет свободной. И подумать только, что у них с Джайлсом размолвка! Как она взглянет в глаза отцу?

Был июньский день, яркий от молодой зеленой листвы. Грейс вышла в сад и села на стоявший под лавровишней стул, сколоченный из голых дубовых ветвей, оставшихся после заготовки коры. Глянцевые темно-зеленые листья над головой упруго шелестели от налетавшего ветерка, но Грейс, защищенная ими, не чувствовала даже слабого дуновения. Весь день она ожидала, что Джайлс придет осведомиться, как она доехала вчера до дому, или найдет другой предлог, но он не пришел. А теперь все ходил по соседнему саду, точно дразнил ее. Грейс не спускала с него глаз.

Работа Уинтерборна была прервана появлением Кридла, принесшего письмо. Грейс догадалась, что Кридл вернулся из Шертонна, где перед отъездом в Хинток заглянул на почту, чтобы прихватить письма, полученные дневной почтой, которые почтальон должен был доставить на другой день. Грейс любопытствовала узнать, что содержало письмо Джайлса: отец, верно, решил и ему отправить еще одно напутственное послание.

Но письмо, по-видимому, не имело к ней никакого отношения. Джайлс прочитал его и тотчас пошел к воротам, ведущим из сада, точнее говоря, к проему в живой изгороди, если можно так назвать невысокую бровку, поросшую кое-где кустами. Он вышел в лес и, без сомнения, зашагал в сторону своей таинственной хижины, которая находилась где-то в другом конце леса.

Шуршит в песочных часах струйка быстротечного времени; Грейс в эти дни не раз слыхала ее печальный звук; и вот, опять вспомнив, подобно Джайлсу, печальные предчувствия отца, задумалась она о том, как быстро летит время. Ее девическая свежесть поблекнет, и давняя, многострадальная любовь Джайлса может вдруг оборваться — оборваться в эту самую минуту. Мужчины ведь так странно устроены. Мысль эта произвела переворот в душе Грейс: от ее застенчивости не осталось и следа. Она решила действовать немедленно. Если после вчерашней размолвки или ссоры, — называйте как хотите, — необходимо восстановить мир, то она сделает это сейчас же. Грейс встала со стула, вышла за ворота, пересекла сад, где работал Джайлс, и, пройдя сквозь проем в изгороди, устремилась вслед за Джайлсом, чья фигура, удаляясь, мелькала

между деревьев, подобно фавну, резвящемуся под зеленым пологом на мягком, коричневом ковре.

Грейс ошиблась — очень сильно ошиблась, предположив, что письмо не имеет к ней отношения, раз Джайлс, прочтя его, не поспешил к ней, а ушел в лес. Но Джайлс, как это ни прискорбно, именно поэтому и пошел в лес, что содержание письма прямо ее касалось. Он побоялся, что она увидит, как вдруг опечалилось его лицо.

Письмо было от Бокока, отосланное вслед за письмом Мелбери Грейс. И оно содержало плохую весть.

Джайлс когда-то оказал услугу этому непутому малому, и теперь тот по-своему решил отблагодарить его. Находясь эти несколько дней в компании Мелбери, он, конечно, немало наслышался об искупительных планах последнего в отношении Джайлса и поспешил поэтому уведомить его о том, что их попытка спасти Грейс не удалась; он боялся, как бы молодой человек, надеясь на успешный исход дела, не поставил себя в фальшивое положение. В письме Бокок писал, что поведение Фитцпирса оказалось недостаточно вопиющим для расторжения брака и что Грейс, по всей вероятности, суждено до самой могилы остаться его женой.

Все обиды и сомнения тотчас вылетели из головы Уинтерборна, и огромная — всепрощающая и вместе мучительная — любовь к бедняжке Грейс захлестнула его. Такое действие оказало на Джайлса это роковое известие.

Навсегда отказаться от нее... это значит конец всему. Нечего больше сомневаться, подходят ли они один другому, не будет больше размолвок из-за разницы вкусов. Опять между ними воздвиглась стена. Грейс никогда не будет принадлежать ему. С нестерпимой болью вспомнил он, как совсем недавно радовались они вновь обретенной надежде. Как могли они быть до такой степени наивными, чтобы поверить в возможность чуда?

Вдруг Уинтерборн услышал, что кто-то нагоняет его, и, обернувшись, увидел, как Грейс чуть не бегом бежала за ним сквозь чащу. Он сразу понял, что ей еще ничего не известно.

— Джайлс, почему ты не зашел ко мне? — спросила Грейс с ласковым упреком. — Разве ты не видел, что я весь день сидела в саду?

— Видел, — ответил Уинтерборн, захваченный врасплох. Он еще не успел сообразить, как теперь вести себя с Грейс. Грейс же, введенная в заблуждение его тоном, подумала, что ее слова опять обидели его, и решила быть с ним помягче, отчего щеки ее слегка зарделись.

— Я получила еще одно письмо от отца, — поспешно продолжила она. — Он, наверное, придет сегодня вечером. И ему будет очень неприятно, — ведь ты знаешь его мечту, — что мы с тобой поссорились.

— А мы не ссорились,— ответил Джайлс, глядя на нее печально и ломая голову над тем, какими словами высказать Грейс горькую правду.

— Я боюсь, что ты все еще дуешься на меня за то, что мне не понравилась та харчевня.

— Нет, я не дуюсь.

— А почему у тебя такой несчастный вид? — спросила Грейс, подойдя к нему совсем близко и улыбаясь прелестной улыбкой.— Ты не веришь, что будешь когда-нибудь счастлив?

Джайлс несколько секунд молчал.

— Я буду счастлив не раньше, чем луч солнца коснется северной стены Шертонского аббатства,— глухо проговорил он, глядя в землю.

— Но тогда, значит, есть еще что-то, кроме обиды из-за этой глупой харчевни? Может, ты сердисься, что я... не позволила тебе поцеловать меня,— но, Джайлс, ты ведь знаешь, это не потому, что я не питаю к тебе никаких чувств, я просто думала тогда, что еще рано, хотя мой бедный отец думает другое. Это одна-единственная причина, честное слово. Я не хочу обижать тебя, Джайлс, видит бог, не хочу,— сказала она, и голос ее задрожал.— Может быть, раз уж я вот-вот стану свободна, я не права, и нет ничего дурного, если ты поцелуешь меня.

— О, господи! — взмолился про себя Джайлс. У него закружилась голова, но он все еще упорно смотрел в землю. Последние несколько минут он видел, как соблазн по всем правилам военного искусства вел против него осаду; и вот наконец он в плену. Для Джайлса, чья жизнь была так проста и бесхитростна, так неукоснительно подчинена требованиям дедовской морали, было страшным грехом, почти преступлением воспользоваться неведением Грейс и уступить ей.

— Ты что-то сказал? — спросила Грейс смущенно.

— Нет, я только...

— Ты веришь, что раз мой отец возвращается сегодня вечером, то, значит, все уже окончательно решено? — спросила она обрадованно.

— Да...

— Тогда почему же ты не делаешь того, что хочешь? — сказала она чуть ли не с досадой.

И хотя Уинтерборн отчаянно боролся с собой, и хотя он дорожил добрым именем Грейс как зеницей ока, он был мужчиной, а мужчины не боги, как говорила Дездемона. И перед лицом этой нежной соблазнительницы, не ведающей, что она творит, не искушенной в мирских делах и требованиях света, Уинтерборн не устоял. Поскольку так уж получилось, поскольку Грейс, считая себя свободной, сама просила его доказать ей свою любовь, а любовь его была самой искренней и верной, поскольку жизнь коротка, а человек слаб,— то он не устоял перед соблазном, хотя знал, что Грейс безвозвратно потеряна

для него. В эту минуту Уинтерборн не думал больше ни о прошлом, ни о будущем; настоящее сулило ему блаженный миг: один-единственный раз прижмет он к груди ту, которую он так давно знал и любил.

Грейс вдруг отпрянула, прервав долгое объятие и поцелуй.

— Правда ли, что я свободна? — прерывающимся голосом прошептала она. — Не поступаем ли мы плохо? Действительно ли есть такой закон? Не мог же отец так легкомысленно...

Уинтерборн молчал, и Грейс, сама того не желая, разрыдалась.

— О, почему отец не возвращается, — плакала Грейс, уткнувшись Уинтерборну в грудь. — Скорей бы уж он приехал и все объяснил. Это безжалостно сначала велеть мне... а потом так долго не приезжать... я не знаю, кто я теперь. А вдруг мы поступили дурно?

Ко всем прежним горестям, выпавшим на долю Уинтерборна, прибавилась еще одна, — он чувствовал себя Каином, убившим родного брата. Как мог он взять на душу столь тяжкий грех: умолчать о том, что ему было известно. Уинтерборн отпустил Грейс и отвернулся: раскаяние все сильнее мучило его. Как осмелился он даже помыслить поцеловать Грейс. Уинтерборн сам едва удерживал слезы. Трудно было представить себе более несчастное существо, чем Грейс — жертву отцовской слепоты и его благих намерений.

Даже в тот момент, когда Мелбери, сам вполне уверенный, убеждал его, что несчастье Грейс легко поправимо, Джайлс питал в душе подозрение, что любой закон, будь то новый или старый, потребует ее личного присутствия в суде, но не знал, как вывести Грейс из приятного заблуждения, будто для освобождения от ненавистных уз достаточно будет росчерка пера, как об этом говорил Мелбери. Однако ему и в голову не могло прийти, что дело Грейс безнадежно.

Бедняжка Грейс, видя, как расстроился Уинтерборн, и подумав, должно быть, что нечего поднимать такой шум из-за одного поцелуя, каким бы долгим он ни был, перестала плакать и улыбнулась сквозь еще не просохшие слезы.

— Я рада, что мы снова друзья, — сказала она. — Если бы, Джайлс, ты проявил такую же смелость до моего замужества, то ты бы первый назвал меня своей. А когда мы станем мужем и женой, ты, я надеюсь, не будешь плохо обо мне думать из-за того, что я позволила тебе немного больше, чем должна была; ведь ты знаешь, мой отец стар и обременен болезнями, и он хочет по возвращении видеть, что согласие между нами восстановлено.

Чем ласковее были слова Грейс, тем горше звучали они для Уинтерборна. Как могла Грейс так доверчиво отнестись к беспочвенным мечтаньям своего отца? Уинтерборн не находил слов, чтобы сказать Грейс правду. Но он понимал, что это нужно сделать, и казнил себя сознанием собственной трусости.

Свыше его сил было нанести Грейс такой удар. Много нежных слов было сказано по дороге домой; день уже клонился к вечеру, когда Уинтерборн решился наконец открыть Грейс глаза.

— Возможно, мы ошибаемся,— начал он, замирая от страха,— считая, что дело может быть улажено в такой короткий срок. Мне почему-то кажется, что даже новый закон не имеет силы расторгнуть узы брака без того, чтобы заинтересованное лицо не было вызвано на публичное судебное разбирательство; и если возникнут какие-нибудь препятствия и мы не сможем стать мужем и женой...

Кровь медленно отливала от лица Грейс.

— О Джайлс,— воскликнула она.— Ты, верно, слышал что-нибудь? Значит, отец, находясь сейчас там, сам ничего сделать не может? Но ведь он писал, что дело уже почти решено! О Джайлс, Джайлс, не обманывай меня! После того, что мы сейчас сделали,— как я буду смотреть людям в глаза!

Нет, Уинтерборн решительно не мог произнести роковых слов. Непоколебимая вера Грейс в его благородство полностью обезоруживала его.

— Я ничего не знаю,— прошептал он охрипшим голосом, точно прошуршал под ногами сухой лист.— Твой отец скоро вернется. И тогда мы все узнаем. Идем, я провожу тебя домой.— Как ни дорога была ему Грейс, он сдержанно протянул ей руку и прибавил: — По крайней мере, до ворот.

Так они шли вдвоем, пребывая в полном смятении чувств. Грейс от надежды переходила к отчаянию и снова к надежде. Проселок был в нескольких минутах ходьбы; дойдя до него, они вдруг услышали громкий возглас:

— Отпусти ее руку!

Секунду они точно не слышали этих слов.

— Отпусти ее руку! — Крик повторился еще громче и настойчивей.

Это кричал Мелбери. Он вернулся раньше, чем они ожидали, и вышел им навстречу. Грейс отдернула руку с быстротой молнии, как только смысл отцовских слов дошел до нее.

— Я не виню вас, не виню,— проговорил Мелбери сломленным голосом, как человек, понесший тяжкое наказание.— Вы не должны больше видеться. Я был введен в заблуждение, был жестоко обманут. Ничего не говори, Джайлс. И уходи.

По-видимому, Мелбери не знал, что Уинтерборну уже известна несчастная новость. Молодой человек ушел, оставив отца с дочерью вдвоем, и Мелбери повел Грейс в комнату, служившую конторой. Там он сел за свое бюро и низко опустил голову; Грейс не спускала с отца тревожного взгляда.

Наконец Мелбери пришел в себя.

— Ты — жена Фитцпирса, как и была,— тихо проговорил он.— Меня обманули. Он еще мало причинил тебе зла! Ты по-прежнему его собственность.

— Тогда пусть так все и будет, и не надо больше касаться этого, отец,— сказала она голосом, полным скорбного достоинства.— У меня хватит сил все вытерпеть. Твое состояние меня гораздо больше тревожит.

Грейс нагнулась к отцу и обняла его за шею, отчего тот вконец расстроился.

— Моя судьба безразлична мне,— продолжала Грейс,— мне все равно, чья я жена и чьей могла бы стать! Я люблю Джайлса: с этим ничего не поделаешь; и я зашла с ним дальше, чем должна была, знай я, как в действительности обстоит дело. Но я ни в чем не упрекаю тебя.

— Значит, Джайлс ничего тебе не сказал? — спросил Мелбери.

— Нет,— ответила Грейс.— Он ведь ничего не знал, иначе он вел бы себя по-другому. Да ему и неоткуда было узнать.

Ее отец ничего не сказал на это, и Грейс ушла к себе, высказав желание побыть одной.

Печали ее были многообразны; главную же она забыла, думая только о своем вольном поведении с Уинтерборном. Их любовь была краткой, как миг, но не менее сладостной от этого. А вдруг он станет, по зрелом размышлении, презирать ее за то, что она позволила себе забыть. Какая наивность — поверить в свое освобождение и так непозволительно вести себя! Она корила свое неведение, но в самой глубине сердца была благодарна ему за то мимолетное счастье, которое испытала.

ГЛАВА XL

Жизнь героев этого повествования влачила следующие месяцы печально и уединенно. Грейс редко выходила из дому и ни разу не покинула пределы отцовской усадьбы: она боялась, что встретит Джайлса Уинтерборна; а этого ей было не перенести.

Унылое, в четырех стенах, существование этой добровольной затворницы, казалось, будет длиться бесконечно. Она узнала, что существует только одна возможность обрести свободу — Фитцпирс не должен возвращаться достаточно долго, тогда в глазах закона она будет брошенной женой. Но она не позволяла себе думать об этом; и, уж конечно, не тешила себя новой надеждой. Ее чувство к Уинтерборну под действием нервного шока, нанесенного известием, привезенным отцом, очистилось от всего мирского, земного и стало тихой, светлой привязанностью.

Что касается Джайлса, то он лежал больной, точнее, полужал на своем пуританском ложе в скромной лесной хижине. Лихорадка, время от времени возвращавшаяся к нему — осложнение, оставленное прошлогодней простудой, — разыгралась с крушением надежд особенно жестоко. Ни одна душа не знала

о его болезни, а сам он считал ее несерьезной и не обратился к доктору. В самом деле, спустя три-четыре дня он почувствовал себя лучше, поднялся с постели и, надев пальто, стал приводить в порядок немудреное хозяйство.

Вот как обстояли дела, когда вдруг безмятежность полу-сонного существования Грейс была нарушена точно ударом грома. Она получила письмо от Фитцпирса.

Письмо было написано в спокойном и мягком тоне, но смысл его был ужасен. В отсутствие мужа Грейс мало-помалу привыкла думать о нем без раздражения и в конце концов почти забыла, каким тягостным было для нее его присутствие. Фитцпирс писал коротко и без рисовки: он не просил прощения, а сообщал только, что живет один и что по зрелом размышлении он отчетливо осознал необходимость воссоединения, если, конечно, Грейс готова простить его. С этой целью он намеревается пересечь Ла-Манш и в указанный день появиться в Бедмуте; Грейс посчитала, и оказалось, что это случится не далее как через три дня.

Еще он писал, что не может вернуться в Хинток по причинам, которые отец ее поймет лучше, чем она. Единственный выход он видит в следующем: Грейс должна приехать в порт и встретить пароход, который прибудет около полуночи, захватив с собой кое-какие необходимые вещи. Затем они без промедления сядут на обратный пароход, отправляющийся тотчас после прихода первого: а достигши Франции, поселятся в его доме на континенте,— где именно, он не писал. Фитцпирс, видимо, и часу решил не задерживаться на английской земле.

Встревоженная Грейс понесла письмо отцу, который, как зимой, просиживал теперь долгие вечера у камина, по-летнему холодного; рядом с ним стоял кувшин с сидром, покрытый слоем пыли,— Мелбери редко прикасался к нему. Прочитавши письмо, лесоторговец взглянул на дочь.

— Ты никуда не поедешь,— сказал он.

— И я подумала, что не поеду. Только не знала, как ты на это посмотришь.

— Если он вернется в Англию, поселится неподалеку отсюда и захочет, чтобы ты жила в его доме, я не стану препятствовать,— проговорил Мелбери.— Мне будет одиноко без тебя, но ты должна жить в своей семье и не стыдиться людей. Что же касается твоего переселения за границу, то я никогда на это не соглашусь.

На том и порешили. Грейс не могла ответить мужу, поскольку он не написал адреса. Прошел день, другой; наконец наступил третий вечер — тот самый, когда Грейс должна была встретить мужа в Бедмуте. Весь день Грейс провела дома, в четырех стенах.

Тревога, гнетущая неизвестность черными тучами нависли над домом Мелбери. Все говорили почти что шепотом, ожидая в страхе, что еще предпримет Фитцпирс. Была надежда, что,

не встретив Грейс, он уберется обратно к себе во Францию; что же касается Грейс, то она готова была написать ему самое ласковое письмо, только бы он не возвращался.

Прошла ночь, Грейс провела ее без сна, в неослабеваемом нервном возбуждении; не сомкнул глаз и ее отец. Когда на другое утро семья собралась за завтраком, все были бледные и встревоженные; но о том, что было у всех на уме, не заговорил никто. День миновал безо всяких происшествий, как и предыдущий; и Грейс начала уже думать, что ее супруг, повинаясь внезапному капризу, к чему он был склонен, передумал и расхотел возвращаться к жене.

Но кто-то из соседей, побывавший в Кэстербридже, наведаясь к Мелбери и сообщил новость: Фитцпирс едет домой, в Хинток. Его видели, когда он нанимал карету в гостинице «Кинг-армз».

Новость эту сообщили в присутствии дочери.

— Ну вот что, — сказал твердо Мелбери, — придется делать хорошую мину при плохой игре. Доктора, видно, гонит сюда раскаяние. Я слышал, что соучастница его глупостей бросила его и уехала в Швейцарию, из чего, видно, следует, что эту главу его жизни можно считать оконченной. Если он едет сюда с благим намерением, я думаю, Грейс, ты не вправе сказать ему «нет». Я, конечно, понимаю, что возвращение в Хинток — удар для его гордости. Но если он готов смириться и ничего лучше Хинтока у него на примете нет — что же, милости просим, одно крыло этого дома по-прежнему пустует.

— О, отец! — побледнев, воскликнула несчастная Грейс.

— А почему ты должна оттолкнуть его? — спросил Мелбери.

Былая крутость характера нет-нет да и проглядывала в нем. К тому же он был расположен теперь более снисходительно относиться к зятю, желая, видимо, загладить чрезмерную суровость последнего свидания.

— Разве это не самый благопристойный выход? — продолжал он. — Мне не нравится твое теперешнее положение: ты и не вдова, и не мужняя жена. Это и тебе обидно, и мне, и никто никогда в Хинтоке этого нам не простит. Не знавала еще семья Мелбери такого позора.

— Он будет здесь меньше чем через час, — прошептала Грейс.

В полумраке комнаты Мелбери не разглядел отчаянного выражения на лице Грейс. Одного она не имела сил вынести, одного она страшилась более всего на свете — возвращения Фитцпирса.

— О, я не могу, не могу видеть его! — проговорила Грейс, едва сдерживая рыдания.

— Не можешь, но должна попытаться, — упрямо возразил старик.

— Да, да, я попытаюсь! — не понимая, что говорит, от-

кликнулась Грейс.— Я попытаюсь,— повторила она и бросилась вон из комнаты.

Во мраке гостиной, где скрылась Грейс, около получаса не было заметно никакого движения: только в одном углу слышалось быстрое, прерывистое дыхание; впечатлительная натура Грейс, соединившая в себе современную нервическую утонченность с древней непреклонностью чувств, обрекла ее до самого дна испить чашу страданий.

Окно было открыто. В этот тихий вечер конца лета любой звук, родившийся в этом уединенном крае — птичий ли крик, голос ли человека или скрип колес — уносился за леса, в необозримую даль. Было очень тихо. Вдруг к дыханию Грейс примешался отдаленный, глухой постук колес и слабая дробь копыт по шоссе. Потом звук внезапно прервался, и это вернуло Грейс к действительности. Она знала, где сейчас находится экипаж,— на вершине холма, через который пролегал тракт, убегавший мимо Хинтока на север,— сюда вышли они с миссис Чармонд из леса в холодный весенний вечер после памятного разговора. Грейс метнулась к окну, перегнулась через подоконник и прислушалась. Экипаж на гребне холма остановился, и один из путников с досадой воскликнул что-то. Потом другой голос отчетливо произнес:

— Черт возьми, почему мы остановились?

Грейс узнала голос, он принадлежал ее мужу.

Неисправность скоро была устранена, и Грейс услышала, как экипаж покатился вниз, свернул на проселок и выехал на просеку, ведущую к дому Мелбери.

Точно судорога прошла по телу Грейс. Инстинкт целомудрия, сильный в девичестве, ожил в Грейс под влиянием вынужденного вдовства; скорое появление человека, который был ненавистен ей, и влечение к другому только усилило его. Она взяла одну из дощечек слоновой кости, лежавших на туалетном столике, написала карандашом на одной из них: «Я уехала к подруге»,— положила в сумочку самое необходимое, и ровно через пять минут после того, как с дороги послышались голоса, ее тонкая фигурка, наспех закутанная в шаль, никем не замеченная, выскользнула через боковую дверь из дома Мелбери. Как на крыльях, не чуя под собой ног, бросилась Грейс через огород к проему в живой изгороди и по мшистой тропинке, затененной деревьями, устремилась в глубь Хинтокского леса.

Шатер над ее головой зеленел последней зеленью и был так плотен, без единой прорехи, сквозь которую мог бы ворваться солнечный луч, что в самой чашобе царил мрак, какого никогда не бывает в зимнем лесу. Но там, где лес расступался, все было видно кругом. Лето подходило к концу, и в каждом луче солнца весело плясала мошкара; трава отяжелела, униженная каплями росы; из низин после ливней тянуло сыростью и вечерней прохладой.

Деревья, кусты, трава — все было точно заколдовано в этот предвечерний час. Облаченный в зеленую тяжелую плоть, лес был полон об эту пору фантастических чудес, не то что зимний, сквозной, являющий взору только путаницу линий. Гладкие лаковые листья глядели, точно безвекие, слепые глаза; угасающие лучи, пробравшиеся с трудом в этот зашторенный мрак, освещали там и сям странные, жуткие лица и фигуры; полосы неба в нижнем ярусе леса между голыми стволами были точно призраки, а верхушки кустов колебались, как тонкие, узкие языки.

Но страхи Грейс порождались отнюдь не игрой воображения; она замечала, конечно, преобразенный вечерними тенями лес, но мимоходом. Грейс старалась идти как можно тише, неслышно ступая по мягкому мху и траве, обходя лысые, не усталые листвой места. Один-два раза она остановилась, затаив дыхание; ей чудилось, что за биением сердца она различает скрип экипажа Фитцпирса, въезжающего в ворота отцовской усадьбы. И она опять чуть не бегом устремлялась вперед.

Хинтокский лес — угодня миссис Чармонд — скоро остался позади. Он отделялся от остального леса бровкой, по которой шла когда-то живая изгородь, засохшая уже давно от недостатка солнца. Грейс шла очень осторожно, не испытывая обычной радости, сопутствующей таким дальним прогулкам. Она не боялась лесных опасностей; ее страшило то, что могло бы помешать ее бегству и возвратить домой.

Она прошла уже мили три-четыре, когда вдали за деревьями замелькал вдруг желанный огонек, предвещающий путнику кров и отдых. Он был так мал, что пришелец из чужих краев мог бы подумать, не злоумышленник ли зажег его; но Грейс именно к нему и стремилась. Она пошла быстрее, и скоро стали различимы за деревьями контуры какого-то строения.

Это была лесная хижина под четырехскатной крышей с трубой посредине. В прежние времена, когда древесный уголь был единственным топливом в этих краях, она служила приютом угольщиков. Ее окружал небольшой огороженный дворик, затененный деревьями, где по этой причине не росли ни цветы, ни овощи. Грейс подошла к окну, в котором светился огонек (ставни еще не были закрыты) и заглянула внутрь.

В хижине была всего одна комната, бывшая одновременно кухней, гостиной и спальней; земляной, точнее, посыпанный песком пол был неровный, весь в выбоинах от долголетней службы, так что немудреная мебель вся стояла вкривь и вкось, а стол был покатый, как ученическая парта. В очаге горел огонь, над которым запекалась подвешенная на шнурке тушка большого кролика. Уинтерборн стоял перед очагом, опершись рукой на полку и глядя на жарившуюся дичь; он сосредоточился на какой-то мысли, но по выражению его лица трудно было сказать на какой; одно было ясно, что мысли его далеко отсюда. Грейс подумала, что Джайлс изменился со времени их послед-

ней встречи. Лицо у него сильно осунулось, но Грейс в неярком свете очага не заметила этого.

Грейс вздохнула с облегчением, достигнув места, куда стремилась. Она подошла к двери и тихонько постучала.

Уинтерборн, привыкший к шорохам леса, стуку дятла и голосам лесных зверушек, не обратил внимания на легкий звук за дверью, и Грейс постучала еще раз. Уинтерборн услышал и открыл дверь.

Когда свет из комнаты озарил ее лицо, он от неожиданности стоял секунду точно громом пораженный; потом, едва понимая, что делает, переступил порог и взял обе ее руки в свои, а сердце его замирало от изумления, радости, тревоги и печали. С Грейс творилось то же самое; даже сегодняшнее потрясение не могло заслонить радости свидания с Уинтерборном.

Так они стояли.

Ручьи слез катились по их лицам, белым как мел,
от горького, шемящего душу восторга,—

пока наконец Джайлс прошептал: «Входи».

— Нет, нет, Джайлс! — поспешно запротестовала она, отступая от двери.— Я шла мимо... и решила поговорить с тобой. Но я не войду в дом. Ты не мог бы проводить меня? А то мне страшно. Я хочу окольным путем дойти до Шертона. А оттуда в Эксбери. Там живет моя школьная подруга. Но одной мне страшно идти в Шертон. Не можешь ли ты проводить меня немного? Не осуждай меня, Джайлс, и не обижайся! Мне ничего не оставалось, как прийти к тебе, потому что мне ведь не к кому больше обратиться за помощью. Три месяца назад ты был моим возлюбленным, теперь ты только мой друг. Закон встал между нами и наложил запрет на то, что было нашей мечтой. Ей не суждено сбыться. Но мы ведь можем вести себя достойно, и ты на один коротенький час станешь моим защитником. У меня нет больше никого...

Грейс не в силах была произнести больше ни слова. Зажав ладонью глаза, чтобы сдержать слезы, она беззвучно плакала; ни всхлипывание, ни рыдание не вырвалось из ее груди; Уинтерборн взял другую ее руку в свои.

— Что случилось? — ласково спросил он.

— Он вернулся.

Наступила могильная тишина. Наконец Уинтерборн проговорил:

— Ты хочешь, Грейс, чтобы я помог тебе бежать?

— Да,— ответила она.— Когда дело справедливо, условности не имеют значения. Я сказала себе: Джайлсу я могу довериться.

Уинтерборн понял из этих слов, что Грейс так и не узнала о его предательстве, если можно так назвать то сладостное злодеяние, которое он совершил в один из первых дней лета,

ставший последним днем их любви; полный раскаяния, Джайлс искал случая загладить вину, и вот теперь случай такой представился.

— Идем,— сказал он.— Я только зажгу фонарь.

Он потянулся за фонарем, висевшим на вбитом в стену гвозде; рука его дрожала, но Грейс не заметила этого; ей и в голову не пришло, что выполнение ее просьбы угрожает здоровью Джайлса, который еще не совсем поправился для подобных подвигов самопожертвования.

Фонарь засветили, и Грейс с Уинтерборном отправились в путь.

ГЛАВА ХLI

Первую сотню ядров они проделали под сомкнутыми, неподвижными кронами, в чьих маковках уже шуршали первые капли дождя. Когда они вышли на просеку, лил проливной дождь.

— Как неприятно! — сказала Грейс, сиюсь улыбнуться, чтобы скрыть охватившее ее беспокойство.

Уинтерборн остановился.

— Грейс,— сказал он, сохраняя сугубо деловой тон, что ему плохо удавалось,— ты не должна идти сегодня в Шертон.

— Но это необходимо.

— Почему? Это ведь девять миль отсюда.

— В самом деле, почему? — после недолгого молчания проговорила Грейс.— Что такое для меня моя репутация?

— Послушай, а ты не можешь... вернуться к твоему...

— Нет, нет, нет! Не заставляй и ты меня возвращаться,— воскликнула Грейс так горестно, что у Уинтерборна сжалось сердце.

— Тогда идем обратно,— сказал он.

Они медленно пошли к хижине Уинтерборна и опять остановились на пороге.

— Этот дом с этой минуты не мой, а твой,— решительно заявил Уинтерборн.— У меня есть поблизости уютный уголок, где я прекрасно устроюсь на время.

Лицо Грейс опечалилось.

— О,— прошептала она, поняв, что предлагает Уинтерборн.— Что я наделала!

Из двери потянуло горелым, и Уинтерборн заглянул в окно. Молодой кролик, его недельный запас еды, начал обугливаться.

— Иди, пожалуйста, в дом,— сказал Уинтерборн Грейс,— и сними кролика с огня. Потом занимайся чем хочешь. Я ухажу. В доме ты найдешь все необходимое.

— Но, Джайлс, как же твой ужин! — воскликнула Грейс.— Лучше я пойду в твой уютный уголок. Мне ведь только до утра.

Уинтерборн покачал головой.

— Говорю тебе, иди в дом. Еще простудишься — в тебе чуть душа держится. А ужин подашь мне через окно, если у тебя хватит сил что-нибудь приготовить. Я подожду.

Он легонько подтолкнул ее к двери и вздохнул с облегчением, увидев, что она присела на край его постели. Не переступая порога, он затворил за ней дверь и повернул ключ в замке. Затем постучал в окно. Грейс приоткрыла раму, и он протянул ей ключ.

— Дом твой заперт, — сказал он. — И ты в нем хозяйка.

Угнетенная своими заботами, Грейс, однако, не могла не улыбнуться такой необыкновенной деликатности Джайлса.

— Ты себя лучше чувствуешь? — продолжал он. — Если лучше и тебе охота возиться с ужином, то дай мне чего-нибудь поесть. Если же неохота, то и это не страшно. Я найду чем поужинать.

Благодарная Джайлсу за его доброту (она и не подозревала, как на самом деле велика была его жертва), Грейс принялась действовать. Через десять минут она опять подошла к окну, отворила его и шепотом позвала Джайлса. Уинтерборн в тот же миг выступил из тени, Грейс протянула ему в окно его порцию еды на тарелке.

— Мне так неприятно, что я лишила тебя крова, — проговорила она тоном глубокого сожаления, вслушиваясь в частую дробь дождя по листьям. — Но ничего другого, наверное, придумать нельзя.

— Нельзя, — быстро согласился Уинтерборн.

— Мне кажется, я и к утру не дошла бы до Шертона.

— Конечно, не дошла бы.

— А у тебя правда есть где спрятаться от непогоды? — спросила Грейс: в ней опять заговорили угрызения совести.

— Разумеется. Ты нашла все необходимое? Боюсь, что хозяйство мое бедновато.

— Разве это теперь имеет для меня значение? Я ведь уж давно не та, Джайлс, и ты это знаешь, Джайлс, должен знать.

Его глаза печально всматривались в бледное, выразительное лицо Грейс. Оно то и дело менялось, отражая гамму всевозможных чувств, что говорило о крайнем душевном волнении. Сердцу Уинтерборна было тесно в груди от жалости к этому беззащитному существу, попавшему в стальные тиски обстоятельств. Он забыл собственные беды, радуясь тому, что смог хотя бы приютить Грейс. Взяв из ее рук тарелку с едой и чашку, он сказал ей:

— Я закрою и ставень. Внутри есть шпенек, на который надо надеть болт. Спи и ни о чем не думай, а утром я постучусь.

Грейс испуганно спросила, не уйдет ли он далеко.

— Нет, нет, — поспешил успокоить ее Уинтерборн. — Я буду совсем рядом. Если ты позовешь меня, я услышу.

Грейс надела на шпенек болт, как было сказано, и Уинтерборн ушел в темноту ночи. Его «уютный уголок» оказался жалким шалашом; четыре плетня под папоротниковой крышей. настилем служили мешки, сено, сухие ветки; Уинтерборн опустился на землю и принялся было за ужин. Но есть ему не хотелось. Он отставил тарелку в сторону и растянулся на своем травяном ложе, пытаясь уснуть,— время было позднее.

Но сон не шел к нему; на это было много причин, но самой главной, пожалуй, были мысли о его подопечной. Он сел и посмотрел в сторону хижины, стараясь различить ее очертания в промозглой тьме. Хижина была такой, как всегда, и ему не верилось, что внутри, под ее крышей, нашел приют дорогой друг — он не позволил себе назвать Грейс более нежно,— который так неожиданно появился здесь, в лесной чаще, поступив,— Уинтерборн должен был это признать,— пожалуй, несколько необдуманно.

Он не решился расспросить Грейс обо всем более подробно; но дело и без того было ясно. Хотя закон отнял у него надежду на райское блаженство, Уинтерборн не без стоической гордости отнесся к выпавшему сегодня на его долю нелегкому испытанию. Был на земле только один человек, которому Грейс доверяла безгранично, и этим человеком был он, Джэйлс Уинтерборн. Соображение, что сегодняшнее событие вряд ли приведет к чему-нибудь иному, кроме новой печали, на минуту было перечеркнуто этой горделивой мыслью о доверии; и чистое, святое чувство, с каким он откликнулся на призыв о помощи, сделало то, что греховное совершенно исчезло из его мыслей о Грейс.

Дождь все не прекращался, и скоро капли стали пробивать тощий навес над головой. Он поднялся было, чтобы заделать щели, но колени его дрожали, а сердце так лихорадочно колотилось, что он оставил мысль противоборствовать стихиям и лег опять, стараясь выбрать место посуше. Он сердился на себя за свою слабость,— он, который был всегда так силен. Надо было во что бы то ни стало скрыть от Грейс свое недомогание, а для этого она не должна видеть его лицо при дневном свете, иначе ввалившиеся щеки тотчас выдадут его.

На другое утро, чуть только забрезжило, он поднялся и, едва передвигая ноги, занялся хозяйством, чтобы Грейс имела под рукой все, когда будет готовить завтрак. На скамью под окном он поставил ведро с водой, положил охапку дров, пучок лучин и кусочком мела написал на скамье: «Будет лучше, если мы не увидимся. Завтрак оставь на скамье».

В семь часов он постучал к Грейс в окно, как и обещал, и поспешно ушел к себе под навес, чтобы она его не увидела.

Он же сам хорошо видел из своего убежища, как она, услышав стук, открыла ставень и выглянула в окно. Томный взгляд ее больших глаз сказал ему, что и она спала эту ночь не больше, чем он, а по красным векам угадал, что, проснувшись, она долго

плакала. Грейс прочитала послание, и в лице ее, как показалось Джайлсу, мелькнуло разочарование; она внесла в дом приготовленные воду и дрова, думая, по-видимому, что Джайлс куда-то спозаранку ушел. Джайлс, не выдавая своего присутствия, ждал; он не сомневался, что деревенская девушка, хотя и получившая благородное воспитание, должна справиться с нехитрой кухонной работой.

В хижине все шло так, как представлял себе Джайлс, хотя Грейс спала значительно больше, чем он. После одиночества ночи ей очень хотелось повидать Джайлса; но, прочитав слова на скамье и поразмыслив над их значением, она не решилась окликнуть его. Грейс нашла множество всякой провизии в доме, — Уинтерборн пополнял свои запасы раз в неделю; а как раз вчера в Хинток приезжал из Шертонa продуктовый фургон. Приготовив завтрак, Грейс выставила все наружу, как накануне вечером, а сама, несмотря на то, что ей очень хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на него, поспешно отошла от окна, предоставив Джайлса самому себе.

Утро было свинцово-серое, дождь, немного передохнув, полил опять. Грейс, не видя и не слыша Уинтерборна, решила, что он ушел делать свою дневную работу. Она забыла, что накануне вечером он обещал на завтра проводить ее в Шертон. Роковая забывчивость! Весь день Уинтерборн находился в пятидесяти ярдах от нее, не имея сил двинуться.

Время тянулось медленно; Грейс, не зная, когда отправиться в путь и на чем лучше добираться до Эксбери, не спешила покинуть гостеприимный кров. Дверь в хижину была крепко заперта на засов, так что никто чужой не мог заглянуть мимоходом. Грейс была в относительной безопасности за этими стенами, во всяком случае, в большей безопасности, чем где-либо.

Сырые сумерки осеннего дня усугублялись еще плотным шатром листвы, роняющей с каждым порывом ветра каскады капель. Начало осени в этом году стояло дождливое. Грейс, томясь вынужденным бездельем, сидела у окна в единственной комнате и смотрела наружу, где копошились, занятые своими делами, непуганные обитатели лесного края: зубастые и с клювом; пернатые, чешуйчатые или одетые в мех; коленчатые, извивающиеся кольцами жители земных недр. Вся эта мелочь, полагая, что Уинтерборн совсем покинул хижину и теперь в ней никого нет, кружила около, прикидывая, нельзя ли использовать ее под зимние квартиры. Наблюдая своих меньших братьев, которым неведомы были ни законы морали, ни понятие греха, Грейс отвлеклась немного от своих несчастий; миновал полдень, и она стала убирать хижину, внося кое-какие усовершенствования и представляя себе, как Джайлсу будут приятны следы ее хозяйствования.

Один-два раза ей показалось, что из-за деревьев денесся какой-то звук, точно там кто-то кашлял, но звук не приближался, и она подумала, что это щелкает белка или какая-нибудь птица.

Стало наконец темно, Грейс разожгла в очаге огонь по-

больше: вечер обещал быть прохладным. Когда совсем стемнело (час еще был сравнительно ранний) и в тени деревьев уже нельзя было разглядеть человеческое лицо, Грейс с облегчением услышала слабый стук в окно: это мог быть только Джайлс.

Она поспешно открыла раму и протянула руку, узрев знакомые очертания его фигуры. Джайлс взял протянутую руку, и Грейс ощутила, какой горячей и бессильной была его рука.

«Он очень быстро шел, чтобы поскорее прийти»,— подумала она. Откуда ей было знать, что он только что выполз из-под своего листовенного навеса и что сухой жар его руки был признаком вернувшейся лихорадки.

— Джайлс, ты такой добрый! — воскликнула она порывисто.

— Любой на моем месте поступил бы так же,— возразил Уинтерборн, стараясь говорить своим естественным тоном.

— А как мне все-таки добраться до Эксбери?

— Я думал об этом,— ответил Джайлс с заботливой почти-тельностью,— и решил, что самое лучшее остаться здесь, если ты хочешь, чтобы тебя не нашли. Ты знаешь, дом этот — твой, сколько бы ты здесь ни оставалась; а твой муж, видя, что тебя нет и что ты не думаешь возвращаться, глядишь, через денек-другой уедет обратно. А я на днях схожу в Хинток разведать, как дела, и, если надо будет, провожу тебя в Шертон. Скоро начнется заготовка сидра, и мне все равно надо пойти туда узнать, какой нынче урожай яблок. Вот мы и пойдем вместе. Эти же два дня я буду очень занят.

Уинтерборн надеялся, что через два дня он поправится и сможет проводить Грейс.

— Надеюсь, ты не очень предаешься унынию в этом невольном заточении?

Грейс ответила, что ей здесь хорошо, но все-таки вздохнула.

Они так давно знали друг друга, что читали один у другого в сердце, как по книге.

— Я боюсь, ты раскаиваешься,— сказал Джайлс,— что пришла сюда. И еще ты, наверное, думаешь, что я должен был в первый же вечер проводить тебя?

— Нет, нет! Мой дорогой, мой единственный друг,— проговорила, волнуясь, Грейс. — Я сожалею только о том, что причиной тебе такие неудобства: я отняла у тебя твой дом, выгнала на улицу. И я не хочу больше молчать о своих чувствах! Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Ни к одному человеку на свете я не отношусь лучше и никогда не буду относиться. Но поскольку я поклялась принадлежать другому и закон не освободил меня, я не могу сейчас вести себя иначе, не могу нарушить клятвы. Я не считаю себя связанной с ним перед лицом высшей справедливости после всего, что он сделал. Но я дала слово и теперь за это расплачиваюсь.

Остаток вечера Джайлс рубил дрова, принес воду,— словом,

старался сделать все, чтобы на следующий день Грейс ни в чем не знала нужды; время от времени они перекидывались словами; и Грейс ненадолго забыла о своих несчастьях и о том, что любовь ее к Джайлсу обречена. Единственным прегрешением Джайлса, — если это можно назвать прегрешением, — нарушившим принятый им обет святого служения Грейс, был невольный поцелуй, который он запечатлел на ее руке, протянутой в окно на прощание. Он знал, что Грейс плачет, хотя и не видел ее слез.

Она опять стала умолять Джайлса простить ее за то, что она, думая только о себе, оставила его без крова. Но это всего на два дня, — ведь ей необходимо уехать отсюда, успокаивала она себя.

— А я... я не хочу, чтобы ты уезжала, — сказал горячо Джайлс.

— О Джайлс! Я понимаю... понимаю, — ответила Грейс, — но ведь ты мужчина, а я женщина. Я не могу сказать яснее... Я так хотела бы впустить тебя, но... ты понимаешь, о чем я думаю, ведь ты так хорошо меня знаешь.

— Да, Грейс, да! Я знаю, нерасторжимые узы твоего брака вполне определяют наши отношения. Я просто сказал то, что чувствую.

— Если я останусь, то самое большее через неделю меня здесь найдут, и, сколько мне известно, он может по закону потребовать моего возвращения.

— Да, ты, наверное, права. Ты уйдешь отсюда, когда захочешь, дорогая Грейс.

Может, все еще образуется, на прощание попытался утешить ее Джайлс, и Фитцпирс не будет навязывать ей себя, видя, какую это причиняет ей боль. Затем окно затворилось, ставни захлопнулись, и шорох его шагов умолк.

Не успела Грейс лечь в тот вечер в постель, как завыл ветер, и после первых яростных порывов полил дождь. Ветер дул все сильнее, буря разыгралась вовсю, и трудно было поверить, что не человек из плоти и крови, а нечто бестелесное, невидимое грохочет по крыше, с треском гнет ветви, прыгает с деревьев на трубу, сует голову в дымоход, завывает и свистит снаружи за каждым углом. Как в рассказах ужасов, нарушителем спокойствия был бесплотный дух, которого нельзя увидеть, а можно только ощущать. Первый раз за всю жизнь испытала Грейс страх перед бурей в ночном лесу, потому что никогда раньше не была так одинока. Ей казалось, что она раздвоилась: ее «я», энергичное и одушевленное ясным намерением, исчезло, оставив пустую оболочку.

Ветка соседнего дерева, которое раскачивалось чуть не до земли, как гигантская ладонь, била иногда по крыше, точно по лицу противника; сейчас усиливалась барабанная дробь дождя, будто кровь брызгала из нанесенной раны. А ведь Джайлс там, снаружи, и Грейс не знала, хорошо ли он защищен от ненастья.

Мысль о замерзшем, промокшем до нитки Джайлсе становилась нестерпимой. Это по ее милости он мокнет сейчас в холодном осеннем лесу; чтобы дать ей приют, он оставил свой дом, в

котором была всего одна комната. Она не достойна была такой жертвы. И она не может принять ее. Беспокойство ее росло; думая о Джайлсе, она вдруг вспомнила некоторые особенности их сегодняшнего свидания через окно, которые ускользнули было от ее внимания. Его лицо, насколько она могла разглядеть, очень изменилось: щеки опали, яркость красок потухла; она не назвала бы теперь Джайлса родным братом осени. Она вспомнила, что и тон его голоса стал другим, и ходить он стал медленно, с трудом волоча ноги, как очень уставший человек. А те звуки, которые слышались ей весь день и она еще подумала, что это щелкает белка? А вдруг это кашлял Джайлс?

Так постепенно Грейс пришла к убеждению, что Уинтерборн или болен, или только что встал на ноги после болезни и что все это время он тщательно скрывал от нее свою хворь, чтобы она не терзалась совестью, принимая его гостеприимство, которое в силу обстоятельств требовало отсутствия хозяина дома.

— Мой бесценный, мой дорогой друг! Единственная отрада моего сердца! — воскликнула в сильной тревоге Грейс. — Нет, нет, этого больше не будет!

Соскочив с кровати, она раздула огонь, поспешно оделась и, взяв ключ, пошла к двери, находившейся в двух шагах: дом Джайлса был, к счастью, в один этаж. Грейс не сразу повернула в замке ключ; прижав руку ко лбу, она секунду замешкалась.

В окно громко застучали сорвавшиеся с дерева капли, и Грейс решилась. Повернув ключ, она настежь распахнула дверь.

Темнота снаружи была такая непроглядная, что ее глаза точно залепило черной смолой. Только сейчас она поняла, какой был ливень; с карнизов падали настоящие реки. Она прислушалась, губы ее слегка приоткрылись; придерживая одной рукой дверь, она вглядывалась в темноту, пока глаза ее не привыкли и она не стала различать размахи ветвей соседних деревьев. Подавив в себе робость, Грейс громко крикнула:

— Джайлс! Иди в дом!

В ответ только зашумел ветер; испуганная собственной безрассудной смелостью, Грейс бросилась в дом, захлопнув за собой дверь. Но в комнату не вошла; а осталась стоять у порога, глядя в пол с пылающими щеками. А вдруг он совсем здоров? Но стыд очень скоро уступил место жалости. Грейс снова открыла дверь, на этот раз более твердой рукой.

— Джайлс! Джайлс! — опять закричала она, теперь уже во всю силу голоса, преодолев смущение. — Иди в дом! Иди скорее! Где ты? Я была слишком жестока, я думала только о себе! Ты слышишь меня? Я не хочу, чтобы ты оставался снаружи! Я хочу, чтобы ты шел в дом! Джайлс!

На этот раз он откликнулся. Его голос одним из голосов ненастья прилетел к ней сквозь тьму и завывание ветра.

— Я рядом с тобой, Грейс. Не волнуйся. Все в порядке.

— Ты не хочешь идти под крышу? Но ведь ты, наверное,

насквозь промок. Иди сюда. Мне теперь все равно, что обо мне подумают или скажут!

— Мне здесь хорошо, Грейс,— опять откликнулся Джайлс. — Не беспокойся. Иди спать. Доброй ночи!

Грейс вздохнула, отступила назад и медленно затворила дверь. Что теперь он подумает о ней после ее безрассудных слов? А может, она заметила в нем перемену, потому что давно не видела его? Говорят, время меняет людей не постепенно, а сразу. Ну что ж, она сделала все, что могла. Он сам не захотел вернуться в дом. И Грейс легла спать.

ГЛАВА XLII

На следующее утро Грейс спозаранку подошла к окну. Она решила во что бы то ни стало повидать Джайлса и принялась с воодушевлением готовить завтрак. Пробыло восемь часов, и она вдруг вспомнила, что Джайлс не разбудил ее стуком в окно, как вчера, и беспокойство ее переросло в тревогу.

Завтрак был готов и поставлен на подоконник. Но Джайлс не появлялся, и Грейс не отходила от окна. Пробыло девять часов, завтрак остыл, а Джайлса все не было. Дрозд, распеваящий одну и ту же песню на соседнем кусте, слетел на подоконник, схватил с тарелки кусок, проглотил и, озираясь по сторонам, клюнул еще. В десять часов Грейс убрала поднос и села за свою одинокую трапезу. Джайлса, наверное, позвали по делам, и он ушел, благо дождь прекратился.

Грейс очень хотелось убедиться, правда ли Джайлса нет возле хижины, и она решилась было осмотреть все кругом, но передумала: день был погожий, и она испугалась, что ее увидит кто-нибудь из дровосеков или просто случайный прохожий. Одиночество ее в тот день усугубилось еще тем, что остановились часы: в них кончился завод, и некому было завести их заново. В очаг с печальным шорохом падали хлопья саж, намочшей от дождя. Однажды она услышала за окном какое-то шуршание и выглянула: шуршал тритон, выползая из-под листьев, чтобы погреться последний раз на солнышке, которое появится теперь не раньше мая.

Грейс то и дело подходила к окну, но видела она очень мало. Перед хижинкой на земле лежала бурая масса прошлогодних листьев, а по ней были разбросаны зеленые, чуть подернутые желтизной листья этой осени, которые до времени сорвало с деревьев ночной бурей. У дома стоял развесистый старый бук, с большими круглыми впадинами на стволе, откуда торчали когда-то могучие сучья; черный слизняк упорно полз по нему вверх; там и сям, точно ихтиозавры в музее, торчали скелеты облетевших кустов, как веревкой опутанные умирающей жимолостью.

Из другого окна был виден лес. Впереди стояли деревья, в кафтанах из лишайника и мягких сапожках из мха. У корней ли-

монно желтели поганки, иные совсем без ножек, иные на тонких длинных ниточках под крошечными шляпками. Дальше вглубь дерева стояли плотной стеной, они не раз билась в борьбе за жизнь, и сучья их хранили следы увечий. Грейс слышала шум битвы этих исполинов. Под ними из мха торчали, как черные зубы из зеленых десен, высокие, трухлявые пни — полуистлевшие останки павших бойцов.

Мох рос везде — то светлыми, то темными зелеными островками среди прелой листвы; он походил то на маленькие елочки, то на плющ, то на малахитовые звезды, а то просто на мох и ни на что больше.

Этот день был невыносимо тягостным для Грейс, еще одного такого же дня она бы не вынесла. Наконец стало темнеть; солнце, коснувшись подбородком окоема земли, нащупало слабое место в пелене туч, и тонкие лучи его пронизали сырую мглу леса; мокрые стволы заблестели, а листья под буком, озаренные солнцем, загорелись алыми пятнами. Лучи скоро погасли, и на землю опустилась ночь; Джайлс должен был вот-вот вернуться, а Грейс уже не находила себе места от тревоги и неизвестности.

Простая вечерняя еда: чай и кое-какая снедь, приготовленная Грейс, стояли, чтобы не остыть, на решетке очага, ожидая хозяина. А Джайлс все не приходил. Вот уже около суток Грейс не видела его. Тьма в комнате сгущалась, только огонь из очага бросал на стены неверный, колеблющийся свет; Грейс чувствовала, что, если не повидает Джайлса или все равно кого, она не переживет эту ночь. Было уже, наверное, восемь часов, а в окне так ни разу и не обозначилась его фигура. Грейс не дотронулась до еды. Она сидела у очага, в котором тлели красные угли, обхватив руками колени. Потом вдруг встала, подошла к двери, отомкнув замок, приоткрыла дверь и прислушалась. С наступлением сумерок ветер стих совсем, но дождь опять зарядил, как прошлой ночью. Простояв у двери минут пять, Грейс вдруг услышала очень близко тот самый звук, похожий на кашель, который она слышала уже не раз. Если это кашляет Джайлс, то, значит, он здесь, рядом? Почему же тогда он не подошел к окну?

Ужасное предчувствие сжало сердце Грейс; а вдруг он не может подойти, у него нет сил? Встревоженная не на шутку, Грейс искала глазами фонарь, который висел над ее головой. Надо зажать его и выйти посмотреть, тогда сразу все прояснится; но она не решалась покинуть стены спасительного убежища, как вдруг новые звуки донеслись до нее из темноты, от которых Грейс облилась холодным потом.

Она явственно услышала чье-то бормотание. Сначала ей показалось, что говорят несколько человек, но скоро она поняла, что это один и тот же голос. Это был бесконечный, непрерывный монолог: так бормочет бегущая в глухомани речка или шелестит о камни плющ. Грейс узнала голос: это говорил Уинтерборн. Но кто был его собеседник, такой бессловесный, такой терпеливый? Ибо

хотя Уинтерборн и говорил что-то очень быстро и настойчиво, никто не возражал ему.

Страшная догадка, как молния, сверкнула в ее мозгу.

— О,— воскликнула она в отчаянии, едва попадая в рукава пальто. — Какое себялюбие, какой эгоизм! Всегда вести себя правильно! Слишком, слишком правильно! И вот теперь это глупое соблюдение приличий убивает человека с таким благородным сердцем, какое никогда еще не билось ни для одной женщины!

Осыпая себя упреками, Грейс засветила фонарь и, ни о чем больше не думая, бегом побежала туда, откуда доносилось бормотанье. Она различила едва заметную тропку, ведущую к небольшому шалашу величиной с копну, находившемуся от дома шагах в пятидесяти; когда начинался сезон рубки, подобные шалаши во множестве появлялись в лесу. Это было совсем легкое строение, в котором нельзя было выпрямиться во весь рост, даже не сарай, а что-то вроде навеса для хранения дров. Одной стены не было вовсе, и Грейс, просунув фонарь внутрь, увидела то, что и ожидала увидеть. Оправдались самые худшие ее опасения.

Прямо на полу, на подстилке из сена, лежал ее Джайлс; он был одет в тот же костюм, в каком она видела его все это время, только на голове ничего не было, и волосы в беспорядке спутались и сваялись. Платье его и сено были насквозь мокрые. Руки он закинул за голову; лицо пылало, глаза блестели лихорадочным блеском; и, хотя взгляды их встретились, Грейс поняла, что он не узнает ее.

— О, Джайлс! — воскликнула она. — Что же я наделала!

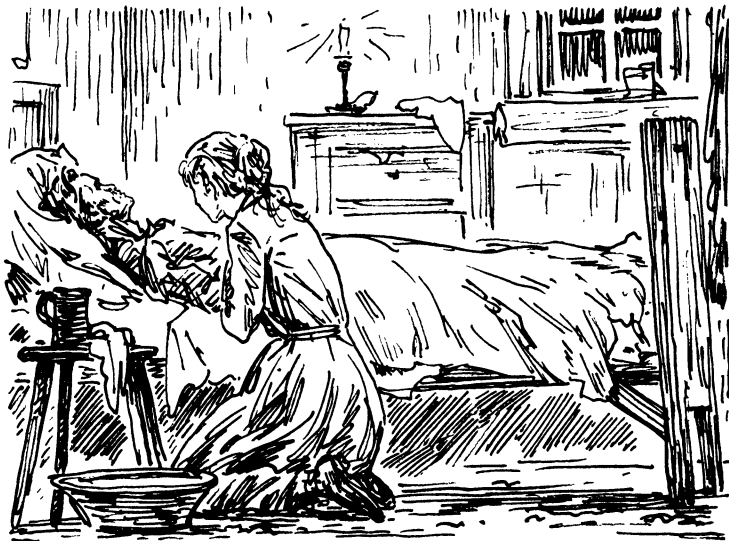
Но она тут же перестала причитать. Надо было немедленно действовать.

Как у нее хватило сил перенести Джайлса в дом, она потом никогда не могла понять. Обхватив сзади туловище Джайлса, она посадила его, затем уложила на один из бывших здесь плетней и, напрягши все силы, потащила его по тропинке к дому. Передохнув у порога, она кое-как втащила его в дом.

Было невероятно, что Джайлс, хотя и находившийся в полубессознательном состоянии, так покорно подчинялся всему, что делала с ним Грейс. Но он не узнавал ее; ведя нескончаемую беседу с самим собой, он воображал Грейс не то ангелом, не то каким-то другим неземным существом, обитателем воображаемого мира, в котором он сейчас находился. Водворение Джайлса в дом заняло у Грейс около десяти минут, и вот теперь, к ее большому облегчению, он лежал в постели, в теплой комнате, под крышей, а мокрое платье его сушилось над очагом.

Несчастливая Грейс поднесла свечу к лицу Джайлса и содрогнулась: глаза его не видели ничего вокруг, а бормотание становилось все чаще, бессвязнее. Сознание несло сквозь вселенную мыслей, как комета в межзвездном пространстве, путем странным, непредугаданным и непостижимым.

Грейс была вне себя, почти так же, как Джайлс. Она сразу поняла, что Джайлс умирает. Не в силах противостоять порыву,

она опустилась на колени и стала целовать его руки, волосы, лицо, приговаривая сквозь слезы:

— О, как я могла! Как я могла!

Грейс, верная своим нравственным принципам, до последних минут недооценивала величия благородной души Джайлса, хотя знала его давно. Чистота помыслов, власть над низменными инстинктами, деликатность чувств — все это в полной мере открылось Грейс только сейчас, когда он так самозабвенно, без колебаний, пожертвовал собой ради нее. И та любовь, которую Грейс питала к Джайлсу (Артемиды всегда преобладала в ней над Афродитой), превратилась под действием этого открытия в благоговейный восторг.

Грейс ухаживала за Джайлсом, как самая заботливая сиделка, находя горькое удовлетворение в этом запоздалом проявлении любви, хотя Джайлс теперь уже ничего не чувствовал. Она обмывала водой его пылающий лоб, гладила цепенеющие пальцы, смачивала губы, дула на горячие, как огонь, веки, вытирала обильно выступающий пот, — словом, делала все возможное, чтобы уменьшить его страдания, используя домашние средства и собственную смекалку. Она была виновата в страданиях Джайлса, и к чувству безграничной жалости примешивалось раскаяние.

Полгода назад точно такая сцена разыгралась в Хинтокхаусе. Участники ее были самым тесным образом связаны с героями настоящей драмы. Внешне ситуации были схожи, но как бесконечно разнились планы духовные; одно было общим — женская беззаветная преданность.

Исполнив обязанности сестры милосердия, Грейс взглянула на все еще бредившего Джайлса и поняла, что необходимы более решительные действия. Как бы ни хотелось ей одной ухаживать

за Джайлсом, она видела, что надо как можно скорее позвать врача, пока еще теплится надежда на спасение. Это выдаст ее убежище, но Грейс теперь было все равно, даже если Джайлсу ничем уже помочь нельзя. Затруднение заключалось в другом: где взять в такую пору знающего врача?

Поблизости был один такой врач, и он мог бы спасти Уинтерборна, если это еще возможно. Его необходимо сейчас же привести к постели Джайлса. И она попытается это сделать хотя бы ценой собственного возвращения домой.

Теперь она боялась только оставить Джайлса одного; минута текла за минутой, а Грейс все еще медлила. Наконец, уже около полуночи, Уинтерборн забылся беспокойным сном, и она решила этим воспользоваться.

Грейс поспешно поправила ему подушку, одеяло, надела пальто, взяла из связки свечей, висевших в шкафу, новую, зажгла ее и укрепила на столе так, чтобы свет не падал ему в глаза. Притворив за собой дверь, она чуть не бегом бросилась в Хинток. К счастью, дождь к тому времени перестал.

Образ Джайлса стоял перед ней всю дорогу, и она забыла про темноту. От непрерывных дождей гнилушки и прелые листья светились под ее ногами и молочными брызгами разлетались в стороны. Она побоялась идти напрямик, чтобы не заблудиться в лесной чаще, а пошла по знакомой тропе вдоль опушки, которая скоро вывела ее на большак. Почувствовав под ногами ровную дорогу, Грейс побежала бегом; силы ей придавала любовь к Джайлсу и страх за него; в том же решительном настроении миновала она холм Хай-стоу и скоро очутилась в Хинтоке, у того самого дома, откуда несколько дней назад бежала в таком смятении и страхе. Но за эти дни произошла ужасная, непоправимая беда, которая изменила все, и Грейс больше не думала ни о себе, ни о своем бегстве, ни о том, чем ей грозит появление в Хинтоке.

Грейс по-прежнему ценила в Фитцпирсе только его профессиональное умение. И это было справедливо. Если бы трудолюбие его равнялось уму, а не было спорадическим, от случая к случаю, то он давно бы уже не только в мечтах обладал и богатством, и славой. Его независимый ум, свободный от предрассудков и не впадающий в ошибки, свойственные его собратьям, даже мешал ему в Хинтоке, где люди свято верили в лекарское искусство, не догадываясь, что природа — лучший врачеватель и что дело доктора только помогать ей.

Было уже за полночь, когда Грейс подошла к дому отца, в котором должен был снова обосноваться ее муж, если только сразу не уехал обратно. Выбравшись из лесной чащи, стеснившей хижину Уинтерборна, она заметила, что сырой ночной воздух был светел, несмотря на сплошной покров туч; значит, поверх него в небе плыл нарастающий месяц. Ясно белели в темноте нижние и верхние ворота и белые шары на столбах; лужи, оставленные дождем, и полные воды колеи холодно

поблескивали, как безжизненный взгляд мертвеца. Войдя во двор через нижние ворота, Грейс устремилась к тому крылу, которое после замужества принадлежало ей; и остановилась у окна спальни Фитцпирса.

Грейс глянула на темное стекло, за которым, возможно, почивал сейчас ее супруг, и мужество ее поколебалось.

— Вот сейчас я выдам свое присутствие человеку, который причинил мне столько мук,— прошептала Грейс, прижимая руку к груди.— Увы! Доктор Джонс живет отсюда за много миль, а Джайлс, наверное, умирает. Что же еще мне остается делать?

Вся в поту не от быстрой ходьбы, а от горьких мыслей и опасений, Грейс подняла с земли камешек, бросила в окно и стала ждать. На двери по-прежнему висел колокольчик, который повесили, когда Фитцпирс водворился здесь, но им уже давно никто не пользовался,— с тех пор, как практика Фитцпирса сошла на нет, а сам он пребывал в бегах, и Грейс не решилась дернуть веревочку.

Кто бы ни спал сейчас в спальне ее мужа, но он услышал легкий удар камешка о стекло. Окно почти тотчас приоткрылось, и голос, который Грейс сразу узнала, спросил: «В чем дело?»

— Доктор,— проговорила она, изменив голос, чтобы не выдать себя.— В маленькой хижине по дороге в Делборо лежит тяжело больной человек. Ему срочно нужен врач. Ради бога, помогите ему!

— Сейчас же иду!

В ответе Фитцпирса, неожиданно для Грейс, прозвучали удивление, готовность и даже радость. Чувства эти были вызваны тем, что ночной вызов к больному означал возвращение к привычному делу, а это было так необходимо Фитцпирсу, который в порыве раскаяния покинул стезю ошибок и заблуждений, а дома нашел потухший очаг. Как хотел он сейчас достойной, полной труда жизнью загладить прошлое. Если бы первый вызов по возвращении был к больной кошке или собаке, он бы, кажется, и тогда не отказался пойти.

— Вы знаете туда дорогу? — спросила она.

— Да,— ответил он.

— Маленькая хижина по дороге в Делборо,— повторила она.— Только быстрее.

— Да, да,— ответил Фитцпирс.

Грейс секунды больше не задерживалась. Она вышла через белые ворота, не затворив их, и поспешила к Уинтерборну. Значит, муж ее опять живет в доме отца. Как ему удалось помириться со стариком, на каких условиях был заключен мир — об этом она могла только гадать. Но то, что соглашение было достигнуто, сомневаться не приходилось. Как ни важен был для нее этот вопрос, другой, более важный, заслонял его, и она почти бежала в глубь леса петляющими тропами.

Тем временем Фитцпирс собирался в путь. Какое-то странное, неясное предчувствие волновало его. Услыхав первое слово, произнесенное Грейс, он не узнал ее и ничего не заподозрил, но следующие слова насторожили его; голос женщины за окном поразительно напоминал голос жены. Но это не могла быть Грейс; он знал, что она гостит у подруги, чтобы исподволь подготовить себя к примирению. Фитцпирс был сейчас в таком покаянном состоянии духа, что, услышав причину отсутствия Грейс, и подумать не смел поехать за ней, чтобы лишний раз не вызвать ее неудовольствия. Он не знал, в каком состоянии и в какой поспешности бежала она из дому: никто из домашних не сказал ему.

Мелбери, испуганный и встревоженный этим отчаянным шагом дочери, по зрелом размышлении решил оставить ее в покое. Хотя он был недоволен таким непослушанием, но чувства ее понимал; к тому же драматический ход событий, следовавший за его вмешательством, научил его воздерживаться от крутых мер. Он молил бога, чтобы никакая опасность не встретила ее на пути в Шертон, а затем в Эксбери, если она действительно отправилась туда. Он даже не стал наводить справок, что можно было бы ожидать ввиду столь скоропалительного бегства дочери. Случись такое полгода назад, он непременно начал бы самое тщательное расследование.

Вот в каком настроении был Мелбери, когда молчаливо согласился принять зятя обратно в дом. Мужчины ни разу не видели друг друга, посредничала между ними жена лесоторговца, что очень облегчило Фитцпирсу возвращение под некогда столь гостеприимный кров. Декорум был соблюден, никто ни о чем не спрашивал. Фитцпирс вернулся, готовый во всем покаяться; что было причиной такого перерождения, об этом будет сказано позже; но случайным оно не было. Услыхав в полночь голос, призывавший его к постели умирающего, он стал немедленно собираться, чтобы как можно лучше выполнить свой долг, стараясь не шуметь и не делать переполоха.

Поэтому он не стал будить конюха, чтобы оседлали лошадь или подали двуколку, а отправился в лес к одинокой хижине пешком, следом за Грейс.

ГЛАВА XLIII

Грейс вошла в хижину, сбросила шляпку и пальто и приблизилась к постели несчастного Уинтерборна. Он опять что-то быстро, быстро бормотал, а руки его стали холодные, как лед. Увидав Уинтерборна, Грейс снова ощутила ужас, который отпустил было ее, пока она ходила в Хинток.

Неужели Джайлс действительно умирает? Она опять обмыла ему лицо, поцеловала, позабыв все на свете,— перед ней был человек, любивший ее, как не могут любить сорок тысяч братьев,

пожертвовавший собой ради ее удобства, дороживший как зеницей ока ее добрым именем.

За окном послышались быстрые, легкие шаги: она знала, кто это шел сюда.

Грейс сидела на краешке кровати у стены, держа в своих руках руку Джайлса, так что, когда ее муж вошел, она оказалась к нему лицом, а распростертый на постели Джайлс между ними. Фитцпирс, как громом пораженный, остановился на пороге, видя перед собой только Грейс. Медленно перевел он взгляд на больного, чтобы узнать, кто это. Хотя отвращение Грейс к мужу было так велико, что, узнав о его возвращении, она бежала из дому как от чумы, в эту минуту в ее отношении к нему не осталось ничего личного. Вздых облегчения вырвался из груди Грейс — так обрадовал ее приход врача, а то, что этот врач был ее мужем, кануло в глубины подсознания. Высокая, святая цель затмила все.

— Он умирает? Есть хоть какая-нибудь надежда?

— Грейс! — прошептал Фитцпирс, вложив в одно это слово страстную мольбу о прощении.

Как завороченный, смотрел он на представившуюся его взгляду картину не столько из-за ее сюжета, хотя сам по себе он был весьма занимателен для человека, считавшегося мужем добровольной сиделки у постели умирающего, сколько из-за того, что на память ему тотчас пришла другая сцена, в которой роль больного играл он, а сиделкой была Фелис Чармонд.

— Он в опасности? Вы сможете помочь ему? — опять спросила она.

Фитцпирс, поборов себя, подошел ближе и оглядел больного, даже не присев к нему. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это конец. Он перевел глаза на Грейс, взвешивая, как она примет роковое известие.

— Он умирает, — с сухой категоричностью проговорил он.

— Что? — воскликнула Грейс.

— Ни я, и никто в целом свете не может больше помочь ему. Это агония. Конечности уже холодеют.

Он не отводил взгляда от Грейс; Уинтерборн не представлял больше для него интереса, ни профессионального, ни любого иного.

— Этого не может быть! Еще неделю назад он был совсем здоров.

— Думаю, что не совсем. Мне кажется, у него то, что называется рецидивом. Он, видимо, переболел какой-то тяжелой болезнью, возможно, тифозной лихорадкой; причем неважно когда: полгода назад или совсем недавно.

— Да, он болел прошлой зимой. Вы правы. И, значит, он уже был болен, когда я пришла сюда.

Нечего было больше ни делать, ни говорить. Грейс, поникнув, сидела на кончике кровати, Фитцпирс опустился на стул. Так они сидели в молчании, Грейс ни разу не взглянула на

мужа и не подумала о нем. Время от времени он привычно отдавал распоряжения, чтобы уменьшить страдания умирающего, Грейс покорно, почти не понимая, что делает, исполняла, что ей было сказано, а в свободную минутку наклонялась над бесчувственным телом Джайлса, обливая его слезами.

Уинтерборн так и не пришел в себя; Грейс скоро и сама увидела, что он умирает. Мenee чем через час агония окончилась; наступила величественная минута покоя; боли прекратились, дыхание стало легким, и Джайлс тихо почил.

Фитцпирс нарушил молчание.

— Ты давно здесь живешь? — спросил он.

Грейс была потрясена несправедливостью утраты; она проклинала людей... небо.

— Да. А по какому праву вы спрашиваете меня об этом? — проговорила она как во сне.

— Не думай, я не претендую на какие-нибудь права,— печально проговорил Фитцпирс.— Ты вольна делать и говорить, что хочешь. Я заслужил твое презрение: я негодяй, и я недостойн даже твоего мизинца. Но, каков ни есть, я вернулся и задаю тебе этот вопрос, потому что ты мне отнюдь не безразлична.

— Он был все для меня! — воскликнула Грейс, едва слыша, что говорит муж; и, опустив благоговейную руку на веки почившего, долгое время не отнимала ее, а поглаживала легким прикосновением ресницы, точно гладила птичку.

Фитцпирс наблюдал за ней, потом оглядел комнату и обратил внимание на кое-какие вещи, которые Грейс принесла из дома.

— Грейс,— сказал он,— я испил чашу унижений до дна. Я вернулся, раз ты не захотела уехать со мной отсюда, опять поселился в доме твоего отца, хотя мне это дорого стоило; я все вынес, не ища снисхождения, потому что знал, что я виноват. Но неужели меня ждет еще большее унижение? Ты сказала, что все это время была в этой хижине с ним, что он для тебя все. Должен ли я сделать отсюда самый последний и такой страшный для меня вывод?

Какой мужчина и какая женщина (особенно женщина) откажется от удовольствия отплатить обидчику той же монетой? Это была первая и единственная возможность для Грейс отомстить мужу за все унижения, которые она с такой кропотливостью переносила.

— Да,— ответила она.

Было в ее тонкой душевной организации что-то такое, отчего она, произнеся это слово, счастливо затрепетала от гордости.

Но уже в следующую минуту после того, как она возвела на себя такую чудовищную ложь, она стала жалеть о сказанном. Лицо ее мужа сделалось белым как стена, против которой он сидел. Казалось, все, чем он еще жил и на что надеялся, было в один миг отнято у него. Он не двинулся с места, а только до

побеления сжал губы, стараясь сдержаться. Ему это удалось, но Грейс все-таки заметила, что удар оказался гораздо сильнее, чем она предполагала. Фитцпирс посмотрел на Уинтерборна.

— Не удивительно ли, — сказал он, едва выговаривая слова, точно ему не хватало дыхания, — что и она, бывшая для меня тем, чем он был для тебя, умерла тоже.

— Умерла, она умерла? — воскликнула Грейс.

— Да, Фелис Чармонд там же сейчас, где этот молодой человек.

— Нет, нет, только не там! — вспыхнула Грейс.

— И я приехал сюда, чтобы помириться с тобой, но...

Фитцпирс поднялся на ноги и, повесив голову, как человек, в душе которого надежда внезапно сменилась отчаянием, медленно пошел к двери. На пороге он еще раз взглянул на нее. Грейс все так же сидела, нагнувшись над Уинтерборном, приблизив к нему лицо.

— Ты целовала его во время болезни? — спросил он.

— Да.

— А во время приступов?

— Да.

— В губы?

— Да.

— Тогда ты должна как можно скорее накапать в воду несколько капель из этого пузырька и выпить.

Он вынул из кармана маленький пузырек, вернулся в комнату и протянул его Грейс.

Грейс покачала головой.

— Если ты не сделаешь этого, все может кончиться очень плохо.

— Пусть. Я хочу умереть.

— Я ставлю пузырек сюда, — сказал Фитцпирс, ставя лекарство на полку. — Я предупредил тебя. По крайней мере, этого греха не будет на моей совести. Я ухажу и пришлю кого-нибудь за тобой. Твой отец не знает, что ты здесь? Вероятно, я должен сообщить ему это?

— Конечно!

Фитцпирс затворил за собой дверь, и скоро его шаги слились с тишиной, царившей над этим печальным местом. Грейс опустилась на колени; она плакала и молилась, не замечая времени; потом встала, накрыла простыней лицо Джайлса и пошла к двери, где недавно стоял ее муж. Она прислушалась, не идет ли кто, но ухо ее уловило только слабое похрустывание сухих листьев, примятых подошвами Фитцпирса, которые медленно принимали прежнее положение. Грейс вспомнила, что Фитцпирс сильно изменился внешне, его всегда одухотворенное, интеллигентное лицо стало тоньше, и в нем появилось то особое выражение достоинства, которое приобретается страданием. Грейс вернулась к изголовью Уинтерборна; размышления ее

были нарушены звуком шагов за окном; раскрылась дверь: кто-то вошел в комнату и остановился в ногах кровати.

— Марти! — прошептала Грейс.

— Да, я все знаю, — проговорила Марти; ее нельзя было узнать, она походила на старуху — так поразила ее смерть Уинтерборна.

— Он умер из-за меня! — с трудом проговорила Грейс. Марти по-своему поняла эти ее слова.

— Он никому теперь не принадлежит, — сказала она, — красавица Грейс и дурнушка Марти — все для него сейчас одно. Я пришла, чтобы помочь вам, мадам. Он ни разу, когда был жив, не подумал обо мне, зато вас очень любил. Но теперь его чувства ко мне и к вам сравнялись.

— Не надо, не надо, Марти!

Марти ничего не прибавала больше, а встала на колени по другую сторону постели.

— Ты встретила моего му... мистера Фитцпирса?

— Нет.

— Тогда, что же тебя привело сюда?

— Я иногда хожу мимо. В это время года я работаю на самом дальнем участке. Я иду туда к четырем часам утра, чтобы пораньше затопить печь. И в этот час я часто прохожу здесь.

Грейс быстро взглянула на нее.

— Ты, значит, знала, что я живу в этой хижине?

— Да, мадам.

— А ты никому не рассказывала об этом?

— Нет. Я знала, что вы живете здесь, что он вам отдал свою хижину, а сам ушел.

— А знала ли ты, куда он ушел?

— Нет, этого я не знала. В Делборо, наверное.

— Нет, Марти, нет. Ах, если бы он ушел туда. Он тогда был бы... был бы...

Слезы душили ее, и она отвернулась. Увидев на окне книжку, Грейс взяла ее.

— Это, Марти, псалтырь. Он не был таким уж религиозным, но был чист сердцем и благороден душой. Давай почитаем псалтырь вместе.

— Да, конечно, я буду очень рада.

Грейс открыла тоненькую коричневую книжку, которую бедняга Джайлс держал главным образом затем, чтобы править о ее кожаный переплет перочинный нож. Грейс начала читать глубоким, выразительным голосом, необычным для женского чтения в таких обстоятельствах.

— Я хочу помолиться теперь за упокой его души,— сказала Марти, когда они кончили читать.

— И я бы тоже хотела, да ведь это нельзя.

— Почему? Ведь никто не узнает.

Довод был неопровержимый, тем более что Грейс мучила совесть за то небрежение, с каким она относилась к живому Уинтерборну; тихие, нежные голоса двух женщин слились и наполнили маленькую узкую комнатку молитвенным бормотанием, которое вполне мог бы одобрить кальвинист. Только они кончили, как снаружи послышались шаги и голоса; Грейс узнала голос отца.

Она встала и вышла из дому; было еще совсем темно, только полуоткрытая дверь бросала немного света. В этой полосе света стоял Мелбери со своей женой.

— Я не упрекаю тебя, Грейс, ни в чем,— сказал он незнакомым голосом, от которого на Грейс повеяло отчуждением.— То, что ты сделала, уйдя к нему, и то, что падет теперь на тебя и на нас, не оплачешь никакими слезами, не искупишь никакой ценой. Возможно, я сам толкнул тебя на это. Но мне очень больно, очень горько, и я потрясен! Мне нечего больше тебе сказать, Грейс.

Не отвечая, Грейс повернулась и исчезла в хижине.

— Марти,— сказала она,— я не могу смотреть в глаза отцу до тех пор, пока он не узнает правды. Поди и расскажи

ему то, что ты сказала мне... то, что ты видела своими глазами... что он оставил здесь меня одну, а сам ушел.

Грейс села на стул, закрыв ладонями лицо; Марти ушла и через несколько минут вернулась. Тогда Грейс поднялась со стула и, выйдя к отцу, спросила его, говорил ли он с Марти.

— Да,— ответил Мелбери.

— Теперь ты знаешь все, как было на самом деле. Пусть мой муж думает самое худшее, но не ты.

— Да, теперь я все знаю. Ты поступила необдуманно, очертя голову, но в этом и вся твоя провинность. Прости меня, Грейс, что я заподозрил тебя в худшем. Я должен был больше доверять тебе. И я надеюсь, ты сейчас же вернешься со мной под кров, который прежде был для тебя родным.

— Нет. Я останусь с ним. И не беспокойся обо мне больше.

Воспоминание о тех удивительных, трогательных и нежных отношениях, совсем недавно связывающих Грейс и Уинтерборна и родившихся в значительной степени при помощи самого Мелбери, увлеченного исполнением заветного плана, это воспоминание не могло не смягчить его вполне естественного негодования, вызванного поведением Грейс в последние дни.

— Дела наши плохи, дочь моя,— сказал он.— Так зачем же делать все, чтобы еще ухудшить их? Какая польза Джэйлсу от того, что ты с ним останешься? Видишь, я ни о чем тебя не спрашиваю. Ни о том, почему ты решила прийти именно сюда; ни о том, что бы ты стала делать, если бы он остался жив; впрочем, я верю, что плохого ты бы не сделала. Я потерял над тобой всякую власть. И я никого в этом не виню. Скажу только, что, вернувшись домой, ты ничем не обидишь его, а себя спасешь от большого срама.

— Я ничего не боюсь.

— Если ты не думаешь о себе, то подумай хотя бы обо мне и о миссис Мелбери. Никто, кроме домашних, не знает, что ты уходила из дому. Ты, видно, хочешь из простого упрямства свести седины мои в гроб?

— Если бы только мой муж...— начала Грейс, которую слова отца немного образумили.— Я не хочу его видеть. Как может женщина, которой противно быть игрушкой в руках мужчины, забыть то, что было?

— Он не останется у нас и секунды, узнав, что ты не возвращаешься из-за него.

— А ты в этом уверен, отец?

— Мы встретили его, когда шли сюда, и он сам сказал,— вмешалась миссис Мелбери.— Он был очень, очень расстроен.

— Он сказал ей, когда вернулся из леса, что будет ждать, пока время и чувство долга сделают свое и ты простишь его,— сказал Мелбери.— Так ведь он сказал, Люси?

— Да. Сказал, что не будет искать твоего общества, пока ты сама не позовешь его,— прибавила миссис Мелбери.

Эта неожиданная покорность Фитцпирса приглась по душе

Грейс, и, хотя она по-прежнему не хотела его видеть, она пожалела, что не сдержалась и сказала ему в отместку такое, от чего он вряд ли будет теперь искать с ней встречи. Грейс больше не отказывалась вернуться домой; войдя со стариками в хижину, она бросила последний прощальный взгляд на Джайлса и стала собирать свои вещи. Тем временем подросли две женщины, которых Мелбери позвал убрать покойника, а следом за ними вошел Кридл.

— Простите меня, мистер Мелбери, не могу справиться с собой,— сказал он.— Я не видел его с вечера четверга и все думал, куда он запропастился. Я ждал, что он вот-вот придет и велит мне мыть бочки для сидра, а он вон что... А я ведь знал его, когда он еще под стол пешком ходил; и отца его знал. Прервался род. И какой! Много ли у нас в Хинтоке хороших людей-то? Раз-два и обчелся. То-то и жалко его так! А когда выйдет срок и косточки Кридла закопают в сырую землю, некому будет всплакнуть о нем!

Мелбери с женой и Грейс отправились наконец домой; Кридл с Марти остались в хижине. Отец и дочь шли молча. Бледная синева рассвета и стынувшие краски неба отражались в озябшем, не просохшем еще от слез лице Грейс. Весь лес, казалось, стал обиталищем смерти, точно утрата коснулась каждого куста, каждого дерева. Уинтерборна не было больше среди живых; а молодые деревца, посаженные им, о которых он, бывало, с такой прозорливостью говорил, что уйдет раньше, чем они, тянулись вверх, цепко впустив в землю корни, которые он направил расти своей искусной, легкой рукой.

— Одно, что примирило нас с возвращением твоего мужа,— начал наконец Мелбери,— это смерть миссис Чармонд.

— Да, я знаю,— откликнулась Грейс, вспомнив сказанное Фитцпирсом.— Он рассказал мне об этом.

— А он рассказал тебе, как она умерла? Смерть ее была не такой, как смерть Джайлса. Ее застрелил человек, добивавшийся ее любви. Это случилось в Германии, несчастный тут же и себе пустил пулю в лоб. Американец из Южной Каролины, человек горячего нрава, он и сюда приезжал, ездил за ней по пятам по всему белу свету. Вот как окончилась жизнь блестящей красавицы миссис Чармонд; когда-то мы, можно сказать, были друзьями; но у тебя с ней дружбы никогда не было.

— Я давно простила ее,— рассеянно проговорила Грейс.— Тебе обо всем этом рассказал Эдрид?

— Нет; он оставил на столе в прихожей лондонскую газету, где все это сообщалось, сложенную так, что нельзя было не прочесть. Думаю, в шертонской газете печальное известие тоже скоро появится. Для Фитцпирса это было тем большим ударом, что он незадолго до того с ней поссорился и уехал. Он сам рассказал об этом Люси, поэтому имя его и не упоминалось в газете. И представь себе, причиной разрыва была та, что осталась сейчас в лесу с Джайлсом.

— Марти? — Грейс говорила, едва сознавая, что говорит. Ибо, хотя история, излагаемая Мелбери, касалась ее очень близко, она сейчас меньше всего могла обо всем этом думать.

— Да, Марти Саут,— продолжал Мелбери, стараясь как-то отвлечь мысли Грейс от печального предмета.

— Перед тем как уехать отсюда, он получил от Марти письмо, но забыл о нем и долго носил его в кармане. Так случилось, что он обнаружил его в присутствии миссис Чармонд и прочитал вслух. В письме этом содержалось что-то очень неприятное для миссис Чармонд. Последовала ссора, затем разрыв. Миссис Чармонд встретила свою смерть, как раз когда спешила вдогонку за Фитцпирсом, чтобы помириться.

Мелбери не знал главной детали, послужившей причиной ссоры: в письме Марти речь шла о том, что не все прелести красавицы Фелис были ее собственные; кое-что ей приходилось заимствовать. Наконец-то пуля попала в цель. Между Фитцпирсом и миссис Чармонд произошла сцена, как бывает, когда женщина позорит другую в присутствии мужчины. Правда, самой Марти не было; обвинение в украшательстве накладными локонами было прочитано самим Фитцпирсом прямо в лицо миссис Чармонд, и читалось оно в том насмешливо-ироническом тоне, какой появляется у мужчины, когда ситуация начинает его раздражать, и «восторги любви», по словам Джорджа Герберта, «становятся пресными». Сколько раз он нежно ласкал эти фальшивые локоны, не зная, что они принадлежат другой; открытие было так неожиданно, что Фитцпирс, в общем человек великодушный, не мог удержаться от саркастической усмешки.

Так все началось, а концом была трагедия. Фитцпирс уехал в спешке, Фелис бросилась за ним на станцию, но поезд уже ушел; она села на следующий, и в Гамбурге, ища его, встретила его соперника; тот начал укорять ее, вспыхнула ссора, кончившаяся смертью обоих. Об этом роковом повороте событий Фитцпирс узнал из газетного сообщения, в котором, к счастью для него, ни слова не было сказано о последнем друге злосчастной леди; не всплыло его имя и на следствии; смерть обоих объяснили крупным проигрышем в рулетку, хотя ни тот, ни другая, как было известно, близко не подходили к игорному заведению.

Мелбери с дочерью подошли к дому, не встретив ни одной живой души, если не считать белки, которая увидела их, но не бросилась вверх по дереву, а, защелкав от досады, что потеряла вкусный каштан, прыгнула на длинных задних лапках вниз и стала искать его на земле. Когда за деревьями стали видны крыша и трубы родного дома, Грейс замедлила шаг.

— Вы должны ясно понимать,— сказала она, обращаясь к своей мачехе, чувствуя, что мужество покидает ее,— что я возвращаюсь домой только при том условии, что он сейчас же уедет. Не могли бы вы передать ему это, чтобы не было никаких недоразумений?

Миссис Мелбери, которая неоднократно беседовала с Фитцпирсом с глазу на глаз, заверила Грейс, что беспокоиться ей нечего и что самое позднее к вечеру мужа ее в Хинтоке и духу не будет. Только после этих слов миссис Мелбери Грейс вступила в отцовское крыло дома и, ко всему безразличная, села в гостиной, поджидая возвращения мачехи, которая пошла переговорить с Фитцпирсом.

Такое беспрекословное послушание доктора делало ему честь. Не успела миссис Мелбери вернуться в гостиную, а он уже шагнул по двору к воротам с саквояжем в руках, хорошо видимый сидевшей у окна Грейс в набирающем силу дневном свете. Проходя сквозь ворота, он обернулся. Каминный огонь, освещавший комнату, отпечатав на стекле темный силуэт Грейс, и он, должно быть, заметил ее. В следующий миг он вышел за ворота, створки захлопнулись, и Фитцпирс исчез. В лесной хижине она сказала ему, что другой узурпировал его права, а теперь изгоняла его из дома.

ГЛАВА XLIV

Не прошло и часа после ухода Фитцпирса, как Грейс почувствовала недомогание. На другой день она не вышла из комнаты. Позвали старого доктора Джонса; он высказал несколько предположительных диагнозов; среди прочего Грейс услышала о тифозной лихорадке. И она сразу все поняла.

Однажды, когда она все еще лежала в постели, мучаясь сильнейшей головной болью и думая о том, что, верно, пришел и ее час и она внедолго последует за тем, с кем так недавно рассталась, в комнату тихонько вошла бабушка Оливер и, протянув ей что-то, сказала:

— Вам это нужно, госпожа? Я нашла на столике. Думаю, Марти оставила. Она приходила сегодня утром.

Грейс перевела воспаленный взгляд на протягиваемый бабушкой предмет. Это был тот самый пузырек, который Фитцпирс оставил тогда в хижине, посоветовав ей выпить из него несколько капель, чтобы уберечься от болезни, унесшей Уинтерборна. Теперь она внимательно рассмотрела пузырек. Лекарство было коричневого цвета, с итальянской надписью на ярлычке. Он, вероятно, купил его во время странствий за границей. Грейс немного знала по-итальянски и поняла, что это было жаропонижающее средство, стимулирующее сердечную деятельность. Отец, мачеха, все домашние так хотели ее выздоровления, что она решилась, каков бы ни был риск, отведать этого зелья. Принесли рюмку с водой, Грейс отсчитала несколько капель.

Хотя мгновенного выздоровления не последовало, но действие этого лекарства оказалось очень эффективным. Уже через час уменьшился жар, Грейс почувствовала себя лучше, спокойнее, стала замечать окружающее; нервное возбуждение почти

улеглось; мрачные мысли отлетели. Грейс приняла еще несколько капель. С этой минуты лихорадка пошла на убыль и скоро совсем угасла, как залитый водой пожар.

— Какой он умный! — подумала с сожалением Грейс. — Будь он так же тверд в принципах, как и умен, сколько добрых дел мог бы он сделать! Он спас мою никчемную жизнь. Но он не знает этого, и ему нет дела, пила я его лекарство или нет. И я никогда не расскажу ему об этом. Возможно, кичась своим искусством, он хотел доказать мне, какая великая сила в его руках и что я в сравнении с ним ничто; так пророк Илия доказал вызванным с неба огнем истинность своего бога.

Полностью оправившись от побежденной заморским зельем болезни, Грейс немедленно пошла к Марти Саут. Весь интерес ее жизни опять сосредоточился на воспоминании о потерянном навсегда Уинтерборне.

— Марти, — сказала она девушке, — мы обе любили его. И мы должны вместе пойти к нему на могилу.

Церковь Большого Хинтока стояла на пригорке за деревней; туда можно было идти тропинками, минуя деревенскую улицу. В сумерки одного из последних сентябрьских дней Грейс и Марти отправились туда; они шли, выбирая окольные тропки и по большей части пребывая в молчании, занятые собственными мыслями. У Грейс, помимо общего с Марти горя, было свое: ее мучило сознание, что своим необдуманным шагом она сама погубила Джайлса. Грейс пыталась убедить себя, что болезнь все равно сделала бы свое дело, если бы она и не поселилась у него в доме. Иногда ей удавалось это, иногда нет.

Они стояли у могилы, и, хотя солнце уже село, им было далеко видно окрест; взгляд их скользил по долине Черного Вереска, куда в это время года Джайлс обычно отправлялся вместе со своим сидровым прессом.

Сознание того, что Джайлс и живой был для нее потерян, несколько смягчало для Грейс горечь утраты. Но он и для Марти был недосыгаем живой, так что разлука ни той, ни другой не была внове, они и при жизни его были разлучены с ним.

Чем больше Грейс думала, тем больше убеждалась, как ей ни было горько, что она никогда не понимала Джайлса так, как понимала его Марти. Марти Саут, одна из всех женщин Хинтока, да и не только Хинтока, а всего света, действительно приблизилась к тому тончайшему идеальному пониманию природы, какое отличало Джайлса изо всех людей. В этом отношении она была достойной ему парой, можно сказать второй его половиной; мысли ее и чувства никогда бы не вступили в противоречие с тем, что думал и чувствовал он.

Безразлично смотрели поселяне, проходя мимо, на чудесный мир стволов и листьев, именуемый Хинтокским лесом; и только эти двое, Марти и Джайлс, видели этот чудесный мир во всем его великолепии. Они владели его сокровенными тайнами; читали, как по книге, его иероглифы; звуки и образы ночи, ветра, бури, зимы, обитающие в его зарослях и полные для Грейс таинственного, даже мистического смысла, были для них заурядными явлениями, чьи законы возникновения и развития они давно постигли. Они вместе сажали эти кусты и деревья, вместе валили их; все отдельные знаки и символы природы, напоминающие порознь темное руническое письмо, обнаруживали их взору строгий, полный значения порядок. Когда тонкий побег в чащобе случайно задевал их по лицу, по цвету его они безошибочно узнавали, какому виду принадлежит несущий его куст; по шуму ветра в листве они угадывали название даже самого далекого дерева. По одному взгляду, брошенному на кору, одевавшую ствол, они могли безошибочно сказать, здорова ли сердцевина или начинает гнить; а по виду самых верхних ветвей знали, каких слоев почвы достигают корни. Глазами режиссера, а не зрителя, смотрели они на представление, разыгрываемое в лесу природой из месяца в месяц.

— Он должен был стать твоим мужем, Марти, и больше

ничим,— убежденно проговорила Грейс после долгого молчания.

Марти покачала головой.

— За все время, которое мы провели вместе в лесу,— сказала она,— о чем только мы не говорили, но о любви — никогда.

— Зато вы говорили на одном языке: на языке леса, цветов и яблочек. И никто не знал его лучше вас, даже мой отец.

Грейс, беседуя с Марти, изливала свою печаль; но самая горькая печаль, которой не ведала Марти, неизменно пребывала в ее душе. Если бы она знала наверняка, что Джайлса унесла в могилу единственно простуда, схваченная им в те ненастные ночи, то раскаяние и муки совести свели бы ее с ума. Она убеждала себя, что простуда лишь ускорила то, что должно было случиться неотвратимо. Но как было бы хорошо, если бы вины ее вовсе не было!

Существовал только один человек, который мог бы рассеять сомнения Грейс. Этим человеком был ее муж. Но заговорить с ним об этом значило сообщить ему такие подробности, которые представили бы в истинном свете ее отношения с Уинтерборном в последние три-четыре дня перед его смертью. А этого ей не хотелось. Она почла бы за слабость отказ от своего первого, героического, признания. Грейс ни на минуту не сомневалась, что Фитцпирс поверит ей, если она расскажет ему, как в действительности обстояло дело; но, решись она на это сейчас, он расценит ее слова как объявление перемирия; а в теперешнем состоянии духа она не могла и думать об этом.

После всего, что было сказано до сих пор о Фитцпирсе, вряд ли у кого вызовет удивление тот факт, что теперь, когда Грейс поведала ему о своем падении, она вдруг пробудила в нем страстный, жгучий интерес. Тогда как верностью она только раздражала его и не сумела удержать от грехопадения.

Он признался себе, что никогда, видно, не понимал до конца ее пылкий характер, во всяком случае, ему и в голову не могло прийти, что она способна на такую месть; и хотя он с прискорбием отнесся к случившемуся, он винил не Грейс, а только самого себя. И в своей униженности он теперь думал о Грейс не иначе, как с восхищением.

Фитцпирс жил в Эксбери; и эти два месяца, проведенные вдали от Грейс, были месяцами беспросветного отчаяния; Грейс же, зная она о его состоянии, нашла бы, что человек, причинивший ей столько зла, заслуженно несет эту суровую кару. Но вдруг надежда, точно луч света, загорелась для Фитцпирса: что, если Грейс, подумал он, сказала тогда неправду? Разве не может женщина, являющая собой воплощенную невинность, но оскорбленная изменой, признаться в том, в чем призналась Грейс, ради того только, чтобы уязвить неверного мужа? Знание женской души подсказало ему, что женщина часто решается на подобное признание, не имея понятия, как сильно оно ранит.

Так и Грейс, дитя во всем, что касалось чувств, могла сказать, ослепленная горем, все что угодно.

Наконец, не в силах дольше терпеть душевную муку, Фитцпирс отважился предпринять невеселое путешествие в Малый Хинток; как потерянный бродил он по местам, где пережил самые чистые, самые светлые минуты своей жизни. Вечер был теплый, и Фитцпирс долго ходил по лесу, обступившему со всех сторон усадьбу Мелбери, прячась от людей, как преступник. Дорога, по которой он возвращался домой, проходила мимо домика Марти Саут. В окошке, как всегда, не прикрытом ставнями, горел огонек свечи, и Фитцпирс увидел Марти, как видел ее прежде сотни раз.

Она чистила садовый инвентарь, и хотя ему не хотелось выдавать своего присутствия, он не утерпел и окликнул Марти в полуоткрытую дверь.

— Для чего это ты так стараешься, Марти? — спросил он.

— Чтобы блестело, — ответила девушка. И, подумав немного, прибавила: — Это не мой инвентарь.

Фитцпирс теперь и сам видел, что не ее: лопата была огромная и тяжелая, а садовые ножницы она могла держать только обеими руками. Но лопата была начищена так, что блестела, как серебряная.

Фитцпирс по наитию догадался, что лопата и ножницы были собственностью Уинтерборна, но для верности спросил Марти об этом. Марти кивнула головой.

— Я буду хранить их, — прибавила она. — Сидровую мельницу и пресс, сказали, продадут с молотка. А мне их так жалко.

— Я дам тебе денег, и ты купишь, — сказал Фитцпирс. — В благодарность за услугу, которую ты мне оказала однажды. Фитцпирс взглянул на успевшую отрасти темно-рыжую косу Марти.

— О, Марти! Твои локоны... твоё письмо!.. И все-таки ты хорошо сделала, — прибавил он задумчиво.

Так между Фитцпирсом и Марти родилась дружба, какой раньше между ними никогда не было. Марти было неловко говорить о письме, о том, почему она решила написать его; и она только поблагодарила Фитцпирса за его доброту. Она будет ездить с сидровым прессом осенью, как ездил когда-то Уинтерборн. У нее хватит сил и сноровки, да еще с таким помощником, как Кридл.

— Но ведь есть женщина, более близкая ему, — заметил Фитцпирс, имея в виду Грейс. — Она жила под одной крышей с ним. И была рядом, когда он умирал.

Тогда Марти, подозревая, что Фитцпирс, бывший в то время далеко от дома, не знает истинных обстоятельств, рассказала ему о великодушном поступке Джайлса, отдавшего Грейс свой дом, пожертвовав для нее здоровьем, а может быть, и жизнью. Фитцпирс, услышав рассказ Марти, чуть что

не позавидовал Джайлсу, рыцарскому благородству его характера.

Многое бы он отдал теперь, чтобы заслужить прощение Грейс. Но какие бы надежды он ни возлагал на будущее, сейчас, пока память об Уинтерборне свежа, нечего было и думать о прощении. Оставалось ждать. Время растопит лед ее сердца, и она взглянет на него если не с любовью, то, во всяком случае, без гнева.

ГЛАВА XLV

Недели сменялись месяцами, а Грейс и Марти все ходили на могилу Уинтерборна; строгое исполнение поминального обряда смягчало острую боль утраты. Дважды в неделю две фигурки спешили в сумерках в Большой Хинток и, подобно плакальщицам из Цимбелина, украшали дорожную могилу цветами и проливали над ней слезы.

Эта смерть с потрясающей убедительностью показала Грейс, как мало значат блестящее образование и культура в сравнении с чистой душой и благородством характера. Миновала осень, подошла к концу зима; и на душе у Грейс стало немного светлее. Она уже не с таким безысходным отчаянием предавалась горю и корила себя за смерть Уинтерборна.

Ничто не нарушило сонного течения жизни Хинтока в эти месяцы осеннего листопада и зимнего тления. Толки о почти что одновременной кончине миссис Чармонд за границей прекратились очень скоро. Говорили, что смерть ее приключилась не столько от выстрела, сколько от душевного опустошения и страха перед будущим. Впрочем, точно этого никто сказать не мог. Фитцпирсу счастливо удалось избежать судебного разбирательства: они поссорились буквально за день до катастрофы, и причиной ссоры было письмо Марти — ничтожный повод, за которым скрывались более глубокие причины.

Тело миссис Чармонд не было привезено домой и предано родной земле: это был как бы заключительный аккорд ее жизни, полной метаний и игры страстей. Поместье принадлежало ей пожизненно и перешло после смерти к родственнику мистера Чармонда, который знать не хотел молодую супругу престарелого торговца железом при жизни и решил, кажется, вытравить даже самую память о ней.

Ясным февральским днем, веселым днем святого Валентина, миссис Фитцпирс получила обещанное когда-то письмо.

Ее муж писал, что он живет в одном из дальних городков, где купил место помощника врача. Его патрон, из сельских эскулапов, имеет чудовищное представление о медицине, но ничего с ним поделать нельзя. Он решил в этот день влюбленных написать Грейс и спросить ее, не согласится ли она вернуться к нему, если он купит хорошую практику, которую

приглядел близости. На этом кончалась прозаическая часть письма. Далее шли излияния.

«Последний год, дорогая моя Грейс, обожаемая жена недостойного мужа,— писал Фитцпирс,— сделал меня старше и мудрее на десять лет. Тебе, может быть, безразлично то, что я пишу, и все-таки я не могу не писать: никогда в жизни не любил я ни одной женщины, здравствующей или уже почившей, сильнее, чем люблю тебя. Я преклоняюсь перед тобой и глубоко тебя уважаю. И я никогда не верил (строго говоря, это было неправдой) тому, что ты однажды сказала мне в минуту досады и уязвленного самолюбия; но если бы и поверил, это не уменьшило бы моей любви к тебе. Нужно ли писать,— увы, наверное, не нужно,— что я мечтаю о твоих розовых губках каждый миг моей жизни, что знакомый шорох твоих юбок то и дело слышится мне, и это сводит меня с ума.

Если ты согласишься встретиться со мной, ты вдохнешь жизнь в ходячего мертвеца. Моя чистая, святая Грейс, невинная горлица, неужели было время, когда я мог прижать тебя к груди? Мне невыносима мысль, что в день святого Валентина, покровителя влюбленных, ты не вспомнишь обо мне; хоть с ненавистью, но вспомни. Можешь считать мою просьбу причудой, любимая и потерянная жена; но ведь

В своей любви утонченна природа —
И вот она шлет драгоценный дар
Вослед тому, что любит.

Не буду больше докучать тебе. Прошу только об одной милости,— напиши две строчки, что согласна повидаться со мной, хотя бы ненадолго. Мы встретимся и расстанемся, как простые знакомые, если ты согласишься осчастливить меня и позволишь сказать несколько слов о своей любви и своих надеждах. Знай, что бы ты ни делала и ни думала: я люблю тебя. Твой верный раб (а когда-то муж)».

Как ни странно, но это письмо было первым любовным посланием Фитцпирса жене, поскольку все время до свадьбы они ни разу не расставались. Его эпистолярный слог был новостью для Грейс. И, надо сказать, он ей понравился. Главный же интерес письма заключался в том, что свидание, упоминавшееся Фитцпирсом, могло, наконец, разрешить сомнения Грейс о степени ее виновности в смерти Джайлса. Совет знающего человека, и видевшего к тому же Уинтерборна в последние минуты, был бы для Грейс даром небес. Что же касается признания, сделанного ею под влиянием минуты, чтобы досадить обидчику, то прежде она считала его чуть ли не подвигом, а теперь была готова немедленно отречься от своих слов; ибо, как бы ни было оскорбительно такое признание для нее, оно куда сильнее оскорбляло память Джайлса.

Не сказав ничего отцу о письме, да и никому во всем доме, Грейс написала ответ. Она соглашалась встретиться с Фитцпирсом на двух условиях: местом встречи будет холм Хайстоу, и придет она в сопровождении Марти Саут.

Было ли любовное послание Фитцпирса только произведением искусства, или рукой его водило истинное чувство, но, получив ответ Грейс, он ощутил такой восторг, какой может вызвать только весеннее пробуждение природы; многие годы не испытывал он ничего подобного, точно к нему опять вернулась юность. И он немедленно ответил, что принимает условия Грейс, и оговорил день и час, когда будет ждать ее в условленном месте.

В три часа без нескольких минут поднимался он в назначенный день по небезызвестному холму, который не раз лицезрел героев этого повествования в критические минуты их жизни.

При виде знакомых мест сердце Фитцпирса сжалось; сожаление о прошлом ни на секунду не покидало его все последние дни. Каким бы ни открывалось для него будущее, Хинток с его умиротворяющей душу сенью лесов был заказан для него навсегда.

Он страстно жаждал общества Грейс. Но сначала нужно было возложить жертву на оскверненный алтарь. Покуда искупительная жертва не будет принята, он не может настаивать на возвращении Грейс. А тем временем он должен дать ей понять, что она сама вольна решать, вернуться к нему или расстаться до конца дней.

К тому же Фитцпирс был гурманом по части чувств; с наслаждением ощущал он в своей душе доселе неведомые ему печали и радости, и не хотелось ему сейчас расставаться с ними. А предложи он Грейс немедленно нарушить установившийся status quo, и следа не останется от этой экзотики. Быть рабом ее милых фантазий — большего он пока не требовал и утешался ощущением той сладостной боли, которую она причинила ему.

Приближаясь к холму и находясь в вышеописанном состоянии духа, Фитцпирс увидел двигавшуюся навстречу процессию, в которой тотчас угадал свадьбу. Хотя ветер дул довольно холодный, женщины были в легких нарядах, а жилетки мужчин пестрели ярким, веселым узором. Каждая молодушка прижималась к своему партнеру так тесно, точно желала слиться с ним воедино, чтобы взмах руки, походка и самый центр тяжести, все было общее.

В невесте Фитцпирс не без тайной радости признал Сьюк Дэмсон, походившую в легком подвенечном платье на прелестную великаншу, рядом с ней мальчиком с пальчик семенил ее жених Тим Тенгс.

Фитцпирсу не удалось избежать встречи — его заметили. Из всех красоток мира он менее всего хотел бы видеть сейчас

Сьюк. Но делать нечего, и Фитцпирс бодро поспешил навстречу веселившимся хинтокам, которые, как он мог догадаться, взахлеб обсуждали сейчас его разрыв с Грейс. Процессия приблизилась, Фитцпирс приветливо поздравил новобрачных.

— Свадебная прогулка по окрестным приходам. Были уже в Большом Хинтоке, теперь пойдем в Ревеллерс-Инн, отсюда в Мартвуд, а там домой. Хотя дома-то у нас, можно сказать, и нет. Месяца через два мы уедем из Хинтока на-совсем.

— В самом деле? Куда?

Тим ответил, что они едут в Новую Зеландию. Не потому, что Хинток надоел,— так хочет жена, ей скучно жить в такой глухомани; ну он и согласился.

— Что ж, всего вам хорошего,— сказал Фитцпирс.— Мы уж, верно, не увидимся больше.

Он пожал руку Тима и взглянул на новобрачную.

— Прощай, Сьюк,— сказал он, протягивая руку и ей.— Желаю тебе и твоему супругу счастья и благоденствия на новом месте.

С этими словами он расстался с веселой компанией, топчась поспеть на вершину холма к назначенному сроку.

Свадебная процессия после короткой заминки двинулась дальше. Протянув руку Сьюк, Тим заметил, что ее пышущее здоровьем розовощекое лицо помрачнело и уголки губ опустились.

— Эй! Что с тобой, дорогая Сьюк? — спросил Тим.

— Ах, пустяки,— ответила она,— не стоит и говорить.— И тут же, в опровержение ее собственных слов, лицо ее сморщилось, в глазах заблестели слезы, и подбородок затрясся от сдерживаемых рыданий.

— Что случилось, черт побери? — воскликнул раздосадованный жених.

— Она немного устала, бедняжка,— сказала первая подружка невесты, встряхивая носовой платок и вытирая глаза Сьюк.

— Я никогда еще ни с кем не расставалась навсегда! — проговорила Сьюк, справившись со слезами.

— Но почему ты так расстроилась именно из-за него?

— Потому что... он такой хороший доктор, и мне очень, очень жалко, что мы никогда больше его не увидим! В Новой Зеландии не будет таких хороших докторов; а мне, наверное, скоро понадобится доктор; вот я и расстраиваюсь!

Тим побледнел и нахмурился. Ему припомнились несколько мелких случаев, на которые в свое время он не обратил внимания. Свадебная процессия опять потянулась между рядов живой изгороди, но смеха и шуток больше не было слышно.

Фитцпирс поднялся на холм и увидел, как справа под

откосом появились две фигурки. Это были Грейс с Марти, пришедшие, видимо, сюда по только им одним известной тропинке через лес.

В этот ветреный февральский полдень, под яркими лучами холодного солнца на розоватом фоне голых кустов, Грейс показала Фитцпирсу неотразимо прекрасной. Фитцпирс не отрывал от нее глаз; взгляды их на миг встретились, Грейс тотчас отвернулась, и Фитцпирс опять залюбовался ее нежным, печальным личиком, повернутым к нему вполоборота; приветствуя дам, он снял шляпу и отвесил галантный поклон. Марти остановилась в нескольких шагах поодаль; Фитцпирс протянул руку, и Грейс пальчиком коснулась ее.

— Я согласилась встретиться с вами, потому что мне надо знать ваше мнение об одном очень важном деле,— начала миссис Фитцпирс, и в тоне ее голоса вдруг прозвучали нотки, неожиданные для нее самой.

— Я весь внимание,— ответил ее муж.— Может быть, отойдем подальше, чтобы нас не слышали?

Грейс покачала головой, и они остались перед калиткой, ведущей вниз, в долину Черного Вереска.

Но, может быть, она обопрется о его руку? Грейс так решительно запротестовала, что услышала даже Марти.

— Почему ты отталкиваешь меня, Грейс?

— О, мистер Фитцпирс, и вы еще спрашиваете!

— Ну, хорошо, хорошо,— проговорил он, умеряя пыл своих чувств.

Они прохаживались по гребню холма, и Грейс снова заговорила о своем деле.

— Возможно, вам будет неприятно слушать, что я скажу. Но мне кажется, я могу не волноваться об этом.

— Да, да, пожалуйста,— храбро согласился Фитцпирс.

И Грейс вернулась к последним дням бедного Уинтерборна; она рассказала все обстоятельства, сопутствовавшие его роковой болезни, описала продуваемый насквозь дырявый шалаш, прибавив, что он скрыл от нее, в каком бедственном положении находится, и ни разу по своей воле не ступил ногой в хижину, чтобы уберечь от позора ее доброе имя. Слезы блеснули в ее глазах, когда она наконец решилась спросить Фитцпирса, виновна ли она в смерти Уинтерборна, ее ли это грех.

Фитцпирс не мог скрыть своей радости, выслушав рассказ Грейс, из коего явствовало, как, в сущности, безобиден был ее роман с Уинтерборном, представлявшийся ему прежде таким серьезным. И он не стал спрашивать, только ли благодаря обстоятельствам отношения Грейс с ее возлюбленным остались такими чистыми. Что же касается вины Грейс, то тут он ничего определенного сказать не мог, как, впрочем, не мог бы сказать никто в целом свете. Впрочем все-таки, думал он, чаша весов склоняется к решению, благоприятному для Грейс. Видимое

здоровье Уинтерборна в последние месяцы было обманчиво. Эта коварная болезнь после первой вспышки часто затаивается, и выздоровление оказывается ложным.

На душе у Грейс стало легче, и не только от объяснения Фитцпирса, но еще и оттого, что она побеседовала с образованным человеком.

— Для этого я главным образом и согласилась прийти сюда. Чтобы узнать мнение сведущего человека о том, что не давало мне покоя,— сказала она, выслушав Фитцпирса.

— Только для этого? — упавшим голосом проговорил тот.

— Да, главным образом для этого.

Они стояли молча и глядели на стайку скворцов за калиткой, клюющих что-то в траве. Фитцпирс первый нарушил молчание.

— Я, Грейс, люблю тебя, как никогда прежде,— сказал он тихо.

Грейс не отрывала глаз от птиц; губки ее красивого рта сложились так, точно она подзывала их.

— Теперь моя любовь не та,— продолжал Фитцпирс.— В ней меньше страсти, но больше глубины. Для нее не играют роли внешние, материальные признаки, для нее важна душа, которую узнаешь не сразу. «Любовь должна больше знать, а знание больше любить».

— Это из «Меры за меру»,— съязвила Грейс.

— Да, конечно: разве нельзя цитировать Шекспира,— отпарировал Фитцпирс.— Скажи, Грейс, почему ты не хочешь вернуть мне хотя бы капельку прежней любви?

Неподалеку в лесу с треском повалилось срубленное дерево; в памяти Грейс тотчас возникло недавнее прошлое и несчастный Уинтерборн с его чистосердечием и безграничной преданностью.

— Не спрашивайте меня об этом. Сердце мое похоронено вместе с Джайлсом, в его могиле,— проговорила она твердо.

— А мое с твоим связано неразрывно. Значит, и оно там же, в сырой земле.

— Я сочувствую вам, но, боюсь, помочь ничем не могу.

— Ты говоришь о сочувствии, а сама то и дело бередишь мне душу напоминанием об этой могиле.

— Это неправда,— возразила Грейс и пошла было прочь от Фитцпирса.

— Но, Грейс! — воскликнул несчастный муж.— Ведь ты согласилась прийти сюда. И я подумал, что, быть может, испытательный срок истек, и ты опять для меня та же, что прежде. Но если нет никакой надежды на полное примирение, неужели ты не можешь относиться ко мне менее сурово, каким бы негодяем я ни был.

— А я не говорю, что вы негодяй, и никогда не говорила.

— Ты смотришь на меня с таким презрением, что, я боюсь, ты так думаешь.

Грейс хотелось бы немного смягчить тон, но она боялась, что Фитцпирс неправильно ее поймет.

— Если я не чувствую презрения, то не могу и высказывать его,— уклончиво ответила Грейс.— Я чувствую только то, что не люблю вас.

— Моя вина велика, я знаю,— сказал Фитцпирс.— Но если ты не вернешь мне своей любви, Грейс, то, наверное, будет лучше всего, если мы расстанемся навсегда. Я не хочу, чтобы ты вернулась ко мне из чувства долга. Я ведь мог бы купить практику где-нибудь далеко отсюда и жить припеваючи, никто бы не презирал меня и не колот своей холодностью. А я вернулся в одно-единственное место на земле, где имя мое произносят с отвращением, пришел в дом человека, который поступил со мной так, как никто никогда не поступал. И все ради тебя!

Этого нельзя было отрицать, и Грейс почувствовала укор совести: слишком уж холодно она держалась с Фитцпирсом.

— Перед тем как мы расстанемся,— продолжал он,— скажи мне, сделай такую милость, как я должен впредь себя вести.

— Ваш вопрос кажется мне насмешкой. Я не могу вам советовать. Вы ведь знаете — вольному воля. Мне сейчас и самой впору искать советов, а не давать их.

— Зачем тебе чужие советы, мудрая из мудрых и самая прекрасная. Но если бы ты и вправду нуждалась в совете...

— Вы бы мне дали его?

— А ты бы меня послушалась?

— Это нечестно,— улыбнулась, сама того не желая, Грейс.— Но я согласна выслушать вас. Какой вы видите для меня самый правильный и разумный выход?

— Проще вопроса, чем этот, и придумать нельзя! Но я не стану отвечать на него, потому что, боюсь, ты рассердишься.

Зная, каков будет ответ, Грейс не стала настаивать и махнула было Марти рукой, чтобы та подошла, но Фитцпирс опять задержал ее.

— Одну минуту, дорогая Грейс, мы увидимся с тобой еще раз?

Грейс ответила, что придет на это же место ровно через две недели. Фитцпирс стал сетовать на долгую разлуку; но, заметив, как разволновалась Грейс, прося его не приходить раньше, поспешно согласился, прибавив, что будет видеть в ней только друга, которому небезынтересна его жизнь и успехи на пути к совершенствованию, покуда она

сама не захочет сменить дружеские отношения на более нежные.

Как жаждал Фитцпирс убедить Грейс в своем перерождении; но было очевидно, что вернуть расположение Грейс ему пока что не удалось. Фитцпирс не переставал удивляться, что встретил в этой девочке, которая была к тому же его женой, такое сопротивление. Это противоречило всему его предшествующему опыту. И хотя в этой недоступности была своя прелесть, домой Фитцпирс возвращался в довольно-таки мрачном настроении: он понял, какую нанес глубокую обиду, если даже Грейс, кроткая, доверчивая Грейс не желает склоняться к примирению.

Фитцпирс с его утонченной натурой не стал бы принуждать Грейс. Он не мог бы жить под одной крышей с женщиной, которой ненавистен. Пусть уж лучше все остается пока, как есть.

Фитцпирс ушел, Грейс с Марти углубились в лес. Грейс хотелось поговорить со своей молчаливой спутницей о платонических отношениях, установившихся между ней и ее бывшим мужем, как она теперь называла Фитцпирса. Но Марти не проявила интереса, и Грейс промолчала. Пройдя немного, они увидели возле поваленного дерева, падение которого слышали на холме, мистера Мелбери; Грейс попросила Марти никому не рассказывать о встрече с Фитцпирсом и, простившись с девушкой, подошла к отцу. Она решила спросить отца, хорошо ли она поступила, согласившись изредка видеться с мужем.

Весело возвращался домой Мелбери, идя рядом с дочерью, как в прежние годы.

— Когда ты подошла ко мне, я как раз о тебе думал,— сказал он.— По-моему, все устроилось к лучшему. Твой муж уехал. Он, по-видимому, решил больше не тревожить тебя. Ну, а раз так, то и слава богу, и надо вычеркнуть его из памяти и из жизни. Удел многих женщин гораздо хуже, чем твой. Ты будешь жить в Хинтоке, в родной семье, ни в чем не нуждаясь... Хорошо бы, он совсем уехал из Англии, а впрочем, пусть делает, что считает для себя благом. Я согласен послать ему некоторую сумму денег — чего он, естественно, ожидает,— только бы он оставил тебя в покое. Вряд ли можно, живя под одной крышей, ни разу не встретиться и не заговорить. А это было бы одинаково неприятно для всех нас.

Грейс шла молча. Ей как-то неловко было признаться после этих слов отца, что она только что видела мужа и что встреча была не случайной.

— Так ты не советуешь мне видеться с ним? — только спросила она.

— Я никогда ничего не буду больше советовать тебе, Грейс. Ты сама себе госпожа, поступай как знаешь. Но

мнение мое таково: раз уж вы расстались, то самое лучшее выкинуть его из головы, а не играть с собой в прятки. Ты прогнала его, и он ушел. Дело сделано, и не о чем больше говорить.

Грейс чувствовала себя виноватой, не зная почему. И она ничего не сказала отцу о встрече с Фитцпирсом.

ГЛАВА XLVI

Уныло ранней весной в лесу, и Грейс большую часть дня проводила дома. Она много читала, гораздо больше, чем в дни замужества. Затворничество ее нарушалось прогулками на могилу Джайлса, ставшими для нее святой обязанностью; она ходила туда с Марти, чтобы постоять у дорогого холмика и украсить его подснежниками, первоцветом и другими ранними весенними цветами.

Однажды, когда было уже за полдень и солнце клонилось к закату, Грейс стояла под деревьями за оградой своего сада (усадьба Мелбери, как и остальные хинтокские дворы, выходила задом в лес), где от одного дома к другому бежала узенькая стезжка, на которую попадали, продравшись сквозь живую изгородь. Грейс как раз собиралась этим способом вернуться домой; вдруг на тропинке появилась фигура человека, и кто-то остановил ее, взяв за руку. Это был ее муж.

— Я так рад, что успел,— запыхавшись, проговорил он; и в этом, кажется, можно было не сомневаться.— Я еще издали увидел тебя и испугался, что ты исчезнешь в кустах, пока я дойду сюда.

— Ты пришел на неделю раньше срока,— укоризненно проговорила Грейс.— Я ведь сказала тогда, что через две недели.

— Милая моя Грейс, как ты могла подумать, что я выдержу две недели, не видя тебя. Ты не рассердишься, если я признаюсь тебе, что приходил на эту тропинку уже три или четыре раза со дня нашей последней встречи. Как ты живешь?

Грейс не оттолкнула протянутой руки Фитцпирса; но когда почувствовала, что рукопожатие затягивается, ладошка ее мгновенно сжалась и выскользнула из его ладони, а лицо стало встревоженным, каким становилось обычно, когда Фитцпирс касался запретной темы. Он сразу понял, что сердце Грейс еще не оттаяло, что он все еще должен смиряться перед ней. И он взял прежний, ненавязчивый тон, чтобы лишней раз ее не расстраивать.

— А я и не знала, что ты бываешь здесь так часто,— сказала она: это признание Фитцпирса приятно поразило ее.— Откуда ты приезжаешь?

— Я остановился временно в Шертон-Аббас и хожу сюда пешком; не хочу нанимать до Хинтока двуколку, чтобы не было пересудов,— я ведь еще не прощен. Так уж пусть лучше никто не знает, что я езжу сюда. А сегодня, любимая (я ведь могу так называть тебя), я приехал затем, чтобы просить об одной милости: позволь мне видеть тебя чаще; ведь скоро весна.

Грейс, неожиданно для Фитцпирса, весьма спокойно отнеслась к его дерзкой просьбе, но, ничего не ответив на нее, продолжала свою мысль:

— Я бы хотела, чтобы ты весь отдался своему делу и бросил те странные опыты, которые так отвлекают тебя. Я уверена, что, как врач, ты очень скоро достигнешь успеха.

— Представь себе, что и я решил то же. И хотел даже просить тебя сжечь или, во всяком случае, отдать кому-нибудь всю мою метафизику: знаешь, те книги, что лежат в шкафах на твоей половине. Вообще-то говоря, я никогда не питал особого пристрастия к туманному философствованию.

— Мне очень приятно это слышать. А что делать со старинными пьесами? От них-то какая врачу польза?

— Абсолютно никакой! — рассмеялся Фитцпирс.— Вели отвезти их в Шертон и продать, сколько бы за них ни дали.

— А ужасные старофранцузские романы, с этими чудовищными «filz» и «ung» и «ilz», «marty» и «ma fou»?

— Уж не читала ли ты их, Грейс?

— Конечно, нет! Я просто перелистала один или два.

— Как только вернешься сегодня домой, разложи большой огонь в камине и сожги эту дрянь. Я сам хотел их сжечь. Не понимаю, что на меня нашло, когда я вздумал собирать их. Зато теперь в моем доме одни только медицинские справочники. Видишь, я становлюсь деловым человеком. Думаю, что скоро смогу порадовать тебя: у меня есть на примете хорошее место. Скажи, Грейс, ты могла бы вернуться ко мне?

— Прошу тебя, не заставляй меня решать такой важный вопрос сейчас,— ответила Грейс с твердостью.— Ты сказал, что собираешься начать новую жизнь, приносящую людям пользу. И я бы хотела увидеть, как это получится. Вот тогда и спрашивай меня, о чем хочешь. Но вообще-то я не смогу переехать к тебе.

— Почему?

Грейс ненадолго задумалась.

— Мы с Марти ходим на могилу Джайлса. Он для меня как святой. Мы поклонись с ней до конца жизни ходить на его могилу. И я сдержу клятву.

— Но я не буду тебе мешать. Я понимаю, так должно быть. И я вовсе не хочу, чтобы ты изменила данному слову. Уинтер-

борн был всегда симпатичен мне, как никто другой. Я буду провожать тебя туда, ты пойдешь на могилу, а я останусь за оградой, выкурю сигару...

— Ты все еще куришь?

— М-м-да... то есть... нет... я, видишь ли, сколько раз хотел бросить, но...

Необыкновенное послушание и мягкость Фитцпирса начали было примирять Грейс с ним, но курение табака опять вызвало возмущение. И она вдруг сквозь пелену слез, незримых Фитцпирсу, увидела тень несчастного Уинтерборна.

— Я не люблю,— почти резко сказала она,— не люблю, когда так легкомысленно говорят об этом. Если уж быть откровенной до конца, то я и сейчас думаю о нем, как о своем суженом. И я ничего не могу поделать с собой. Так что, видишь, невозможно, чтобы я вернулась к тебе.

Сердце у Фитцпирса упало.

— Ты говоришь, что думаешь о нем, как о своем суженом? А кто же и когда вас помолвил? — не без некоторого ехидства спросил он.

— Когда? А вот когда тебя здесь не было.

— Как же это могло быть?

Грейс могла бы умолчать о летней дружбе с Уинтерборном; но ее природное прямотушие взяло верх.

— Очень просто. Я тогда думала, что закон может сделать меня свободной. Я хотела стать женой Джайлса и подала ему надежду.

Фитцпирс сморщился, как от боли; но искренность, как известно, всегда похвальна. И он не переставал восхищаться своей Грейс, чувствуя, однако, что рассказ поразил его в самое сердце. Значит, она пыталась навсегда порвать с ним, хотела, чтобы его место занял другой. А ведь было время, когда подобное известие он принял бы чуть не с радостью. Но теперь любовь его к Грейс была столь велика, что ему нестерпимо было слушать подобные речи, хотя он и знал, что объект ее благоговейного чувства давно уже покинул эту юдоль скорби.

— Жестоко так говорить! — сказал он с горькой усмешкой.— О Грейс, я вижу теперь, что я никогда не знал тебя! Неужели ты пыталась разорвать узы, связующие нас! Но скажи,— впрочем, думаю, можно и не спрашивать,— неужели нет никакой надежды, что в твоём сердце снова затеплится хотя бы искорка любви ко мне?

— Если бы это зависело от меня, то я бы, так и быть, сделала тебе такое одолжение... но боюсь, это от меня не зависит,— ответила Грейс несколько печальным тоном, что было, по меньшей мере, нелогично.— Кроме того, я не понимаю, почему ты так вдруг расстроился? Что тут такого, если у меня в жизни будет, кроме тебя, еще один возлюбленный? Ты-то любил вон сколько женщин!

— Но зато сейчас я могу, положив руку на сердце, сказать, что люблю тебя больше их всех, вместе взятых. Чего ты сказать не можешь.

— Мне очень жаль, но, боюсь, действительно не могу,— вздохнула Грейс.

— А сможешь ли когда-нибудь, Грейс? Вот что для меня сейчас самое важное.— Он внимательно посмотрел ей в лицо, уже смутно белеющее в сумерках, точно читал в нем приговор себе.— Ну, сжался надо мной, скажи хоть, что постарайся.

— Снова полюбить тебя?

— Да, если сможешь.

— Я не знаю, что ответить тебе,— растерянно проговорила Грейс. И она в самом деле не знала.— А ты обещаешь мне, что не будешь требовать, чтобы я виделась с тобой?

— Обещаю. Впрочем, я ведь тебе уже обещал. Или я в чем-нибудь невольно провинился перед тобой и ты усомнилась в моих добрых намерениях?

Грейс должна была признать, что Фитцпирс ни в чем перед ней не провинился.

— Тогда я думаю, что сердцу твоему пора вернуться домой. Слишком уж оно загостилось в подземном царстве,— печально пошутил Фитцпирс.

Грейс едва заметно покачала головой.

— Я постараюсь думать о тебе чаще,— тихо произнесла она.— Если смогу.

Фитцпирс вынужден был пока довольствоваться этим.

— Когда мы опять встретимся? — спросил он.

— Как было условлено, через две недели.

— Ладно, пусть через две.

— По крайней мере, на этот раз. А как будет впредь, скажу тебе, когда встретимся.

— Хорошо, хорошо. Но я все-таки буду приходить сюда чаще, чтобы взглянуть на твое окно.

— Это уж как хочешь. До свидания.

— Прибавь «мой Эдрид».

Грейс, казалось, была готова выговорить эти слова, но передумала и, воскликнув: «Нет, нет, не могу»,— скользнула в кусты живой изгороди и исчезла из вида.

Фитцпирс не преувеличивал, когда говорил, что усадьба Мелбери как магнит притягивает его. Но заставить Грейс капитулировать ему все не удавалось; они по-прежнему встречались через две недели,— так того требовала Грейс,— хотя в назначенный срок она появлялась неукоснительно. Весна давно уже трудилась в лесу и садах, а встречи Фитцпирса с Грейс, хотя число их увеличилось, почти ничем не отличались от первого свидания.

Усадьба Тенгсов — небольшой сад с домом, в котором жи-

ли отец с сыном и его молодая жена,— примыкала сбоку к усадьбе лесоторговца; окончив работу у Мелбери, Тим в сумерки часто уходил в небольшую беседку в дальнем углу сада, где любил выкурить вечернюю трубку; и он не раз видел на тропе за живой изгородью Фитцпирса, который шел обычно не спеша, задумавшись, время от времени бросая пристальные взгляды в сторону сада, мимо которого проходил; ибо Фитцпирс вовсе не торопился покинуть место, ставшее для него таким притягательным, и все ходил и ходил туда и обратно, надеясь увидеть ту, которую так страстно мечтал прижать к груди.

Мало-помалу Тим стал задумываться над этими частыми появлениями Фитцпирса в вечерний час на задах его усадьбы. Он, в простоте душевной, не мог представить себе, что сердце Фитцпирса вновь загорелось любовью к Грейс: та утонченность чувств, которая видит глубочайшее, почти эстетическое наслаждение в страстном поклонении женщине, когда-то брошенной, была для молодого дровосека чистым абсурдом. Мистер Фитцпирс и его жена давно расстались, и, конечно, никакой любви между ними быть не могло. Другое дело его Сьюк. После той памятной встречи в день свадьбы, уступив его настойчивости, она с раскаянием призналась ему в своих прошлых грехах. Теперь же, сопоставив это признание с необъяснимым появлением Фитцпирса в Хинтоке, Тим пришел к выводу, что Фитцпирс приезжает сюда не иначе как для свиданий со Сьюк, перебравшейся под крышу супруга. Тим утешал себя только тем, что пароход, который увезет их в Новую Зеландию, отплывает через месяц; и уж тогда Сьюк никогда в жизни больше не увидит Фитцпирса.

Месяц прошел быстро, наступил наконец и последний вечер. Тим вместе со Сьюк, после целого дня сборов и приготовлений, отдыхали в комнатке, отведенной отцом Тима для молодых. В углу громоздились упакованные и перевязанные веревками ящики,— самый большой, которому надлежало ехать в трюме, был отправлен несколько дней назад. Сьюк стояла возле камина и смотрела на огонь, освещавший ее красивое лицо и фигуру; Тим сидел в углу, последний раз созерцая стены отцовского дома, по которым, как и по его лицу, прыгали сейчас отсветы каминного огня.

Тим Тенгс чувствовал себя очень несчастным. Предстоящее путешествие отрывало его от отца: старик Тенгс ни под каким видом не соглашался покинуть Хинток; и если бы не забота о репутации Сьюк и его собственном честном имени, он бы сейчас, в последнюю минуту, все распаковал и никуда не поехал. Тим заметил, что жена его в этот вечер чем-то возбуждена, не находит себе места и настроение у нее невеселое.

— Тебе не хочется уезжать, Сьюк? — спросил он жену.

Сьюк невольно вздохнула.

— Не знаю, наверно, не хочется,— ответила она.— Всегда так бывает, когда расстаешься насовсем.

— Но ты-то ведь не родилась в Хинтоке, как я.

— Ну и что же!

— А по-моему, ты не хочешь ехать, потому что здесь остается один человек.

— Кто это тебе сказал?

— Я сам все вижу. У меня есть глаза и есть уши. Слушай, Сьюк, я очень рад, что увожу тебя отсюда. В чужих краях мне все равно, чьими объедками питаться. А вот дома — другое дело.

От этих слов Тима лицо Сьюк не изменило своего безразличного, угрюмого выражения. Она ничего не ответила ему, и он скоро ушел в дальний угол сада выкурить привычную трубку.

Сьюк действительно пребывала в расстройстве. И причиной этого был именно тот джентльмен, на которого намекал Тим. Но надо отдать Сьюк справедливость: на этот раз ее мысли о Фитцпирсе были совсем особого, гораздо более невинного свойства, чем подозревал Тим, памятуя ее прежнее легкомыслие. Сьюк случайно обнаружила, что Фитцпирс возымел привычку раза два в неделю появляться в Хинтоке, и сегодня как раз был такой вечер, когда он мог наверняка появиться. Поскольку на следующий день она навсегда покидала эти края, то она решила, что никому не будет большого вреда, если, повинаясь голосу сердца, она украдкой, неведомо ни для кого, взглянет на Фитцпирса последний раз и мысленно простится с ним навеки. Час появления Фитцпирса приближался, и Сьюк, потеряв покой, нервозностью, что ей была несвойственна, выдала свои чувства.

Не успел Тим выйти из дому, как она опрометью бросилась в конец сада, чтобы из-за кустов живой изгороди увидеть, как мимо прошествует Фитцпирс, если, конечно, он уже не прошел.

Ее светлое ситцевое платье было хорошо видно Тиму, курившему трубку в беседке в другом углу сада. Сьюк же из-за деревьев не заметила мужа. Она осторожно раздвинула кусты и спряталась в них. Ясно было, что она поджидает кого-то.

Тим быстро подошел к тому месту, где притаилась Сьюк, и молча остановился. Сьюк впопыхах и не подумала, что Тим может оказаться поблизости. Почувствовав его присутствие, она тотчас вышла из своего укрытия.

— Значит, он и сегодня придет,— коротко проговорил Тим.— И нам без памяти хочется увидеть своего милого!

— Да, он придет,— ответила с вызовом Сьюк.— И нам без памяти хочется его увидеть!

— Тогда немедленно ступай домой, куда твой милый тоже скоро пожелает. Нам выезжать в полчетвертого утра. Если в восемь не ляжем, завтра будем весь день как сонные мухи.

Сьюк минуту подождала, но в конце концов покорилась мужу и медленно побрела через сад к дому. Скоро Тим услышал, как в двери шелкнул замок.

Тим разъярился не на шутку. Его женитьба обернулась позором, постоянным источником горьких сожалений; единственный мыслимый способ поправить дело — отъезд на край света — отрывал его от родного гнезда, не вселяя надежды на счастливое будущее. Черные тучи, по всей видимости, до конца дней будут омрачать его семейное счастье. Тяжелые мысли душили Тима, и ярость его росла. Он стал думать, как отомстить обидчику, пока тот еще в досягаемости. Несколько времени ничто не приходило ему на ум, как вдруг его точно осенило. И он не мешкая бросился через свой сад в соседнюю усадьбу, принадлежавшую когда-то лесничему, где теперь жила одинокая женщина. Тим обежал по дорожке дом и остановился у задней стены. Дом стоял на откосе, и сзади крышу можно было достать рукой. Тим сунул руку под стреху и стал шарить в узком проеме.

— Ага! Память не изменила мне! — прошептал он, беззвучно шевеля губами.

Дернув сильнее, он вытащил из-под крыши какую-то странную железную конструкцию, всю в паутине и лязгавшую от прикосновения. В длину в ней было около трех футов, в ширину наполовину меньше. Тим внимательно осмотрел находку, насколько было возможно в гаснущем свете дня, и обтер рукой паутину.

— Эта штучка, надо думать, поубавит прыти его длинным ногам! — сказал он.

В руках у Тима было не что иное, как капкан для охоты на человека.

ГЛАВА XLVII

Если бы ценность автоматически действующего механизма определялась пригодностью его для самых изощренных, самых действенных попыток, то капкан для двуногих на выставке автоматов, бесспорно, получил бы первую премию.

Надо прибавить к этому, что изобретатель капкана, найденного Тимом под крышей дома лесничего, был, несомненно, человеком незаурядных способностей. Ибо созданный им снаряд отличался от прочих ему подобных в такой же степени, в какой дикие львы и тигры отличаются от медведей, волков и кабанов — обитателей бродячего зверинца. Другими словами, хотя во времена старой веселой Англии, воплощавшей в себе,

как теперь считают, английский дух в самом чистом виде (это особенно справедливо по отношению к деревне), употреблялось великое множество всевозможных капканов, пальма первенства, без сомнения, принадлежала тому типу, которым сейчас вооружился Тим и который получил в свое время самое широкое распространение для охраны садов и поместий.

Среди капканов на двуногих существовало несколько разновидностей: беззубая, которой пользовались мягкосердечные люди и которая своей безвредностью вызывала заслуженное презрение широкой публики. Челюсти такого капкана похожи на рот столетней старухи, в котором время не оставило ни единого зуба. Была промежуточная разновидность, зубастая наполовину: два дюйма милосердия, два дюйма пыток; два дюйма — мягкий щипок, два дюйма — акульи зубы; и так вдоль всей верхней и нижней челюсти. Эту разновидность изобрел, по всей вероятности, сквайр, из тех, про которых говорят «ни рыба ни мясо», или йомен, уступивший мольбам своей жены. Была еще одна, крайняя разновидность — некое подобие плоскозубцев; такой капкан кожу не драл, но зато дробил кости.

Готовый к действию капкан производил впечатление живого существа — комбинацию акулы, крокодила и скорпиона. Каждый зуб представлял собой заостренный шип в два с четвертью дюйма длиной; торчали они, чередуясь: зуб сверху, зуб снизу. В раскрытом виде обе половины образовывали полный круг диаметром в два или три фута; внутри имелась плитка в один квадратный фут, куда наступала нога злоумышленника, а от нее расходились в стороны две пружины — сердце всего механизма, — которые срабатывали под действием силы тяжести, в данном случае этой тяжестью был вес тела обладателя ноги.

В Хинтоке жили еще старики, помнившие, как действовали эти капканы. Двоюродный дядя Тима Тенгса провел как-то целую ночь в таком силке и на всю жизнь остался хромым. А еще был такой случай: как-то лесничий Хинтокского леса поставил на браконьеров капкан, да и позабыл про него. Ну, сам и попался. Рана загноилась, начался столбняк, и бедняга отдал богу душу. Было это в тридцатые годы, а спустя десять лет такие капканы уже не употреблялись в окрестностях Хинтока. Почти целиком сделанные из железа, они не сгнили и не пошли на растопку, а валялись в каком-нибудь закутке на чердаке или в сарае, достигаемые для каждого, кому пришла бы охота побаловаться. В каждой деревне остался от старых времен хотя бы один такой капкан; и Тим с приятелями еще в мальчишескую пору (среди его приятелей было немало таких, которые мечтали стать знаменитыми браконьерами) любил играть в эту опасную игрушку, не думая, что она когда-нибудь ему пригодится. Они брали этот капкан, ставили в бое-

вое положение и принимались бить поленьями по плите, пока челюсти не захлопывались, оставляя в дереве следы в дюйм глубиной.

Осмотрев капкан и убедившись, что все его пружины и шипы в порядке, Тим без промедления взгромоздил его на плечо и пошел со своей ношей через сад. Выбравшись сквозь живую изгородь на тропинку, бегущую на запад, он с помощью толстой палки раскрыл капкан и, спрятав его в кустах, пошел вперед на разведку. Как уже говорилось, по этой тропинке ходили мало, но все-таки была опасность, что в капкан попадет случайная жертва, а Тенгс решил действовать наверняка.

Пройдя вперед сотню шагов — тропинка в этом месте бежала вверх, — Тим поднялся на бугор, на котором рос высокий могучий падуб. Лес отсюда просматривался насквозь, и он не мог бы пропустить Фитцпирса.

Некоторое время никого не было видно. Наконец далеко в густеющих сумерках замаячила чья-то темная фигура, то и дело сливающаяся с кустами, растущими по обеим сторонам тропы. Фигура приближалась, и Тенгс уже слышал шорох шагов по мху. Еще не видя, кто идет, он по легкости шага узнал Фитцпирса.

Тим повернулся и побежал вниз в сторону своего сада. Вытащить капкан из кустов было делом одной минуты. Опасаясь, как бы пружина не сработала раньше времени, он осторожно перенес капкан к двум молодым дубкам, росшим бок о бок прямо на узкой тропе, там, где кустарник подступал к ней вплотную. Проем между дубками был как бы воротами в густых зарослях кустарника; здесь и поставил Тим свою западню, действуя все с той же предосторожностью. Он привязал цепь от капкана к одному из дубков, запер ее, и, наконец, спустил предохранитель, защищавший от всякой случайности того, кто ставил капкан; или, употребляя местное, более образное выражение, «спустил собачку». Окончив работу, Тим поспешно бросился сквозь кусты в свой сад, бегом побежал к дому, и, неслышно ступая, вошел в прихожую.

Послушная приказанию, Сьюк была уже в постели; заперев на засов дверь, Тим расшнуровал ботинки и снял их у входа; не зажигая свечи, он поднялся в спальню и стал быстро раздеваться. Не успел он лечь, как раздался чей-то протяжный вопль, чей — невозможно было определить.

— Что это?! — воскликнула в испуге Сьюк, садясь в постели.

— Похоже, что в чей-то силос попался заяц.

— Какой заяц! Разве зайцы кричат так громко? Послушай!

— Спи сейчас же. Забыла, что нам вставать ни свет ни заря.

Сьюк, ничего не ответив, легла. Тим осторожно открыл окно и прислушался. Сквозь многоголосую песню, исполняемую слаженным хором леса, до него доносилось с той стороны, где был поставлен капкан, слабое звяканье металлической цепи. Но криков больше не было слышно.

Тим был озадачен. В спешке он не подумал о том, что жертва будет кричать. Но почему кричали только один раз? Тим не долго ломал голову над ответом. Хинток больше не существовал для него. Через несколько часов он навсегда покинет его пределы и поплывет в далекую страну, к антиподам. Тенгс затворил окно и лег спать.

Все то время, пока Тим Тенгс приводил в исполнение свой коварный замысел, Грейс пребывала в глубокой задумчивости. Приближался час свидания с мистером Фитцпирсом, и она решала, следует ли сказать отцу, что она не совсем порвала с мужем, как он того желал ради ее блага. Если посвящать отца в эту тайну, то придется защищать Фитцпирса, к чему она еще не была готова.

Что же касается самого Фитцпирса, то она последние дни не переставала о нем думать. Конечно, он изменился. Но он и в самые худшие времена был с ней ласков. Возможно ли, что он все-таки станет верным и любящим мужем? Она была его женой, и от этого никуда не денешься; так должна ли она и дальше отталкивать его? То, что они виделись только с ее согласия, хотя, будучи законным супругом, он мог бы и проявить непослушание; то, что он беспрекословно исполнял ее малейшую прихоть, — было в высшей степени неожиданно для Грейс и в то же время приятно. Если бы она была царницей, а он ее рабом, он и тогда не мог бы вести себя' более преданно и почтительно, ни разу не переступив запретной черты.

Вспомнив вдруг об одном таком далеком сейчас дне прошлой весны, Грейс взяла молитвенник и открыла его на молитве о любви супругов. Медленно перечитав ее, она заново открыла для себя, какой важный обет связал ее с ним не так давно на ступенях алтаря хинтоксской церкви, и Грейс ужаснулась своему легкомыслию. Она стала размышлять над тем, может ли быть нарушена клятва, если человек дал ее, не ведая, какую силу она имеет. Фраза, начинающаяся словами: «Тех, кого соединил господь...» — особенно потрясла Грейс, ее кроткую, благочестивую душу. Неужели это господь соединил ее с Фитцпирсом, спросила она себя с изумлением. Но додумать до конца эту интересную тему не успела: наступило время свидания, и она вышла из своего дома в ту самую минуту, когда Тим Тенгс вернулся в свой.

Дальше события развивались так: Фитцпирс, находясь шагах в двухстах от усадьбы Тенгса, продолжал идти вперед и

скоро достиг бугра, на котором рос высокий падуб; отсюда тропинка сбегала вниз, прямо к двум дубкам-близнецам. Все шло пока, как и предполагал Тим. Но в то самое время, в противоположной стороне и тоже в шагах двухстах от западни, случилось то, чего Тим не предвидел, из кустов, опоясывающих усадьбу Мелбери, появилась Грейс и поспешила навстречу предполагаемой жертве Тима. Таким образом, муж и жена двигались навстречу друг другу, а на полдороге между ними затаилось, разинув пасть, страшное, готовое к прыжку чудовище.

Легко было у Фитцпирса на душе, когда он шел в тот вечер по Хинтокскому лесу, он верил, что мягкость его и неназойливость будут в конце концов вознаграждены. Любовь его к Грейс становилась только сильнее от вынужденного отчуждения, которому Фитцпирс подчинился, чтобы не убить нежный росток пробудившегося доверия. Он шел очень быстро, гораздо быстрее Грейс, и если бы они так и продолжали идти друг другу навстречу, то он минутой раньше достиг бы поставленной западни. Но тут вмешалось еще одно обстоятельство: чтобы избежать любопытных ушей,— а кому не интересно послушать объяснение поссорившихся супругов,— Фитцпирс и Грейс решили в тот день встретиться на бугре за усадьбой Тенгса. Поэтому, дойдя до падуба, Фитцпирс остановился.

Не более двух минут ждал он под густой кроной падуба, шелестевшей упругими кожистыми листьями, как вдруг услышал слабый вскрик с той стороны, откуда должна была появиться Грейс. Что бы это могло значить? — подумал Фитцпирс. А так как он пребывал сегодня в самом счастливом настроении духа, то решил, что слышит весенние голоса лесных духов и фей, которые, по преданию, любили резвиться в Хинтокском лесу еще со времен старой веселой Англии. Так он и стоял в тени падуба минут десять и вдруг начал беспокоиться; теперь уже услышанный возглас не казался ему таким безобидным; он побежал по заросшему склону вниз и дальше по темной тропинке навстречу Грейс.

Дубки-близнецы росли очень тесно, и Фитцпирс чуть не упал, налетев на них. Протянув в темноте руку, чтобы исследовать препятствие, он ощутил под рукой ворох шелковой ткани, а под ней холодные железные прутья; это, однако, ничего не объяснило ему. Он чиркнул спичку, и кровь застыла у него в жилах.

Он увидел захлопнувшийся капкан, а в его зубьях юбку из пестрого шелка: челюсти захлопнулись с такой силой, что страшные шипы насквозь пронзили ткань. Фитцпирс сразу узнал юбку: в ней Грейс последний раз была на свидании. Фитцпирс не раз рассматривал в Хинток-хаусе коллекцию таких капканов и сразу же представил себе, что произошло: Грейс попала в этот проклятый капкан, случайный прохожий

освободил ее и унес, искалеченную, домой, а юбку никак нельзя было отцепить, и она здесь осталась. Беда обрушилась на него внезапно, в тот момент, когда будущее представлялось ему безоблачным счастьем. Удар был так силен, что из груди Фитцпирса, как в предсмертной агонии, вырвался вопль. Обезумев от горя, он упал на колени.

Ни одно из наказаний, посланных Фитцпирсу в искупление его грехов перед Грейс, не было и вполнину таким тяжким, как это.

— О, любимая моя, бесценная Грейс! Как жестока судьба! Нет, это слишком страшная кара! — заламывал он в отчаянии руки над местом, где случилось несчастье, оплакивая бедную жену свою.

Стенания и вопли его были так громки, что если бы кто находился поблизости, то, конечно, услышал бы их. И такой человек поблизости был. Слева и справа от тропинки, там, где росли дубки, темнели густые заросли кустарника; от кустов вдруг отделилась женская фигурка, в которой даже в темноте была заметна, несмотря на изящество движений, какая-то странность.

Снизу от талии она была точно в узкой длинной белой юбке, верх же красиво облегал пышная блуза. Это была Грейс, его жена, только без той части своего туалета, которая попала в зубы капкана.

— Эдрид, дорогой, не убивайся так! — воскликнула она, подбегая и наклоняясь к мужу. — Я жива и невредима! Когда я вырвалась из капкана, то побежала было искать тебя, но услышала шаги и спряталась. Вдруг это кто-нибудь чужой. А я в таком виде!

Фитцпирс вскочил на ноги, и не задумываясь над тем, что делает, схватил Грейс в объятия. Грейс не оттолкнула его, да, пожалуй, и не смогла бы оттолкнуть, не обладая силой амазонок. Фитцпирс прижал ее к груди, осыпая поцелуями.

— Ты жива! Ты ничего не повредила себе! Слава богу! Слава богу! — повторял он, чуть не рыдая от восторга и благодарности, что все обошлось благополучно. — Грейс, любимая жена моя! Что здесь произошло?

— Я шла к тебе, — не очень внятно отвечала полузадушенная объятиями Грейс. — Я хотела прийти точно в назначенный час. Но немножко замешкалась и не успела выйти пораньше. Поэтому я побежала и, к счастью, довольно быстро. Когда я уже проскочила дубки, меня кто-то сильно дернул сзади, послышался лязг железа, я не удержалась на ногах и упала. Я подумала, что меня сейчас убьют, и закричала от страха, и в ту же минуту поняла, что никого, кроме меня, здесь нет, а это захлопнулся капкан и схватил мою юбку. Я дергала ее, дергала, но не могла вырвать. Позвать отца? Но мне не хотелось бы, чтобы он знал пока о наших встречах. И я решила снять

юбку, пойти навстречу тебе и рассказать, какая странная со мной приключилась история. Кое-как сташив с себя юбку, я вдруг услышала чьи-то шаги. Я не была уверена, ты ли это, а предстать перед кем-нибудь чужим в таком виде мне было бы очень неприятно. И я спряталась.

— Тебя спасло только то, что ты бежала! Если бы ты шла обычным шагом, то одна твоя нога или даже обе были бы сломаны.

— Но ведь и ты мог попасть в этот ужасный капкан,— сказала Грейс, начиная понимать, какого страшного несчастья они так счастливо избежали.— О, Эдрид! — воскликнула Грейс.— Чей-то добрый глаз охраняет нас сегодня. Мы должны быть благодарны судьбе.

— Ты моя, ты снова моя! — твердил Фитцпирс, прижимая крепче щеку Грейс к своей.

Грейс кротко ответила, что так, наверное, оно и есть.

— Я слышала, что ты говорил, когда думал, что со мною случилось несчастье,— продолжала она, застенчиво улыбнувшись.— И я знаю, что если человек так глубоко страдает из-за другого, то, значит, он любит. Но как это страшилище могло здесь оказаться?

— Думаю, что его поставили против браконьеров.

Потрясенный происшедшим, Фитцпирс не мог стоять на ногах и опустился без сил на землю. И только слова Грейс, что хорошо бы извлечь из железных тисков юбку (тогда никто ни о чем не узнает), заставили его подняться.

Наступив ногами — Фитцпирс на одну пружину, Грейс на другую, оба с силой надавили вниз, вставили в открывшуюся щель полено, принесенное из стоявшей поблизости поленицы, и только тогда смогли вытащить юбку из зубастой пасти капкана. Юбка была точно изжевана и со множеством дырок, но, к счастью, полностью не порвалась, и Фитцпирс помог Грейс одеться. Когда привычный силуэт Грейс был таким образом восстановлен и они пошли от злосчастного места прочь, Грейс взяла Фитцпирса за руку, но он очень скоро внес исправление и обнял ее за талию.

Теперь, когда лед был так неожиданно сломан, Грейс перестала дичиться, и холодность ее как рукой сняло.

— Я позвала бы тебя домой,— сказала она Фитцпирсу,— но отец ничего не знает о наших встречах, и надо его подготовить.

— Конечно, конечно, дорогая. Но я бы и не принял приглашения. Я никогда больше не вернусь сюда не только ради моего, но и ради твоего блага. У меня ведь есть хорошие новости. С этим ужасным приключением — все из головы вон. Я купил практику, точнее — стал совладельцем на половинных паях с одним доктором в Мидленде. И через неделю должен ехать туда на постоянное жительство. Восемь месяцев назад умерла моя тетка и оставила небольшой капитал. Я уже снял

удобный меблированный домик, где мы будем жить, пока не купим свой.

Он подробно описал дом, место, где он расположен, окрестности и даже вид из окна; и Грейс всем этим очень заинтересовалась.

— А почему ты еще не поселился там? — спросила она.

— Я не могу уехать из Хинтока, не получив твоего согласия. Ведь ты поедешь со мной, Грейс? Поедешь, да? Сегодняшний вечер решил все?

Все сомнения Грейс рассеялись; и она не сказала Фитцпирсу «нет».

Они шли точно в тумане, не видя дороги, поглощенные событиями этого вечера, чудесным избавлением от опасности и радостным воссоединением. Грейс потеряла направление и поняла, где они находятся, только выйдя на маленькую поляну в самой чаще леса. Луна стояла почти над головой, и все вокруг было залито таинственным лунным светом. Вечер был очень теплый для середины мая и удивительно тихий; была та пора, когда из лопнувших буковых почек вылезают большие мятые листья, нежные, как крылья бабочки. Со всех сторон висели ветви, опущенные такими листьями, как бы выстилая изнутри огромную зеленую вазу, на замшелом дне которой сидели Фитцпирс с Грейс.

На западе долго стояло зарево облаков, отражающих уходящий солнечный свет, отчего час казался не таким поздним. Грейс первая вспомнила о времени.

— Я должна идти домой, — сказала она, вскакивая на ноги. И оба тотчас стали смотреть в сторону Хинтока. Фитцпирс взглянул на часы: лунный свет был так силен, что можно было различить стрелки.

— Боже мой! Я и не думал, что уже так поздно! — воскликнул Фитцпирс.

— А где мы находимся? — спросила Грейс.

— В двух милях от дома в направлении Шертон.

— Тогда иди скорее, Эдрид. Я дойду до дому одна, мне не страшно. Я хорошо знаю лес. Как приду, расскажу отцу, что мы решили. Я теперь очень жалею, что ничего не говорила ему о наших встречах. Он стареет и становится раздражительным. Поэтому я и не рассказывала ему ничего. До свидания, Эдрид!

— Мне, видно, придется ночевать сегодня в «Эрл-ов-Уэссекс». На поезд я уже опоздал. Думаю, что самое лучшее будет, если ты пойдешь со мной.

— Отец будет беспокоиться. Он ведь думает, что я на минутку вышла в сад. Ему и в голову не придет, где я.

— Он догадается. Меня наверняка видел кто-нибудь из хинтокцев. А завтра я провожу тебя до самого дома.

— «Эрл-ов-Уэссекс» перестроен. В нем так неуютно и вечно полно народу.

— Если ты боишься, что нас увидят вместе, то я могу остановиться в «Трех бочках».

— Нет, нет, этого я не боюсь. Просто у меня с собой ничего нет — ни щетки, ни гребешка.

ГЛАВА XLVIII

Весь вечер Мелбери то и дело подходил к дверям.

— Куда могла запропасться эта девчонка? — восклицал он в недоумении. — Никогда еще не уходила из дому, не сказавшись. Пошла на огород за петрушкой и провалилась!

Мелбери исходил весь двор, сад, огород, службы, — Грейс как в воду канула. Тогда он пошел с расспросами по соседям; к Тенгсам, однако, не заглянул, помня, что молодым вставить ни свет ни заря. Жена одного из работников неосторожно заметила, что в лесу кто-то как будто кричал, но в какой стороне кричали, она запомнила.

Не на шутку встревоженный, Мелбери приказал работникам засветить фонари. И скоро целая компания с хозяином во главе двинулась на поиски в лес; в последнюю минуту подоспел Кридл, увешанный крючьями и мотками веревок, с которыми он никак не хотел расставаться; по дороге прихватили еще щепенника с мистером Баутри, тем самым, что торговал в местном кабаке сидром.

Обыскав каждый куст в окрестностях, наткнулись на злополучный капкан. находка ничего не прояснила, а только прибавила беспокойства: поднеся к капкану свечу, Мелбери увидел обрывки знакомой материи. Сомнения не было: юбка его дочери побывала в зубах чудовища. Хинтокцы углубились в лес; навстречу попался дровосек из Делборо и сказал, что встретил по дороге девушку, по описанию похожую на Грейс. Какой-то мужчина вел ее под руку в сторону Шертона.

— Они прижимал ее к себе? — спросил Мелбери.

— Да, пожалуй.

— А она, случаем, не прихрамывала?

— Действительно, кажется, припадала на одну ногу. Голова-то, во всяком случае, клонилась к нему на плечо.

Вопль ужаса вырвался из груди Кридла. Мелбери, не подозревая о появлении Фитцпирса, связал сообщения дровосека с криком в лесу, слышанным соседями; дело запутывалось, свирепый образ капкана еще нагнал страху; и компания, оглашая лес криками и маяча фонарями, поспешила в сторону Шертона. Оставив позади положенное число миль, вышли наконец на большак.

Ближе к Шертону прохожие стали попадаться чаще. И все, кого спрашивали, в один голос говорили, что видели похожую на Грейс девушку — только теперь уже ни на чью заботливую руку она не опиралась. У самого города Мелбери сказал, что

не может больше испытывать терпения друзей, пойдет дальше один, чтобы любой ценой разузнать, что же случилось в конце концов с его дочерью. Но не в правилах хинтокцев было оставлять друзей в беде. Все пошли дальше, скоро засветились первые огоньки города, залаяли собаки. У заставы опять обнаружился след беглянки. Но джентльмена и здесь не видали: молодая дама, одетая, как Грейс, вошла в город одна.

— Клянусь небом,— воскликнул терявшийся в догадках Мелбери,— Грейс, видно, загипнотизировали. А то еще, не ровен час, во сне ходить стала.

Тайна, окутывавшая исчезновение Грейс, все не прояснялась, и Мелбери с друзьями устремились по улицам Шертонна. На пороге одного из домов увидели они мистера Перкомба, парикмахера, разлучившего в свое время Марти Саут с ее косою. Мелбери тотчас обратился к нему с расспросами.

— Ба, кого я вижу? — воскликнул, не спеша с ответом, парикмахер.— Весь Малый Хинток к нам пожаловал! Помнится, я был у вас в последний раз три года назад, зимой, так я чуть не сгинул тогда в вашем лесу. И как это вы живете в такой глухомани! Большой Хинток — и то уже дыра дырой. Совы одни да летучие мыши. У вас и с ума спянуть недолго. Добрался я до дому поздно ночью, так только дня через три опамятовался. У вас, мистер Мелбери, мошна толстая; я бы на вашем месте давно ушел на покой. Поселились бы у нас в Шертоне. Надо ведь когда-нибудь и на мир божий поглядеть.

Наконец этот поток красноречия иссяк, и Мелбери услышал, что Перкомб стал бы искать Грейс в гостинице «Эрл-ов-Уэссекс», самой фешенебельной в Шертоне, которую с открытием железной дороги перестроили в современный отель.

Оставив у входа в гостиницу всю ораву, Мелбери спросил у слуги, не находится ли сейчас в гостинице молодая красивая дама, и сообщил точное описание Грейс. Такая дама действительно находилась в гостинице. При этом известии беспокойство Мелбери сильно уменьшилось, недоумение, однако же, возросло.

— А вы не знаете,— спросил Мелбери,— не моя ли это дочь?

Этого слуга не знал.

— А может, вы знаете имя этой дамы?

Но служащие гостиницы были все новые, нанятые в других местах, и имени дамы никто не знал. Джентльмена же они видели у себя не первый раз, но им в голову не пришло спросить его имя.

— Ага, джентльмен появился опять,— заметил себе Мелбери.— Я хотел бы повидать эту даму,— прибавил он вслух.

Слуга пошел наверх, и после некоторого промедления на лестнице появилась Грейс; держалась она так, точно век здесь жила, хотя лицо было виноватое и даже испуганное.

— Грейс, как имя...— начал было отец и, осекшись, прибавил.— А я думал, ты пошла в огород нарвать петрушки!

— А я и правда пошла за петрушкой, а потом... ты только не беспокойся, отец, все уже хорошо,— торопясь и запинаясь от волнения, прошептала Грейс.— Я здесь не одна. Со мной Эдрид. Все вышло случайно.

— Эдрид? Случайно? А как он сюда попал? Я думал, он живет в двухстах милях отсюда.

— Да, правильно, в двухстах. Но он купил очень хорошую практику. На свои деньги. Он получил наследство. И потом приехал сюда; а меня чуть не захлопнул капкан, и поэтому я здесь. Мы как раз собирались кого-нибудь послать к тебе, чтобы ты не волновался.

По лицу Мелбери было видно, что слова дочери мало что объяснили ему.

— Тебя захлопнул капкан?

— Да, то есть мою юбку. С этого все и началось. Эдрид наверху, у себя в номере. Я уверена, что он будет рад видеть тебя.

— Но у меня, клянусь небом, нет никакого желания его видеть! Довольно, навидался. Разве как-нибудь в другой раз, если уж тебе так захочется.

— Он приехал, чтобы посоветоваться со мной об этой самой практике. Очень хорошее место, очень.

— Рад слышать,— сухо заметил Мелбери.

Отец с дочерью замолчали; тем временем на пороге уже толпились хинтокцы в своих затрапезных платьях, вытягивая с любопытством шеи.

— Так ты, значит, не пойдешь с нами домой?

— Думаю... думаю, что нет,— ответила Грейс, краснея.

Хинтокцы чувствовали себя неловко в этом красивом гостиничном холле,— на поиски Грейс они отправились тотчас, как вернулись со своих делянок: кто в кожаном фартуке, кто в перепачканном смолой балахоне, а кто и вовсе без пиджака. Неслыханное дело — хинтокцы всегда приезжали в Шертон в своих лучших сюртуках и шляпах. Кридл, увешанный крючьями и мотками веревок, с лицом, на котором ясно читалось предчувствие беды, достойно завершал живописную картину.

— Что же, соседки,— обратился ко всей братии Мелбери,— пойдём обратно, да поживее. Время позднее, и дорога неблизкая. Скажу вам только, что промашка тут вышла. Мистер Фитцпирс купил в Мидленде хорошую практику и должен был встретиться с миссис Фитцпирс, чтобы решить важное дело — какое, я пока и сам не знаю. Так что

вы уж простите меня и не гневайтесь сильно за эту ночную прогулку.

— Эге,— откликнулся щепенник,— до дому-то добрых семь миль топать, да еще на ночь глядя, да на своих двоих. Не худо было бы промочить глотку для поддержания сил перед обратной дорогой. У меня все во рту пересохло. Что скажете, братцы?

Все единодушно согласились, что глотку и впрямь промочить недурно, и отправились на окраинную, глухую и темную улочку, единственным освещением которой было задернутое красной шторой окно «Трех бочек». Компания усеелась за длинный стол, протянув усталые ноги на полу, на котором метла оставила узор елочкой. Мелбери заказал приятелям пива, а сам, верный себе, вышел на улицу и стал ждать, поглядывая по сторонам, пока хинтокцы не утолят жажду.

— Что поделаешь, он ей муж,— говорил себе Мелбери.— Пусть ложится к нему в постель, если хочет! Но только не мешало бы ей помнить, что в эту самую минуту где-то веселится женщина, которую он, не пройдет и года, станет ласкать, как ласкает сейчас ее, как год назад ласкал Фелис Чармонд, а год перед тем Сьюк Дэмсон. Грейс напрасно надеется... Один бог только знает, чем все у них кончится.

За столом в «Трех бочках» говорили на ту же тему.

— Будь она моя дочь, я бы показал ей, как самовольничать! Это называется пойти в огород за петрушкой. Гонять людей ночью в Шертон! Сама-то небось спит до полудня, а нам вставать еще до света,— говорил в сердцах один из спасателей: он не был поденщиком у Мелбери и мог позволить себе некоторую вольность суждений.

— Это ты уж слишком круто берешь,— возразил щепенник.— Но и то сказать, хорошие времена настали: поссорились, ославили себя на весь честной мир, ни родных, ни близких не постеснялись, а потом этих же близких дураками выставили!

— А-а, нынешние женщины — все изменщицы,— вторил Кридл.— Нет чтобы остаться в отцовском доме и до гроба блюсти верность.

Говоря эти слова, Кридл думал с грустью о своем бывшем хозяине.

— Муж и жена,— заметил благоразумно фермер Баутри,— одна сатана. Их делить — сам в дураках останешься. Я тут знавал одну пару... хотя чего греха таить, все здесь свои: мои это дядька с теткой. Помню, чего только у них в ход ни шло: и кочерга, и сковородка, и щипцы. Ну, думаешь, убьют друг друга, ей-богу, убьют. Глядь — а они уже сидят рядком. Чисто голубок с голубкой. Да еще петь начнут. А уж петь были оба горазды! Так чисто выводят, так голосисто, особливо на высоких нотах.

— А я недавно какую чудную историю слышал,— заговорил опять первый.— От одной жены ушел муж. Вернулся через двадцать четыре года. Пришел — дело к вечеру было, видит — жена сидит возле очага, отдыхает. Он по другую руку сел. «Ну что, какие новости?» — спрашивает жена.— «А никаких,— отвечает муж,— а у тебя что?» — «Тоже ничего. Вот только дочь от второго мужа месяц назад замуж вышла. А сама я уже год как вдова».— «У-гу,— отвечает муж,— а еще что?» — «А больше ничего»,— говорит жена. Пришли соседи и видят: сидят они — один слева от очага, другой справа и спят, сердечные, так что пушкой не добудишься.

— Не знаю, про кого это ты слышал,— заметил Кридл.— Но эти двое не твоим молчунам чета. Найдут о чем говорить.

— Вестимо дело, найдут. Он все науки превзошел, да и она не лыком шита.

— Теперь женщины шибко ученые стали,— заметил щепенник.— Их не обманешь, как в прежние времена бывало.

— Они и прежде лишку умны были,— вздохнул Джон Апджон.— Нашему брату с ними не тягаться. Помню, ухаживал я за своей старухой. Не поверите, до чего ловка была и хитра! Знала, как показать себя с лучшей стороны. Заметили небось, что старуха моя с одной стороны глянь — хоть куда, а с другой ни то ни се?

— Я, например, не заметил,— вежливо отозвался щепенник.

— Ну, ладно, пусть,— продолжал Апджон, не смущаясь.— У них всегда так: с одного боку — красавица, с другого — черт знает что. Так чего-чего только моя старуха не выдумывала, чтобы держать меня с одной стороны. Куда бы мы ни шли: в гору ли, под гору ли, против ветра или по ветру, в лицо нам пекло солнце или в затылок, бородавка ее всегда глядела в забор, а на меня — ямочка. И я, при моей простоте, даже не замечал ничего. Даром что двумя годами моложе, а сумела обвести меня вокруг пальца, как слепого котенка. Да и то сказать, мы тогда уже на третьей ступени сватовства были. Нет, по-моему, бабы умнее не стали, оттого что умны-то они всегда были.

— А сколько всего бывает ступеней в сватовстве, мистер Апджон? — спросил молодой парень, прислуживавший когда-то на рождественском обеде у Уинтерборна.

— Пять: первая — самая холодная, а потом все жарче... У меня, во всяком случае, было пять.

— А вы не смогли бы, мистер Апджон, рассказать про эти ступени и сколько какая ступень длится?

— Отчего же не мог бы? Конечно, мог. Только незачем! Ты и сам все узнаешь — так уж человеку на роду написано. И чем раньше, тем лучше.

— А миссис Фитцпирс не хуже твоей старухи обвела доктора вокруг пальца,— заметил щепенник.— Он совсем ручной стал. Только надолго ли его хватит? Я как-то вечером обношу сад колючей проволокой и вдруг вижу: они идут. Мне и то стало жаль беднягу — так она его мучила. Вот еще принцесса выискалась: любоваться — любуйся, а тронуть — не смей. Кто бы мог ожидать такое от этой девчонки!

Мелбери вернулся в комнату; хинтокцы объявили, что подкрепились достаточно, и компания двинулась в обратный путь; светила луна, и возвращение было веселым. Шли лесными тропами: для тех, кто знал окрестности, это значительно сокращало путь. Тропа вела мимо церкви; проходя возле кладбища, наши путники, занятые пересудами, заметили одинокую девичью фигуру, недвижно стоявшую у калитки.

— Это, кажется, Марти Саут,— бросил мимоходом щепенник.

— Похоже, что она,— откликнулся Апджон.— Кого еще об эту пору встретишь в лесу в одиночестве?

Хинтокцы гурьбой прошествовали мимо и тут же забыли о Марти.

А это действительно была она. В тот вечер, как всегда по этим дням, они должны были вместе с Грейс отнести цветы на могилу Джайлса; и за все восемь месяцев после смерти Уинтерборна Грейс первый раз не пришла в условленное место. Марти долго ждала ее на дороге неподалеку от усадьбы Мелбери; потом, решив, что Грейс вышла раньше и, не дождавшись, отправилась на кладбище одна, Марти дошла до кладбищенской калитки, но Грейс и там не было. Чувство товарищества не позволяло ей пойти к могиле одной: она думала, что Грейс опаздывает из-за неотложного дела; более двух часов стояла Марти у калитки, прижимая к себе корзинку, полную цветов, и чувствуя босыми ногами, как медленно остывает сырая земля. Вдруг услышала она в лесу топот шагов и голоса: это возвращались хинтокцы. В тиши ночи слышалось каждое слово, и Марти поняла, что случилось и где сейчас была Грейс.

Едва только хинтокцы спустились с холма и голоса затихли вдали, Марти толкнула калитку и пошла в дальний угол кладбища, где за кустами возвышался необтесанный камень, отмечающий место последнего упокоения Джайлса Уинтерборна.

Тонкая, обтянутая узким платьем фигурка высилась, озаренная лунным светом, над могилой Джайлса. Ничто женское почти не улавливалось в этом строгом облике, с которого ночной час стер печать бедности и физического труда; она казалась святой, без сожаления отрекшейся от своей земной сущности во имя более высокого назначения человека — любви ко всему живому под солнцем.

— Теперь ты мой,— шептала Марти,— только мой, потому что она все-таки забыла тебя, хотя ты и отдал ради нее жизнь. Но я никогда, никогда тебя не забуду. Я ложусь спать — ты неотступно в моих мыслях, пробуждаюсь — и моя первая мысль о тебе. Сажаю ли я молодые деревца, оттачиваю ли колышки или давлю сидр, я все время думаю, что никогда не было и не будет такого умельца, как ты. И если я забуду тебя, то пусть я лишусь крова над головой, пусть небо отвернется от меня! Но нет, нет, любимый, я никогда тебя не забуду, потому что ты был добрый человек и творил добрые дела.

ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

ЧИСТАЯ ЖЕНЩИНА,
ПРАВДИВО ИЗОБРАЖЕННАЯ

РОМАН

**ПЕРЕВОД
А. КРИВЦОВОЙ**

ФАЗА ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА

...Бедное поруганное имя!
Сердце мое, как ложе, приютит тебя.

В. Шекспир

I

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлотт, находившуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Ноги его ступали нетвердо, и он то и дело отклонялся влево от прямого пути. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя, в сущности, ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен, а поля протерты в том месте, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре с ним повстречался пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

— Добрый вечер,— сказал человек с корзинкой.

— Добрый вечер, сэр Джон,— отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, остановился и оглянулся.

— Прошу прощения, сэр, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге, и я сказал: «Добрый вечер»,— а вы, вот как сейчас, ответили: «Добрый вечер, сэр Джон».

— Совершенно верно, ответил,— сказал священник.

— И еще раз перед этим — почти месяц назад.

— Возможно.

— Ну так почему же вы меня зовете «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, возчик?

Священник подъехал к нему поближе.

— Так мне захотелось,— сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: — Видите ли, не так давно я разыскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я — священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут-Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом

Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл?

— Никогда об этом не слыхивал, сэр.

— Однако это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог получше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервиллей, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилла в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена ваших предков упоминаются в списках Государственного казначейства во времена короля Стефана. При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда сын рыцаря почти всегда посвящался в рыцари, — вы были бы теперь сэром Джоном.

— Да не может быть!

— Короче говоря, — внушительно заключил священник, похлопывая себя хлыстом по ноге, — вряд ли в Англии найдется второй такой же род.

— Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? — сказал Дарбейфилд. — А я-то тут болтаюсь год за годом как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, пастор Трингхэм?

Священник объяснил, что, насколько он может судить, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он прошлой весной, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на какой-то повозке фамилию Дарбейфилд, и это побудило его навести справки о родословной ее владельца, и теперь он уверен, что его предположение оказалось верным.

— Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, — сказал он. — Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам уже кое-что об этом известно.

— Да, я слыхал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал — речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука — резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли — одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была

какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда пришел... А осмелюсь спросить вас, сэръ, где поднимается теперь дым над нашим очагом,— ну, то есть где мы, д'Эрбервилли, живем?

— Вы нигде не живете. Ваш род угас.

— Плохо дело.

— Да... как говорят лживые семейные хроники, род прексся по мужской линии — иными словами, зачах, пришел в упадок.

— Ну, а где мы лежим?

— В Кингсбир-суб-Гринхилле; там множество ваших склепов, и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

— А где же наши родовые замки и поместья?

— У вас их нет.

— О! И земли нет?

— Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбуре и еще одно в Шертоне, а также в Миллпонде, в Луллстеде и Уэллбридже.

— А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

— Ну, этого я не могу сказать.

— Так что же вы мне посоветуете делать, сэръ? — помолчав, спросил Дарбейфилд.

— Ничего; а впрочем, попробуйте очистить свой дух, размышляя о «падении сильных мира сего». Все это представляет интерес лишь для историка здешних мест и человека, занимающегося генеалогией,— но и только. Среди поселян нашего графства есть несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свидания!

— А не согласитесь ли вы, сэръ, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? В трактире «Чистая капля» подают очень хорошее пиво,— хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

— Нет, благодарю вас, Дарбейфилд, не сегодня, вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благоразумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд в глубокой задумчивости сделал несколько шагов, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь, поставив корзинку перед собой. Спустя несколько минут вдали показался юноша, который шел в том же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорил шаги и подошел ближе.

— А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился.

— А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

— Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушай меня и исполни поручение, которое я тебе дам... Ну, Фред, я, уж так и быть, открою тебе тайну: я происхожу из благородной семьи,— я это узнал только что, как раз сегодня вечером.

И, объявив эту новость, Дарбейфилд небрежно откинулся и растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и оглядывал его с ног до головы.

— Сэр Джон д'Эрбервилль — вот кто я такой,— продолжал лежавший.— То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами,— а раньше ведь так оно и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место — Кингсбир-суб-Гринхилл?

— Да. Я был там на гринхилльской ярмарке.

— Так вот, под церковью в этом городе лежат...

— Какой же это город — то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было — так себе, маленькое глухое местечко.

— Не важно, парень, город это или не город, не о том идет речь. Под церковью этого прихода в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн, лежат мои предки — сотни предков — в кольчугах и драгоценностях. В графстве Южный Уэссекс не найдется человека, который имел бы в своем роду скелеты, знатнее и благороднее моих.

— Да ну?

— Теперь бери эту корзинку и ступай в Марлотт, а когда придешь в трактир «Чистая капля», скажи, чтобы немедленно прислали за мной лошадь и карету отвезти меня домой. А в карету пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и скажи моей жене, чтобы она отложила стирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, пока я не приеду,— есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд сунул руку в карман и извлек шиллинг, хотя их у него было не так уж много.

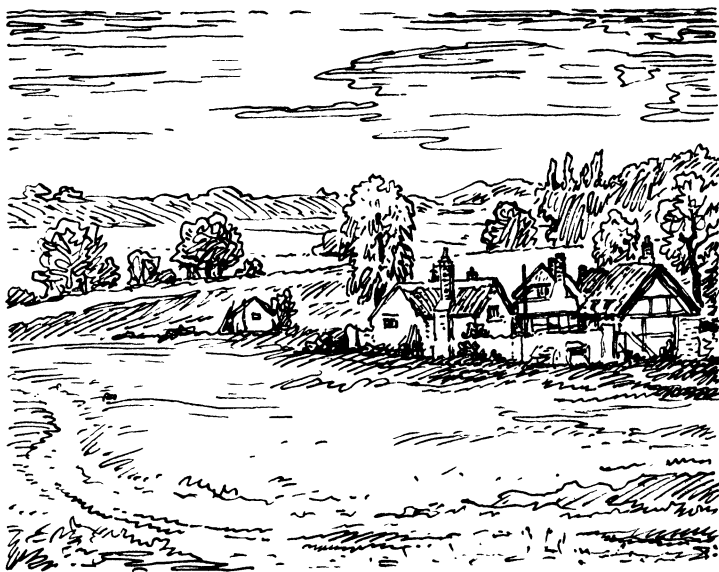
— Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша оценил все случившееся совсем по-иному.

— Слушаю, сэр Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэр Джон?

— Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут — кровяную колбасу; а если и этого не могут — ну, тогда я обойдусь рубцами.

— Слушаю, сэр Джон.

Юноша взял корзину и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

— Что это? — спросил Дарбейфилд. — Уж не в мою ли честь?

— Это гулянье женского клуба, сэр Джон. Да ведь ваша дочь в нем тоже состоит.

— Верно, я совсем об этом забыл, размышляя о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлотт и закажи карету, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд остался лежать на траве в маргаритках, золотившихся в лучах заходящего солнца. Дорога была совсем пустынна, и только приглушенные расстоянием звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

II

Деревня Марлотт расположена на северо-западном склоне красивой долины, которая, как говорилось выше, называется Блекмор, или Блекмур, — уединенной долины, опоясанной волнистой грядой гор и в большей своей части еще неизвестной туристам и художникам-пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно познакомиться с долиной, обозревая ее с вершин холмов, которые ее окружают, — неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, только пора летних

засух. Но блуждать без проводника по уединенным ее уголкам в плохую погоду — значит почти возненавидеть эти узкие, извилистые и грязные тропы.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают, ограничена с юга крутым меловым краем с возвышенностями Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Неттлком-Таут, Догбери, Хай-Стой и Баб-Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашням и достигнув края одного из этих обрывов, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно карта, страну, совсем не похожую на ту, которую он миновал. Позади него — пустынные холмы, поля, залитые солнцем, такие обширные, что пейзаж кажется бескрайним; дороги там белы, живые изгороди низки, и ветки их кустов густо переплелись, воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по меньшему и более изящному масштабу: поля невелики, и с высоты окаймляющие их живые изгороди кажутся сеткой из темно-зеленых нитей, растянутой на светло-зеленой траве. Воздух внизу дремотен и так густо окрашен лазурью, что средний план, говоря языком художников, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина называлась Лесом Белого Оленя, и с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха Третьего неким Томасом де Линдом был убит великолепный белый олень, которого загнал, но пощадил король, — и наказанием за это был высокий денежный штраф. В ту пору и до сравнительно недавнего времени здесь были дремучие леса. И по сей день виднеются еще их следы: склоны долины кое-где одевают дубняк и сосновые рощи, а на пастбища бросают тень огромные дуплистые деревья.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, родившиеся под их сенью; многие из них, однако, либо видоизменились, либо существуют в замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать в день, о котором идет речь, под видом клубного праздника, или «клубного гулянья», как называли его в тех краях.

Обычай этот ревностно соблюдался молодежью Марлотта, хотя истинный его смысл был неведом участникам церемонии. Особенность этого праздника заключалась не столько в самой процессии и плясках, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная

ли робость слабого пола или саркастическое отношение родственников-мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлоттского), блеска и веселья. Только клуб в Марлотте еще организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия,— еще с тех пор, когда был не клубом, а своеобразным женским орденом,— и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья — веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами,— дней, предшествовавших тому времени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала, построившись попарно, они обошли вокруг деревни. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры четко выделились на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, здесь не было двух одинаковых белых тонов. Иные платья сияли снежной белизной, в других проглядывал синеватый оттенок, тон третьих, облакавших особ постарше (и, быть может, пролежавших сложными много лет), казался желтовато-мертвенным, и сшиты они были по моде времен королей Георгов.

Однако этих женщин и девушек отличало не только белое платье: каждая из них несла в правой руке жезл — ивовый прут, с которого была содрана кора, а в левой букетик белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже даже пожилых,— их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, являли странный контраст с окружающим весельем, вызывая если не насмешку, то, во всяком случае, глубокую жалость. В сущности, о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, о каждой женщине, чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости»,— можно было бы узнать и рассказать гораздо больше, чем о молодых их товарках. Но оставим пожилых ради тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других — красивый нос или красивый рот и фигура, но почти никто из них не обладал всем этим одновременно. Было заметно, что, выставляя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести голову высоко и не могут стереть с лица смущение,— это были настоящие деревенские девушки, непривычные к тому, чтобы на них смотрели.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа:

какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная, слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.

Они обошли трактир «Чистая капля» и уже сворачивали с большой дороги к воротам, чтобы выйти на луг, когда одна из женщин воскликнула:

— Господи помилуй! Смотри-ка, Тэсс Дарбейфилд, уж не твой ли это отец едет домой в карете?!

Услышав это восклицание, одна молоденькая участница процессии повернула голову. Это была тоненькая красивая девушка, быть может, не более красивая, чем некоторые другие, но подвижный алый, как пион, рот и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность. Волосы она украсила красной лентой и среди женщин, одетых в белое, была единственной, которая могла похвастаться таким ярким украшением. Оглянувшись, она увидела, что Дарбейфилд едет по дороге в фазтоне, принадлежащем «Чистой капле», которым правит кудрявая крепкая девица с засученными выше локтя рукавами. Девица эта была веселой служанкой трактира и, исполняя свою роль фактотума, превращалась иногда в конюха и грума. Дарбейфилд, откинувшись на спинку сиденья и блаженно закрыв глаза, помахивал рукой и медленно тянул речитативом:

— У — меня — в Кингсбире — есть — большой — семейный — склеп, — и — рыцари — предки — лежат — там в свинцовых — гробах!

Члены клуба захихикали — все, кроме Тэсс, которую, казалось, в жар бросило оттого, что ее отец служит предметом насмешек.

— Он устал, вот и все, — поспешно сказала она, — и договорился, что его подвезут, потому что наша лошадь должна сегодня отдыхать.

— Ну и простушка же ты, Тэсс! — отозвались ее товарки. — Да он хлебнул лишнего сегодня на базаре. Ха-ха!

— Слушайте, я ни шагу не ступлю дальше, если вы будете над ним смеяться! — крикнула Тэсс, и румянец, горевший на ее щеках, разлился по лицу и шее. На глазах у нее показались слезы, и она отвернулась. Товарки, заметив, что обидели ее, не сказали больше ни слова, и процессия продолжала путь. Гордость не позволила Тэсс оглянуться еще раз, узнать, о чем, собственно, говорил ее отец; и она шла вместе с процессией к лугу, где должны были начаться танцы. Но когда они пришли к этому месту, Тэсс уже обрела утраченное душевное равновесие и, похлопывая свою соседку ивовым прутом, болтала, как всегда.

В эту пору жизни Тэсс Дарбейфилд была лишь сосудом эмоций, не окрашенных опытом. Хотя она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения, — а для диалекта этой области характерным являлось

злоупотребление звуком «э», правда не уступающим по выразительности ни одному другому в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и, когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

В лице ее все еще таилось что-то детское. И сегодня, несмотря на ее яркую женственность, щеки ее иной раз наводили на мысль о двенадцатилетней девочке, сияющие глаза — о девятилетней, а изгиб рта — о пятилетней крошке.

Однако мало кто это замечал, и почти никто над этим не задумывался. Изредка какой-нибудь прохожий долго смотрел ей вслед, очарованный ее свежестью, жалея, что больше ее не увидит, но почти для всех она была красивой деревенской девушкой, и только.

Больше не видно и не слышно было Дарбейфилда в триумфальной его колеснице, управляемой конюхом женского пола, и когда процессия достигла луга, начались танцы. Так как мужчин в этой компании не было, то сначала девушки танцевали друг с другом, но к концу трудового дня мужское население деревни вместе с зеваками со всей округи и любопытными прохожими собралось у изгороди и, казалось, не прочь было принять участие в танцах.

Среди зрителей находились трое молодых людей, принадлежавших к более высокому общественному кругу; за спиной у них висели маленькие сумки, в руках они держали крепкие палки. Сходство их и небольшая разница в возрасте показывали, что они братья; так оно и было на самом деле. Старший носил костюм помощника приходского священника — белый галстук, закрытый жилет, шляпу с узкими полями; второй был студентом; во внешности младшего не было ничего характерного, — в его глазах и в костюме чувствовалось что-то вольное, не стесненное рамками, подсказывающее, что вряд ли он уже нашел свою профессиональную колею; оставалось предположить, что он только лишь нащупывает свой путь в жизни.

Эти три брата сообщили случайному знакомому, что они проводят каникулы, совершая прогулку по долине Блекмур, и путь их лежит из города Шестона, с северо-востока на юго-запад.

Они остановились у калитки, которая вела на луг, и осведомились, по какому случаю эта пляска и почему девушки одеты в белые платья. Два старших брата явно не намерены были мешкать здесь, но третьего, казалось, забавляла эта стайка девушек, танцующих без кавалеров, и он не спешил продолжать путь. Сняв дорожную сумку, он положил ее вместе с палкой у изгороди и открыл калитку.

— Что ты задумал, Энджел? — спросил старший.

— Я не прочь пойти и поплясать с ними. А почему бы нам всем не остаться здесь на минутку, — нас это надолго не задержит.

— Вздор! — отозвался первый. — Танцевать на людях с толпой деревенских дикарок! А что, если нас увидят? Идем, а не то стемнеет раньше, чем мы доберемся до Стоуркэстла, а ближе нам негде переночевать; да, кроме того, перед сном мы должны прочесть еще главу из «Отпора агностицизму», раз уж я потрудился взять с собой эту книгу.

— Хорошо, я догоню вас с Катбертом через пять минут. Не останавливайтесь; даю слово, что я вас догоню, Феликс.

Двое старших неохотно расстались с братом и пошли дальше, захватив его дорожную сумку, чтобы тому легче было их догнать, а младший прошел на луг.

— Как это печально, мои милые! — галантно обратился он во время перерыва в танцах к девушкам, стоявшим поблизости. — Где же ваши кавалеры?

— Они еще не кончили работать, — ответила самая бойкая. — Скоро они явятся. А пока не хотите ли быть нашим кавалером, сэръ?

— Разумеется. Но я-то один, а вас много.

— Все лучше, чем ничего. Очень уж скучно танцевать девушке с девушкой. Никто тебя не обнимет, не прижмет. Ну-ка, выбирайте!

— Ш-ш... не приставай! — сказала другая, более застенчивая.

Получив приглашение, молодой человек окинул всех взглядом и попытался сделать выбор, но так как этих девушек он видел впервые, то решить было нелегко. Он пригласил чуть ли не первую, какая ему попала на глаза, — это была не та, которая с ним говорила, хоть именно она на это и рассчитывала, и не Тэсс Дарбейфилд. В битве жизни родословное древо, предки, покоящиеся в склепах, славное прошлое и наследственные черты д'Эрбервиллей не помогали пока Тэсс и даже не делали ее более привлекательной в глазах кавалеров по сравнению с простыми крестьянками. Не много стоит нормандская кровь, если нет викторианского богатства.

Имя девушки, затмившей остальных, не сохранилось для потомства, но ей завидовали все, потому что в тот вечер она первая имела счастье танцевать с кавалером. Впрочем, столь заразителен бывает пример, что деревенские парни, не спешившие на луг, пока никто с ними не соперничал, ринулись теперь туда; мужчин в парах становилось все больше и больше, и вскоре даже последняя дурнушка в клубе уже не отплясывала за кавалера.

Пробили церковные часы, и юноша внезапно заявил, что ему придется уйти... он совсем забыл... он должен догнать своих спутников... Когда он уже отошел от танцующих, взгляд его упал на Тэсс Дарбейфилд — и уж если говорить правду, в ее больших глазах таился легкий упрек: почему не ее он выбрал? Тогда и он пожалел, что не заметил ее, чему виной была ее застенчивость; и с этой мыслью он ушел с луга.

Чтобы наверстать потерянное время, он пустился бегом по тропинке на запад, быстро миновал ложбину и поднялся на холм. Братьев он еще не догнал, но приостановился, чтобы перевести дыхание, и оглянулся. На зеленом лугу кружились белые фигуры девушек, так же, как кружились они, когда он был среди них. Казалось, все уже о нем забыли.

Все — за исключением, быть может, одной. Эта белая фигурка стояла в стороне, у изгороди. В ней он узнал хорошенькую девушку, с которой не танцевал. Хоть это был пустяк, но инстинктивно он почувствовал, что она обижена его небрежностью. Он пожалел, что не пригласил ее, пожалел, что не узнал ее имени. Она была так скромна, так мила, такой нежной казалась в своем легком белом платье... он почувствовал, что поступил глупо.

Однако помочь этому было нельзя; повернувшись, он заставил себя идти скорым шагом и отогнал мысль о ней.

III

Однако Тэсс Дарбейфилд не так легко забыла этот эпизод. Не сразу решилась она снова принять участие в танцах; хотя кавалеров у нее могло быть много, но — ах! — они не вели таких приятных разговоров, как этот незнакомый молодой человек. И лишь когда на склоне холма лучи солнца поглотили удаляющуюся фигуру незнакомою юноши, стряхнула она с себя мимолетную печаль и ответила согласием приглашавшему ее кавалеру.

Она оставалась со своими товарками до сумерек и танцевала с большим удовольствием; хотя движения в такт музыке были ей приятны сами по себе — сердце ее еще никем не было затронуто; видя «сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние» тех девушек, чьи сердца не устояли перед долгой осадой, она и не догадывалась, на какое чувство окажется способна сама. Ссоры парней из-за ее руки во время джиги были для нее только развлечением, и, когда молодые люди начинали чересчур горячиться, она их журила.

Быть может, она осталась бы на лугу и дольше, если бы вдруг не вспомнила с тревогой о странном поведении отца; мучимая беспокойством, она покинула танцующих и пошла в конец деревни, где стоял родительский дом.

Не дойдя до коттеджа нескольких десятков шагов, она снова услышала ритмические звуки, но уже не те, от которых ушла, — звуки знакомые, давно-давно знакомые! Из дома доносилось равномерное постукивание, вызванное энергичным раскачиванием колыбели, стоявшей на каменном полу; и под такой аккомпанемент женский голос задорной скороговоркой пел песенку про пеструю корову:

Я видел, как она легла-а-а вон в той зеленой ро-о-оце:
Идем со мной, любовь моя, и ты ее отыщешь.

Затем и постукивание колыбели и песня на секунду стихали и раздавались воркующие восклицания:

— Бог да благословит твои бриллиантовые глазки! И нежные щечки! И вишневый ротик! И миленькие ножки! И каждый кусочек тельца!

После этого стук и пенье возобновлялись, и «Пестрая кодова» начиналась сначала. Так обстояло дело, когда Тэсс открыла дверь, вошла и остановилась у порога, обозревая представившуюся ее глазам картину.

Несмотря на пение, от этой комнаты повеяло на девушку невыразимой тоской. После веселого праздничного дня — белых платьев, букетов, ивовых жезлов, пляски на зеленом лугу, вспышки нежного чувства к незнакомцу — этот желтый тусклый свет одной-единственной свечи, озарявший унылую картину... Какой резкий переход! Однако она почувствовала не только болезненное разочарование, но и леденящий укор совести оттого, что не вернулась раньше, чтобы помочь матери в домашних делах, а веселилась на лугу.

Ее мать стояла, окруженная детьми, как оставила ее Тэсс, — стояла, склонившись над лоханью, занятая стиркой, которую, как всегда, отложила с понедельника до конца недели. Из этой лохани извлечено было накануне — Тэсс почувствовала мучительные угрызения совести — то самое белое платье, которое она так небрежно запачкала зеленью у подола, гуляя по росистой траве, — платье, выжатое и выглаженное руками ее матери.

По обыкновению, миссис Дарбейфилд балансировала перед лоханью на одной ноге, а другой покачивала колыбель младшего ребенка. Качалка, на которой стояла колыбель, столько лет выдерживала тяжесть стольких детей, что от трения о каменный пол полозья ее стали почти плоскими; поэтому колыбель, качаясь, резко подпрыгивала, и младенец перекатывался из стороны в сторону, словно ткацкий челнок. А миссис Дарбейфилд, возбужденная собственным пением, раскачивала колыбель со всем пылом, какой сохранился в ней после длинного дня возни с лоханью.

Тук-тук, тук-тук — стучала колыбель; пламя свечи вытянулось и заплесало, вода капала с локтей матери, песня бойко мчалась к концу куплета, а миссис Дарбейфилд смотрела на свою дочь. Даже теперь, обремененная детьми, Джоан Дарбейфилд по-прежнему страстно любила петь. Какая бы песенка ни проникла из внешнего мира в долину Блекмур, мать Тэсс запоминала ее в течение недели.

В лице женщины до сих пор еще можно было уловить свежесть и даже миловидность молодости, и было ясно, что очарование, каким могла похвастаться Тэсс, является преимущественно даром матери и, следовательно, наследием не рыцарским, не историческим.

— Дай-ка я покачаю колыбель, мама,— мягко сказала дочь.— Или, может, мне снять праздничное платье и помочь тебе выжать белье? Я думала, ты давным-давно кончила.

Мать нимало не сердилась на Тэсс за то, что та ушла надолго и предоставила ей одной заниматься домашними делами; да она и редко попрекала ее за это, почти не нуждаясь в помощи Тэсс, ибо ее обыкновением было облегчать себе дневные труды, откладывая их на будущее. А сегодня вечером она была в настроении еще более радужном, чем обычно. Девушка не могла понять, почему мать смотрит на нее мечтательно, озабоченно, восторженно.

— Ну, я рада, что ты пришла,— сказала мать, допев последнюю ноту.— Я сейчас схожу за твоим отцом, только прежде мне хочется рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза вытаращишь, когда узнаешь! (Миссис Дарбейфилд обычно говорила на местном наречии; дочь ее, пройдя под руководством лондонской учительницы шестиклассную национальную школу, прибежала к наречию только в минуты радости, изумления или горя.)

— Это случилось, пока меня не было дома? — спросила Тэсс.

— Да!

— Уж не потому ли отец ехал сегодня таким барином в карете? Зачем он это сделал? Я готова была сквозь землю провалиться от стыда!

— Все потому же! Оказывается, мы самые что ни на есть знатные люди в целом графстве... наши предки жили задолго

до Оливера Кромвеля, еще при турках-язычниках,— и у нас есть памятники, склепы, щиты, гербы и бог его знает что еще. В дни Карла-мученика нас сделали рыцарями Королевского Дуба, а настоящая наша фамилия д'Эрбервилль! Ну что, забилось сердечко? Вот потому-то твой отец и ехал домой в карете, а вовсе не потому, что был пьян, как подумали иные.

— Очень рада. А будет нам от этого какой-нибудь прок, мама?

— Еще бы! Нужно думать, что произойдут великие события. И как только это станет известно, люди, такие же знатные, как и мы, приедут сюда в своих каретах. Отец узнал об этом, когда шел домой из Шестона, и рассказал мне все как есть.

— А где сейчас отец? — спросила вдруг Тэсс.

Мать ответила не относящимся к делу сообщением:

— Сегодня он зашел к доктору в Шестоне. Оказывается, у него вовсе не чахотка. Он говорит, что это просто жир вокруг сердца. Вот оно как получается.— С этими словами Джоан Дарбейфилд согнула большой и указательный пальцы, покрытые мыльной пеной, изобразив большое «С», а указательным пальцем другой руки воспользовалась как указкой.— «Сейчас,— сказал он твоему отцу,— ваше сердце затянато жиром вот тут и вот тут; а это место еще свободно. Как только оно затянется,— миссис Дарбейфилд соединила концы пальцев,— погаснете вы, как свеча, мистер Дарбейфилд. Вы можете, говорит, протянуть десять лет, а можете умереть через десять месяцев или десять дней».

Тэсс встревожилась. Отец ее внезапно достиг величия и, несмотря на это, может так скоро уйти в вечность!

— Но где же отец? — снова спросила она.

Мать посмотрела на нее умоляюще.

— Только ты уж не сердись! Бедняга, он так ослабел после этих новостей, что пошел на полчаса к Ролливеру. Хочет набраться сил, потому что завтра он должен отвезти эти ульи,— хоть мы и происходим из знатного рода, а это нужно сделать. Ему придется выехать сейчас же после полуночи — путь дальний.

— Хочет набраться сил! — вспыхнула Тэсс, и слезы затуманили ей глаза.— О, господи! И для этого идти в трактир! А ты потекаешь ему, мама!

Тоскливое отчаяние, казалось, заполнило всю комнату и придало унылый вид мебели, свече, даже игравшим детям и матери.

— Нет,— обиженно сказала последняя,— я ему не потекаю. Я ждала тебя, чтобы ты присмотрела за домом, а я пойду приведу его.

— Я пойду.

— Нет, Тэсс. Ты знаешь,— от этого толку не будет.

Тэсс спорить не стала. Она знала, почему мать возражает

ей. Жакет и шляпа миссис Дарбейфилд уже висели на стуле, приготовленные для этой заранее задуманной прогулки, о необходимости которой матрона сожалела меньше, чем о поводе к ней.

— А «Полный предсказатель судьбы» отнеси в сарай,— продолжала она, быстро вытирая руки и одеваясь.

«Полный предсказатель судьбы», старая пухлая книга, лежал подле нее на стуле; ее так часто носили в кармане, что от полей не осталось и следа и шрифт доходил до края страниц. Тэсс взяла книгу, а мать отправилась в путь.

Походы в трактир в поисках беспутного супруга были одним из любимейших развлечений миссис Дарбейфилд, замученной скучной возней с детьми. Отыскать мужа у Ролливера, посидеть там подле него часок-другой и отбросить на это время мысли и заботы о детях — вот что делало ее счастливой. И тогда, словно сиянием, словно предзакатным блеском озарялась жизнь. Невзгоды и другие реальные события обретали метафизическую неосвязаемость, переставали быть настойчивыми конкретными фактами, раздражающими тело и душу, и переходили в категорию умозрительных явлений, которые можно созерцать спокойно. Дети, когда они не находились тут же, на глазах, казались скорее приятными и желанными атрибутами жизни, повседневные заботы представлялись, пожалуй, в освещении забавном и радостном. До известной степени она переживала то же ощущение, какое испытывала некогда в обществе своего супруга — в то время еще жениха,— когда, сидя с ним в том же трактире и забывая о его недостатках, видела в нем только идеального возлюбленного.

Тэсс, оставшись с младшими детьми, прежде всего отнесла в сарай книгу для гаданья и сунула ее под кровлю. Ее мать испытывала перед этой грязной книгой странный суеверный страх и никогда не позволяла оставлять ее на ночь в доме; поэтому, посоветовавшись с книгой, ее тут же относили обратно в сарай. Между матерью — хранительницей быстро исчезающих суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад — и дочерью, обучавшейся по новым программам в шестиклассной национальной школе, пропасть была, как принято считать, в двести лет. Когда они бывали вместе, век Иакова и век Виктории соприкасались.

Возвращаясь по садовой дорожке, Тэсс размышляла о том, что хотела узнать ее мать из этой книги именно сегодня, и без труда догадалась, что дело шло о недавнем открытии. Отгнав эти мысли, она начала обрызгивать высохшее за день белье, ей помогали ее девятилетний брат Абрэхем и сестра Илайза Луиза двенадцати лет, которую звали в семье Лайза Лу; младших детей уложили спать. Между Тэсс и ее сестрой была разница в четыре года, так как двое детей, родившихся в этот промежуток, умерли во младенчестве, и потому Тэсс, оставаясь одна с младшими детьми, как бы замещала мать.

За Абрэхемом шли еще две девочки, Хоуп и Модести¹, затем трехлетний мальчик и, наконец, малютка, которому недавно исполнился год.

Все эти юные создания были пассажирами на дарбейфилдском корабле, и от решений двух старших Дарбейфилдов всецело зависели их развлечения, удовлетворение их потребностей, их здоровье и даже жизнь. Если бы эти двое, возглавлявшие дарбейфилдский дом, вздумали вести судно навстречу бедам, катастрофе, голоду, унижению, смерти — туда вынуждены были бы плыть вместе с ними и шесть маленьких пленников, заключенных в трюме, шесть беспомощных созданий, которых никто не спросил о том, хотят ли они вообще жить, и тем более жить в таких тяжелых условиях, какие были неизбежны в безалаберном доме Дарбейфилдов. Хотелось бы знать, откуда почерпнул право говорить о «священном плане Природы» поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи — легкими и прозрачными.

Время шло, но ни отец, ни мать не возвращались. Тэсс выглянула за дверь и мысленно совершила прогулку по Марлотту. Деревня засыпала. Всюду тушили свечи и лампы; Тэсс представила себе протянутую руку и колпачок, которым гасят свет.

Когда мать отправлялась за отцом, это означало, что кто-то должен сходить за ними обоими. Тэсс понимала, что человеку со слабым здоровьем, собирающемуся отправиться в путь после полуночи, не следует засиживаться до позднего часа в трактире и пировать в честь древнего своего происхождения.

— Абрэхем,— сказала она братишке,— надень-ка шапку и ступай к Ролливеру. Ты не боишься? Узнай, что случилось с отцом и матерью.

Мальчик быстро вскочил, открыл дверь, и ночь поглотила его. Прошло еще полчаса; мужчина, женщина и ребенок не возвращались. Казалось, Абрэхем, как и его родители, оказался жертвой губительного трактира.

— Придется пойти мне самой,— сказала Тэсс.

Лайза Лу легла спать, а Тэсс, заперев их всех в доме, побрела по темной извилистой улице, не приспособленной для быстрого хождения,— улице, проложенной в те времена, когда еще не ценился каждый дюйм земли и часов с одной стрелкой было достаточно для деления дня.

IV

Трактир Ролливера, единственное питейное заведение в этом конце деревни, длинной, с беспорядочно разбросанными домами, мог похвастаться всего лишь разрешением продавать

¹ Надежда и Скромность (англ.).

спиртные напитки навынос; и так как пить в доме значило нарушить закон, то для удобства клиентов к садовой ограде была прикреплена служившая полкой доска шириной дюймов в шесть и длиной в два ярда — этим ограничивались все приспособления. Жаждающие путники ставили на эту доску свои кружки, опивки выплескивали на пыльную землю, покрывая ее полинезийскими узорами, и жалели, что не могут посидеть и отдохнуть в доме.

Так обстояло дело с прохожими. Но ту же потребность испытывали и местные клиенты, а воля, как известно, рушит препятствия.

На верхнем этаже в просторной спальне, окно которой было занавешено большой плотной шерстяной шалью, еще не так давно служившей миссис Ролливер, хозяйке трактира, собралось в тот вечер человек двенадцать, жаждущих радости,— все местные старожилы и завсегдатаи этого уютного уголка.

«Чистая капля» — трактир, имевший разрешение обслуживать клиентов внутри помещения, был расположен в дальнем конце широко раскинувшейся деревни; что делало его, в сущности, недоступным для жителей этой окраины; вдобавок имелась и более серьезная причина — качество напитков: мнение большинства было таково, что лучше пить с Ролливером в углу на чердаке, чем в просторном зале с хозяином другого трактира.

Старомодная кровать без матраца, стоявшая в комнате, служила сиденьем для нескольких человек, расположившихся по трем ее сторонам; двое взобрались на комод, еще один восседал на резном дубовом сундуке и еще один на табурете,— таким образом, все разместились более или менее удобно. К этому часу они достигли той стадии духовной удовлетворенности, когда души их расцвели и, уже не вмещаясь в телесную оболочку, наполняли своим теплом комнату. Благодаря этому процессу и комната и мебель облагораживались, становились все более и более роскошными; шаль, которой было занавешено окно, превратилась в гобелен; медные ручки комода стали благородным золотом, а резные столбики кровати, казалось, состояли в родстве с великолепными колоннами Соломонова храма.

Расставшись с Тэсс, миссис Дарбейфилд быстро дошла до трактира, открыла парадную дверь, пересекла комнату нижнего этажа, погруженную в глубокий мрак, а затем привычной рукой, хорошо знакомой со здешними щеколдами, отперла дверь, ведущую на лестницу. По ветхим ступеням она поднималась медленнее, и когда ее лицо показалось над освещенной верхней площадкой лестницы, к ней обратились взгляды всей компании, собравшейся в спальне.

— ...близкие друзья, которых я угощаю за свой счет по случаю клубного праздника,— слышав шаги, проговорила

хозяйка бойко, как ребенок, отвечающий катехизис, и выглянула на лестницу.— Ах, это вы, миссис Дарбейфилд! Господи, ну и перепугали же вы меня! А я уж подумала, что это кто-нибудь присланный властями.

Остальные члены конклава приветствовали миссис Дарбейфилд взглядами и кивками, после чего она повернулась к тому месту, где сидел ее супруг. Он рассеянно мурлыкал себе под нос:

— Я не хуже, чем кое-кто из здешних мест! У меня есть большой семейный склеп в Кингсбир-суб-Гринхилле, и во всем Уэссексе ни у кого нет покойничков лучше, чем у меня!

— Я должна тебе сказать, что мне пришла по этому случаю в голову замечательная мысль! — прошептала его веселая жена.— Послушай, Джон, ты что, не видишь меня?

Она подтолкнула его локтем, но он, глядя сквозь нее, словно сквозь оконное стекло, продолжал свой речитатив.

— Ш-ш! Не пойте так громко, дружище,— сказала хозяйка.— Чего доброго, услышит кто-нибудь из властей и отберет у меня патент.

— Он небось уже рассказал вам, что у нас случилось? — спросила миссис Дарбейфилд.

— Вроде как рассказал. А деньги-то вы от этого какие-нибудь получите?

— Кто его знает! — благоразумно ответила Джоан Дарбейфилд.— Все же неплохо быть в родстве с каретой, даже если в ней и не ездишь.

Это она произнесла во всеуслышание, но затем понизила голос и снова обратилась к своему супругу:

— Как ты ушел, я припомнила, что в Трэнтридже, на опушке Заповедника, живет одна знатная и богатая дама по фамилии д'Эрбервилль.

— А? Что? — сказал сэр Джон.

Она повторила:

— Должно быть, эта дама — наша родственница. Вот я и надумала послать к ней Тэсс и объявить о родстве.

— А ведь вправду дама с такой фамилией имеется, раз уж ты об этом заговорила,— сказал Дарбейфилд.— Священник Трингхэм про нее забыл. Но она — ничто по сравнению с нами, должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.

Занятая обсуждением этого вопроса, супружеская пара не заметила, как маленький Абрэхем пробрался в комнату и встал рядом, ожидая случая заговорить с родителями и увести их домой.

— Она богата и, конечно, позаботится о нашей дочке,— продолжала миссис Дарбейфилд,— а это будет очень кстати. И, конечно, членам одного рода следует познакомиться друг с другом поближе.

— Да, и мы все поедem «объявить о родстве!» — раздался

из-под кровати веселый голос Абрэхема.— И мы все будем ездить к ней в гости, когда Тэсс туда переедет; будем кататься в ее карете и носить черную одежду.

— Откуда ты взялся, малыш? И что за глупости ты болтаешь! Ступай поиграй на лестнице, пока отец и мать не освободятся!.. Да, Тэсс следует пойти к этому члену нашего рода. И уж Тэсс наверняка ей понравится; а потом на ней может жениться какой-нибудь благородный джентльмен. Да что говорить! Это так и будет, я уж знаю!

— Откуда?

— Я гадала по «Предсказателю судьбы», и так оно все и выходит. Ты бы поглядел, какая она была сегодня хорошенкая, кожа у нее нежная, как у герцогини.

— А что говорит она сама? Пойдет она туда?

— Я ее не спрашивала. Она еще не знает, что у нас есть такая родственница. Но, конечно, это поможет ей найти благородного мужа, и она не откажется пойти.

— Тэсс не поймешь!

— Но с ней можно справиться... Это уж предоставь мне.

Хотя разговор этот не предназначался для посторонних, окружающие расслышали достаточно, чтобы понять, что у Дарбейфилдов имеются теперь темы для разговора более серьезные, чем у простых смертных, а Тэсс — их хорошенькую старшую дочь — ждет завидное будущее.

— Тэсс — славная девчурка, я так и сказал себе сегодня, когда увидел, как она разгуливает вместе с остальными по деревне,— вполголоса заметил один из старых пьяниц.— Но Джоан Дарбейфилд пусть поостережется — как бы она не подложила зеленого солода в муку.

Это была местная поговорка, которая имела особый смысл, и ответа на нее не последовало.

Разговор сделался общим, а вскоре в комнате нижнего этажа послышались шаги.

—...близкие друзья, которых я угощаю сегодня за свой счет по случаю клубного праздника...

Хозяйка быстро повторила формулу, заготовленную для незваных гостей, и тут же узнала во вновь прибывшей Тэсс.

Даже матери Тэсс и то показалось, что юному личику девушки не место в комнате, насыщенной винными парами, хотя они и подходящая атмосфера для морщинистой старости: наверное, и без укоризненного взгляда темных глаз Тэсс отец ее и мать поднялись бы с места, торопливо допив эль, и спустились вслед за ней по лестнице, напутствуемые предостережением миссис Ролливер:

— Пожалуйста, не шумите, дорогие мои, прошу вас; а не то я лишусь патента, вызовут меня в суд,— и неизвестно, что еще будет! Доброй ночи!

Они шли домой рядом, Тэсс поддерживала отца под один локоть, а миссис Дарбейфилд под другой. В сущности, выпил

он очень мало — меньше четверти той порции, после которой привычный пьяница может, не пошатываясь, явиться в воскресенье утро в церковь и легко преклонять колени, но для сэра Джона, отличавшегося слабым здоровьем, маленькие его грешки вырастали в гору. На свежем воздухе он столь нетвердо держался на ногах, что все трое вдруг поворачивали то к Лондону, то к Бату,— комичное зрелище, которое можно наблюдать частенько, когда семья в ночную пору возвращается домой, но, подобно многим комичным зрелищам, было оно, в конце концов, не так уж комично. Обе женщины мужественно старались скрыть эти вынужденные уклонения и контрмарши от Дарбейфилда — их виновника, и от Абрэхема, и от самих себя; так добрались они потихоньку до своей двери, а глава семьи, подойдя ближе, внезапно затянул прежний припев, словно хотел укрепить свой дух, увидя неприглядное нынешнее свое жилище:

— У меня есть семе-е-е-ейный склеп в Кингсбире!

— Ш-ш... не глупи, Джеки,— сказала жена.— В старые времена не одна только твоя семья была знатной. Посмотри на Энктеллей, Хорси, да и на Трингхэмов,— они обнищали, почти как и ты, хотя твой род познатнее, это верно. Слава богу, я ни из какого рода не происхожу, и теперь мне стыдиться не приходится.

— Что-то очень уж ты в этом уверена. А мне, глядя на тебя, кажется, что ты себя унизила больше, чем любой из нас, и были у тебя когда-то в роду и короли и королевы.

Тэсс переменяла тему разговора, упомянув о том, что в ту минуту занимало ее гораздо больше, чем мысли о предках:

— Боюсь, что отец не сможет выехать с ульями на рассвете.

— Я? Через часок-другой я буду молодцом,— сказал Дарбейфилд.

Был двенадцатый час, когда все семейство наконец улеглось спать, а в два часа ночи, не позже, следовало отправиться в путь, чтобы успеть доставить ульи торговцам в Кэстербридж к началу субботнего базара; до места было двадцать — тридцать миль, и все по плохой дороге, а старая лошадь и так еле тащила тяжелую повозку. В половине второго миссис Дарбейфилд вошла в большую спальню, где спала Тэсс и все ее младшие сестры.

— Бедняга не может ехать,— сказала она старшей дочери, чьи большие глаза открылись, едва рука матери коснулась двери.

Тэсс села в постели, еще не совсем очнувшись от сна.

— Но кто-то должен ехать,— отозвалась она.— Мы и так уж запоздали с ульями. Роение скоро кончится. Если мы отложим это дело до следующего базарного дня, на них не будет спроса и они останутся у нас на руках.

Миссис Дарбейфилд совсем растерялась.

— Может, какой-нибудь парень поедет? Один из тех, что добивались плясать с тобой вчера? — предложила она вдруг.

— О нет, ни за что на свете! — гордо заявила Тэсс. — Чтобы все узнали, в чем тут дело? Какой стыд! Может, мне самой поехать — только вместе с Абрэхемом?

После некоторых препирательств мать дала согласие на этот план. Они разбудили маленького Абрэхема, который спал крепким сном в углу той же комнаты, и, хотя мысли его еще витали в мире грез, заставили его одеться. Тем временем и Тэсс поспешно оделась и, засветив фонарь, брат и сестра пошли к конюшне. Маленькая расхлябанная повозка была уже нагружена, и девушка вывела Принца — лошадь, которая была немногим надежнее повозки.

Бедный коняга с недоумением всматривался в темноту, поглядывая на фонарь и на двух людей, словно не мог поверить, что в этот поздний час, когда каждому живому существу полагается быть под кровом и отдыхать, его заставляют трудиться. Они положили запас огарков в фонарь, привесили фонарь с правой стороны повозки и тронулись в путь; пока дорога шла в гору, они шагали рядом с лошадью, чтобы избавить слабое животное от лишнего груза. Желая подбодрить друг друга, они с помощью фонаря, хлеба с маслом и разговора устроили себе утро, — а настоящее утро было еще далеко. Абрэхем, более или менее проснувшийся (до тех пор он двигался, словно в трансе), принялся болтать о том, что темные предметы на фоне неба выглядят очень страшно: вот это дерево похоже на разъяренного тигра, выскакивающего из логова, а вон то напоминает голову великана.

Когда они миновали небольшой городок Стоуркэстл, тихо дремлющий под бурными тростниковыми крышами, подъем наконец окончился. Слева высился холм Балбэрроу, или Билбэрроу, — один из высочайших в Южном Уэссексе, опоясанный земляными валами. Отсюда на большом протяжении длинная дорога мягко шла под уклон. Они влезли на передок повозки, и Абрэхем о чем-то задумался.

— Тэсс! — помолчав, начал он в виде вступления.

— Что, Абрэхем?

— Ты не рада, что мы стали благородными?

— Не очень.

— Но ты рада, что выйдешь замуж за джентльмена?

— Что? — спросила Тэсс, подняв голову.

— Что наша знатная родня поможет тебе выйти замуж за джентльмена?

— Мне? Наша знатная родня? У нас нет такой родни. Что это взбрело тебе в голову?

— Я слышал, как об этом говорили у Ролливера, когда я пришел за отцом. В Трэнтридже живет богатая дама, наша родственница, и мать говорит, что, если ты пойдешь и скажешь

ей о нашем родстве, она тебе поможет выйти замуж за джентльмена.

Его сестра вдруг умолкла и погрузилась в глубокую задумчивость. Абрэхем продолжал болтать — не столько для удовольствия слушателя, сколько для собственного удовольствия, и на рассеянность сестры он не обращал внимания. Прислонившись спиной к ульям и подняв лицо к небу, он заговорил о звездах, которые холодно мерцали среди черной пустоты, бесстрастно-чуждые этим двум огонькам человеческой жизни. Он спросил, далеко ли до этих светильников и пребывает ли бог по другую их сторону. Но в детской своей болтовне он поминутно возвращался к тому, что затронуло его воображение глубже, чем чудеса мироздания. Если Тэсс разбогатеет, выйдя замуж за джентльмена, хватит ли у него денег, чтобы купить большую подзорную трубу, в которую звезды видны будут не хуже, чем Неттлком-Таут?

Это новое обращение к теме, словно заразившей всю семью, вывело Тэсс из терпения.

— Ну, довольно об этом! — воскликнула она.

— Ты говорила, что звезды — это миры, Тэсс?

— Да.

— И все такие же, как наш?

— Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей яблони. Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

— А мы на какой живем — на красивой или на подгнившей?

— На подгнившей.

— Вот уж не повезло, что мы не попали на хорошую, раз их больше, чем плохих!

— Да.

— А это и в самом деле так, Тэсс? — спросил, повернувшись к ней, Абрэхем, на которого этот удивительный факт произвел сильнейшее впечатление. — Как бы оно было, если бы мы очутились на хорошей звезде?

— Ну, отец не кашлял бы и не волочил ноги, как волочит теперь, и не был бы сейчас пьян, и сам повез бы улы, а матери не приходилось бы стирать и стирать без конца.

— А ты бы уже так и родилась богатой и не нужно было бы тебе выходить за джентльмена, чтобы разбогатеть?

— Довольно, Эби! Довольно говорить об этом!

Предоставленный своим собственным мыслям, Абрэхем скоро стал клевать носом. Тэсс плохо владела вожжами, но решила, что на этот раз ей удастся справиться самой, не мешая Абрэхему спать. Она устроила ему перед ульями подобие гнездышка, чтобы он не свалился, и, взяв у него вожжи, поехала дальше.

Принц требовал лишь незначительного внимания, ибо у него не хватало энергии для каких бы то ни было лишних

движений. Болтовня брата больше не отвлекала Тэсс от ее мыслей, и, прислонившись спиной к ульям, она предалась грезам. Кусты и деревья, тянувшиеся немой процессией мимо нее, участвовали в фантастических сценах, разыгрывавшихся за пределами реальности, а случайные вздохи ветра были вздохами какой-то необъятной и скорбной души, в пространстве равнозначной вселенной и во времени — истории.

Затем, обдумывая сплетение событий своей жизни, она словно увидела всю нелепость отцовских притязаний и материнской мечты о ее браке с джентльменом и представила себе этого джентльмена, с презрительной гримасой смеющегося над ее бедностью и предками-рыцарями в саванах. Образы эти становились все более фантастичными, и она утратила всякое ощущение времени. Вдруг внезапный толчок потрянул повозку — и задремавшая Тэсс сразу проснулась.

Место, где она погрузилась в сон, осталось далеко позади, повозка стояла. Впереди раздался глухой стон, какого она никогда еще не слыхала, за ним последовал оклик:

— Эй, вы там!

Фонарь, висевший на их повозке, теперь не горел, но ей в лицо светил другой — более яркий. Случилось что-то ужасное. Сбруя запуталась в чем-то, преграждавшем дорогу.

В ужасе Тэсс прыгнула на землю, и ей открылась страшная истина: стонала бедная лошадь отца — Принц. Почтовая двуколка с утренной почтой, бесшумно катившая на двух своих колесах, неслась, по обыкновению, как стрела, и налетела на их медленно двигавшуюся и неосвещенную повозку.

Острая оглобля вонзилась, словно меч, в грудь несчастного Принца: из смертельной раны струей била кровь и с шипением лилась на дорогу.

В отчаянии Тэсс рванулась вперед и зажала рану рукой, но добилась только того, что алые капли забрызгали ее с головы до ног. Застыв, она беспомощно смотрела на лошадь. Принц тоже стоял неподвижно, пока хватало сил, потом внезапно рухнул на землю.

Подошедший почтальон начал распрягать еще теплого Принца, но тот был уже мертв, и, увидев, что ничем тут помочь нельзя, он вернулся к своей лошади, которая осталась цела и невредима.

— Вы ехали не по той стороне, по какой полагается, — сказал он. — Я должен везти дальше почту, а вам лучше остаться здесь со своей поклажей. Как только смогу, я пришлю вам кого-нибудь на помощь. Скоро рассветет, и бояться вам нечего.

Он помчался дальше, а Тэсс осталась стоять и ждать. Небо побледнело, в кустах зашевелились птицы, послышалось веселое щебетание; проселочная дорога стала совсем белой, но еще белее было лицо Тэсс. Огромная красная лужа затягивалась радужной пленкой, так как кровь уже свертывалась, а когда возшло солнце, она заиграла тысячью оттенков.

Принц лежал подле, неподвижный и окоченевший; глаза его были полузакрыты, и рана в груди казалась совсем маленькой, и трудно было поверить, что из нее могло вытечь столько крови — все то, что давало ему жизнь.

— Это я виновата, я! — повторяла девушка в отчаянии, не спуская глаз с мертвой лошади. — И нет мне оправдания! Чем будут жить теперь отец с матерью? Эби, Эби!

Она начала трясти ребенка, которого не разбудила даже эта катастрофа.

— Мы не можем ехать дальше! Принц убит!

Когда Абрэхем сообразил, что случилось, его детское лицо покрылось морщинами, как у пятидесятилетнего человека.

— А ведь я вчера только плясала и смеялась! — говорила сама себе Тэсс. — Как могла я быть такой дурой!

— Это случилось потому, что мы живем не на хорошей, а на подгнившей звезде! Правда, Тэсс! — сквозь слезы прошептал Абрэхем.

Они ждали, охваченные черным отчаянием, и ожидание казалось бесконечным. Наконец, услышав шум и увидев приближающуюся фигуру, они убедились, что почтальон сдержал слово: к ним подошел батрак с фермы в окрестностях Стоуркэстла, ведя на поводу крепкого жеребца. Его впрягли в повозку вместо Принца, и ульи повезли в Кэстербридж.

Вечером того же дня пустая повозка снова прибыла к месту происшествия. Принца еще утром стащили в канаву, но проезжавшие экипажи так и не стерли следов крови по-

среди дороги. Все, что осталось от Принца, взвалили на повозку, которую он совсем недавно тащил сам; он лежал, задржав окоченевшие ноги, и заходящее солнце отражалось на его подковах,— так он вернулся в Марлотт.

Тэсс добралась до дома раньше. Она не в силах была придумать, как сообщить страшную новость, и почувствовала облегчение, когда по лицам родителей убедилась, что они уже знают о потере; однако она не переставала упрекать себя за небрежность.

Но именно из-за безалаберности Дарбейфилдов несчастье не произвело на них такого утрашающего впечатления, какое произвело бы на семью трудолюбивую и работающую,— хотя для такой семьи потеря лошади создала бы только трудности, а семью Тэсс вела к разорению. В глазах Дарбейфилдов не отражался тот гнев, который обрушился бы на девушку, если бы родителей больше тревожило ее благополучие. Никто не бранил Тэсс так, как она сама себя бранила.

Когда обнаружилось, что живодер и кожевник дают за мертвого Принца всего несколько шиллингов из-за его дряхлости, Дарбейфилд оказался на высоте положения.

— Нет,— сказал он стоически,— я не продам старика. Когда мы, д'Эрбервилли, были рыцарями в поместьях, мы не продавали наших старых коней на мясо кошкам. Пусть их шиллинги останутся при них! Он хорошо служил мне при жизни, и теперь я с ним не расстанусь.

На следующий день, копая в саду могилу для Принца, он работал так усердно, как давно уже не работал для прокормления семьи. Когда яма была вырыта, Дарбейфилд и его жена обвязали лошадь веревкой и потащили ее по дорожке, а за ними в похоронной процессии следовали дети. Абрэхем и Лайза Лу всхлипывали, Хоуп и Модести выражали свое горе громким ревом, эхом отдававшимся от стен дома, а когда Принца столкнули в яму, все окружили могилу. Кормилец был у них отнят. Что с ними будет?

— Он пошел на небо? — всхлипывая, спросил Абрэхем.

Дарбейфилд начал засыпать яму землей, и дети снова заплакали. Все, кроме Тэсс. Глаза у нее были сухие, лицо бледное,— словно она считала себя убийцей.

V

После потери лошади заниматься извозом уже не приходилось, и дела семьи тотчас же пошли под уклон. Семье угрожала настоящая бедность, если не нищета. Дарбейфилд был «парень ни то ни се», как говорилось в тех краях. Здоровье иногда позволяло ему работать, но нельзя было полагаться на то, что эти периоды совпадут с моментом спроса на работу. Вдобавок он не привык к регулярному труду поденщика и не

слишком усердствовал, когда даже и случалось такое совпадение.

Между тем Тэсс, чувствуя, что в эту трясиину толкнула их она, молча размышляла, как их оттуда вытащить. Вот тогда-то ее мать и открыла ей свой план.

— Приходится принимать и радость и беду, Тэсс,— сказала она,— и получается, что о твоём знатном происхождении мы узнали в самую что ни на есть нужную минуту. Ты должна обратиться к своим друзьям. Знаешь ли ты, что неподалеку от Заповедника живет какая-то миссис д'Эрбервилль, очень богатая и наверняка наша родственница? Ты должна к ней пойти, рассказать о родстве и попросить, чтобы она помогла нам в беде.

— Мне не хотелось бы этого делать,— отозвалась Тэсс.— Раз уж есть у нас такая родственница — хорошо, если она отнесется к нам по-дружески, а помощи от нее ждать нечего.

— Ты можешь ей так понравиться, что добьешься от нее чего угодно, моя милая. И, быть может, толку от этого будет больше, чем ты думаешь. Я кое-что слыхала о ней.

При других обстоятельствах Тэсс, пожалуй, отнеслась бы к материнскому желанию менее почтительно, но сейчас ее угнетало сознание, что она навлекла беду на все семейство; однако она не могла понять, почему ее мать с таким удовольствием лелеет этот замысел, выгоды которого представлялись Тэсс весьма сомнительными. Быть может, мать навела справки и обнаружила, что эта миссис д'Эрбервилль — дама, наделенная непревзойденными добродетелями и милосердием? Но гордой Тэсс роль бедной родственницы внушала крайнее отвращение.

— Я лучше попытаюсь поискать работу,— прошептала она.

— Дарбейфилд, тебе решать,— сказала миссис Дарбейфилд, обращаясь к мужу, державшемуся на заднем плане.— Если ты скажешь, что она должна идти, она пойдет.

— Не нравится мне, чтобы мои дети ходили одолажаться к незнакомой родне,— пробормотал он.— Я глава благороднейшей ветви нашей фамилии и должен высоко держать голову.

Остаться после такого заявления отца было для Тэсс еще неприятнее, чем пойти.

— Хорошо, мама! Пожалуй, я должна что-нибудь сделать, раз я убила лошадь,— горестно сказала она.— Я пойду и повидаю миссис д'Эрбервилль, но уж сама решу, как просить ее о помощи. А ты не думай больше о том, что она выдаст меня замуж,— это глупо.

— Хорошо сказано, Тэсс! — поучительно заметил ее отец.

— А кто говорит, что я об этом думала? — спросила Джоан.

— Мне кажется, что это у тебя на уме, мать. Но я все равно к ней пойду.

На следующий день она встала рано и пошла в Шестон, городок на холме, где села в фургон, который два раза в неделю ездил из Шестона на восток, в Чейзборо. Фургон проезжал мимо Трэнтриджа, а в трэнтриджском приходе находилась резиденция неведомой и таинственной миссис д'Эрбервилль.

В это памятное утро путь Тэсс Дарбейфилд лежал среди северо-восточных возвышенностей долины, где она родилась и где протекала ее жизнь. Долина Блекмур была для нее миром, а местные жители — народом, населяющим этот мир. Из ворот и из-за плетней Марлотта смотрела она в пору недолгого детства на эту долину, и то, что тогда было для Тэсс тайной, оставалось тайной и теперь. Ежедневно видела она из окна своей комнаты башни, деревни, туманные белые здания; над ними величественно высился на холме Шестон, и окна его домов светились, словно лампы, в лучах вечернего солнца. В городке она почти никогда не бывала — лишь маленький клочок долины и ее окрестностей был знаком Тэсс. Еще реже выезжала она за пределы долины. Очертания замыкающих ее холмов были ей известны так же, как лица родных, но о том, что лежит за пределами этих холмов, она могла судить лишь по сведениям, полученным в сельской школе, где считалась первой ученицей, когда год или два назад бросила учиться.

В детстве ее очень любили товарки и сверстницы, и в деревне, когда она возвращалась домой из школы, ее всегда видели с двумя подружками, — все трое были почти одних лет; Тэсс обычно шла посредине — в розовом, с красивым сетчатым узором, ситцевом переднике, закрывавшем шерстяное платье, чья первоначальная окраска перешла в какой-то неопределимый цвет; длинные крепкие ножки Тэсс были туго обтянуты чулками, продранными на коленках оттого, что часто посреди дороги и у насыпей она опускалась на колени, в поисках растительных и минеральных сокровищ; пряди волос — тогда они были пепельного цвета — загибались, как крючки, на которых подвешивают чайник над огнем; руки девочек, шедших по бокам, обвивали талию Тэсс, а ее руки лежали на плечах подруг.

Когда Тэсс подросла и стала понимать положение дел, она почувствовала мальтузианское раздражение против матери за то, что та беззаботно дарит ей столько сестриц и братцев, хотя было нелегко нянчить и тех, что уже родились. Мать ее по уму не отличалась от счастливого младенца: Джоан Дарбейфилд была тоже ребенком, и вдобавок не самым старшим в этой огромной семье, порученной заботам Провидения.

Однако Тэсс была добра к малышам, и, для того чтобы помогать им по мере сил, она, как только ушла из школы,

стала наниматься на соседние фермы во время сенокоса и жатвы, хотя всему предпочитала доить коров и сбивать масло; этому она научилась, когда ее отец еще сам держал коров, и, так как пальцы у нее были ловкие, она справлялась с такой работой мастерски.

С каждым днем все новые семейные тяготы ложились на юные ее плечи, и вполне естественно, что в поместье д'Эрбервиллей как представительница Дарбейфилдов отправилась именно Тэсс. Кстати, в данном случае Дарбейфилды показывали лучшее, что у них было.

На перекрестке Трэнтридж она вышла из фургона и пешком поднялась на холм, направляясь к так называемому Заповеднику, на границе которого находилась, как сообщили ей, резиденция миссис д'Эрбервилль — поместье «Косогор». Это не было поместье в обычном смысле слова — с полями, пастбищами и ворчливым фермером, из которого владелец и его семья всеми правдами и неправдами вытягивают средства на жизнь. Это был скорее... да нет, это попросту был загородный дом, построенный исключительно для отдыха, и землю, примыкавшую к нему, не возделывали — ни одного акра, кроме тех, какие нужны были для усадьбы и маленькой фермы, находившейся под присмотром владельца и на попечении управляющего.

Сначала показалась красная кирпичная сторожка, до самой крыши спрятанная среди вечнозеленых растений. Тэсс подумала было, что это и есть усадьба, но, с трепетом пройдя в боковую калитку и дальше, до поворота аллеи, она наконец увидела дом. Построенный недавно, в сущности почти новый, он был того же густо-красного цвета, что и сторожка, так резко выделявшаяся в гуще вечнозеленых растений. А за углом дома, высившегося на фоне тусклых красок, словно красная герань, в лазурной дали виднелся Заповедник — настоящий дремучий лес, один из немногих сохранившихся в Англии первобытных лесов, где все еще на вековых дубах можно найти друидическую омелу и где гигантские тисовые деревья, посаженные самой природой, растут так, как росли они, когда их ветви срезали для луков. Однако этот древний лес, хотя его и видно было из усадьбы «Косогор», находился за ее пределами.

Все было ярко в этом уютном поместье, все содержалось в полном порядке: вниз по склону тянулись к рощам парники. Все здесь говорило о деньгах, все напоминало новенькую монету, только что из чеканки. Конюшни, обсаженные австрийскими соснами и вечнозелеными дубами, были оборудованы новейшими приспособлениями и величественны, как часовни. На широкой лужайке раскинулась изящная беседка, дверь которой обращена была к Тэсс.

Простодушная Тэсс Дарбейфилд стояла в волнении у края усыпанной гравием дорожки и смотрела. Только дойдя до этого

места, она вдруг осознала, где находится,— все здесь было не так, как она предполагала.

— Я думала, наш род древний, а здесь все новое! — сказала она наивно и пожалела, что с такой готовностью согласилась на план матери «объявить о родстве» и не попыталась искать помощи поближе к дому.

Семейство д'Эрбервиллей или Сток-д'Эрбервиллей, как они иногда себя называли,— владевшее этой усадьбой, было необычно для такого старомодного уголка страны. Священник Трингхэм был прав, говоря, что наш неуклюжий Джон Дарбейфилд являлся в графстве и его окрестностях единственным подлинным прямым потомком древнего рода д'Эрбервиллей; он мог бы добавить и то, что было ему очень хорошо известно, а именно: Сток-д'Эрбервилли имели не больше отношения к подлинному родословному дереву д'Эрбервиллей, чем он сам. Однако следовало признать, что семья эта являлась прекрасным деревом для прививки фамилии, чрезвычайно нуждавшейся в таком обновлении.

Когда старый мистер Саймон Сток, недавно умерший, будучи честным купцом (иные говорили — ростовщиком), сколотил себе состояние на севере, он решил стать помещиком на юге Англии, подальше от тех мест, где он вел свои торговые дела; при этом он возымел желание, начиная жизнь заново, обзавестись фамилией, которая не выдавала бы его столь явно, как удачливого торговца прошлых лет, и звучала бы менее заурядно, чем собственная его весьма вульгарная фамилия. В течение часа изучая в Британском музее труды, посвященные вымершим, полувывершим, забытым и разорившимся родам той части Англии, где он намерен был поселиться, мистер Сток решил, что д'Эрбервилль звучит не хуже любой другой фамилии; и фамилия д'Эрбервилль была присоединена к его фамилии, как для него самого, так и для его наследников на веки вечные. Однако он не был сумасбродом, и когда созидал свою родословную на новой основе, то, измышляя аристократические родственные связи, проявил благоразумие и не упомянул ни одного титула, который можно было бы считать нарушением строжайшей умеренности.

Обо всем этом бедная Тэсс и ее родители, на свою беду, естественно, не имели ни малейшего понятия. В сущности, даже возможность подобных заимствований была им неведома: они полагали, что, если благосостояние и может быть даром судьбы, фамилию получаешь при рождении.

Тэсс все еще стояла в нерешительности, словно пловец, собирающийся броситься в воду, и не знала, отступить ей или идти вперед, как вдруг из темной треугольной двери беседки показалась мужская фигура — высокий молодой человек, куривший сигару.

Он был смуглый, с полными губами, плохо очерченными, но красными и мягкими, над верхней губой темнели черные подвитые усы, хотя он был не старше двадцати трех — двадцати четырех лет. Несмотря на грубоватую внешность, в лице джентльмена, в его дерзких, беспокойных глазах была своеобразная сила.

— Скажите, красотка моя, чем я могу вам служить? — спросил он весело, приближаясь к ней. Заметив ее смятение, он добавил: — Не смущайтесь. Я мистер д'Эрбервилль. Вы пришли ко мне или к моей матери?

Этот представитель д'Эрбервиллей и однофамилец еще резче, чем дом и поместье, отличался от того, что ждала Тэсс. В мечтах ей рисовалось немолодое и благородное лицо, в котором соединились бы фамильные черты д'Эрбервиллей, — лицо в морщинах, воплотивших воспоминания, и представляющих как бы в иероглифических письменах многовековую историю ее рода и Англии. Но, поскольку ей ничего другого не оставалось, она овладела собой и ответила:

— Я пришла к вашей матери, сэр.

— Боюсь, что вам нельзя будет повидать ее, она очень больна уже много лет, — ответил нынешний представитель поддельного рода, мистер Алек — единственный сын недавно скончавшегося джентльмена. — Не могу ли я заменить ее? Вы пришли к ней по какому-нибудь делу?

— Это не дело... это... не знаю, как сказать!

— Для развлечения?

— О нет! Видите ли, сэр, если я вам скажу, это покажется...

В этот момент Тэсс так остро почувствовала всю нелепость своей миссии, что, несмотря на благоговейный страх перед ним и смущение, вызванное пребыванием здесь, улыбка тронула розовые ее губы, что весьма понравилось смуглому Александру.

— Это все очень глупо... — пробормотала она. — Боюсь, что я вам не скажу!

— Ничего, мне нравятся глупости. Попробуйте еще разок, моя милая, — ласково сказал он.

— Мать просила меня пойти, — продолжала Тэсс, — да и я сама хотела это сделать. Но я не думала, что оно так выйдет. Сэр, я пришла сказать, что мы с вами исходим из одного рода.

— Ого! Бедные родственники?

— Да.

— Сток?

— Нет, д'Эрбервилль.

— Да, да... я хотел сказать — д'Эрбервилль.

— Наша фамилия была искажена и стала Дарбейфилд, но у нас есть много доказательств, что мы — д'Эрбервилли. Историки говорят, что это так... И... у нас есть старая печать,

а на ней щит со стоящим на задних лапах львом, а над ним — замок; и еще у нас есть старая серебряная ложка — круглая, как ковшик, и с таким же замком. Но она такая старая, что мать размешивает ею гороховую похлебку.

— В моем гербе действительно есть замок, — вежливо заметил он, — и лев, стоящий на задних лапах.

— Вот мать и сказала, что мы должны познакомиться с вами... так как мы, по несчастной случайности, лишились лошади и... наша ветвь — старейшая.

— Право же, это очень мило со стороны вашей матери, и я лично не жалею о сделанном ею шаге. — С этими словами Алек посмотрел на Тэсс так, что она слегка покраснела. — Значит, вы, красавица, пришли с дружеским визитом к нам, как к родственникам?

— Кажется, да, — пролепетала Тэсс, робея.

— Ну что ж, беды в этом нет. Где вы живете? Кто вы такие?

Она рассказала ему вкратце о своей семье и в ответ на дальнейшие вопросы сообщила, что собирается вернуться с тем же фургоном, который привез ее сюда.

— Он еще не скоро будет проезжать мимо Трэнтриджа. А не пройти ли нам пока по усадьбе, моя хорошенькая кузина?

Тэсс хотелось как можно скорее распрощаться с ним, но молодой человек настаивал, и она наконец согласилась. Он показал ей газоны, клумбы и оранжереи, а потом повел в фруктовый сад и к парникам, где спросил ее, любит ли она клубнику.

— Да, — сказала Тэсс, — когда она поспевает.

— Здесь она уже поспела.

Д'Эрбервилль начал собирать для нее ягоды. Нагнувшись, он срывал их одну за другой и протягивал ей; затем, выбрав особенно крупную ягоду сорта «британская королева», он выпрямился и, держа ее за стебелек, поднес к губам девушки.

— Нет, нет! — быстро сказала она, заслоня пальцами губы. — Я лучше возьму ее рукой.

— Вздор! — настаивал он.

С легким смущением она приоткрыла рот и взяла ягоду губами.

Так они некоторое время бродили по саду, и Тэсс смущенно и покорно ела все, что предлагал ей д'Эрбервилль. Когда она уже не могла больше есть клубнику, он насыпал ягод в ее корзиночку; затем они подошли к розовым кустам, где он нарвал цветов и дал ей, чтобы она приколотла их себе на грудь. Она повиновалась, словно во сне, а когда уже больше некуда было прикреплять их, он сам прицепил один-два бутона к ее шляпе и, совсем расщедрившись, доверху наполнил ее корзинку розами. Наконец, взглянув на часы, он сказал:

— Теперь вам нужно закусить, а затем вы должны от-

правляться в путь, если не хотите пропустить шестонский фургон. Идемте, я постараюсь достать вам чего-нибудь поесть.

Сток-д'Эрбервилль повел ее назад, к лужайке, и оставил одну в беседке, но вскоре вернулся и принес корзинку с легким завтраком, который подал ей сам. Молодой человек совершенно явно не желал, чтобы этот приятный tête-a-tête был нарушен слугами.

— Вы разрешите мне курить? — спросил он.

— Ну конечно, сэ.

Сквозь клубы дыма, наполнившие беседку, он наблюдал, как она мило и непринужденно ест, а Тэсс Дарбейфилд, с наивной радостью посматривая на розы, приколотые к платью, не догадывалась, что за синей наркотической дымкой скрывается «трагический злодей» ее драмы — тот, кому суждено стать кроваво-красным лучом в спектре ее молодой жизни. Тэсс обладала одной особенностью, которая в эту минуту была для нее опасна, — ведь недаром Алек д'Эрбервилль и не спускал с нее глаз. Фигура Тэсс была чуть пышнее, чем полагалось бы по ее возрасту, и поэтому она казалась старше своих лет — скорее женщиной, чем девушкой. Свою фигуру Тэсс унаследовала от матери, не унаследовав ее характера. Порой Тэсс смущала эта ранняя зрелость, но подруги успокоили ее, сказав, что время излечивает подобные недостатки.

Вскоре завтрак был съеден.

— Ну, теперь мне пора домой, сэ, — сказала она, вставая.

— А как вас зовут? — спросил он, когда они шли по аллее и дом уже скрылся из виду.

— В Марлотте меня называют Тэсс Дарбейфилд.

— И вы говорите, что ваши родители потеряли лошадь?

— Я убила ее! — ответила она, и глаза ее наполнились слезами, когда она рассказала о смерти Принца. — Я не знаю, как теперь помочь отцу.

— Нужно подумать, не могу ли я что-нибудь для вас сделать. Моя мать должна найти для вас место. Но только, Тэсс, никаких глупостей о «д'Эрбервиллях». Дарбейфилд — и только. Это совсем другая фамилия.

— Лучшей я и не хочу, сэ, — ответила она с достоинством.

На секунду, только на секунду, когда они подошли к повороту аллеи, скрытому между высокими рододендронами и лаврами, и вдаль еще не показалась сторожка, он наклонился к ней, словно... Но нет! Он передумал и отпустил ее.

Так это началось. Осознай она значение этой встречи, она могла бы спросить: почему суждено ей было в тот день быть замеченной и избранной дурным человеком, а не тем, другим — достойным и благородным, благородным во всех отношениях, каким только может быть человек; и почему для того, другого, она была в ту пору всего лишь преходящим полузабытым воспоминанием.

Быть может, план всего сущего и хорошо задуман, но выполняется он плохо: редко человек приходит на зов, и тот, кого следует полюбить, является слишком поздно. Природа не часто говорит: «Смотри!» — бедному своему созданию в час, когда увидеть — значит найти счастье, или отвечает: «Здесь!» — на крик плоти: «Где?» — и так до тех пор, пока прятки не станут скучной, надоевшей игрой.

Мы можем задавать вопрос, будут ли на высшей ступени человеческого прогресса стерты эти анахронизмы благодаря более тонкой интуиции, более совершенному действию социального механизма, который швыряет нас ныне из стороны в сторону, — но такое совершенство нельзя ни предсказать, ни даже мыслить как возможное. Достаточно того, что в данном случае, как и в миллионах других, две половины совершенного целого не встретились в должный момент, — обе они глупейшим образом блуждали по земле, пока не стало слишком поздно. В результате этого досадного промедления возникли потрясения, тревоги, разочарования, несчастья, катастрофы — короче, то, что составляет нашу историю.

Вернувшись в беседку, д'Эрбервилль уселся верхом на стул и задумался о чем-то приятном; потом он громко расхохотался.

— Черт побери! Ну и потеха! Ха-ха-ха! А девушка премиленькая!

VI

Тэсс спустилась с холма к Трэнтриджу и, ни на что не обращая внимания, стала ждать фургон, возвращающийся из Чейзборо в Шестон. Войдя в фургон, она не поняла, что сказали ей другие пассажиры, хотя и ответила им; а когда они снова тронулись в путь, она уставилась в одну точку, ничего не видя по сторонам.

Один из попутчиков заговорил с ней более настойчиво, чем другие:

— Э, да вы лучше любого букета! А какие розы для начала июня!

Тогда Тэсс сообразила, почему ее вид вызывает у них изумление: розы на груди, розы на шляпе, розы и клубника до краев наполняют корзинку. Она вспыхнула и сказала смущенно, что цветы были ей подарены. Когда пассажиры перестали обращать на нее внимание, она украдкой сняла с шляпы те цветы, которые особенно бросались в глаза, и, положив их в корзинку, прикрыла носовым платком, потом снова задумалась и опустила голову, и шипы розы, оставшейся на ее груди, случайно укололи ей подбородок. Как и все жители долины Блекмур, Тэсс была суеверна и придавала огромное значение всяческим приметам: этот укол она сочла дурным

предзнаменованием,— первый раз за день что-то подобное пришло ей в голову.

Фургон доходил только до Шестона; оттуда до Марлотта нужно было пройти несколько миль пешком, спускаясь с холма, на котором расположен был город, в долину. Мать советовала ей, если она устанет, переночевать в Шестоне у одной знакомой. Тэсс так и сделала и вернулась домой лишь на следующий день после полудня.

Войдя в дом, она тотчас же заметила торжествующий вид матери и догадалась, что за это время что-то произошло.

— Я все знаю! Я тебе говорила, что все обойдется прекрасно, и так оно и вышло!

— За мое отсутствие? Что такое? — устало спросила Тэсс.

Мать окинула ее одобрительно-лукавым взглядом и продолжала шутливо:

— Значит, ты их обкрутила!

— Почему ты так думаешь, мама?

— Я получила письмо.

Тэсс сообразила, что за этот срок такое письмо могло уже дойти.

— Они пишут... миссис д'Эрбервилль пишет, что хочет поручить тебе присмотр за маленьким птичником,— это ее конек. Но это только уловка, чтобы заполучить тебя туда, не возбуждая никаких надежд. Она хочет признать тебя своей родственницей — вот в чем тут дело.

— Но я ее не видела.

— Но кого-нибудь ты все-таки видела?

— Я видела ее сына.

— И он тебя признал?

— Ну... он называл меня кузиной.

— Так я и знала! Джеки, он называл ее кузиной! — крикнула Джоан мужу.— Ну конечно, он поговорил со своей матерью, и она зовет тебя туда.

— Не знаю, сумею ли я ходить за курами,— неуверенно сказала Тэсс.

— А я не знаю, кто сумеет, если не ты! Ты этим делом занималась чуть не с рождения и приучена к нему. А тот, кто знает что-нибудь с рождения, всегда смыслит в этом лучше других. И вдобавок ты должна что-то делать только для виду, чтобы не чувствовать себя нахлебницей.

— Не очень-то я уверена, что мне следует туда идти,— задумчиво сказала Тэсс.— Кто написал письмо? Дай-ка мне посмотреть.

— Написала миссис д'Эрбервилль. Вот оно.

Письмо было написано в третьем лице и кратко уведомяло миссис Дарбейфилд, что миссис д'Эрбервилль готова воспользоваться услугами ее дочери для присмотра за птичником, что ей предоставят удобную комнату, если она

согласится, и платить ей будут щедро, если она им понравится.

— И это все? — воскликнула Тэсс.

— Уж не думала ли ты, что она сразу бросится тебе на шею, будет целовать и миловать?

Тэсс посмотрела в окно.

— Будет лучше, если я останусь здесь, с отцом и с тобой, — сказала она.

— Это еще почему?

— Мне не хочется говорить тебе, мать... Да я и сама хорошенько не знаю.

Спустя неделю как-то вечером она вернулась домой после безуспешных поисков какой-нибудь легкой работы по соседству, — ее мечтой было заработать за лето денег, чтобы купить другую лошадь. Не успела она переступить порог, как один из ребят заплясал по комнате, восклицая:

— Здесь был джентльмен!

Мать — каждый дюйм ее лица расплывался в улыбку — попыталась объяснить: к ним заезжал сын миссис д'Эрбервилль — он случайно проезжал верхом мимо Марлотта. Говоря от имени своей матери, он попросил окончательного ответа: согласна ли Тэсс взять на себя заведование ее птичьей фермой, — парень, который до сего времени приглядывал за птичником, оказался ненадежным.

— Мистер д'Эрбервилль говорит, что ты должна быть хорошей девушкой, если ты такова, какой кажешься; он уверен, что тебя нужно ценить на вес золота. Сказать по правде, он очень заинтересуется тобой.

На секунду Тэсс обрадовалась, узнав, что произвела такое хорошее впечатление на незнакомого человека в те минуты, когда чувствовала себя такой униженной.

— С его стороны очень любезно, если он так думает, — пробормотала она. — И если бы я знала, каково мне будет жить там, я бы тотчас же пошла.

— Он очень красивый мужчина!

— Я этого не нахожу, — холодно сказала Тэсс.

— Ну, теперь решай свою судьбу — идти или не идти. А у него на пальце прекрасное бриллиантовое кольцо!

— Верно! — весело воскликнул маленький Абрэхем, сидевший на лавке под окном. — И я его видел — ну и сверкало же оно, когда он гладил усы. Мама, почему наш благородный родственник все время гладил усы?

— Вы только послушайте, что говорит этот ребенок! — в порыве материнского восторга воскликнула миссис Дарбейфилд.

— Может быть, хотел показать свое бриллиантовое кольцо, — мечтательно протянул сэр Джон.

— Я подумаю, — сказала Тэсс, выходя из комнаты.

— Да, она сразу покорила младшую ветвь нашей семьи, —

продолжала матрона, обращаясь к супругу.— И будет дурой, если бросит это дело.

— Не очень-то мне хочется, чтобы мои дети уходили из дому,— отозвался тот.— Я глава рода, и остальные родственники должны придти ко мне.

— Ну, отпусти ее, Джеки,— принялась уговаривать его бедная, неразумная жена.— Он совсем голову потерял, это сразу видно. Он называл ее кузиной. Очень возможно, что он на ней женится и сделает ее богатой, и она будет тем, чем были ее предки.

У Джона Дарбейфилда тщеславия было больше, чем энергии или здоровья, и это предположение пришлось ему по вкусу.

— Да, пожалуй, молодой мистер д'Эрбервилль именно это и имеет в виду,— согласился он,— и, быть может, он серьезно подумывает о том, чтобы облагородить свою кровь, соединившись со старшей ветвью. Ну и плутовка же Тэсс! Неужто она и в самом деле поехала к ним за этим?

А Тэсс задумчиво бродила по саду меж кустов крыжовника у могилы Принца. Когда она вошла в дом, мать тотчас вернулась к прежней теме.

— Ну, что же ты думаешь делать? — спросила она.

— Жаль, что я не видела миссис д'Эрбервилль,— сказала Тэсс.

— По мне, соглашайся-ка ты поскорее. Вот тогда ты ее и увидишь.

Отец кашлянул.

— Я не знаю, что сказать! — волнуясь, ответила девушка.— Решайте вы. Я убила старую лошадь и, значит, должна что-то сделать, чтобы раздобыть для вас новую. Но... мистер д'Эрбервилль мне что-то не очень нравится.

Дети, которые считали уход Тэсс к богатым родственникам (ведь они верили, что эти люди — их родня) своеобразным возмещением за смерть старой лошади, заметив колебания Тэсс, начали хныкать, и дразнить, и упрекать ее за нерешительность.

— Тэсс не хо-о-чет идти и стать бога-а-той! Она говорит, что не по-о-о-йдет! — тянули они, разинув рты.— А у нас не будет хорошей новой лошади и золотых монеток на игрушки! И Тэсс уже не бу-у-дет такой хорошенькой в новом пла-а-атье!

Мать присоединилась к их хору — из-за ее привычки затягивать до бесконечности свою работу по дому работа эта казалась много труднее, чем была на самом деле,— и теперь она ссылалась на тяготы домашнего хозяйства. Один только отец соблюдал нейтралитет.

— Я пойду,— сказала наконец Тэсс.

Мать не сумела скрыть, какие надежды на свадьбу пробудило в ней согласие девушки.

— Вот и хорошо! Нельзя же хорошенькой девушке упустить такой случай!

Тэсс сердито усмехнулась.

— Правда, это случай заработать деньги, но и только! Ты лучше не говори таких глупостей соседям.

Миссис Дарбейфилд ничего не обещала. После лестных слов гостя она чувствовала себя вправе намекать на многое.

Итак, вопрос был решен; девушка написала, что готова явиться в любой день, как только понадобятся ее услуги. Скоро она получила ответ: миссис д'Эрбервилль рада ее решению и вышлет за ней и ее пожитками двуколку на вершину холма послезавтра, и к этому дню она должна быть готова. Почерк миссис д'Эрбервилль очень напоминал мужской!

— Двуколка? — недоверчиво прошептала Джоан Дарбейфилд. — За своей родственницей она могла бы прислать коляску!

Приняв наконец решение, Тэсс стала менее тревожной и рассеянной; ее поддерживала мысль, что, занимаясь нетрудным делом, она добудет для отца лошадь. Она надеялась получить место школьной учительницы, но судьба решила иначе. Духовно она была гораздо взрослее своей матери и ни на секунду не принимала всерьез матримониальных надежд миссис Дарбейфилд. Легкомысленная женщина подыскивала блестящие партии для своей дочери чуть ли не с первого года ее жизни.

VII

В день отъезда Тэсс проснулась до рассвета — в те последние мгновения ночи, когда леса еще безмолвствуют и только одна пророческая птица звонко распевает в твердом убеждении, что она-то уж во всяком случае знает час рассвета, тогда как все остальные хранят молчание, словно они в равной мере убеждены в ее ошибке. До завтрака Тэсс оставалась наверху, укладывая вещи, а потом спустилась вниз в своем обычном, будничном платье, — праздничный ее наряд был заботливо уложен в сундучок.

Мать запротестовала:

— Неужто ты не приоденешься, отправляясь к родным?

— Но я еду работать! — сказала Тэсс.

— Так-то оно так, — отозвалась мать и совсем другим тоном добавила: — Пожалуй, сначала тебе дадут для вида какую-нибудь работу... Но по мне разумнее будет показать себя с лучшей стороны, — добавила она.

— Хорошо, тебе лучше знать, — с невозмутимой покорностью ответила Тэсс.

И чтобы угодить матери, девушка отдала себя в руки Джоан, сказав спокойно:

— Делай со мной что хочешь, мать.

Миссис Дарбейфилд была в восторге от такой сговорчивости. Первым делом она принесла большой таз и столь тщательно вымыла волосы Тэсс, что, высушенные и расчесанные, они стали вдвое пышнее обычного. Перевязала она их широкой розовой лентой; затем надела на Тэсс то самое белое платье, какое было на ней в день клубного гулянья,— воздушное широкое платье, придававшее ее фигуре зрелость, которая не соответствовала ее возрасту; благодаря этому платью и пышной прическе ее могли принять за взрослую женщину, хотя она была еще почти ребенком.

— У меня дырка на пятке! — объявила Тэсс.

— Ну, что там думать о дырявых чулках! Их не видно. Когда я была девушкой, меня не заботили мои пятки, если на мне была хорошенькая шляпка.

И, гордая внешностью девушки, мать отступила, словно художник от мольберта, на шаг назад, созерцая свое произведение.

— Ты должна на себя поглядеть! — воскликнула она.— Сегодня ты куда лучше, чем в тот раз.

Так как крохотное зеркальце могло отражать лишь малую часть человеческой фигуры, миссис Дарбейфилд завесила окно снаружи черным плащом, превратив оконное стекло в большое трюмо — как это часто делают деревенские жители, наряжаясь. Затем она спустилась к мужу.

— Вот что я тебе скажу, Дарбейфилд,— торжествующе заговорила она,— ему не устоять. Но только поменьше говори с Тэсс о его любви и о счастливом ее будущем. Она такая странная, что это может восстановить ее против него... да как бы она и теперь не отказалась туда ехать! Если все пойдет хорошо, я непременно отблагодарю этого священника из Стэгфут-Лейна за то, что он нам сказал. Хороший он человек!

Однако, когда приблизилась минута прощания и улеглось первое возбуждение, вызванное заботой о наряде, в душу Джоан Дарбейфилд проникли легкие опасения, и матрона выразила желание проводить дочь до того места, где дорога, ведущая из долины во внешний мир, начинала круто подниматься в гору. На вершине холма Тэсс должна была ждать двуколка, высланная Сток-д'Эрбервилями, и мальчишка уже повез на тачке ее сундучок на холм, чтобы все было готово заранее.

Видя, что мать надевает чепец, младшие дети захотели идти с нею:

— Мы хотим проводить сестрицу, потому что она выйдет замуж за нашего знатного двоюродного брата и будет носить красивые платья!

— Чтобы я этого больше не слышала! — сказала Тэсс, краснея и быстро оборачиваясь.— Мать, зачем ты им вбиваешь в голову такой вздор?

— Она будет работать, мои милые, у наших богатых род-

ственников и поможет скопить денег на покупку новой лошади,— поспешила водворить мир миссис Дарбейфилд.

— Прощай, отец,— сказала Тэсс, чувствуя, как у нее сжимается горло.

— Прощай, дочка,— отозвался сэр Джон, приподнимая поникшую на грудь голову. Он клевал носом, так как по случаю торжественного дня хлебнул лишнего.— Надеюсь, юному моему другу понравится такая милостивая представительница его рода. И скажи ему, Тэсс, что, обеднев после бывшего величия, я продам ему титул,— да, продам, и за умеренную цену.

— Не меньше, чем за тысячу фунтов! — воскликнула леди Дарбейфилд.

— Скажи ему, что я возьму тысячу фунтов. Ну, уж коли на то пошло, возьму меньше. Он его украсит лучше, чем такой жалкий бедняк, как я. Скажи ему, что он его получит за сотню. Но я не буду торговаться из-за пустяков! Скажи, что я отдам за пятьдесят — за двадцать фунтов! Да, двадцать фунтов — это последняя цена. Черт возьми, фамильная честь есть фамильная честь, и я не возьму ни на пенни меньше!

Слезы душили Тэсс, и она не могла высказать овладевшую ею горечь. Она быстро повернулась и вышла.

Мать и дети вместе отправились в путь; девочки держали Тэсс за руки и время от времени задумчиво посматривали на нее, словно ей предстояло совершить великие подвиги; мать шла сзади. Группа эта напоминала картину: в центре юная красота, по бокам невинность, на заднем плане простодушное тщеславие. Они приблизились к подножию холма, на вершине которого ее должна была ждать повозка из Трэнтриджа (место это было выбрано для того, чтобы избавить лошадь от трудного подъема). Вдали за первой цепью холмов, как нарост на краже, виднелся Балбэрроу. Дорога на гребне была пустынна, и только посланный вперед мальчишка восседал на ручке тачки, вместившей все имущество Тэсс.

— Подождем здесь, двуколка должна скоро приехать,— сказала миссис Дарбейфилд.— Да вот она!

И действительно, на гребне холма внезапно появилась двуколка и остановилась возле тачки. Мать и дети решили не идти дальше, и, торопливо попрощавшись с ними, Тэсс стала подниматься на холм.

Они видели, как белая ее фигура приближалась к двуколке, на которой уже стоял ее сундучок. Но не успела она поравняться с ней, как из-за купы деревьев на вершине показался другой экипаж, миновал поворот, двуколку с багажом и остановился возле Тэсс, которая с изумлением повернулась.

Тогда мать заметила, что второй экипаж не похож на жалкую двуколку,— это был новенький, блестящий лаком кабриолет. Лошадью правил молодой человек лет двадцати трех — двадцати четырех, с сигарой в зубах; на нем было модное кепи, темно-серая куртка, такие же панталоны, белый галстук,

стоячий воротничок и коричневые перчатки,— короче, это был тот самый красивый молодой щеголь, который недели две назад приезжал к ним узнать ее решение относительно Тэсс.

Миссис Дарбейфилд, как ребенок, захлопала в ладоши, опустила глаза, потом снова стала всматриваться. Могло ли ее обмануть значение этой встречи?

— Это и есть знатный родственник, который сделает сестрицу знатной дамой? — спросил младший из ребят.

Между тем видно было, что Тэсс в нерешительности стоит перед кабриолетом, слушая, что говорит ей его владелец. Но то, что казалось нерешительностью, на самом деле было кое-чем более серьезным — предчувствием дурного. Тэсс предпочла бы скромную двуколку. Молодой человек вышел из экипажа и, по-видимому, уговаривал ее сест. Она повернулась в ту сторону, где остались ее родные, и посмотрела на маленькую группу. Казалось, что-то подтолкнуло ее принять решение: быть может, мысль о том, что она убила Принца. Она быстро села в кабриолет, молодой человек занял место рядом с ней и тотчас же хлестнул лошадь. Через секунду они обогнали медленно тащившуюся двуколку с сундучком и скрылись за выступом холма.

Как только Тэсс скрылась из виду и случившееся перестало быть интересным зрелищем, глаза малышей наполнились слезами. Младшая девочка сказала: «Я не хочу, чтобы бедная Тэсс уезжала и делалась знатной дамой!» — рот ее искривился, и она расплакалась. Это оказалось заразительным: сестра последовала ее примеру, и, наконец, разревелись все трое.

Слезы были и на глазах Джоан Дарбейфилд, когда она повернулась, чтобы идти домой. Но когда они добрались до деревни, она уже снова уверовала в милость случая. Однако ночью, лежа в постели, она вздохнула и на вопрос мужа, что с ней, ответила:

— Сама хорошенько не знаю. Только я подумала сейчас, что было бы, пожалуй, лучше, если бы Тэсс не уехала.

— Ну, об этом нужно было думать раньше!

— Но девушке выпал случай... А все-таки, если бы начинать все сначала, я бы ее не отпустила, не разузнав заранее, действительно ли этот джентльмен добропорядочный молодой человек и интересуется ею как родственницей.

— Да, пожалуй, следовало бы это сделать,— проворчал сэр Джон.

Джоан Дарбейфилд всегда ухитрялась найти какое-нибудь утешение.

— Ну что ж, ведь она из их же древнего рода и должна с ними поладить, если пустит в ход свой козырь. А если он теперь на ней не женится, то женится после. Всякому видно, что он от нее без ума.

— А какой у нее козырь? Кровь д'Эрбервиллей?

— Нет, дурачок,— ее лицо,— ее лицо, и у меня было такое же.

VIII

Усевшись рядом с Тэсс, Алек д'Эрбервилль, расточая ей комплименты, быстро погнал лошадь вдоль гребня холма; двуколка с сундучком осталась далеко позади. Подъем еще продолжался, и по обе стороны от них открывались необъятные просторы: сзади — зеленая долина, где она родилась, впереди — серая страна, о которой она знала лишь то, что успела увидеть во время первого короткого пребывания в Трэнтридже. Потом начался спуск — прямая дорога шла под уклон почти на протяжении мили.

С того дня, как погибла лошадь ее отца, Тэсс Дарбейфилд, хотя и смелая от природы, стала бояться езды, даже легкие толчки ее пугали. Сейчас она с беспокойством заметила, как неосторожно правит лошадью ее спутник.

— Я думаю, спускаться вы будете медленно, сэр? — сказала она с напускной беззаботностью.

Д'Эрбервилль повернулся к ней, прикусил сигару крупными белыми зубами, и губы его раздвинулись в медленную улыбку.

— Что же это, Тэсс? — сказал он, попыхивая сигарой. — Как можете вы, смелая девушка, задавать такой вопрос? Конечно, я всегда пускаю лошадь в галоп, — самый лучший способ поднять настроение.

— Но, быть может, сейчас вам этого не нужно?

— Увы! — отозвался он, покачивая головой. — Считается приходится с двумя. Я не один. Нельзя забывать о Тиб, а у нее капризный нрав.

— Кто это?

— Да моя кобыла. Мне показалось, что она только что оглянулась и посмотрела на меня очень хмуро. Вы не заметили?

— Не надо пугать меня, сэр, — сдержанно сказала Тэсс.

— Я вас не пугаю. Если есть на свете человек, который мог бы справиться с этой лошадью, то человек этот — я. Я не утверждаю, что это вообще возможно, но если кто-нибудь имеет над ней власть, то это я.

— Зачем же вы держите такую лошадь?

— Вот об этом стоит спросить. Должно быть, такая моя судьба. Тиб уже убила одного парня, а как только я ее купил, она едва не убила меня. Затем — можете мне поверить — я едва не убил ее. Но она все-таки капризна, очень капризна; и порою иметь с ней дело — значит рисковать жизнью.

Они только что начали спускаться, и ясно было, что лошадь сама или повинувшись его воле (последнее было более вероятно) прекрасно понимала, какого безрассудства от нее ждут, и не нуждалась в понукании.

Вниз, вниз мчались они! Колеса жужжали, как волчок, кабриолет кренился то вправо, то влево — он летел слегка наклонно, — круп лошади перед ними поднимался и опускался, как волна. Порой колесо приподнималось над землей, казалось, на много ярдов, камни, вертясь, летели через изгородь, из-под копыт лошади вырывались искры, видимые даже при дневном свете. Прямая дорога перед ними словно расширилась, насыпи по сторонам раздвигались, как концы расщепленной палки, и проносились мимо.

Ветер продувал насквозь белое муслиновое платье Тэсс, а вымытые ее волосы развевались за спиной. Она решила скрыть свой страх, но схватила д'Эрбервилля за руку, державшую вожжи.

— Отпустите руку! Нас может вышвырнуть, если вы будете это делать! Обнимите меня за талию.

Она обхватила его за талию, и так они спустились к подножию холма.

— Слава богу, целы, несмотря на ваше безумство! — сказала она, лицо ее пылало.

— Тэсс, фи! Вы сердитесь! — отозвался д'Эрбервилль.

— Я правду говорю.

— А как вы неблагодарны — перестали за меня держаться, как только почувствовали себя в безопасности!

Она не думала о том, что делает, когда, помимо своей воли, уцепилась за него; ей было все равно, мужчина это или женщина, палка или камень. Теперь, опомнившись, она ничего не сказала и продолжала хранить молчание, пока они не поднялись на вершину следующего холма.

— Ну вот, еще разок! — сказал д'Эрбервилль.

— Нет! — воскликнула Тэсс. — Прошу вас, сэр, будьте благоразумнее.

— Но когда люди оказываются на вершине одного из высочайших холмов в графстве, надо же им спуститься вниз, — возразил Алек.

Он ослабил вожжи, и снова они понеслись. Когда их начало швырять из стороны в сторону, д'Эрбервилль повернулся к ней и сказал с шутовой насмешкой:

— Ну-ка, красotka моя, обнимите меня за талию, как раньше.

— Ни за что! — с независимым видом отозвалась Тэсс и старалась удержаться, не прикасаясь к нему.

— Позвольте мне хоть разок поцеловать вас в губки, Тэсс, или хотя бы в эту разгоревшуюся щечку, и я остановлю лошадь, честное слово, остановлю!

Тэсс в безграничном удивлении отодвинулась как можно дальше. Тогда он снова погнал лошадь, и кабриолет стал раскачиваться еще сильнее.

— А без этого не остановитесь? — в отчаянии крикнула она наконец, и взгляд ее больших глаз напоминал взгляд

затравленного зверька. Напрасно мать наряжала ее — это привело к печальным последствиям.

— Не остановлюсь, дорогая Тэсс,— ответил он.

— Не знаю... Ну, хорошо, мне все равно! — тоскливо выговорила она.

Он натянул вожжи и, когда лошадь замедлила шаг, хотел было запечатлеть поцелуй на щеке Тэсс, но инстинктивная стыдливость заставила девушку отпрянуть. В руках он держал вожжи и не мог предупредить этот маневр.

— Черт возьми, теперь мы оба сломаем шею! — выругался ее капризный и пылкий спутник.— Так вот как вы держите слово, маленькая колдунья!

— Ну, хорошо,— сказала Тэсс.— Я не пошевелюсь, раз вы настаиваете! Но... я думала, вы будете добры ко мне, защитите меня... как родственник.

— К черту родственника! Ну!..

— Но я не хочу, чтобы меня целовали, сэр! — взмолилась Тэсс; крупная слеза скатилась у нее по щеке, уголки рта подергивались, она старалась не расплакаться.— Я бы не поехала, если бы знала!

Он был неумолим, и она умолкла, а д'Эрбервилль поцеловал ее, пользуясь преимуществом своего положения. Едва он это сделал, как она, вспыхнув от стыда, вынула носовой платок и вытерла то место на щеке, которого коснулись его губы. Движение это было бессознательное, и д'Эрбервилль почувствовал себя задетым.

— Очень уж вы чувствительны для деревенской девушки! — сказал он.

Тэсс ничего не ответила на это замечание, смысл которого был ей не совсем понятен, так как она не подозревала, что оскорбила его, вытерев машинально щеку. В сущности, она стерла поцелуй, насколько это было физически возможно. Смутно сознавая, что он рассержен, она упорно смотрела вперед, пока они ехали рысью, и вдруг с ужасом заметила, что им предстоит еще один спуск.

— Вы пожалеете об этом! — заговорил он все тем же обиженным тоном, снова занося хлыст.— Если только не согласитесь добровольно на повторение... Но на этот раз без носовых платков.

Она вздохнула.

— Хорошо, сэр... Ай! Позвольте, я подниму шляпку!

В этот момент ветер сорвал с нее шляпу, так как они и в гору ехали отнюдь не медленно. Д'Эрбервилль остановил лошадь и сказал, что поднимет шляпу, но Тэсс уже выпрыгнула из экипажа.

Пройдя назад по дороге, она подняла шляпу.

— Клянусь, без шляпки вы еще лучше, если это только возможно! — сказал он, глядя на нее поверх спинки кабриолета.— Ну, садитесь! В чем дело?

Шляпа была надета и ленты завязаны, но Тэсс не двинулась с места.

— Нет, сэръ,— сказала она с торжеством и вызывающе улыбнулась, сверкнув зубами.— Теперь уж я не сяду!

— Как? Вы не хотите сесть рядом со мной?

— Да, я пойду пешком.

— До Трэнтриджа остается еще пять или шесть миль.

— А хоть бы и десять! К тому же за нами едет двуколка.

— Ах вы, хитрая девчонка! А ну-ка скажите, уж не сами ли вы устроили так, чтобы с вас сорвало шляпу! Готов поклясться, что это так!

Ее неосторожное молчание подтвердило его подозрения.

Тогда д'Эрбервилль, не жалея бранных слов, стал ругать и проклинать ее за эту хитрость. Неожиданно дернув вожжами, он направил лошадь на Тэсс, чтобы зажать ее между изгородью и кабриолетом. Но этого он не мог сделать, не рискуя ее искалечить.

— Стыдно вам говорить такие нехорошие слова! — сердито крикнула Тэсс с верхушки изгороди, на которую взобралась.— Вы мне совсем не нравитесь! Я вас ненавижу! Я вас терпеть не могу! Я вернусь домой, к матери!

Ее гнев рассеял дурное настроение д'Эрбервилля, и он от души расхохотался.

— Ну, а вы мне еще больше нравитесь,— сказал он.— Давайте заключим мир. Больше я никогда не буду этого делать против вашей воли. Клянусь честью!

Но Тэсс так и не согласилась снова сесть в кабриолет. Однако она не возражала против того, чтоб д'Эрбервилль ехал рядом с ней; и так, шагком, приближались они к деревне Трэнтридж; время от времени д'Эрбервилль бурно выражал отчаяние, видя, что своим поведением принудил ее идти пешком. Теперь она действительно могла бы ему довериться, но один раз он обманул ее — и сейчас она упорствовала и шла задумчиво, словно размышляя о том, не благоразумнее ли вернуться домой. Однако решение было принято, и отступить от него теперь без более веских причин казалось чуть ли не ребячеством. Могла ли она, руководствуясь такими сентиментальными соображениями, забрать свой сундучок, вернуться к родителям и разрушить план восстановления семейного благополучия?

Несколько минут спустя показались трубы усадьбы «Косогор», а направо, в уютном уголке,— птичий двор и домик, предназначенный для Тэсс.

IX

Птичья община, в которой Тэсс должна была играть роль надзирательницы, поставщика, няньки, врача и любящего друга, обитала в старом, крытом соломой домике, на обнесенной оградой утоптанной песчаной площадке, где когда-то был сад. До-

мик зарос плющом, и дымовая труба, увитая его густыми плетями, казалась разрушенной башней. Нижний этаж целиком был отдан птицам, которые с видом собственников разгуливали по комнатам, словно дом был построен ими, а не какими-то арендаторами, ныне покоящимися на кладбище. Потомки этих прежних владельцев почувствовали себя глубоко оскорбленными, когда дом, который они любили, который стоил таких денег их предкам, в котором жило несколько поколений их семьи задолго до того, как здесь появились д'Эрбервилли,— когда этот дом был равнодушно превращен в курятник, едва только миссис Сток-д'Эрбервилль утвердилась в правах собственности. «В дедовские времена дом был достаточно хорош и для людей», — говорили они.

В комнатах, где когда-то пищали десятки младенцев, слышалось теперь постукивание вылупливающихся из яиц цыплят. Клетки с курами помещались там, где некогда стояли стулья степенных земледельцев. Камин, в котором прежде пылал огонь, был заполнен перевернутыми ульями — в них неслись куры; а перед домом, где поколения прежних владельцев заботливо вскапывали участок лопатой, земля была отчаянно изрыта петухами.

Домик и участок окружала высокая ограда, и попасть туда можно было только через калитку.

На следующее утро Тэсс в течение часа занималась изменениями и улучшениями этого хозяйства, руководствуясь своим опытом, как дочь куровода,— как вдруг калитка распахнулась, и во двор вошла служанка в белом чепце и переднике. Явилась она из господского дома.

— Миссис д'Эрбервилль хочет, чтобы к ней, как всегда, принесли кур,— сказала она, но, видя, что Тэсс не совсем поняла ее, пояснила: — Хозяйка у нас старая и совсем слепая.

— Слепая! — повторила Тэсс.

Не успев осознать, какие опасения вселила в нее эта новость, Тэсс, по указанию служанки, взяла на руки двух самых красивых птиц гамбургской породы и последовала за девушкой, тоже захватившей двух птиц, в господский дом, фасад которого, хотя красивый и внушительный, свидетельствовал о том, что кто-то из его обитателей питает любовь к домашней птице: тут всюду летали перья, а на траве стояли клетки.

В гостиной нижнего этажа в глубоком кресле, повернувшись спиной к свету, сидела владелица и хозяйка усадьбы — седая женщина лет шестидесяти, не больше. У нее было подвижное лицо человека, которому зрение изменяло постепенно и который пытался его сохранить, — ведь у людей, давно ослепших или слепых от рождения, лицо бывает застывшее. Тэсс приблизилась к ней, не выпуская свою пернатую ношу, — птицы сидели на обеих ее руках.

— А, вы та молодая женщина, которая будет смотреть за моими курочками? — сказала миссис д'Эрбервилль, услышав незнакомые шаги. — Надеюсь, вы будете ласковы с ними. Мой управляющий говорит, что на вас можно положиться. Ну, где же они? А, это Гордец! Но сегодня он, кажется, не так весел, как всегда? Должно быть, испугался, попав в чужие руки. И Фина тоже... да, они немножко испуганы. Правда, мои миленькие? Но они скоро к вам привыкнут.

В то время как старуха говорила, Тэсс и служанка, повинаясь ее жестам, посадили птиц к ней на колени, и она оглаживала их с головы до хвоста, ощупывая клювы, гребешки, воротнички у петухов, крылья их и лапы. Прикасаясь к ним, она тотчас же их узнавала и немедленно обнаруживала каждое сломанное или запачканное перышко. Она щупала им зоб и догадывалась, что они ели и не слишком ли мало или много; на лице ее живо отражались все ее впечатления.

Птицы, принесенные девушками, были затем водворены обратно на птичий двор, их сменили новые, и процедура осмотра продолжалась до тех пор, пока старухе не были предъявлены все любимые петухи и куры — гамбургские, бантамские, кохинские, брамы, доркинги и другие породы, бывшие тогда в моде, — и когда птицу сажали к ней на колени, старуха, опознавая ее, редко ошибалась.

Тэсс это напомнило конфирмацию: миссис д'Эрбервилль была епископом, куры — конфирмуемой молодежью, а она сама и служанка — священником и vicarом прихода, провожающими свою паству в церковь. По окончании церемонии

миссис д'Эрбервилль, морща лицо и пожевывая губами, вдруг спросила Тэсс:

— Вы умеете свистеть?

— Свистеть, сударыня?

— Да, насвистывать мелодии.

Тэсс, как и большинство деревенских девушек, умела свистеть, но считала, что этим искусством не хвастаются в приличном обществе. Однако она вежливо ответила, что свистеть умеет.

— В таком случае вам придется заниматься этим каждый день. У меня служил мальчик, который очень хорошо свистел, но он ушел. Вы будете свистеть моим снегирям; видеть их я не могу, но мне приятно их слушать, а так они учатся петь. Покажите ей, где находятся клетки, Элизабет. Вы должны начать завтра, а то они забудут все, чему выучились. Вот уже несколько дней, как с ними никто не занимался.

— Мистер д'Эрбервилль свистел им сегодня утром, сударыня,— сказала Элизабет.

— Он? Вот еще!

Лицо старой дамы брезгливо сморщилось, и больше она не сказала ни слова.

Так закончилось свидание Тэсс с той, которую она считала своей родственницей, и куры были отнесены в птичник. Обращение миссис д'Эрбервилль не слишком удивило девушку,— увидав, как велика усадьба, она и не ждала другого приема. Однако она и понятия не имела о том, что старая дама ничего не слышала об их так называемом родстве. Она решила, что слепая женщина и ее сын отнюдь не связаны крепкими узами любви. Но и в этом она также ошиблась. Миссис д'Эрбервилль была не единственной матерью, которой суждено питать к своему отпрыску любовь, окрашенную обидой и горечью.

Несмотря на неприятные впечатления первого дня, утром, когда засияло солнце, Тэсс почувствовала себя обосновавшейся здесь и порадовалась свободе и новизне своего положения. Ей не терпелось испробовать свои силы в искусстве, которое столь неожиданно от нее потребовалось,— ведь это решало, останется ли место за ней. И вот, едва Тэсс осталась одна в саду, обнесенном стеной, она уселась на клетку для кур и старательно выпятила губы, намереваясь заняться давно заброшенным искусством. С грустью она обнаружила, что совсем разучилась свистеть: выдувая воздух, она издавала только глухие замогильные звуки, и у нее не получалось ни одной чистой ноты.

Тщетно продолжала она дуть, испуская иногда досадливые восклицания и удивляясь, куда исчезла способность, которая казалась прирожденной, как вдруг заметила какое-то движение в плюще, обвивавшем ограду так же густо, как и

коттедж. Взглянув в ту сторону, она увидела, что кто-то спрыгнул со стены на землю. Это был Алек д'Эрбервилль, которого она не видела со вчерашнего дня, когда он привел ее к дому садовника, где ей было отведено помещение.

— Клянусь честью,— воскликнул он,— не было еще ни в природе, ни в искусстве ничего прекраснее вас, кузина Тэсс! (Слово «кузина» звучало слегка иронически.) Я следил за вами из-за ограды. Вы, словно статуя Нетерпения, восседаете на пьедестале, складываете свои прелестные розовые губки, будто собираясь свистеть, дуете, дуете, ругаетесь про себя — и не можете извлечь ни одной ноты, и злитесь, потому что это вам не удается.

— Я не злюсь, и я не ругалась.

— А! Я понимаю, почему вы это делаете! Снегири! Моя матушка хочет, чтобы вы продолжили их музыкальное образование! Как это эгоистично с ее стороны! Словно ухаживать за этими проклятыми петухами и курами — легкая работа! Будь я на вашем месте, я бы наотрез отказался.

— Но она особенно на этом настаивает и хочет, чтобы я приготовилась к завтрашнему утру.

— Вот как? Ну, в таком случае я дам вам один-два урока.

— Ах, нет, не надо! — сказала Тэсс, отступая к двери.

— Не бойтесь! Я не намерен вас трогать. Смотрите, я буду стоять по эту сторону проволочной сетки, а вы можете остаться по другую; тогда вы будете себя чувствовать в полной безопасности. Ну, глядите: вы слишком выпячиваете губы, надо вот так.

Он показал, как нужно складывать губы, и начал насвистывать песенку «Прочь уста — весенний цвет!». Но Тэсс не поняла намека.

— Попытайтесь-ка теперь,— сказал д'Эрбервилль.

Она пробовала сохранить невозмутимый вид, лицо ее было сурово, как у статуи, но он настаивал, и наконец, чтобы отделаться от него, она, следуя его указаниям, вытянула губы трубочкой, но ей не удалось извлечь чистую ноту, и она смущенно рассмеялась, а потом покраснела от досады на себя за то, что рассмеялась.

Он подбадривал ее:

— Попробуйте еще раз.

Теперь Тэсс была серьезна, совсем серьезна и сделала еще одну попытку,— и наконец неожиданно ухитрилась издать чистый, приятный звук. Радость, вызванная удачей, была слишком велика — глаза Тэсс широко раскрылись, и она невольно улыбнулась ему.

— Вот так! Теперь, когда я дал вам толчок, дело пойдет на лад. Я сказал, что не подойду к вам, и, хотя ни одному смертному не выпадал на долю такой соблазн, я сдержу слово. А скажите, Тэсс, моя мать показала вам странной?

— Я еще мало ее знаю, сэр.

— Ну и как ей не показаться странной, если она заставляет вас свистеть для своих снегирей. Я пока у нее в немилости, но вы завоюете ее благосклонность, если будете хорошо обращаться с птицами. До свидания. Если встретятся какие-нибудь затруднения и вам понадобится помощь, не ходите к управляющему, идите прямо ко мне.

Вот так Тэсс Дарбейфилд приступила к своей работе. Все последующие дни были, в сущности, повторением первого. Привычка быть в обществе Алека д'Эрбервилля, которую этот молодой человек старательно в ней развивал, заводя веселый разговор и шутиливо называя ее своей кузиной, когда они оставались вдвоем, — привычка эта почти избавила ее от прежней застенчивости, не вселив, однако, того чувства, какое может породить застенчивость иную и более нежную. Но податливее сделало ее не одно только общение с ним, а неизбежная зависимость от его матери и — вследствие относительной ее беспомощности — от него.

Вскоре она убедилась, что насвистывание мелодий снегирям в комнате миссис д'Эрбервилль было не таким уж трудным делом, когда она овладела этим искусством, так как у своей матери она переняла много песенок, подходивших для этих певцов. Насвистывать по утрам у клеток оказалось гораздо приятнее, чем упражняться в саду. Не стесненная присутствием молодого человека, она вытягивала губы, приближала их к прутьям клеток и рассыпала мелодичные трели для своих внимательных слушателей.

Миссис д'Эрбервилль спала на широкой кровати с шелковым пологом, а снегири помещались в той же самой комнате и порхали там на свободе, оставляя белые пятнышки на мебели и драпировке. Однажды, когда Тэсс стояла у окна, уставленного клетками, давая обычный урок, ей послышался шорох, доносившийся из-за кровати. Старой дамы в комнате не было, и, оглянувшись, девушка заметила, что из-под бахромы занавесей высунулись носки башмаков. После этого она хотя и продолжала свистеть, но так нестройно, что слушатель, если таковой имелся, понял, что она подозревает о его присутствии. С тех пор она каждое утро заглядывала за занавеси, но никого там не находила. По-видимому, Алек д'Эрбервилль решил больше не пугать ее и не устраивать засад.

Х

Каждая деревня имеет свои особенности, свою конституцию, свой собственный кодекс морали. Некоторые молодые женщины в Трэнтридже и его окрестностях отличались большим легкомыслием, что объяснялось, пожалуй, соседством

«Косогора» и характером его владельца. Местность эта была отмечена еще одним, более постоянным, пороком: здесь много пили. На окрестных фермах все разговоры обычно сводились к тому, что делать сбережения бесполезно; математики в рабочих блузах, облокотясь на плуг или мотыгу, производили блестящие вычисления, доказывая, что пособие, выдаваемое приходом, лучше может обеспечить человека на старости лет, чем какие бы то ни было сбережения, сделанные в течение целой жизни.

Эти философы пуще всего любили отпрапляться каждый субботний вечер, по окончании работ, в Чейзборо — городок, находившийся на расстоянии двух-трех миль и давно пришедший в упадок. Вернувшись на рассвете, они все воскресеньем спали, исцеляя сном расстройство пищеварения, вызванное странной смесью, какую продавали им под видом пива монополисты, прибравшие к рукам прежде независимые трактиры.

В течение долгого времени Тэсс не принимала участия в этом еженедельном паломничестве. Но, по настоянию замужних женщин, которые были лишь немногим старше ее, — ибо здесь, как повсюду, процветали ранние браки, — она наконец согласилась пойти. Этот первый опыт был гораздо приятнее, чем она ожидала, — веселость товаров оказалась заразительной после недели однообразной работы на птичьем дворе. Она пошла еще раз и еще раз. Изящная и привлекательная, переливающаяся пору расцвета, она притягивала лукавые взгляды гуляк на улицах Чейзборо; поэтому, нередко отпрапляясь в городок одна, она с наступлением сумерек всегда отыскивала своих товаров, чтобы вернуться домой под их защитой.

Так продолжалось в течение следующих двух месяцев; наконец в начале сентября субботний базарный день совпал с ярмаркой, и по этому случаю паломники из Трэнтриджа вдвойне веселились по трактирам.

Работа задержала Тэсс, она вышла поздно, и ее товарки добрались до города задолго до нее. Был чудесный сентябрьский вечер — тот час, когда перед заходом солнца желтые, тонкие, как волос, лучи борются с синеватыми тенями и воздух сам по себе рождает перспективу, не нуждаясь для этого в предметах крупнее бесчисленных кружащихся в нем крылатых насекомых. В этой сумеречной дымке не спешила Тэсс.

Только дойдя до городка, она узнала о том, что базарный день совпал с ярмаркой, а тем временем уже начало темнеть. Она быстро покончила со своими немногочисленными покупками и потом, по обыкновению, начала искать кого-нибудь из обитателей Трэнтриджа.

Сначала она не могла их найти, и ей сказали, что почти все отправились к дому торговца сеном и торфом, имевшего дела с их фермой, чтобы там, в укромном месте, как они выражались, «отхватить джигу». Человек этот жил где-то на окраине

городка, и Тэсс, отыскивая дорогу, вдруг увидела на углу одной из улиц мистера д'Эрбервилля.

— Как! Вы здесь, моя красотка? Так поздно? — сказал он.

Она объяснила ему, что поджидает попутчиков.

— Мы еще увидимся, — бросил он ей вслед, когда она свернула в глухой переулок.

Подходя к дому торговца, она уловила скрипичную мелодию джиги, доносившуюся из какого-то строения позади дома, но звуков пляски не было слышно, — явление необычное в этих краях, где, как правило, топот заглушает музыку. Двери в доме были распахнуты настежь, и через заднюю дверь она разглядела сад, окутанный ночной тенью; никто не ответил на ее стук, и она, пройдя коридор, пошла по дорожке, ведущей к сараю, где взвизгивала скрипка.

Это было строение без окон, служившее складом, и оттуда, из открытых дверей, плыл во тьму яркий желтый туман, который Тэсс сначала приняла за светящийся дым. Но, подойдя ближе, она поняла, что это было облако пыли, освещенное свечами, горевшими в сарае; лучи их вырывались через раскрытую дверь в ночной простор сада.

Заглянув в сарай, она увидела неясные силуэты, метавшиеся в пляске, — топота не было слышно, потому что ноги танцоров по щиколотку утопали в торфяной трухе и всяком другом мусоре, чем и объяснялось возникновение пыльного облака, заполнившего весь сарай. Эта плавающая в воздухе затхлая торфяная и соломенная пыль, смешиваясь с горячими испарениями тел, образовала нечто вроде растительно-человеческой пылицы, и сквозь нее слабо пробивались приглушенные звуки скрипок, отнюдь не отвечавшие той страсти, какая чувствовалась в пляске. Танцоры плясали и кашляли, кашляли и смеялись. Еле-еле можно было разглядеть проносившиеся пары, — во мгле казалось, будто сатиры обнимают нимф, множество Панов кружится со множеством Сириг, и Лотис тщетно пытается ускользнуть от Приапа.

То и дело какая-нибудь пара подходила к двери подышать воздухом, — здесь туман уже не заволакивал лиц, и полубоги превращались в простых людей, близких соседей Тэсс. Что за сумасшедшая перемена произошла за два часа с Трэнтриджем?

У стены, на скамьях из прессованного сена, восседало несколько Силенов, и один из них узнал ее.

— Девушки считают неприличным плясать в «Лилии», — сказал он. — Не очень-то им хочется, чтобы все узнали, кто их миленький. А к тому же трактир иной раз закрывают, когда они только-только распляшутся. Вот мы и собираемся здесь, а за выпивкой посылаем.

— Но когда же кто-нибудь из вас пойдет домой? — с беспокойством спросила Тэсс.

— Теперь уж скоро. Это последняя джига.

Она осталась ждать. Пляска окончилась, и кое-кто начал поговаривать, что уже пора бы пуститься в обратный путь, но другие не соглашались, и начался новый танец. «Это уже наверняка последний», — решила Тэсс. Однако за ним последовал еще один. Она встревожилась, но, прождав так долго, она должна была ждать еще: по случаю ярмарки дороги кишели бродягами, и бог весть что могло быть у них на уме. Тэсс не боялась реальной опасности — она боялась неведомого. Находись она близ Марлотта, ей было бы не так страшно.

— Ну чего беспокоиться, милочка? — увещевал ее между припадками кашля молодой парень с лицом, мокрым от пота; его соломенная шляпа так далеко съехала на затылок, что поля обрамляли голову, как нимб голову святого. — Куда спешить? Слава богу, завтра воскресенье, можно отоспаться во время церковной службы. Потанцуем?

Нельзя сказать, чтобы она не любила танцы, но здесь ей не хотелось плясать. А пляска становилась все более бурной: скрипачи, заслоненные светящимся облаком, то и дело пиликали тыльной стороной смычка или за кобылкой. Но это не имело значения: танцующие задыхались, но продолжали кружиться.

Парочки не разлучались, если им этого не хотелось. Меньять кавалера или даму было принято лишь в том случае, если первый выбор оказывался неудачным, а теперь все пары были уже подобраны по вкусу. И вот начался экстаз, началось сновидение, в котором сущность вселенной — чувство, а реальность — только случайная помеха, останавливающая вихрь, в котором хочется кружиться.

Вдруг раздался глухой удар: одна из парочек споткнулась и растянулась на полу. Следующая пара налетела на упавших и свалилась на них. Над распростертыми фигурами поднялся столб пыли, и в пыльном облаке можно было разглядеть дергающиеся сплетенные руки и ноги.

— Дома я с тобой за это рассчитаюсь, миленький! — донесся из кучи тел женский голос — голос злополучной дамы того неуклюжего парня, по чьей вине произошло несчастье; она была не только его дамой, но и его молодой женой, — в Трэнтридже молодожены обычно танцуют вместе, пока их любовь не остынет, да и в последующие годы семейные избегают выбирать холостых и незамужних, которые, быть может, уже договорились между собой.

В тени сада, за спиной Тэсс, раздался громкий смех, слившийся с хихиканьем в сарае. Она оглянулась и увидела красный огонек сигары. Там стоял Алек д'Эрбервилль. Он помянул ее, и она неохотно подошла к нему.

— Что вы здесь делаете, моя красавица, в такой поздний час?

Она так устала после долгого дня и ходьбы, что поделилась с ним своими заботами:

— Я очень долго ждала их, сэ, чтобы вместе с ними идти домой, потому что уже ночь, а я плохо знаю дорогу. Но больше ждать я не могу.

— И не ждите; сегодня я приехал сюда верхом, но если вы дойдете со мной до «Геральдической лилии», я найму двуколку и отвезу вас домой.

Тэсс была польщена, но она до сих пор не могла преодолеть прежнее свое недоверие к нему и предпочитала вернуться домой с работниками и работницами, хотя они и замешкались. Поэтому она ответила, что очень благодарна ему, но не хочет его затруднять.

— Я им сказала, что буду их ждать, и они это знают.

— Ладно, глупышка, как хотите.

Когда он снова закурил сигару и отошел от нее, жители Трэнтриджа, сидевшие в трактире, вспомнили, что час поздний, и всей компанией принялись собираться в дорогу. Они разыскали свои узелки и корзинки, и через полчаса, когда куранты пробили четверть двенадцатого, все уже плелось по проселочной дороге, которая поднималась на холм в том направлении, где пряталась в темноте их деревушка.

Нужно было пройти три мили по сухой белой дороге, которая казалась еще белее от лунного света.

Тэсс, шагая в середине толпы, вскоре заметила, что от свежего ночного воздуха мужчины, хлебнувшие лишнего, начинают покачиваться и идут зигзагами; некоторые из наиболее легкомысленных женщин тоже нетвердо держались на ногах; например, смуглая Кар Дарч — бой-баба, прозванная «Пиковой Дамой» и до последнего времени бывшая фавориткой д'Эрбервилля, ее сестра Нэнси, носившая прозвище «Бубновая Дама», и новобрачная, которая упала во время танцев. Хотя трезвый человек счел бы их в эту минуту грубыми и неуклюжими, сами они придерживались другого мнения. Шли они по дороге, но им казалось, будто они парят в воздухе, предаваясь мыслям оригинальным и глубоким, и сливаются с окружающей природой в единое, гармоничное и блаженное целое. Они были не менее величественны, чем луна и звезды над ними, а луна и звезды были так же пламенны, как они.

Тэсс, которой в доме отца из-за подобных радостей пришлось пережить много горьких минут, совсем расстроилась, заметив их состояние, и это открытие окончательно испортило ей прогулку при лунном свете. Однако по вышеупомянутым причинам она продолжала идти вместе с толпой.

По дороге они шли вразброд, но теперь им надо было свернуть на тропу, пересекавшую обнесенный изгородью луг, и так как идущие впереди женщины замешкались у калитки, то за это время подошли все остальные.

Вожаком группы была Кар — Пиковая Дама, которая нес-

ла плетеную корзинку со своими обновками и провизией, закупленной ее матерью на всю следующую неделю. Корзинка была большая и тяжелая; Кар для удобства поставила ее себе на голову и шла подбоченившись, удерживая ее в равновесии.

— Послушай, Кар Дарч, что это ползет у тебя по спине? — спросил вдруг кто-то из толпы.

Все посмотрели на Кар. По ее светлому ситцевому платью змеилась какая-то темная веревка, напоминавшая косу китайца. Она начиналась от затылка и оканчивалась значительно ниже талии.

— У нее волосы распустились, — отозвался другой.

Нет, это были не волосы: это была черная струйка, просачивающаяся из ее корзинки, и в холодных недвижных лучах луны она сверкала, как мокрая змея.

— Это патока, — сказала одна наблюдательная матрона.

Да, это была патока. Бедная старая бабушка Кар питала слабость к этому приторному лакомству; меду у нее было сколько угодно из ее собственных ульев, но она любила патоку, и Кар хотелось неожиданно ее порадовать. Быстро сняв с головы корзину, смуглая девушка обнаружила, что банка с патокой разбилась.

К этому времени, разглядев как следует чудную спину Кар, все окружающие уже покатывались со смеху, а раздосадованная Пиковая Дама думала только о том, как избавиться от непрошеного украшения без помощи насмешников. Выбежав на луг, который им предстояло пересечь, она легла на спину и, упираясь локтями в землю, принялась ерзать по траве, чтобы стереть патоку с платья.

Хохот стал громче; зрители цеплялись за калитку и столбы, опирались на палки и смеялись до колик, созерцая это зрелище. Наша героиня, которая до сих пор сохраняла серьезность, вдруг не выдержала и тоже громко рассмеялась.

Этот смех оказался роковым во многих отношениях. Едва лишь Пиковая Дама расслышала среди общего хохота звонкий, мелодичный смех Тэсс, как долго тлевшая в ее душе ненависть к сопернице внезапно вспыхнула, доведя ее до иступления. Она вскочила с травы и в ярости кинулась к Тэсс.

— Как ты смеешь смеяться надо мной, девка? — крикнула она.

— Право же, я не могла удержаться, когда все смеялись, — извиняющимся тоном сказала Тэсс, все еще смеясь.

— А ты думаешь, что ты лучше всех, да? Потому что теперь ты у него первая любовница? Ну, подождите, миледи, подождите! Я стою двух таких, как вы! Сейчас я тебе покажу!

К ужасу Тэсс, Пиковая Дама начала расшнуровывать корсаж, — в сущности, она рада была от него избавиться, так как он был весь в патоке, — и обнажила свою полную шею, плечи и руки, которые в лунном свете казались сияющими и прекрасными, словно созданные Праксителем: у этой деревенской

красотки они были безупречной формы. Она сжала кулаки и двинулась на Тэсс.

— Не буду я драться! — величественно сказала Тэсс. — И знай я, какова ты есть, не стала бы мараться и пошла бы одна — я с потаскухами дела не имею!

К сожалению, эта реплика задевала слишком многих, поэтому на злополучную голову красавицы Тэсс посыпались ругательства, срывавшиеся и с других уст, в особенности с уст Бубновой Дамы, которая, находясь с д'Эрбервиллем в тех отношениях, какие приписывались и Кар, объединилась с последней против общего врага. Их поддержали и другие женщины, проявив при этом такую злобу, что лишь очень весело проведенный вечер мог объяснить, почему у них не хватило ума ее скрыть. Считая Тэсс незаслуженно оскорбленной, мужья и любовники попытались восстановить мир, заступаясь за девушку, но эта попытка только подлила масла в огонь.

Тэсс была вне себя от негодования и стыда. Теперь она уже не боялась ни позднего времени, ни возвращения домой в одиночестве; единственным ее желанием было поскорее избавиться от всей компании. Она прекрасно знала, что лучшие из них пожалеют на следующий день о своей вспышке. К этому времени все они уже вышли на луг, и Тэсс начала тихонько пятиться, чтобы выбраться из толпы и убежать, как вдруг из-за угла изгороди, заслонявшей дорогу, показался приблизившийся неслышно всадник. Это был Алек д'Эрбервилль.

— Какого черта вы так расшумелись? — спросил он.

Объяснение заставило себя ждать, да он, в сущности, и не нуждался в нем. Еще издали, услышав возбужденные голоса, он поехал тише и узнал достаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Тэсс стояла в стороне, недалеко от калитки. Он наклонился к ней.

— Прыгайте в седло, и мы удерем от этих визгливых кошек! — шепнул он.

Она была близка к обмороку, так потрясло ее все происходящее. При всяких других обстоятельствах она отказалась бы от его помощи, как отказывалась уже не раз, и даже чувство одиночества не принудило бы ее поступить иначе. Но приглашение последовало в ту минуту, когда страх и негодование, внушенные врагами, могли благодаря одному движению превратиться в торжество над ними, и Тэсс, подчиняясь порыву, поставила ногу на носок его сапога, подпрыгнула и очутилась в седле позади него.

Они уже скрылись во мраке, когда пьяные забияки сообразили наконец, в чем дело.

Пиковая Дама, забыв о пятне на своем корсаже, встала рядом с Бубновой Дамой и подвыпившей новобрачной, — все трое напряженно смотрели в ту сторону, откуда, замирая, доносился топот.

— Куда вы смотрите? — спросил один работник, не заметивший, что произошло.

— Хо-хо-хо! — захохотала смуглая Кар.

— Хи-хи-хи! — захихикала подвыпившая молодка, опираясь на руку любящего мужа.

— Ха-ха-ха! — вторила мать смуглой Кар и, поглаживая свои усики, коротко объяснила: — Из огня да в полымя!

А затем эти дети природы, которым даже чрезмерное количество спиртного не причиняло большого вреда, побрели по тропинке, пересекающей луг, и вместе с ними двигались их тени, а головы теней обведены были опаловым кругом — лунным сиянием на сверкающей росе. Каждый видел только свой ореол, который не покидал его тени, как бы вульгарно она ни раскачивалась из стороны в сторону, — наоборот, тем теснее казался он с ней связанным, украшая ее и преображая; и вот уже спотыкающиеся движения стали неотъемлемой частью сияния, а насыщенное алкоголем дыхание претворилось в туманы ночи — дух темного луга, лунного света, самой природы слился в единую гармонию с духом пьяного веселья.

XI

Сначала лошадь скакала легким галопом, а парочка хранила молчание. Тэсс, цепляясь за своего спутника, все еще переживала свой триумф, но у нее уже возникли и опасения. Она заметила, что ехали они не на той горячей лошади, на которой он иногда ездил, и, хотя ей трудно было держаться в седле, волновалась не по этому поводу. Она попросила его пустить лошадь шагом, и Алек послушно исполнил ее просьбу.

— Чисто было сделано, не правда ли, милая Тэсс? — спросил он затем.

— Да! — ответила она. — И я, конечно, должна быть вам очень благодарна.

— А вы благодарны?

Она промолчала.

— Тэсс, почему вам так неприятно, когда я вас целую?

— Я думаю, потому... что я вас не люблю.

— Вы уверены?

— Иногда я сержусь на вас.

— А! Я этого опасался. — Однако Алек не возражал против такого признания: что угодно — только не холодность. — Почему, когда я вас рассердил, вы мне об этом не сказали?

— Вы прекрасно знаете почему. Потому что здесь я чувствую себя зависимой.

— Я не часто обижал вас ухаживанием.

— Иногда обижали.

— Сколько раз?

— Вы знаете не хуже, чем я, — слишком часто.

— Каждый раз, как я старался вам понравиться?

Она ничего не ответила. Довольно долго лошадь шла иноходью, пока наконец их не окутал слабый светящийся туман, поднявшийся из ложбин и оврагов, где он клубился еще на закате. И в тумане лунный свет казался еще ярче, чем ясной ночью. По этой ли причине, а может быть, по рассеянности или потому, что у нее глаза слипались, но Тэсс не заметила, что они давно уже миновали то место, где от главной дороги ответвлялась проселочная дорога, ведущая к Трэнтриджу, и что спутник ее не свернул на эту дорогу.

Она невыразимо устала. Всю неделю она вставала в пять часов утра и целыми днями не присаживалась, сегодня вечером прошла вдобавок три мили пешком до Чейзборо, ждала три часа своих товарок и ничего не ела и не пила, охваченная нетерпением поскорее вернуться домой; потом прошла пешком еще милю и пережила бурное волнение ссоры, а теперь было уже около часу ночи. Но по-настоящему задремала она только один раз. И тогда в забытии на секунду прислонилась к нему.

Д'Эрбервилль вынул ногу из стремени, повернулся в седле и обнял ее за талию, не давая упасть.

Тэсс мгновенно очнулась и, подчиняясь очередному порыву бессознательного протеста, которые были ей свойственны, слегка оттолкнула его. Он с трудом сохранил равновесие и не упал только потому, что лошадь, на которой ехал, была хотя и сильная, но очень смиренная.

— Это чертовски несправедливо! — воскликнул он. — Я ничего дурного не имел в виду, хотел только поддержать вас.

Она недоверчиво обдумывала его слова; наконец, решив, что это похоже на правду, смягчилась и сказала смиренно:

— Простите меня, сэр.

— Не прошу, если вы не будете хоть сколько-нибудь мне доверять. Черт возьми! — не выдержал он. — И долго я буду терпеть, чтобы меня отталкивала какая-то девчонка? Вот уже скоро три месяца, как вы смеетесь над моими чувствами, избегаете меня, браните. Я этого сносить не намерен.

— Завтра я уйду от вас, сэр.

— Нет, завтра вы от меня не уйдете! Я еще раз прошу, докажите, что вы доверяете мне, и позвольте обнять вас за талию! Послушайте, сейчас мы одни. Друг друга мы знаем хорошо, и вы знаете, что я вас люблю и считаю самой хорошенькой девушкой в мире. Да это так и есть. Могу я ухаживать за вами, как влюбленный?

Она тревожно перевела дыхание, смущенно повернулась в седле и, глядя вдаль, прошептала:

— Не знаю... я бы хотела... как могу я сказать «да» или «нет», когда...

Он разрешил вопрос, обняв ее, как ему хотелось, и Тэсс больше не протестовала. Так сидели они бок о бок, пока ей не пришло в голову, что едут они бесконечно долго, значитель-

но дольше, чем полагается ехать из Чейзборо даже шагом, и едут не по проезжей дороге, а по простой тропе.

— Да где же это мы? — воскликнула она.

— Проезжаем лес.

— Лес... какой лес? Да ведь это совсем не по дороге.

— Это Заповедник — самый старый лес в Англии. Ночь чудесная, и почему бы нам не продлить нашей прогулки?

— Как могли вы меня так обмануть? — сказала Тэсс не то кокетливо, не то испуганно и освободилась от обнимавшей ее руки, отогнув его пальцы один за другим, хотя и рисковала соскользнуть с лошади. — И как раз теперь, когда я вам доверилась и не стала с вами спорить, чтобы доставить вам удовольствие, потому что думала, что зря вас обидела, оттолкнув. Пожалуйста, дайте мне сойти с лошади, я пойду домой пешком.

— Вы не могли бы идти пешком, милочка, даже если бы ночь была ясная. Должен вам сказать, что мы находимся за много миль от Трэнтриджа, туман сгущается, и вы всю ночь будете блуждать по лесу.

— Ничего! Прошу вас, спустите меня, — упрашивала она. — Мне все равно, где бы мы ни находились; только прошу вас, сэр, дайте мне сойти с лошади!

— Хорошо, согласен, но при одном условии. Я вас завез в эти глухие места, и, что бы вы об этом ни думали, на мне лежит ответственность за ваше благополучное возвращение домой. Идти вам одной в Трэнтридж немудрено, потому что, говоря правду, дорогая моя, я и сам хорошенько не знаю, где мы находимся, — в этом тумане даже знакомые места кажутся незнакомыми. Я охотно дам вам здесь сойти, если вы обещаете подождать возле лошади, а я пойду бродить по лесу, пока не найду дороги или какого-нибудь дома и не узнаю точно, где мы находимся. Когда я вернусь и укажу вам направление, вы можете поступить как угодно: хотите идти пешком — идите, хотите ехать — поедем.

Она приняла эти условия и соскользнула с лошади, но Алек успел ее поцеловать и спрыгнул с другой стороны.

— Я должна держать лошадь? — спросила она.

— В этом нет необходимости, — ответил Алек, поглаживая тяжело дышавшее животное. — Сегодня ей уж никуда бежать не захочется.

Он повернул лошадь головой в кусты и привязал к суку; потом устроил для Тэсс гнездышко из опавших листьев.

— Посидите тут, — сказал он. — Листья не пропустят сырости. Посматривайте изредка на лошадь — этого вполне достаточно.

Он отошел от нее на несколько шагов, потом вернулся и сказал:

— Кстати, Тэсс, сегодня кто-то подарил вашему отцу нового жеребца.

— Кто-то? Вы!

Д'Эрбервилль кивнул.

— О, какой вы добрый! — воскликнула она, мучительно сознавая, как некстати случилось, что благодарить его она принуждена именно теперь.

— А дети получили игрушки.

— Я не знала... что вы им что-нибудь посылали,— прошептала она, растроганная.— И почти жалею, что вы это сделали... да, почти жалею.

— Почему, дорогая?

— Это меня очень... стесняет.

— Тэсси, неужели вы не любите меня хоть чуточку?

— Я благодарна вам,— неохотно призналась она,— но боюсь, что не...

Внезапно поняв, что он действовал под влиянием страсти, она опечалилась; слезинка медленно скатилась у нее по щеке, за первой последовала вторая, и Тэсс расплакалась.

— Не плачьте, милая, дорогая! Ну, сядьте здесь и подождите, пока я приду.

Безвольно она села на собранную им кучу листьев и слегка вздрогнула.

— Вам холодно?

— Не очень... чуть-чуть.

Он коснулся ее платья, и его пальцы словно утонули в пене.

— На вас только это воздушное муслиновое платье... как же так?

— Это мое лучшее летнее платье. Когда я вышла из дому, было очень тепло, и я не знала, что мне придется ехать, да еще ночью.

— Ночи в сентябре холодные. Подождите-ка...

Сняв с себя легкое пальто, он нежно накинул его ей на плечи.

— Вот так, теперь вы согреетесь,— сказал он.— Отдыхайте, моя красавица, я скоро вернусь.

Застегнув пальто у нее под подбородком, он нырнул в паутину тумана, который к тому времени уже клубился между деревьями. Она слышала, как шуршали ветки, когда он взбирался на холм, потом шум стал глуше, напоминая шорох птицы, и, наконец, замер. Луна заходила, бледный свет тускнел, и Тэсс, погруженную в мечты, нельзя было разглядеть на ковре из листьев, где он ее оставил.

Алек д'Эрбервилль поднимался по склону, так как действительно не был уверен, в какой части Заповедника они находятся. По правде говоря, последний час он ехал куда глаза глядят, сворачивая наобум, только чтобы затянуть прогулку, и обращал больше внимания на залитую лунным светом Тэсс, чем на дорожные приметы. Теперь, отыскивая дорогу, он не спешил, так как измученная лошадь нуждалась в отдыхе. Спустившись с холма в прилегающую долину, он увидел изгородь, а за ней

дорогу, которую узнал, и вопрос об их местонахождении был решен. Д'Эрбервилль повернул назад. Но к тому времени луна закатилась, и окутанный туманом Заповедник погрузился в глубокую тьму, хотя утро было уже близко. Вынужденный идти с протянутыми вперед руками, чтобы раздвигать ветви, д'Эрбервилль вскоре обнаружил, что найти место, откуда он начал поиски, не так-то легко. Бродя вокруг, то взбираясь на холм, то спускаясь, он услышал наконец шорох — лошадь была от него в двух шагах — и неожиданно задел ногой рукав своего пальто.

— Тэсс! — окликнул д'Эрбервилль.

Ответа не было. В непроницаемой тьме он видел у своих ног только бледное облачко, — там, где оставил на куче сухих листьев девушку в белом муслиновом платье. Все остальное вокруг сливалось в черноту. Д'Эрбервилль наклонился и услышал тихое, ровное дыхание. Он опустил на колени, склонился ниже, почувствовал ее теплое дыхание на своем лице, и через секунду его щека коснулась ее щеки. Тэсс крепко спала, а на ресницах ее еще не высохли слезинки.

Кругом правили тьма и молчание. Над ними вставали вековые тисы и дубы Заповедника, в ветвях которых приютились птицы, досылая последний предутренний сон, а на земле прыгали кролики и зайцы. Но где же был ангел-хранитель Тэсс? Где было провидение, в которое она простодушно верила? Или, подобно другому богу, о котором говорит скептический Фесвитянин, оно развлекалось беседой с кем-нибудь, кого-нибудь преследовало либо просто путешествовало? А может быть, оно спало и не желало просыпаться?

Почему случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и, в сущности, чистая, как снег, обречена была носить клеймо? В течение тысячелетий умозрительная философия не могла нам, жаждущим гармонии, объяснить: почему так часто грубое берет верх над прекрасным, почему хорошей женщиной завладевает недостойный мужчина, а хорошим мужчиной — недостойная женщина. Остается, конечно, допустить, что эта катастрофа могла быть возмездием. Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу предков Тэсс д'Эрбервилль, возвращаясь навеселе домой после битвы, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью. Но если возмездие, карающее детей за грехи отцов, и может, с точки зрения морали, удовлетворить богов — заурядный человек такую мораль презирает, и потому она не исправит дела.

Земляки Тэсс в своей глуши не устают со свойственным им фатализмом твердить друг другу: «Так было суждено». А это печально. Отныне неизмеримая пропасть должна отделять нашу героиню от той девушки, которая ушла из дома матери, чтобы попытаться счастья на птичьей ферме в Трэнтридже.

БОЛЬШЕ НЕ ДЕВУШКА

XII

Корзинка была тяжелая, а узел большой, но она тащила их, как человек, который не обращает особого внимания на материальную ношу. Иногда, чтобы отдохнуть, она машинально останавливалась у какой-нибудь калитки или столба, потом, подхватив вещи полной, округлой рукой, снова шла вперед.

Было воскресное утро в конце октября; около четырех месяцев прошло с тех пор, как Тэсс Дарбейфилд приехала в Трэнтридж, и всего несколько недель после ночной поездки в Заповедник. Недавно рассвело, и желтое сияние на горизонте за ее спиной освещало гряды холмов, к которой обращено было ее лицо,— барьер, замыкающий долину, где недавно жила она среди чужих,— и этот барьер предстояло ей преодолеть, чтобы вернуться туда, где она родилась. С этой стороны подъем был некрутой, а пейзаж и почва в этой местности резко отличались от пейзажа и почвы Блекмурской долины. Даже нравы и наречия людей, разделенных холмистой грядой, были чем-то различны, несмотря на связывающую их железную дорогу; поэтому родная деревня Тэсс, находившаяся только в двадцати милях от Трэнтриджа, казалась местом очень отдаленным. Крестьяне, запертые там, в долине, вели торговлю на севере и западе, ездили к северу и западу, там же ухаживали и женились, и мысли их устремлены были на север и запад, тогда как жившие по эту сторону гряды направляли свое внимание и энергию на восток и юг.

Склон был тот самый, с которого д'Эрбервилль так бешено мчал ее в памятный июньский день. Не останавливаясь, Тэсс поднялась на вершину холма и, дойдя до края откоса, посмотрела вдаль, на знакомый зеленый мир, пока окутанный полупрозрачной дымкой. Отсюда он всегда был прекрасен, но сегодня он казался Тэсс особенно прекрасным, ибо она познала с тех пор, как видела его в последний раз, что змея шипит там, где нежно поют птицы,— и после этого урока взгляд ее на жизнь стал совсем иным. Поистине другой девушкой, не той, что жила в родном доме, была она теперь, когда стояла здесь,

склонившись под бременем мыслей. Потом она оглянулась и посмотрела назад. Не могла она смотреть вперед, на долину.

На длинной белой дороге, по которой она только что прошла, Тэсс увидела двухколесный экипаж и шедшего подле него человека, который поднял руку, чтобы привлечь ее внимание.

Повинуясь знаку, она с бездумным спокойствием ждала его, и через несколько минут человек и лошадь остановились подле нее.

— Зачем ты улизнула тайком? — с упреком спросил запыхавшийся д'Эрбервилль. — Да еще в воскресное утро, когда все спят. Я узнал об этом случайно и скакал как черт, чтобы догнать тебя. Ты только взгляни на кобылу. Зачем было удирать? Ты знала — никто не помешал бы тебе уйти. И незачем было тебе плестись пешком и тащить такую тяжесть. Я скакал как сумасшедший только для того, чтобы подвезти тебя, если ты не хочешь вернуться.

— Я не вернусь, — отозвалась она.

— Я так и думал. Ну, клади свои узлы, и дай я подсажу тебя.

Она небрежно бросила корзину и узел в кабриолет, влезла в него, и они сели рядом. Теперь она нисколько его не боялась, но причина этого доверия и делала ее несчастной.

Д'Эрбервилль машинально закурил сигару, и они продолжали путь; иногда перебрасывались двумя-тремя вялыми словами о том, что виднелось у дороги. Он совсем забыл о том, как пытался насильно поцеловать ее, когда они в начале лета ехали тем же путем, но в противоположную сторону. Зато она не забыла и теперь сидела, как марионетка, односложно отвечая на его замечания. Вдали показалась рощица, за которой находилась деревня Марлотт. И только тогда волнение отразилось на неподвижном лице Тэсс и две слезы скатились по ее щекам.

— О чем ты плачешь? — холодно спросил он.

— Я только подумала, что родилась там, — прошептала она.

— Ну что ж, все мы должны были где-нибудь родиться.

— Хорошо, если бы я совсем не родилась... ни там, ни в другом месте.

— Вздор! Ну, а если ты не хотела ехать в Трэнтридж, зачем же ты приехала?

Она не ответила.

— Готов поклясться, что приехала ты не из любви ко мне.

— Это верно. Если бы я поехала из любви к вам, если бы хоть когда-нибудь вас любила, если бы любила и теперь, я бы так не презирала и не ненавидела себя за свою слабость, как ненавижу сейчас! Вы ненадолго вскружили мне голову, вот и все.

Он пожал плечами, и она продолжала:

— Я не понимала, чего вы добивались, пока не стало слишком поздно.

— Так говорит каждая женщина.

— Как вы смеете! — крикнула она, резко повернувшись к нему, и глаза ее вспыхнули: в ней проснулась дремлющая сила духа (с которой впоследствии предстояло ему познакомиться ближе).— Боже мой! Я готова вышвырнуть вас из экипажа. То, что говорит каждая женщина, иные из них чувствуют. Неужели вам никогда не приходило это в голову?

— Ну, хорошо! — засмеялся он.— Жалею, что обидел тебя. Признаюсь, я виноват.— И с легкой горечью он продолжал: — Но все-таки тебе не следовало без конца упрекать меня за это. Я готов оплатить все до последнего фартинга. Ты знаешь, что теперь тебе не нужно работать на поле или молочных фермах, знаешь, что можешь носить лучшие платья,— но в последнее время ты нарочно одеваешься как можно проще, словно у тебя даже на лишнюю ленту нет денег.

Уголки ее губ слегка опустились, хотя великодушному, привязчивому характеру Тэсс, в сущности, не была свойственна презрительность.

— Я сказала, что больше ничего не буду у вас брать,— и не возьму, не могу взять. Если бы я продолжала это делать, тогда я действительно была бы вашей, а я не хочу.

— Судя по твоим манерам можно подумать, что ты не только подлинная и бесспорная д'Эрбервилль, но вдобавок еще и принцесса — ха-ха! Ну, милая Тэсс, больше мне нечего сказать. Должно быть, я скверный человек, чертовски скверный. Скверным я родился, скверным жил и — что весьма возможно — скверным и умру. Но клянусь своей пропащей душой, больше я не причиню тебе зла, Тэсс. И если возникнут некоторые осложнения,— ты понимаешь? — если ты будешь хоть в чем-нибудь нуждаться или столкнешься с какими-нибудь затруднениями, напиши мне одну строчку, и ты получишь все, что бы ни потребовалось. Быть может, меня не будет в Трэнтридже... на время я уеду в Лондон,— не могу выносить старуху,— но все письма будут мне пересылать.

Она сказала, что не хочет ехать с ним дальше, и они остановились возле роицы. Д'Эрбервилль прыгнул первый, подхватил Тэсс на руки, поставил на землю, а затем положил подле нее ее вещи. Она кивнула ему, и на секунду глаза их встретились, а потом она отвернулась, чтобы взять вещи и уйти.

Алек д'Эрбервилль вынул изо рта сигарету, наклонился к ней и сказал:

— Ты не уйдешь от меня так, дорогая? Ну?

— Как хотите,— равнодушно ответила она.— Видите, какой покорной я стала!

Она повернулась, приблизила к нему свое лицо и стояла, словно мраморная статуя, пока он целовал ее в щеку,— поцелуй был, пожалуй, небрежен, хотя страсть не совсем еще угасла. Она рассеянно смотрела на дальние деревья, оставаясь совершенно безразличной к тому, что он делал.

— А теперь другую щеку — ради старого знакомства.

Она повернула голову так же безучастно, как это делают по просьбе художника или парикмахера, и он снова поцеловал ее; губы его коснулись ее щеки, влажной, гладкой и прохладной, как кожица грибов, которые росли вокруг них.

— Ты не даешь мне своих губ и не целуешь меня. Ты никогда не делаешь этого по своей воле; боюсь, ты никогда меня не полюбишь.

— Я это часто говорила. Это правда. Я никогда по-настоящему вас не любила и думаю, что не могу любить.— Она добавила уныло: — Быть может, сейчас ложь принесла бы мне больше пользы... Но настолько хватит у меня честности — хотя и мало ее осталось,— чтобы не солгать. Если бы я вас любила, у меня были бы все основания сказать это вам. Но я не люблю.

Он тяжело вздохнул, словно с этой сценой не мирилась его душа, совесть или добропорядочность.

— Глупо, что ты так грустна, Тэсс. Мне незачем льстить тебе теперь, но я могу смело сказать, что по красоте ты не уступаешь ни одной женщине в наших краях — ни простолюдинке, ни аристократке. Я говорю тебе это как твой доброжелатель. Будь разумной и, пока красота не увяла, показывай ее людям. А все-таки, Тэсс, не вернешься ли ты ко мне? Честное слово, мне неприятно так отпускать тебя.

— Никогда, никогда! Я это решила, как только поняла... то, что должна была понять раньше. И я не вернусь.

— Ну так всего хорошего, моя кузина на четыре месяца... до свидания!

Он легко вскочил в экипаж, взял вожжи и поехал по дороге между высокими живыми изгородями, усыпанными красными ягодами.

Тэсс не смотрела ему вслед, она медленно брела по извилистой тропе. Было еще рано, и хотя солнце уже поднялось над холмом, лучи его, невеселые и редкие, были только видимы глазу, но не грели. Вблизи не было видно ни одного человека. Печальный октябрь и печальная Тэсс, казалось, были единственными тенями на этой проселочной дороге.

Но вот чьи-то шаги послышались за ее спиной — шаги мужчины; а так как шел он быстро, то догнал ее и сказал «доброе утро», едва она успела заметить, что за ней идут. Он походил на ремесленника и нес жестянку с красной краской. Деловым тоном он спросил, не помочь ли ей нести корзинку, на что Тэсс согласилась и пошла рядом с ним.

— Раненько встали для воскресного утра,— весело сказал он.

— Да,— отозвалась Тэсс.

— Народ еще спит после трудовой недели.

Она и с этим согласилась.

— Хотя я настоящее дело делаю сегодня, а не в будни.

— Вот как?

— Целую неделю я работаю во славу людей, а по воскресеньям — во славу божию. Это стоит большего, а? Вот здесь, у этого перелаза, мне нужно поработать.

С этими словами он остановился у перелаза в изгороди, окружавшей пастбище.

— Подождите минутку, я вас не задержу.

Так как ее корзинка была у него, то ей ничего иного не оставалось. От нечего делать она наблюдала за ним. Он поставил ее корзинку и жестянку на землю, размешал краску кистью, торчавшей в жестянке, и стал выводить большие квадратные буквы на средней из трех ступенек перелаза, ставя после каждого слова запятую, словно желая дать передышку, чтобы слово проникло в сердце читающего:

ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ,

2-е Посл. ап. Петра, II, 3.

На фоне мирного пейзажа, бледных, блеклых тонов рощи, голубого неба и замшелых досок перелаза эти алые слова выглядели особенно яркими. Казалось, они выкрикивали себя и звенели в воздухе. Быть может, кто-нибудь и воскликнул бы: «Увы, бедное богословие!» — при виде этого отвратительного искажения, последней гротескной фазы религии, которая в свое время сыграла роль в истории человечества, но в душу Тэсс они проникли как беспощадное обвинение. Словно этот человек знал все, что с ней случилось; однако она видела его впервые.

Дописав это изречение, он подхватил ее корзинку, и Тэсс машинально последовала за ним.

— Вы верите в то, что пишете? — тихо спросила она.

— В эти апостольские слова? Верю ли я в то, что живу?

— Но допустим, — с дрожью в голосе продолжала она, — человек не стремился к греху?

Он покачал головой.

— Дело это такое важное, что я не могу вдаваться в тонкости. Этим летом я прошел сотню миль, исколесил вдоль и поперек всю округу и на всех стенах, калитках и перелазах писал слово божие. А толкование я предоставляю сердцам людей, которые их читают.

— По-моему, они ужасны, — сказала Тэсс. — Жестоки! Убийственны!

— Такими они и должны быть! — ответил он тоном профессионала. — А вот почитали бы вы самые мои горяченькие изречения — я их приберегаю для трущоб и морских портов. Прямо в дрожь бросает! Ну, а это очень хорошее изречение для сельской местности... А... вон там, у амбара, чистый кусок стены пропадает зря. Напишу-ка я заповедь — ту, которую полезно помнить опасным красоткам вроде вас. Вы подождете, мисс?

— Нет, — сказала она.

И, взяв свою корзинку, Тэсс пошла дальше. Отойдя на несколько шагов, она оглянулась. Старая серая стена начала

покрываться огненными письменами, и вид у нее был странный, непривычный, словно ее угнетала эта новая обязанность, которая возлагалась на нее впервые. И вдруг Тэсс, вспыхнув, поняла, какова будет надпись, дописанная им до половины:

ТЫ, НЕ, СОТВОРИШЬ...

Ее веселый приятель, заметив, что она оглянулась, придержал свою кисть и крикнул:

— Если захотите порасспросить о тех вещах, о каких мы с вами толковали, то сегодня в том приходе, куда вы идете, будет говорить проповедь один очень ревностный священник, мистер Клэр из Эмминстера. Я теперь расхожусь с ним в убеждениях, но человек он хороший и объяснит все не хуже любого другого священника. Он-то и заронил в меня искру.

Но Тэсс ничего не ответила; охваченная волнением, она пошла дальше, не отрывая глаз от земли.

— Вздор! Не верю я, чтобы бог говорил такие вещи! — сказала она презрительно, когда румянец сбежал с ее лица.

Перистый дымок внезапно вырвался из трубы отцовского дома, при виде которого у нее сжалось сердце. И еще тяжелее стало на сердце, когда она вошла в комнату. Мать, которая только что спустилась вниз, теперь стояла на коленях перед очагом, подкладывая дубовые ветки под котелок с завтраком. Дети были еще наверху, как и отец, который по случаю воскресенья считал себя вправе полежать лишние полчаса.

— Как? Тэсс, милая! — изумленно воскликнула мать, вскакивая и целуя девушку. — Ну, как же ты живешь? А я тебя и не заметила, пока ты не подошла ко мне. Ты приехала домой справиться свадьбу?

— Нет, мать, я не за тем приехала.

— Значит, на праздник?

— Да, и это будет долгий праздник, — сказала Тэсс.

— А разве твой кузен не собирается поступить по-хорошему?

— Он мне не кузен, и он не собирается на мне жениться. Мать пристально посмотрела на нее.

— Послушай, ты мне не все сказала, — проговорила она.

Тогда Тэсс подошла к матери, спрятала лицо на ее груди и рассказала ей все.

— И ты все-таки не заставила его на тебе жениться? — сказала мать. — Любая женщина добилась бы этого — только не ты!

— Может, это и правда — любая добилась бы, только не я.

— Вот тогда бы было тебе с чем вернуться домой! — продолжала миссис Дарбейфилд, чуть не плача от досады. — После всех этих толков о тебе и о нем, — они и до нас дошли, — кто мог ждать, что это так кончится? Почему ты не постаралась помочь семье, вместо того чтобы думать только о себе? Знаешь ведь, что я должна работать не покладая рук,

а у твоего бедного больного отца сердце обросло жиром, как сковородка. А я-то надеялась, что из этого что-нибудь выйдет! Поглядеть было только на такую славную парочку, как ты с ним, когда вы уезжали вместе четыре месяца назад! Подарки нам дарил. И все это, думали мы, потому, что мы ему родственники. Ну, а если он нам не родственник, значит, это делалось из любви к тебе. А ты все-таки не заставила его на тебе жениться!

Заставить Алека д'Эрбервилля жениться на ней! Ему жениться на *ней*! О женитьбе он никогда не говорил ни слова. А если бы сказал? Она не знала, смогла ли бы она сделать усилие, чтобы согласиться и спасти себя в глазах окружающих. Но бедная сумасбродная мать ничего не знала о чувствах ее к этому человеку. Быть может, при таких обстоятельствах это было необычно, неестественно, необъяснимо, но факт оставался фактом, и, как она сказала, это-то и заставляло ее ненавидеть самое себя. Он никогда ей не нравился по-настоящему, а теперь и вовсе был ей неприятен. Она боялась его, дрожала в его присутствии, не сумела защитить себя, когда он ловко воспользовался ее беспомощностью, потом, какое-то время ослепленная его пылкими домогательствами, покорно уступала ему,— но вдруг почувствовала к нему презрение, неприязнь и ушла. Вот и все. Ненависти к нему она, в сущности, не питала, но для нее все это было золой и пеплом; и даже ради спасения своего доброго имени она вряд ли захотела бы выйти за него замуж.

— Тебе следовало быть поосторожнее, раз ты не собиралась женить его на себе.

— Ох, мама, мама! — крикнула измученная девушка, страстно бросаясь к матери, словно ее бедное сердце готово было разорваться.— Могла ли я что-нибудь знать? Я была ребенком, когда ушла отсюда четыре месяца назад. Почему ты не сказала, что мне надо опасаться мужчин? Почему не предостерегла меня? Богатые дамы знают, чего им остерегаться, потому что читают романы, в которых говорится о таких проделках, но я-то ничего не могла узнать, а ты мне не помогла.

Мать была побеждена.

— Я думала, ты будешь его сторониться и упустишь удобный случай, если я заговорю о его чувствах и о том, что может из этого выйти,— прошептала она, вытирая глаза передником.— Ну да теперь это дело прошлое. Что поделаешь! Не мы первые, не мы последние.

ХIII

Молва о возвращении Тэсс Дарбейфилд из поместья ее богатых родственников распространилась по округе — если «молва» не слишком громкое слово для местечка, занимающе-

го квадратную милю. К вечеру несколько молоденьких девушек, бывшие школьные товарки и знакомые Тэсс, пришли навестить ее, разодевшись в свои лучшие накрахмаленные и выглаженные платья, как и подобает, когда идешь в гости к особе, которая (по их предположениям) одержала великую победу; усевшись в кружок, они смотрели на нее с большим любопытством. Этот тридцатипятилетний кузен, влюбившийся в нее джентльмен из другой округи, мистер д'Эрбервилль, пользовался репутацией дерзкого волокиты и сокрушителя сердец; слух об этом начал распространяться и за пределами Трэнтриджа, благодаря чему завидное положение Тэсс казалось к тому же опасным и всех очень интересовало,— а этого бы не было, если бы ей ничто не угрожало.

Они были так глубоко заинтересованы, что девушки помолже шептали за ее спиной:

— Какая она хорошенькая! И как ей идет это нарядное платье. Должно быть, оно стоит очень дорого и, наверное, его подарок!

Тэсс, достававшая из буфета чайную посуду, не слышала этих замечаний, а если бы услышала, то могла бы быстро разубедить своих подруг. Но мать ее слышала, и тщеславие простодушной Джоан, потерявшей надежду на блестящий брак, упивалось сенсацией, вызванной блестящим флиртом. В общем, она чувствовала удовлетворение, хотя столь незначительный и мимолетный триумф лишь вредил репутации ее дочери,— в конце концов, дело еще могло кончиться браком; и в благодарность за их восхищение она пригласила гостей остаться выпить чаю.

Их болтовня, смех, добродушные намеки, а главное — мимолетные вспышки зависти подействовали и на Тэсс: к концу вечера, заразившись их возбуждением, она почти развеселилась. Мраморная суровость сбежала с лица, к ней вернулась прежняя легкость движений, и она была красива, как никогда.

Иногда, не задумываясь, она отвечала тоном превосходства на их вопросы, словно признавая, что опыту ее действительно можно позавидовать. Но так мало была она, говоря словами Роберта Саута, «влюблена в собственную гибель», что иллюзия оказалась мимолетной, как молния,— вновь вступил в свои права холодный рассудок, издевающийся над минутной слабостью; ужаснувшись суетной своей гордости, она вновь замкнулась в своем безразличии.

А уныние на рассвете следующего дня... Вот миновало воскресенье, и настал понедельник — и не было больше праздничного наряда, ушли смеющиеся гости, и проснулась она одна на своей старой кровати, а вокруг слышалось ровное дыхание невинных малюток. Миновало волнение, вызванное ее возвращением, угас интерес к нему, и она увидела перед собой длинную каменистую дорогу, по которой должна была

идти одна, не находя ни помощи, ни сочувствия. Ее охватило черное отчаяние, и она готова была укрыться в могиле.

Прошло несколько недель, и Тэсс ожила настолько, что решила показаться на людях, — и воскресным утром отправилась в церковь. Она любила слушать пение — каким бы оно ни было, — любила старые песенки, любила петь вместе с хором утренний гимн. Эта врожденная любовь к мелодии, унаследованная от распевавшей баллады матери, приводила к тому, что даже самая незатейливая музыка имела могучую власть над ее сердцем.

По некоторым причинам, желая избежать излишнего внимания односельчан, а также любезностей молодых парней, она вышла из дому еще до колокольного звона и заняла место на задней скамье под навесом галереи, куда заглядывали только старики да старухи и где среди церковной утвари и всякого хлама стояли прислоненные к стене похоронные носилки.

Прихожане входили по двое и по трое, усаживались перед ней рядами, на три четверти минуты склоняли голову, словно молясь, хотя в действительности не молились, потом, выпрямившись, принимались оглядываться по сторонам. Когда началось пение, случайно был выбран один из ее любимых гимнов — старинный лэнгдоновский напев на два голоса, — впрочем, она не знала, как он называется, хотя и очень хотела бы узнать. Она думала, не облакая свои мысли в слова, о том, как необычайна и божественна власть композитора, который из своей могилы может взволновать чувствами, им одним впервые пережитыми, девушку, подобную ей, — девушку, которая никогда не слышала его имени и никогда не узнает, каким человеком он был.

Люди, оглядывавшиеся в начале, смотрели по сторонам и теперь, во время службы, и, наконец заметив ее, стали перешептываться. Она поняла, о чем они шепчутся, сердце у нее зануло, и она почувствовала, что дорога в церковь для нее закрыта.

Теперь она почти не выходила из спальни. Эта комната, которую Тэсс разделяла с детьми, была теперь ее главным прибежищем. Здесь, под несколькими квадратными ярами соломенной крыши, следила она за ветром, снегопадами и дождями, великолепными солнечными закатами и луной в период полнолуния. Жила она так уединенно, что в конце концов почти все решили, что она уехала.

В эту пору своей жизни Тэсс гуляла только в сумерки, — уйдя в лес, она меньше ощущала свое одиночество. Она умела угадывать тот сумеречный час, когда свет и тьма столь гармонично уравновешены, что напряжение дня растворяется в предчувствии ночи и человек испытывает чувство полной духовной свободы. И тогда-то тяжесть существования уменьшается до ничтожных размеров. Она не боялась теней; каза-

лось, единственной ее мечтой было избегать людей,— или, вернее, той холодной накипи, именуемой обществом, которая, столь грозная в массе, не страшна и даже достойна жалости в лице отдельных своих представителей.

Среди этих уединенных холмов и долин ее тихая, скользящая походка гармонировала с окружающей природой. Ее гибкая фигура становилась неотъемлемой частью пейзажа. Иногда причудливая фантазия Тэсс одушевляла стихийные явления, и они как бы входили в ее жизнь; вернее — они действительно в нее входили, ибо мир есть лишь психологический феномен, и явления были таковы, какими казались. Полуночные вздохи и порывы зимнего ветра, стонущего среди ветвей, покрытых тепло укутанными почками, звучали горькой укоризной. Дождливый день говорил о неисцелимой скорби, вызванной ее слабостью,— о скорби, охватившей душу какого-то неведомого высшего существа, которое она уже не могла назвать богом своих детских дней и не могла постигнуть как нечто иное.

Но этот мир, возникший из разрозненных и условных представлений, населенный враждебными ей призраками и голосами, был мрачным и ошибочным порождением фантазии Тэсс, скопищем химер, терзающих ее ложными страхами. Не она, а они дисгармонировали с реальным миром. Глядя на птиц, спящих в кустах, следя за кроликами, прыгающими на залитой лунным светом поляне, или стоя под деревом, на ветвях которого дремлют фазаны, она считала себя олицетворением Вины, вторгшейся в царство Невинности. Но она усматривала антагонизм там, где его на самом деле не было. Чувствовавшая себя враждебной пришлицей была гармоничной частью природы. Ее заставили нарушать принятый людьми закон общества, но этот закон был неведом тому миру, чуждой которому она себя вообразила.

XIV

Туманный восход августовского солнца. Густые ночные пары под ударами теплых лучей рассеивались и отдельными хлопьями забивались в ложбинки и рощицы, ожидая той минуты, когда будут обращены в ничто.

В тумане солнце имело странный вид существа мыслящего, одухотворенного и для адекватного своего выражения требовало местоимения мужского рода. И вид этот — в особенности при абсолютном безлюдье вокруг — сразу объяснял происхождение древнего культа солнца. Казалось, никогда еще не существовало под небом более разумной религии. Светило было златокудрым богopodobным существом с лучистым ликом и кроткими глазами, с юным пылом взирающим на землю, которая до краев была переполнена любовью к нему.

Немного позднее свет его проник сквозь щели ставней в дом, отбрасывая полосы, подобные докрасна раскаленной кочерге, на буфеты, комоды и другую мебель, и разбудил тех жнецов, которые еще не вставали.

Все было румяно в то утро, но ярче всего разругались две широкие деревянные выкрашенные лопасти, которые поднимались у края желтой нивы, примыкающей к деревне Марлотт. Эти две лопасти и две другие, нижние, образовывали вращающийся мальтийский крест жнейки, которую накануне вечером привезли на поле, чтобы все было готово к сегодняшнему дню. В солнечном свете цвет краски, покрывающей их, стал гуще, словно их окунули в жидкий огонь.

Поле было уже «открыто», то есть по всей его окружности узкая полоска пшеницы была сжата серпами, чтобы проложить путь для лошадей и машины.

Две группы — одна состояла из мужчин и подростков, другая из женщин — появились на дороге в тот час, когда тень, отбрасываемая живой изгородью с восточной стороны, коснулась кустов с западной стороны, так что головы идущих озарялись восходящим солнцем, а ноги были окутаны предрассветными тенями. Люди свернули с дороги на поле, пройдя между двумя каменными столбами ближайших ворот.

Вскоре послышалось стрекотанье, напоминающее любовную песенку кузнечика. Это заработала жнейка, и за изгородью показалось длинное вибрирующее тело машины, которую тащили три лошади. На одной из них ехал погонщик, а другой работник управлял жнейкой. Жнейка проехала вдоль края поля, медленно вращая лопастями, и скрылась за гребнем холма; через минуту она выехала с другой стороны поля, двигаясь тем же ровным ходом; над жнивьем сверкнула медная звезда на лбу передней лошади, затем показались яркие лопасти и, наконец, вся машина.

Узкая полоса жнивья, охватывающая поле после каждого объезда, становилась шире и шире, и по мере того, как проходили утренние часы, площадь, где еще не сжата была пшеница, все уменьшалась. Кролики, зайцы, змеи, крысы, мыши отступали дальше в хлеба, словно в крепость, не подозревая, сколь эфемерно их убежище и какая судьба ждет их к концу дня, когда до ужаса маленьким будет оставленный им уголок и они собьются в кучу — друзья и враги; а потом ляжет под зубцами неумолимой жнейки пшеница, еще покрывающая последние несколько ярдов, и жнецы перебьют всех зверьков палками и камнями.

Пшеница ложилась позади жнейки маленькими кучками, и каждой кучки было достаточно, чтобы связать из нее сноп; этим и занимались энергичные *вязальщики*, шедшие сзади, — главным образом женщины, хотя среди них были и мужчины в ситцевых рубахах и штанах, стянутых кожаным ремнем, так что можно было свободно обойтись без двух

задних пуговиц, которые при каждом движении вязальщика подлескивали в солнечных лучах, словно два глаза на пояснице.

Но значительно интереснее в этой компании вязальщиков были представительницы другого пола, ибо женщина приобретает особое очарование, когда становится неотъемлемой частью природы, а не является, как в обычное время, лишь случайным предметом на ее фоне. Работник на поле остается индивидом; работница есть неотъемлемая часть поля,— каким-то образом она теряет грани своей личности, впитывает в себя окружающее и с ним ассимилируется.

Женщины — вернее, девушки, ибо почти все они были молоды, — надели чепцы с длинными развевающимися оборками, защищающими от солнца, и перчатки, чтобы жнивье не изранило им рук. Одна была в бледно-розовой кофте, другая в кремовом платье с узкими рукавами, третья в юбке, красной, как лопасти жнейки. Женщины постарше надели коричневые грубые «робы», или халаты, — привычный и наиболее удобный костюм для работницы, от которого отказывались молодые. В это утро взгляд невольно возвращается к девушке в розовой ситцевой кофте, так как фигура у нее более гибкая и изящная, чем у других. Но она так низко нагнулась на глаза чепец, что, когда она вяжет снопы, оборки скрывают даже щеки, хотя о цвете ее лица можно догадаться по темно-каштановой пряди волос, выбившейся из-под чепчика. Быть может, она обращает на себя внимание отчасти потому, что совсем к этому не стремится, а другие женщины частенько поглядывают по сторонам.

Работает она монотонно, как часовой механизм; из последнего связанного снопа выдергивает пучок колосьев и приглаживает их ладонью левой руки, чтобы верхушки торчали на одном уровне, потом, низко наклонившись, идет вперед, обеими руками подбирая пшеницу и прижимая ее к коленям; левую руку в перчатке она подсовывает под сноп, пока не коснется правой, сжимая пшеницу в объятиях, словно возлюбленного, затем соединяет концы выдернутого пучка колосьев и, придавливая коленями сноп, связывает его, время от времени оправляя юбку, которую приподнимает ветер. Полоска голой руки видна между кожаной перчаткой и рукавом платья, а к концу дня женская нежная кожа покроется порезами и начнет кровоточить.

Иногда она распрямляется, чтобы отдохнуть, потуже завязать передник и поправить сбившийся чепец. И тогда видно ее лицо — овальное лицо красивой молодой женщины, глубокие темные глаза и длинные тяжелые косы, которые словно цепляются умоляюще за все, чего коснутся. Щеки у нее бледнее, зубы ровнее, а красные губы тоньше, чем у большинства деревенских девушек.

Это Тэсс Дарбейфилд, или д'Эрбервилль, слегка изменившаяся — та же и не та; в эту пору своей жизни она чувствует

себя здесь чужой, пришлой, хотя живет не на чужой стороне. После долгого затворничества она наконец приняла на этой неделе решение заняться полевыми работами в родной деревне, ибо для земледельцев настала самая горячая пора года и, что бы ни делала Тэсс по дому, ее труд не вознаграждался бы так, как уборка хлеба в поле.

Движения других женщин мало чем отличались от движений Тэсс, и вся группа двигалась, словно танцоры в кадрили, переходя от снопа к снопу; каждая женщина прислоняла свой сноп к другим, пока не образовывалась копна из десяти — двенадцати снопов.

Они поели, и работа продолжалась. Часам к одиннадцати можно было заметить, что время от времени Тэсс задумчиво посматривает на вершину холма, хотя и не перестает вязать снопы. В одиннадцать часов из-за холма, на котором пшеница была уже сжата, показались головки детей в возрасте от шести до четырнадцати лет.

Лицо Тэсс слегка зарумянилось, но она не прервала работы.

Старшая в группе ребят девочка в сложенной углом шали, волочившейся по жнивью, несла на руках что-то напоминающее с первого взгляда куклу,— это был ребенок в длинной рубашонке; другая девочка принесла завтрак. Жнецы прервали работу, взяли принесенную еду и расположились вокруг копны. Они принялись за завтрак, и мужчины, передавая друг другу кружку, щедро наливали эль из каменного кувшина.

Одной из последних, прервавших работу, была Тэсс Дарбейфилд. Она присела у копны, слегка отвернувшись от своих товаров. Когда она уселась, работник в кроличьей шапке и с красным платком за поясом протянул ей через копну кружку эля. Но она отказалась. Разложив завтрак, она подозвала рослую девочку, свою сестру, и взяла у нее ребенка; та рада была освободиться от ноши и, перейдя к соседней копне, стала играть с другими детьми. Покраснев еще сильнее, Тэсс украдкой и в то же время с достоинством расстегнула кофту и начала кормить младенца грудью.

Мужчины, сидевшие поблизости, вежливо отвернулись; кое-кто закурил, один рассеянно и любовно поглаживал кувшин, который был осушен до последней капли. Все женщины, кроме Тэсс, принялись оживленно болтать, время от времени приглаживая скрученные узлом волосы.

Когда младенец оставил грудь, молодая мать положила его себе на колени, и, глядя вдаль, начала укачивать с мрачным равнодушием, которое граничило с неприязнью. Потом вдруг стала осыпать его поцелуями и словно не могла насытиться, а ребенок расплакался, испуганный этим неистовым порывом, в котором страсть смешивалась с ненавистью.

— Как бы она там ни притворялась, а все-таки ребенка она любит, хотя и говорит, что лучше бы им обоим лежать на кладбище,— заметила женщина в красной юбке.

— Скоро она перестанет это твердить,— отозвалась другая, в коричневой юбке.— Господи, и к чему только не привыкнешь со временем!

— А не по доброй воле пошла она на это. В прошлом году как-то ночью в Заповеднике слышали рыдания, и кое-кому пришлось бы плохо, если бы подоспели люди.

— Ну, по доброй или не по доброй, а все равно жалость, да и только, что случилось это с ней, а не с кем другим. Ну, да так уж всегда бывает с самыми красивыми. Вот дурнушки — те могут ничего не бояться. Верно, Дженни? — Говорившая повернулась к одной из женщин, которая, несомненно, подходила под такое определение.

Жалость — это было подходящее слово; даже враг и тот почувствовал бы сострадание, глядя на сидевшую здесь Тэсс, чей рот напоминал цветок, а большие нежные глаза были не черными и не голубыми, и не серыми и не фиалковыми, но,

пожалуй, сочетающимися все эти цвета и сотни других, которые можно было увидеть, всматриваясь в радужную оболочку, где вокруг бездонного зрачка ложились один на другой различные цвета и оттенки,— Тэсс, женщину почти безупречную, если не считать слегка неуравновешенного характера, унаследованного от предков.

Решение, неожиданное для самой Тэсс, впервые за много месяцев привело ее на поля. Сначала она терзала и томила свое трепещущее сердце всеми муками сожаления, какие только может придумать одинокое и неопытное существо, затем здравый смысл подсказал ей выход: она почувствовала, что поступит хорошо, если снова будет полезной, снова вкусит прелесть независимости, чего бы это ни стоило. Прошлое есть прошлое; каково бы оно ни было, его больше нет. Каковы бы ни были последствия, время над ними сомкнется,— пройдут года, и наступит день, когда для всех они исчезнут навсегда, а она сама будет погребена и забыта. Меж тем деревья были так же зелены, как и раньше, так же пели птицы и так же ярко светило солнце. Знакомый пейзаж не омрачился ее скорбью, не заразился ее болью.

Ей следовало понять одно: мысль, заставившая ее так низко склонить голову,— мысль о всеобщем жгучем интересе к ее положению, основана была на иллюзии. Никому не было дела до ее жизни, до ее переживаний, ее страстей, ее мироощущения, кроме нее самой. Для всех остальных людей мысль о Тэсс была лишь мимолетной мыслью. Даже ее друзья думали о ней лишь мельком, хотя и часто. Если бы она горевала всю жизнь, для них это означало бы только: «А, она сама делает себя несчастной». Если бы старалась она быть веселой, отогнать все заботы, радоваться дневному свету, цветам, ребенку — для них все это воплотилось бы в короткой фразе: «Она держится молодцом». Одна, на необитаемом острове, сокрушалась бы она о том, что с ней случилось? Не очень. Если бы она только что вышла из рук творца и увидела себя безмужней женой, ничего не ведающей о жизни и являющейся лишь матерью безыменного ребенка, могло ли бы такое положение довести ее до отчаяния? Нет, она приняла бы его спокойно и нашла бы в нем радость. Скорбь не родилась из глубины ее существа, а порождена была социальными условиями.

Как бы ни рассуждала Тэсс, что-то побудило ее одеться опрятно, как одевалась она раньше, и выйти на полевые работы, так как на рабочие руки был теперь большой спрос. Вот почему она держала себя с достоинством и спокойно смотрела людям в глаза, даже когда прижимала к груди ребенка.

Работники встали со снопов, потянулись и потушили трубки. Лошадей, которые были выпряжены и накормлены, снова впрягли в красную машину. Тэсс, быстро доев завтрак, позвала сестру и, отдав ей ребенка, застегнула платье, надела

кожаные перчатки и, снова наклонившись, выдернула пучок колосьев из последнего связанного снопа, чтобы перевязать следующий.

Работа продолжалась весь день и весь вечер, и Тэсс вязала снопы до сумерек. Потом все поехали домой в одном из самых больших фургонов, сопровождаемые круглой тусклой луной, которая поднялась на востоке и походила на истертый золотой венчик какого-нибудь тронутого тлением тосканского святого. Товарки Тэсс пели песни, проявляли большое участие к ней и радовались концу ее затворничества, хотя и не могли удержаться, чтобы лукаво не спеть несколько куплетов из баллады о девушке, которая пошла в веселый зеленый лес и вернулась оттуда не такой, как прежде. В жизни все уравнивается и компенсируется: событие, которое в какой-то мере сделало ее парией, привело также к тому, что в эту пору она стала возбуждать всеобщий интерес. Дружелюбие товарок еще больше отвлекало ее от мыслей о себе, живость их была заразительна, и она почти развеселилась.

Но теперь, когда моральные ее горести рассеивались, случилась новая беда, затронувшая инстинкт, который не признавал никаких социальных законов. Придя домой, она с ужасом услышала, что днем ребенок внезапно захворал. Этого следовало ждать — такой он был крохотный и слабый, — и тем не менее ее охватило смятение.

Девушка-мать забыла о том, что ребенок, появившись на свет, нанес оскорбление обществу; страстным ее желанием было не смывать этого оскорбления, сохраняя жизнь ребенка. Однако очень скоро выяснилось, что час освобождения маленького пленника плоти пробьет раньше, чем подсказывали ей наихудшие опасения; и, убедившись в этом, она погрузилась в тоску, вызванную не только близкой потерей ребенка: малютка не был крещен.

Все последнее время Тэсс находилась в состоянии покорного безразличия и считала, что, если за ее поступок ей суждено гореть в аду, она будет гореть, и дело с концом. Подобно всем деревенским девушкам, она была хорошо знакома со Священным писанием, добросовестно выучила историю Аголы и Аголибы и знала, какой урок следовало из нее извлечь. Но когда тот же вопрос коснулся ее ребенка — он принял совсем иную окраску. Ее ненаглядное дитя умирает, и ему отказано в вечном блаженстве.

Час был поздний, но она сбежала с лестницы и спросила, можно ли послать за священником. К несчастью, это совпало с моментом, когда ее отец особенно гордился древним благородством своего рода и с особой остротой чувствовал, насколько Тэсс запятнала это благородство. Он только что вернулся из трактира Ролливера после еженедельной выпивки. Нет, ни один поп не войдет в его дом, заявил он, и не посмеет совать нос в его дела: теперь по ее вине необходимо все скрывать больше,

чем когда бы то ни было. Он запер дверь и положил ключ в карман.

Все улеглись спать, и Тэсс в беспредельном отчаянии тоже легла. Она ежеминутно просыпалась и среди ночи убедилась, что ребенку стало хуже. Он умирал — тихо и безболезненно, но умирал.

В тоске она раскачивалась, сидя на кровати.

Пробило час ночи; в этот мрачный час фантазия сбрасывает оковы рассудка и зловещие возможности приобретают несокрушимость фактов. Ей казалось, что ребенок обречен на самые страшные муки ада, ибо осужден вдвойне — как некрещеный и как незаконнорожденный; она видела, как сатана подбрасывает его на вилах с тремя зубцами, — такими вилами в дни выпечки хлеба они подбрасывали топливо в печь; эту картину дополнила она другими странными и нелепыми деталями мучительных пыток, о которых иногда осведомляют молодежь сей христианской страны. В тишине спящего дома мрачное предчувствие с такой силой овладело ее воображением, что ночная сорочка стала влажной от пота, а кровать вздрагивала от ударов ее сердца.

Дыхание младенца становилось все более затрудненным, и муки матери все усиливались. Бессмысленно было осыпать малютку поцелуями; она больше не могла оставаться в постели и начала лихорадочно ходить по комнате.

— О боже милостивый, сжался, сжался над моим невинным младенцем! — воскликнула она. — Молю тебя, обрушь гнев свой на меня, но пожалей ребенка.

Она прислонилась к комоду и долго лепетала несвязные мольбы, потом встrepенулась: «А что, если малютку можно спасти самим? Может быть, нет никакой разницы...»

Голос Тэсс прозвучал так радостно, что казалось, лицо ее должно было светиться в полумраке.

Она зажгла свечу и, подойдя ко второй и третьей кровати у стены, разбудила своих маленьких сестер и братьев, которые спали в той же комнате. Отодвинув умывальник, чтобы можно было обойти его кругом, она налила воды в тазик и заставила детей опуститься на колени и сложить поднятые руки. Пока дети, еще не совсем проснувшиеся, испуганные ее поведением, все шире открывая глаза, оставались на коленях, она взяла с кровати младенца — ребенка, рожденного матерью-ребенком, — такого крохотного, что казалось, Тэсс не может быть его матерью. Тэсс с младенцем на руках стояла, выпрямившись, перед тазом, а сестра держала перед ней раскрытый молитвенник, как держит его служка в церкви перед священником: Тэсс собиралась окрестить свое дитя.

В длинной белой сорочке, с толстой темной косой, ниспадающей к талии, она казалась очень высокой и величественной. Мягкий тусклый свет жалкой свечи скрадывал те мелкие дефекты лица и фигуры, какие можно было обнаружить при сол-

нечном свете,— царапины от жнивья на кистях рук, усталость, затуманившую глаза; молитвенный экстаз преобразил лицо, которое привело ее к гибели, сделал его безгрешно прекрасным, наложив печать царственного достоинства. Малыши, стоявшие вокруг на коленях, мигали покрасневшими, заспанными глазами и удивленно, с напряженным вниманием следили за ее приготовлениями — только усталость и поздний час мешали им проявить свое удивление.

Самый впечатлительный из них спросил:

— Ты и в самом деле хочешь окрестить его, Тэсс?

Девушка-мать задумчиво кивнула.

— Как его будут звать?

Об этом она не подумала, но, когда она приступила к обряду крещения, ей пришло в голову имя, подсказанное фразой из Книги Бытия, и она произнесла его:

— *Горем* нарекаю тебя во имя отца, и сына, и святого духа...

Она окропила его водой, и наступило молчание.

— Дети, скажите: «Аминь».

Тонкие голоса послушно прозвенели:

— Аминь.

Тэсс продолжала:

— Принимаю этого младенца...— и так далее,— ...и кладу на него крестное знамение...

Она окунула руку в таз и указательным пальцем начертила на младенце большой крест, продолжая с жаром произносить фразы обряда: он будет мужественно бороться с грехом, мирской суетностью и дьяволом и останется верным воином и слугой до конца своей жизни... Она исправно прочла «Отче наш», а дети тоненькими, как комариный писк, голосами повторяли за ней слова молитвы и в заключение, словно служки, возгласили в тишине: «Аминь».

Тогда их сестра, еще более уверовав в действенную силу этого таинства, вознесла из глубины души благодарственную молитву. Смело и торжественно произнесла она слова, голосом глубоким, звучным, ибо изливала свое сердце,— и этого голоса до конца жизни не забудут те, кто его слышал. Экстаз веры словно просветлил ее, лицо ее озарилось, на щеках выступил румянец, крохотное перевернутое пламя свечи сверкало в ее зрачках, как алмаз. Дети смотрели на нее со всевозрастающим благоговением, и больше не было у них желания задавать вопросы. Теперь она не походила на их «сестрицу», она стала большой, величественной и грозной — божественным существом, с которым у них не было ничего общего.

Бедняжке Горю недолго пришлось бороться с грехом, мирской суетностью и дьяволом,— к счастью, быть может, для него, если принять во внимание первые его шаги в жизни. В синий час утра этот хрупкий воин и слуга вздохнул в последний

раз, а когда проснулись дети, они горько заплакали и попросили сестрицу достать еще одного хорошенького малютку.

Спокойствие, которое охватило Тэсс после крещения, не покидало ее и при кончине младенца. Когда рассвело, она почувствовала даже, что опасения ее за его душу были немножко преувеличенны; как бы там ни было, она не испытывала теперь никакой тревоги, рассуждая так: если Провидение не утвердит обряда, ей, Тэсс, ни к чему райское блаженство, которое можно утратить из-за такого отступления от формы,— не нужно оно ни ей, ни ее младенцу.

Так ушло из жизни нежеланное Горе — этот незванный пришелец, незаконнорожденный дар бесстыдной Природы, не уважающей социальных законов; заблудившееся существо, для которого вечное Время сводилось к дням и которому неведомы были ни годы, ни столетия; для него комната наверху была вселенной, погода в течение недели — климатом, младенчество — человеческой жизнью, а инстинкт сосать — знанием.

Тэсс, немало размышлявшая о крещении, не знала: достаточно ли было, с точки зрения догмы, этого обряда, чтобы обеспечить ребенку христианское погребение? Никто не мог на это ответить, кроме приходского священника, а он приехал сюда недавно и не знал ее.

В сумерках она пошла к нему, но остановилась у калитки: у нее не хватило мужества войти. Она отказалась бы от своей затеи, если бы не встретила его на обратном пути. В темноте она могла говорить свободно:

— Я хотела бы кое о чем спросить вас, сэр.

Он выразил готовность слушать, и она рассказала ему о болезни ребенка и импровизированном обряде.

— А теперь, сэр,— добавила она взволнованно,— скажите мне, для него это будет все равно, как если бы его окрестили вы?

Испытывая вполне естественное чувство профессионала, узнавшего, что работу, которую следовало бы исполнить ему, взяли на себя его неискусные клиенты, он склонен был ответить отрицательно. Однако достоинство, с каким говорила эта девушка, и странная нежность, звучавшая в ее голосе, пробудила в нем более благородные чувства,— вернее, то, что от них осталось после десятилетних усилий привить формальную веру скептицизму. В нем боролись человек и священнослужитель — и победа осталась за человеком.

— Милая моя,— сказал он,— это все равно.

— Значит, вы не откажете ему в христианском погребении? — быстро спросила она.

Священник почувствовал, что попал в ловушку.

Услышав о болезни ребенка, он, как человек добросовестный, явился вечером, чтобы совершить обряд; отказ впустить его исходил не от Тэсс, а от ее отца, но он этого не знал

и потому не мог оправдать неправильное совершение обряда необходимостью.

— А... это другое дело,— сказал он.

— Другое дело... почему? — с жаром спросила Тэсс.

— Я бы охотно это сделал, касайся дело только нас двоих. Но теперь не могу... по некоторым причинам.

— Ну, в виде исключения, сэръ!

— Право же, не могу.

— О сэръ, сжальтесь! — И с этими словами она схватила его за руку.

Он отнял руку и покачал головой.

— Ну, тогда я не буду вас уважать! — вспылила она.— И никогда больше не пойду в вашу церковь!

— Не говорите так опрометчиво.

— Быть может, для него это все равно, если вы не дадите ему погребения?... Может быть, это все равно? Только, ради бога, не разговаривайте со мной, как святой с грешницей, а говорите, как человек с человеком, с несчастным человеком!

Как примирил священник свой ответ со строгими понятиями о сем предмете, которых он, по его мнению, твердо придерживался, мирянин постигнуть не может, хотя и может оправдать. Тронутый ее горем, он сказал снова:

— Это все равно.

В тот же вечер младенца отнесли на кладбище в маленьком еловом ящике, прикрытом старой женской шалью, и при свете фонаря похоронили — уплатив могильщику шиллинг и пинту пива — в том жалком уголке божьего сада, где с божьего со-

изволения растет крапива и где хоронят всех некрещеных младенцев, известных пьяниц, самоубийц и других людей, чьи души обречены на гибель. Несмотря на неподходящее окружение, Тэсс храбро сделала крестик из двух брусков, связав их обрывком веревки, и, увидев его цветами, воткнула в изголовье могилы, когда однажды вечером смогла, никем не замеченная, пройти на кладбище; в ногах могилы она поставила букет таких же цветов в банке с водой, чтобы они не завяли. Не важно, что глаз постороннего наблюдателя мог заметить на банке слова: «Мармелад Килуела». Глаза материнской любви, провидящие нечто более возвышенное, их не видели.

XV

«Путем опыта,— говорит Роджер Эшем,— находим мы кратчайший путь после долгих скитаний». Нередко случается, что эти долгие скитания лишают нас возможности продолжать путешествие,— а тогда какой толк от нашего опыта? Опыт Тэсс Дарбейфилд был именно такого рода — бесполезный. Наконец узнала она, как нужно поступать, но к чему ей было теперь все это?

Если бы до ухода к д'Эрбервиллям она ревностно следовала в жизни мудрым притчам и поучениям, знакомым с детства и ей, и всему миру,— несомненно, ее никогда не удалось бы обмануть. Но ей не было дано — как это никому не дается — почувствовать всю правоту драгоценных изречений, пока они еще могут принести пользу. Вместе со святым Августином она — и сколько других! — могла бы иронически сказать богу: «Ты посоветовал избрать дорогу лучшую, чем та, которой ты позволил идти».

Зимние месяцы она провела в доме отца, ощипывала птиц, откармливала индюков и гусей, шила братьям и сестрам платья из нарядов, которые когда-то подарил ей д'Эрбервилль, а она с презрением отложила в сторону. Тэсс не хотела обращаться к нему за помощью. Но часто закидывала она руки за голову и глубоко задумывалась, когда считали, что она усердно работает.

По мере того как шли месяцы нового года, с философским спокойствием отмечала она даты: ночь катастрофы в Трэнтридже на темном фоне Заповедника; день рождения и день смерти ребенка; свой день рождения и другие дни, отмеченные событиями, в которых она принимала участие. Как-то, глядя в зеркало на свое красивое лицо, она подумала о том, что есть еще одна дата, которая имеет для нее большее значение, чем все другие: день ее смерти, когда исчезнет все ее очарование, день, который лукаво притаился, невидимый среди других дней года, ничем себя не выдающий, когда она ежегодно с ним сталкивалась, но тем не менее неизбежный. Который же? Почему не чувствовала она озноба при ежегодных встре-

чах с таким холодным родственником? Мысль Джереми Тэйлора пришла ей в голову — когда-нибудь в будущем те, кто знал ее, скажут: «Сегодня такое-то число — день, когда умерла бедная Тэсс Дарбейфилд», — и в этих словах ничто не покажется им странным. А она не знала, на какой месяц, неделю, время года упадет этот день, которому суждено стать для нее днем, когда времени больше не будет.

Так за короткое время наивная девушка превратилась в серьезную женщину. Постоянные размышления наложили отпечаток на ее лицо, в голосе иногда звучала трагическая нотка. Глаза стали больше и выразительнее, она казалась теперь настоящей красавицей; ее лицо было прекрасным, а душа была душой женщины, не сломленной и не озлобленной тяжелыми испытаниями последних двух лет. Не будь общественного мнения, эти испытания могли бы воспитать ее в свободном духе, и только.

Последнее время она жила столь уединенно, что несчастье ее, не получившее широкой огласки, было почти забыто в Марлотте. Но она поняла, что никогда не почувствует себя легко там, где люди видели неудачную попытку ее семьи «объявить о родстве» — а с ее помощью сделать его еще более тесным и прочным — с богатыми д'Эрбервиллями. Во всяком случае, ей не будет легко здесь, пока долгие годы не сотрут случившегося из ее памяти. Но даже теперь Тэсс чувствовала, как пульсирует в ней жизнь, согретая надеждами; она могла бы жить счастливо в каком-нибудь уголке, где нет воспоминаний. Спасти от прошлого и от всего, что к нему относилось, можно было, только уничтожив его, а для этого она должна была уехать.

«Утрачено ли навсегда подлинное целомудрие, однажды потерянное?» — спрашивала она себя. Она доказала бы, что нет, если бы могла задержать завесу за прошлым. В силе возрождения, которая правит органической природой, несомненно, не могло быть отказано и чистоте.

Долго и тщетно ждала она случая снова уехать. Настала на редкость дружная весна; казалось, можно было услышать, как набухали и раскрывались почки; и ее охватывало то же волнение, что и всех обитателей леса, пробуждавшее в ней необоримое желание покинуть эти места. Наконец в начале мая она получила письмо от старинной приятельницы своей матери, у которой, хотя никогда ее не видела, давно уже наводила справки о работе; она писала, что на молочной ферме где-то на юге требуется опытная доильщица и что фермер охотно наймет ее на летние месяцы.

Ехать приходилось не так далеко, как хотелось бы Тэсс, но, пожалуй, и такое расстояние было достаточно, если вспомнить, как мал был радиус того круга, в котором она жила и где ходила о ней молва. Для людей, замкнутых в узких границах, мили равны географическим градусам, приходы — графствам, а графства — провинциям и государствам.

У нее было одно твердое решение: в мечтах и делах новой ее жизни не будет больше никаких д'эрбервилльских воздушных замков. Она — доильщица Тэсс, и только. Хотя ни слова не было об этом сказано, но мать прекрасно понимала чувства Тэсс и больше не заикалась о предках-рыцарях.

Однако такова человеческая непоследовательность: новое место представляло для нее интерес отчасти и потому, что оно находилось близ родной земли ее предков (ибо они не были уроженцами Блекмура, тогда как мать ее была родом из Блекмура). Мыза Тэлботейс, куда она ехала, была расположена неподалеку от одного из бывших поместий д'Эрбервиллей, по соседству с большими фамильными склепами ее прабабок и их могущественных супругов. Она получит возможность поглядеть на них и подумать о том, что не только д'Эрбервилль пал, подобно Вавилону, но и невинность смиренного потомка может пасть столь же неприметно. Но в то же время она размышляла о том, не ждет ли ее удача в стране ее предков, и какая-то неведомая сила бурлила в ней, как весенний древесный сок. Это вновь воспрянула ее нерастроченная юность, неся с собой надежду и непобедимый инстинкт, влекущий к радости.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

XVI

В благоухающее тмином майское утро, когда птицы высиживают птенцов, через два с половиной года после возвращения из Трэнтриджа, — время неприметного восстановления душевных сил Тэсс Дарбейфилд, — она вторично покинула родной дом.

Уложив свои вещи так, чтобы их могли прислать ей позднее, она выехала в наемной двуколке в маленький городок Стоуркэстл, которого не могла миновать на своем пути, увозящем ее в сторону, почти противоположную той, куда поехала она в первый раз. На склоне ближнего холма она оглянулась и посмотрела на Марлотт и родительский дом с сожалением, хотя ее стремление уехать было велико.

Вероятно, ее родные там будут жить по-прежнему, не замечая, что радости у них стало меньше, так как Тэсс теперь далеко и они лишены ее улыбки. Пройдет несколько дней, и дети будут играть так же весело, как и раньше, не чувствуя после ее отъезда, что им чего-то не хватает. По ее мнению, эта разлука с младшими детьми должна была пойти им на пользу: останься она — и, пожалуй, не столько ее наставления могли бы принести им добро, сколько ее пример послужить во зло.

Через Стоуркэстл она прошла, не останавливаясь, стремясь скорее достичь перекрестка шоссеиных дорог, где хотела дожидаться грузового фургона, ходившего на юго-запад, — железная дорога только опоясывала эту область, не пересекая ее. Пока она ждала, показался какой-то фермер в рессорной двуколке, ехавший в ту же сторону, куда направлялась и она; хотя он был ей незнаком, она приняла его предложение занять место рядом с ним, не подозревая, что он лишь отдавал дань ее красоте. Он ехал в Уэзербери, а оттуда она могла пройти пешком, вместо того чтобы ехать в фургоне через Кэстербридж.

После долгого переезда Тэсс остановилась в Уэзербери только для того, чтобы в полдень перекусить в коттедже,

который указал ей фермер. С корзиной в руках она отправилась дальше пешком, к поросшему вереском широкому плоскогорью, которое отделяло эту область от низменных лугов дальней долины, где находилась молочная ферма — конечная цель ее паломничества.

Тэсс никогда не бывала в этих местах и, однако, чувствовала, что этот пейзаж для нее родной. Слева, не очень далеко, заметила она темное пятно и, наведя справки, утвердилась в своих предположениях: это были деревья, окружавшие Кингсбир, а в церкви этого прихода погребены были кости ее предков — ненужных ей предков.

Теперь Тэсс несколько не восхищалась ими, она почти ненавидела их за то, что они довели ее до беды; из всего того, что когда-то им принадлежало, у нее сохранились только старая печать и ложка.

«Вздор! Материнского во мне столько же, сколько и отцовского! — сказала она себе. — Вся моя красота от матери, а она была простой доильщицей».

Путь по холмам и низменностям Эгдона, когда она до них добралась, оказался гораздо более трудным, чем она предполагала, хотя нужно было пройти всего несколько миль. Много раз она сбивалась с дороги и лишь через два часа поднялась на вершину холма, возвышающегося над долиной, которую она отыскивала, — долиной Больших Мыз, где молочных продуктов так много, что они прокисают, и где получают их больше, хотя, пожалуй, хуже качеством, чем у нее на родине, — зеленой долиной, столь щедро орошаемой рекой Вар, или Фрум.

Эта долина была совсем не похожа на долину Малых Мыз — Блекмурскую, которую одну только и знала до сей поры Тэсс, если не вспоминать о злополучном ее пребывании в Трэнтридже. Здесь мир был представлен в более крупном масштабе. Огороженные пастбища занимали не десять, а пятьдесят акров, фермы были больше, рогатый скот ходил здесь стадами, повсюду паслись коровы, — никогда еще не приходилось ей видеть их такое множество. Зеленый луг был усеян ими так же густо, как холсты ван Альслота или Саллерта усеяны бюргерами. Густые тона рыжих и бурых коров поглощали вечерний солнечный свет, а белые коровы отражали лучи, ослепляя Тэсс, хотя стояла она на дальнем холме.

Вид с высоты птичьего полета, пожалуй, не отличался такой яркой красотой, как тот, другой, столь хорошо ей знакомый; зато он был веселее. Этой долине не хватало синего воздуха Блекмура, его тучных пашен и густых ароматов; здесь воздух был чистый, бодрящий, легкий. И даже река, питавшая траву и коров с прославленных мыз, текла не так, как ручьи в Блекмуре. Те были медлительны, безмолвны, часто мутны и струились по илистому руслу, где человек, неосторожно переправляющийся вброд, мог увязнуть и погибнуть, застигнутый врасплох. Воды Вара, прозрачные, как Река Жизни, уви-

денная евангелистом, были стремительны, словно облака, и что-то лепетали небесам с утра до ночи на усыпанных галькой отмелях. Там росла водяная лилия, здесь — лютик.

Перемена ли воздуха на нее подействовала — легкого здесь и тяжелого там — или сознание, что находится она в новом краю, где никто не смотрит на нее недоброжелательно, но только Тэсс вдруг стало удивительно хорошо на душе. Надежды ее слились с солнечным светом в идеальную фотосферу, окружившую ее, когда она вприпрыжку побежала навстречу теплему южному ветру. В каждом его дуновении слышался ей ласковый голос, и в каждом звуке птичьих голосов, казалось, таилась радость.

Лицо Тэсс за последнее время изменилось, привыкнув отражать смену ее настроений; иногда оно бывало прекрасным, иногда неприметным — в зависимости от того, радостные или мрачные мысли посещали ее в тот день. Сегодня была она розовой и безупречно красивой, завтра — бледной и трагической. Тэсс розовая чувствовала меньше, чем Тэсс бледная; более совершенная ее красота соответствовала менее созерцательному настроению; более возвышенное настроение — менее совершенной красоте. Сейчас, подставив лицо южному ветру, она была физически прекраснее, чем когда бы то ни было.

Тэсс овладело непреодолимое, всепоглощающее инстинктивное стремление обрести радость, которым проникнуто все живое как на низших, так и на высших ступенях развития. Она была молодой двадцатилетней женщиной, духовный и эмоциональный рост которой еще не завершился, и ни одно событие не могло наложить на нее печать, не изгладимую с течением времени.

Настроение ее становилось все радостней, в сердце расцветали надежды. Она попробовала было петь баллады, но нашла, что они не подходят к этой минуте. Потом, вспомнив о псалтыре, по страницам которого воскресным утром так часто блуждали ее глаза до той поры, пока не вкусила она плода от древа познания, Тэсс запела:

«Солнце и луна... все звезды света... дерева плодоносные... птицы крылатые... звери и всякий скот... сыны человеческие... да хвалят господа и славословят его вовеки!»

Вдруг она запнулась и прошептала:

— Но, может быть, я еще не совсем знаю бога?

И, вероятно, это полусознательное песнопение было фетишистским излиянием в монотеистической оправе; женщины, которые постоянно живут на лоне природы, среди ее образов и стихий, сохраняют в душе гораздо больше языческих представлений своих далеких предков, чем догматов религии, которую исповедовали их отцы. Как бы там ни было, Тэсс нашла приблизительное выражение своих чувств в старом «Benedicite», которое лепетала с младенческих лет, и этого было достаточно. Величайшее удовлетворение испытывала она от маленького

первого шага, сделанного для того, чтобы самостоятельно добывать средства к жизни,— и в этом отчасти сказывалась натура Дарбейфилдов. Тэсс действительно хотела идти прямой дорогой, тогда как у ее отца и в мыслях такого не было, но сходство между ними заключалось в том, что и она довольствовалась быстрыми и маленькими успехами и не желала трудиться для того, чтобы подняться на одну-две ступени социальной лестницы,— а только на это и могла теперь рассчитывать обедневшая семья, происходившая от некогда могущественных д'Эрбервиллей.

Правда, оставалась еще энергия матери, чей род не растратил своих сил, а также естественная энергия молодости, вновь вспыхнувшая после испытания, которое на какое-то время совсем придавило Тэсс. Будем говорить честно: как правило, женщины, пережив подобный позор, вновь обретают бодрость и снова с интересом озираются вокруг себя. Пока есть жизнь, есть и надежда,— эта уверенность не так уж чужда «обманутым», как хотели бы нам внушить иные любезные теоретики.

И вот Тэсс Дарбейфилд, бодрая, горящая жаждой жизни, спускается по склонам Эгдона, все ниже и ниже, направляясь к мызе — цели своего паломничества.

Теперь окончательно проявился резкий и характерный контраст между двумя соперницами-долинами. Тайну Блекмура лучше всего можно было раскрыть с высоты окружающих его холмов. Чтобы раскрыть тайну долины, раскинувшейся перед Тэсс, нужно было спуститься в нее. Совершив это, Тэсс очутилась на зеленом ковре, который тянулся на восток и на запад до самого горизонта.

Река похитила у холмов и по кусочкам принесла в долину весь этот пласт земли, а теперь, обессиленная, состарившаяся, обмелевшая, струилась, извиваясь, среди некогда награбленной добычи.

Не зная, в какую сторону идти, Тэсс, словно муха на бесконечно длинном бильярде, стояла на зеленой равнине, замкнутой холмами, и для всего окружающего имела не большее значение, чем та же муха. Появление ее в мирной долине возбудило любопытство одной лишь цапли, которая опустилась на землю недалеко от тропы и, вытянув шею, глядела на Тэсс.

Вдруг вся долина огласилась протяжным зовом:

— Уао! Уао! Уао!

С востока на запад разнесся этот зов, и по всей долине залаяли собаки. Не о прибытии красавицы Тэсс извещала долина, но, по обыкновению своему, лишь о том, что настал час доения — половина пятого, когда фермеры начинают загонять коров.

Ближайшее к Тэсс рыже-белое стадо, которое флегматично ждало зова, устремилось теперь к постройкам, стоявшим в отдалении; между ног каждой коровы тяжело раскачивалось полное молоко вымя. Тэсс медленно следовала за стадом и,

пропустив его во двор, вошла в открытые ворота. Длинные, крытые соломой навесы тянулись вокруг загона, крыши, инкрустированные ярко-зеленым мхом, опирались на деревянные столбы, отполированные боками коров и телят, живших здесь в годы, давно минувшие и забытые столь основательно, что едва ли можно постигнуть глубину такого забвения. Между столбами выстроились дойные коровы, показывая зрителям зад, напоминающий круг на двух подпорках, через центр которого опускался хвост, двигавшийся, словно маятник. Солнце, закатываясь позади этого ряда терпеливых животных, четко отбрасывало тени их на внутреннюю стену. Каждый вечер очерчивало оно эти тени, вырисовывая контуры с такой аккуратностью, словно это был силуэт придворной красавицы на стене дворца, копировало их столь же усердно, как копировало много веков назад олимпийские фигуры на мраморных фасадах или профили Александра, Цезаря и фараонов.

В стойлах помещались наименее покладистые коровы. Тех, что согласны были стоять смиренно, доили посреди двора, а сейчас многие из этих наиболее примерных терпеливо ждали там своей очереди — великолепные дойные коровы, каких редко увидишь за пределами этой долины, да и здесь попадаются они не так уж часто, — коровы, вскормленные сочной травой, покрывающей заливные луга в весеннюю пору. Те, что были покрыты белыми пятнами, ярко отражали солнечный свет, а полированные медные наконечники на рогах сверкали, словно воинские каски. Вымя с набухшими венами висело, тяжелое, как мешок с песком, сосцы растопырились, как ноги цыганской клячи. И пока животные ждали, молоко медленно сочилось из сосцов и капало на землю.

XVII

Когда коровы вернулись с лугов, доильщицы и доильщики высыпали из своих домиков и молочной; хотя погода была хорошая, девушки надели патены, чтобы не запачкать башмаков в навозе. Каждая уселась на свою скамеечку, повернула голову и, прислонившись правой щекой к боку коровы, задумчиво смотрела на приближающуюся Тэсс. Мужчины в шляпах с опущенными полями сидели, прислонившись к коровам лбом, и потому не видели ее.

Один из них, коренастый мужчина средних лет, — длинный белый передник на нем был чище и тоньше, чем у других, а куртка имела вполне приличный, почти праздничный вид, — был владельцем мызы, которого разыскивала Тэсс. Шесть дней в неделю он доил коров и сбивал масло, а на седьмой день, надев суконную пару, шел в церковь, где его семья занимала отдельную скамью. Такие превращения послужили даже темой для стишка:

Шесть дней в неделю он — молочник Дик,
А в воскресенье — мистер Ричард Крик.

Заметив стоявшую у ворот Тэсс, он направился к ней.

В часы доения фермеры бывают обычно не в духе, но мистер Крик был рад заполучить новую работницу,— пора настала горячая. Поэтому он радушно поздоровался с ней, осведомился о здоровье ее матери и остальных членов семьи, хотя с его стороны это была простая вежливость, так как о существовании миссис Дарбейфилд он узнал только из короткого делового письма, в котором ему рекомендовали Тэсс.

— Ну что же, мальчишкой я хорошо знал твою округу,— сказал он в заключение,— хотя с той поры там не бывал. Одна девяностолетняя старуха — когда-то она жила здесь по соседству, но давным-давно умерла — говорила мне, что какая-то семья с фамилией вроде твоей живет в Блекмурской долине; переехала она туда из наших краев и будто бы ведет свое происхождение от древнего рода, который весь повымирал, хотя новые поколения этого и не знали. Ну да уж я, конечно, не обратил внимания на болтовню старухи.

— Да, это все пустое,— сказала Тэсс.

Потом заговорили о деле.

— А доить ты, милая, хорошо умеешь? Не хочется мне, чтобы в эту пору года у моих коров пропало молоко.

Она успокоила его на этот счет, а он осмотрел ее с головы до ног. Она мало выходила из дому, и у нее на щеках не было здорового румянца.

— А ты уверена, что выдержишь такую работу? Людям здоровым и привычным здесь неплохо, но мы ведь не в теплицах живем.

Она заявила, что сил у нее хватит, а усердие ее и желание работать, казалось, пришлись ему по вкусу.

— Не хочешь ли выпить чаю или поесть чего-нибудь, а? Не сейчас? Ну, как знаешь. Будь я на твоём месте, после такого долгого пути я бы высох, как сухарь.

— Я сейчас же начну доить,— сказала Тэсс,— чтобы скорее освоиться.

Она выпила немного молока, к большому удивлению, если не сказать — презрению фермера Крика, которому словно и в голову не приходило, что молоко может служить напитком.

— Ну, если оно тебе по вкусу, так пей на здоровье,— равнодушно сказал он, когда доильщик приподнял подойник, чтобы она могла напиться.— А я уж много лет к нему не притрагивался. Дрянное пойло, на желудок свинцом ложится. Начни-ка вот с этой,— добавил он, указывая на ближайшую корову.— Доить ее не так чтобы очень трудно. У нас, как и у других, есть коровы упрямые и коровы покладистые. Да ты и сама в этом скоро разберешься.

Когда Тэсс заменила шляпу чепчиком, уселась на скамеечку подле коровы и молоко брызнуло из-под ее пальцев в подойник, ей почудилось, что она и в самом деле заложила фундамент своей новой жизни. Уверенность эта принесла спо-

койствие, сердце ее стало биться медленнее, и она могла осмотреться по сторонам.

Доильщиков и доильщиц здесь было чуть ли не батальон: мужчины доили коров с тугими сосками, девушки — тех, с которыми легче было справиться. Мыза была большая. В хозяйстве Крика насчитывалось свыше сотни дойных коров, и хозяин доил собственноручно шесть — восемь из них, за исключением тех дней, когда отлучался с мызы. Выбирал он таких коров, которых особенно трудно было доить: его батраками-поденщиками были зачастую люди, нанятые случайно, и эту полдюжину коров он не доверил бы им, опасаясь, что по небрежности они не выдоят их до конца; девушки же не справились бы с этой работой, так как руки у них были недостаточно сильные, и в результате у коров пропало бы молоко. Беда не в том, что день-другой надой будет меньше, а в том, что чем меньше от коровы требуют молока, тем меньше она его дает, в конце концов совсем переставая доиться.

Когда Тэсс принялась за работу, болтовня во дворе смолкла на время, и слышалось лишь журчание молока, стекающего в подойники, да восклицания доильщиков, приказывающих корове повернуться или стоять смирно. Двигались, поднимаясь и опускаясь, только руки доильщиков, да коровы помахивали хвостами. Так работали эти люди среди широкого ровного луга, тянувшегося от края и до края долины, где пейзаж как бы сплавлен был из кусочков старых пейзажей, давно забытых и, несомненно, резко отличавшихся от нынешнего.

— Думается мне,— начал фермер, отходя от коровы, которую он только что выдоил, и направляясь со скамеечкой в одной руке и подойником в другой к следующей нераздоенной корове,— думается мне, что коровы дают сегодня молока меньше, чем обычно. Ей-богу, если Жмурка уже теперь начала удерживать молоко, ее к середине лета и доить не придется.

— А все потому, что пришла новая работница,— сказал Джонатэн Кейл.— Я это уже не раз примечал.

— Верно. Так оно и есть. Я и забыл об этом.

— Мне говорили, что молоко им в рога бросается,— вешалась одна из доильщиц.

— Ну, насчет того, чтобы оно им в рога бросалось,— отозвался фермер недоверчиво, словно признавая, что анатомия может ставить предел даже колдовским чарам,— насчет этого я не знаю... да, не знаю. И сомневаюсь, потому что безрогие коровы удерживают молоко так же, как и рогатые. А знаешь ты загадку о безрогих коровах, Джонатэн? Почему они дают меньше молока в год, чем рогатые?

— Я не знаю! — перебила доильщица.— Почему?

— А потому что их меньше, чем рогатых! — объявил Крик.— Но что там ни говори, а эти плутовки молоко сегодня удерживают. Придется вам, ребята, затянуть песню, другого лекарства нет.

На здешних мызах часто прибегают к пению, чтобы подбодрить коров, отказывающихся давать обычную порцию молока. И, повинуясь требованию хозяина, хор доильщиков затянул песню, правда, без особого воодушевления — и не особенно в лад. Однако, по их мнению, пока длилось пение, коровы давали молоко охотнее. Когда они бодро спели четырнадцать — пятнадцать куплетов баллады, повествующей об убийце, который боялся ложиться спать в темноте, потому что ему чудилось вокруг серное пламя, один из работников сказал:

— Когда поёшь, согнувшись в три погибели, дух перехватывает! Вот бы вы принесли свою арфу, сэр! Хотя в таких случаях скрипка куда лучше.

Тэсс, прислушиваясь к разговору, подумала, что слова эти обращены к хозяину мызы, но она ошиблась. Вопрос «почему?» донесся словно из живота бурой коровы в стойле: его задал доильщик, которого она еще не заметила.

— Да, да, скрипка лучше всего,— сказал хозяин.— Хотя на быков музыка действует сильнее, чем на коров,— так я слышал. Жил тут в Меллстоке один старик, звали его Уильям Дьюи. Он был из той семьи, что занималась в наших краях извозным промыслом; помнишь, Джонатэн? Я, можно сказать, знал его в лицо не хуже, чем родного брата. Ну так вот, возвращается этот человек домой со свадьбы,— он там на скрипке играл,— а ночь светлая, лунная, и, чтобы сократить дорогу, пошел он наперерез по лугу, что зовется Сорок Акров, а на этот луг выпустили пастись быка. Увидел бык Уильяма, рога опустил к земле и погнался за ним. И хотя Уильям бежал во всю прыть,— да и выпил он не так уж много, если принять в расчет, что был на свадьбе, да еще у людей зажиточных,— но все-таки он видит: не успеть ему добежать до изгороди и перелезть через нее. И вот в последнюю минуту его осенило: вытащил он на бегу свою скрипку, повернулся лицом к быку и, пятясь к изгороди, заиграл джигу. Бык смягчился, стоит смиренно и смотрит в упор на Уильяма Дьюи, а тот знай нажаривает; и тут бык вроде как улыбнулся. Но как только Уильям опустил скрипку и повернулся, чтобы перелезть через изгородь, бык перестал улыбаться и — рога вниз: целится ему в зад. Пришлось Уильяму опять повернуться и — хочешь не хочешь — играть. А было только три часа утра, и он знал, что этой дорогой долго никто не пройдет; он устал и измучился до смерти и не знал, что делать. Пиликал он этак часов до четырех, чувствует, что скоро ему крышка, и говорит себе: «Одна только песенка мне и осталась, а там — поминай как звали. Если господь не сжаляется, тут мне и конец».

И тут вдруг припомнилось ему, что он своими глазами видел, как в рождественский сочельник всякая скотина преклоняет в полночь колени. Правда, это был не сочельник, но ему пришло в голову оставить быка в дураках. Вот он и заиграл гимн, тот самый, что поют под рождество. А тут глядь — бык в неведении своем преклоняет колени, словно и вправду был сочельник. Как только рогатый его приятель бухнул на колени, Уильям повернулся, пустился, как гончая, наутек и перемахнул через изгородь раньше, чем молящийся бык успел встать и погнаться за ним. Уильям после говаривал, что частенько приходилось ему видеть у людей дурацкие рожи, но никогда он не видел такой глупой морды, как у этого быка, когда тот понял, что над его благочестивыми чувствами надругались и сегодня вовсе не сочельник... Да, Уильям Дьюи — вот как его звали, и я могу точно указать место на меллстокском кладбище, где он сейчас лежит,— как раз между вторым тисовым деревом и северным приделом.

— Любопытная история. Она возвращает нас к средневековью, когда вера была еще живой.

Слова эти, несколько необычные на скотном дворе, произнес человек, скрытый бурой коровой, но они прошли незаме-

ченными, так как никто их не понял, и только рассказчику показалось, будто они выражают недоверие к его рассказу.

— А все-таки это сущая правда, сэр. Я его хорошо знал.

— В этом я несколько не сомневаюсь,— отозвался голос из-за бурой коровы.

Таким образом, внимание Тэсс было привлечено к собеседнику хозяина, но она почти его не видела, так как он упирался головой в бок коровы. Она не могла понять, почему даже хозяин мызы называет его «сэр». Но найти объяснение было нелегко; он долго не отходил от своей коровы — за это время можно было выдоить трех,— и изредка слышались невнятные восклицания, словно работа не ладилась.

— Полегоньку, сэр, полегоньку,— сказал хозяин.— Тут не сила нужна, а сноровка.

— Это верно,— отозвался тот, наконец вставая и потягиваясь.— И все-таки я с ней справился, хотя у меня и заняли пальцы.

Теперь Тэсс увидела его во весь рост. На нем был обыкновенный белый фартук и кожаные гетры, какие надевают фермеры во время доения, а башмаки были облеплены навозом. Однако это был лишь рабочий костюм, облакавший человека образованного, сдержанного, задумчивого, непохожего на окружающих.

Но эти внешние черты стерлись для нее, когда она внезапно поняла, что видела его раньше. С тех пор ей пришлось пережить столько горя, что она не сразу вспомнила, где они встречались. И вдруг всплыло одно воспоминание: это был прохожий, плясавший на клубном празднике в Марлотте,— незнакомец, который явился неведомо откуда, танцевал не с ней, а с другими, пренебрег ею, а потом ушел со своими друзьями.

Поток воспоминаний, вызванных этой встречей, напомнившей о том, что случилось еще до всех ее невзгод, пробудил в ней мимолетную тревогу: что, если незнакомец, в свою очередь, ее вспомнит и так или иначе узнает ее историю? Но тревога рассеялась, когда Тэсс убедилась, что он не сохранил о ней никаких воспоминаний. Постепенно она разглядела, что со времени их первой и единственной встречи выразительное его лицо стало серьезнее, появились холеные усы и бородка; на щеках волосы были русые, на подбородке — светло-каштановые. Под полотняным его фартуком была надета темная вельветовая куртка, штаны из полосатого бумажного бархата, гетры и белая крахмальная рубашка. Не будь на нем костюма доильщика, никто бы не угадал, кто он такой. С одинаковой вероятностью его можно было принять и за эксцентричного помещика, и за зажиточного фермера. Что доильщиком он был еще непонятным, она догадалась тотчас же по тому, сколько времени он доил одну корову.

Между тем многие доильщицы высказали свое мнение о новой работнице: «Какая она миленькая!» — высказали с непод-

дельным восхищением и великодушием, хотя втайне надеялись, что остальные будут возражать; и, говоря по правде, возражения были бы оправданны, так как эпитет «миленькая» лишь приблизительно определял то, что привлекало внимание в Тэсс. Когда было покончено с вечерним доением, работники побрели в дом, где миссис Крик, жена фермера — особа слишком респектабельная для того, чтобы собственноручно доить коров, и носившая в жаркую погоду теплое шерстяное платье, потому что работницы ходили в ситцевых, — наблюдала за тем, как молоко сливалось в жбаны, и за другими мелочами.

Тэсс узнала, что только две-три девушки, кроме нее, спали на мызе: большинство расходилось по домам. За ужином она не видела странного доильщика, который высказал свое замечание по поводу рассказа Крика, и не расспрашивала о нем, посвятив конец вечера устройству своего уголка в спальне. Это была большая комната, около тридцати футов в длину, помещавшаяся над молочной; здесь же находились постели трех других работниц. Эти цветущие молодые девушки были, за исключением одной, старше Тэсс. Когда пришло время ложиться, Тэсс успела так устать, что заснула мгновенно.

Но девушке, занимавшей соседнюю кровать, не спалось, и ей во что бы то ни стало хотелось рассказать Тэсс о жизни, которую она должна была теперь с ними разделить. Произносимые шепотом слова сливались с тенями, и дремлющей Тэсс чудилось, что порождены они тьмой, из которой доносятся.

— Мистер Энджел Клэр — тот, что изучает молочное хозяйство и играет на арфе, — почти не разговаривает с нами. Он сын священника и слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на девушек. Сейчас он поступил в учение к хозяину мызы — изучает все отрасли сельского хозяйства. На другой ферме он уже изучил овцеводство, а здесь учится молочному хозяйству... Да, он настоящий джентльмен. Его отец — священник мистер Клэр из Эмминстера, за много миль отсюда.

— А, я о нем слыхала, — сказала одна из проснувшихся товарок. — Кажется, он очень ревностный священник?

— Да, что верно, то верно: самый ревностный во всем Уэссексе. Мне говорили, что он один остался верным Низкой церкви, — в этих краях все принадлежит к Высокой. А все его сыновья, кроме нашего мистера Клэра, тоже священники.

В этот поздний час Тэсс не любопытствовала спросить, почему мистер Клэр не пошел, по примеру своих братьев, в священники. Она снова заснула, и голос товарки смешался с запахом сыров на смежном чердаке и мерным капаньем сыворотки из-под прессов внизу.

ХVIII

Энджел Клэр встает из прошлого как образ еще не отчетливый. Выразительный голос, пристальный взгляд рассеянных глаз, нервный рот, пожалуй, слишком маленький и изящно очерченный для мужчины, хотя иногда в очертаниях нижней губы намечается твердая линия, и этого достаточно, чтобы не заподозрить его в нерешительности. Впрочем, какая-то мечтательность, внутренняя сосредоточенность в манерах его и взгляде заставляет предполагать, что этот человек ни к чему особенно не стремится и не заботится о своем материальном благополучии. Однако когда он был подростком, о нем говорили, что он мог бы добиться всего, стоило только ему попытаться.

Он был младшим сыном бедного священника, жившего в другом конце графства, а на мызу Тэлботейс приехал на полгода в качестве ученика, после того как побывал на нескольких фермах. Он намеревался изучить на практике все отрасли фермерского хозяйства, чтобы отправиться затем в колонии или арендовать ферму на родине — в зависимости от обстоятельств.

Вступая в ряды земледельцев и скотоводов, молодой человек делал шаг, неожиданный и для себя, и для окружающих.

Мистер Клэр-старший, первая жена которого умерла, оставив ему дочь, под старость женился вторично. Вторая жена несколько неожиданно подарила ему трех сыновей, так что между младшим, Энджелом, и его отцом-священником, казалось, не хватало целого поколения. Из этих трех сыновей один только Энджел, дитя его старости, не окончил университета, хотя только он подавал в детстве надежды сделать блестящую карьеру ученого.

Года за три до появления Энджела на празднике в Марлотте, когда он, окончив школу, продолжал занятия дома, священник получил от местного книготорговца пакет, адресованный на имя его преподобия Джеймса Клэра. Священник, вскрыв пакет, извлек книгу, но, просмотрев несколько страниц, вскочил со стула и отправился прямо в книжную лавку, держа книгу под мышкой.

— Зачем вы прислали мне это? — сурово спросил он, показывая книгу.

— Она была заказана, сэр.

— По счастью, не мною и не моими домочадцами.

Книготорговец заглянул в книгу заказов.

— Ах, ее неправильно адресовали, сэр,— сказал он.— Она заказана мистером Энджелом Клэром, и ее должны были послать ему.

Мистер Клэр вздрогнул, словно его ударили. Домой он вернулся бледный, расстроенный и позвал Энджела к себе в кабинет.

— Загляни-ка в эту книгу, мой мальчик,— сказал он.— Что тебе известно о ней?

— Я ее выписал,— просто ответил Энджел.

— Зачем?

— Чтобы прочесть.

— Как тебе могла прийти в голову подобная мысль?

— А что в этом такого? Это изложение философской системы. Вряд ли найдется на книжном рынке более нравственное и даже более религиозное сочинение.

— Да, нравственное — пожалуй, этого я не отрицаю. Но религиозное! И это говоришь ты — человек, намеревающийся стать служителем церкви.

— Раз уж ты затронул этот вопрос, отец,— перебил сын, и на лице его отразилось волнение,— то я хочу сказать раз навсегда, что предпочел бы не идти в священники. Боюсь, что по совести не могу этого сделать. Я люблю церковь, как родную мать. Я всегда буду чувствовать теплую привязанность к ней, ее история вызывает у меня глубокое восхищение, но совесть не позволяет мне принять, как это сделали мои братья, духовный сан, пока церковь не желает освободить дух свой от несостоятельного учения об искуплении.

Простодушному и прямолинейному священнику и в голову не приходило, чтобы его сын, его плоть и кровь, мог дойти до этого. Он был ошеломлен, возмущен, он онемел. Если Энджел не намерен стать служителем церкви, то какой смысл посылать его в Кембридж? Для этого человека, жившего в мире твердых представлений, университетское образование, не ведущее к принятию духовного сана, было то же, что предисловие к ненаписанной книге. Он был человек не только религиозный, но и благочестивый, глубоко верующий — не в том смысле, в каком уклончиво толкуют эти слова всякие шарлатаны в церкви и вне ее, он в старинном пламенном духе евангельской школы. И этот человек

Был убежден,
Что восемнадцать минуло веков
С тех пор, как в мир
Воистину предвечный...

Отец Энджела прибег к аргументам, уговорам, мольбам.

— Нет, отец, я не могу принять догмат четвертый (не говоря уж обо всех остальных) «в буквальном и грамматическом его смысле», как того требует Декларация, и потому не могу быть священником,— сказал Энджел.— В вопросах религии всем существом своим я склоняюсь к очищению или, цитируя твое любимое Послание к евреям, «к изменению колеблемого, как сотворенного, чтобы пребывало непоколебимое».

Отец был так удручен, что Энджелу больно было смотреть на него.

— Зачем же мы с матерью сэкономили и во всем себе отказывали, чтобы дать тебе университетское образование, если оно не послужит во славу божию? — твердил отец.

— Но оно может послужить во славу человека, отец!

Может быть, если бы Энджел настаивал, он, подобно своим братьям, и поступил бы в Кембридж, но взгляд отца на этот храм науки только как на ступень к принятию сана являлся семейной традицией, и так глубоко укоренилась в его мозгу эта мысль, что чувствительному его сыну стало казаться, будто упорство будет сродни намерению обмануть доверие и обидеть благочестивых домочадцев, которые, как намекнул отец, принуждены были во многом себе отказывать, чтобы выполнить задуманный план — дать одинаковое образование трем молодым людям.

— Я обойдусь без Кембриджа, — сказал Энджел. — Я чувствую, что при данных обстоятельствах не имею права поступить туда.

Результаты этого решающего спора не заставили себя ждать. Время шло, а Энджел без всякой системы переходил от одного занятия к другому, строил планы и размышлял. Он начал проявлять равнодушие к взглядам и традициям общества, в нем развивалось презрение к привилегиям, какие давали общественное положение и богатство. Даже «добрая старая семья» (излюбленное выражение покойного и весьма достойного старца, жившего в тех краях) утратила для него всякое очарование, поскольку среди членов ее не было людей, воодушевленных новыми идеями. Как бы в противовес этим суровым убеждениям, он едва не потерял голову, когда поехал в Лондон посмотреть, что представляет собой мир, а потом избрать какую-нибудь профессию, или дело, и чуть было не попал в сети женщины, значительно старше его, но, к счастью, благополучно ускользнул, не слишком пострадав от этого приключения.

Уединенная деревенская жизнь, — к ней он с детства привык, — породила в нем непобедимое, почти безрассудное отвращение к современной городской жизни и преградила ему путь к успехам, о которых он мог бы мечтать, избрав какую-нибудь светскую профессию, раз духовная была для него закрыта. Но что-то нужно было делать. Один из его знакомых успешно занимался сельским хозяйством в колониях, и Энджелу пришло в голову, что этот путь может оказаться правильным. Сделаться фермером в колониях, в Америке или на родине, но лишь после того, как он пройдет хорошую школу и изучит это дело на практике, — вот профессия, которая, быть может, дарует независимость, не требуя, чтобы он ради нее пожертвовал тем, что ценит выше материальной обеспеченности, — а именно: интеллектуальной свободой.

Вот почему Энджел Клэр в двадцать шесть лет занимался изучением ухода за рогатым скотом, и так как поблизости не было домов, где бы он мог устроиться с удобствами, то он жил и столовался у фермера.

Он занимал огромную мансарду, куда попасть можно было только по приставной лестнице, с чердака для сыров; долгое

время, пока не явился Энджел и не избрал ее своим убежищем, она была заперта. Здесь ему был простор; и когда весь дом укладывался спать, работники частенько слышали, как он шагает взад и вперед. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой стояла его кровать, другая, скромно меблированная, служила гостиной.

Сначала он проводил время в мансарде, много читал и перебирал струны старой арфы, купленной на аукционе. Когда он бывал в дурном настроении, он говорил, что, быть может, ему еще придется арфой зарабатывать на хлеб насущный — стать уличным музыкантом. Но вскоре он предпочел книгам людей и стал завтракать и обедать внизу, в общей кухне-столовой вместе с фермером, его женой и работниками. Компания была большая, так как почти все работники столовались у фермера, хотя ночевали на ферме немногие. Чем дальше, тем больше Клэр привыкал к своим сотоварищам, и ему все больше нравилась их совместная жизнь.

К великому его удивлению, общение с ними начало доставлять ему неподдельное удовольствие. Его представление о работниках, как о подобиях жалкой фигуры анекдотического Ходжа, было через несколько дней предано забвению. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Ходжа не существует. Правда, вначале, когда еще свежо было воспоминание о совсем ином обществе, эти новые знакомцы производили на него довольно странное впечатление, и быть на равной ноге с домочадцами фермера казалось чем-то унижительным. Их взгляды, обычаи, интересы представлялись ему отсталыми и бессмысленными. Но, тесно соприкасаясь с ними изо дня в день, Клэр — зоркий наблюдатель — увидел их в ином свете. Никакой реальной перемены не произошло, но однотонность уступила место разнообразию. Хозяин и его домочадцы, его работники и доильщицы, по мере того как Клэр узнавал их ближе, стали выделяться из общей безликой массы, словно происходил какой-то химический процесс. Тогда он понял мысль Паскаля:

«A mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve qu'il y a plus d'hommes originaux. Les gens du commun ne trouvent pas de différence entre les hommes»¹.

Ходж как тип, всегда неизменный, перестал существовать. Он распался на множество различных людей, на многих индивидуумов, мыслящих каждый по-своему, непохожих друг на друга, иногда счастливых, чаще философски спокойных, порой несчастных; попадались среди них и обладатели высоких талантов, если не гениальности, и глупцы, и развратники, и аскеты; одни были Мильтонами, чей дар не находил себе выражения, другие в иных условиях оказались бы Кромвелями; каждый имел о другом определенное мнение, подобно тому как Энджел

¹ Чем больше умнеешь, тем больше находишь оригинальных людей. Человек заурядный не замечает различия в людях (*фр.*)

составлял себе мнение о своих друзьях; эти люди тоже хвалили либо осуждали друг друга, развлекались либо печалились, наблюдая чужие слабости и пороки, и каждый по-своему шел своей стезей, ведущей к смерти.

Неожиданно начал он находить прелесть в жизни на чистом воздухе ради нее самой и ради того, что давала она ему, независимо от ее влияния на избранную им карьеру. Чудесным образом — если принять во внимание его положение — он избавился от той хронической меланхолии, которая овладевает цивилизованными народами по мере того, как они утрачивают веру в высшую благодетельную силу. Впервые за последние годы он получил возможность читать книги, которые его интересовали, не заботясь о том, чтобы извлекать из них сведения, необходимые для какой-либо профессии, а руководства по сельскому хозяйству, с какими он считал нужным ознакомиться, отнимали мало времени.

Он отошел от прежнего мирозерцания и увидел нечто новое в жизни и человеке. И к тому же он близко познакомился с теми явлениями, о каких имел до сей поры лишь смутное представление, — познал настроение времен года, утра и вечера, ночи и полудня, изменчивый нрав ветра, познал деревья, воды и туманы, тени и тишину, болотные огоньки, созвездия и голоса неодушевленных предметов.

По утрам бывало еще свежо, и в большой комнате, где все завтракали, в очаге пылал огонь. Энджел Клэр, по распоряжению миссис Крик, твердившей, что он слишком благородного происхождения, чтобы сидеть с ними за одним столом, завтракал обычно в углу возле очага, а его чашка с блюдцем и тарелка ставились на откидную полочку, приделанную рядом. Свет из большого окна напротив падал в его уголок, смешиваясь с холодными синеватыми отблесками из широкой трубы над очагом, так что он мог читать, если ему хотелось. Между Клэром и окном находился стол, за которым завтракали его товарищи, и их профили с жующими челюстями четко рисовались на фоне окна. Сзади находилась дверь, ведущая в молочную, и видны были ряды прямоугольных жбанов, наполненных до краев утренним молоком. В дальнем ее конце, стуча, вращалась гигантская маслобойка, приводимая в движение ленивой лошадей, которую можно было видеть в окно: она ходила по кругу, погоняемая мальчиком.

Первые дни после приезда Тэсс Клэр, просматривая книгу, журнал или ноты, только что полученные по почте, почти не замечал ее присутствия за столом. Говорила она так мало, а ее товарки так много, что в их болтовне он не расслышал новой нотки; вдобавок он имел обыкновение пренебрегать деталями картины ради общего впечатления. Но однажды, изучая партитуру и мысленно воспроизводя мелодию, он вдруг отвлекся, и ноты упали рядом с очагом. Он посмотрел на раскаленные головни, под которыми одинокий язык пламени отплясывал

пляску смерти, так как с утренней стряпней было уже покончено, и ему показалось, что пламя танцует джигу под аккомпанемент мелодии, звучавшей в его ушах. Посмотрел он и на два покрытых хлопьями сажи крюка, свешивавшихся над очагом с поперечного бруса, которые вздрагивали в такт музыке, посмотрел на чайник, пустой до половины и жалобно подпевавший ему в тон. Разговор за столом также сливался с этим фантастическим оркестром, и у Клэра вдруг мелькнула мысль: «Какой певучий голос у одной из работниц! Кажется, это новенькая».

Клэр повернулся и взглянул туда, где она сидела вместе с остальными.

Она не смотрела в его сторону. Он так долго молчал, что о его присутствии, в сущности, почти забыли.

— О привидениях я ничего не знаю,— говорила она,— но знаю, что душа может выйти из тела еще при нашей жизни.

Хозяин с набитым ртом повернулся к ней и смотрел на нее серьезно и вопросительно, а огромные его нож и вилка (завтрак здесь был нешуточным) торчали перпендикулярно к столу, словно недостроенная виселица.

— Да ну? Как же это так, милая? — спросил он.

— Это очень легко почувствовать,— продолжала Тэсс,— нужно только лечь ночью на траву и смотреть прямо в небо, на какую-нибудь яркую звезду и думать о ней все время, и тогда почувствуешь, что находишься за сотни миль от своего тела и оно тебе как будто совсем не нужно.

Фермер, в упор смотревший на Тэсс, перевел взгляд на свою супругу.

— Чудное дело, а, Кристиана? И подумать только, сколько миль я отмахал по ночам за последние тридцать лет, еще когда за тебя сватался, или торговать ходил, или за доктором да за повитухой бегал,— и до сей поры даже не подозревал о такой штуке. И ни разу не почувял, чтобы моя душа хоть на дюйм поднялась над воротничком.

Чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, не исключая и хозяйского ученика, Тэсс вспыхнула и, сказав небрежно, что это лишь ее фантазия, снова принялась за еду.

Клэр продолжал наблюдать за ней. Она покончила с завтраком и, сознавая, что Клэр на нее смотрит, начала чертить указательным пальцем какие-то узоры на скатерти, смущаясь, словно домашнее животное, которое чувствует на себе пристальный взгляд.

«Эта девушка — настоящее дитя природы!» — подумал Клэр.

И тогда ему почудилось в ней что-то знакомое, что-то уносившее его назад, в радостное и беззаботное прошлое, когда необходимость строить жизненные планы еще не затянула небосвода серой дымкой. Он пришел к заключению, что видел ее раньше: где — он не мог припомнить; должно быть, встретил случайно, проходя какую-нибудь деревню, но это его и не инте-

ресовало. Однако этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы он начал отдавать предпочтение Тэсс перед другими хорошенькими работницами, когда ему хотелось полюбоваться женской красотой.

XIX

Обычно коров доили всех подряд, не делая выбора. Но иные коровы предпочитают какие-нибудь одни руки, а иногда пристрастие их доходит до того, что они не подпускают к себе никого, кроме своего любимца, и бесцеремонно опрокидывают чужой подойник.

Фермер Крик, поставив себе за правило бороться с этими симпатиями и антипатиями, постоянно перемещал доильщиков, — иначе он мог бы очутиться в затруднительном положении в случае ухода кого-нибудь из них. Но девушки исподтишка стремились к тому, чтобы нарушить это правило, и каждая доильщица выбирала восемь — десять коров, к которым уже привыкла, благодаря чему легко могла их выдоить, не затрачивая сил.

Тэсс, как и ее товарки, быстро обнаружила, какие коровы оказывают предпочтение ее манере доения, и охотно выбирала бы их, так как за последние два-три года слишком часто сидела безвыходно дома и руки ее стали нежными. Из ста пяти коров восемь — Толстуха, Причудница, Гордячка, Дымка, Старая Красотка, Молодая Красотка, Опрятная и Горластая — отдавали ей свое молоко с такой готовностью, что Тэсс достаточно было прикоснуться пальцами к вымени, хотя у одной или двух сосцы были твердые, как морковь. Зная, однако, желание хозяйина, она добросовестно старалась доить без разбора всех, кроме самых трудных, с которыми еще не могла справиться.

Но вскоре она заметила, что порядок, в каком бывали расположены коровы, странным образом совпадает с ее желаниями, и наконец пришла к определенному выводу: это не могло быть делом случая. Последнее время хозяйский ученик помогал выстраивать коров в ряд, и на пятый или шестой раз Тэсс, усевшись возле коровы, повернулась и посмотрела на него с лукавым недоумением.

— Мистер Клэр, вы расставили так коров нарочно! — сказала она, краснея.

Когда она высказала это обвинение, легкая улыбка скользнула по ее лицу и, помимо ее воли, верхняя губа слегка приподнялась, приоткрыв кончики зубов, а нижняя осталась сурово неподвижной.

— Это не имеет никакого значения, — ответил он. — Вы ведь отсюда не уйдете и всегда будете их доить.

— Вы так думаете? Я бы этого *очень хотела*. Но как можно утверждать заранее?

Потом она рассердилась на себя: не зная, что у нее были серьезные основания искать этой уединенной жизни, он мог неправильно истолковать ее слова. Она говорила с таким жаром, словно ее желание остаться на ферме вызвано было отчасти и его присутствием. Ее недовольство собой было столь велико, что в сумерках, когда все коровы были выдоены, она ушла в сад и продолжала сетовать, зачем дала она ему понять, что его заботливость не прошла незамеченной.

Был летний июньский вечер, и воздух был так упоительно прозрачен и тих, что неодушевленные предметы, казалось, наделены были двумя или тремя, если не пятью, чувствами. Разница между близким и дальним стерлась, близким было все в пределах горизонта. Тишина казалась не простым отрицанием шума, но какой-то особой субстанцией. Ее нарушили звуки арфы.

Тэсс и раньше слыхала эту музыку в мансарде, над своей головой. Неясная, приглушенная, сдавленная стенами, она никогда не производила на нее такого впечатления, как теперь, когда чистая, словно нагая, мелодия парила в неподвижном воздухе. В сущности, и инструмент и исполнение были плохи, но все в мире относительно, — и Тэсс, словно зачарованная птица, слушала и не могла наслушаться. Вместо того чтобы уйти, она подошла ближе к музыканту, прячась от него за изгородью.

Дальний конец сада, где находилась Тэсс, в последние годы оставался запущенным; здесь было сыро от густо разросшейся сочной травы, над которой от малейшего прикосновения вздымались облачка пыльцы; здесь цвели высокие сорняки, распространяя резкий аромат, и эти красные, желтые и пурпурные цветы являли такую же яркую красочную гамму, как цветы садовые. Тэсс красась по этим зарослям, как кошка, пачкая юбку в «кукушкиных слезках», давя слизняков, попадавших под ноги, пятная пальцы соком чертополоха и слизью улиток, стирая обнаженными руками липкую плесень с древесных стволов, белоснежную на яблонях, но оставлявшую ярко-красные пятна на коже. Наконец, не замеченная Клэрром, она подошла к нему совсем близко.

Тэсс потеряла представление о времени и пространстве. Тот экстаз, какой, по ее словам, можно было вызвать, глядя пристально на звезду, овладел ею теперь помимо ее воли. Тихие звуки старой арфы баюкали ее, как волны, и мелодия, лаская, словно ветерок, вызвала на глазах слезы. Носившаяся в воздухе цветочная пыльца казалась звуками, ставшими доступными зрению, а сырость в саду — слезами чутких растений. Хотя надвинулись сумерки, резко пахнущие цветы словно пламенели в напряженном внимании, не смыкая своих лепестков, и волны красок сливались с волнами звуков.

Лучи света, еще не угасшего, вырывались из широкого разрыва в западной гряде облаков, и казалось, там случайно остался осколок дня, когда вокруг уже спустились сумерки.

Клэр закончил жалобную мелодию, очень простую и не требующую большого искусства, а она ждала, надеясь, что он сыграет еще что-нибудь. Но ему надоело играть, и, рассеянно обогнув изгородь, он побрел по саду. Тэсс с раскрасневшимися щеками попыталась ускользнуть бесшумно, словно тень.

Однако Энджел заметил ее светлое летнее платье и окликнул ее; она услышала его тихий голос, хотя он был еще довольно далеко.

— Почему вы убегаете, Тэсс? — спросил он. — Бойтесь?

— О нет, сэр... здесь, на вольном воздухе, мне нечего бояться, в особенности теперь, когда осыпается цвет яблони и все так зелено.

— Но вам знакомы иные страхи, да?

— Да, пожалуй, сэр.

— Чего же вы боитесь?

— Я не знаю, как объяснить.

— Бойтесь, как бы молоко не свернулось?

— Нет.

— Жизнь вас пугает?

— Да, сэр.

— Ах, и меня также, очень часто. Нести бремя жизни — нешуточное дело, не правда ли?

— Да, вы это верно сказали, сэр.

— И все-таки я не ожидал, чтобы такая молоденькая девушка, как вы, могла так думать. Как это случилось?

Она замаялась и промолчала.

— Доверьтесь мне, Тэсс.

Она подумала, что ему хочется знать, каким представляется ей мир, и ответила робко:

— Деревья смотрят пытливо, правда? То есть кажется, будто они так смотрят. А река говорит: «Зачем тревожишь меня своим взором?» И кажется, будто множество дней — завтрашних — выстроилось в ряд; и первое завтра — самое большое и ясно видимое, а следующие делаются все меньше и меньше, чем дальше они от нас; и все они грозные и жестокие и словно говорят: «Я иду! Берегись меня! Берегись!..» Но вы своей музыкой, сэр, можете будить мечты и прогоняете эти страшные мысли!

Он был удивлен: как могло воображение этой молодой девушки, простой доильщицы, в которой было, правда, что-то возбуждавшее зависть товарок, — как могло оно порождать такие печальные образы? В бесхитростных фразах, — обучение в шестиклассной школе не прошло даром, — высказывала она чувства, какие, пожалуй, являлись чувствами века — болезнью модернизма. Однако он перестал удивляться, когда подумал, что, в сущности, так называемые новейшие идеи на самом деле представляют собой всего лишь более современное, более утонченное, выраженное словами, оканчивающимися на «логия» и

«изм», определение чувств, которые смутно волновали человечество в течение веков.

Но странно было, что они возникли у нее, такой молодой, более чем странно; это производило впечатление, вызывало интерес, казалось трогательным. Не догадываясь о причине, он забыл о том, что значение имеет не длительность, а интенсивность пережитого испытания. Через страдание пришла она к духовной зрелости.

Тэсс, в свою очередь, не могла понять, почему человек, происходивший из семьи священника, получивший хорошее образование и не знавший материальной нужды, считает жизнь бременем?.. У нее, несчастной странницы, были для этого серьезные основания. Но как мог этот незаурядный, наделенный поэтической душой человек, который никогда не спускался в Долину Унижения, как мог он разделять чувства жителя Уца — те чувства, какие испытывала она сама два-три года тому назад? «Душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне».

Правда, теперь он оторвался от своего класса, но она знала, чем это объясняется: подобно Петру Великому на корабельной верфи, он изучал то, что хотел знать. Коров он доил не потому, что вынужден был это делать, а потому, что это должно было помочь ему стать преуспевающим хозяином мызы, землевладельцем, агрономом и скотоводом. Из него выйдет американский или австралийский Авраам, повелевающий, подобно монарху, своими стадами — пятнистыми и полосатыми, своими слугами и служанками. Но иногда ей казалось непонятным, как мог этот начитанный, любящий музыку и мыслящий молодой человек добровольно избрать занятие фермера, а не священника, подобно своему отцу и братьям.

Так как ни он, ни она не имели ключа к тайне другого, то оба останавливались в недоумении перед своими открытиями и, не пытаясь заглянуть в прошлое, ждали, надеясь глубже узнать характер и душевный склад друг друга.

Каждый день, каждый час открывал ему какую-нибудь новую ее черту, и такие же открытия делала она. Тэсс старалась себя обуздывать, но не подозревала, сколько было в ней жизненной силы.

Казалось, сначала Тэсс интересовалась только умом Энджела Клэра, не замечая в нем мужчины. Она сравнивала его с собой, и каждый раз, обнаруживая глубину его познаний и пропасть, какая отделяла ее, Тэсс, с ее невысоким уровнем умственного развития, от него, поднявшегося на неизмеримую высоту, она впадала в уныние, считая, что все ее усилия ни к чему не приведут.

Как-то упомянув мимоходом о пастушеской жизни в Древней Греции, Клэр вдруг заметил, что Тэсс сразу стала грустной. Она в это время собирала бутоны цветов, которые называются «лорды» и «леди».

— Почему вы вдруг приуныли? — спросил он.

— Так... пустяки... я подумала о себе,— печально усмехнувшись, сказала она и начала нервно обрывать лепестки «леди». — Подумала о том, какой могла бы я быть! Мне кажется, жизнь моя прошла впустую, потому что никогда не представлялось мне случая что-то сделать. Когда я вижу, как много вы знаете, сколько прочли, сколько видели и передумали, я чувствую, какое я ничтожество. Я похожа на несчастную царицу Савскую из Библии! Нет у меня больше бодрости.

— Право же, из-за этого не стоит огорчаться! И знаете, милая моя Тэсс,— заговорил он, воодушевляясь,— я рад был бы помочь вам — обучить вас истории или дать книги, которые вы хотели бы прочесть...

— Опять «леди»,— перебила она, показывая бутон, который ощипывала.

— Что?

— Я хотела сказать, что, когда начинаешь обрывать лепестки, всегда оказывается больше «леди», чем «лордов».

— Бросьте «лордов» и «леди». Хотели бы вы чему-нибудь учиться? Например, истории?

— Иногда мне кажется, что я не хочу знать больше того, что уже знаю.

— Почему?

— Что толку, если я узнаю, что таких, как я, очень много и в какой-нибудь старой книге описан человек точь-в-точь такой же, как и я, а мне предстоит повторить то, что он делал? От этого мне только грустно станет. Лучше не вспоминать, что ты со своим прошлым ничем не отличаешься от многих тысяч людей, а будущая твоя жизнь и поступки такие же, как у них.

— Так, значит, вы ничему не хотите учиться?

— Пожалуй, мне хотелось бы узнать, почему... почему... солнце светит равно и добрым и злым,— ответила она, и голос ее дрогнул.— Но книги мне этого не скажут.

— Тэсс, ну к чему такая горечь?

Конечно, успокаивая ее, он руководствовался лишь вежливостью, представлением о долге, ибо в былые дни у него самого возникали такие же мысли. Глядя на свежие губы Тэсс, он решил, что эта наивная дочь природы повторяет чужие слова, не понимая их значения. Она продолжала обрывать лепестки «лордов» и «леди», а Клэр, бросив взгляд на ее загнутые ресницы, касавшиеся щеки, медленно отошел. Она стояла, задумчиво ощипывая последний бутон, потом очнулась от грез и нетерпеливо бросила на землю всех этих цветочных аристократов, негодуя на себя за свою глупую болтовню. А в глубине ее сердца разгоралось пламя.

Какой дурочкой должен он считать ее! Мечтая заслужить доброе его мнение, она вспомнила то, о чем последнее время старалась забыть,— так неприятны были последствия,— вспомнила о происхождении своем из рыцарского рода д'Эрбервиллей. Для нее это открытие было не только бесполезно, но и губительно, но, быть может, мистер Клэр, джентльмен и знаток истории, проникнется к ней уважением и забудет о ребяческой ее игре с «лордами» и «леди», если узнает, что статуи из пурбекского мрамора и алебаstra в кингсбирской церкви изображают подлинных ее предков по прямой линии, что она — не самозванка, как те, порожденные деньгами и тщеславием трэнтриджские д'Эрбервилли, но настоящая д'Эрбервилль по крови.

Однако, прежде чем сделать это признание, Тэсс решила осторожно выведать у владельца мызы, какое впечатление может произвести оно на мистера Клэра. Она спросила: питает ли мистер Клэр уважение к древним родам графства, если их представители лишились всех богатств и земель?

— Мистер Клэр,— решительно объявил фермер,— завзятый бунтарь, второго такого и не сыщешь; он ни капельки не похож на свою родню. А больше всего на свете он ненавидит так называемые старинные фамилии. По его словам, всякому должно быть ясно, что старинные фамилии сделали свое дело в прошлом, и теперь от них никакого толка не будет. Было время, когда Биллеты, Дренкхарды, Греи, Сен-Кэнтэны, Гарди и Гоулды владели огромными поместьями в этой долине, ну а нынче ничего у них нет. Да вот взять хотя бы нашу маленькую Рэтти Придл: она из рода Пэриделлей — из древнего рода, владевшего когда-то землями у Кингс-Хинтока, которые принадлежат теперь графу Уэссекскому, а в те времена о нем и его родичах никто и не слыхивал. Мистер Клэр об этом узнал и несколько дней разговаривал с бедняжкой очень презрительно. «Ах, говорит, никогда из вас не выйдет хорошей доильщицы! Ваши предки всю свою силу порастратили в Палестине много веков назад, и теперь вам нужно тысячу лет ждать и набираться сил для новых дел!» Пришел как-то к нам парнишка просить работы и говорит, что его зовут Мэт. Мы спрашиваем, как его фамилия, а он отвечает, что никогда не слыхивал, чтобы у него была фамилия. Мы удивились: как же это так? А он объясняет: мол, семья его еще не обзавелась предками, так откуда же у него возьмется фамилия? «А, вас-то мне и нужно! — говорит мистер Клэр, вскакивает и пожимает ему руку.— Я на вас возлагаю большие надежды!» И дал ему полкроны. Да, старинных фамилий мистер Клэр не переваривает.

Вслушав это карикатурное изложение взглядов Клэра, бедная Тэсс порадовалась, что в минуту слабости не сказала ни одного лишнего слова, хотя ее род был очень древний и, пожалуй, успел за это время не только прийти в упадок, но

и набраться новых сил. Вдобавок еще одна доильщица как будто могла соперничать с ней в этом отношении! И Тэсс продолжала держать язык за зубами, не заикаясь о склепе д'Эрбервиллей и о рыцаре Вильгельма Завоевателя, чье имя она носила. Узнав таким образом точку зрения Клэра, она объясняла теперь его интерес к себе главным образом тем, что он считал ее не связанной никакими семейными и родовыми традициями.

XX

Лето было в разгаре. Новые цветы, листья, соловьи, зяблики, дрозды водворились там, где всего год назад обитали другие недолговечные создания, в то время как эти были еще зародышами или частицами неорганического мира. Под лучами солнца наливались почки, вытягивались стебли, бесшумными потоками поднимался сок в деревьях, раскрывались лепестки и невидимыми водопадами и струйками растекались ароматы.

Жизнь работников и работниц фермера Крика текла бес печально, мирно, даже весело. Пожалуй, социальное их положение было самым счастливым, ибо они находились выше той черты, у которой кончается нужда, и ниже той, где *условности* начинают сковывать естественные чувства, а погоня за пошловатой модой мешает довольствоваться самым необходимым.

Так протекали дни, те дни, когда листва особенно обильна и кажется, будто природа преследует одну цель — выращивать растения. Тэсс и Клэр бессознательно изучали друг друга, неизменно балансируя на грани страсти, но, по-видимому, не переступая ее. И, подчиняясь непреложному закону, стремились к одной и той же цели, подобно двум ручьям, текущим в одной долине.

Никогда Тэсс не была так счастлива, как теперь, и, быть может, еще раз ей не суждено было пережить такие же счастливые дни. В этой новой обстановке она чувствовала себя и физически и духовно на своем месте. Молодое деревце, пустившее корни в ядовитую почву, где упало семя, было пересажено на более плодородную землю. Кроме того, и она и Клэр до сих пор еще занимали позицию между простым влечением и любовью; здесь не было места глубоким волнениям, не было рефлексии с ее докучными вопросами: «Куда увлекает меня этот новый поток? Какое значение имеет он для моего будущего? В какой связи находится он с моим прошлым?»

Для Энджела Клэра Тэсс пока была лишь отражением идеала, розовой теплой тенью, которая еще не завладела его сознанием. И он разрешал себе думать о ней, полагая, что интерес его является не больше чем интересом философа, созерцающего крайне оригинальную и самобытную представительницу женского пола.

Встречались они постоянно, иначе и быть не могло.

Встречались ежедневно в странный и торжественный предутренний час, в лиловых или розовых лучах рассвета,— ибо здесь нужно было вставать рано, очень рано. Коров доили ни свет ни заря, а перед этим, в начале четвертого, снимали сливки с молока. Обычно тот, кто первым просыпался от звона будильника, должен был будить остальных. Тэсс поступила на мызу последней, и вскоре обнаружилось, что на нее можно положиться — она не проспит, как это случалось с другими,— вот почему эта обязанность все чаще выпадала на ее долю. Как только в три часа кончал дребезжать будильник, она выходила из своей комнаты и бежала к двери хозяйна, затем поднималась по лестнице на мезонин к Энджелу и окликала его громким шепотом, после чего будила своих подруг. К тому времени, как Тэсс успевала одеться, Клэр уже спускался вниз и выходил в свежую утреннюю прохладу. Остальные работницы и работники старались поваляться в постели подольше и появлялись через четверть часа.

Серые полутона рассвета непохожи на серые вечерние сумерки, хотя краски как будто одни и те же. На восходе солнца свет кажется активным, а тьма пассивна, тогда как вечером активен нарастающий мрак, а свет дремотно-пассивен.

И вот потому, что эти двое так часто — и не всегда, быть может, случайно — вставали первыми на ферме, им начинало казаться, что во всем мире пробуждались от сна они первые. В начале своего пребывания на мызе Тэсс, одевшись, не снимала сливок с молока, а тотчас же выходила во двор, где Клэр обычно ее поджидал. Открытый луг залит был призрачным туманным светом, который внушал им чувство оторванности ото всех, словно они были Адамом и Евой. В этом тусклом свете зарождающегося дня Тэсс казалась Клэру существом совершенным и духовно и физически, наделенным чуть ли не царственным могуществом,— быть может, потому, что в пределах его кругозора вряд ли хоть одна женщина, столь же одаренная, как Тэсс, выходила из дому в такую раннюю пору; да и во всей Англии мало нашлось бы таких женщин. Красивые женщины обычно спят в летнюю утреннюю пору. Тэсс была подле него, а остальные просто не существовали.

Рассеянный странный свет, который окутывал их, когда они шли рядом к тому месту, где лежали коровы, часто заставлял его думать о часе воскресения. Ему и в голову не приходило, что подле него, быть может, идет Магдалина. Все кругом было окутано серыми тенями, и лицо его спутницы, притягивавшее его взгляд, поднималось над туманной мглой, словно светясь фосфорическим светом. Она казалась призрачным бесплотным духом — такой делала ее падавшие с северо-востока холодные лучи загорающегося дня. Его лицо, хотя он этого и не подозревал, производило на нее то же впечатление.

И в этот час, как было уже сказано, он сильнее всего ощущал ее странное очарование. И была она не доильницей, но воплощением женственности. Полушутя называл он ее Артемидой, Деметрой и другими причудливыми именами, которые ей не нравились, ибо она их не понимала.

— Зовите меня Тэсс,— говорила она обиженно, и он повиновался.

Светало, и тогда она снова превращалась в женщину; лицо богини, которая может даровать блаженство, становилось лицом женщины, блаженства жаждущей.

В эти часы, когда люди еще спят, им случалось подходить совсем близко к водяным птицам. Из зарослей на границе луга, куда они ходили гулять, вылетали цапли, поднимая оглушительный шум, который напоминал стук распахивающихся дверей и ставней, либо, застигнутые врасплох, птицы смело оставались стоять в воде и, следя за проходившей парой, медленно и бесстрастно поворачивали головы, словно марионетки, приводимые в движение часовым механизмом.

Они видели пласты легкого летнего тумана над лугами — пушистые, ровные и тонкие, как покрывало. На траве, седой от росы, виднелись островки там, где ночью лежал скот, — темно-зеленые сухие островки величиной с коровью тушу, разбросанные в океане росы. От каждого островка вылась темная тропинка, проложенная коровой, которая, покинув место ночлега, ушла пастись, — и они находили ее в конце этой тропинки. Узнав их, корова фыркала, и у ее ноздрей клубилось в тумане облачко пара. Тогда гнали они коров на мызу, а иногда доили их тут же.

Случалось, что летний туман сгущался, и луга походили на белое море, над которым, словно грозные скалы, поднимались отдельные деревья. Птицы взмывали над ним, вырываясь к свету, и парили в воздухе, греясь на солнце, либо садились на мокрые, сверкавшие, как стеклянные прутья, перекладыны изгороди, пересекавшей луг. Туман оседал крохотными алмазами на ресницах Тэсс и мелким жемчугом осыпал ее волосы. Когда разгорался день, солнечный и банальный, роса испарялась, Тэсс теряла свою странную, эфирную прелесть, ее зубы и глаза блестели в лучах солнца, и снова она была лишь ослепительно красивой доильщицей, у которой могли найтись соперницы среди других женщин.

В это время раздавался голос фермера Крика, который распекал за поздний приход работниц, живших не на мызе, и бранил старую Дебору Файэндер за то, что та не моет рук.

— Ради бога, Деб, подставь руки под насос. Клянусь своей бессмертной душой, если бы лондонцы знали, какая ты грязнуха, они бы покупали масла и молока еще меньше, чем теперь, а это дело нешуточное!

Кончали доить коров, и тут Тэсс, Клэр и все остальные слышали, как миссис Крик отодвигает в кухне тяжелый стол от стены, — эта процедура неизменно предшествовала каждой трапезе; после завтрака раздавался снова тот же отчаянный скрип, когда стол водворяли на прежнее место.

XXI

Однажды после завтрака в молочной поднялась суматоха. Маслобойка вращалась, как всегда, но масло не сбивалось. Всякий раз, как это случалось, обычная жизнь останавливалась. В огромном цилиндре плескалось молоко, но того звука, которого ждали все, не было слышно.

Фермер Крик и его жена, доильщицы Тэсс, Мэриэн, Рэтти Придди, Изз Хюэт и приходящие замужние работницы, а также мистер Клэр, Джонатэн Кейл, старая Дебора и все остальные стояли, беспомощно созерцая маслобойку, а мальчишка, погонявший во дворе лошадь, тарашил глаза, показывая, что оценивает создавшееся положение. Даже меланхолическая лошадь,

завершая круг, казалось, посматривала на окно вопросительно и грустно.

— Много лет не бывал я у сына знахаря Трэндла в Эгдоне, много лет,— с горечью сказал Крик.— Далеко ему до отца! И раз пятьдесят я говорил, что в него не верю. Да, не верю. А все-таки придется пойти к нему. Да, придется пойти, если дело не наладится.

Даже мистер Клэр приуныл, видя отчаяние хозяина.

— Когда я еще был мальчишкой,— сказал Джонатэн Кейл,— знахарь Фолл — тот, что живет по ту сторону Кэстербриджа,— слыл мастером. Ну, да теперь он рассыпается, как гнилое дерево.

— Мой дед ходил, бывало, к знахарю Минтерну в Олскомб, умный был человек, как говаривал дед,— продолжал мистер Крик.— Но нынче толковых людей не сыщешь.

Миссис Крик держалась ближе к делу.

— Уж не влюблен ли у нас тут кто-нибудь на мызе? — предположила она.— В молодости я слыхала, что масло от этого не сбивается. Помнишь, Крик, много лет назад служила у нас одна девушка... и масло-то ведь тогда не сбивалось...

— Да, да. Но это не так. Любовь тут была ни при чем. Помню прекрасно: маслобойка тогда испортилась.

Он повернулся к Клэру:

— Был у нас работник Джек Доллоп, сэр, разбитной парень; ухаживал за молодой девушкой из Меллстока и обманул ее, как обманывал многих. Ну, да на этот раз пришлось ему столкнуться с женщиной совсем другого сорта, правда, сама-то девушка была здесь ни при чем. В святой четверг собрались мы все здесь — вот так же, как и теперь, только масло в тот день не сбивали — и видим: подходит к дому мать этой девушки и держит в руке громадный зонт, оправленный медью, которым быка можно с ног свалить, идет и спрашивает: «Здесь работает Джек Доллоп? Он мне нужен. Хочу с ним посчитаться». А следом за матерью идет девушка, обманутая Джеком, и плачет горькими слезами, уткнувшись в платок. Джек посмотрел в окно и говорит: «О, господи! Вот беда! Она меня убьет! Куда бы мне спрятаться, да поскорее?.. Не говорите ей, где я!» И с этими словами залез в маслобойку и крышку прикрыл изнутри. А тут уж мать девушки ворвалась в молочную. «Негодяй! Где он? — кричит.— Я ему всю морду расцарапаю, дайте только мне до него добраться!» Искала она повсюду, ругала Джека и так и этак, тот лежит и чуть не задыхается в маслобойке, а бедная девушка,— или вернее будет сказать — молодая женщина,— стоит у двери и плачет навзрыд. Никогда я этого не забуду, никогда! Камень и тот бы растаял. А она никак не может его отыскать.

Хозяин мызы умолк, и слушатели обменялись кое-какими замечаниями.

Рассказы мистера Крика отличались одним любопытным свойством: казалось бы, доведенные до конца, они побуждали

слушателей вмешиваться со своими замечаниями не вовремя, так как на самом деле до конца было еще далеко, но старые друзья не попадались на эту удочку.

Рассказчик продолжал:

— Понять не могу, как старуха догадалась, но в конце концов она пронюхала, что он сидит в маслобойке. Не говоря ни слова, она ухватилась за ручку, — а маслобойку тогда крутили вручную, — и давай крутить, а Джек болтается там, внутри. «О, господи! Остановите маслобойку! — закричал он, высунув голову. — Выпустите! Всю душу из меня вытрясли!» Был он трусоват, как и полагается такому парню. «Э, нет, не выпущу, пока не вернешь ей честное имя!» — закричала старуха. «Останови маслобойку, старая ведьма!» — завизжал он. «Ах ты, обманщик! Называешь меня старой ведьмой, хотя вот уж пять месяцев, как следовало бы тебе величать меня тещей!» И пошла крутить, а у Джека кости трещат. Никто из нас не посмел вмешаться, и он наконец обещал загладить грех. «Да, говорит, слово свое я сдержу». Тем дело и кончилось.

Слушатели, посмеиваясь, обсуждали рассказ, как вдруг сзади послышался шорох; все оглянулись — Тэсс, побледнев, направилась к двери.

— Какая жара сегодня! — чуть слышно проговорила она.

Действительно, день был жаркий, и никому не пришло в голову, что бледность ее вызвана воспоминаниями хозяина. Он шагнул вперед, распахнул перед ней дверь и сказал с ласковой насмешкой:

— Что ж это ты, девчурка? Самая хорошенькая молочница на моей мызе и вдруг раскисла, чуть только настала жара. Как же мы без тебя обойдемся в середине лета? А, что скажете, мистер Клэр?

— Мне дурно... я... я лучше выйду на воздух, — пролепетала она и скрылась за дверью.

На ее счастье, в эту самую минуту плеск молока во вращающейся маслобойке сменился долгожданным чмоканьем.

— Пошло! — воскликнула миссис Крик, и на Тэсс перестали обращать внимание.

Бедная девушка вскоре взяла себя в руки, но весь день тайне грустила. После конца вечерней дойки ей не захотелось оставаться на людях, и, выйдя из дому, она побрела, сама не зная куда. Она чувствовала себя несчастной, глубоко несчастной, сознавая, что для ее товарок повествование фермера было забавным рассказом, и только. Казалось, ни одна из них, кроме нее, не поняла трагического его смысла, и, несомненно, никто не подозревал, как больно задел ее этот рассказ. Заходящее солнце выглядело теперь безобразным, словно глубокая воспаленная рана на небе. В зарослях у реки только одинокая тростянка приветствовала ее надтреснутым печальным голосом, прозвучавшим, как голос утраченного друга.

В эти длинные июньские дни доильщицы, да и другие

обитатели мызы, ложились спать на закате или еще раньше, так как вставать приходилось спозаранку и работа была тяжелой, — в эту пору коровы давали полные ведра молока. Обычно Тэсс поднималась вверх вместе со своими товарками, но сегодня она первая ушла в их общую спальню и уже дремала, когда явились остальные. Она видела, как они раздевались в оранжевых лучах заката, окрасившего их фигуры в желтоватые тона, потом задремала снова, но ее разбудили их голоса, и она тихо повернулась к девушкам.

Ни одна из трех ее товарок по комнате еще не улеглась спать. В ночных рубашках, босые, они втроем стояли у окна, а последние алые лучи с запада румянили их лица и шеи и освещали стены комнаты. Все три с глубоким интересом следили за кем-то в саду, и лица их почти соприкасались: веселое круглое лицо, лицо бледное, в рамке темных волос, и хорошенькое личико, обрамленное рыжеватыми кудрями.

— Не толкайся! Тебе видно не хуже, чем мне, — сказала рыженькая и самая молоденькая — Рэтти, не отрывая глаз от окна.

— Тебе, Рэтти Придл, так же как и мне, нет никакого толку в него влюбляться, — лукаво сказала самая старшая, круглолицая Мэриэн, — ему другие щечки приглянулись.

Рэтти Придл упорно смотрела в окно, и подруги последовали ее примеру.

— Вот он опять! — воскликнула Изз Хюэт, бледная девушка с темными волосами и резко очерченным ртом.

— Ты бы помалкивала, Изз, — отозвалась Рэтти. — Я видела, как ты целовала его тень.

— Что такое ты видела? — переспросила Мэриэн.

— Да! Он стоял возле чана и сливал сыворотку, а тень от его лица падала на стену около Изз, которая наполняла кадушку. Она прижалась губами к стене и поцеловала его в губы; он этого не видел, но я-то видела.

— Ай да Изз Хюэт!.. — воскликнула Мэриэн.

Розовые пятна вспыхнули на щеках Изз Хюэт.

— Ну что ж! Беды в этом нет, — с напускным равнодушием заявила она. — А влюблена в него не я одна — вот тоже и Рэтти, да и ты, Мэриэн, уж коли на то пошло.

Мэриэн не могла покраснеть, так как круглое ее лицо было всегда румяно.

— Я? — возмутилась она. — Что за вздор! А вот он опять! Милое лицо... милые глаза... милый мистер Клэр!

— Ну вот ты и призналась!

— Да и ты тоже, все мы признались, — заявила Мэриэн с прямолинейной откровенностью, источник которой — полное безразличие к чужому мнению. — Глупо притворяться друг перед другом, хотя и нет надобности объявлять об этом всем и каждому. Да я хоть бы завтра вышла за него замуж!

— Я тоже, — прошептала Изз Хюэт, — да и не только это...

— И я,— отозвалась более робкая Рэтти.

Тэсс бросило в жар.

— Не можем же мы все выйти за него,— сказала Изз.

— Никто из нас за него не выйдет, а это еще хуже,— проговорила старшая.— Вот он опять.

И все три послали ему воздушный поцелуй.

— Почему? — быстро спросила Рэтти.

— Потому что Тэсс Дарбейфилд нравится ему больше всех,— ответила Мэриэн, понизив голос.— Я все время за ними следила, вот и узнала, в чем дело.

Наступило задумчивое молчание.

— Но она в него не влюблена? — прошептала наконец Рэтти.

— Иной раз мне кажется, что влюблена.

— Как это все глупо! — нетерпеливо воскликнула Изз Хьюэт.— Конечно, ни на одной из нас он не женится, да и на Тэсс тоже... Сын джентльмена, который за границей делается помещиком и фермером. Уж скорее он предложит нам поехать на его ферму работницами за столько-то и столько-то в неделю.

Вздохнула одна, потом другая, а громче всех — толстущка Мэриэн. И та, что лежала в постели, тоже вздохнула. Слезы выступили на глазах самой младшей, Рэтти Придл, хорошенькой рыжеватой девушки — последнего бутона из рода Пэриделлей, столь знаменитого в хрониках графства. Еще некоторое время смотрели они молча в окно, снова лица их почти соприкасались и смешивались пряди темных и светлых волос. Но мистер Клэр, ничего не подозревая, вошел в дом, и больше они его не видели. Уже совсем стемнело, и девушки поспешно

улеглись в постель. Через несколько минут они услышали, как он поднимается по лестнице в свою комнату. Мэриэн скоро захрапела, но Изз долго не могла сомкнуть глаз. Рэтти Придл заснула в слезах.

Тэсс, более впечатлительная, не могла уснуть. Их разговор был еще одной горькой пилюлей, которую пришлось ей проглотить в этот день. Ревности она не испытывала, зная, что ей отдается предпочтение. Она была красивее, образованнее, чем они, хотя и моложе их всех, за исключением Рэтти, но более зрелая; поэтому она понимала, что стоит ей сделать незначительное усилие — и она завоюет сердце Энджела Клэра и одержит верх над своими простодушными подругами. Но вставал страшный вопрос: имеет ли она право этого добиваться? Разумеется, ни одна из них не могла надеяться на что-либо серьезное, но та или другая могла внушить ему мимолетную страсть и с радостью стала бы принимать его ухаживание, пока он здесь живет. Случалось, что такие отношения приводили к браку и с неровней, а она слыхала от миссис Крик, что мистер Клэр шутливо спросил однажды, какой смысл ему жениться на девице из хорошей семьи, когда предстоит возделывать десять тысяч акров земли в колониях, разводить скот и убирать хлеб. Самое разумное взять в жены девушку, выросшую на ферме. Быть может, он говорил серьезно, но могла ли Тэсс, которой совесть не позволяла выйти замуж за кого бы то ни было, Тэсс, твердо решившая противостоять такому искушению, — могла ли она отвлекать внимание мистера Клэра от других женщин ради мимолетного счастья встречать его ласковые взгляды, пока он живет в Тэлботейсе.

XXII

На следующее утро, зевая, они спустились вниз: надо было, как всегда, снимать сливки и доить коров; затем все пошли в дом завтракать. Оказалось, что хозяин Крик рвет и мечет. Он получил письмо от одного клиента, жаловавшегося, что масло имеет привкус.

— Ей-богу, так оно и есть! — объявил Крик, держа в левой руке деревянную лопаточку с прилипшим к ней куском масла. — Вот попробуйте-ка сами.

Его окружили. Попробовал масло мистер Клэр, Тэсс и другие работницы, жившие в доме, затем два-три батрака и, наконец, миссис Крик, которая уже приготовила завтрак. В масле действительно чувствовался привкус.

Хозяин мызы, погрузившийся в размышления и пытавшийся определить, что это за привкус, и угадать, какая ядовитая трава в этом повинна, вдруг воскликнул:

— Это чеснок. А я-то думал, что на том лугу совсем его не осталось.

Все старые батраки припомнили, что много лет назад масло испортилось точно так же и виной тому был один луг, куда не так давно начали снова пускать коров. Но тогда мистер Крик не распознал привкуса и порешил, что дело не обошлось без нечистой силы.

— Придется проверить этот луг,— объявил он.— Нужно с этим покончить.

Вооружившись старыми острыми ножами, все отправились в путь. Если этого вредного растения было так мало, что оно до сих пор никем не было замечено, отыскать его в тучной траве было почти невозможно. Однако в поисках принимали участие все работники, так как положение было серьезное. В одном конце цепи встал сам хозяин вместе с мистером Клэром, предложившим свои услуги, затем Тэсс, Мэриэн, Изз Хьюэт и Рэтти; дальше Билл Льюэл, Джонатэн и замужние работницы, жившие в своих домиках, Бэк Нибс с курчавыми черными волосами и выпученными глазами и белокурая Фрэнсис, заполучившая чахотку от зимних туманов на заливных лугах.

Не отрывая глаз от травы, они медленно продвигались по лугу, а дойдя до конца, шли назад, чтобы ни один дюйм пастбища не остался необследованным. Это была скучнейшая работа, так как на поле было вряд ли более полдюжины побегов чеснока, но растение это такое едкое, что достаточно одной корове съесть хотя бы один стебелек — и все масло, сбиваемое на мызе в течение суток, приобретает привкус.

Работники резко отличались друг от друга и по характеру, и по внешнему виду, но сейчас, согнувшись и двигаясь бесшумно, автоматически, они казались удивительно похожими, и посторонний наблюдатель, проходя по проселочной дороге, вправо был бы назвать их всех одним собирательным именем — Ходж. Они шли, низко наклонясь, чтобы разглядеть в траве чеснок, и желтый отблеск лютиков падал на их затененные лица, словно озарял их призрачным лунным светом — хотя их спины нещадно жгло полуденное солнце.

Энджел Клэр, который взял за твердое правило работать наравне со всеми, шел, изредка поднимая голову. Конечно, не случайно занял он место рядом с Тэсс.

— Ну, как вы поживаете? — прошептал он.

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр,— вежливо ответила она.

Только полчаса назад они говорили о вещах, интересовавших их обоих, и теперь такое вступление казалось несколько излишним. Но разговор на этом оборвался. Они медленно продвигались вперед, и подол ее платья касался его гетр, а он изредка задевал ее локтем. Наконец хозяин мызы, находившийся рядом с ними, выбился из сил.

— Ей-богу, больше не могу — спину ломит! — воскликнул он и со страдальческим видом медленно выпрямился во весь рост.— А ведь тебе, Тэсс, на днях нездоровилось,— смотри,

как бы голова опять не разболелась. Если устала — брось это дело, пусть другие кончают.

Фермер Крик убрался восвояси, а Тэсс отошла в сторону. Мистер Клэр также отстал и начал вести поиски самостоятельно. Когда он очутился подле нее, нервное напряжение, вызванное подслушанным накануне разговором, побудило ее заговорить первой.

— Какие они хорошенькие, правда? — сказала она.

— Кто?

— Изз Хьюэт и Рэтти.

Тэсс пришла к горестному заключению, что любая из этих девушек была бы прекрасной женой фермера и потому она, Тэсс, должна их расхваливать и не выставять напоказ свою злополучную красоту.

— Хорошенькие? Да, они хорошенькие девушки, их миловидность полна свежести, я часто об этом думал.

— Но бедняжки... со временем красота увянет.

— Да, к несчастью.

— Они прекрасные работницы.

— Да, но не лучше вас.

— Сливки они снимают лучше, чем я.

— Разве?

Клэр смотрел на них, и это не прошло незамеченным.

— Она краснеет, — продолжала Тэсс, делая героическое усилие.

— Кто?

— Рэтти Придл.

— Вот как. А почему?

— Потому что вы на нее смотрите.

Хотя Тэсс и готова была к самопожертвованию, но не могла пойти дальше и крикнуть: «Женитесь на одной из них, если вам действительно нужна работница, а не девушка из хорошей семьи, и не думайте о том, чтобы жениться на мне!» Она последовала за фермером Криком и почувствовала горькое удовлетворение, когда убедилась, что Клэр остался на лугу.

Начиная с этого дня она прилагала все усилия, чтобы избегать его, — не позволяла себе оставаться с ним подолгу, как бывало раньше, хотя бы встречи их происходили чисто случайно. Она хотела, чтобы все преимущества были на стороне других девушек.

Услышав их признания, Тэсс женским чутьем угадывала, что от Энджела Клэра зависит не опорочить честь этих девушек, и, видя, как он заботливо остерегается хоть чем-нибудь омрачить их счастье, она преисполнилась уважением к тому, что считала — правильно или ошибочно — его самообладанием и сознанием долга, а эти качества она не ожидала найти в мужчине; не будь их у Клэра, простосердечные ее товарки, жившие с ним в одном доме, пошли бы, может быть, обливаясь слезами, по пути, уже пройденному Тэсс.

XXIII

Незаметно подкрался к ним жаркий июль, и воздух долины, тяжелый, словно насыщенный туманом, навис над мызой, скотом и деревьями. Часто выпадали теплые дожди, задерживавшие уборку сена на лугах, и еще тучнее становилась трава на пастбище, где паслись коровы.

Было воскресное утро. Подоив коров, приходящие работницы разошлись по домам. Тэсс и ее три товарки поспешно одевались, так как сговорились четвером идти в меллстокскую церковь, находившуюся в трех-четыре милих от мызы. Два месяца Тэсс прожила на мызе Тэлботейс и сегодня в первый раз отправлялась на прогулку.

Накануне вечером и всю ночь не стихала гроза над лугами, и дождь смыл часть сена в реку. Но утром засияло солнце, ослепительное после ливня, и воздух был ароматный и чистый.

Проселочная дорога из прихода Тэлботейс в Меллсток вилась по низине, и, дойдя до самого сырого участка, девушки убедились, что после ливня дорога на протяжении пятидесяти ярдов залита водой, поднимающейся выше лодыжек. В будни это не было бы серьезным препятствием: обутые в высокие сапоги с патенами, они преспокойно переправились бы вброд, но сегодня день был воскресный, суетный, когда плоть стремится кокетничать с плотью и в то же время лицемерно притворяется, будто поглощена высокими помыслами, по этому случаю они надели белые чулки и тонкие ботинки, нарядились в белые, розовые и лиловые платья, на которых видны малейшие брызги грязи,— и, стало быть, лужа являлась досадной помехой. Они слышали колокольный звон, а им оставалось пройти еще около мили.

— Кто бы мог подумать, что река так разольется в середине лета! — воскликнула Мэриэн с придорожной насыпи, на которую они вскарабкались и где кое-как держались, надеясь пройти по склону и миновать лужу.

— Нам туда не добраться; придется или идти вброд, или свернуть на Тернпайскую дорогу, и мы, конечно, опоздаем! — сказала Рэтти, беспомощно останавливаясь на насыпи.

— А я краснею до ушей всякий раз, когда опаздываю в церковь и все плят на меня глаза,— заявила Мэриэн.— Так и сию вся красная до конца службы.

И вот, пока они стояли на скользкой насыпи, за поворотом дороги послышался плеск, и вскоре показался Энджел Клэр, шагавший прямо по воде им навстречу.

Четыре сердца екнули одновременно.

Одет он был отнюдь не по-праздничному, что, впрочем, частенько случалось с сыновьями священников, строго следивших за исполнением обрядов. На нем был будничный костюм и высокие болотные сапоги; в шляпу он вложил капустный

лист, чтобы защитить голову от зноя, а репей завершал его наряд.

— Он не в церковь идет,— сказала Мэриэн.

— Да... к сожалению,— прошептала Тэсс.

Действительно, в ясные летние дни Энджел предпочитал,— правильно или ошибочно (если воспользоваться осторожной фразой уклончивых краснобаев),— проповедь природы церковным проповедям. А сегодня утром он пошел посмотреть, сильно ли сено пострадало от ливня. Девушек он увидел еще издали, хотя они были так озабочены встреченным на пути препятствием, что его не заметили. Он знал, что в этом месте дорогу затопило и им тут не пройти, поэтому он ускорил шаги, придумывая, как бы выручить их из беды — в особенности одну из них.

Четыре девушки в светлых летних платьях, румяные, ясноглазые, приютившиеся на насыпи, словно голуби на скате крыши, были так очаровательны, что он на секунду остановился и залюбовался ими. Подолами воздушных платьев они смахнули с травы бесчисленных мошек и бабочек, которые, не находя выхода, забились в складки прозрачной материи. Наконец взгляд Энджела упал на Тэсс, стоявшую позади всех; она уже давно с трудом удерживалась от смеха, так что теперь, встретив его взгляд, не смогла придать лицу суровость и вся просияла.

Он направился к ним, шагая прямо по воде, не поднимавшейся выше его сапог, и остановился, глядя на мушек и бабочек, попавших в западню.

— Вы пытаетесь добраться до церкви? — спросил он Мэриэн, стоявшую впереди, и бросил взгляд на двух ее спутниц, избегая, однако, смотреть на Тэсс.

— Да, сэр, и мы опаздываем, а я всегда так краснею...

— Я вас перенесу через лужу... перенесу всех четырех.

Все четверо мгновенно вспыхнули, словно сердце у них было одно.

— Вряд ли вы справитесь, сэр,— сказала Мэриэн.

— Иначе вам здесь не пройти. Стойте смирно. Глупости, вовсе вы не такие тяжелые. Да я бы мог перенести вас всех сразу. Ну, Мэриэн,— продолжал он,— обнимите меня руками за плечи, вот так. Держитесь. Отлично.

Мэриэн опустила на его руку и плечо, и Энджел тронулся в путь; его стройная фигура издали казалась тонким стеблем, поддерживающим огромный букет. Они скрылись за поворотом дороги, и только плеск воды да бант на шляпе Мэриэн указывали, где они находятся. Через несколько минут он появился снова. Теперь была очередь Изз Хюэт.

— Он идет,— прошептала она, и по голосу они догадались, что губы у нее пересохли от волнения.— И я должна обнять его за шею и смотреть ему в лицо, как смотрела Мэриэн.

— Ничего особенного в этом нет,— быстро сказала Тэсс.

— Всею свое время,— не обращая на нее внимания, про-

должала Изз.— Время для объятий и время, когда нужно воздержаться от них; сейчас мне на долю выпадет первое.

— Фи! Ведь это из Священного писания, Изз!

— Да,— сказала Изз.— В церкви я всегда прислушиваюсь к красивым изречениям.

Энджел Клэр, который три четверти этой работы выполнял исключительно по доброте своей, подошел теперь к Изз. Она спокойно и мечтательно опустила в его объятия, и он, мерно шагая, удалился вместе с ней. Когда его шаги послышались в третий раз, у Рэтти так сильно забилося сердце, что она начала дрожать. Он приблизился к рыжеволосой девушке и, поднимая ее, взглянул на Тэсс. Взгляд этот был красноречивее слов: «Скоро мы будем вдвоем». Ее лицо выдало, что она угадала его мысли, она ничего не могла с собой поделать. Они давно без слов понимали друг друга.

Бедная маленькая Рэтти — самая легкая ноша — оказалась, однако, самой беспокойной. Мэриэн была как куль с мукой,— под тяжестью этого пышного тела он буквально шатался. Изз вела себя спокойно и рассудительно. Рэтти оказалась клубком нервов.

Однако он все-таки донес взволнованную девушку до сухого места, опустил ее на землю и вернулся. Тэсс через живую изгородь видела, что все трое стоят на пригорке, там, куда он их отнес. Теперь была ее очередь. Смущенно призналась она себе, что испытывает волнение от близости глаз и губ мистера Клэра — то самое волнение, за которое осуждала своих подруг, но только удесятеренное; и, словно страшась выдать свою тайну, она в последнюю минуту попыталась от него ускользнуть.

— Пожалуй, мне удастся пройти вдоль насыпи, я не так скольжу, как они. Вы ведь очень устали, мистер Клэр.

— Нет, нет, Тэсс! — быстро ответил он.

Она не успела опомниться, как он уже держал ее в своих объятиях, и она прислонилась к его плечу.

— Три Лии — ради одной Рахили! — прошептал он.

— Они лучше, чем я,— великодушно ответила она, не отступая от своего решения.

— Только не для меня,— сказал Энджел.

Он почувствовал, что ее бросило в жар. На несколько секунд воцарилось молчание.

— Вам не очень тяжело? — робко спросила она.

— О нет! Попробовали бы вы поднять Мэриэн! Вот это груз! Вы словно волна, согретая солнцем. А это пышное муслиновое платье — морская пена.

— Это очень красиво... если я кажусь вам такой.

— А знаете ли вы, что три четверти этой работы я проделал исключительно ради последней четверти?

— Нет.

— Не ждал я сегодня такого события.

— Я тоже... Вода поднялась так внезапно.

Не о поднявшейся воде думал он, и прерывистое ее дыхание свидетельствовало о том, что она его поняла. Клэр остановился и приблизил к ней лицо.

— О Тэсси! — воскликнул он.

Щеки девушки горели, в смущении она не смогла смотреть ему в глаза. Тогда Энджелу пришло в голову, что он не вправе пользоваться случайным преимуществом, выпавшим на его долю, и он сдержался. Слова любви еще не сорвались с их губ, и в эту минуту промедление казалось желанным. Однако он шел медленно, чтобы растянуть оставшийся путь. Наконец он дошел до поворота дороги, и теперь трем остальным девушкам они были видны как на ладони. Дойдя до сухого пригорка, он опустил ее на землю.

Ее подруги смотрели на них задумчиво и внимательно, — она поняла, что они говорили о ней. Он торопливо распрощался с ними и ушел, шлепая по воде.

Четыре девушки продолжили свой путь; наконец Мэриэн прервала молчание:

— Да, что и говорить, куда нам до нее!

Она уныло посмотрела на Тэсс.

— О чем ты говоришь? — спросила та.

— Ты ему больше всех нравишься, больше всех! Мы это поняли, когда он тебя нес на руках. Он бы тебя поцеловал, если бы ты хоть чуточку его подзадорила.

— О, нет! — сказала Тэсс.

Прежнее веселое настроение развеялось; однако не было ни вражды, ни злобы. Это были великодушные девушки; они выросли в глухих деревушках, где фатализм глубоко пустил корни, и Тэсс они не винили: так угодно было судьбе.

У Тэсс сжималось сердце. Она не могла скрыть от себя, что любит Энджела Клэра, а любовь, внушенная им трем другим девушкам, быть может, еще усиливала ее страсть. Чувство это заразительно, и женщины особенно восприимчивы к такой заразе. И тем не менее сердце ее, изголодавшееся по любви, сочувствовало подругам. Тэсс, честная по натуре, боролась со своей любовью, но боролась недостаточно энергично, и результаты не заставили себя ждать.

— Никогда я не буду стоять вам поперек дороги! — объявила Тэсс вечером в спальне, обращаясь к Рэтти, и слезы струились по ее лицу. — Но я ничего не могу поделать, милая! Вряд ли он вообще думает о женитьбе, но даже если бы он захотел на мне жениться, я бы отказала ему, как и всякому другому.

— Да что ты? Почему? — удивилась Рэтти.

— Это невозможно. Но буду откровенна: даже если бы меня совсем не было, не думаю, чтобы он женился на ком-нибудь из вас.

— Никогда я на это не надеялась, никогда об этом не мечтала! — протонала Рэтти. — Но как бы я хотела умереть!

Бедняжка, терзаемая чувством, ей самой не совсем понятным, повернулась к двум другим девушкам, которые только что поднялись наверх.

— Мы опять будем жить с ней в дружбе, — сказала она им. — Она не больше нас надеется на то, что он на ней женится.

Недоверие рассеялось, они были откровенны и ласковы.

— Теперь мне все равно, что ни делать, — сказала Мэриэн, настроенная очень мрачно. — Я собиралась выйти за одного парня из Стиклфорда, он дважды за меня сватался, но, честное слово, я теперь скорее покончу с собой, чем выйду за него замуж. Изз, почему ты молчишь?

— Уж коли говорить начистоту, — отозвалась Изз, — сегодня я была уверена, что он меня поцелует, когда понесет на руках; и я тихонько прислонилась к его плечу и все надеялась и ни разу не пошевелинулась. А он не поцеловал. Не хочу я оставаться здесь, в Тэлботейсе! Вернусь домой.

Казалось, воздух в спальне вибрировал, насыщенный безнадёжной страстью девушек. Они дрожали, словно в лихорад-

ке, измученные чувством, навязанным жестокой природой,— чувством, которого они не ждали и не хотели. Событие этого дня раздуло пламя, сжигавшее их сердца, и пытка была почти невыносима. Страсть стерла их индивидуальности; каждая девушка была лишь частицей единого организма, именуемого полом. Они были так искренни и почти не чувствовали ревности, потому что надежды у них не было. Каждая наделена была здравым смыслом и не обманывала себя нелепыми фантазиями, не отрекалась от своей любви и не превозносила себя, чтобы затмить других. Полное признание тщеты своего чувства с социальной точки зрения, бесцельность, самоуничтожение, невозможность оправдать его в глазах цивилизованного общества (хотя оно вполне оправданно было перед лицом природы), самое наличие этого чувства, доставлявшего им мучительную радость,— все это преисполняло их смирением и достоинством, которого лишила бы их корыстная надежда выйти замуж за мистера Клэра.

Они метались на своих узких кроватях, а снизу, где стоял пресс для сыров, доносилось монотонное капанье.

Через полчаса раздался шепот:

— Тэсс, ты спишь?

Это был голос Изз Хьюэт.

Тэсс ответила отрицательно, и Рэтти и Мэриэн вдруг сбросили с себя одеяла и со вздохом прошептали:

— Мы тоже не спим!

— Хотела бы я знать, какова она — та невеста, которую, говорят, приглядели для него его родители! — сказала Изз.

Тэсс вздрогнула.

— А разве ему приглядели невесту? Я об этом не слыхала.

— Да, ходит слух. Она ровня ему, и ее выбрала его семья; она дочь доктора богословия, который живет недалеко от Эмминстера, где находится приход его отца. Говорят, он в нее не очень-то влюблен. Но, конечно, он на ней женится.

Знали они очень мало, но этого было достаточно для того, чтобы сейчас под покровом ночи, строить мучительные догадки. И они заговорили о том, как он даст в конце концов свое согласие, думали о приготовлениях к свадьбе, о радости невесты, о платье ее и вуали, о счастливой ее жизни с ним, когда они со своей любовью будут забыты. Так беседовали они, грустили и плакали, пока сон не заглушил их тоски.

После этого открытия Тэсс уже не лелеяла глупой мысли, что в отношении к ней Клэра есть нечто серьезное. Это было летнее увлечение ее красотой, мимолетная любовь ради самой любви, и только. Тэсс пришла к этому печальному выводу, а терновым венцом явилось сознание, что она, которую он ненадолго предпочел всем остальным, она, от природы более страстная, умная и красивая, была, с точки зрения общества, менее достойна его, чем те, другие, им не замеченные и более заурядные.

XXIV

Среди просачивающихся тучных и теплых испарений долины Вар в ту пору года, когда слух едва ли не улавливает течение соков под слоем удобрения, даже самая мечтательная любовь не могла не разгореться в страсть. Сердца, готовые принять ее, пребывали под властью окружающей природы.

Пролетел над ними июль, а потом настала термидорианская жара, словно природа хотела состязаться со страстью, сжигающей сердца на мызе Тэлботейс. Воздух, такой свежий весной и ранним летом, стал недвижимым и расслабляющим. Душные тяжелые ароматы вызывали головокружение, а в полдень долина, казалось, замирала в обмороке. Верхние склоны пастбищ побурели от африканского зноя, но там, где журчали ручьи, трава была ярко-зеленой. Клэр томился от жары, и его сжигала нарастающая страсть к молчаливой и кроткой Тэсс.

Миновала дождливая пора, и в предгорьях наступила засуха. Когда фермер Крик возвращался домой с базара, колеса его двуколки подбрасывали рассыпающуюся в порошок иссохшую землю, и за ними белыми лентами тянулась пыль, как будто подожгли тонкий пороховой шнур. Коровы, измученные оводами, перепрыгивали через изгородь загона; с понедельника по субботу у фермера рукава рубахи были засучены выше локтя; приходилось открывать не только окна, но и двери, чтобы хоть как-то освежить воздух в доме, а в саду дрозды забивались под кусты смородины, наподобие скорее четвероногих, чем крылатых созданий. В кухне мухи, ленивые, назойливые, бесцеремонные, появлялись в самых неожиданных местах, ползали по полу, забирались в ящики, садились на руки доильниц. Разговоры шли больше о солнечных ударах. Сбивать масло, и в особенности сохранять его свежим, было более чем неблагоприятной задачей.

Коров не загоняли на мызу, а доили их на лугу, где было прохладнее. Днем животные покорно следовали за тенью даже самого маленького деревца, по мере того как она ползла по земле вокруг ствола, двигаясь вместе с солнцем; а когда приходили доильницы, коровы не могли стоять смирно, осаждаемые мухами.

Однажды после полудня четыре или пять не выдоенных еще коров отошли от стада и стояли за углом изгороди; среди них были Толстушка и Старая Красотка, которые предпочитали руки Тэсс рукам всех других доильниц. Когда, выдоив корову, Тэсс поднялась со скамеечки, Энджел Клэр, следивший за ней, спросил, не займется ли она этими двумя. Тэсс молча кивнула и, держа скамеечку в вытянутой руке, а подойник у колена, направилась к коровам. Вскоре из-за

изгороди донесся плеск молока Старой Красотки, стекающего в подойник, и Энджелу захотелось пойти туда и выдоить одну из непокладистых коров, отбившихся от стада, так как теперь он доил не хуже самого Крика.

Все мужчины и многие женщины во время доения упирались лбом в бок коровы и смотрели в подойник. Но некоторые, — в особенности те, что были помоложе, — поворачивали голову в профиль. Так делала и Тэсс Дарбейфилд; прислонившись виском к корове, она рассеянно смотрела в дальний конец дуга, словно погрузившись в размышления. Так она доила и Старую Красотку, а лучи солнца падали на нее, освещая ее фигуру в розовом платье, белый чепчик с оборками и профиль, напоминающий камею, вырезанную на буром боку коровы.

Она не знала, что Клэр последовал за ней и, сидя подле своей коровы, не спускает с нее глаз. Голова ее была неподвижна, лицо застыло; казалось, она погружена в транс и ничего не видит, хотя глаза ее и открыты. Застыло все, только Старая Красотка махала хвостом да чуть заметно двигались розовые руки Тэсс, словно пульсировали ритмично, подобно бьющемуся сердцу.

Каким милым казалось ему ее лицо! В нем не было ничего эфемерного — жизнь, живое тепло, подлинная плоть. И ярче всего выражалось это в ее губах. Ему и раньше случалось видеть глаза почти такие же глубокие и выразительные, такие же нежные щеки, такие же изогнутые брови, безукоризненно вылепленные подбородок и шею — но никогда ни на одном лице не видывал он таких губ. Любому юноше, хоть сколько-нибудь пылкому, достаточно было увидеть эту алую, чуть приподнятую верхнюю губу, чтобы потерять голову, влюбиться, сойти с ума. Никогда не видывал он ни у одной женщины губ и зубов, которые так настойчиво напоминали бы ему старое, времен Елизаветы, сравнение: «Розы, наполненные снегом». Влюбленный мог смело назвать их совершенными. И, однако, они не были совершенны. И это легкое несовершенство придавало им особую живую прелесть.

Клэр столько раз изучал очертания этих губ, что всегда мог мысленно их себе представить; сейчас он снова видел эти губы — живые, алые, и словно ток пробежал по его телу, дрожь охватила его, он был близок к обмороку, как вдруг, в силу какого-то таинственного физиологического процесса, самым прозаическим образом чихнул.

Тогда она осознала, что он наблюдает за ней, но не изменила позы, хотя мечтательно-задумчивое выражение исчезло, и пристальный взгляд легко мог уловить, как кровь медленно прилила к ее щекам, а потом отхлынула, и только розовая тень осталась на лице.

Волнение, охватившее Клэра, словно он услышал голос с неба, не утихло. Принятые решения, сдержанность, осторожность, опасения — все отступило, как потерпевший поражение батальон. Он вскочил с места, — пусть корова, если ей вздумается,

опрокидывает подойник,— быстро подошел к той, которая так влекла его, и, опустившись перед ней на колени, крепко обнял ее.

Тэсс была застигнута врасплох и, не задумываясь, отдалась его объятию как чему-то неизбежному. Едва она увидела, что это действительно он, ее возлюбленный, губы ее раскрылись, и, охваченная безотчетной радостью, она прижалась к нему и вскрикнула, словно в экстазе.

Он готов был поцеловать эти притягивающие его губы, но удержался, чувствуя себя виноватым.

— Простите меня, Тэсс, дорогая! — прошептал он.— Я должен был спросить... Я... я не сознавал, что делаю. Я не хотел быть дерзким. Я предан вам всей душой, Тэсси, милая!

Старая Красотка в недоумении оглянулась; видя, что подле нее, вопреки всем обычаям, установившимся с незапамятных времен, сидит не один, а двое, она сердито подняла заднюю ногу.

— Она сердится... не понимает, что случилось... она опрокинет подойник! — воскликнула Тэсс, мягко отстраняя его. Она следила за движениями коровы, но занята была только собой и Клэром.

Потом Тэсс поднялась со скамеечки, и они стояли друг подле друга; его рука все еще обвивала ее талию. Глаза Тэсс, устремленные вдаль, наполнились слезами.

— О чем вы плачете, милая? — спросил он.

— Ах, не знаю! — грустно прошептала она.

Опомнившись и осознав, что случилось, она заволновалась и попыталась выскользнуть из его объятий.

— Да, наконец я выдал свои чувства, Тэсс,— сказал он, печально вздохнув и невольно давая понять, что сердце его опередило рассудок.— Вряд ли нужно говорить, что я люблю вас искренне и горячо. Но я... сейчас я не скажу больше ни слова... это вас расстраивает... а я потрясен не меньше, чем вы. Вы не подумаете, что я воспользовался вашей беспомощностью... был слишком стремителен, безрассуден? Не подумаете?

— Я ничего не могу сказать.

Он выпустил ее из своих объятий, и минуты через две оба уже доили коров. Свидетелей не было, никто не видел этого объятия. Когда фермер спустя несколько минут забрел в этот уединенный уголок, ему и в голову не пришло, что эти двое, разделенные внушительным расстоянием, были друг для друга больше, чем простые знакомые. Однако с тех пор, как Крик в последний раз их видел, произошло событие, которое — пока оно длится — изменяет облик вселенной для двух людей; если бы об этом событии ведал фермер, он, как человек практический, отнесся бы к нему презрительно; однако основывалось оно на стремлении более стойком и неодолимом, чем все так называемые практические предпосылки. Отдернута была завеса; отныне перед каждым из них открылся новый горизонт — на краткий срок или на долгий.

ФАЗА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДСТВИЯ

XXV

Когда спустились сумерки и та, что завоевала его сердце, удалилась в свою комнату, Клэр, не находя покоя, вышел в темноту.

После знойного дня вечер не принес прохлады.

Только трава покрылась росой. Дороги, тропинки, фасады строений, заборы были горячи, как нагретый очаг, и этот полуденный жар обжигал лицо человека, скитавшегося в ночи.

Он присел на перекладину восточных ворот, стараясь разобраться в самом себе. Да, в этот день чувство заглушило рассудок.

Три часа прошло после неожиданных объятий, и с тех пор эти двое избегали друг друга. Она была словно в лихорадке, почти испугана тем, что произошло, а Клэр, человек нервный, предрасположенный к созерцательной жизни, был обеспокоен новизной, безотчетностью своего порыва и непреодолимой властью обстоятельств. Сейчас он едва мог дать себе отчет в том, каковы должны быть отныне их взаимоотношения наедине и в присутствии посторонних.

Приехав учиться на эту мызу, Энджел предполагал, что временное пребывание его здесь будет лишь случайным эпизодом в его жизни, мимолетным и быстро стирающимся в памяти; он думал, что отсюда, словно из занавешенной ниши, сможет спокойно созерцать манящий внешний мир и, обращаясь к нему, говорить вместе с Уолтом Уитменом:

Толпы мужчин и женщин, в будничных платьях,
Как все вы мне интересны!¹—

и в то же время строить планы, как снова в него окунуться. Но вдруг случилось невероятное, и то, что прежде было всепоглощающим миром, превратилось в неинтересную пантомиму, а здесь, в этом якобы скучном местечке, чуждом всяких страс-

¹ Перевод В. Левика.

тей, взорвалось с вулканической силой нечто новое, до сей поры ему неведомое.

Все окна в доме были открыты, и через двор до Клэра доносились привычные звуки,— обитатели мызы укладывались спать. Этот дом, такой скромный и невзрачный, на который он привык смотреть как на временное жилище, отнюдь не считая его чем-либо достопримечательным на фоне окружающего пейзажа,— какое значение приобрел для него теперь этот дом! Старые, поросшие мхом кирпичные карнизы шептали ему: «Останься!» Окна улыбались, дверь приветливо манила, выющиеся растения ему сочувствовали. Влияние женщины, находившейся в доме, оживило даже кирпич и известку, заставило их вместе с небосводом сгорать от страсти. Кто же была эта всемогущая женщина? Работница с молочной фермы.

Да, изумительным казалось то значение, какое приобрела для него жизнь скромной мызы. И не только новая любовь была тому причиной. Не один Энджел познал на опыте, что ценность жизни не во внешних изменениях, но в субъективных переживаниях. Чуткий крестьянин живет жизнью более полной, широкой, драматической, чем толстокожий король. И теперь Клэр убедился, что жизнь так же величественна здесь, как и в любом другом месте.

Клэр, несмотря на свое еретичество, ошибки и слабости, был человеком с чуткой совестью. Для него Тэсс была не ничтожным существом, не игрушкой для забавы, но женщиной, которой дарована драгоценная жизнь, и жизнь эта ей самой, страдающей либо радующейся, представлялась не менее значительной, чем могущественнейшему из людей его собственная жизнь. Для Тэсс весь мир сошелся на ней самой, и лишь пройдя сквозь призму ее восприятия, существовали для нее люди. Сама вселенная возникла для Тэсс в тот день и час, когда она родилась.

Это сознание, в которое он вторгся, было единственной возможностью существования, пожалованного Тэсс равнодушной Первопричиной,— всем ее достоянием, единственной предпосылкой ее бытия. Как же мог он считать ее существом менее значительным, чем он сам, хорошенькой безделушкой, которая скоро надоеет? Мог ли он не относиться с величайшей серьезностью к чувству, какое — а это было ему известно — он пробудил в ней, такой пылкой и впечатлительной, несмотря на ее сдержанность? Мог ли он допустить, чтобы это чувство истерзало ее и погубило?

Ежедневные встречи с ней в привычной обстановке помогли бы развиваться тому, что уже зародилось. Жизнь в такой близости привела бы к нежности, с которой плоть и кровь бессильны бороться. Не находя выхода из создавшегося положения, он решил на время не браться за ту работу, которую ему пришлось бы делать с ней. Пока причиненное ей зло было еще невелико.

Но не так-то легко было выполнить решение упорно ее избегать. С каждым ударом сердца его все сильнее влекло к ней.

Он решил навестить родных. Быть может, удастся узнать их мнение. Срок его пребывания здесь истечет меньше чем через полгода; затем, проведя еще несколько месяцев на других фермах, он уже вполне изучит агрономию и сможет начать самостоятельную жизнь. А ведь фермеру нужна жена, которая не украшала бы, словно восковая кукла, гостиную, а знала бы толк в сельском хозяйстве. В молчании ночи прочел он желанный ответ, но тем не менее решил отправиться в путь.

Однажды утром, когда на мызе Тэлботейс уселись завтракать, одна из работниц заметила, что мистера Клэра сегодня что-то не было видно.

— Да,— отозвался фермер Крик,— мистер Клэр поехал в Эмминстер провести день-другой со своими родными.

Четырем влюбленным девушкам, сидевшим за столом, показалось, что свет солнечный внезапно погас и пение птиц смолкло. Но ни словом, ни жестом не выдали они своей тоски.

— Скоро его договор со мной окончится,— с бессознательной жестокостью флегматично добавил Крик.— Вот он, должно быть, и присматривает себе какое-нибудь занятие.

— А сколько времени он еще здесь пробудет? — спросила Изз Хюзт, единственная из четырех приунывших девушек, которая осмелилась заговорить.

Остальные ждали ответа, словно от него зависела их жизнь.— Рэтти, приоткрыв рот, разглядывала скатерть; ярче вспыхнул румянец на щеках Мэриэн; Тэсс, дрожа, смотрела в окно на луг.

— Точно я не могу сказать, у меня нет под рукой записной книжки,— с тем же невыносимым спокойствием ответил Крик.— Но ведь срок можно менять. Он, конечно, захочет поучиться уходу за телятами. Думаю, он у нас проживет до конца года.

Еще четыре с лишним месяца мучительного восторга, «радости, опоясанной болью», а потом — мрак непроглядной ночи.

В этот утренний час Энджел Клэр был уже в десяти милях от мызы; он ехал по узкой проселочной дороге, направляясь в Эмминстер, в приход своего отца, и вез корзиночку с кровяной колбасой и бутылку меду, которые миссис Крик послала вместе с приветом его родителям. Перед ним тянулась белая дорога, и он не спускал с нее глаз, но видел не ее, а будущее. Он любит Тэсс. Следует ли на ней жениться? Вправе ли он это сделать? Что скажут мать и братья? Что скажет он сам года через два? Это зависит от того, кроются ли в преходящей страсти семена прочной привязанности, или девушка вызывает в нем лишь чувственное влечение, которое не может быть вечным.

Наконец показался городок, окруженный холмами, красная каменная церковь времен Тюдоров, группа деревьев возле дома священника. Клэр повернул лошадь к хорошо знакомым воротам. У входа в дом он бросил взгляд на церковь и увидел у дверей ризницы группу девочек от двенадцати до шестнадцати лет, которые, очевидно, кого-то ждали; через секунду появилась девушка постарше, в широкополой шляпе и туго накрахмаленном батистовом платье, в руке она держала две книги.

Клэр хорошо ее знал. Он не был уверен, заметила ли она его, и надеялся, что не заметила, ибо в таком случае не нужно было здороваться и разговаривать с этой безупречной особой. Очень не хотелось ему к ней подходить, и потому он решил, что она его не видела. Это была мисс Мерси Чант, единственная дочь соседа и приятеля его отца, и родители Клэра втайне питали надежду, что когда-нибудь он попросит ее стать его женой. Она была знатоком антиномизма и Библии и сейчас, несомненно, шла заниматься с учениками воскресной школы. Клэр вспомнил страстных, напоенных летним зноем язычниц долины Вар, их розовые лица, забрызганные коровьим пометом, и ту, которая была самой нежной и пылкой.

Решение ехать в Эмминстер он принял под влиянием минуты и потому не уведомил родителей, намереваясь, впрочем, приехать к завтраку, чтобы застать их дома, так как после завтрака они имели обыкновение заниматься делами прихода. Он запоздал, и они уже сидели за столом. Как только он вошел, все вскочили, чтобы с ним поздороваться: отец и мать, брат, его преподобие Феликс,— пастор в одном из городов смежного графства, заглунивший на две недели домой, и второй брат, его преподобие Катберт,— ученый, декан колледжа, приехавший на каникулы из Кембриджа. Мать носила чепец и серебряные очки; отец и на вид казался таким, каким был на самом деле: серьезный, богобоязненный человек, несколько худощавый, лет шестидесяти пяти; размышления избородили морщинами его бледное лицо. На стене висел портрет сводной сестры Энджела, которая была старше его на шестнадцать лет; она вышла замуж за миссионера и уехала в Африку.

Священники, подобные мистеру Клэру-старшему, совсем исчезли за последние двадцать лет. Близкий по духу Уиклифу, Гусу, Лютеру и Кальвину, евангелист до мозга костей, человек, и в быту и в размышлениях своих склонявшийся к апостольской простоте, он еще в ранней юности составил себе окончательное мнение по основным вопросам бытия и с тех пор не позволял себе к ним возвращаться. Даже сверстники его и единомышленники считали, что он в своих выводах доходит до крайностей; но, с другой стороны, противники его невольно восхищались его прямолинейностью и той исключительной энергией, с какой он отметал все сомнения, проводя в жизнь свои принципы. Он любил Павла Тарсийского, питал располо-

жение к святому Иоанну, святого Иакова ненавидел, насколько хватало смелости, а к Тимофею, Титу и Филимону относился со смешанным чувством. Для него Новый завет был не столько заветом Христа, сколько заветом Павла,— не столько учением, сколько опьянением. Вера его в детерминизм была почти манией и негативной своей стороной граничила с философией отречения, родственной философии Шопенгауэра и Леопарди. Одно оставалось бесспорным: он был глубоко искренен.

К эстетическому, чувственному, языческому наслаждению природой и пламенной женственностью, какое познал в долине Вар его сын Энджел, он отнесся бы в высшей степени отрицательно, если бы путем расспросов или догадок постиг правду. Как-то в минуту раздражения Энджел имел неосторожность сказать ему, что, пожалуй, лучше было бы для человечества, если бы источником современной религии стала Греция, а не Палестина; возмущенный отец и мысли не допускал, чтобы в этих словах могла таиться хотя бы тысячная доля истины, не говоря уж о полуистине или истине. Он ограничился тем, что долгое время после этого читал Энджелу суровые проповеди. Но доброму его сердцу чужда была злопамятность, и сегодня он приветствовал сына улыбкой нежной и светлой, как улыбка ребенка.

Энджел уселся за стол; здесь был он у себя дома, но сейчас, в отличие от былых дней, он не чувствовал себя членом собравшейся семьи. Всякий раз, возвращаясь домой, он замечал свое расхождение с семьей, а сегодня жизнь родного дома показалась ему еще более чуждой, чем обычно. Трансцендентальные устремления, все еще вырвавшиеся из геоцентрической теории — рай в зените, ад в надире,— были непонятны ему, словно грезы людей, обитающих на другой планете. Последние месяцы видел от только Жизнь, ощущая мощное, страстное биение пульса бытия, не искаленного, не искаженного, не стесненного теми верованиями, какие тщетно пытаются заглушить то, что мудрость хотела бы только регулировать.

И родные, в свою очередь, нашли его резко изменившимся, непохожим на прежнего Энджела Клэра. Сейчас родители, и в особенности братья, отметили перемену в его манерах: он привык держать себя, как фермер,— сидел, вытянув ноги; лицо его стало более выразительным, в глазах отражалась мысль раньше, чем он успевал ее высказать: стерся лоск, свойственный ученикам колледжей и тем более салонным юношам. Сноб сказал бы, что Энджел утратил культуру; чопорная дама нашла бы его огрубевшим. Таковы были результаты общения с нимфами и пастухами Тэлботейса.

После завтрака он пошел погулять со своими братьями, неевангелистами, прекрасно образованными молодыми людьми, корректными до мозга костей,— такие безупречные модели ежегодно сходят с токарного станка систематического обучения. Оба были слегка близоруки, и, когда мода требовала

носить монокль на шнурке, они носили монокль на шнурке; когда в моду вошел лорнет, они приобрели лорнет; а когда модными стали очки, они немедленно обзавелись очками, не заботясь о том, что, собственно, требуется их глазам. Когда на трон возведен был Вордсворт, они носили в кармане его книжки, а когда развенчали Шелли, они предоставили ему покрываться пылью на книжных полках. Когда всеобщий восторг вызывали «Святые семейства» Корреджо, они восхищались Корреджо; когда Корреджо был отвергнут в пользу Веласкеса, нисколько не возражая, они поспешили присоединиться к общему мнению.

Если старшие братья решили, что Энджел утрачивает хорошие манеры, то он пришел к выводу, что их духовная ограниченность все возрастает. Феликс казался ему олицетворением церкви, Катберт — колледжа. Для одного краеугольным камнем мира был епархиальный совет, для другого — Кембридж. Оба брата снисходительно признавали, что в цивилизованном обществе существуют несколько десятков миллионов людей, не имеющих отношения ни к университету, ни к церкви, но к этим людям следует скорее относиться терпимо, чем считаться с ними и их уважать.

Оба были почтительными и внимательными сыновьями и в положенные сроки навещали родителей. Феликс, как богослов, был значительно современнее, чем его отец, но менее склонен к самопожертвованию и самоотречению. В отличие от отца, он относился более терпимо к мнениям, шедшим вразрез с его верованиями, — однако только в той мере, в какой они были опасны для самого оппонента, но зато не прощал их, как неуважение к своей доктрине. Катберт был более либерален и тонок, но и более черств.

Прогуливаясь с братьями по склону холма, Энджел снова почувствовал, что, каковы бы ни были их преимущества перед ним, ни один из них не видел и не знал жизни. Быть может, у них, как и у многих людей, способность выражать свои мысли была развита в ущерб наблюдательности. Они не имели здравого представления о сложных силах, действующих за пределами того тихого и невозмутимого потока, который увлекал их вместе с их единомышленниками. Оба не видели разницы между частной истиной и истиной всеобщей; они не понимали, что мнение узкого круга, клерикального и академического, отнюдь не есть мнение всего человечества.

— Полагаю, дорогой мой, теперь для тебя ничего больше не остается, как сделаться фермером, — сказал, между прочим, Феликс своему младшему брату, печально и сурово поглядывая сквозь очки на далекие поля. — И, следовательно, мы должны с этим примириться. Но умоляю тебя — уделяй по мере сил внимание нравственным идеалам. Конечно, жизнь фермера приводит к внешнему огрубению, и тем не менее можно жить просто, но мыслить возвышенно.

— Разумеется,— отозвался Энджел.— Прости, что я вторгаюсь в твою область, но разве это не было доказано девятнадцать столетий назад? Почему ты думаешь, Феликс, что я откажусь от возвышенных нравственных идеалов?

— Видишь ли, по тону твоих писем и нашего разговора мне показалось... быть может, это только моя фантазия... что интеллектуальное твое развитие приостановилось. А ты что скажешь, Катберт?

— Послушай, Феликс,— сухо перебил Энджел,— мы, как тебе известно, добрые друзья, и каждый из нас идет своей дорогой, но уж коли речь зашла об интеллектуальном развитии, я нахожу, что тебе, довольному собой догматику, не стоит беспокоиться о моем развитии, а следовало бы подумать с всем.

Они вернулись домой к обеду, который всегда подавали в тот час, когда отец и мать заканчивали утренний обход прихожан. Самоотверженная пара, естественно, нимало не считалась с удобствами своих гостей, и тут расхождения у сыновей не было — все трое хотели, чтобы в этом мистер и миссис Клэр усвоили современные понятия.

После прогулки они проголодались, в особенности Энджел, который привык к жизни на свежем воздухе и обильным *дарес инепртае*¹, подававшимся на стол фермера, не очень-то изящно сервированный. Но старики вернулись, только когда у сыновей почти иссякло терпение. Самоотверженная чета занималась тем, что пыталась пробудить аппетит у больных прихожан, чей дух они, довольно непоследовательно, старались удержать в теле, совсем позабыв о собственном аппетите.

Семья уселась за стол; еды было мало, кушанья холодные. Энджел вспомнил о подарке миссис Крик — кровяной колбасе, которую он попросил хорошенько поджарить, как поджаривали ее на мызе; ему хотелось, чтобы отец и мать отведали этой вкусной колбасы и оценили ее так же высоко, как оценивал он сам.

— Ты ищешь кровяную колбасу, милый? — заметила мать.— Но я уверена, что ты охотно от нее откажешься, как отказываемся мы с отцом, когда узнаешь, почему ее нет. Я посоветовала отцу отнести подарок любезной миссис Крик детям человека, который не может работать из-за припадков *delirium tremens*². Отец согласился с тем, что это их порадует, так мы и сделали.

— Отлично! — весело отозвался Энджел и стал искать мед.

— Мед оказался таким крепким,— продолжала мать,— что решительно не годится как столовый напиток, но в случае болезни может заменить ром или коньяк, поэтому я его спрятала в свою аптечку.

¹ Домашние яства (лат.).

² Белая горячка (лат.).

— Мы принципиально не пьем за этим столом ничего спиртного,— добавил отец.

— Но что же мне сказать жене мистера Крика? — спросил Энджел.

— Конечно, правду,— отозвался отец.

— Я предпочел бы сказать ей, что и мед и колбаса вам очень понравились. Миссис Крик — славная, добрая женщина и непременно спросит меня об этом, как только я вернусь.

— Ты не можешь сказать неправду,— невозмутимо ответил мистер Клэр.

— Да, конечно... а все-таки этот мед — винишко хоть куда.

— Что ты сказал? — в один голос воскликнули Катберт и Феликс.

— Это так говорят в Тэлботейсе,— краснея, объяснил Энджел и умолк, чувствуя, что если родители его и поступают правильно, то деликатности им все-таки не хватает.

XXVI

Только вечером, после общей молитвы, Энджел нашел случай поговорить с отцом о том, что его больше всего интересовало. Он готовился к этому разговору, пока стоял, преклонив колени, на ковре, позади братьев, разглядывая гвозди на их башмаках. После молитвы братья вышли вместе с матерью, а мистер Клэр остался наедине с Энджелом.

Сначала молодой человек обсуждал с отцом свои планы: он намеревался стать фермером в Англии или в колониях и поставить дело на широкую ногу. Тогда отец сообщил ему, что, не послав его в Кембридж и, следовательно, сэкономив на этом, он счел своим долгом откладывать ежегодно некоторую сумму денег, чтобы сын мог со временем купить или арендовать участок земли и не чувствовать себя обойденным.

— Что касается мирских богатств,— продолжал отец,— то через несколько лет ты, несомненно, окажешься гораздо обеспеченней своих братьев.

Растроганный заботливостью старика, Энджел решил коснуться другого, более важного для него вопроса. Он напомнил отцу, что ему уже двадцать шесть лет; когда он станет фермером, ему одному не справиться с хозяйством — фермеру нужна не одна, а две пары глаз: кто-то должен смотреть за домом, когда он сам будет работать в поле. Не благоразумнее было бы ему жениться?

Казалось, отец отнесся к этому благосклонно; тогда Энджел задал ему вопрос:

— Как ты думаешь, какая жена нужна мне, бережливому, работающему фермеру?

— Истинная христианка, помощница и утешительница и в радостях и в невзгодах. Все остальное, в сущности, не важно.

Такую девушку найти можно. Да вот у моего умнейшего друга и соседа доктора Чанта...

— А не должна ли она прежде всего уметь доить коров, сбивать хорошее масло, варить огромные сыры, ходить за курами и индюками, кормить цыплят, в случае необходимости присматривать за работниками на поле и знать цену на овец и телят?

— Да... жена фермера... да, конечно. Это было бы желательно.— Мистер Клэр-старший, очевидно, никогда не задумывался над этими вопросами.— Я хотел сказать,— продолжал он,— что, если ты ищешь женщину целомудренную и добродетельную, такую, которая пришлась бы по душе твоей матери и мне, тебе не найти никого лучше твоей приятельницы Мерси. Ты, кажется, интересовался ею. Правда, не так давно дочь моего соседа Чанта заразилась этой модой, введенной у нас более молодыми священнослужителями, украшать по праздникам стол причастия,— к великому моему возмущению, она на днях назвала его алтарем,— украшать его цветами и прочим. Но ее отец, который, как и я, восстает против подобной суетности, считает, что это можно исправить. Это лишь девичья причуда, и я уверен, что она от нее откажется.

— Да, да, знаю: Мерси славная, набожная девушка. Но не думаешь ли ты, отец, что девушка, такая же целомудренная и добродетельная, но зато знающая толк в сельском хозяйстве не хуже самого фермера,— такая девушка подошла бы мне значительно больше?

Мистер Клэр, однако, продолжал считать, что строго следовать учению апостола Павла куда важнее, чем знать обязанности жены фермера. Тогда Энджел, желая добиться своего, но не огорчать отца, начал говорить со всей возможной убедительностью. Он сказал, что судьба, или провидение, поставили на его пути девушку, которая может быть идеальной помощницей фермера и вместе с тем очень серьезно относится к жизни. Ему неизвестно, принадлежит ли она к Низкой церкви его отца, но, несомненно, ее можно будет направить на истинный путь; она аккуратно ходит в церковь, чистосердечна, чутка, умна, пожалуй, изящна, целомудренна, как весталка, а что касается ее внешности, то она изумительно красива.

— А она из семьи, с которой ты будешь рад породниться? Короче говоря, она девушка нашего круга? — спросила изумленная мать, которая тихонько вошла в кабинет во время этого разговора.

— С общепринятой точки зрения — нет,— твердо заявил Энджел,— я с гордостью могу сказать, что она дочь крестьянина. И тем не менее она обладает истинным душевным благородством.

— Мерси Чант из очень хорошей семьи.

— Да какой в этом толк, мама? — быстро возразил Энд-

жел.— Чем семья может быть полезна жене человека, которому предстоит вести трудовую жизнь, как мне?

— Мерси прекрасно воспитана и образованна. А это имеет свою хорошую сторону,— возразила мать, поглядывая на него сквозь очки в серебряной оправе.

— Что касается внешнего лоска, то в той жизни, какую я намерен вести, пользы от него не будет. А ее образованием я сам могу заняться. Она способная ученица, вы бы в этом убедились, если бы ее знали. Она натура поэтическая, живет поэзией, если можно так выразиться. Живет тем, о чем иные поэты только пишут. И она безупречная христианка; пожалуй, она принадлежит именно к тому роду, виду и разновидности людей, какие вам больше всего по душе.

— О Энджел, ты над нами смеешься!

— Прости, мама. Но она добрая христианка, почти каждое воскресенье ходит в церковь; и я уверен, ради этого вы будете снисходительны к некоторым недочетам в ее воспитании и согласитесь с тем, что мой выбор не плох.

Энджел с большим пылом восхвалял религиозность своей возлюбленной Тэсс, ту самую формальную религиозность, над которой (не подозревая, что когда-нибудь извлечет из нее пользу) он всегда посмеивался, считая, что она явно чужда верованиям, порожденным жизнью на лоне природы,— истинным верованиям и Тэсс, и других доильщиц.

Мистер и миссис Клэр, терзаемые сомнениями, насколько их сын сам имеет право называться добрым христианином, носителем тех добродетелей, которые он приписыв-

вал этой неизвестной девушке, начали склоняться к мысли, что твердость ее веры, во всяком случае, уже очень большое преимущество; да и вообще в этой встрече ясно чувствовалась воля провидения, ведь Энджел не такой человек, для которого ортодоксальность веры его избранныци может сыграть хоть какую-то роль. В конце концов они заявили, что спешить незачем, но они готовы познакомиться с ней.

Поэтому Энджел пока воздержался от сообщения дальнейших подробностей. Он понимал, что, хотя родители его были людьми, преданными своим идеалам и самоотверженными, они, однако, не отдавая себе в этом отчета, сохранили многие буржуазные предрассудки, и, чтобы их преодолеть, нужно действовать тактично. Хотя по закону он имел право поступать как ему угодно, а качества невестки не могли отразиться на жизни стариков — он предполагал жить вдали от них, — но из любви к родителям он не хотел оскорблять их чувства, принимая решение, наиболее ответственное в жизни человека.

Он отметил свою собственную непоследовательность, когда подчеркивал случайные черты как нечто существенное. Он любил Тэсс, любил ее душу, ее сердце, самое существо ее, не придавая значения ее умению вести хозяйство, ее способностям как будущей его ученицы и особенно ее простодушной и чисто формальной набожности. Он чувствовал прелесть ее существования, вольного и безыскусственного, и не требовал от нее светского лоска. Он считал, что образование почти не влияет на эмоции и импульсы, на которых зиждется семейное счастье. Быть может, по прошествии веков усовершенствованная система морального и интеллектуального воспитания заметно, пожалуй, даже значительно, очистит неосознанные инстинкты человеческой природы, но в данное время культура, по мнению Клэра, затрагивала лишь духовную эпидерму тех жизней, на которые распространилось ее влияние. Он еще больше убедился в этом, наблюдая женщин — сначала культурных представительниц мелкой буржуазии, а затем девушек на мызе, — и окончательно пришел к выводу, что между хорошей и умной женщиной одного социального слоя и хорошей и умной женщиной другого социального слоя разница гораздо меньше, чем между хорошей и дурной либо умной и глупой одного и того же слоя или класса.

Настал день отъезда. Братья его уже покинули отчий дом, чтобы совершить пешую экскурсию к северу, откуда один должен был вернуться в свой колледж, а другой — в приход. Энджел мог отправиться с ними, но предпочел возвратиться к своей возлюбленной в Тэлботейс. В сущности, это было к лучшему: хотя он был, пожалуй, наиболее чутким, верующим и даже наиболее христиански настроенным из всех троих, чувство отчуждения, вызванное тем, что он ни-

как не хотел укладываться в предназначенные ему рамки, все росло. Ни Феликсу, ни Катберту он ни слова не сказал о Тэсс.

Мать приготовила ему сэндвичи, а отец верхом на своей кобыле отправился его провожать. Труся рысцей по тенистым проселочным дорогам, Энджел, довольный результатами своей поездки, охотно слушал повествование отца о трудностях его работы в приходе, о враждебности его собратьев-пасторов, а ведь он их любит, согласно тому самому буквальному толкованию Нового завета, в котором они усматривают влияние пагубной кальвинистской доктрины.

— Пагубной! — с добродушным презрением воскликнул мистер Клэр и стал приводить случаи, доказывающие нелепость подобного утверждения. Он рассказал о том, как посчастливилось ему быть орудием чудесного обращения грешников на путь истинный — не только бедняков, но и людей богатых или зажиточных, затем откровенно признался и во многих неудачах.

По этому поводу упомянул он об одном молодом выскочке-эсквайре по фамилии д'Эрбервилль, который жил в окрестностях Трэнтриджа, милях в сорока от Эмминстера.

— А он не из древнего рода д'Эрбервиллей, владельцев Кингсбира и других земель? — спросил сын. — Из этого древнего, давно захудавшего рода, с которым связана страшная легенда о карете, запряженной четверкой?

— О нет! Последние потомки подлинных д'Эрбервиллей умерли в безвестности лет шестьдесят или восемьдесят назад, — по крайней мере, насколько мне известно. А эти д'Эрбервилли присвоили себе чужую фамилию. Из уважения к древнему рыцарскому роду я надеюсь, что они самозванцы. Но странно, что ты стал интересоваться старинными родами. Ты как будто придавал им еще меньше значения, чем я.

— Ты меня не так понял, отец: это нередко с тобой случается, — нетерпеливо отозвался Энджел. — С точки зрения политической древность рода, как я считаю, не имеет значения. Даже среди представителей древних фамилий встречаются мудрецы, которые «восстают против своего же права наследования», как выразился Гамлет. Но с точки зрения истории и искусства древние роды вещь важная, и я ими очень интересуюсь.

Такие тонкости, если только можно назвать их тонкостями, превышали, однако, понимание мистера Клэра-старшего, и он продолжал прерванный рассказ. После смерти старика д'Эрбервилля молодой человек предался разгульной жизни, хотя у него есть слепая мать, печальное положение которой, казалось, должно было бы его образумить. Слух о его распутстве дошел до мистера Клэра, когда он выступал в тех краях с миссионерскими проповедями, и он смело воспользовался случаем, чтобы указать заблудшему на несправедность его жиз-

ни. Хотя он был там чужим человеком и говорил с чужой кафедры, но видел в этом свой долг и произнес проповедь на слова евангелиста Луки: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя!» Молодой человек был возмущен таким откровенным выпадом и в завязавшемся при встрече словесном поединке не постеснялся публично оскорбить мистера Клэра, невзирая на его седины.

Энджел покраснел от огорчения.

— Дорогой отец,— грустно сказал он,— я бы не хотел, чтобы ты подвергал себя незаслуженным оскорблениям со стороны негодяев.

— Оскорблениям? — переспросил отец, и суровое его лицо озарилось пламенем самопожертвования.— Мне только было больно за этого несчастного, безумного юношу. Неужели ты думаешь, что меня могли оскорбить безрассудные его слова или даже побои? «Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим; хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне». Эти древние и благородные слова, обращенные к коринфянам, совершенно справедливы и в наше время.

— Но ведь до побоев дело не дошло, отец? Он тебя не ударил?

— Нет, не ударил. Но мне случилось терпеть побои от людей, обезумевших от алкоголя.

— Не может быть!

— Частенько, мой милый. Беда невелика. Я спасал их от преступления, не давая им пролить кровь ближнего. И впоследствии они меня благодарили и славили господа.

— Будем надеяться, что и этот молодой человек последует их примеру! — воскликнул Энджел.— Но, судя по твоим словам, боюсь, что этому не бывать.

— А все-таки будем надеяться,— сказал мистер Клэр.— Я продолжаю за него молиться, хотя вряд ли мы с ним встретимся по сю сторону могилы. Но, быть может, слова мои, как доброе семя, прорастут когда-нибудь в его сердце.

Сейчас, как и всегда, отец Клэра был оптимистичен, как ребенок. Хотя сын и не мог принять узкой догмы старика, но относился с уважением к его деятельности и в пиетисте видел героя. Пожалуй, теперь он уважал отца больше, чем когда бы то ни было, так как мистер Клэр, обсуждая вопрос о браке его с Тэсс, даже не спросил, богата девушка или бедна. Это была та самая непрактичность, по причине которой Энджел вынужден был стать фермером, а братьям его, по всей вероятности, предстояло быть до конца жизни бедными приходскими священниками,— и тем не менее Энджел восхищался ею. Несмотря на еретические свои убеждения, он не раз чувствовал, что как человек он гораздо ближе отцу, чем оба его брата.

XXVII

Больше двадцати миль он проехал знойным днем по до­роге, взбирающейся на холмы и сбегающей в долину, и после полудня поднялся на холм, который находился в одной-двух милях к западу от Тэлботейса, откуда снова увидел это зеле­ное корыто — сочную и сырую долину реки Вар. Как только начал он спускаться с предгорий в эту долину с тучной илистой землей, воздух сделался более тяжелым; томительные запахи летних плодов, тумана, цветов и сена сливались в озеро арома­тов и в этот час словно нагоняли дремоту не только на живот­ных, но даже на бабочек и пчел. Клэр был здесь своим чело­веком, знал клички многих коров, которые паслись вдалеке. Ему было радостно сознавать, что на эту жизнь смотрит он не со стороны, а как бы изнутри, как не умел он смотреть раньше. И, несмотря на всю свою любовь к родителям, он почувствовал, что после пребывания в родительском доме он здесь словно сбрасывает с себя лубки и повязки; ведь тут не знали даже той привычной узды, которая обычно мешает само­бытной жизни английских поселян,— в Тэлботейсе не было помещика.

Во дворе он никого не встретил. Все обитатели мызы имели обыкновение вздремнуть часок после полудня, что было необходимо, так как в летнее время вставать приходилось очень рано. У дверей на вбитом в землю и очищенном от коры раз­ветвленном дубовом суку висели, словно шляпы на вешалке, подошники, стянутые деревянными обручами, побелевшие от бесконечного мытья; они были приготовлены и высушены для вечернего доения. Энджел прошел через сени на задний двор и остановился, прислушиваясь. Из сарая, где стояли повозки, доносился негромкий храп, там спал кое-кто из батраков, а вда­ли раздавалось хрюканье и визг свиней, измученных зноем. Широколиственный ревень и капуста были тоже погружены в дремоту, их большие листья вяло обвисли на солнцепеке, словно полузакрытые зонты.

Энджел расседлал и накормил свою лошадь, и когда он снова вошел в дом, пробило три часа. В этот час обычно снима­ли сливки с молока утреннего удоя, и, как только замер бой, Энджел слышал поскрипывание половиц наверху: кто-то спускался по лестнице. Еще секунда — и показалась Тэсс.

Она не слышала, как Клэр вошел, и не сразу его заме­тила. Она зевала, и он видел ее открытый рот, красный как у змеи. Одну руку она высоко подняла над туго скрученным узлом волос, и там, где кончался загар, он увидел белую атлас­ную кожу. Лицо ее раздумянилось после сна, глаза были полу­закрыты. Жизнь била в ней через край. Это было одно из тех мгновений, когда душа женщины полнее, чем когда-либо, облекается в плоть, когда самая одухотворенная красота ста­новится плотской и чувственной.

Потом эти глаза вспыхнули сквозь дымку дремоты, хотя с лица еще не стерлась печать сна, и, мешая радость с удивлением и смущением, Тэсс воскликнула:

— Ох, мистер Клэр! Как вы меня испугали... я...

В первую минуту она не успела подумать о перемене в их отношениях, вызванной его признанием, но эта мысль ясно отразилась на ее лице, когда она встретила нежный взгляд Клэра, бросившегося ей навстречу.

— Тэсси, дорогая, любимая! — прошептал он, обнимая ее за талию и прижимаясь лицом к ее горячей щеке.— Ради бога, не называй меня больше мистером! Я так спешил к тебе!

Тэсс не отвечала, но сердце ее забилося быстрее. Они стояли в сенях, на красном кирпичном полу, он прижимал ее к своей груди, а косые лучи солнца, врываясь в окно за его спиной, освещали ее опущенную голову, голубые вены на виске, обнаженную руку, шею и пышные волосы. Спала она не раздеваясь и сейчас была вся теплая, как пригревшаяся на солнце кошка. Сначала она не смотрела ему в лицо, но вскоре подняла глаза, и он заглянул в глубь вечно меняющихся зрачков, окруженных радужной оболочкой с голубыми, черными, серыми и фиолетовыми волокнами, а она смотрела на него так, как на второй день своего бытия могла смотреть Ева на Адама.

— Я должна снимать сливки с молока,— умоляюще прошептала она.— А сегодня дома осталась одна старая Дебора. Миссис Крик поехала на базар с мистером Криком, Рэтти нездорова, а все остальные куда-то ушли и вернутся только к вечеру доить коров.

Когда они направились в молочную, на площадке лестницы показалась Дебора Файэндер.

— Я вернулся, Дебора,— сказал ей мистер Клэр.— Я помогу Тэсс снимать сливки. А вы, конечно, очень устали; отдыхайте, пока не настало время доить коров.

Пожалуй, в этот день на мызе Тэлботейс сливки с молока были сняты не очень тщательно. Тэсс двигалась словно во сне; знакомые предметы, казалось, превратились в смутные скопления солнечного света и теней. Когда она подставляла под насос шумовку, чтобы охладить, рука ее дрожала; она ощущала пламя страсти Клэра и вздрагивала, как вздрагивает растение под палящими лучами солнца.

Он снова привлек ее к себе, а когда она, счищая сливки с шумовки, провела по ней указательным пальцем, он попросту облизал этот палец: отсутствие чопорности на мызе Тэлботейс оказалось сейчас весьма кстати.

— Лучше уж я сразу скажу тебе все, дорогая,— заговорил он нежно.— Я хочу задать тебе один вопрос, в высшей степени практический, о котором думал все время, начиная с того дня на лугу. Я собираюсь жениться, и мне, как будущему фермеру, нужна женщина, понимающая толк в сельском хозяйстве. Согласна ты быть этой женщиной, Тэсси?

Он задал вопрос в такой форме, опасаясь, как бы она не подумала, что он действует под влиянием импульса, против которого может восстать его рассудок.

Она побледнела. Она приняла как неизбежное последствия своего сближения с ним, приняла свою любовь к нему, но не ждала этого внезапного предложения, да и сам Клэр заговорил об этом раньше, чем предполагал. С тоской, в которой был словно горький привкус смерти, прошептала она те слова, какие считала своим долгом произнести, ибо была честной женщиной:

— Я не могу быть вашей женой, мистер Клэр! Не могу!

Казалось, ее собственный решительный ответ разбил ей сердце, и она в отчаянии опустила голову.

— Тэсс! — воскликнул он, изумленный ее словами, еще крепче прижимая ее к себе. — Ты сказала — нет? Но ведь ты меня любишь?

— Да, да. И только за вас хотела бы я выйти замуж, — честно ответила ему несчастная девушка. — Но я *не могу!*

— Тэсс, — сказал он, слегка отстраняя ее от себя, — ты помолвлена с кем-то другим?

— Нет, нет!

— Но почему же ты мне отказываешь?

— Я не хочу идти замуж! Я никогда об этом не думала. Я не могу! Я могу только любить вас.

— Но почему?

Вынужденная лукавить, она пробормотала:

— Ваш отец — священник, и ваша мать не пожелает, чтобы вы женились на такой, как я. Она захочет, чтобы вашей женой стала девушка воспитанная и образованная.

— Вздор! Я говорил с ними обоими. Отчасти из-за этого я и поехал домой.

— Я чувствую, что не могу. Нет, нет, никогда! — повторила она.

— Быть может, я слишком поторопился, моя милая?

— Да... Я не ожидала.

— Пожалуйста, простите меня, Тэсси, я дам вам время подумать, — сказал он. — Я приехал так неожиданно и сразу же ошеломил вас. В течение ближайших дней я больше не буду упоминать об этом.

Она снова взяла блестящую шумовку, подставила под насос и принялась за работу. Но, как ни старалась она, ей не удавалось аккуратно снять сливки с молока — шумовка то погружалась в молоко, то скользила по воздуху. Тэсс почти ничего не видела, слезы застилали ей глаза, но причину такой тоски не могла она объяснить этому лучшему своему другу и защитнику.

— У меня ничего не выходит, — сказала она, отвернувшись.

Не желая ее волновать и мешать работе, всегда тактичный Клэр заговорил уже на общую тему:

— У вас ложное представление о моих родителях, они оба очень простые и отнюдь не честолюбивые. Последние из немногих, оставшихся верными евангелической школе. Вы евангелистка, Тэсси?

— Не знаю.

— Вы аккуратно ходите в церковь, а здешний священник, говорят, не очень-то склоняется к Высокой церкви.

Представление Тэсс о взглядах приходского священника, проповеди которого она слушала каждую неделю, было, пожалуй, еще более туманно, чем представление Клэра, который ни разу их не слышал.

— Я никак не могу хорошенько сосредоточиться на том, что он говорит,— отделалась она общей фразой.— Меня это часто огорчает.

Она говорила удивительно искренне, и Энджел тут же решил, что его отец не стал бы возражать против их брака по религиозным мотивам, хотя Тэсс и не знает, принадлежит ли она к Высокой, Низкой или Широкой церкви. Он-то понимал, что ее смутные верования, которые она, по-видимому, впитала с детства, были, по существу, пантеистическими, а фразеология почерпнута из религиозных брошюр. Но если и были они смутны, он не хотел разрушать их.

Вот молится сестра твоя...
Ей веру детскую и рай
Оставь, и ей ты не смущай
Простую радость бытия!

Прежде он думал, что этот совет более мелодичен, чем достоин внимания, но сейчас он с радостью внял ему.

Он стал рассказывать о своем пребывании в родном доме, о жизни отца, о том, как ревностно следует он своим принципам. Тэсс понемногу успокоилась, и работа пошла у нее на лад. Он вытаскивал пробки из чанов и выпускал молоко, по мере того как она снимала с него сливки.

— Когда вы сюда вошли, мне показалось, что у вас был печальный вид,— отважилась она заметить, чтобы не возвращаться к разговору о себе самой.

— Да, пожалуй... Отец рассказывал мне о своих невзгодах и затруднениях, а меня это всегда расстраивает. Он с таким рвением отдается своему делу, что ему часто приходится сносить оскорбления и нападки тех, кто не разделяет его образа мыслей, а мне больно слышать, что человек преклонных лет подвергается подобным оскорблениям, и я не верю, чтобы рвение, заходящее слишком далеко, могло принести какое-нибудь благо. Он рассказал мне об одной неприятной сцене, происшедшей не так давно. По поручению миссионерского общества он произносил проповедь в окрестностях Трэнтриджа, милях в сорока отсюда, и считал своим долгом обратиться с увещанием к одному молодому повесе, с которым встретился в тех краях. Это сын какого-то помещика, мать у него слепая. Мой отец

без обиняков обратился прямо к этому джентльмену, и в результате произошел скандал. Должен сказать, что со стороны отца было нелепо обращаться с поучениями к незнакомому человеку, когда не было ни малейшей надежды на успех. Но, как бы там ни было, он всегда, кстати или некстати, делает то, что считает своим долгом. Разумеется, он нажил много врагов среди людей не только порочных, но и просто легкомысленных, которые не любят, когда кто-нибудь вмешивается в их дела. Но, по его словам, он гордится тем, что произошло, и утверждает, будто добро можно творить и косвенным путем. А мне бы хотелось, чтобы он пощадил себя на старости лет и предоставил свиньям барахтаться в грязи.

Лицо Тэсс стало суровым и постаревшим, алые губы трагически сжались, но волнение ее как будто улеглось. Клэр, погруженный в мысли об отце, ничего не заметил. Они обошли ряд белых прямоугольных чанов, сняли сливки и слили молоко, а затем пришли работницы за своими подойниками и явилась Деб, чтобы вымыть чаны кипятком перед вечерним удоем. Когда Тэсс пошла на луг доить коров, Клэр шепнул ей:

— Что же вы мне ответите, Тэсси?

— Нет, нет! — сказала она сурово и безнадежно, словно в рассказе об Алеке д'Эрбервилле услышала голос своего тревожного прошлого. — *Этому не бывать!*

Она побежала вслед за своими товарками, как будто надеялась, что свежий воздух разгонит тоску. Девушки направлялись к дальнему лугу, где паслись коровы; шли они гурьбой, со смелой грацией диких зверьков. Это была свободная, решительная походка женщин, которые чаще видят над головой безграничный небесный свод, чем крышу, и чувствуют себя на вольном воздухе, как пловец в воде. И теперь, снова увидев Тэсс, Клэр нашел вполне естественным, что выбор его пал на девушку, которая выросла не среди уловок цивилизации, а на лоне природы.

XXVIII

Отказ ее, хотя и неожиданный, недолго смущал Клэра. Он знал женщин достаточно хорошо, чтобы помнить, насколько часто отрицательный ответ лишь предшествует утвердительному; и все же не настолько, чтобы понять, что отрицательный ответ Тэсс вызван отнюдь не робостью или кокетством. Она уже приняла его ухаживания, и в этом он видел добрый знак, не подозревая, что на лугах и пастбищах «тщетные вздыхания» нимало не считаются пустой тратой времени; здесь девушки, не задумываясь и исключительно ради удовольствия, принимают знаки внимания, тогда как в унылых домах, где правит тщеславие, желание девушки пристроиться парализует здоровое стремление к любви как к самоцели.

— Тэсс, почему вы так решительно сказали мне «нет»? — спросил он ее через несколько дней.

Она вздрогнула.

— Не спрашивайте, я вам объяснила... отчасти. Я недостаточно хороша для вас... я вас недостойна.

— Что это значит? То ли, что вы недостаточно образованны?

— Да, пожалуй,— прошептала она.— Ваши друзья стали бы меня презирать.

— Вы ошибаетесь... вы не знаете моих родителей. Ну, а что касается братьев, то мне нет дела...— Он обнял ее, опасаясь, как бы она от него не ускользнула.— Ведь вы не всерьез отказали мне, дорогая? Я уверен, что нет! Вы меня так измучили, что я ничего не могу делать — ни читать, ни заниматься музыкой. Я не тороплю вас, Тэсс, но хочу знать, хочу услышать из ваших милых уст, что когда-нибудь вы будете моей — в тот день, который назначите сами, но назначите непременно.

Она только покачала головой и отвернулась.

Клэр пристально смотрел на нее, изучая черты ее лица, словно какие-то иероглифы. По-видимому, она отказала ему вполне серьезно.

— Значит, я не смею вас обнимать... не смею? У меня нет никаких прав на вас... я не вправе подойти к вам, гулять с вами? Скажите по чести, Тэсс, вы любите другого?

— Как можете вы спрашивать? — проговорила она, пытаясь не потерять контроля над собой.

— Я почти знаю, что не любите. Но в таком случае почему же вы меня отталкиваете?

— Я вас не отталкиваю. Мне... мне приятно, когда вы говорите, что любите меня, и вы можете всегда говорить об этом, когда мы вместе... и я никогда не рассержусь.

— Но выйти за меня вы не хотите?

— А это другое дело... это для вашего же блага, милый! Поверьте мне, это только ради вас! Я была бы бесконечно счастлива, если бы могла обещать вам стать вашей женой, но... но я уверена, что не должна этого делать.

— Но с вами я буду счастлив!

— Да, вы так думаете, а если будет не так?

В подобных случаях, предполагая, что она из скромности считает себя неподходящей для него женой, так как не умеет вести себя в обществе, он начинал ее убеждать, говорил о восприимчивости и гибкости ее ума; и он не лгал: Тэсс была умна от природы, а любовь к Клэру помогла ей усвоить его словарь, произношение и с удивительной быстротой почерпнуть от него кое-какие знания. После этих нежных споров, одержав победу, она шла в дальний конец луга доить отбившуюся от стада корову, а если никакой работы не было, пряталась в осоке либо уходила в свою комнату и тихо плакала — всего лишь через несколько минут после своего внешне равнодушного отказа.

Тэсс выдерживала тяжелую борьбу: сердце ее было на его стороне — два пламенных сердца боролись с бедной маленькой совестью, — и Тэсс всеми доступными средствами пыталась подкрепить свою решимость. Она приехала в Тэлботейс, твердо зная, что ни при каких условиях не сделает шага, который впоследствии заставил бы ее мужа горько раскаиваться в своей слепоте. И она твердила себе, что требование ее совести, которому она готова была подчиниться в те дни, когда могла мыслить трезво, должно и теперь остаться непреложным.

«Почему никто не расскажет ему обо мне? — думала она. — Ведь это случилось всего за сорок миль отсюда! Почему не дошли сюда слухи? Ведь должен же кто-нибудь знать?»

Но никто, казалось, не знал, никто не сказал ему.

В течение следующих двух-трех дней они не разговаривали на эту тему.

По грустным лицам своих товарок Тэсс догадывалась, что они видят в ней его счастливую избранницу. Однако они не могли не заметить, что она избегает его по мере сил.

Впервые нить жизни Тэсс так четко разделилась надвое — радость и скорбь. В тот день, когда на мызе варили сыры, она снова осталась с Энджелом наедине. Хозяин мызы сам принимал участие в работе, но последнее время и мистер Крик, и его жена, казалось, подметили взаимную склонность молодых людей, хотя Энджел и Тэсс были так осторожны, что у хозяев могло возникнуть лишь самое смутное подозрение. Как бы то ни было, но фермер оставил их вдвоем.

Они крошили творог, прежде чем положить его в чаны, — эта операция походила на крошение огромных хлебов. Пальцы Тэсс Дарбейфилд, погруженные в белоснежную массу, розовели, как лепестки розы. Энджел, пригоршнями бросавший творог в чаны, вдруг оторвался от работы и положил обе руки на руки Тэсс. Рукава у нее были засучены выше локтя, и, наклонившись, он поцеловал голубую вену, просвечивавшую сквозь нежную кожу.

Хотя первые сентябрьские дни были жаркими, рука Тэсс, запачканная творогом, показалась ему холодной и влажной, как свежий гриб; она чуть пахла сывороткой. Чувствительность Тэсс была обострена до крайности: от одного его прикосновения пульс ее забился быстрее, кровь прилила к кончикам пальцев, и руки стали горячими. Затем сердце словно шепнуло ей: «Нужно ли его избегать? Правда всегда остается правдой, даже в отношениях между женщиной и мужчиной». Она подняла глаза, посмотрела на него с бесконечной преданностью, и нежная улыбка тронула ее губы.

— Вы знаете, почему я это сделал, Тэсс? — спросил он.

— Потому что вы меня очень любите.

— Да, а кроме того — это вступление к новым мольбам.

— Ах, нет!

На лице ее отразился испуг, словно она боялась, что упорство ее будет сломлено ее же собственным желанием.

— О Тэсси,— продолжал он,— я не понимаю, зачем ты меня так мучаешь? Зачем огорчаешь? Честное слово, можно подумать, что ты кокетка, настоящая городская кокетка. От них то холодом веет, то теплом,— точь-в-точь как от тебя. Вот уж не ждал я найти кокетку в такой глуши, как Тэлботейс. А все-таки, любимая,— поспешил он добавить, видя, как задели ее эти слова,— я знаю, что в мире нет человека честнее и искреннее тебя. Может ли мне прийти в голову, что ты со мной кокетничаешь? Тэсс, почему тебе неприятна мысль стать моей женой, если ты действительно меня любишь?

— Я никогда не говорила, что эта мысль мне неприятна, и не могу сказать, потому что... потому что это неправда!

Губы ее задрожали, и она должна была отойти от него, чувствуя, что силы ей изменяют. Клэр, измученный, недоумевающий, бросился за ней и поймал ее в коридоре.

— Скажи мне, скажи,— начал он, страстно обнимая ее и совсем не думая о том, что руки у него в твороге,— скажи, что никому, кроме меня, ты не будешь принадлежать!

— Да, да! — воскликнула она.— И я вам отвечу на все вопросы, только отпустите меня сейчас! Я вам расскажу свою жизнь... все о себе расскажу, все.

— Да, да, дорогая! Конечно, ты мне расскажешь обо всех твоих приключениях! — с ласковой иронией отозвался он, всматриваясь в ее лицо.— Я не сомневаюсь, что у моей Тэсс приключений было не меньше, чем у этого вьюнка на изгороди, который только сегодня утром распустился. Ты мне расскажешь все, что тебе угодно, только не повторяй больше этих гадких слов, будто ты меня недостойна.

— Хорошо, постараюсь. И завтра я вам объясню причину... нет, не завтра, на будущей неделе.

— Ну, скажем, в воскресенье?

— Хорошо, в воскресенье.

Наконец она ускользнула от него и бросилась к ивовым зарослям в дальнем конце двора, где никто ее не видел. Здесь росла мята. Тэсс упала на траву, словно на кровать, и скорчилась, изнемогая от тоски, которая на мгновение вдруг сменилась радостью,— даже предчувствие конца не могло ее залушить.

Действительно, она почти готова была уступить. Каждый ее вздох, каждая капля крови и биение пульса сливали свой голос с голосом природы, восставая против излишней щепетильности. Смело и бездумно дать свое согласие, соединиться с Энджелом перед алтарем, ничего не открыв ему, в надежде остаться необличенной, вырвать кусочек счастья, раньше чем успеют вонзиться в нее железные когти страдания,— вот к чему толкала ее любовь. Охваченная каким-то экстазом, Тэсс предчувствовала, что несмотря на многие месяцы тайного самообуздания и

борьбы, несмотря на решение вести отныне жизнь суровую и одинокую, любовь в конце концов победит.

Время шло, а Тэсс все еще оставалась в зарослях. Она слышала, как гремели подойники, когда их снимали с развилыстых кольев, раздался крик «уао-уао!», созывающий стада. Но она не пошла доить коров. Все замечать, как она взволнована, а хозяин, считая, что причиной ее волнения может быть только влюбленность, начнет добродушно ее поддразнивать,— этой пытки она не вынесет.

Должно быть, возлюбленный угадал ее состояние и как-нибудь объяснил ее отсутствие, потому что никто не искал и не окликал Тэсс. В половине седьмого закатилось солнце, и по небу, словно вырвавшееся из гигантского горна, разлилось пламя, а с другой стороны вскоре взошла чудовищная луна, напоминающая тыкву. На фоне этой луны изуродованные постоянной рубкой ивы походили на щетинистых чудовищ. Тэсс вошла в дом и, не зажигая света, поднялась наверх.

Это было в среду. В четверг Энджел задумчиво посматривал на нее издали, но не подходил. Товарки ее по комнате, Мэриэн и две другие, казалось, догадывались, что решительный момент приближается, и, встречаясь с ней в спальне, не досаждали ей своими замечаниями. Миновала пятница, настала суббота. Завтра предстояло объяснение.

— Я не устою... скажу — «да»... выйду за него замуж... я ничего не могу поделаты! — шептала она в ту ночь, прижимаясь горячим лицом к подушке, услышав, как одна из девушек бормочет во сне его имя.— Я никому не могу его уступить. Но это дурно по отношению к нему, это его убьет, когда он узнает! Сердце... о, мое сердце...

XXIX

— А ну-ка, угадайте, про кого я сегодня кое-что слышал! — сказал фермер Крик, усаживаясь на следующее утро за завтрак и загадочно посматривая на жующих работников и работниц.— Ну, как вы думаете, про кого?

Двое-трое попытались угадать; миссис Крик молчала, так как ей уже все было известно.

— Да об этом шалопае и повесе Джеке Доллопе,— объявил Крик.— Он недавно женился на вдове.

— Джек Доллоп? Вот негодяй! — сказал кто-то из работников.

Тэсс Дарбейфилд тотчас же вспомнила это имя — имя человека, который обманул свою возлюбленную, а затем спрятался в маслобойку и был сурово наказан матерью молодой женщины.

— А он женился, как обещал, на дочери храброй матроны? — рассеянно спросил Энджел Клэр, отрываясь от газеты, ко-

торую читал за отдельным столиком, куда упорно загоняла его миссис Крик из уважения к благородному его происхождению.

— Э, нет, сэр! Не таковский он парень,— ответил фермер.— Как я уже сказал, он женился на вдове, а у нее как будто водились деньжата — фунтов пятьдесят было в год; на них-то он и целился. Повенчались они второпях, а потом она ему объявила, что по выходе замуж теряет свои пятьдесят фунтов. Можете себе представить, как взбеленился парень! С тех пор живут они, как кошка с собакой. Поделом ему! Жаль только, что бедной женщине приходится еще хуже.

— Лучше бы она, глупая, ему сказала, что дух ее первого мужа не даст ему покоя,— заметила миссис Крик.

— Да, пожалуй,— нерешительно отозвался хозяин мызы.— Ну да ведь вон оно как вышло. Она хотела жить своим домом и боялась, как бы он от нее не улизнул. А как по-вашему, девушки?

И он повернулся к работницам.

— Она должна была сказать ему по дороге в церковь, когда он уж вряд ли мог удрать,— заявила Мэриэн.

— Да, верно,— согласилась Изз.

— Конечно, она догадывалась, на что он метит, и должна была ему отказать! — порывисто воскликнула Рэтти.

— А ты что скажешь, моя милая? — обратился мистер Крик к Тэсс.

— Мне кажется, она должна была сказать ему всю правду... или отказать... не знаю,— пробормотала Тэсс; кусок хлеба с маслом застрял у нее в горле.

— Вот уж этого бы я не сделала! — объявила Бэк Нибс, одна из замужних работниц.— В любви как на войне — все средства хороши. Я бы за него пошла, как и она; а посмей он меня хоть словом попрекнуть, почему я ему раньше кой о чем не рассказала, я бы его угостила скалкой. Парень он тщедушный, любая женщина с ним справится.

Взрыв смеха встретил эту шутку, и Тэсс заставила себя криво улыбнуться. То, что казалось им смешным, она воспринимала как трагедию и не могла слышать этот смех. Вскоре она встала из-за стола и, предчувствуя, что Клэр последует за ней, пошла по извилистой тропинке, тянувшейся вдоль берега оросительной канавы, которая привела ее к реке Вар. В верховьях реки работники срезали водоросли, и зеленая трава плыла мимо нее — движущиеся островки, на которых она могла, казалось, поместиться; длинные пучки водорослей обвивались вокруг свай, вбитых в дно, чтобы коровы не переходили реку вброд.

Да, вот что было особенно больно: вопрос, должна ли женщина поведать любимому историю своей жизни, был для нее тяжким крестом, а у других вызывал смех. Казалось, люди смеются над ее мученичеством.

— Тэсси! — раздалось за ее спиной, и Клэр, перепрыгнув через канаву, остановился подле нее.— Ты моя невеста, правда?

— Нет, нет, я не могу! Ради вас, мистер Клэр, ради вас я говорю «нет»!

— Тэсс!

— И все-таки — нет! — повторила она.

Не ожидая ответа, он обнял было ее за талию, про-сунув руку под распушенную косу. (По воскресеньям девушки помоложе, в том числе и Тэсс, завтракали, не закалывая кос, а потом, отправляясь в церковь, сооружали высокую прическу, которая в будние дни помешала бы доить коров.) Скажи она «да», он поцеловал бы ее,— несомненно, таково было его намерение,— но ее решительный отказ заставил заговорить его чуткую совесть. Жизнь под одной кровлей и неизбежные встречи ставили ее как женщину в столь невыгодное положение, что он считал нечестным воздействовать на нее ласками, к которым не постеснялся бы прибегнуть, имей она возможность не встречаться с ним. Он не поцеловал ее и снял руку с ее талии.

Это все и решило. У Тэсс хватило сил отказать ему только благодаря рассказу мистера Крика о вдове; еще секунда — и ее сопротивление было бы сломлено. Но Энджел не сказал больше ни слова. Он ушел, и на лице его застыло выражение растерянности.

Встречались они ежедневно, но, быть может, реже, чем прежде. Так пролетели еще две-три недели. Был конец сентября. Тэсс по глазам Клэра угадывала, что он решил повторить свою просьбу.

Теперь он изменил свою тактику, словно убедившись в том, что отказ ее объясняется, в конце концов, лишь смущением и молодостью,— она испугана его предложением. Ее порывистые, уклончивые ответы, когда заходила об этом речь, подтверждали его догадку, и он повел другую игру: был очень нежен, но не прикасался к ней, ограничиваясь словами.

Клэр настойчиво добивался ее согласия, и голос его звучал, как журчание молока; он ухаживал за ней, когда она доила коров, снимала сливки, сбивала масло, делала сыры, ходила на птичник или к поросившимся свиньям,— ни за одной доильщицей никогда так не ухаживали.

Тэсс знала, что силы ей изменят. Религиозное представление о какой-то моральной законности первого союза и добро-совестное желание быть искренней не могли ее поддержать. Слишком горячо она его любила и видела в нем божество; хотя она была простой, необразованной девушкой, все лучшее в ней страстно жаждало его духовного руководства. Тэсс упорно твердила: «Я не могу быть его женой»,— но эти слова были пустым звуком. Они лишь доказывали ее неуверенность, ибо сознание своей силы в словах не нуждается. Звук его голоса, повторявшего ей все те же клятвы, переполнял ее радостью и страхом, и, добиваясь его отречения от нее, она больше всего на свете страшилась, что он подчинится.

Как и всякий мужчина, держал он себя так, словно готов был любить ее, беречь и охранять, невзирая ни на какие условия, перемены, трудности, разоблачения,— и уныние ее рассеивалось, когда она думала о его любви. Приближалось равноденствие, и, хотя погода была ясная, дни стали гораздо короче. По утрам на мызе давно уже работали при свечах, и однажды в четвертом часу утра Клэр возобновил свои мольбы.

Еще в ночной рубашке, Тэсс, как всегда, подбежала к его двери, чтобы разбудить его, потом оделась и разбудила остальных, а через десять минут вышла со свечой в руке на площадку лестницы. В то же время Клэр без куртки спустился к ней и загородил дорогу.

— Ну-с, мисс кокетка,— повелительно сказал он,— подождите минутку! Две недели прошло с тех пор, как мы с вами говорили, и так продолжаться не может. Вы должны сказать, что у вас на уме, или мне придется оставить этот дом. Сейчас моя дверь была приоткрыта, и я вас увидел. Из-за вас я должен уехать. Вы не понимаете?.. Ну? Скажете ли вы наконец «да»?

— Я только что встала, мистер Клэр, и, право же, сейчас еще слишком рано, чтобы меня бранить,— притворилась она обиженной.— Не называйте меня кокеткой, это жестоко и несправедливо. Подождите немного. Пожалуйста, подождите! Теперь я подумаю об этом серьезно. Дайте мне пройти!

Ее и в самом деле можно было заподозрить в кокетстве, когда, держа в вытянутой руке свечу, она пыталась улыбнуться, хотя говорила серьезно.

— Ну так зовите меня Энджелом, а не мистером Клэром.

— Энджел...

— Скажите: дорогой Энджел.

— Но ведь, если я так скажу, значит, я согласна?

— Нет, это значит только, что вы меня любите, даже если и не можете выйти за меня, а вы были столь добры, что давно уже в этом признались.

— Ну хорошо... раз вы меня заставляете, я скажу: дорогой Энджел,— прошептала она, не спуская глаз со своей свечи; хотя она была очень взволнована, на губах ее мелькнула лукавая усмешка.

Клэр решил не целовать ее, пока не добьется ее согласия, но Тэсс в рабочем платье, изящно подколотом, с волосами, небрежно закрученными на голове,— девушки причесывались позднее, после доения коров,— эта Тэсс заставила его забыть о принятом решении, и он прикоснулся губами к ее щеке. Она быстро сбежала по лестнице, не оглянувшись и не сказав ни слова. Три другие девушки были уже внизу, и разговор не возобновился. При тусклом, желтом свете свечей, сливавшемся с первыми холодными лучами зари, они, за исключением Мэриэн, посмотрели на парочку грустно и подозрительно.

Когда сняты были сливки — теперь на эту работу уходило мало времени, так как с приближением осени коровы давали все

меньше молока,— Рэтти и остальные работники вышли из дому. Влюбленные последовали за ними.

— Нащи переживания так не похожи на ту жизнь, которую ведут они, не правда ли? — задумчиво сказал он ей, поглядывая на трех девушек, идущих впереди в холодном бледном свете загорающегося дня.

— Разница не так уж велика,— отозвалась она.

— Почему вы так думаете?

— Почти у всех женщин есть эти... переживания,— запинаясь, выговорила Тэсс новое слово, которое, по-видимому, произвело на нее впечатление.— Вы ведь не все о них знаете.

— Что ж мне знать о них?

— Каждая... почти каждая...— начала она,— была бы, пожалуй, лучшей женой, чем я. И, быть может, они любят вас так же, как я... почти так же.

— О Тэсси!

Казалось, это нетерпеливое восклицание обрадовало ее и успокоило, хотя она мужественно решила быть великодушной во зло себе. Так она и поступила, но на вторичную попытку унизить себя у нее не хватило сил. К ним подошел один из приходящих работников, и больше они не возвращались к разговору, который глубоко интересовал обоих. Однако Тэсс знала, что этот день будет решающим.

К вечеру домочадцы и работники Крика ушли, по обыкновению, на луг доить коров, которые паслись далеко от мызы. Коровы давали мало молока, так как приближалось время, когда им предстояло телиться, и многие доильщики, работавшие летом, были отпушены.

Работали не спеша. Из подойников выливали молоко в высокие металлические бидоны, стоявшие на большой рессорной повозке; выдоенные коровы лениво отходили прочь.

Фермер Крик работал вместе с остальными, и его белый халат резко выделялся на фоне свинцового вечернего неба. Вдруг он посмотрел на свои массивные часы.

— Э, да сейчас позднее, чем я думал! — воскликнул он.— Нужно поторопиться, чтобы не опоздать на станцию. Сегодня мы не успеем вернуться домой и соединить эти бидоны с остальными. Придется ехать прямо отсюда. Кто повезет молоко?

Мистер Клэр предложил свои услуги, хотя это и не входило в его обязанности, и попросил Тэсс его сопровождать. Хотя небо было затянуто облаками, для конца сентября вечер был душный и теплый, и Тэсс вышла на луг без верхней кофточки, в чепце и в платье с короткими рукавами. Разумеется, этот костюм не подходил для поездки. Она бросила взгляд на свое легкое платье, но Клэр мягко настаивал. Попросив фермера отнести домой скамеечку и подойник, она согласилась и уселась рядом с Клэром в повозку.

В надвигающихся сумерках они ехали по ровной дороге, пересекавшей растянувшиеся на много миль луга, за которыми вставали темные крутые склоны Эгдон-Хита. На вершине виднелись купы елей, и зазубренные их верхушки напоминали зубчатые башни, увенчивающие черный заколдованный замок.

Близость друг к другу поглотила все мысли и чувства Клэра и Тэсс; долго не нарушали они молчания, и в тишине слышался лишь плеск молока в высоких бидонах. Проселок, которым они ехали, был таким уединенным, что никто никогда не срывает здесь орехов с ветвей, и, созревая, они падали на землю, а ягоды ежевики висели тяжелыми гроздьями. Энджел кнутом притягивал к себе ветки, срывает ягоды и подавал их Тэсс.

Вскоре хмурое небо послало первых предвестников ненастья — упали тяжелые капли дождя, и духота сменилась порывами ветра, игравшего волосами путников. Речки и пруды уже не отливали ртутным блеском; широкая зеркальная гладь превратилась в тусклую свинцовую пелену, казавшуюся шероховатой. Но Тэсс оставалась задумчивой; дождь бил ее по лицу, и румянец на загорелых щеках стал ярче. Как всегда, волосы ее растрепались, так как она доила коров, прижимаясь головой к их животу; из-под оборок коленкорového чепчика выбились прядки, и, смоченные дождем, они напоминали липкие водоросли.

— Пожалуй, лучше было мне не ехать,— прошептала она, поглядывая на небо.

— Мне очень неприятно, что вы оказались под дождем,— сказал он,— но как я рад, что вы со мною.

Далекий Эгдон скрылся за дождевой сеткой. Стемнело, и можно было ехать только шагом, так как дорога то и дело пересекалась шлагбаумами. Стало прохладно.

— Боюсь, как бы вы не простудились — ведь руки и шея у вас открыты,— сказал он.— Придвиньтесь ближе ко мне, и дождик до вас не доберется. Я бы еще больше беспокоился, если бы не надеялся, что дождь будет мне союзником.

Она незаметно придвинулась ближе, и он набросил на нее и на себя большой кусок парусины, которым иногда прикрывали от солнца бидоны с молоком. Так как у Клэра руки были заняты, то Тэсс придерживала парусину, чтобы она не соскользнула.

— Ну, вот и отлично... Нет, не совсем: дождь стекает мне на шею, а вам, должно быть, приходится еще хуже. Вот теперь хорошо. Тэсс, руки у вас — как влажный мрамор. Вытрите их парусиной. Теперь дождь вам не страшен, если будете сидеть смирно. Ну, дорогая, что же вы мне ответите на мой вопрос? Я долго ждал.

В ответ он услышал только хлюпанье копыт по грязи да плеск молока в бидонах, стоявших за его спиной.

— Вы помните, что вы мне сказали?

— Помню, — отозвалась она.

— Вы мне ответите раньше, чем мы вернемся домой?

— Постараюсь.

Больше он не настаивал. Вдали показались развалины старого замка времен Карла Первого. Они четко вырисовывались на фоне неба, а потом остались позади.

— Вот это интересное место, — начал он, желая развлечь ее. — Одно из многих поместий, принадлежавших древнему нормандскому роду, который некогда пользовался огромным влиянием в этой части страны, — роду д'Эрбервиллей. Я всегда о них вспоминаю, проезжая мимо их бывших владений. Есть что-то грустное в вымирании древнего знаменитого рода, даже если представители этого рода прославились как жестокие и властные феодалы.

— Да, — сказала Тэсс.

В темноте они медленно продвигались вперед, и вдали маячил слабый свет — там, где днем на темно-зеленом фоне появлялась белая полоска дыма, — знак, свидетельствующий о том, что между уединенным их мирком и современной жизнью устанавливается время от времени связь. Раза три-четыре в день современная жизнь вытягивала белое свое щупальце, прикасалась к здешнему мирку, а затем щупальце быстро втягивалось, словно прикоснулось к чему-то чуждому.

Слабый свет исходил от закоптелой лампы на маленькой железнодорожной станции — от жалкой земной звезды, которая, впрочем, имела в некотором смысле больше значения для обитателей мызы Тэлботейс и всего человечества, чем небесные светила, хотя далеко ей было до них. Повозку начали разгружать, а Тэсс спряталась от дождя под ближайшим деревом.

Послышалось шипение паровоза, по мокрым рельсам поезд почти бесшумно подошел к станции, и бидоны с молоком были быстро погружены на товарную платформу. Фонари локомотива на секунду осветили Тэсс Дарбейфилд, неподвижно стоявшую под огромным остролистом. Ни одно существо не могло быть более чуждо этим сверкающим рычагам и колесам, чем Тэсс — наивная девушка с полными обнаженными руками, с мокрыми от дождя волосами и лицом; на ней было ситцевое, отнюдь не модное платье, коленкорový чепчик сдвинулся на лоб; она напоминала ласкового, отдыхающего леопарда.

Снова она уселась возле своего возлюбленного с той молчаливой покорностью, какая иногда свойственна страстным натурам. Завернувшись с головой в парусину, они снова окунулись в глубокий мрак ночи. Тэсс была очень впечатлительна, и промелькнувшая перед ней вихрем картина технического прогресса заставила ее глубоко задуматься.

— Завтра утром лондонцы будут пить за завтраком это молоко, правда? — спросила она. — Незнакомые люди, которых мы никогда не видели.

— Да, должно быть, будут пить. Но не в том виде, в каком мы его посылаем. Нужно его разбавить, чтобы оно не ударило им в голову.

— Знатные мужчины и женщины, посланники, дамы, торговки и дети, никогда не видевшие ни одной коровы.

— Да, пожалуй.

— Люди, которые понятия о нас не имеют и не знают, откуда явилось это молоко; им и в голову не придет, что сегодня, под дождем, мы проехали много миль по лугам, чтобы доставить его вовремя.

— Это путешествие мы совершили не только ради почтенных лондонцев, но и ради нас самих, — нам ведь необходимо поговорить об одном очень важном деле; и я уверен, что сегодня мы покончим с ним, дорогая Тэсс. Выслушайте

меня: ведь вы мне уже принадлежите — я говорю о вашем сердце. Не правда ли?

— Вы это знаете не хуже, чем я. Да, да!

— Но если ваше сердце принадлежит мне, то почему же вы мне отказываете в своей руке?

— Я думаю только о вас... Я хотела спросить... Я должна вам кое-что сказать...

— Ну представьте себе, что вы это делаете только ради моего счастья и благополучия.

— О, если бы это было так... Но моя прежняя жизнь — до того, как я поселилась тут... я хочу...

— Да, для моего счастья и благополучия. Если я арендую большую ферму в Англии или в колониях, вы будете незаменимой женой для меня, лучшей, чем любая девица из самого знатного рода. Тэсси, милая, пожалуйста, перестаньте думать о том, что вы станете мне поперек дороги.

— Но моя жизнь... Я хочу, чтобы вы ее знали. Вы должны выслушать, тогда вы меня будете меньше любить.

— Расскажите, если хотите, дорогая. Расскажите вашу чудесную жизнь. Ну-с, родилась я там-то, в таком-то году...

— Я родилась в Марлотте,— начала она, цепляясь за его слова, сказанные шутливым тоном.— Там я и выросла, училась в школе, но шестого класса не закончила. Говорят, я была очень способной и могла сделаться хорошей учительницей. И решено было, что я буду учительницей. Но моей семье жилось тяжело, мой отец не очень-то любил трудиться и к тому же выпивал.

— Да, да! Бедное дитя! Старая история! — Он крепче прижал ее к себе.

— А потом... я должна вам рассказать... Это очень необычно... это касается меня... я... я... была...

Голос Тэсс прервался.

— Да, милая, не волнуйтесь.

— Я... я не Дарбейфилд, а д'Эрбервилль... из того самого рода д'Эрбервиллей, владевших старым замком, мимо которого мы проехали. И мы все обеднели.

— Д'Эрбервилль! Вот как! Это и смущало вас, дорогая моя?

— Да,— чуть слышно проговорила она.

— Но почему же я буду меньше любить вас теперь?

— Хозяин говорил, что вы ненавидите старинные роды. Он расхохотался.

— Ну что ж, в этом есть доля правды. Мне ненавистен аристократический принцип чистоты крови, который они ставят превыше всего. Я считаю, что уважать мы должны лишь духовные качества — ум и добродетель, а отнюдь не благородное происхождение. Но эта новость меня заинтересовала; вы не можете себе представить, как я заинтересован. А разве вас не занимает, что вы происходите из такого знатного рода?

— Нет. Мне это казалось печальным... в особенности с тех пор, как я сюда приехала и узнала, что эти холмы и поля когда-то принадлежали предкам моего отца. Но другие холмы и поля принадлежали предкам Рэтти и, быть может, Мэриэн, так что я ничего особенного в этом не вижу.

— Да, удивительно, как много людей, обрабатывающих теперь эту землю, некогда владело ею! Не понимаю, почему не воспользуются этим представители некоторых политических школ! Но они, по-видимому, не знают... Странно, что я не заметил сходства вашей фамилии с фамилией д'Эрбервилль, не уловил искажения, бросающегося в глаза. Так вот она, страшная тайна!

Тэсс промолчала. В последнюю секунду мужество ей изменило: она боялась, как бы не упрекнул он ее за то, что она не сказала ему обо всем раньше. И инстинкт самосохранения оказалась сильнее ее чистосердечия.

— Конечно,— продолжал ничего не подозревающий Клэр,— я был бы рад, если бы вы происходили из среды многострадального, немногого и неизвестного простого народа, а не от этих корыстолюбцев, которые составляют меньшинство и могущества достигли в ущерб остальным. Но меня испортила любовь к вам, Тэсс,— добавил он со смехом,— и сделала корыстолюбивым. Узнав о вашем происхождении, я радуюсь за вас. Общество состоит из неисправимых снобов, и теперь — благодаря вашим предкам — с большой охотой примет вас как мою жену, тем более что я намерен заняться вашим образованием и сделать вас начитанной женщиной. Да и моя мать, бедняжка, будет лучшего мнения о вас, Тэсс. С этого дня вы должны правильно произносить свою фамилию — д'Эрбервилль.

— Прежняя мне больше нравится.

— Но вы должны, дорогая! Ведь десятки выскочек-миллионеров ухватились бы за такую фамилию. Кстати, один из них завладел этим именем... Где я о нем слышал? Кажется, в окрестностях Заповедника. Ну конечно, это тот самый человек, который повздорил с моим отцом,— я вам о нем рассказывал. Какое странное совпадение.

— Энджел, я не хочу носить эту фамилию! Быть может, она приносит несчастье!

Тэсс была взволнована.

— Вот вы и попались, госпожа Тереза д'Эрбервилль. Возьмите мою фамилию, и вы избавитесь от своей! Тайна открыта, и теперь у вас нет оснований мне отказывать.

— Если в самом деле вы будете счастливы, женившись на мне, и если чувствуете, что вы очень-очень хотите сделать меня своей женой...

— Конечно, дорогая!

— Если только вы меня любите так сильно, что не можете без меня жить (какой бы я ни была дурной), то, пожалуйста, я должна согласиться.

— Ты согласишься — да нет, ты уже согласилась! Ты будешь моей до конца жизни!

Он крепко обнял ее и поцеловал.

— Да.

Не успела она выговорить это слово, как разрыдалась без слез,— казалось, сердце ее не выдержит. Тэсс отнюдь не была истеричкой, и Клэр был изумлен.

— О чем ты плачешь, любимая?

— Не могу сказать... не знаю... я так рада, что я ваша и могу дать вам счастье.

— Но это не очень-то похоже на радость, моя Тэсси!

— Я... плачу потому, что не сдержала клятвы! Я говорила, что никогда не выйду замуж.

— Но если ты меня любишь, значит, ты хочешь, чтобы я был твоим мужем.

— Да, да, да! Но... ах, зачем только я родилась на свет!

— Милая моя Тэсс, не знай я, что ты так взволнована и очень неопытна, это восклицание показалось бы мне не особенно лестным. Как можешь ты так говорить, если действительно меня любишь? Любишь ты меня? Хотел бы я, чтобы ты это как-нибудь доказала.

— Какие вам еще нужны доказательства? — воскликнула она в порыве бесконечной нежности.— Быть может, вот это?

Она обвила рукой его шею, и Клэр впервые узнал, как целует страстная женщина человека, которого любит всей душой.

— Ну вот... теперь ты веришь? — спросила она, краснея и вытирая глаза.

— Да. И, в сущности, я никогда не сомневался... никогда!

Они ехали во мраке, сжавшись в один комок под парусиной, и лошадь брела, как ей вздумается, а дождь хлестал по ним. Тэсс согласилась. Она могла бы согласиться с самого начала. «Жажда радости», которой проникнуто все живое, эта великая сила, влекущая человечество по своему произволу, как влечет поток беспомощные водоросли, не могла быть подавлена туманными размышлениями об общественных предрассудках.

— Я должна написать матери,— сказала Тэсс.— Ты ничего против этого не имеешь?

— Конечно, ничего, дорогое дитя! Тэсс, ты еще ребенок, если не понимаешь, что как раз теперь-то и нужно написать твоей матери, и я поступил бы дурно, если бы стал возражать. Где она живет?

— Там же, в Марлотте. В конце Блекмурской долины.

— Так, значит, я тебя действительно видел раньше...

— Да, когда мы плясали на лугу. Но ты не хотел со мной танцевать. О, я надеюсь, что это не было дурным предзнаменованием!

На следующий же день Тэсс послала очень трогательное письмо своей матери, а в конце недели получен был ответ, написанный нетвердым старомодным почерком Джоан Дарбейфилд.

«Дорогая Тэсс, пишу тебе эти несколько строк в надежде, что они застанут тебя в добром здоровье; и я тоже, слава богу, здорова. Дорогая Тэсс, мы все рады были узнать, что ты скоро выйдешь замуж. Но на твой вопрос, Тэсс, я тебе отвечу между нами, по секрету, но очень твердо: не говори ему ни в коем случае о своей прошлой беде. Я не все рассказывала твоему отцу — очень уж он гордился, что был из почтенной семьи, а может быть, и нареченный твой такой же. Многие женщины — и даже самые благородные — попадали в свое время в беду, и если они об этом не трубят, то незачем и тебе трубить. Ни одна девушка не была бы такой дурой, тем более что это случилось давным-давно и ты тут ни при чем. Я тебе то же самое отвечу, хотя бы ты меня пятьдесят раз спрашивала. И вот что ты еще должна помнить: я всегда знала, что ты ребенок и по простоте своей готова выболтать все, что есть у тебя на душе, — и вот, заботясь о том, чтобы тебе было лучше, я взяла с тебя слово молчать об этом; и ты, уходя из дому, торжественно дала мне обещание. О твоём вопросе и твоей судьбе я отцу не говорила, потому что он человек простой и сейчас же обо всем разболтает.

Дорогая Тэсс, бодрись, а мы пришлем тебе на свадьбу бочку сидру, потому что в тех краях сидра мало и он слабый и кислый. Писать больше не о чем, передай привет своему жениху.

Любящая тебя мать Дж. Дарбейфилд»

— Ах, мама, мама! — вздохнула Тэсс.

Она понимала, как мало затрагивают самые печальные события эластичный ум миссис Дарбейфилд. Мать смотрела на жизнь иначе, чем Тэсс. Трагическое событие, воспоминание о котором преследовало Тэсс, было для ее матери лишь случайным эпизодом. Но, быть может, мать, какими бы доводами она ни руководствовалась, указывает правильный путь? Кажется, молчание обеспечивало счастье ее возлюбленного, — значит, нужно молчать.

Получив приказ от единственного в мире человека, который имел хоть какое-то право контролировать ее поступки, Тэсс начала успокаиваться. С нее сняли ответственность, и впервые за много недель у нее стало легче на душе. Согласие свое она дала в начале осени, а в октябре осень вступила в свои права, и все это время Тэсс жила в приподнятом душевном состоянии, которое граничило с экстазом и было ей еще неведомо.

В любви ее к Клэру вряд ли был даже намек на что-нибудь земное. Ее вера в него не знала границ. Для нее он был совершенством, знал все, что должен знать учитель, философ и друг. Каждая черта его лица, каждая линия его фигуры казалась ей воплощением мужской красоты, его душа была для нее душой святого, а ум — умом пророка. Умудренная любовью к нему, она держала себя с достоинством и словно носила корону. Сознание, что он ее любит, заставляло ее благоговеть перед ним. Иногда он ловил преданный взгляд ее больших глаз, казавшихся бездонными, — она смотрела не него так, словно он был существом бессмертным.

Мысль о прошлом она отогнала, растоптала прошлое, как топчут уголек, тлеющий и опасный, и отбросила.

Она не знала, что мужчина в своей любви к женщине может быть столь бескорыстен и рыцарски предан. В этом отношении Энджел Клэр был не таков, каким она его себе представляла, далеко не таков, — но действительно духовная сторона одерживала в нем верх над животной; он умел владеть собой и никогда не бывал груб. Отнюдь не холодный по природе, он был скорее чувствительным, чем пылким, более походил на Шелли, чем на Байрона; мог любить до безумия, но его любовь была духовной, платонической, она помогала ему ревниво оберегать возлюбленную от самого себя. Это изумляло и чаровало Тэсс, ибо ее столь малый опыт в этой области был печален. Ожесточение против всего мужского пола перешло в безмерное восхищение Клэром.

Они открыто искали общества друг друга: чистосердечная и доверчивая, она не скрывала своего желания быть с ним. Чутье подсказывало ей, что уловки, свойственные женщинам и привлекающие мужчин, могут оттолкнуть столь безупречного человека, после того как она призналась ему в любви, — ибо уловки по природе своей искусственны.

По деревенскому обычаю, обрученные могут, не стесняясь, проводить время вместе, и Тэсс это казалось совершенно естественным, ибо других обычаев она не знала, однако Клэр находил такую свободу несколько преждевременной, пока не убедился, как просто относятся к этому Тэсс и все остальные обитатели мызы. В эти ясные октябрьские дни они бродили вдвоем среди лугов по тропинкам, тянувшимся вдоль журчавших ручьев, и по деревянным мостикам переходили с одного берега на другой. До слуха их всегда доносилось журчание воды у какой-нибудь плотины — аккомпанемент их тихим разговорам, а лучи солнца, почти горизонтальные, как сами луга, словно одевали все кругом сверкающей пылью. Они видели голубоватую дымку в тени деревьев и изгородей, когда вокруг все было залито солнечным светом. Солнце стояло над землей так низко, а местность была такая ровная, что тени Клэра и Тэсс тянулись вперед на четверть мили,

словно два длинных пальца, указывающих вдаль — туда, где холмы замыкали зеленую долину.

В лугах повсюду работали люди; в эту пору года прочищались каналы для зимнего орошения, укреплялись их берега, осыпавшиеся под копытами скота. Жирный чернозем на лопатах, черный, как смола, был принесен сюда рекой в ту пору, когда вся долина была ее руслом, и он даровал исключительное плодородие лугам. Недаром тучнели пасущиеся здесь стада.

Не стесняясь рабочих, Клэр смело обнимал ее за талию, словно привык ухаживать на виду у всех, хотя в действительности смущался не меньше, чем Тэсс, которая, с полуоткрытым ртом, украдкой, как насторожившийся зверек, поглядывала на рабочих.

— Тебе не стыдно гулять со мной на виду у всех, как со своей невестой? — радостно говорила она.

— Конечно, нет.

— Но если твои родные в Эмминстере узнают, что ты прогуливаешься вот так со мной, простой доильщицей?

— Самой очаровательной из всех доильщиц!

— Как бы они не сочли это оскорблением их достоинства.

— Дорогая моя, д'Эрбервилль не может нанести оскорбление достоинству какого-то Клэра. Твоя фамилия — наша козырная карта, и для большего эффекта я ее открою, когда мы повенчаемся и получим от священника Трингхэма доказательства твоего происхождения. А кроме того, мое будущее несколько не касается моей семьи и ни малейшего отношения к ней не имеет. Мы уедем из этого графства, а быть может, и из Англии, — не все ли равно, как будут относиться к нам здесь? Тебе хочется уехать?

Она могла ответить только коротеньким «да» — так глубоко взволновала ее мысль о том, что она уедет с ним в широкий мир, — уедет, как самый близкий и родной ему человек. Казалось, она слышала свои чувства, как слышат журчание волн, и слезы подступили к горлу. Тэсс взяла Клэра за руку, и они пошли к реке — туда, где под мостом отражалось в воде солнце и металлический блеск слепил глаза, хотя само светило было заслонено мостом. Здесь они залюбовались видом, и попрятавшиеся зверьки и птички высунули свои головки, но тотчас же скрылись, убедившись, что страшные люди не прошли, а просто остановились. Но они медлили на берегу, пока не сомкнулся вокруг них туман, который рано поднимается над рекой в осеннюю пору, и хрустальные капли не осели на ресницах Тэсс, на волосах и бровях Клэра.

По воскресеньям они гуляли позднее, в сумерках. Кое-кто из обитателей мызы, возвращаясь домой в первый воскресный вечер после их помолвки, слышал восторженные речи Тэсс, и, хотя слов нельзя было разобрать, узнал ее голос, прерываю-

щийся от волнения, когда она шла, опираясь на его руку, и чувствовал, каким счастьем исполнено ее молчание и ее смех, в котором словно изливалась ее душа,— смех женщины, идущей рядом с любимым человеком, который избрал ее среди всех других женщин; ничто в мире не сравнится с этим смехом. И обитатели мызы дивились легкости ее походки: она скользила, словно птица, взлетающая ввысь.

Любовь к нему была теперь дыханием Тэсс, ее жизнью; эта любовь окутывала ее, как фотосфера; в ее сиянии Тэсс забывала былые горести, и мрачные призраки, настойчиво пытавшиеся завладеть ею — сомнение, страх, уныние, беспокойство, стыд,— отступали от нее. Она знала, что за пределами светлого круга они подстерегают ее, словно волки, но теперь у нее была власть удерживать их, голодных, в повиновении.

Душа забывала, но рассудок помнил. Тэсс шла озаренная светом, но знала, что за ее спиной всегда стоят эти темные призраки. И каждый день они могли либо отступить на шаг, либо приблизиться.

Однажды вечером все обитатели мызы ушли, а Тэсс и Клэр должны были остаться сторожить дом. Разговаривая с Клэром, она задумчиво взглянула на него — он смотрел на нее с восхищением.

— Я недостойна тебя! Нет, недостойна! — воскликнула она, вскакивая с низкой скамеечки.

Казалось, ее пугали и его преклонение, и собственная ее радость. Клэр, считая причиной ее волнения то, что на самом деле составляло лишь малую часть этой причины, сказал:

— Тэсс, дорогая, мне неприятно, когда ты так говоришь. Достоинство человека заключается не в умении щегольнуть внешним лоском, которого требуют жалкие условности, принятые в обществе, а в правдивости, честности, справедливости, чистоте и добром имени — как у тебя, моя Тэсс!

Она старалась подавить рыдания. Как часто сердце ее ныло, когда в церкви перечислялись эти добродетели, и как странно, что именно теперь вздумал он о них вспомнить!

— Почему ты не остался и не полюбил меня, когда я... когда я жила с братьями и сестрами... и мне было шестнадцать лет, а ты танцевал на лугу? Почему ты меня не полюбил, почему? — бормотала она, заламывая руки.

Энджел стал ее утешать и успокаивать, думая — и не без основания — о том, какая она нервная и как бережно должен он к ней относиться, когда счастье ее будет всецело зависеть от него.

— Да, почему я не остался? — повторил он.— Я тоже об этом думаю. О, если бы я знал! Но почему ты так горько сожалешь... стоит ли так огорчаться?

По-женски скрытная, она схитрила:

— Твое сердце принадлежало бы мне уже четыре года, и я бы не потеряла этих лет. Была бы счастлива гораздо дольше!

Так могла бы терзать себя зрелая женщина с темным прошлым, сотканном из интриг, а не простодушная двадцатилетняя девушка, которая в годы ранней юности попала, словно птица, в силки. Чтобы успокоиться, она встала со своего маленького табурета и вышла из комнаты, опрокинув его подолом юбки.

Клэр остался сидеть у очага, в котором весело трещали сырые ясеневые сучья и на концах их пузырился сок. Тэсс вернулась успокоенная.

— Не кажется ли тебе, Тэсс, что ты чуточку своенравна и порывиста? — добродушно сказал он, положив для нее подушку на табурет и усаживаясь подле, на скамью. — Я хотел кое о чем тебя спросить, а ты вдруг убежала.

— Да, пожалуй, я своенравна, — прошептала она.

Потом подошла и положила руки ему на плечи.

— Нет, Энджел, право же, я несколько не своенравна — то есть это у меня не в характере.

И, словно желая убедить его, она села рядом с ним на скамью и положила голову ему на плечо.

— О чем ты хотел меня спросить? Я на все отвечу, — продолжала она покорно.

— Тэсс, ты меня любишь и согласилась быть моей женой, а отсюда следует вопрос: когда день нашей свадьбы?

— Мне нравится жить так, как теперь.

— Но в начале нового года или немного позднее я должен подумать о том, чтобы начать свое собственное дело. И раньше, чем меня поглотят новые заботы, я хотел бы получить твое согласие.

— Но если рассуждать практически, не лучше ли будет нам повенчаться после этого? — робко возразила она. — Хотя я даже подумать не могу, что ты уедешь и оставишь меня здесь!

— Ну конечно! И это было бы гораздо хуже. Мне нужна твоя помощь, когда я буду устраиваться на новом месте. Ну, так когда же свадьба? Через две недели?

— Нет, — сказала она серьезно. — Мне о многом надо подумать.

— Но...

Он ласково привлек ее к себе.

Теперь, когда недалек был день свадьбы, ей стало страшно. Но не успели они обсудить этот вопрос, как из-за спинки скамьи вышли фермер Крик, миссис Крик и две работницы.

Тэсс отскочила от Клэра, словно резиновый мяч; лицо ее покраснелось, глаза заблестели.

— Я знала, что так оно и будет, если я сяду рядом с ним! — воскликнула она с досадой. — Так я и знала, что они

войдут и поймают нас! Но, право же, я не сидела у него на коленях, хотя и могло показаться, будто сидела.

— Ну, если бы нам ничего не сказали, мы бы и не заметили при таком свете, как вы тут сидите,— отозвался фермер и повернулся к жене с видом человека, ничего не смыслящего в любовных делах.— Никогда не следует гадать о том, что думают другие люди, когда они ничего не думают. Да я бы и не приметил, где она там сидит, если бы она сама не сказала.

— Мы скоро поженемся,— проговорил Клэр с напускным спокойствием.

— А, вот оно что! От души рад это слышать, сэр. Я давно уже подумывал, что так оно и случится. Она слишком хороша для доильщицы, я это сказал, как только ее увидел. Находка для всякого мужчины и чудесная жена для джентльмена-фермера, с такой помощницей вам никакого управляющего не нужно.

Между тем Тэсс скрылась. Смutilи ее не столько грубые похвалы Крика, сколько взгляды вошедших с ним девушек.

После ужина, когда она поднялась в спальню, все ее товары были уже там. Горел свет, девушки в белых рубашках сидели на своих кроватях и, словно мстительные привидения, поджидали Тэсс.

Но вскоре она убедилась, что злого чувства к ней они не питают. Ведь она лишились того, чего никогда не имели. Настроение их было скорее задумчивым и созерцательным.

— Он на ней женится! — прошептала Рэтти, не спуская глаз с Тэсс.— Как это видно по ее лицу!

— Ты и *вправду* выйдешь за него замуж? — спросила Мэриэн.

— Да,— сказала Тэсс.

— Когда?

— Когда-нибудь.

Они подумали, что она хочет уклониться от ответа.

— Да, она *выходит за него...* за джентльмена! — повторила Изз Хюэт.

И три девушки, словно зачарованные, одна за другой встали с постели и босиком подошли к Тэсс. Рэтти положила руки ей на плечи, как будто хотела убедиться, что совершившееся чудо не сделало ее подругу бесплотной, Изз и Мэриэн обняли ее за талию, и все три смотрели ей в лицо.

— Странно это! Я даже представить себе не могу! — сказала Изз Хюэт.

Мэриэн поцеловала Тэсс и после поцелуя прошептала:

— Да.

— Почему ты ее поцеловала? Из любви к ней или потому, что ее целовали другие губы? — сухо спросила Изз.

— Я об этом не подумала,— простодушно ответила Мэриэн.— Я только почувствовала, как это странно... странно, что его женой будет она, а не кто-нибудь другой. Я не о нас гово-

рю — мы-то никогда об этом не думали и только любили его. А все-таки его женой будет она, а не какая-нибудь знатная леди в драгоценных камнях и золоте, в шелку и атласе: она — такая же, как и мы.

— Вы не разлюбите меня за это? — тихо спросила Тэсс.

Фигуры в белых ночных рубашках молча наклонились к ней, словно в ее глазах искали ответа.

— Я не знаю... не знаю,— пробормотала Рэтти Придл.— Я хочу тебя ненавидеть — и не могу.

— И я тоже,— как эхо отозвались Изз и Мэриэн.— Я не могу ее ненавидеть. Что-то мне мешает.

— Ему следовало бы жениться на ком-нибудь из вас,— прошептала Тэсс.

— Почему?

— Вы все лучше меня.

— Мы лучше тебя? — шепотом переспросили девушки.— Нет, нет, милая Тэсс!

— Лучше! — возразила она настойчиво.

И вдруг вырвалась из их объятий и расплакалась истерически, прижавшись головой к комоду и повторяя:

— Да, да, да!

Разрыдавшись, она не могла успокоиться.

— Он должен был жениться на ком-нибудь из вас! — кричала она.— И теперь еще я должна была бы его убедить! Вы ему больше подходите... О, я не знаю, что говорю!

Они бросились к ней, обняли ее, но она все еще сотрясалась от рыданий.

— Дайте воды,— сказала Мэриэн.— Бедняжка, она из-за нас так плачет!

Они осторожно усадили ее на кровать и ласково поцеловали.

— Ты лучше нас,— говорила Мэриэн.— Манеры у тебя лучше, и ты учнее нас... он ведь сам тебя обучал. И ты должна гордиться этим. Да ты и гордишься, правда?

— Да,— сказала Тэсс,— и мне стыдно, что я так расплакалась.

Когда они улеглись и потушили свет, Мэриэн сказала шепотом:

— Тэсс, думай о нас, когда будешь его женой: не забывай, как мы говорили тебе, что любим его, и старались не чувствовать к тебе ненависти... И не чувствовали; мы не могли тебя ненавидеть, потому что он выбрал тебя, а мы на это не надеялись.

Они не подозревали, что при этих словах жгучие соленые слезы снова смочили подушку Тэсс. И в отчаянии она решила, несмотря на запрещение матери, рассказать Энджелу Клэру все. Пусть презирает ее тот, кем она жила и дышала, пусть мать считает ее дурой — это лучше, чем хранить молчание, которое было бы предательством по отношению к нему и почему-то казалось грехом по отношению к подругам.

Покаянное настроение Тэсс мешало ей назначить день свадьбы. В начале ноября этот вопрос еще оставался без ответа, хотя Клэр задавал его в такие минуты, когда ей трудно было устоять. Однако Тэсс как будто хотела вечно быть невестой и не вносить никаких перемен в свою жизнь.

Луга были теперь не те, что летом, но днем, перед тем как доили коров, бывало еще тепло, а так как в эту пору года меньше стало работы на мызе, то иногда оставалось время для прогулок. Солнечные лучи, падая на влажную траву, освещали сверкающую рябь осенних паутинок, которая напоминала лунную дорожку на море. Комары, не ведая, сколь кратковременно их ликование, кружились в полосе солнечного света, ярко освещенные, словно в каждом из них горел огонек, который угасал, как только покидали они эту полосу. И здесь Клэр снова напоминал ей о том, что день свадьбы еще не назначен.

Иногда он заговаривал об этом по вечерам, отправляясь вместе с ней исполнять какое-нибудь поручение, которое миссис Крик придумывала специально для того, чтобы предоставить ему случай побыть с Тэсс наедине. Большею частью ходили они на ферму, находившуюся в предгорье, проведать стельных коров, которых на время переводили туда и кормили соломенной резкой, ибо в эту пору года в жизни коров происходили серьезные перемены. Коров небольшими партиями отправляли ежедневно в этот «родильный дом», где они оставались на соломенной диете, пока не производили на свет телят, а как только теленок мог ходить, мать и ее отпрыска пригоняли назад, на мызу. Пока теленка не отнимали от матери, разумеется, ее не нужно было доить, но когда телят продавали, доильщицы вновь принимались за работу.

Однажды вечером, возвращаясь в темноте на мызу, они поднялись на скалу, возвышавшуюся над долиной, и здесь остановились, прислушиваясь. Вода в речках поднялась, бурлила у запруд, журчала в дренажных трубах, заполняла все канавы; нельзя было идти напрямик, чтобы сократить расстояние, и путникам приходилось держаться горных дорог. Над долиной, невидимой во мраке, стоял многоголосый гул; им чудилось, что там, внизу, раскинулся большой город и слышится гудение толпы.

— Как будто там бродят десятки тысяч людей,— сказала Тэсс.— Они собираются на площадях, спорят, доказывают что-то, ссорятся, рыдают, стонут, молятся и проклинаят друг друга.

Клэр слушал ее рассеянно.

— Крик не говорил тебе сегодня, дорогая, о том, что в зимние месяцы ему не понадобится столько работниц?

— Нет.

— Коровы перестают давать молоко.

— Да. Вчера отправили на ферму шесть или семь коров, а третьего дня — трех, и теперь их там около двадцати. Ах, так, значит, хозяину не нужна моя помощь для ухода за телятами? Во мне больше здесь не нуждаются! А я-то старалась...

— Крик, в сущности, не говорил, что ты ему больше не понадобишься, но, зная о наших отношениях, он мне сказал очень добродушно и вежливо, что я, должно быть, возьму тебя с собой, когда распрощаюсь с ним перед рождеством. На мой вопрос, как он без тебя обойдется, он ответил только, что зимой ему хватит и троих работниц. Боюсь, что я, грешный человек, обрадовался, — ведь теперь тебе придется наконец решиться!

— Мне кажется, ты не должен был радоваться, Энджел. Всегда бывает грустно, когда в человеке не нуждаются, хотя бы это и было нам на руку.

— Значит, признаешь, что это нам на руку? — Он коснулся пальцем ее щеки и протянул: — А-а...

— Что такое?

— Ты покраснела, оттого что попалась. Но зачем я шучу? Мы не должны шутить, жизнь слишком серьезна.

— Да... пожалуй, я это поняла раньше, чем ты.

Она понимала это и теперь. Если в конце концов она откажется от него, следуя принятому ночью решению, и покинет мызу, значит, придется поступать на новое место. Теперь, когда коровы телились, на мызах не нуждались в доильщицах, и ей придется искать какую-нибудь земледельческую ферму, где не будет рядом с нею ее возлюбленного, божественного Энджела Клэра. Мысль эта показалась ей невыносимой, но еще мучительнее было думать о возвращении домой.

— Будем говорить серьезно, милая Тэсс,— продолжал он,— раз к рождеству тебе придется, по-видимому, отсюда уйти, то во всех отношениях желательнее и удобно, чтобы я тебя увез как свою собственность. И не будь ты самой нерасчетливой девушкой в мире, ты бы сообразила, что так, как сейчас, вечно продолжаться не может.

— А жаль! Пусть бы всегда было лето и осень, а ты бы ухаживал за мной и всегда был обо мне такого высокого мнения, как прошлым летом.

— Так оно и будет.

— Да, знаю! — воскликнула она в порыве безграничного доверия к нему.— Энджел, я назначу день, когда я стану твоей навсегда.

Так договорились они наконец во время этой вечерней прогулки, под аккомпанемент бесчисленных ручейков, журчавших справа и слева.

Придя на мызу, они немедленно сообщили новость мистеру и миссис Крик, с просьбой хранить ее в тайне, так как влюбленным хотелось отпраздновать свадьбу возможно скромнее. Хотя фермер и собирался рассчитать Тэсс в ближайшее время, но теперь начал громко сожалеть об ее уходе. Кто будет снимать сливки? Кто будет украшать узорами куски масла для дам из Энглбери и Сэндборна? Миссис Крик поздравила ее с тем, что она покончила со своими колебаниями; она заявила, что как только она впервые увидела Тэсс, так тотчас же и угадала: быть ей замужем не за простым работником. В день своего приезда Тэсс с таким величественным видом прошла по двору, что миссис Крик готова была поклясться — родом она из хорошей семьи. По правде говоря, миссис Крик обратила внимание только на грацию и миловидность Тэсс, что же касается величественного ее вида, то миссис Крик припомнила его только после получения дополнительных сведений.

Теперь Тэсс неслась на крыльях времени, утратив волю. Слово было дано, день назначен. Умная от природы, она начала склоняться к фатализму; эта вера в судьбу свойственна крестьянам и тем, кто живет в более близком общении с природой, чем со своими ближними. Все желания своего жениха

она исполняла с пассивной покорностью, характерной для этого мировоззрения.

Впрочем, она еще раз написала матери якобы для того, чтобы сообщить о дне свадьбы,— в действительности же она снова просила ее совета... На ней остановил свой выбор джентльмен... быть может, мать не приняла этого во внимание? Возможно, что к объяснению, данному после свадьбы, он отнесется далеко не так спокойно, как мог бы отнестись человек попроще... Но на это письмо миссис Дарбейфилд ничего не ответила.

Хотя Энджел Клэр настаивал на необходимости немедленно отпраздновать свадьбу, выдвигая благовидные доводы, однако была в этом излишняя стремительность, что и обнаружилось позднее. Он любил ее горячо, но, пожалуй, это была скорее идеальная любовь, чем то страстное чувство, какое питала к нему она. Считая себя обреченным отказаться от интеллектуальной жизни и вести жизнь пастушескую, он и не подозревал до встречи с Тэсс, что найдет здесь столько очарования, сколько он нашел в этой простодушной девушке. О простоте и безыскусственности ему случалось говорить, а что это такое — он, в сущности, не знал, пока не явился сюда. Но будущее рисовалось ему очень неясно, и лишь по прошествии года или двух мог он окончательно определить свой жизненный путь. И решимость его объяснялась некоторой небрежностью, с какой он привык относиться к своей карьере, считая, что по вине родных, зараженных предрассудками, отказался от истинного своего призвания.

— Не думаешь ли ты, что лучше было бы нам подождать, пока ты не устроишься на своей собственной ферме? — робко спросила она однажды. (В то время он мечтал о ферме в центральных графствах Англии.)

— Сказать по правде, моя Тэсс, я не хочу, чтобы мы расставались,— ведь это значило бы, что я не могу оберегать тебя и заботиться о тебе.

Довод был веский. Клэр имел на нее такое сильное влияние, что она переняла его манеры и привычки, его слова и фразы, вкусы и склонности. Если оставить ее одну на мызе, она вернется к прежним своим привычкам, и гармоническая связь будет нарушена. Было у него еще одно основание не расставаться с ней. Разумеется, его родители захотят увидеть ее хоть раз, раньше чем она уедет с Клэром на ферму в Англию или в колонии; а так как мнение их нисколько не могло повлиять на его решение, то он считал, что месяца два совместной жизни с ним, пока он будет устраивать свои дела, пойдут ей на пользу и подготовят к мучительному для нее испытанию — предстоящему визиту к его матери. Далее Клэр хотел ознакомиться с мукомольным делом, предполагая построить на будущей своей ферме мельницу. Владелец большой старой водяной мельницы в Уэллбридже, некогда принадле-

жавшей аббатству, предложил ему в любое время ознакомиться с издавна налаженным делом и на несколько дней принять участие в работе. Клэр поехал туда договориться о частных условиях, — место это находилось в нескольких милях от Тэлботейса, — и к вечеру вернулся на мызу. Тэсс он объявил, что думает пожить некоторое время на уэллбриджской мельнице. Что же побудило его принять такое решение? Не столько желание изучить дело, сколько одно случайное обстоятельство: можно было поселиться на ферме, которая некогда была помещением одной из ветвей рода д'Эрбервиллей. Так обычно разрешал Клэр практические вопросы, — руководствуясь чувством, никакого отношения к этим вопросам не имеющим. Они решили отправиться на мельницу немедленно после свадьбы и провести там две недели, вместо того чтобы скитаться по городам и гостиницам.

— Затем мы осмотрим несколько ферм по ту сторону Лондона, о которых я слыхал, — сказал он, — а в марте или апреле навестим моих родителей.

Такие вопросы постоянно возникали и обсуждались, а день, когда Тэсс должна была стать его женой, — этот невероятный день приближался. Свадьба была назначена на тридцать первое декабря, в канун Нового года. Его жена! — говорила она себе. Возможно ли это? Они соединятся навеки, ничто не сможет их разлучить, и все будут они делить пополам. Что же в этом невероятного? И все-таки — может ли это быть?

В воскресенье утром Изз Хьюэт вернулась из церкви и потихоньку сказала Тэсс:

— Вас не оглашали сегодня в церкви.

— Что такое?

— Сегодня ведь срок первому оглашению, — объяснила она, поглядывая на Тэсс. — Свадьба будет под Новый год, милочка?

Та быстро кивнула.

— Оглашать должны три раза. А до Нового года остаются теперь только два воскресенья.

Тэсс почувствовала, что бледнеет. Изз права: конечно, оглашают трижды. Быть может, он забыл? В таком случае свадьбу придется отложить на неделю, а это дурное предзнаменование. Может ли она напомнить своему возлюбленному?

Тэсс, медлившая так долго, вдруг охвачена была нетерпением и опасением потерять то, что завоевала. Но тревога скоро рассеялась. Изз рассказала миссис Крик о том, что не было оглашения, а та, пользуясь правами матроны, обратилась к Энджелу:

— Вы о нем забыли, мистер Клэр? Об оглашении-то вы и забыли?

— Нет, не забыл, — отозвался Клэр.

И наедине с Тэсс поспешил ее успокоить:

— Пусть они тебя не дразнят этим оглашением. Я, не

посоветовавшись с тобой, решил, что нам удобнее взять брачное свидетельство,— так будет для нас спокойнее. И хотя тебе хочется услышать свое имя, ты его не услышишь и в следующее воскресенье.

— Мне этого вовсе не хочется, милый,— гордо ответила она.

Но все-таки Тэсс почувствовала облегчение, узнав, что все складывается так благополучно. Она побаивалась, как бы кто-нибудь, услышав оглашение, не объявил в церкви во всеуслышание о ее прошлом. Но судьба ей благоприятствовала. «На душе у меня неспокойно,— думала Тэсс,— мне везет, но, быть может, впоследствии придется за это расплачиваться. Бог жестоко взыскивает за счастье, лучше бы нас оглашали, как всех».

Но все шло гладко. Тэсс не знала, венчаться ли ей в ее лучшем белом платье или купить к свадьбе новое. Вопрос разрешился благодаря предусмотрительности Клэра: на мызу были доставлены большие пакеты, адресованные Тэсс. В них оказался свадебный туалет, начиная от шляпы и кончая ботинками, а также прелестное утреннее платье; этот убор вполне соответствовал скромной свадьбе, о которой они мечтали. Клэр пришел домой вскоре после того, как были доставлены пакеты, и слышал, что она разворачивает их наверху.

Через минуту она спустилась вниз, раскрасневшаяся, со слезами на глазах.

— Какой ты заботливый! — прошептала она, прижимаясь щекой к его плечу.— Ты подумал даже о перчатках и носовом платке! Милый мой, какой ты хороший, какой добрый!

— Право же, нет, Тэсс! Я послал заказ в Лондон — вот и все!

И, не желая, чтобы она его превозносила, он посоветовал ей пойти наверх и примерить платье и, если оно окажется не впору, попросить деревенскую швею перешить его.

Она вернулась в свою комнату, оделась и секунду стояла перед зеркалом, любуясь шелковым платьем, но тут ей вспомнилась баллада о волшебном платье:

Нет, не пойдет оно жене,
Что согрешила хоть разок,—

баллада, которую так весело и задорно напевала ей в детстве миссис Дарбейфилд, раскачивая ногой колыбель под аккомпанемент песенки. Что, если это платье изменит цвет и выдаст ее, как выдал королеву Джиневру ее наряд? С тех пор как Тэсс жила на ферме, строфа эта припомнилась ей впервые.

XXXIII

Энджелу очень хотелось провести с ней перед свадьбой один день наедине: где-нибудь вдали от мызы в последний раз побродить с той, которая является пока его возлюбленной,— провести романтический день в обстановке, не повторимой больше, потому что близился уже и другой великий день. И он предложил сделать кое-какие покупки в соседнем городке, куда они вместе и отправились.

На мызе Клэр жил затворником, не встречаясь с представителями своего класса; месяцами он не бывал вблизи города и не нуждался в собственном экипаже. Когда ему нужно было куда-нибудь съездить, он брал у фермера верховую лошадь или двуколку. На этот раз они поехали в двуколке.

И вот впервые пришлось им делать покупки, предназначенные для них обоих. Был сочельник — всюду виднелись ветки омелы и остролиста; к этому дню в город стеклось немало народу со всех концов графства. Тэсс, идущей под руку с Клэром, пришлось расплачиваться за то, что ее сияющее счастьем лицо стало еще прекраснее,— все поворачивались и смотрели на нее.

Вечером они вернулись в харчевню, где остановились. Тэсс осталась ждать у входа, пока Энджел пошел распорядиться, чтобы запрягли лошадь. Зал был полон народа, безостановочно входили и выходили посетители. Когда дверь распахивалась, свет падал прямо на лицо Тэсс. Мимо прошли двое мужчин. Один из них с удивлением осмотрел ее с ног до головы, и ей показалось, что он из Трэнтриджа, хотя трэнтриджских жителей редко можно было здесь встретить — слишком далеко отсюда была их деревня.

— Хорошенькая девушка! — заметил другой.

— Да, хорошенькая. Но либо я обознался, либо... — И он выразил сомнение, можно ли Тэсс назвать девушкой.

Клэр, возвращаясь из конюшни, столкнулся с говорившим на пороге, услышал его слова и увидел, как Тэсс вся съежилась. Оскорбление, нанесенное ей, привело его в бешеную ярость, и, ничего не соображая, он со всего размаха ударил говорившего кулаком в подбородок так, что тот отлетел в коридор.

Придя в себя, оскорбитель рванулся вперед, и Клэр, переступив порог, приготовился защищаться. Но, по-видимому, противник его передумал. Он снова посмотрел на Тэсс и сказал Клэру:

— Прошу прощения, сэр. Я ошибся. Принял ее за другую девушку, которая живет в сорока милях отсюда.

Клэр, раскаиваясь в своей запальчивости и пожалев, что оставил ее одну у входа в гостиницу, поступил так, как обычно поступал в подобных случаях,— дал пострадавшему пять шиллингов, и они разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

Когда Клэр взял от конюха вожжи и молодая пара отъехала, двое мужчин пошли в противоположную сторону.

— Ты и в самом деле ошибся? — спросил второй.

— Ничуть. Но я не захотел расстраивать этого джентльмена.

Тем временем влюбленные ехали своей дорогой.

— А могли бы мы отложить немного свадьбу? — спросила Тэсс упавшим голосом.— Если бы нам захотелось?

— Нет, дорогая. Успокойся. Ты думаешь, что парень подаст на меня в суд за оскорбление? — спросил он добродушно.

— Нет... Я думала... Если бы пришлось отложить...

Он не понял, о чем она думала, и посоветовал ей выбросить из головы вздорные фантазии, что она и попыталась сделать, насколько это было возможно. Но всю дорогу домой она была грустна, очень грустна, пока не подумала: «Мы уедем далеко-далеко, за сотни миль отсюда... то, что сегодня произошло, никогда больше не повторится... Там я не столкнусь с призраками прошлого».

В этот вечер они нежно простились на площадке лестницы, и Клэр поднялся к себе в мезонин. Тэсс занялась кое-какими приготовлениями, опасаясь, что в оставшиеся несколько дней не успеет сделать все необходимое. Вдруг она услышала над головой в комнате Энджела шум — возню и удары. Все в доме спали; испугавшись, что Клэр заболел, она побежала наверх, постучала в дверь и спросила, что с ним.

— Ничего, дорогая,— ответил он.— Прости, что я тебя испугал! Забавная история: мне приснилось, будто я снова дерусь с тем парнем, который сегодня тебя оскорбил, и я тузил кулаком по саквоюжу, который достал для того, чтобы уложить вещи. У меня бывают во сне такие припадки. Иди спать и больше об этом не думай.

Нужна была эта последняя капля — и с колебаниями было кончено. Сказать ему о прошлом она не могла; оставался другой выход. На четырех страницах она написала сжатую историю тех событий, которые произошли три-четыре года назад, и вложила письмо в конверт, адресовав Клэру. Потом, опасаясь приступа слабости, она, сбросив ботинки, поднялась наверх и подсунула письмо под дверь.

Не удивительно, что ночь она провела без сна, прислушиваясь, когда наверху раздастся первый шорох. Все произошло, как обычно; Клэр спустился вниз. Спустилась и она. Внизу, на площадке лестницы, он обнял ее и поцеловал, так же нежно, как и всегда!

Ей показалось, что он слегка расстроен и утомлен. Но об ее исповеди он не сказал ничего даже тогда, когда они остались одни. Прочел ли он? Она чувствовала, что ничего не может сказать, пока он сам не заговорит. Прошел день, и стало очевидным: он не заговорит, что бы он ни думал. Как и рань-

ше, он был прост с ней и ласков. Неужели ее опасения были простым ребячеством? Неужели он прощает ее и любит ее такую, какова она есть, и посмеивается над ее волнением, как над нелепым кошмаром? Да получил ли он ее письмо? Она заглянула в его комнату и не увидела никакого письма. По-видимому, он простил. И вдруг она пламенно поверила, что даже в том случае, если он не получил письма, он все равно простит ее.

Таким он был с ней ежедневно, утром и вечером, а между тем настал канун Нового года — день свадьбы.

Влюбленные не встали в час доения коров, ибо последнюю неделю их пребывания на мызе они провели на положении гостей, а Тэсс даже получила отдельную комнату. Спустившись вниз к утреннему завтраку, они были удивлены переменами, которые в их честь произвели в большой кухне. В необычно ранний час фермер велел выбелить уголок перед очагом, оттереть печные кирпичи, а над очагом повесить желтые атласные занавеси вместо холщовых, грязно-синих, с черной заплатой, висевших здесь раньше. Благодаря тому что подновлена была та часть комнаты, куда каждый стремился в хмурое зимнее утро, вся комната оживилась.

— Решил что-нибудь устроить в вашу честь,— сказал фермер,— а так как вы слышать не хотите о танцах под скрипку и виолончель, как принято было в добрые старые времена, я и устроил такую штуку, от которой никакого шума не будет.

Родные Тэсс жили так далеко, что вряд ли приехали бы на свадьбу, даже если бы их пригласили, но из Марлотта не пригласили никого. Что же касается близких Энджела, он, как полагается, известил их о дне свадьбы, прибавив, что был бы рад видеть хотя бы кого-нибудь из них, если бы они пожелали приехать. Братья его совсем не ответили: они, по-видимому, были возмущены. Отец с матерью написали печальное письмо, в котором сожалели о его столь быстрой и необдуманной женитьбе, но потом добавляли, что, хотя они и меньше всего ожидали увидеть невесткой работницу с мызы, однако сын их уже достиг такого возраста, когда может самостоятельно сделать выбор.

Эта холодность огорчила Клэра меньше, чем можно было думать, так как у него был козырь, которым он рассчитывал скоро их удивить. Объявить теперь, что Тэсс, еще недавно работавшая на молочной ферме, принадлежит к роду д'Эрбервиллей, было делом рискованным, и он решил скрывать ее происхождение до той поры, пока в течение нескольких месяцев, путешествуя и читая под его руководством, она не приобретет необходимую светскость, а тогда повезти ее к своим родителям и с торжеством представить им как достойную дочь этого древнего рода. Это была мечта влюбленного, не более. Быть может, происхождение Тэсс имело для него большее значение, чем для кого бы то ни было.

Она видела, что отношение его к ней после ее исповеди осталось прежним, и усомнилась, нашел ли он письмо. Прежде чем он позавтракал, она встала из-за стола и поспешила наверх: ей хотелось еще раз заглянуть в скромную комнату Клэра — берлогу Клэра, вернее, орлиное гнездо. Поднявшись по лестнице, она остановилась у открытой двери, задумчиво осматриваясь по сторонам, потом наклонилась над порогом, куда несколько дней назад в таком волнении подсунула свою записку. Ковер доходил до самого порога, и из-под края ковра торчал уголок белого конверта с ее письмом, которое Клэр не заметил, ибо второпях она подсунула его под ковер.

Чувствуя дурноту, она схватила письмо. Да, оно было по-прежнему запечатано. Бремя, на ней лежавшее, не было сброшено. Теперь, когда в доме шли последние приготовления, она не могла отдать его Клэру; и, спустившись в свою комнату, она разорвала письмо.

Когда Клэр увидел ее, она была так бледна, что он испугался. В душе Тэсс знала, что попавшее под ковер письмо — только предлог отложить признание, ведь время еще было. Но вокруг все хлопотали и суетились. Нужно было одеваться. Фермер и миссис Крик приглашены были свидетелями... Размышлять и объясняться не оставалось времени. Тэсс удалось только минуту побыть с Клэром наедине, когда они встретились на площадке лестницы.

— Как мне нужно с тобой поговорить! Я хочу исповедаться тебе во всех моих ошибках и прегрешениях, — сказала она с деланной беззаботностью.

— Нет, нет, любимая. Сегодня ты должна быть совершенством! — воскликнул он. — Потом у нас еще будет достаточно времени поговорить о наших грехах. И я в своих исповедуюсь.

— Лучше будет, если я сделаю это теперь, чтобы ты потом не...

— Прекрасно, моя фантазерка! Когда мы будем у себя дома — ты и расскажешь обо всем, но не теперь. И я расскажу о своих ошибках. Только не нужно портить этого дня. В другой — хмурый день это будет прекрасная тема для разговора.

— Так ты в самом деле не хочешь меня выслушать, милый?

— Не хочу, Тэсси.

Надо было одеваться и ехать в церковь — поговорить им больше так и не пришлось. Однако слова его слегка ее успокоили. В течение оставшихся двух часов у нее не было времени размышлять, ибо она целиком отдалась охватившему ее чувству огромной нежности к нему. Все опасения и предчувствия наконец поглотило единственное ее желание, с которым она так долго боролась, — желание принадлежать ему, называть его своим господином, назвать его своим, а потом, если так нужно, умереть. Одеваясь, она парила в облаке радужных грез, и в их сиянии не было места зловещим мыслям.

Церковь находилась далеко, и пришлось ехать — тем более что была зима. На ближайшем постоялом дворе была нанята закрытая карета, сохранившаяся со времен почтовых дилижансов. Она отличалась громоздкими колесами, тяжелыми спицами, огромным изогнутым кузовом, множеством ремней и рессор, а дышло походило на таран. Форейтор был солидный «малый» лет шестидесяти, мученик подагры, заполученной им в далекой молодости, благодаря постоянному пребыванию на свежем воздухе в любую погоду, что вело к злоупотреблению крепкими напитками. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как он перестал быть форейтором-профессионалом, и в течение двадцати пяти лет он стоял без дела у дверей харчевни, словно надеялся, что вернется доброе старое время. На правой ноге у него была незаживающая рана, образовавшаяся от постоянного трения о дышла аристократических экипажей за время многолетней его службы в «Королевском гербе» в Кэстербридже.

В эту громоздкую и скрипучую колымагу с дряхлым вожатым уселась *partie carrée*¹ — жених с невестой и мистер и миссис Крик. Энджелу хотелось, чтобы хоть один из его братьев был шафером, но на его письмо, заключавшее осторожный намек, они ответили молчанием, свидетельствующим о нежелании приехать. Им не нравился этот брак, и они не намерены были скрывать свои чувства. Быть может, и лучше, что они не приехали. Они не были светскими молодыми людьми, но общение с обитателями мызы оскорбило бы их понятие о сословных различиях, не говоря уж об их отрицательном отношении к этому браку.

Тэсс, взволнованная приближением торжественной минуты, не думала об этом; она ничего не замечала, не видела, по какой дороге они едут в церковь. Она знала, что Энджел подле нее; все остальное тонуло в лучезарной дымке. Она была каким-то неземным существом, созданным поэзией, одной из тех классических богинь, о которых рассказывал ей Клэр во время прогулок.

Так как приглашения не делали, то в церкви собралось человек десять, не больше; но будь здесь тысячная толпа, все равно на Тэсс она не произвела бы никакого впечатления. Астрономическое расстояние отделяло присутствующих от того мира, в каком пребывала Тэсс. По сравнению с той ликующей торжественностью, с какой поклялась она ему в верности, обычная женская робость и смущение казались легкомысленным флюккетством. Во время перерыва в богослужении, когда они оба преклонили колени, она бессознательно склонилась к нему, и ее плечо коснулось его руки, — ее испугала мимолетная мысль, и движение это было инстинктивным: она хотела убедиться в его близости, хотела крепче поверить в то, что его преданность выдержит все испытания.

¹ Компания из четырех человек (фр.).

Клэр знал, что она его любит,— любовью дышало все ее существо,— но в то время он не знал всей глубины ее чувства, напряженности его и самоотверженности, не знал, что оно является залогом верности, терпения, безграничной преданности.

Когда они вышли из церкви, звонари ударили в колокола. Только три ноты слышались в колокольном звоне, так как строители церкви считали, что этого количества вполне достаточно для выражения радости в таком маленьком приходе. Проходя рядом с мужем мимо колокольни по тропинке, ведущей к воротам, она чувствовала, как гудит вокруг них вибрирующий воздух, и это гармонировало с той напряженной духовной атмосферой, в которой она жила.

Экзальтация,— ей казалось, что она озарена светом, подобно ангелу, которого видел на солнце святой Иоанн,— продолжалась, пока не замер гул колоколов и не улеглось волнение, вызванное свадебным обрядом. Теперь она начала замечать то, что ее окружало. Не ускользнули детали: мистер и миссис Крик поехали домой в высланной с мызы двуколке, предоставив карету в полное распоряжение молодоженов, и Тэсс только теперь заметила особенности этой колымаги. Она молча и долго ее рассматривала.

— Ты как будто приуныла, Тэсси,— сказал Клэр.

— Да,— ответила она, прижимая руку ко лбу.— Многие меня пугает. Все это так серьезно, Энджел. И вот мне кажется, будто эту карету я когда-то видела и прекрасно ее знаю. Это очень странно: верно, я ее видела во сне.

— О, ты слышала легенду о д'Эрбервилльской карете — знаменитое поверье, касающееся твоей семьи и ходившее по всему графству в ту пору, когда твои предки были здесь хорошо известны. А эта старая рухлядь напомнила тебе о легенде.

— Право же, я никогда о ней не слыхала,— возразила она.— А что это за легенда?

— Мне бы не хотелось подробно рассказывать ее сейчас. В шестнадцатом или семнадцатом веке некий д'Эрбервилль совершил в своей фамильной карете страшное преступление, и с тех пор члены этого рода видят карету либо слышат о ней всякий раз, как... Но я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз — история слишком мрачная. Должно быть, что-то ты о ней слыхала и смутно припомнила при виде этой почтенной колымаги.

— Нет, я о ней прежде ничего не слыхала,— прошептала она.— Энджел, эта карета является членам моего рода перед смертью или тогда, когда мы совершили преступление?

— Не надо, Тэсс!

Он закрыл ей рот поцелуем.

Когда они приехали домой, она совсем пала духом и мучилась угрызениями совести. Да, теперь она была миссис

Энджел Клэр, но морально имела ли она право носить это имя? Не должна ли она называться миссис Александр д'Эрбервилль? Оправдывает ли беспредельная любовь то, что праведные души должны назвать преступным умалчиванием? Она не знала, как должна женщина поступить в подобном случае, и ей не с кем было посоветоваться.

Когда Тэсс на несколько минут осталась одна в своей комнате — в последний раз входила она в нее, — она опустилась на колени и стала молиться. Она пыталась молиться богу, но, в сущности, обращалась с молитвой к мужу. Ее поклонение этому человеку было таково, что она почти боялась, не предвещает ли оно беду. Она смутно чувствовала, что, как говорил монах Лоренцо: «Таких страстей конец бывает страшен». Такая любовь, наверно, слишком безрассудна для человеческой природы — слишком буйна, безумна, смертоносна.

— О мой любимый, мой любимый, зачем я так тебя люблю? — шептала она. — Та, которую любишь ты, не я, а другая в моем образе — та, какой бы я могла быть!

Приблизился час отъезда. Они решили выполнить давно задуманный план — поселиться на несколько дней на старой ферме около уэллбриджской мельницы, где Клэр собирался изучать мукомольное дело. В два часа они кончили все сборы. Фермер и его жена пошли проводить их до калитки. На красном кирпичном крыльце теснились все работники мызы. У стены понуро стояли три товарки Тэсс. Она сомневалась, придут ли они проститься, но все три были здесь, героически стойкие до конца. Она понимала, почему маленькая Рэтти кажется такой хрупкой, Изз — трагически скорбной, а Мэриэн — растерянной; и, видя их тоску, на секунду забыла о своей.

Невольно она шепнула мужу:

— Не поцелуешь ли ты их, бедненьких, в первый и последний раз?

Клэр не стал возражать против того, что считал простой формальностью, и, проходя мимо них, поцеловал всех по очереди, говоря: «Прощайте!» В дверях Тэсс чисто по-женски оглянулась, чтобы узнать, какое впечатление произвел этот поцелуй, подаренный из сострадания, но в глазах ее не было торжества. А если бы оно и было, то, конечно, исчезло бы, когда она увидела, как взволнованы девушки. Поцелуй явно причинил зло, пробудив чувства, которые они старались подавить.

Клэр ничего не подозревал. Подойдя к калитке, он пожал руку фермеру и его жене и еще раз поблагодарил их за все заботы. Затем на секунду воцарилась тишина. Ее нарушило кукареканье. Белый петух с розовым гребешком уселся на изгородь перед домом, в нескольких шагах от них, и крик его зазвенел в их ушах и замер, словно эхо в горной долине.

— Что? — воскликнула миссис Крик. — Петух запел после обеда!

Два работника стояли у распахнутых ворот, придерживая створки.

— Не к добру,— шепнул один другому, не думая, что его услышит группа, собравшаяся у калитки.

Петух запел снова, повернувшись к Клэру.

— М-да! — сказал фермер.

— Мне неприятно его слушать! — сказала Тэсс мужу.— Скажи, чтобы кучер трогал. Прощайте, прощайте!

Снова запел петух.

— Кш! Проваливай, пока я не свернул тебе шею! — с досадой крикнул фермер, отгоняя петуха, а войдя в дом, сказал жене: — И нужно же было этому случиться как раз сегодня! За весь год я не слышал, чтобы он пел после обеда.

— Это к перемене погоды,— сказала она,— а совсем не то, что ты думаешь, не может этого быть!

XXXIV

Несколько миль они ехали долиной, по ровной дороге, до Уэллбриджа, затем повернули от деревни влево, к большому элизаветинскому мосту. Тотчас же за мостом находился дом, где они наняли помещение,— дом, внешний вид которого хорошо знают все, кто бывал в долине Фрум; когда-то он был частью великолепного господского дома и принадлежал одному из д'Эрбервиллей, а затем, уже полуразрушенный, был превращен в ферму.

— Добро пожаловать в один из твоих родовых зам-

ков! — сказал Клэр, высаживая ее из экипажа. Но он раскаялся в своей шутке: она слишком походила на иронию.

Они наняли только две комнаты, но, войдя в дом, узнали, что фермер, решив воспользоваться их приездом, чтобы нанести новогодний визит своим друзьям, поручил прислуживать им женщине из соседнего коттеджа. Ферма находилась в их полном распоряжении, и это их очень обрадовало — словно они приехали в свой собственный, нераздельно им принадлежащий дом.

Но потом Клэр заметил, что ветхое древнее жилище угнетающе действует на его жену. Когда отъехал экипаж, они пошли наверх мыть руки, а поденщица показывала им дорогу. На площадке лестницы Тэсс остановилась и вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил он.

— Какие страшные женщины! — отозвалась она с улыбкой. — Как они меня испугали!

Он поднял голову и увидел на панелях, вделанных в каменную стену, два портрета в человеческий рост. Как известно всем посетителям старинного дома, на портретах, написанных около двух веков тому назад, изображены женщины средних лет, и лица их, раз увидев, нельзя забыть. Заостренные черты одной, узкие глаза и усмешка, свидетельствующая о безжалостном вероломстве, даже во сне преследуют человека, так же как крючковатый нос другой, длинные зубы и дерзкий взгляд, высокомерный и жестокий.

— Чьи это портреты? — спросил Клэр поденщицу.

— Старики говорят, что это дамы из рода д'Эрбервиллей, владельцев этого бывшего поместья, — ответила она. — Их нельзя снять, потому что они вделаны в стену.

Портреты произвели тяжелое впечатление на Тэсс, и это было тем более неприятно, что ее прекрасное лицо чем-то походило на эти резко очерченные лица. Однако Клэр не сказал ни слова и только пожалел, что выбрал для медового месяца этот дом. Он вошел в комнату. К приезду их, видимо, готовились наспех, и им пришлось мыть руки в одном тазу. Клэр, опустив руки в воду, коснулся ее рук.

— Где мои пальцы, а где твои? — спросил он, поднимая на нее глаза. — Они совсем перепутались.

— Они все твои, — нежно ответила она, стараясь развесть ее.

Сегодня ее задумчивость не огорчала его, — в такой день только ветреница не была бы задумчивой, — но Тэсс понимала, что сосредоточенность ее переходит все границы, и боролась с ней.

В этот последний день старого года солнце так низко стояло над горизонтом, что лучи его, врываясь в маленькое оконце, протянулись, как золотой жезл, по полу и легли на платье Тэсс красочным пятном. Они вошли в старинную гостиную и впервые стали пить чай наедине. Им нравилось ребя-

читься, вернее, это нравилось Клэру; его забавляло класть свои бутерброды на ее тарелку и смахивать губами крошки с ее губ. Правда, его немного удивляло, что эти шалости забавляют ее меньше, чем его.

Молча всматривался он в ее лицо и наконец подумал, словно найдя правильное толкование темного места в книге: «Она моя — дорогая, дорогая Тэсс. По-настоящему ли я понимаю, насколько эта маленькая женщина зависит от моей судьбы, моей верности или моего бездушия? Вряд ли. Пожалуй, будь я женщиной, я мог бы это понять. Какой жребий выпадет мне, тот выпадет и ей. Кем буду я, тем должна стать и она. Что недоступно мне, то недоступно ей. И неужели я когда-нибудь пренебрегу ею, обижу ее или просто буду к ней невнимателен? Избави меня бог от такого преступления».

Они продолжали сидеть за чайным столом, ожидая своих вещей, которые фермер обещал прислать засветло. Но сумерки надвигались, вещей все еще не было, а они приехали без всякого багажа. После заката солнца спокойствие зимнего вечера было нарушено. Погода изменилась; за дверью послышался шум, напоминающий шелест жесткого шелка; сухие листья, с осени покоившиеся на земле, закружились в вихре и застучали в ставни. Вскоре пошел дождь.

— А петух знал, что погода изменится,— сказал Клэр.

Прислуживавшая им женщина ушла на ночь домой, но предварительно поставила на стол свечи, и теперь они их зажгли. Огненные язычки тянулись к камину.

— В этих старых домах всегда сквозит,— продолжал Энджел, глядя на пламя свечей и стекавшее по ним сало.— Но где же наш багаж? У нас даже щетки и гребенки с собой нет.

— Не знаю,— рассеянно отозвалась она.

— Тэсс, сегодня ты совсем не весела, сама на себя не похожа. Эти старые ведьмы на стене тебя расстроили. Жаль, что я привез тебя сюда. Я даже начинаю сомневаться, действительно ли ты меня любишь.

Он знал, что она его любит, и сказал это несерьезно, но Тэсс была слишком взволнована и вздрогнула, как раненое животное. Хотя она старалась не расплакаться, на глазах ее все же выступили слезы.

— Я пошутил! — тотчас же раскаялся он.— Я знаю, ты расстроена, потому что до сих пор еще не привезли твоих вещей. Не понимаю, почему не едет старый Джонатэн? Ведь уже семь часов! А, вот и он!

Раздался стук в дверь, а так как некому было открыть, то вышел Клэр. Вернулся он, держа в руке маленький сверток.

— Это был не Джонатэн,— сказал он.

— Какая досада! — воскликнула Тэсс.

Сверток был привезен нарочным из Эмминстера в Тэлботейс сейчас же после отъезда новобрачных, а затем достав-

лен сюда, так как нарочный получил приказ отдать его им лично. Клэр поднес сверток ближе к свету. Он был меньше фута в длину, зашит в парусину, запечатан красным сургучом с печатью отца Клэра и его же почерком адресован «миссис Энджел Клэр».

— Это маленький свадебный подарок тебе, Тэсс,— сказал он, передавая ей сверток.— Как они внимательны!

Тэсс вдруг смутилась.

— Милый, лучше ты его вскрой,— попросила она, вертя сверток в руках.— Мне не хочется ломать эти большие печати, у них такой внушительный вид. Пожалуйста, вскрой ты!

Он распорол парусину. Внутри оказалась сафьяновая шкатулка. На крышке лежали записка и ключ. Записка, адресованная Клэру, гласила следующее:

«Дорогой сын! Быть может, ты забыл — ты был тогда еще мальчиком,— что твоя крестная мать, миссис Питни, умирая, передала мне — суетная добрая женщина — часть своих драгоценностей для твоей жены (если ты когда-нибудь женишься) в знак ее любви к тебе и к той, кого ты избереши. Я принял от нее эти бриллианты, и с тех пор они хранились у моего банкира. Хотя при данных обстоятельствах это и кажется несколько неуместным, но я, как видишь, обязан передать эти вещи той, которая отныне имеет право владеть ими до конца своей жизни, и потому немедленно их высылаю. Думаю, что, согласно воле твоей крестной матери, их, строго говоря, следует считать фамильными драгоценностями. Ее распоряжение по сему поводу прилагается».

— Теперь припоминаю,— сказал Клэр,— но я совсем об этом забыл.

Открыв шкатулку, они увидели ожерелье с подвеской, браслеты, серьги и кое-какие мелкие украшения.

Сначала Тэсс словно боялась к ним прикоснуться, но глаза ее сверкнули, как драгоценные камни, которые Клэр вынул из шкатулки.

— Они мои? — недоверчиво спросила она.

— Разумеется,— ответил он.

Он смотрел на огонь в камине, вспоминая, как его крестная мать, жена эсквайра, единственная богатая особа, с какой приходилось ему когда-либо иметь дело, уверовала в незаурядную его будущность, когда он был пятнадцатилетним мальчиком, и предсказала ему блестящую карьеру. А если перед ним открывалось такое будущее, то вполне естественно было сохранить эти изящные украшения для его жены и для жен его сыновей. Сейчас в блеске камней чудилась ему насмешка. «Но почему же?» — спрашивал он себя. Завещание было продиктовано тщеславием; и если одна из сторон оказалась тщеславной, то почему другой не последовать ее примеру?

Его жена — д'Эрбервилль: кому же, как не ей, носить драгоценности?

Вдруг он с энтузиазмом воскликнул:

— Тэсс, надень их, надень! — и отвернулся от камина, чтобы ей помочь.

Словно повинувшись волшебной силе, она уже надела их; ожерелье, серьги, браслеты — все, что было в шкатулке.

— Только платью не подходит, Тэсс, — сказал Клэр. — Для таких бриллиантов платью должно быть с низким вырезом.

— Обязательно? — спросила Тэсс.

— Да, — ответил он.

Он показал ей, как нужно подогнуть ворот платья, чтобы оно хоть сколько-нибудь напоминало вечерний туалет; а когда она это сделала и подвеска ожерелья блеснула на белой груди, где и полагалось ей быть, он отступил на шаг, чтобы полюбоваться эффектом.

— Боже мой! — воскликнул Клэр. — Как ты красива!

Как известно, одежда делает человека. Крестьянская девушка, на которую случайный встречный лишь мельком обратит внимание, если увидит ее в простеньком платью за повседневной работой, окажется ослепительно прекрасной, если одеть ее, как светскую женщину, и пустить в ход все уловки искусства; а красавица, блистающая на балах, будет иметь жалкий вид, если нарядить ее в крестьянский балахон и поставить в серый денек среди гряд, засаженных репой. Клэр теперь только оценил как художник лицо и фигуру Тэсс.

— О, если бы ты появилась на балу! — сказал он. — Но, знаешь ли, дорогая, кажется, больше всего ты мне нравишься в своем крылатом чепце и ситцевом платью, — гораздо больше, чем украшенная этими драгоценностями, хотя они очень тебе к лицу.

Тэсс знала, какое производит впечатление, и раскраснелась от волнения, которое все-таки нельзя было назвать счастьем.

— Я их сниму, — сказала она, — чтобы Джонатэн меня не увидел. Ведь они не подходят мне, правда? Вероятно, нужно их продать?

— Подожди минутку, не снимай! Продать их? Никогда! Мы бы не исполнили воли покойной.

Подумав, она охотно подчинилась. Ей нужно было кое-что сказать, а эти камни, быть может, ей помогут. Она села, не снимая украшений, и снова начали они гадать, куда делся Джонатэн с их вещами. Они налили для него эля, но за это время пена осела.

Вскоре они уселись за ужин, который был накрыт на маленьком столе. Не успели они поесть, как клубы дыма ворвались из камина в комнату, словно какой-то великан на секунду прикрыл рукой дымовую трубу. Произошло это потому, что кто-то открыл входную дверь. В коридоре послышались тяжелые шаги, и Энджел вышел из комнаты.

— Я не мог достучаться,— извинился наконец-то явившийся Джонатэн Кейл.— Дождь льет, вот я и решил войти. Я привез вещи, сэр.

— Очень рад. Но вы запоздали.

— Гм... да, сэр.

Голос Джонатэна Кейла звучал глуше, чем обычно, а на лбу, морщинистом от старости, пролегли новые складки. Он продолжал:

— После отъезда вашего и вашей миссис,— теперь уж ее так полагаются называть,— был у нас на мызе переполох, и чуть не случилось большого несчастья. Может, вы не забыли, как петух запел днем?

— Боже мой! Что же...

— Одни толковали так, другие этак, а на деле случилось, что бедная Рэтти Придл хотела утопиться.

— Как! Неужели? Но ведь она с нами попрощалась вместе с остальными.

— Да. Так вот, сэр, когда вы и ваша миссис,— теперь ее так полагаются называть по закону,— когда вы вдвоем уехали, Рэтти и Мэриэн надели шляпки и ушли из дома; делато сегодня мало, канун Нового года, и если кому вздумается горевать да хныкать, так никто и не увидит. Они пошли в Лью-Эверард — там можно пропустить стаканчик,— а оттуда побрели к перекрестку «Крест в руке» и тут распрощались. Рэтти пошла заливными лугами будто бы домой, а Мэриэн — в соседнюю деревню, где тоже есть трактир. Больше не было о Рэтти ни слуху ни духу, а потом лодочник, возвращаясь домой, приметил что-то на берегу большого пруда,— это была ее шляпка и сложенная шаль. Он-то и нашел ее в пруду и вместе с одним парнем принес домой, думая, что она померла. Но она понемножку пришла в себя.

Энджел, вспомнив вдруг, что Тэсс слышит эту грустную повесть, хотел закрыть дверь из коридора в гостиную, но его жена, завернувшись в шаль, уже вышла в коридор и слушала старика, рассеянно поглядывая на доставленный багаж и капли дождя, сверкавшие на нем.

— А тут еще и Мэриэн: ее нашли мертвецки пьяной в ивовых зарослях; а ведь девушка отроду не брала в рот ничего спиртного, кроме эля, хотя поесть она любила, это и по лицу ее видно. Похоже на то, что все девки взбесились.

— А Изз? — спросила Тэсс.

— Изз, как всегда, хлопчет по дому. Я-то догадываюсь, как это все случилось, ну и она, бедняжка, очень приуныла, да и не удивительно. А случилось это, как стали мы укладывать в повозку ваши пожитки, сэр, и платья вашей миссис. Вот потому-то я запоздал.

— Понимаю. Ну, Джонатэн, отнесите-ка вещи наверх, выпейте кружку эля и отправляйтесь домой, да поторапливайтесь, может быть, вы там нужны.

Тэсс вернулась в гостиную и села у камина, тоскливо по-сматривая на огонь. Она слышала тяжелые шаги Джонатэна Кей-ла, поднимавшегося по лестнице с вещами, слышала, как он спустился вниз и поблагодарил Клэра за эль, который тот ему налил, и за полученную мзду. Шаги его замерли за дверью, и повозка, скрипя, отъехала.

Энджел задвинул массивный дубовый дверной засов и вошел в комнату, где Тэсс сидела у камина; подойдя к ней сзади, он сжал ей ладонями щеки. Он думал, что она весело вскочит и побежит распаковывать вещи, которые так ждала. Но она не тронулась с места, и он сел рядом с ней у камина; в ярком пламени дров растворялся свет тонких свечей, мерцавших на столе.

— Жаль, что тебе пришлось услышать эту грустную историю,— сказал он.— Но ты не печалься. Ведь Рэтти всегда была болезненно мрачной.

— И без всякой причины,— отозвалась Тэсс.— А те, у кого есть причина быть мрачной, скрывают ее и притворяются, будто все в порядке.

Это происшествие заставило ее принять решение. Они были простодушными, невинными девушками, а на долю их выпало нести бремя неразделенной любви; они заслуживали лучшей участи. Она — Тэсс — заслуживала худшей и, однако, оказалась избранной. Грешно с ее стороны брать все и ничего не платить. Она заплатит до последнего фартинга. Сегодня же она расскажет все. Так решила она, когда смотрела в огонь, а Клэр держал ее руку.

Багряный свет тлеющих углей озарял боковые и заднюю стенки камина, начищенную решетку и старые медные щипцы, концы которых не сходились. Нижняя сторона каминной доски и ножки стола окрашены были тем же кровавым отсветом. И тот же отблеск падал на лицо и шею Тэсс, а переливавшиеся драгоценные камни словно превращались в созвездие Альдебарана или Сириуса, и вспыхивали в них огоньки белые, красные и зеленые, когда поднималась и опускалась ее грудь.

— Помнишь, сегодня утром мы обещали друг другу рассказать о своих прегрешениях? — спросил он вдруг, видя, что она сидит неподвижно.— Пожалуй, заговорили мы об этом шутя, и ты, конечно, могла шутить. Но я говорил серьезно. Я хочу исповедаться тебе, любимая.

В этом неожиданном его предложении она увидела вмешательство судьбы.

— Тебе есть в чем исповедаться? — быстро спросила она, почувствовав и радость и облегчение.

— Ты этого не думала? Ах, ты слишком высокого мнения обо мне! Ну, слушай же... Прислонись ко мне головой... Я хочу, чтобы ты меня простила и не сердилась за то, что я не сказал тебе об этом раньше, хотя, пожалуй, должен был сказать.

Как странно! Он словно был ее двойником. Она молчала, и Клэр продолжал:

— Я не говорил об этом, потому что боялся рисковать, боялся потерять тебя, дорогая, мое сокровище, мой диплом в жизни, как я тебя называю. Брат получил диплом в колледже, а я — на мызе Тэлботейс. Вот я и не рискнул. Я думал покаяться тебе месяц назад, когда ты согласилась быть моей, и не мог — боялся, что это тебя оттолкнет от меня. Я медлил; потом решил рассказать вчера, когда ты еще могла от меня уйти... И не рассказал. Не рассказал и сегодня утром, когда ты предложила там, на лестнице, покаяться в наших грехах, — вот какой я грешник! Но теперь я должен это сделать, когда ты сидишь здесь, такая серьезная. Не знаю, простишь ли ты меня?

— О да! Я уверена, что...

— Ну, буду надеяться. Но подожди минутку. Ты ничего не знаешь. Нужно начать сначала. Хотя бедный мой отец, по-видимому, опасается, что мои убеждения навеки меня погубили, но я всегда был поборником нравственности, Тэсс, не меньше, чем ты. Прежде я хотел стать духовным пастырем людей, и для меня было большим горем, когда оказалось, что мои убеждения не позволяют мне сделаться священником. Я преклонялся перед чистотой, хотя не мог притязать на нее, и ненавидел безнравственность, как ненавижу ее теперь. Что бы там ни думать о вдохновении свыше, но каждый должен подписаться под этими словами Павла: «Будь образцом в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте». Это единственная опора для нас, бедных смертных. «Integer vitae»¹, — говорит римский поэт, несколько неожиданный соратник святого Павла:

Человек праведной жизни, чуждый слабостям,
Не нуждается ни в копье, ни в луке мавров.

Да, ад вымощен благими намерениями! Все это я глубоко чувствовал; и ты поймешь, как горько я раскаивался, когда, намечая благие пути для других людей, я сам пал.

И он рассказал ей о том периоде своей жизни, когда, терзаемый сомнениями и неразрешенными вопросами, он метался, словно пробка, швыряемая волнами, и, поехав в Лондон, провел двое разгульных суток в обществе чужой ему женщины.

— К счастью, я скоро опомнился и осознал свое безумие, — продолжал он. — Я не в состоянии был говорить с ней и уехал домой. Больше я никогда не совершал подобных поступков. Но я хотел быть до конца откровенным и честным с тобой, потому-то я и не мог не рассказать тебе об этом. Прощаешь ли ты меня?

¹ Праведная жизнь (лат.).

В ответ она крепко сжала ему руку.

— Больше мы никогда не будем возвращаться к этому разговору — слишком мучительно было начинать его сегодня. Поговорим о чем-нибудь более веселом.

— О Энджел, я почти рада... потому что теперь *ты* можешь простить *меня!* Я еще не исповедалась. Мне тоже есть в чем покаяться... помнишь, я тебе говорила?

— А, совершенно верно! Ну-с, начинай, маленькая грешница.

— Ты улыбаешься, но, быть может, это так же серьезно, как и твоя исповедь, если только не хуже.

— Хуже, пожалуй, не может быть, дорогая.

— Конечно, не может! — Радостная, окрыленная надеждой, она вскочила и воскликнула: — Да, моя исповедь не может быть хуже твоей потому, что она такая же! Сейчас я тебе все расскажу.

Она снова села.

Руки их по-прежнему были сплетены. Зола под решеткой камина, освещенная сверху огнем, напоминала песок знойной пустыни. Человеку с воображением мог почудиться алый сумрак дня Страшного суда в этих багровых отблесках, которые ложились на его лоб и руку, играли в прядях ее волос, окрашивали нежную кожу. Гигантская ее тень легла на стену и потолок. Тэсс наклонилась вперед, и бриллианты на ее шее сверкали, злобно подмигивая, словно глаза жабы. Она прижалась лбом к его виску и начала рассказ о своем знакомстве с Алеком д'Эрбервиллем и о последствиях этого знакомства; шепотом, но твердо выговаривала она слова, и глаза ее были опущены.

ЖЕНЩИНА РАСПЛАЧИВАЕТСЯ

XXXV

Ее рассказ был окончен; подтверждены отдельные места, даны объяснения. Тэсс ни разу не повысила голоса, ни одной фразы не сказала в свое оправдание и не плакала.

Но по мере того как развертывался ее рассказ, изменялся, казалось, даже внешний вид окружающих предметов. Огонь в камине подмигивал с какой-то дьявольской веселостью, словно глумясь над нею и ее несчастьем, каминная решетка лениво ухмылялась — ей было все равно, свет, отражаясь от графина с водой, целиком был занят разрешением проблемы красок. Все предметы с жутким единодушием снимали с себя ответственность. И, однако, ничто не изменилось с той минуты, как он ее целовал. Вернее — не изменился материальный состав предметов. Но сущность их стала иной.

Когда она умолкла, отзвуки их прежних ласк поспешили спрятаться в дальние уголки мозга, и лишь эхо напоминало о той поре, когда властвовали слепота и глупость.

Клэр помешал угли в камине; услышанное еще не проникло в глубь его сознания. Поворошив золу, он встал. Теперь он до конца понял ее исповедь. Лицо его сразу постарело. Напряженно задумавшись, он нервно постукивал ногой по полу. Мысли его скользили по поверхности — этим и объяснялись его бессознательные движения. Она знала все оттенки его голоса, но когда он заговорил, тон его был самый спокойный и повседневный.

— Тэсс!

— Я слушаю, любимый!

— Неужели я должен этому поверить? Ты говоришь так, как будто это правда. Не может быть, чтобы ты лишилась рассудка. Хотя это было бы лучше, но нет, ты не сошла с ума... Моя жена, моя Тэсс! В тебе ничто не подтверждает эту мысль...

— Я не сошла с ума, — сказала она.

— И все же...

Он посмотрел на нее тупо, как будто плохо соображая, и продолжал:

— Почему ты не сказала мне раньше? Ах да! Собственно говоря, ты хотела сказать, но помню, я тебе помешал!

Эти и другие его слова были лишь случайным лепетом, тогда как душа оставалась парализованной. Он отвернулся, наклонился над стулом. Тэсс последовала за ним на середину комнаты, остановилась и посмотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых не было слез. Вдруг она упала на колени к его ногам и сжалась в комок.

— Ради нашей любви, прости меня,— прошептала она пересохшими губами,— я простила тебе...

И так как он не отвечал, она повторила:

— Прости меня, как я тебя простила! Тебя я простила, Энджел...

— Ты... да... ты простила.

— Но ты меня не прощаешь?

— К чему говорить о прощении, Тэсс? Ты была одним человеком, теперь ты — другая. Господи, можно ли простить или не простить такое чудовищное превращение?

Он запнулся, обдумывая это определение, и вдруг разразился страшным смехом, таким же противоестественным и жутким, как адский хохот.

— Не надо, не надо! Ты убиваешь меня! — вскрикнула она. — Сжался надо мной, сжался!

Он не ответил, и, смертельно побледнев, она вскочила.

— Энджел, Энджел! Что значит этот смех? — вырвалось у нее. — Знаешь ли ты, как он мне страшен?

Он покачал головой.

— Я надеялась, мечтала, молилась о том, чтобы сделать тебя счастливым! Я мечтала о том, какая радость для меня дать тебе счастье и какой недостойной женой буду я, если это мне не удастся! Вот о чем я думала, Энджел!

— Знаю.

— Я думала, Энджел, что ты меня любишь — *меня*, мою душу! А если ты меня любишь, как же можешь ты так смотреть и говорить? Мне страшно. Я тебя полюбила, и полюбила навеки, как бы ты ни изменился, как бы ты ни был унижен, потому что ты — это ты! И большего я не прошу. Как же можешь ты, любимый мой муж, перестать меня любить?

— Повторяю, та женщина, которую я любил, не ты.

— Но кто же?

— Другая в твоём облике.

Услышав эти слова, она поняла, что сбылись ее предчувствия. Он видел в ней обманщицу, падшую женщину, принявшую облик невинной девушки. Она поняла, и ужас исказил ее бледное лицо; щеки осунулись, рот приоткрылся. Его жестокое мнение о ней так ее поразило, что она пошатнулась, и он шагнул к ней, опасаясь, как бы она не упала.

— Сядь, сядь, — сказал он мягко. — Тебе дурно, и это вполне естественно.

Она села, не сознавая, что делает, лицо ее хранило прежнее выражение, и от ее взгляда мурашки пробежали у него по спине.

— Значит, больше я тебе не принадлежу, Энджел? — беспомощно спросила она.

«Он говорит, что любил не меня, а другую женщину, которая на меня похожа», — при этой мысли она почувствовала к себе глубокую жалость, как к обиженной. Глаза ее наполнились слезами, когда она начала осознавать свое положение; она отвернулась и разрыдалась от жалости к себе.

Эта перемена в ее настроении успокоила Клэра: впечатление, произведенное на нее всем случившимся, встревожило его меньше, чем ее страшное признание. Он ждал терпеливо, апатично, пока не миновал первый приступ отчаяния и бурные рыдания не сменились всхлипыванием.

— Энджел,— сказала он вдруг не тем исполненным безумия голосом, каким говорила до сих пор, но обычным своим тоном.— Энджел, я слишком дурная, и мы не можем жить теперь вместе?

— Я не в состоянии думать о будущем.

— Я не прошу, чтобы ты позволил мне жить с тобой, Энджел, я не имею на это никакого права. Я хотела написать матери и сестрам о нашей свадьбе, но не напишу. И не буду кончать той вышивки, какую начала.

— Не будешь?

— Да, я ничего не буду делать, если ты мне не прикажешь. И если ты уедешь, я за тобой не поеду; и если ты больше не будешь разговаривать со мной, я не спрошу — почему, если ты не разрешишь спросить.

— А если я прикажу тебе что-нибудь сделать?

— Я буду повиноваться тебе, как жалкая раба, хотя бы ты приказал мне лечь и умереть.

— Ты очень добра. Но странно, что твой самоотверженный порыв так не гармонирует с прежним инстинктом самосохранения.

Это было сказано уже зло. Однако сарказм производил на Тэсс такое же впечатление, как на собаку или кошку. Изощренность его колкости осталась неоцененной ею, и она восприняла эти слова лишь как враждебные звуки, свидетельствующие о том, что гнев Клэра не улегся. Она молчала, не подозревая, что он пытается задушить свою любовь к ней. Тэсс не видела слезы, медленно скатившейся по его щеке,— слезы такой крупной, что она, словно линза микроскопа, увеличивала поры кожи, по которой стекала. Но он вновь осознал, какой страшный и полный переворот в его жизни произвела ее исповедь, и безнадежно пытался приспособиться к новым условиям. Нужно было что-то предпринять. Но что?

— Тэсс,— сказал он, стараясь говорить ласково,— я не могу сейчас оставаться... здесь, в этой комнате. Я немного погуляю.

Он тихо вышел из комнаты, а две рюмки с вином, которые он наполнил к ужину,— одну для нее, другую для себя, остались нетронутыми. Вот как закончилась их вечеря любви. Часа два-три тому назад, за чаем, исполненные шаловливой нежности, они пили из одной чашки.

Стук закрывшейся двери, хотя и очень тихий, все-таки вывел Тэсс из оцепенения. Он ушел; она не могла оставаться в доме. Быстро набросив на себя плащ, она вышла, потушив свечи, словно не намерена была возвращаться. Дождь прошел, и ночь была светлая.

Скоро она его догнала, так как Клэр шел медленно, куда глаза глядят. Рядом с ее тоненькой серой фигуркой его фигура казалась черной, зловещей, чужой, и Тэсс, как насмешку, ощу-

тила прикосновение драгоценностей, которые на минуту доставили ей такую радость.

Услышав шаги, Клэр оглянулся, но, казалось, ее присутствие не произвело на него ни малейшего впечатления, и он пошел дальше по тянувшемуся перед домом длинному мосту с пытью зияющими арками.

Следы коровьих и лошадиных копыт на дороге были полны воды,— дождя выпало достаточно, чтобы наполнить выбоины, но не стереть их. Тэсс на ходу видела скользящие мимо нее звезды, отраженные в крошечных лужицах; она бы не знала, что они сияют над ее головой, если бы не видела их у своих ног,— самое огромное, что есть во вселенной, отражалось в самом малом.

Местечко, куда они сегодня приехали, находилось в той же долине, что и Тэлботейс, но на несколько миль ниже по реке. Дальше от дома дорога вилась среди лугов, и по этой дороге она шла за Клэром, не пытаясь догнать его или привлечь его внимание, шла с немой, безучастной покорностью.

Наконец она поравнялась с ним, и все-таки он не сказал ни слова. Обманутый честный человек часто бывает очень жесток, когда с его глаз спадет повязка,— так было и с Клэром. Но свежий воздух, казалось, отнял у него охоту действовать необдуманно; она знала, что он видит ее лишенной ореола, видит во всей ее наготе. А время напевало Тэсс свой сатирический псалом:

Когда лица твоего исчезнет прелесть, тот, кто любил тебя, возненавидит;
Не будет прекрасным лицо твое под осень жизни твоей.
Ибо жизнь твоя упадет, как лист, и прольется, как дождь;
И вуаль на твоей голове будет скорбью, а корона болью.

Он по-прежнему был погружен в размышления, а присутствие ее не имело теперь власти нарушить или отвлечь течение его мыслей. Каким ничтожным сделалось для него ее присутствие! Она не могла удержаться и заговорила с Клэром.

— Что я сделала, что я сделала? Ничего, что помешало бы мне любить тебя! Неужели ты думаешь, будто я сама этого хотела? Ты сердисься на то, что сам же мне и приписываешь... я не обманщица, какой ты меня считаешь.

— Гм, пожалуй. Ты не обманщица, жена моя, но ты и не та, что была раньше. Да, не та! И не заставляй меня упрекать тебя. Я поклялся обойтись без упреков — и сделаю все, чтобы их избежать.

Но она в смятении продолжала его умолять и, быть может, говорила то, о чем следовало бы молчать.

— Энджел... Энджел! Я была ребенком, когда это случилось! Я совсем не знала мужчин!

— Вина других перед тобой больше, чем твоя вина, это и я признаю.

— Так неужели ты меня не простишь?

— Я тебя прощаю. Но прощение — это еще не все.

— Ты любишь меня?

На этот вопрос он не ответил.

— О, Энджел, моя мать говорит, что такие случаи бывают! Она знает женщин, которые поступали хуже, чем я! А мужья не очень близко принимали это к сердцу, — во всяком случае, они прощали своих жен. А ведь те не любили своих мужей так, как я люблю тебя!

— Довольно, Тэсс, не спорь. Разные слои общества — разные взгляды. Зачем ты вынуждаешь меня сказать, что ты — невежественная крестьянка и понятия не имеешь о значении социальных оценок. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я крестьянка только по образу жизни, а не по происхождению.

На секунду ее охватил гнев, который тотчас же рассеялся.

— Тем хуже для тебя. Я думаю, что священник, откопавший твою родословную, поступил бы гораздо лучше, если бы держал язык за зубами. Вырождение твоего рода я невольно связываю и с другим фактом — отсутствием в твоем характере твердости. Все представители вырождающихся семей — слабовольны, и поведение их соответствующее. Боже мой, зачем ты мне рассказала о своем происхождении и дала лишний повод тебя презирать? Я-то видел в тебе дитя природы, полное сил, а ты оказалась чахлым отпрыском одряхлевшей аристократии!

— Но многие семьи не лучше моей в этом отношении! Предки Рэтти были когда-то крупными землевладельцами, так же как и предки фермера Биллета. А Дэбихоузы, которые занимаются теперь извозным промыслом, происходят из рода де Байе. Таких, как я, ты встретишь повсюду, этим отличается наше графство; и тут уж я ни при чем.

— Тем хуже для графства.

Эти упреки она выслушивала, не вникая в их смысл, — он не любит ее так, как любил раньше, а все остальное ей было безразлично.

Снова побрели они в молчании. Впоследствии рассказывали, что крестьянин из Уэллбриджа, отправившийся ночью за доктором, встретил на лугу двух влюбленных, которые шли очень медленно, не разговаривая, друг за другом, словно за гробом; и он увидел, что их лица встревожены и печальны. Возвращаясь позднее, он снова встретил их на том же лугу, и шли они так же медленно, забыв о позднем часе и ночном холоде. Озабоченный своими собственными делами — в доме у него был больной, — он скоро перестал думать об этой странной встрече и вспомнил о ней лишь много времени спустя.

В промежутке между первой и второй встречей с крестьянином Тэсс сказала мужу:

— Не знаю, что мне делать, чтобы ты не был по моей вине несчастен на всю жизнь. Там, внизу, река. Я могу утопиться. Мне не страшно.

— Я не имею ни малейшего желания прибавлять ко всем моим безумным поступкам еще и убийство, — ответил он.

— Я оставлю что-нибудь в доказательство того, что я это сделала сама — не вынесла позора. Тогда тебя не будут обвинять.

— Не говори глупостей, мне неприятно их слушать. Думать об этом — нелепо, ведь эта история скорее может вызвать насмешливые улыбки, чем послужить поводом для трагедии. Ты совершенно не понимаешь сущности происшедшего. Девять десятых увидели бы в этой истории только повод для шуток. Будь так добра, вернись домой и ложись спать.

— Хорошо, — покорно сказала она.

К этому времени они вышли на дорогу, ведущую к знаменитым развалинам Цистерсианского аббатства, позади мельницы, которая в давние времена была одной из монастырских служб. Мельница продолжала работать — потребность в пище извечна; аббатство было разрушено — ибо вера преходяща. Так как они шли не прямо, а кружили, то все еще находились недалеко от дома; поэтому Тэсс, повинаясь его воле, должна была только дойти до большого каменного моста и пройти еще несколько шагов по дороге. В доме все оставалось по-прежнему, и в камине еще не погас огонь. Внизу она задержалась только на несколько секунд, потом поднялась в свою комнату, куда отнесли вещи. Здесь присела она на край кровати, рассеянно осматриваясь по сторонам, и вскоре начала раздеваться. Когда она переставила свечу ближе к кровати, свет упал на полог из белой кисеи; под ним что-то висело, и Тэсс подняла свечу, чтобы разглядеть, что это такое. Ветка омелы. Она тотчас же догадалась, что ее повесил здесь Энджел. Так вот что скрывалось в таинственном свертке, который так трудно было упаковывать и перевозить! А он не хотел ей объяснить, что в нем, говоря, что скоро она все узнает. Веселый и счастливый, повесил он здесь ветку. Какой нелепой и неуместной казалась сейчас эта омела!

Теперь, когда ей нечего было бояться и не на что надеяться, — она не верила, что он смягчится. Она легла в постель, словно огуленная отчаянием. Когда скорбь становится бездумной, сон вступает в свои права. Часто люди менее несчастные не могут забыться сном, но Тэсс была в таком состоянии, когда сон приходит без зова. Еще несколько минут — и одинокая Тэсс погрузилась в небытие: ее обволакивала ароматная тишина комнаты, которая, быть может, была когда-то брачным покоем ее предков.

Поздно ночью вернулся домой Клэр. Он тихо вошел в гостиную, зажег свет и, видимо обдумав заранее линию своего поведения, постлал одеяла на старом обдуван диване, набитом конским волосом, превратив его в нечто напоминающее постель. Потом он разулся, крадучись поднялся по лестнице и остановился,

прислушиваясь, у двери ее комнаты. Услышав ровное дыхание, он понял, что она крепко спит.

— Слава богу! — прошептал Клэр; но что-то кольнуло его в сердце при мысли — в ней была лишь доля истины, — что Тэсс, свалив свое бремя на его плечи, может теперь спать безмятежно.

Он повернулся, чтобы уйти, потом, колеблясь, подошел к ее двери. При этом взгляд его упал на одну из д'эрбервилльских дам, чей портрет находился над дверью в спальню Тэсс. Портрет, освещенный свечой, производил еще более неприятное впечатление, чем днем. Лицо женщины выражало зловещее намерение, всепоглощающее желание мстить представителям другого пола, — так показалось Клэру. Платье, шитое по моде семнадцатого века, было низко вырезано, как у Тэсс, когда он отогнул ворот ее платья, чтобы надеть ожерелье. И снова его неприятно поразило сходство между ними.

Этого было достаточно. Он отошел от двери и спустился вниз.

Он оставался спокойным и холодным; маленький рот с плотно сжатыми губами свидетельствовал об умении его владеть собой; его лицо сохраняло выражение бесстрастия, которое появилось на нем, когда Тэсс окончила свою исповедь, это было лицо человека, который отныне перестал быть рабом страсти, но в освобождении своем не нашел счастья. Он размышлял о страшных случайностях, руководящих человеческой судьбой, о неожиданности событий. Когда он боготворил Тэсс — еще только час тому назад, — не было, казалось, существа чище, нежнее, девственнее, чем она, — но

Меньше чуть-чуть, и какие миры исчезли!

Он заблуждался, говоря себе, что ее честное и невинное лицо не являлось зеркалом ее души, но у Тэсс не было заступника, который доказал бы ему обратное. Возможно ли, думал он, чтобы эти глаза, взгляд которых всегда подтверждал каждое ее слово, видели в этот же самый момент совсем иные картины, не похожие на то, что ее окружало.

Он лег на диван в гостиной и погасил свет. Спустилась ночь и завладела домом, спокойная и безучастная ночь, которая уже поглотила его счастье и теперь равнодушно его переваривала и готова была столь же безмятежно и невозмутимо поглотить счастье тысячи других людей.

XXXVI

Клэр проснулся на рассвете, сером и пугливом, словно причастном к преступлению. Увидел камин с холодной золой, стол, накрытый к ужину, и два стакана с вином, — вино уже не искрилось и подернулось пленкой; увидел стул Тэсс, не за-

нятый теперь, свой стул и другую мебель, которая, казалось, в чем-то оправдывалась и задавала невыносимый вопрос: что же теперь делать? Сверху не доносилось ни звука, но через несколько минут раздался стук в наружную дверь. Он вспомнил, что должна прийти жена крестьянина, жившего по соседству, которая нанялась им прислуживать.

Присутствие постороннего человека в доме было бы теперь крайне неуместно, и Клэр, уже одетый, открыл окно и сказал ей, что сегодня утром они обойдутся без ее помощи. Она принесла кувшин с молоком, и он попросил поставить его у двери. Когда матрона удалилась, он отыскал в сарае дрова и быстро развел огонь. В кладовой нашлись яйца, масло, хлеб, и Клэр приготовил завтрак,— живя на мызе, он этому научился. Дрова пылали в камине, и дым вырывался из трубы, словно увенчанная лотосом колонна; местные жители, проходя мимо, видели дым, думали о новобрачных и завидовали их счастью.

Энджел еще раз оглядел комнату, подошел к лестнице и обычным своим тоном сказал:

— Завтрак готов.

Открыв входную дверь, он вышел на свежий утренний воздух. Когда через несколько минут он вернулся, Тэсс уже спустилась в гостиную и машинально переставляла посуду. Она была совсем одета и, должно быть, оделась раньше, чем он ее окликнул, так как с тех пор прошло минуты две-три. Волосы она закрутила большим узлом на затылке и надела одно из новых платьев — бледно-голубое шерстяное, с белой оборкой у ворота. Казалось, лицо и руки ее застыли,— вероятно, она долго просидела одетая в холодной спальне. Подчеркнуто вежливый тон Клэра, когда он ее окликнул, пробудил в ней на секунду проблеск надежды, но достаточно ей было взглянуть на него, чтобы надежда угасла.

От пламенного чувства влюбленных осталась только зола. Острая боль вчерашнего вечера уступила место тяжелой апатии; казалось, ничто не могло снова вернуть им способность чувствовать.

Он заговорил с ней спокойно, и она ответила так же сдержанно. Наконец она подошла к нему и начала пристально всматриваться в его резко очерченное лицо, словно забыв, что ее собственное лицо может служить объектом наблюдения.

— Энджел! — сказала она и умолкла, слегка прикоснувшись к нему пальцами, как будто едва могла поверить, что здесь перед ней находится человек, который был когда-то ее возлюбленным. Глаза ее не потускнели, бледные щеки еще не осунулись, хотя высыхающие слезы оставили на них блестящие полоски, а губы, обычно ярко-алые, были почти так же бледны, как и щеки. Жизнь еще пульсировала в ней, придавленной горем, но пульс стал таким прерывистым, что малейшее напряжение могло вызвать настоящую болезнь,— и тогда потускнеют ее глаза и губы станут тонкими.

Она казалась безупречно чистой — прихотливая обманщица-природа наложила такую печать девственности на лицо Тэсс, что он смотрел на нее ошеломленный.

— Тэсс! Скажи, что это неправда! Конечно, неправда!

— Это правда.

— Каждое слово?

— Каждое слово.

Он смотрел на нее с мольбой, словно хотел услышать заведомую ложь и с помощью софистики превратить ее в безусловную истину. Однако она повторила:

— Это правда.

— Он жив? — спросил Энджел.

— Ребенок умер.

— А этот человек?

— Жив.

Еще раз отчаяние исказило лицо Клэра.

— Он в Англии?

— Да.

Он сделал несколько шагов бесцельно, сам того не замечая.

— Вот каково мое положение, — сказал он отрывисто. — Я думал — и так думал бы всякий на моем месте, — что, отказываясь от честолюбивых стремлений иметь жену, занимающую положение в обществе, богатую, знающую свет, я найду в крестьянке невинность так же непременно, как и румяные щеки... Однако я не хочу упрекать тебя и не буду.

Ему не нужно было продолжать: Тэсс слишком хорошо понимала его состояние. Это и было особенно горько: она знала, что он лишился всего.

— Энджел... я бы не довела дела до свадьбы, если бы не знала, что в конце концов у тебя остается выход: хотя я надеялась, что ты никогда...

Голос ее сорвался.

— Выход?

— Да, способ от меня избавиться. Ты можешь от меня избавиться.

— Как?

— Развестись со мной.

— О, господи, можно ли быть такой наивной! Как я могу развестись с тобой?

— А разве нельзя... теперь, когда я призналась! Я думала, что моя исповедь даст тебе на это право.

— О Тэсс, ты... так по-детски простодушна... невежественна... Не знаю, как это назвать! Ты ничего не смыслишь в законах, ничего!

— Как, разве ты не можешь?

— Конечно, не могу.

Ее грустное лицо искажилось от стыда.

— А я думала, что... — прошептала она. — О, теперь я понимаю, какой дурной ты меня считаешь! Но клянусь тебе,

поверь мне, я всегда думала, что ты можешь со мной развестись! Я надеялась, что ты можешь от меня избавиться, если захочешь и если... совсем... совсем меня не любишь!

— Ты ошиблась,— холодно сказал он.

— Так, значит, я должна была это сделать прошлой ночью. Но у меня не хватило смелости.

— На что не хватило смелости?

Она не отвечала, и он взял ее за руку.

— Что ты задумала сделать?

— Покончить с собой.

— Когда?

Она съежилась от его инквизиторского тона.

— Простой ночью.

— Где?

— Под твоей омелью.

— О боже!.. Как? — спросил он сурово.

— Я скажу, только не сердись на меня,— ответила она, дрожа.— Я взяла веревку от своего сундука... но не могла сделать самое последнее! Я боялась, что это опозорит твоё имя.

Это неожиданное признание, насильно у нее вырванное, потрясло его. Но он по-прежнему держал ее за руку и смотрел ей в лицо; потом, опустив глаза, сказал нетвердым голосом:

— Слушай внимательно: о таких ужасных вещах ты не смеешь думать! Как ты могла! Ты должна обещать мне, как своему мужу, никогда не повторять этой попытки!

— Я готова обещать. Я поняла, что это грешно.

— Грешно! У меня нет слов выразить, как это недостойно тебя!

— Но, право же, Энджел,— начала она, глядя на него широко раскрытыми глазами,— я хотела это сделать только ради тебя — освободить тебя и избавить от скандала при разводе... Я ведь думала, что ты можешь получить развод. У меня и в мыслях не было сделать это ради себя. И, в конце концов, я недостойна того, чтобы лишиться себя жизни. Это ты, мой муж, которого я погубила, должен был бы нанести мне удар! Мне кажется, я еще сильнее полюбила бы тебя, если это только возможно, когда бы ты заставил себя это сделать, раз у тебя нет другого выхода. Я чувствую себя такой ничтожной. Я так тебе мешаю!

— Перестань!

— Но раз ты говоришь «нет», я больше не стану пытаться. Я хочу только того, чего хочешь ты!

Он знал, что это правда. После пережитой ночи воля ее равнялась нулю, и можно было не опасаться каких бы то ни было опрометчивых поступков.

Снова Тэсс более или менее успешно постаралась отвлечься, расставляя посуду для завтрака. Оба уселись по одну сторону стола, чтобы не встречаться друг с другом взглядом. Сначала каждый чувствовал себя неловко, прислушиваясь, как

ест и пьет другой, но этого нельзя было избежать; а кроме того, оба ели очень мало. После завтрака он встал и, сказав ей, в котором часу ждать его к обеду, отправился к мельнику, машинально приводя в исполнение свой план — изучить мукомольное дело, ради чего он, собственно, и выбрал именно этот дом для их медового месяца.

После его ухода Тэсс подошла к окну и вскоре увидела, как он поднялся на большой каменный мост, за которым находилась мельница. Пройдя по мосту, он пересек железнодорожные пути и скрылся из виду. Тогда, подавив вздох, она отвернулась от окна и начала убирать со стола и приводить комнату в порядок.

Явилась поденщица. Сначала Тэсс с трудом выносила ее присутствие, но потом почувствовала облегчение. В половине первого она оставила свою помощницу в кухне и, вернувшись в гостиную, стала ждать, когда за мостом появится фигура Энджела.

Было около часа, когда она его увидела, — и покраснела, хотя он находился на расстоянии четверти мили. Она побежала в кухню, чтобы успеть подать обед сразу, как он войдет в дом. Сначала он прошел в ту комнату, где накануне они вместе мыли руки, а когда он входил в гостиную, крышки, словно по сигналу, были сняты с блюд.

— Какая точность! — сказал он.

— Да, я видела, как ты шел по мосту, — ответила она.

Обед прошел в пустых разговорах о том, что делал он утром на мельнице, о способах просеивания муки и устаревших машинах. Клэр опасался, что не получит никакого представления о новых, усовершенствованных методах, так как некоторые машины, казалось, были в употреблении еще в те дни, когда мельница молола зерно для монахов из соседнего аббатства, ныне превратившегося в развалины. Через час он снова ушел, вернулся в сумерках и весь вечер разбирал свои бумаги. Она боялась ему помешать и, когда ушла старуха поденщица, отправилась в кухню и больше часа наводила там порядок.

Наконец в дверях показался Клэр.

— Ты не должна так работать, — сказал он. — Ты не служанка, ты моя жена.

Она подняла глаза, и лицо ее слегка просветлело.

— Значит, я могу считать себя твоей женой? — прошептала она с жалкой улыбкой. — Я хочу сказать — называться так! Да, большего мне не нужно.

— Можешь ли ты считать себя моей женой? Но ты моя жена. Что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — поспешно ответила она, в ее голосе послышались слезы. — Я думала... Я имела в виду, что не заслужила уважения. И я тебе давно говорила, что, по-моему, я не заслуживаю уважения; потому-то я и не хотела выходить за тебя... а ты настаивал.

Она разрыдалась и повернулась к нему спиной. Это расстрогало бы всякого, но только не Энджела Клэра. Он был человек мягкий и отзывчивый, но где-то в глубине его души таился мощный пласт суровой логики, подобный горной породе, пролегающей в мягкой глине и преграждающей путь всему, что пытается ее рассечь. Эта логика преградила ему дорогу к церкви, она же преградила ему дорогу к Тэсс. Вдобавок любовь его была не столько пламенной, сколько лучезарной: переставая верить женщине, он отходил от нее. Этим он резко отличался от тех впечатлительных людей, которые продолжают любить чувственной любовью ту, кого презирают рассудком. Он ждал, пока не стихли ее рыдания.

— Хотел бы я, чтобы добрая половина женщин в Англии заслуживала такого уважения, как ты,— сказал он с горьким озлоблением против всего женского пола.— Речь идет не о том, заслуживаешь ли ты уважения, а о принципах.

Он долго еще говорил в том же духе, захваченный волной отвращения, которое упорно калечит прямодушных людей, когда они убеждаются, что были введены в заблуждение обманчивой внешностью. Правда, где-то в глубине нарастала и другая волна — волна сочувствия, которую могла бы использовать опытная женщина. Но Тэсс об этом не думала, она все принимала как должное и почти не раскрывала рта. В непоколебимой ее преданности было что-то почти жалкое: вспльчивая от природы, она терпеливо выслушивала все, что бы он ни говорил: она не думала о себе, не раздражалась; обращение его с ней не вызывало с ее стороны осуждения. Она словно олицетворяла апостольское милосердие, возродившееся в современном эгоистическом мире.

Этот вечер, ночь и следующее утро прошли так же, как и предыдущие. Раз, один только раз осмелилась она, когда-то свободная и независимая Тэсс, сделать шаг к сближению. Это случилось, когда он в третий раз собирался идти после обеда на мельницу. Встав из-за стола, он сказал: «До свидания»,— а она ответила теми же словами и в то же время потянулась к нему за поцелуем. Он не поцеловал ее и только, быстро отвернувшись, сказал:

— Я вернусь домой вовремя.

Тэсс съезжилась, словно ее ударили. Часто пытался он против ее воли поцеловать эти губы, часто говаривал шутливо, что рот ее и дыхание напоминают вкус масла, яиц, молока и меда, которыми она питалась, говорил, что губы ее утоляют его голод,— много еще таких же глупостей. Но теперь ему не нужны были ее губы.

Он заметил, как она вздрогнула, и сказал ласково:

— Пойми, я должен подумать о том, как быть дальше. Необходимо пожить некоторое время вместе во избежание неприятного для тебя скандала, который не заставил бы себя

ждать, если бы мы разъехались немедленно. Но ты должна понять, что это делается только ради приличия.

— Да,— рассеянно отозвалась она.

Он ушел на мельницу, но на полпути остановился и пожалел на секунду о том, что не ответил ей ласковее и не поцеловал ее хоть раз.

Так прошел в тоске еще день и еще день. Живя в одном доме, они были дальше друг от друга, чем до брака. Она ясно видела, что энергия его, как он выразился, парализована и он пытается придумать дальнейший план действий. Она была поражена, когда убедилась в непреклонности этого человека, казавшегося таким мягким. Его упорство переходило в жестокость. Больше она не надеялась на прощение. Не раз она подумывала о том, чтобы уйти от него, когда он покидал дом, но боялась, что ее уход не принесет ему пользы и поставит в еще более неприятное и унижительное положение, если об этом узнают.

Клэр на самом деле непрерывно размышлял. Мысли преследовали его, он заболел от них, они иссушили его, выгнали из его души всю его прежнюю гибкость и мягкость. Он бродил, бормоча вслух: «Что делать? Что делать?» И случайно она его подслушала; это побудило ее затронуть вопрос о будущем, которого они избегали касаться.

— Должно быть... ты недолго будешь жить со мной, Энджел? — спросила она.

Уголки ее рта были опущены; ясно было, что с помощью лишь очень больших усилий удавалось ей сохранять это сдержанное спокойствие.

— Я не могу жить с тобой,— сказал он,— не презирая самого себя и — что, пожалуй, еще хуже — не презирая тебя. Конечно, я говорю о совместной жизни в обычном смысле этого слова. Сейчас, каковы бы ни были мои чувства, я тебя не презираю. И разреши мне говорить откровенно, иначе ты не поймешь всей трудности моего положения. Как можем мы жить вместе, пока жив этот человек?.. В сущности, он твой муж, а не я. Если бы он умер, все могло быть иначе... Но трудность не только в этом: она обусловлена соображениями, касающимися будущности других людей — не нас. Пройдут годы, у нас будут дети, а эта прошлая история обнаружится,— рано или поздно о ней узнают, нет такого уголка на земле, куда никто не заглядывает и откуда никто не уезжает. Подумай о несчастных детях, нашей плоти и крови, несущих на себе это пятно и с каждым годом все острее ощущающих свой позор. Каково будет для них пробуждение? Какая будущность? Можешь ли ты сказать мне по чести: «Останься»,— если представишь себе такую возможность? Не лучше ли претерпеть наше несчастье, чем стремиться к новым бедам?

Веки ее, отяжелевшие от скорби, были по-прежнему опущены.

— Я не могу сказать: «Останься»,— ответила она.— Не могу. Так далеко вперед я не заглядывала.

Нужно признать, что Тэсс, несмотря ни на что, чисто по-женски надеялась в глубине души, что семейная жизнь под одним кровом в конце концов слѣдит его холодность, даже вопреки его решению. Наивная в обычном смысле этого слова, она тем не менее была настоящей женщиной и была бы лишена женского инстинкта, если бы чутьем не знала, какая сила заключается в такой совместной жизни. Она понимала, что ничто ей не поможет, если она в этом потерпит неудачу. Она твердила себе, что дурно так надеяться,— это было уже похоже на план, на хитрость,— но она не могла расстаться с этой последней надеждой. Теперь он объяснил ей создавшееся положение с новой для нее точки зрения. Действительно, она никогда не заглядывала так далеко, и отчетливо нарисованная им картина того, как собственные дети будут ее презирать, явилась неотразимым доводом, убившим последнюю надежду в ее глубоко честном сердце. По собственному опыту она уже знала, что бывают такие обстоятельства, когда благополучной жизни лучше предпочесть отказ от какой бы то ни было жизни вообще. Подобно всем просветленным страданием, она могла в словах Сюлли-Прюдона: «Ты будешь рожден»,— услышать приговор своим потомкам.

Но такова лисья хитрость госпожи Природы: до этих пор Тэсс, ослепленная своей любовью к Клэру, не думала о возможных последствиях этой любви, не думала, как отразится на других то, в чем видела она свое — и только свое — несчастье.

Поэтому такой довод показался ей неопровержимым. Но человек слишком нервный склонен оспаривать свои же собственные мнения, и у Клэра возникло возражение, которого он сам почти испугался. Основано оно было на некоторых особенностях натуры Тэсс; и она могла бы этим воспользоваться. Кроме того, она могла добавить: «На австралийском плоскогорье или в техасской прерии кому какое дело до моей беды? Кто будет упрекать меня или тебя?» Однако, подобно большинству женщин, она приняла рожденное минутой опасение как нечто неизбежное. И, быть может, была права. Чуткому сердцу женщины ведомо не только ее боль, но и боль мужа; и если бы никто не обратился к нему или к его семейным с упреками, эти упреки тем не менее коснулись бы его слуха, порожденные его собственной фантазией.

Шел третий день их отчуждения. Пожалуй, кому-нибудь мог бы прийти в голову парадокс: если бы у Клэра животное начало было сильнее, он вел бы себя благороднее. Но мы так не говорим. И все же любовь Клэра действительно была слишком духовной для повседневной жизни, слишком неземной; таким натурам присутствие любимого существа нужно не так, как его отсутствие, ибо в разлуке создается идеальный образ, лишенный реальных недостатков. Тэсс убедилась, что ее при-

существование не оказывает на него такого влияния, на какое она надеялась. Его метафора оправдалась: она была другой женщиной — не той, которую он желал.

— Я обдумала то, что ты сказал,— заметила она, чертя указательным пальцем по скатерти и поддерживая голову другой рукой, с обручальным кольцом, которое словно издевалось над ними.— Ты совершенно прав, прав во всем. Ты должен от меня уехать.

— Но что же ты будешь делать?

— Я могу вернуться домой.

Клэр об этом не подумал.

— В самом деле? — спросил он.

— Да. Мы должны расстаться, и уж лучше поскорее с этим покончить. Ты как-то мне сказал, что я притягиваю к себе мужчин вопреки их рассудку, и если я постоянно буду у тебя перед глазами, ты, пожалуй, изменишь свое решение наперекор желанию и здравому смыслу. А потом твоё раскаяние причинит мне страшную боль.

— А ты бы хотела вернуться домой? — спросил он.

— Я хочу расстаться с тобой и уехать домой.

— Значит, пусть будет так.

Она вздрогнула, не поднимая глаз. Слишком остро почувствовала она разницу между предложением и договором.

— Я боялась, что дело этим кончится,— прошептала она, лицо её было покорно и казалось растерянным.— Я не жалуюсь, Энджел... Я... я думаю, что так будет лучше. Твои слова окончательно меня убедили. И даже если никто не стал бы меня упрекать, живи мы вместе, пожалуй, спустя много лет ты сам можешь рассердиться на меня из-за какого-нибудь пустяка и, зная о моем прошлом, бросишь мне упрек, который услышат мои дети. И то, что сейчас причиняет мне только боль, будет для меня тогда пыткой и убьет меня! Я уеду... завтра.

— И я здесь не останусь. Хотя я и не хотел заговаривать об этом первый, но считал, что будет разумнее расстаться хотя бы на время, пока я не дам себе отчета в случившемся. А потом я могу тебе написать.

Тэсс украдкой взглянула на мужа. Он был бледен, даже дрожал, но, как и раньше, её поразила решимость этого кроткого человека, за которого она вышла замуж, воля его, подчиняющая грубые эмоции эмоциям более возвышенным, материю — идее, плоть — духу. Склонности, стремления, привычки были словно сухие листья, подхваченные буйным ветром его непреклонной воли.

Заметив её взгляд, он пояснил свои слова:

— Я лучше думаю о людях, когда нахожусь вдали от них.— И добавил цинично: — Кто знает, быть может, когда-нибудь мы сойдемся от скуки; так бывало со многими!

В тот же день начал он укладывать свои вещи; и она, поднявшись к себе, последовала его примеру. Оба думали об

одном и знали это: быть может, на следующее утро они расстанутся навеки, хотя сейчас и прикрывали свой отъезд успокоительными предположениями, так как оба принадлежали к той породе людей, для которых мысль о всякой разлуке, грозящей стать вечной, была пыткой. И он и она знали, что в первые дни разлуки взаимное их влечение — с ее стороны нимало не зависящее от его добродетелей — может быть сильнее, чем когда бы то ни было, но время заглушит его; практические доводы, в силу которых он отказывался принять ее как свою жену, обретут новую силу в холодном свете грядущих дней. Кроме того, когда двое расстанутся, перестают жить одной жизнью и под одним кровом, тогда пробиваются незаметно новые ростки, заполняя пустое место; непредвиденные события препятствуют прежним замыслам, и старые планы предаются забвению.

XXXVII

Настала полночь и миновала незаметно, ибо в долине Фрум ничто не возвещало о приближении полуночного часа.

Во втором часу ночи в темном фермерском доме, бывшей резиденции д'Эрбервиллей, послышался легкий скрип. Тэсс, которая спала в комнате наверху, услышала шум и проснулась. Это скрипнула ступенька у поворота лестницы, где доска была плохо прибита. Тэсс видела, как распахнулась дверь ее спальни и в полосе лунного света показалась фигура ее мужа, ступавшего с какой-то странной осторожностью; он был в одной рубашке и брюках. Первая ее вспышка радости угасла, когда она заметила, что он бессмысленно смотрит куда-то в пространство. Выйдя на середину комнаты, он остановился и прошептал с бесконечной печалью:

— Умерла! Умерла! Умерла!

После душевного потрясения Клэр бредил иногда во сне и даже проделывал странные вещи: так, например, ночью, по возвращении с базара, куда они ездили перед свадьбой, он воспроизвел в своей спальне драку с человеком, который оскорбил Тэсс. Она поняла, что долгие душевные муки снова повергли его в это сомнамбулическое состояние.

Так глубоко было ее доверие к нему, что, бодрствующий или спящий, он не внушал ей ни малейшего страха. Если бы он вошел с пистолетом в руке, и тогда вряд ли поколебалась бы ее вера в него как своего защитника.

Клэр подошел ближе и склонился над ней.

— Умерла, умерла, умерла! — шептал он.

Пристально, с той же беспредельной скорбью смотрел он на нее в течение нескольких секунд, потом нагнулся ниже, обнял ее и завернул в простыню, словно в саван. Подняв ее с кровати с тем почтением, какое принято оказывать покойникам, он вынес ее из комнаты, бормоча:

— Моя бедная, бедная Тэсс... моя дорогая, любимая Тэсс! Такая милая, добрая, преданная!

Нежные слова, от которых он сурово воздерживался наяву, были бесконечно сладки ее одинокому сердцу, изголодавшемуся по ласке. Даже ради спасения своей жизни она не согласилась бы пошевелиться или вырваться из его рук и положить конец этой сцене. Поэтому она не шевелилась, едва осмеливаясь дышать, недоумевая, что думает он делать с нею. Он вынес ее на площадку лестницы.

— Моя жена... умерла, умерла! — сказал он.

На секунду он остановился, чтобы отдохнуть, и прислонился к перилам. Не думал ли он бросить ее вниз? Инстинкт самосохранения почти угас в ней; зная, что завтра он хотел уехать, быть может, навсегда, она лежала в его объятиях и, несмотря на грозившую ей опасность, испытывала скорее блаженство, чем страх. Если бы они могли вместе упасть и разбиться, как бы это было хорошо, как кстати!

Однако он не уронил ее, а, прислонившись к перилам, запечатлел поцелуй на ее губах — на губах, от которых отвращивался днем. Потом он снова крепко ее обнял и стал спускаться по лестнице. Скрип расшатанной ступеньки не разбудил его, и они благополучно спустились вниз. Освободив на одну секунду руку и поддерживая Тэсс другой рукой, он отодвинул дверной засов и вышел из дому, слегка ударившись ногой, одетой в носок, о дверь. Но, казалось, он этого не заметил и, очутившись на просторе, вскинул Тэсс на плечо, чтобы легче было нести ее; к тому же отсутствие одежды заметно уменьшало тяжесть его ноши. Он понес ее к реке, находившейся на расстоянии нескольких шагов.

Она еще не знала конечной его цели — если была у него какая-нибудь цель — и строила догадки словно посторонний наблюдатель. Спокойно она отдалась ему всем своим существом, и теперь ей приятно было сознавать, что он видит в ней свою собственность, которой может располагать по своему желанию. Ощущая ужас завтрашней разлуки, она утешалась тем, что сейчас он признал ее своей женой и не отрекался от нее; и пусть в этом признании зайдет он так далеко, что присвоит себе право подвергать ее жизнь опасности.

Вдруг она догадалась, что пригрезилось ему: он грезил о том воскресном утре, когда переносил ее на руках через лужу, ее и других работниц, которые любили его почти так же, как она, если это только возможно, — чему Тэсс, впрочем, не верила. Клэр не понес ее к мосту: он прошел несколько шагов вдоль реки по направлению к мельнице и остановился у самой воды.

Река, пересекая эти луга, во многих местах разбивалась на множество рукавов, образуя островки, не имевшие названия, а потом ее воды снова сливались в один широкий поток. Клэр остановился как раз там, где река не разделялась на рукава

и была многоводной и глубокой. Через нее был переброшен узкий мостик для пешеходов, но осенние ливни смыли перила, и осталась только узкая доска, поднимающаяся на несколько дюймов над водой; течение здесь было быстрое, и только люди, не подверженные головокружению, могли пройти по этому мостику. Днем Тэсс видела из окна, как молодые парни шли по нему, похваляясь своим умением сохранять равновесие. Быть может, и ее муж наблюдал эту сцену; как бы то ни было, но сейчас он поднялся на мостик и двинулся вперед, нащупывая дорогу ногой.

Не хочет ли он утопить ее? Возможно. Место было безлюдное, река достаточно глубока и широка, для того чтобы осуществить это намерение. Пусть он утопит ее, если хочет, это лучше, чем расстаться завтра и жить в разлуке.

Под ними мчался и бурлил быстрый поток, швыряя, искажая и раскалывая отраженный лик луны. Проплывали клочья пены, а вокруг свай колебались зацепившиеся за них водоросли. Если они оба упадут сейчас в реку — так крепко их объятие, что спастись они не смогут. Почти безболезненно уйдут они из жизни, и она не услышит больше упреков, и его не упрекнут за то, что он на ней женился. Последний час его жизни с ней будет часом любви. А если доживут они до его пробуждения, вернется дневное его отвращение к ней, и этот час останется в памяти только как сон.

Ей захотелось сделать движение, которое увлекло бы их обоих в пучину, но она не посмела исполнить свое желание. Она нисколько не дорожила своей жизнью — это она доказала, — но не вправе была располагать жизнью Клэра. Он благополучно достиг противоположного берега.

Дальше начиналось поле — бывшие монастырские владения. Крепче прижав к себе Тэсс, он направился к разрушенным хорам церкви, находившейся от них в нескольких шагах. У северной стены стояла пустая каменная гробница какого-то аббата, куда для нелепой забавы обычно ложились все туристы. В нее он бережно положил Тэсс. Еще раз поцеловав ее губы, он глубоко вздохнул, словно достиг наконец желанной цели. Потом он улегся на земле подле каменного гроба и от усталости погрузился тотчас же в глубокий, мертвый сон. Он лежал неподвижно. Наступила реакция после душевного напряжения, которое даровало ему силы.

Тэсс села в гробу. Погода для этой поры года стояла сухая и мягкая, но все-таки холод был такой, что Клэру, полуодетому, опасно было оставаться здесь долго. Если предоставить его самому себе, он, вероятно, останется здесь до утра и схватит смертельную простуду. Она слыхала, что такие случаи бывали с лунатиками. Но могла ли она разбудить его и объяснить, что он тут делал? Ведь он бы сгорел от стыда, узнав о безумной своей выходке. Тем не менее Тэсс встала со своего каменного ложа и слегка встряхнула Клэра, но, разумеется, этого было

недостаточно, чтобы его разбудить. Следовало немедленно принять какие-то меры, так как у нее уже начался озноб, — простыня плохо защищала от холода; пока она была в его объятиях, волнение согревало ее, но это блаженное состояние миновало.

Внезапно ей пришло в голову прибегнуть к внушению. Со всей твердостью и решимостью, на какую только была способна, она шепнула ему на ухо:

— Пойдем дальше, дорогой, — и настойчиво потянула его за руку.

К великому ее облегчению, он повиновался беспрекословно: по-видимому, ее слова вплелись в его сновидение, которое вступало в новую фазу, — ему мерещилось, что она воскресла и дух ее увлекает его на небо. Тэсс повела его за руку к каменному мосту перед домом, где они жили, и, миновав мост, остановилась у двери. Ей больно было идти босиком по камням, от холода она ооченела, но Клэр был в шерстяных носках и, казалось, не чувствовал холода.

Далее все шло гладко. Она заставила его лечь на диван и укутала потеплее, потом развела огонь в камине, чтобы он согрелся. Она думала, что шум и шаги разбудят его, и втайне на это надеялась. Но он был так измучен душевно и физически, что не проснулся.

Когда они встретились на следующее утро, Тэсс тотчас же поняла, что Энджел ничего не помнит об ее участии в ночной прогулке, хотя, быть может, и догадывается о том, что ходил во сне. И действительно, очнувшись от глубокого сна, близкого к небытию, он в течение тех первых секунд, когда мозг — подобно потягивающемуся Самсону — пробует свою силу, смутно припомнил необычно проведенную ночь. Но реальность скоро прогнала всякие догадки.

Он ждал, чтобы ход его мыслей прояснился; он знал по опыту: если не исчезало при дневном свете решение, принятое накануне вечером, стало быть, оно, даже если и было порождено эмоцией, заслуживает доверия. И вот в бледном утреннем свете он снова решил расстаться с Тэсс, — решение это уже не было пылким и негодующим. Лишенный породившей его страсти, это был лишь остаток прежнего решения, но тем не менее решение было окончательным. Клэр больше не колебался.

За завтраком и позднее, когда они укладывали оставшиеся вещи, он казался таким усталым, после ночной прогулки, что Тэсс готова была рассказать ему все, но передумала: он будет рассержен, огорчен, почувствует себя в смешном положении, если узнает, что бессознательно проявил к ней свою любовь, осужденную здравым смыслом, унизил себя этой любовью, когда рассудок его спал. Рассказать ему о случившемся — значило высмеять протрезвившегося человека за то, что он проделывал в пьяном виде.

Мелькнула у нее и такая мысль: быть может, он сохранил смутное воспоминание о том, как нежен был с ней во сне, и не склонен говорить об этом из опасения, как бы Тэсс не воспользовалась удобным случаем и не обратилась к нему с новой просьбой не уезжать.

Он написал, чтобы из ближайшего города прислали экипаж, который и был подан вскоре после завтрака. В этом увидела она начало конца, — быть может, временного: ночное происшествие, выдавшее его нежность, вновь воскресило ее мечты о возможности примирения. Багаж положили на крышу экипажа, и они тронулись в путь. Мельник и старая служанка выразили некоторое удивление по поводу внезапного отъезда, но Клэр объяснил его тем, что мельница работает по старинке, тогда как он хотел изучить новейшие методы. В сущности, такое объяснение не грешило против истины. Отъезд их отнюдь не наводил на мысль о катастрофе и не опровергал предположения, что они едут навестить друзей.

Путь их лежал мимо мызы, откуда они уехали несколько дней назад, находя друг в друге такую светлую радость, а так

как Клэр хотел покончить свои дела с мистером Криком, то Тэсс поневоле должна была заглянуть к миссис Крик,— иначе та заподозрила бы, что дело неладно.

Не желая привлекать всеобщее внимание, они оставили экипаж у калитки, выходящей на проезжую дорогу, и пошли бок о бок по тропинке. Одни пеньки остались там, где были ивовые заросли, и они издали могли разглядеть то место, куда последовал за ней Клэр, когда упрашивал ее стать его женой; слева была изгородь, за которой слушала она, зачарованная, его игру на арфе; а дальше, за коровником, виднелся луг, где они впервые поцеловались. Летние золотые тона пейзажа стали теперь серыми, краски потускнели, чернозем превратился в грязь, и холодна была река.

Фермер увидел их со скотного двора и пошел им навстречу, скроив при этом шутивно-лукавую мину, которая в Тэлботейсе и в окрестностях считалась уместной при встрече с молодоженами. Затем из дому вышла миссис Крик, а за ней и другие их старые знакомые, но ни Мэриэн, ни Рэтти не было видно.

Тэсс мужественно выслушала их лукавые намеки и дружеские насмешки, которые задевали ее отнюдь не так, как предполагали шутники. Между мужем и женой установилось молчаливое соглашение скрывать свое отчуждение, и по их поведению ни о чем нельзя было догадаться. И тут, хотя Тэсс предпочла бы ни слова об этом не слышать, ей подробно рассказали о Мэриэн и Рэтти: последняя уехала домой к отцу, а Мэриэн, уйдя с мызы, подыскала новое место. Все выражали опасение, что она плохо кончит.

Желая рассеять тоску, навеянную этим рассказом, Тэсс пошла попрощаться со своими любимцами-коровами и каждую погладила. Перед отъездом она и Клэр стояли рядом, точно связанные и духовно и физически, но жалкими показались бы они тому, кто знал правду; внешне их жизни слились в одну: его рука касалась ее руки, она задевала его своим платьем, они вместе прощались с обитателями мызы и говорили о себе «мы» — и, однако, были так же далеки друг от друга, как два полюса. Должно быть, в их позе все-таки было что-то напряженное, неестественное, и какая-то неловкость проглядывала в их усилия сыграть роль любящих супругов — неловкость, не похожая на смущение, которое свойственно молодоженам,— потому что после их отъезда миссис Крик сказала мужу:

— Странно у нее блестяли глаза. Да и стояли они оба, словно восковые куклы, а говорили, точно во сне! Ты не заметил? Правда, Тэсс всегда была какой-то чудной, и сейчас она что-то не похожа на молодую, которая гордится своим муженьком.

Снова сели они в экипаж и ехали по дороге, ведущей в Уэзербери и Стэгфут-Лейн, пока не добрались до лейнской гостиницы; здесь Клэр отпустил экипаж. В гостинице они немного отдохнули и поехали дальше, по направлению к родной

деревушке Тэсс; лошадей правил человек, им незнакомый, который не знал их отношений. Когда они миновали Натлбери, Клэр остановил экипаж у перекрестка и сказал Тэсс, что здесь он с ней расстанется, если она по-прежнему хочет вернуться к матери. Так как в присутствии кучера они не могли говорить свободно, он предложил ей пройти пешком по одной из боковых дорог. Она согласилась, и, приказав кучеру ждать, они отошли.

— Попробуем понять друг друга,— сказал он мягко.— Мы расстанемся мирно, но я пока не могу примириться с тем, что стало между нами. Я постараюсь справиться с собой. Тебя я извещу, куда предполагаю поехать, как только сам буду это знать. И если я себя приучу к тому, что сейчас кажется мне невыносимым,— если это нужно и возможно,— я вернусь к тебе. Но пока я сам к тебе не приеду, не делай попыток приехать ко мне — так будет лучше.

Тэсс этот суровый приказ показался смертным приговором. Она ясно понимала, в каком свете она предстает перед ним: он видел в ней только женщину, которая грубо его обманула. Но каков бы ни был ее проступок, заслуживает ли она подобного наказания? Однако спорить с ним она больше не могла. Она только повторила его слова:

— Пока ты ко мне не приедешь, я не должна пытаться к тебе приехать?

— Да.

— А писать тебе я могу?

— Конечно... если ты заболеешь или в чем-нибудь будешь нуждаться. Надеюсь, этого не случится, и, стало быть, я напишу тебе первый.

— Я согласна на эти условия, Энджел, потому что тебе лучше знать, какого наказания я заслуживаю. Но только... только сделай так, чтобы оно было мне по силам!

Больше она ничего не сказала. Если бы Тэсс была менее непосредственна, если бы она сделала ему сцену, упала в обморок, истерически зарыдала, то здесь, на этой безлюдной дороге, пожалуй, он не устоял бы перед ней, хотя и был одержим непомерной требовательностью. Но она приучила себя к мысли о долгих страданиях и облегчила ему путь — она сама пришла ему на помощь. Ее покорность была проявлением безрассудного подчинения обстоятельствам, свойственного всему роду д'Эрбервиллей,— и те струны его сердца, которые могли быть затронуты ее мольбами, остались немые.

После этого они обсуждали только практические вопросы. Он вручил ей пакет с приличной суммой, затребованной специально для этой цели от его банкиров. Бриллианты, которыми Тэсс, по-видимому, владела только пожизненно (если он правильно понял волю покойной), он предложил отправить на хранение в банк, на что она охотно согласилась.

Покончив с этими делами, он проводил Тэсс до перекрестка и усадил в экипаж. Кучеру было уплачено и сказано, куда

отвезти ее. Взяв затем свой саквояж и зонтик — единственные вещи, которые привез он сюда,— Клэр распрощался с ней. Так они расстались.

Экипаж медленно поднимался на холм, а Клэр провожал его глазами, безотчетно надеясь, что Тэсс выглянет на секунду из окна. Но ей и в голову не пришла такая мысль,— да она и не могла бы этого сделать, так как лежала в полуобморочном состоянии. Он смотрел, как она уезжает, и в тоске процитировал стих поэта, переделывая его по-своему:

Нет бога на небе — все плохо на земле!

Когда экипаж скрылся за гребнем холма, Клэр пошел своей дорогой, и вряд ли он знал, что продолжает ее любить.

XXXVIII

Когда экипаж спустился в Блекмурскую долину и Тэсс начала узнавать знакомую с детства местность, она понемногу пришла в себя. Первая ее мысль была: как посмотрит она в глаза родителям?

Показалась застава, находившаяся неподалеку от деревни. Ворота распахнул незнакомый ей человек, не тот старик, который много лет исполнял эту обязанность и хорошо знал Тэсс. Должно быть, он оставил должность в день Нового года, когда обычно нанимали служащих. Тэсс давно не получала вестей из дома и спросила сторожа, что нового в деревне.

— Ничего, мисс,— ответил тот.— В Марлотте все по-старому. Кое-кто помер. А на этой неделе Джон Дарбейфилд выдал дочку за джентльмена-фермера. Свадьбу-то не здесь справляли, они где-то в другом месте поженились. Джентльмен происхождения знатного, и, видно, показалось ему, что семья Джона слишком бедна, чтобы звать ее на свадьбу. Жених, должно быть, не знал, как у нас здесь проведали, что сам Джон происходит из древнего и благородного рода,— и по сей день его предки лежат в собственных склепах, да только имущества своего он лишился еще во времена римлян. Ну, а все-таки сэр Джон — так мы его теперь называем — отпраздновал, как мог, день свадьбы и угостил всех и каждого в приходе, а жена Джона до двенадцати часов ночи пела песни в трактире «Чистая капля».

На сердце Тэсс стало так тяжело, что она не решилась подъехать к дому в экипаже и со всеми своими пожитками. Она попросила у сторожа разрешения оставить на время вещи у него в доме и, получив согласие, отпустила экипаж и задворками пошла в деревню.

Завидев трубу отцовского дома, она задала себе вопрос: как осмелится она переступить его порог? Родные ее безмятеж-

но верили, что она находится далеко отсюда и совершает свадебное путешествие с человеком сравнительно богатым, который возведет ее на вершину благополучия. А в это время она, одинокая, покинутая друзьями, приближается, крадучись, к старому дому, и нет у нее на земле другого пристанища.

Ей не удалось подойти к дому никем не замеченной. Возле садовой изгороди она встретила знакомую, одну из тех двух-трех девушек, с которыми была дружна в школе. Осведомившись, как очутилась она здесь, подруга, не замечая трагического выражения ее лица, спросила:

— Тэсс, а где же твой джентльмен?

Тэсс поспешила объяснить, что его вызвали по делам, затем, распрощавшись со своей собеседницей, перелезла через изгородь и направилась к дому.

На дорожке сада она услышала, что мать распевает на черном крыльце, и через мгновение увидела миссис Дарбейфилд, которая на пороге выжимала простыню. Покончив с этим делом и не заметив Тэсс, она вошла в дом, а дочь последовала за нею.

Корыто стояло все там же, на старом бочонке, и мать, отложив в сторону простыню, собиралась снова опустить в него руки.

— Как! Тэсс! Дочка!.. А я думала, что ты вышла замуж... и уж на этот раз по-настоящему... мы сидру послали...

— Да, мама, так оно и есть.

— Так ты выходишь замуж?

— Я уже замужем.

— Замужем! А где твой муж?

— Он уехал на время.

— Уехал! А когда же была свадьба? В тот день, о котором ты писала?

— Да, во вторник, мама.

— Ну, а теперь только суббота! И он уже уехал?

— Да, уехал.

— Что же это значит? Нечего сказать, нашла себе муженька!

— Мама! — Тэсс подошла к Джоан Дарбейфилд, спрятала голову у нее на груди и разрыдалась. — Не знаю, как сказать тебе, мама! Ты мне писала, чтобы я ему ничего не рассказывала. А я рассказала... не могла иначе... и он ушел.

— Ах, дурочка ты, дурочка! — воскликнула миссис Дарбейфилд; от волнения она забрызгала водой и Тэсс и себя. — О, господи, вот уж не думала, что доживу я до того, чтоб так тебя назвать, но какая же ты дурочка!

Тэсс судорожно рыдала, — после длительного душевного напряжения настала наконец реакция.

— Я это знаю, знаю, знаю! — выговорила она сквозь слезы. — Но, мама, я не могла поступить иначе. Он такой добрый, и я чувствовала, как нехорошо скрывать от него то, что случи-

лось! Если... если бы это повторилось, я бы поступила точно так же. Я не могла... не смела... согрешить против него.

— Но ты уже согрешила, если сначала вышла за него замуж.

— Да, да! Поэтому я и мучаюсь! Но я думала, что закон поможет ему от меня избавиться, если он не захочет с этим примириться. И если бы ты знала, если бы ты только знала, как я его любила, как страстно хотела быть его женой... и как терзала меня эта любовь и желание поступить честно.

Тэсс была так измучена, что не могла продолжать и беспомощно опустилась на стул.

— Ну ладно, ладно: что сделано, то сделано! Только я никак не возьму в толк, почему у меня дети глупее, чем у других. И придет же на ум выболтать такую штуку! Ведь если бы он и узнал, так было бы уже поздно! — И миссис Дарбейфилд начала проливать слезы жалости к себе — матери, достойной сострадания. — Ума не приложу, что скажет твой отец, — продолжала она. — Каждый день он только и говорит, что о твоей свадьбе, болтает и у Ролливера и в «Чистой капле» о том, что благодаря тебе семья снова займет положение, подобающее ей по праву. Вот бедняга! А ты теперь взяла да все испортила! О, господи!

И, словно в довершение беды, послышались в эту минуту шаги отца Тэсс. Впрочем, он не сразу вошел в дом, и миссис Дарбейфилд объявила, что она сама сообщит ему печальную новость, а Тэсс пока не должна показываться отцу на глаза. Когда прошел первый приступ отчаяния, Джоан приняла это печальное событие, как и первую беду, постигшую Тэсс, — как приняла бы она и дождливое воскресенье, и неурожай картофеля: она не задумывалась, заслуживают ли они несчастья или нет, и видела в нем не урок, а удар судьбы, с которым нужно мириться.

Тэсс поднялась наверх и заметила, что кровати переставлены и сделаны кое-какие изменения. Ее старая кровать перешла во владение двух младших детей. Теперь здесь не было для нее места.

Потолок в нижней комнате не был оштукатурен, и она слышала почти все, что делалось внизу. Вошел отец, по-видимому притащивший живую курицу. Вынужденный продать вторую лошадь, он теперь носил свой товар в корзинке. Как это частенько случалось, он захватил с собой курицу утром, желая показать соседям, что занимается делом; однако курица больше часу пролежала со связанными ногами под столом в трактире у Ролливера.

— Только что толковали мы... — начал Дарбейфилд и подробно передал жене происходившую в трактире дискуссию о духовенстве, вызванную тем обстоятельством, что дочь его вышла замуж за сына священника.

— Прежде они, как и мои предки, именовались «сэрами», —

сказал он, — ну, а теперь они, строго говоря, только «духовные особы».

Так как Тэсс хотела избежать лишних разговоров, то подробностей он не сообщал. Впрочем, он надеется, что его дочь скоро снимет это запрещение. Он посоветовал бы молодоженам принять фамилию Тэсс, подлинную, неискаженную ее фамилию — д'Эрбервилль. Она звучит лучше, чем фамилия ее мужа. Затем он осведомился, не было ли от нее сегодня письма.

Тогда миссис Дарбейфилд сообщила ему, что письма не было, но, к несчастью, Тэсс сама явилась домой.

Когда он узнал наконец о катастрофе, мрачное отчаяние, необычное для Дарбейфилда, пересилило действие выпитого вина. Однако чувствительную его душу задело не столько событие, сколько то впечатление, какое могло произвести оно на соседей.

— Подумать только, чем дело кончилось! — воскликнул сэр Джон. — А ведь у меня есть семейный склеп под кингсбирской церковью, склеп величиной с пивной погреб эсквайра Джолларда, и там лежат мои предки — подлинные графские кости, известные в истории. А что скажут мне теперь ребята у Ролливера и в «Чистой капле»? Будут подмигивать, коситься и говорить: «Вот тебе и прекрасная партия! Вот ты и сравнялся со своими предками времен короля-норманна!» Это уж слишком, Джоан! Я покончу с собой, несмотря на титул, — больше нет у меня сил!.. Но ведь она может заставить его жить вместе, раз он на ней женился?

— Ну да... Но она ни за что не захочет.

— Как ты думаешь, он и в самом деле на ней женился? Или это та же история, что и в первый раз?..

Дольше бедняжка Тэсс не могла слушать. Сознание, что ее словам не верят даже здесь, вооружило ее против родительского дома. Как неожиданны были удары судьбы! Если и отец в ней усомнился, то что будут говорить соседи и знакомые? Нет, долго она здесь не проживет.

Она решила остаться только на несколько дней, а по истечении этого срока пришло короткое письмо от Клэра, сообщавшего ей, что он уехал на север Англии подыскивать ферму. Желая по-прежнему называться его женой и скрыть от родителей истинную глубину своего разрыва с мужем, она воспользовалась этим письмом как предлогом для отъезда, предоставив им думать, что уезжает к нему; чтобы ее мужа не упрекали в дурном отношении к ней, она взяла двадцать пять фунтов из пятидесяти, оставленных ей Клэром, и вручила эти деньги своей матери, дав той понять, что жена такого человека, как Энджел Клэр, может себе это позволить. Она заявила, что хочет немного вознаградить их за беспокойство и унижение, какое навлекла на них в былые годы. Восстановив таким образом свою репутацию, она распрощалась с ними. Благодаря щедрости Тэсс семья Дарбейфилдов некоторое время жила

очень весело; мать говорила — и сама в это верила, — что отношения между мужем и женой наладились, так как их связывает глубокое чувство и они не могут вынести разлуку.

XXXIX

Через три недели после свадьбы Клэр спускался с холма по дороге, ведущей к хорошо знакомому отцовскому приходу. По мере того как спускался он с холма, церковная колокольня все выше поднималась в вечернем небе, словно вопрошая его, зачем он сюда пожаловал. В городке, окутанном сумерками, никто, казалось, не замечал его и, конечно, никто не ждал. Явился он сюда словно призрак, и звук собственных шагов казался досадной помехой, от которой хотелось отделаться.

Жизнь теперь предстала ему в ином свете. До сих пор он воспринимал ее лишь как мыслитель, а теперь, казалось ему, познал ее как человек практический, хотя, пожалуй, в этом он ошибался. Впрочем, он перестал воспринимать человечество сквозь дымку мечтательной нежности итальянского искусства, теперь ему всюду виделись широко раскрытые глаза и жуткие позы экспонатов музея Виртца и гримасы в манере ван Бееера.

В эти первые недели поступки его были лишены какой бы то ни было последовательности. Сначала он машинально пытался осуществить свои агрономические замыслы, делая вид, будто в жизни его не произошло ничего из ряда вон выходящего, как и советуют поступать мудрые люди всех веков, но затем пришел к заключению, что ни одному из этих великих мудрецов не пришлось проверить на опыте практичность своих советов. «Вот самое главное: не ведай смятения», — сказал языческий моралист. Клэр придерживался того же мнения. И, однако, был в смятении. «Пусть сердце твое не ведает ни тревоги, ни страха», — сказал Назарейнин. Клэр охотно с этим соглашался, но все-таки пребывал в тревоге. Как хотелось ему встретиться с этими двумя великими мыслителями и обратиться к ним, просто как к людям, с просьбой научить его жить!

Затем им овладело тупое равнодушие, и ему чудилось, что на свою собственную жизнь он смотрит с пассивным любопытством постороннего зрителя.

Его мучила уверенность, что беды этой не случилось бы, будь Тэсс не из рода д'Эрбервиллей. Когда он узнал, что в ней течет кровь угасшего древнего рода, а не простолюдинов — молодого племени, как представлял он себе в мечтах, — почему не хватило у него твердости духа покинуть ее, оставаясь верным своим принципам? Вот результаты его вероотступничества, и наказание его заслужено.

Потом он почувствовал утомление и беспокойство, упорно возраставшее. Он задал себе вопрос: справедливо ли он поступил с ней? Он ел и пил машинально, без всякого аппетита.

Проходили часы, отчетливее вырисовывались мотивы всех его поступков, совершенных в былые дни, и он понял, что мысль о Тэсс, как о дорогом, близком ему существе, присутствовала во всех его планах, словах и делах.

Во время своих скитаний в предместье одного городка он заметил сине-красный плакат, возвещавший о великих преимуществах, которые предоставляет Бразилия эмигрантам-земледельцам. Землю можно было получить на исключительно выгодных условиях. Мысль о Бразилии понравилась ему своей новизной. Пожалуй, Тэсс могла бы приехать к нему туда,— быть может, в новом окружении, в стране, где понятия и обычаи были иными, условности не имеют той власти, которая, по мнению Клэра, препятствовала совместной их жизни в Англии. Короче, он склонялся к мысли о Бразилии, тем более что время года благоприятствовало такой поездке.

Теперь он возвращался в Эмминстер, чтобы сообщить родителям о своем плане и как-нибудь объяснить отсутствие Тэсс, скрыв от них причину разлуки. Когда он подходил к двери, молодой месяц светил ему в лицо так же, как светила полная луна в ту ночь, когда он на руках переносил свою жену через реку, направляясь к монастырскому кладбищу. Но с тех пор лицо его осунулось.

Клэр не предупредил родителей о своем приезде, и появление его взволновало дом пастора, подобно тому как зимородок, ныряя в воду, волнует поверхность тихого пруда. Отец и мать сидели в гостиной, но оба брата уже уехали к себе. Энджел вошел и тихо прикрыл за собой дверь.

— Но где же твоя жена, дорогой Энджел? — воскликнула мать. — Как ты нас удивил!

— Она у своей матери... временно. А я поспешил домой, потому что решил ехать в Бразилию.

— В Бразилию! Но ведь там живут одни католики!

— Разве? Я об этом не подумал.

Но даже эта неожиданная и неприятная новость — отъезд его в страну папистов — не могла надолго занять мысли мистера и миссис Клэр, которых, естественно, женитьба сына интересовала гораздо больше.

— Три недели тому назад мы получили твою записку, извещавшую о свадьбе, — сказала миссис Клэр, — и, как тебе известно, отец выслал вам дар твоей крестной матери. Конечно, мы сочли разумным не ехать на свадьбу, тем более что ты предпочел отпраздновать ее на мызе, а не в доме невесты. Наше присутствие стеснило бы тебя, а нам не доставило бы никакого удовольствия, — твои братья были в этом убеждены. Теперь, когда все уже кончено, мы не станем сетовать, тем более что ты избрал ее как помощницу на поприще, ради которого ты отказался стать проповедником слова божия. И все-таки мне хотелось бы повидать ее раньше, Энджел, или хотя бы узнать о ней больше. Мы ей пока не послали никакого подарка, так

как не знаем, что может ей понравиться, но считай, что это только отсрочка. Энджел, мы с отцомнисколько не сердимся на тебя из-за этой женитьбы, но мы решили отложить свое суждение о ней, пока не познакомимся с твоей женой. А ты не привез ее с собой! Это странно. Что случилось?

Он ответил, что, по их мнению, ей следовало съездить к своим родителям, пока он навещает своих.

— Признаюсь тебе, дорогая мама,— сказал он,— я не собирался привозить ее сюда, пока у меня не было уверенности, что она заслужит ваше расположение. Но теперь возник этот новый план поездки в Бразилию. Если я туда поеду, вряд ли удобно будет брать ее в это первое путешествие. Она будет жить у своей матери, пока я не вернусь.

— И я не увижу ее до твоего отъезда?

Вряд ли это могло удасться. Сначала, как он уже сказал, он хотел на время отложить это свидание, считаясь с их пред-рассудками... с их чувствами. Впрочем, для этого были и другие причины. Если он немедленно отправится в Бразилию, то домой вернется приблизительно через год, и, быть может, они пови-дают его жену раньше, чем он снова уедет,— на этот раз с нею.

Подали ужин, приготовленный на скорую руку, и Клэр стал развивать свои планы. Мать все еще была огорчена тем, что не познакомилась с его молодой женой. Восторженность, с какой Клэр еще так недавно говорил о Тэсс, пробудила в ней материнское сочувствие, и она почти готова была поверить, что и на мызе Тэлботейс можно найти очаровательную женщину. Она посматривала на сына в то время, как тот ужинал:

— Если бы ты описал ее мне... Я уверена, Энджел, что она очень хорошенькая!

— О, несомненно! — с жаром воскликнул он, скрывая боль.

— И, конечно, не приходится спрашивать о том, чиста ли она и добродетельна?

— Да, разумеется, она чиста и добродетельна.

— Я как будто вижу ее. В прошлый раз ты говорил, что она прекрасно сложена, что у нее красивые алые губы, ресницы и брови темные, коса толстая, как корабельный канат, а глаза большие, сине-черно-фиолетовые.

— Да, мама.

— Я ее вижу, как живую. И в такой глуши она вряд ли встречалась когда-нибудь с молодыми людьми другого круга, пока не встретила тебя.

— Да, вряд ли.

— Ты ее первая любовь?

— Конечно.

— Ну что ж, бывают жены похуже этих простодушных румяных и здоровых девушек с фермы. Конечно, я предпочла бы... но если моему сыну предстоит быть земледельцем, то, пожалуй, это и лучше, что жена его привыкла к жизни на ферме.

Отец был менее любопытен, но, когда настало время перед вечерней молитвой прочесть, как обычно, главу из Библии, он сказал жене:

— Мне кажется, более уместно будет по случаю приезда Энджела прочесть тридцать первую главу из притчей, вместо той, какую полагается читать по порядку.

— Да, конечно,— отозвалась миссис Клэр.— Слова царя Лемуила. (Главу и стих из Библии она могла процитировать не хуже, чем ее муж.) Дорогой мой сын, твой отец решил прочесть нам главу из притчей, в которой восхваляется добродетельная жена. И нам не нужно напоминать о том, что эти слова относятся к отсутствующей. Да хранит ее господь на всех путях ее!

У Клэра словно комок застрял в горле. Переносный аналог был выдвинут из угла и водружен перед камином; вошли две старые служанки, и отец Энджела начал читать с десятого стиха указанной главы:

— «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем, препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети — и ублажают ее; встает муж — и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

По окончании вечерней молитвы мать сказала:

— Я невольно думала о том, как удивительно подходят некоторые стихи этой главы, прочитанной твоим дорогим отцом, к женщине, которую ты избрал. Да, добродетельная женщина — это женщина работающая; не лентяйка, не светская красавица, но та, что руки свои, мысли и сердце отдает для блага ближних. «Встают дети — и ублажают ее; встает муж — и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Да, хотелось бы мне повидать ее, Энджел. Раз она чиста и целомудренна, значит, и хорошо воспитана.

Клэр не мог дольше выносить это. Глаза его были полны слез, жгучих, словно капли раскаленного свинца. Наскоро пожелал он спокойной ночи этим искренним и простодушным людям, которых так горячо любил; они не знали плотских мук, и дьявол не смущал их сердца, — для них все это было чем-то туманным и далеким. Он ушел в свою комнату.

Мать последовала за ним и постучала в дверь. Клэр открыл ее и увидел, что мать смотрит на него с беспокойством.

— Энджел,— начала она,— что-то случилось, и поэтому ты так скоро уезжаешь? Я вижу, что ты сам не свой.

— Отчасти ты права, мама,— ответил он.

— Из-за нее? Да, сын мой, я знаю, что это из-за нее! Вы уже поссорились?

— В сущности, мы не поссорились,— сказал он,— но у нас произошла размолвка.

— Энджел, в ее прошлом нет никакого пятна?

Материнский инстинкт подсказал миссис Клэр, какая причина могла скрываться за смятением ее сына.

— Она чиста, как снег! — ответил он.

И знал, что повторит эту ложь, даже если будет осужден за нее на вечную муку.

— Ну, тогда все остальное не имеет значения. В конце концов, мало встретишь на свете людей чище, чем неиспорченная деревенская девушка. Некоторая грубость манер, которая сначала может оскорблять твой вкус, более утонченный, со временем должна сгладиться в твоём обществе и под твоим влиянием.

Эта ужасная ирония, продиктованная слепым великодушием, навела Клэра на мысль, до сих пор не приходившую ему в голову: этой женитьбой он окончательно погубил свою карьеру. Правда, лично для себя он мало заботился о карьере, но ради родителей и братьев хотел иметь право на уважение. И теперь, когда он смотрел на свечу, пламя ее как будто говорило, что оно должно светить разумным людям и ему противно освещать лицо глупца и неудачника.

Когда волнение его улеглось, он вдруг почувствовал яростное раздражение против своей бедной жены за то, что из-за нее он вынужден лгать родителям. Рассерженный, он готов был осыпать ее упреками, словно она находилась здесь, в комнате. А затем в темноте прозвучал ее воркующий голос, жалобный и укоризненный, губы ее нежно коснулись его лба, и он почувствовал ее теплое дыхание.

В эту ночь женщина, которую он мысленно старался унижить, думала о том, какой замечательный и добрый человек ее муж. Но над обоими нависла тень гораздо черней той, какую видел Энджел Клэр,— его собственная ограниченность. Вопреки всем его попыткам быть независимым в своих суждениях, этот передовой, полный добрых намерений человек последней четверти века оставался рабом условностей и обычаев, уважение к которым прививалось ему в детстве. Ни один пророк не сказал ему,— а сам он не был пророком,— что молодая его жена достойна похвал царя Лемуила не меньше, чем всякая другая женщина, питающая такое же отвращение к греху, ибо не достижение, но стремление служит мерилom истинной нравственности. Кроме того, человек, которого мы разглядываем вблизи, проигрывает, так как нет теней, скрывающих его недостатки, а далекие туманные фигуры вызывают только уважение, и самые недостатки их на расстоянии превращаются в достоинства. Думая о том, что Тэсс оказалась не той, какой он ее себе представлял, он проглядел ее такой, какой она была, и не вспомнил, что не всегда совершенство ценнее всего.

За завтраком разговор шел о Бразилии, и все пытались одобрить задуманный Клэром эксперимент, несмотря на обескураживающие рассказы о том, как некоторые батраки, эмигрировавшие в Бразилию, через год возвращались на родину. После завтрака Клэр пошел в город покончить с теми мелкими делами, какие у него здесь были, и взять из местного банка все свои деньги. На обратном пути он встретил около церкви мисс Мерси Чант,— она казалась эманацией церковных стен. Она несла несколько Библий для занятий со своим классом. Миросозерцание ее было таково, что события, причинявшие другим людям сердечные страдания, заставляли ее блаженно улыбаться,— завидный результат, хотя, по мнению Энджела, он был достигнут путем противоположным — человечность приносилась в жертву мистицизму.

Она узнала о том, что он собирается покинуть Англию, и нашла этот план превосходным и многообещающим.

— Да, с точки зрения коммерческой этот план, конечно, недурен,— ответил Клэр.— Но, дорогая Мерси, это резкий разрыв с прошлым. Пожалуй, следовало бы предпочесть монастырь.

— Монастырь! О Энджел Клэр!

— А что такое?

— Ах вы, грешник! Чтобы идти в монастырь, нужно быть монахом, а монахи — католики.

— ...католиком же быть грешно, а грех приводит к гибели! Ты на опасной стезе, Энджел Клэр! Так ведь?

— Я горжусь тем, что я протестантка,— строго сказала она.

Тогда Клэр, отчаяние которого переросло в дьявольскую жестокость, заставляющую человека поступать вопреки его принципам, подзвал ее ближе и начал злобно нашептывать ей самые еретические мысли, какие только приходили ему в голову. Он было расхохотался, когда ее простодушное лицо исказилось от ужаса, но смех замер, так как ужас уступил место огорчению и беспокойству за него.

— Дорогая Мерси,— сказал он,— вы должны меня простить. Кажется, я схожу с ума.

Она мысленно согласилась с ним. Так закончилось это свидание, и Клэр вернулся домой. Драгоценности он оставил на хранение у местного банкира в ожидании более счастливых дней. Он также внес в банк тридцать фунтов, для того чтобы их в ближайшие месяцы переслали Тэсс по ее требованию, и отправил ей письмо в Блекмурскую долину, сообщая о своих распоряжениях. Он надеялся, что этой суммы, а также тех пятидесяти фунтов, которые он ей уже вручил, хватит на первое время, в случае непредвиденных расходов она должна была обратиться к его отцу.

Своим родителям он не дал ее адреса, не считая нужным, чтобы они входили с ней в какие бы то ни было отношения; а мистер и миссис Клэр, не знавшие истинного положения дел, адреса не просили. В тот же день он уехал из отчего дома, желая возможно скорее покончить со всеми делами.

Перед тем, как надолго покинуть эти края, он должен был заглянуть на уэллбриджскую ферму, где провел с Тэсс первые три дня после свадьбы. Ему предстояло уплатить ничтожную сумму за помещение, вернуть ключи от комнат, которые они занимали, и взять кое-какие вещи, оставшиеся на ферме. Под кровлей этого дома он получил жесточайший удар, омрачивший его жизнь, как ничто другое. Однако, когда он открыл дверь гостиной и заглянул в комнату, ему прежде всего вспомнился счастливый их приезд в такой же послеполуденный час, первое радостное предощущение жизни под одним кровом, первый обед, болтовня у камина и сплетенные руки.

Фермер и его жена находились в поле, и Клэр был один в доме. Под наплывом неожиданных чувств он поднялся вверх, в ее комнату, которую он ни разу не разделил с ней. Постель была аккуратно постлана, — постлана руками Тэсс в день отъезда. Под пологом висела ветка омелы — он сам ее повесил. За эти три-четыре недели она пожелтела, листья и ягоды сморщились. Энджел снял ее и бросил в камин. И, стоя здесь, он в первый раз усомнился в том, было ли поведение его разумным и великодушным. Но разве его не обманули жестоко? Раздираемый противоречивыми чувствами, он опустился на колени перед кроватью, и на глаза его навернулись слезы.

— О Тэсс! Если бы ты сказала мне раньше, я мог бы тебя простить! — простонал он.

Услышав шаги, он встал и вышел на площадку лестницы. Внизу стояла женщина, а когда она подняла голову, он узнал бледную, темноглазую Изз Хьюэт...

— Мистер Клэр, — сказала она, — я пришла навестить вас и миссис Клэр и узнать, здоровы ли вы. Я думала, что, может быть, вы вернетесь.

Тайну этой девушки он угадал, но его тайны она еще не знала; это была честная девушка, любившая его, — из нее могла бы выйти такая же или почти такая же хорошая жена фермера, как Тэсс.

— Я здесь один, — ответил он, — мы здесь теперь не живем. — И, объяснив, зачем он сюда приехал, спросил: — Какой дорогой вы пойдете домой, Изз?

— Я больше не живу на мызе Тэлботейс, сэр, — сказала она.

— Почему?

Изз опустила глаза.

— Там было так тоскливо, что я ушла. Теперь я живу вон там.

Она указала в противоположную сторону, куда направлялся и Клэр.

— И сейчас вы туда идете? Если хотите, я могу вас подвезти.

Смуглое лицо Изз вспыхнуло.

— Спасибо, мистер Клэр,— сказала она.

Он отыскал фермера и расплатился за комнаты, добавив еще некоторую сумму, так как нанятое помещение он покинул внезапно. Затем он вернулся к своей лошади и двуколке, и Изз уселась рядом с ним в экипаж.

— Я думаю уехать из Англии, Изз,— сказал он, когда они тронулись в путь.— Еду в Бразилию.

— А миссис Клэр не боится ехать так далеко? — спросила она.

— Сейчас она со мной не едет... быть может, через год. Я отправляюсь на разведку — посмотрю, как там живется.

Они ехали по дороге, уходящей на восток. Изз не прерывала молчания.

— Как поживают все остальные? Что Рэтти? — осведомился он наконец.

— Когда я видела ее в последний раз, она была больна и до того исхудала, что страшно смотреть. Больше уж не будут в нее влюбляться,— рассеянно ответила Изз.

— А Мэриэн?

Изз понизила голос:

— Мэриэн пьет.

— Неужели?

— Да. Фермер ее рассчитал.

— А вы?

— Я не пью и не болею. Но теперь уж я не распеваю песни перед завтраком.

— Почему? А помните, как вы распевали «В саду Купидона» и «Штаны портного» по утрам, когда доили коров?

— Конечно, помню. Это было, когда вы только что приехали, сэр. А потом вы у нас пожили, и я перестала петь.

— Почему же вы так приуныли?

Она подняла на него черные глаза, и в них блеснул ответ.

— Изз... Какая слабость! Из-за такого, как я...— мягко сказал он и задумался.— Ну, а если бы я попросил вас быть моей женой?

— Я бы вам ответила «да», и вы женились бы на женщине, которая вас любит!

— Неужели?

— Это сушая правда,— страстно прошептала она.— О, господи! Неужели вы догадались только теперь?

Через некоторое время они поравнялись с проселком, ведущим в деревню.

— Я здесь сойду. Я живу там,— отрывисто сказала Изз, не проронившая ни слова после своего признания.

Клэр пустил лошадь шагом. Он негодовал на свою судьбу, горько возмущался социальными нормами, ибо они загнали его в тупик, откуда не было выхода, разрешенного законом. Почему бы не отомстить обществу и не распорядиться своей личной жизнью по-своему, вместо того чтобы, оставаясь в западне, смиренно целовать педагогическую розгу условностей?

— Я еду в Бразилию один, Изз,— сказал он.— Я расстался с женой по причинам, никакого отношения не имеющим к путешествию. Быть может, я никогда не буду жить с ней вместе. Не знаю, сумею ли я полюбить вас, но... согласитесь вы поехать со мной вместо нее?

— Вы действительно хотите, чтобы я поехала?

— Да. Я тяжело пострадал и вправе искать облегчения. А вы любите меня, во всяком случае, бескорыстно.

— Хорошо, я поеду,— помолчав, сказала Изз.

— Поедете? Вы понимаете, что это значит, Изз?

— Это значит, что я буду с вами, пока вы оттуда не уедете, этого с меня достаточно.

— Теперь вы не можете положиться на мои нравственные устои. Но я должен вам напомнить, что в глазах цивилизованного мира — я хочу сказать, западного мира — это является грехом.

— Мне все равно — как и всякой женщине, когда она переживает такую пытку. Другого пути нет.

— Ну, так не выходите из экипажа, оставайтесь там, где вы сидите.

Перекресток остался позади; они проехали еще одну-две мили, а Клэр не сказал ей ни одного ласкового слова.

— Вы меня очень любите, Изз? — спросил он вдруг.

— Очень! Да ведь я уже это сказала. Я вас любила все время, пока мы вместе жили на мызе.

— Больше, чем Тэсс?

Изз покачала головой.

— Нет,— прошептала она,— не больше.

— Как же так?

— Никто не может любить вас больше, чем любила Тэсс... Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать!

Подобно пророку на горе Фавор, Изз Хьюэт в эту минуту охотно скрыла бы истину, но то очарование, какое имел для нее, более грубой по природе, духовный облик Тэсс, принудило ее быть честной.

Клэр молчал; сердце его забилося, когда он услышал этот неожиданный искренний ответ безупречно честного существа. В его горле словно застыл комок. А в ушах звучало: «Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать!»

— Забудьте нашу пустую болтовню, Изз,— сказал он, неожиданно поворачивая лошадь.— Не понимаю, что я вам наговорил. Я отвезу вас назад, к проселку.

— Вот награда за честность! О, я этого не вынесу... не вынесу... не вынесу!

Изз Хьюэт истерически зарыдала и стала бить себя по лбу, когда поняла, что она сделала.

— Вы жалеете, что были справедливы к отсутствующей? О Изз, не портите доброго поступка такими сожалениями!

Постепенно она успокоилась.

— Хорошо, сэр. Быть может, и я не понимала, что говорю, когда... когда согласилась ехать. Я хочу... того, что невозможно!

— Невозможно, потому что у меня уже есть любящая жена?

— Да, да. У вас она есть.

Они остановились у проселка, мимо которого проехали полчаса назад, и она выпрыгнула из экипажа.

— Изз, прошу вас, забудьте о моем легкомысленном предложении! — воскликнул он. — Это было необдуманно... дурно.

— Забыть о нем? Никогда! Для меня в этом не было ничего легкомысленного!

Он почувствовал, что заслужил упрек, прозвучавший в горьком возгласе, и, охваченный бесконечной тоской, вышел из экипажа и взял ее за руку:

— Изз, мы все-таки расстанемся друзьями? Вы не знаете, что пришлось мне вынести!

Она была великодушной девушкой и не позволила горечи обиды омрачить их разлуку.

— Я вас прощаю, сэр, — сказала Изз.

— Слушайте, Изз, — заговорил он, принуждая себя играть роль ментора, каким отнюдь себя не чувствовал, — я хочу, чтобы вы сказали Мэриэн, когда увидите ее, что она должна остаться хорошей женщиной и бороться с дурными наклонностями. Обещайте мне это. И скажите Рэтти, что есть на свете люди, более достойные, чем я, и ради меня она должна поступить честно и разумно, — запомните эти слова, — разумно и честно, ради меня. Я передаю им свое пожелание, словно умирающий, — умирающий, потому что я никогда их больше не увижу. А вы, Изз, вы своими честными словами о моей жене спасли меня от безумия и предательства. Быть может, женщины и плохи, но в таких делах они лучше мужчин. И хотя бы из-за одного этого я никогда вас не забуду. Будьте всегда доброй и честной девушкой, какой были вы до сих пор, и думайте обо мне как о недостойном возлюбленном, но верном друге. Обещайте.

Она обещала.

— Да благословит вас бог, сэр. Прощайте!

Клэр уехал, но когда он скрылся из виду, Изз свернула на проселочную дорогу и в отчаянии бросилась на траву. Поздно вернулась она в тот вечер в домик к матери, и лицо у нее было измученное и странное. Никто так и не узнал, как прове-

ла она эти черные часы — с тех пор, как рассталась с Энджелом Клэром, и до того, как вернулась домой.

Но и Клэра после разлуки с Изз терзали тревожные мысли, и губы его дрожали. Однако не Изз была причиной его скорби. В тот вечер он был на волосок от того, чтобы свернуть с дороги, ведущей к ближайшей станции, и через водораздел Южного Уэссекса направиться к дому своей Тэсс. Удержало его не презрение к ней и не сомнения в ее любви.

Нет. Он чувствовал, что, несмотря на ее любовь, подтвержденную словами Изз, факты не изменились. Если был он прав вначале, то прав и сейчас. И важность принятого им решения заставила его остаться на ранее намеченном пути, пока не направит его в другую сторону сила более властная, чем та, с какой столкнулся он в этот день. Быть может, он скоро вернется к Тэсс. В ту ночь он уехал в Лондон, а через пять дней уже прощался с братьями в порту, откуда отправлялся в Бразилию.

XLI

От событий этой зимы перейдем теперь к октябрьскому дню через восемь месяцев после того, как Клэр и Тэсс расстались. Условия жизни Тэсс резко изменились: вместо молодой жены, с сундуками и чемоданами, которые несут для нее другие, мы видим одинокую женщину с корзинкой и узлом, — она несет их сама, как и в былые дни, до замужества; вместо приличной суммы, которую оставил ей муж на этот период искуса, она имеет в своем распоряжении только тощий кошелек.

Покинув родную деревушку, она прожила всю весну и лето, не напрягая чрезмерно своих физических сил; исполняла она случайную и легкую работу на мызе неподалеку от Порт-Брэди, к западу от Блекмурской долины; мыза эта находилась на значительном расстоянии и от места ее рождения, и от Тэлботейса. Тэсс предпочитала работать, чем жить на содержании Клэра. Душевное ее состояние граничило с оцепенением, а физический труд не только не рассеивал его, но скорее ему способствовал. Мысли ее витали на той, другой мызе, она вспоминала прошлое лето, — встречу со своим возлюбленным, который исчез, словно призрак, когда она, казалось, всецело им завладела.

Коровы стали давать меньше молока, и она осталась без работы, потому что ей не удалось устроиться на постоянное место, как это было на мызе Тэлботейс. Но настала пора жатвы, и она без труда нашла работу, перейдя с пастбища на поля. Так продолжалось, пока не убрали хлеба.

Из пятидесяти фунтов, врученных ей Клэром, двадцать пять она отдала своим родителям в вознаграждение за причиненные им хлопоты и убытки, а из оставшихся двадцати пяти

фунтов истратила очень мало. Но теперь, к несчастью, начались дожди, и она вынуждена была расходовать свои соверены.

Ей тяжело было с ними расставаться. Энджел получил их для нее из банка и сам передал ей новенькие, блестящие монеты; с ними было связано воспоминание о нем, — казалось, у них нет своей истории; они хранят только память об испытаниях, пережитых обоими, и, отдавая их, она словно расставалась с драгоценными сувенирами. Но выхода у нее не было, и один за другим они исчезали из ее кошелька.

Время от времени ей приходилось посылать матери свой адрес, но условия своей жизни она скрывала. Когда от двадцати пяти фунтов не осталось почти ничего, она получила письмо от матери. Джоан сообщала, что они находятся в бедственном положении: после осенних дождей начала протекать кровля, нужно перекрыть дом заново, а сделать этого нельзя, потому что за старую кровлю еще не уплачено; необходимо также переменить балки и починить потолок в верхней комнате. А все это, включая и крышу, обойдется в двадцать фунтов. Так как муж ее — человек со средствами и теперь, конечно, уже вернулся, то не может ли она выслать им денег?

Тэсс как раз получила тридцать фунтов от банкиров Энджела и немедленно послала двадцать домой, чтобы облегчить плачевное положение родителей. Остальные деньги пришлось чуть ли не все истратить на зимнюю одежду, и на руках у нее осталась незначительная сумма, на которую нельзя было прожить зиму. Израсходовав последний фунт, она принуждена была вспомнить слова Энджела, который предлагал ей обратиться в случае необходимости к его отцу.

Но чем больше думала об этом Тэсс, тем меньше хотелось ей последовать совету Клэра. Та же деликатность, гордость или ложный стыд, — не все ли равно, как назвать это чувство, заставлявшее ее ради Клэра скрывать от родителей, что она по-прежнему живет в разлуке с ним, — мешали ей признаться его родным в недостатке средств: ведь Клэр оставил ей солидную сумму. Быть может, они и теперь ее презирают — и будут презирать еще больше, если она предстанет перед ними в роли попрошайки. В результате этих размышлений никакая сила в мире уже не смогла бы заставить невестку священника сообщить ему о своем положении.

Быть может, со временем ей легче будет завязать отношения с родителями мужа, размышляла Тэсс. Что же касается ее родителей, то тут дело обстояло иначе. Когда она уехала, прожив у них несколько дней после свадьбы, они решили, что Тэсс в конце концов помирится с мужем; с тех пор она ни разу не поколебала их уверенности в том, что благоденствует и ждет его возвращения из Бразилии. Вопреки всему она надеялась, что его поездка не затянется и он вернется к ней или напишет, чтобы она сама приехала к нему; и в том и в другом случае они рука об руку предстанут перед своими родными и перед

всем миром. Эту надежду она упорно лелеяла. Признаться родителям после блестящего брака, который должен был загладить неудачу, что она — покинутая жена и теперь, оказав им помощь, вынуждена сама зарабатывать себе на кусок хлеба,— было сверх ее сил.

Она вспомнила о бриллиантах. Куда отдал их на хранение Клэр, она не знала, да это и не имело значения, если она действительно могла только носить их, но не продавать. Даже если бы они находились в полном ее распоряжении, было бы низостью продать их на том основании, что они принадлежат ей по закону, так как, в сущности, она не имеет на них права.

Между тем жизнь ее мужа была далеко не легкой. В это время он лежал больной, в лихорадке, близ Куритибы в Бразилии, так как не раз промокал до костей во время гроз и испытывал тяжкие лишения, как и все английские фермеры и батраки, которые в ту пору соблазнились обещаниями бразильского правительства, напрасно надеясь, что, привыкнув обрабатывать английские поля во всякую погоду, они так же легко привыкнут ко всему, чем их может удивить климат Бразилии.

Вернемся к Тэсс. Ее последний содерен был истрачен, новых взять было неоткуда, а в эту пору года, как она убедилась, найти место оказалось чрезвычайно трудно. Не подозревая, что люди толковые, энергичные, здоровые и трудоспособные нужны везде, она не решалась искать работу в городе, боясь городов, больших домов, людей богатых и криводушных и городской жизни, не похожей на сельскую. Черную беду принесло ей высшее сословие. Быть может, оно было лучше, чем предполагала она, основываясь на маленьком своем опыте. Но она этого не знала и инстинктивно старалась держаться от него подальше.

Маленькие фермы к западу от Порт-Брэди, где она временно работала доильщицей весной и летом, не нуждались в постоянной работнице. В Тэлботейсе, пожалуй, приютили бы ее, хотя бы только из сострадания: но, как ни хорошо жилось ей там, вернуться туда она не могла: слишком многое было связано с этим местом, а кроме того, ее возвращение могло бы бросить тень на мужа, которого она боготворила. Ей не под силу было бы выносить жалость, слышать, как обсуждается шепотом странное положение, в котором она очутилась. Пусть каждый в отдельности знает ее историю — с этим еще, пожалуй, можно примириться, но толки и пересуды причинили бы ей мучительную боль. Тэсс не могла бы объяснить, в чем тут разница, но так она чувствовала.

Теперь она направлялась на ферму в гористой местности в центре графства, куда звала ее Мэриэн, написавшая письмо, которое долго странствовало, пока не попало в ее руки. Каким-то образом, быть может, от Изз Хьюэт, Мэриэн узнала, что Тэсс не живет с мужем. Эта добродушная девушка, начавшая теперь пить, испугалась, не попала ли Тэсс в беду, и

поспешила сообщить старой своей подруге, что она сама, уйдя с мызы, отправилась в эту местность и рада была бы видеть здесь Тэсс, так как в этих краях есть работа, а Тэсс, кажется, должна по-прежнему работать.

Дни становились короче, и надежда получить прощение мужа постепенно угасла. Как руководствующийся инстинктом дикий зверь, Тэсс бездумно брела вперед, отрываясь мало-помалу от событий прошлой своей жизни, не думая о себе и о тех случайностях, которые могли бы открыть ее местопребывание людям, заинтересованным в ее судьбе.

Среди многих осложнений, вызванных ее одиночеством, не последнее место занимало то внимание, какое пробуждали внешность и манеры Тэсс, облагоустроенные ее общением с Клэром. Пока не износились платья, сшитые к свадьбе, эти случайные любопытные взгляды не причиняли ей неприятностей, но как только она надела простое рабочее платье, к ней начали обращаться с грубыми предложениями. И однажды, в ноябрьский вечер, она испугалась не на шутку.

Ей больше нравились долины, лежавшие к западу от реки Брит, чем та ферма в предгорье, куда она сейчас направлялась; к тому же долины эти были ближе к дому родителей ее мужа, а Тэсс нравилось жить в этих краях неузнанной, со смутной надеждой, что когда-нибудь она, быть может, осмелится зайти в дом священника. Но, приняв решение переселиться в гористую местность, она отправилась на восток и весь день шла пешком, рассчитывая переночевать в деревне Чок-Ньютон.

Проселочная дорога была длинная и однообразная, а так как дни укоротились, то сумерки застигли ее врасплох. Она поднялась на вершину холма, откуда дорога спускалась вниз зигзагами, как вдруг сзади послышались шаги, и через несколько минут ее догнал какой-то человек. Поравнявшись с ней, он сказал:

— Добрый вечер, красотка!

Она вежливо ему ответила.

Стемнело, но последние лучи дневного света еще освещали лицо Тэсс. Прохожий повернулся и пристально посмотрел на нее.

— А, да ведь это та самая девчонка, что жила в Трэнтридже! Подружка молодого эсквайра д'Эрбервилля! И я там жил, пока не переехал.

Она узнала в нем того самого парня, которого Энджел ударил за то, что он грубо о ней отозвался. Это воспоминание причинило ей мучительную боль, и она ни слова ему не ответила.

— А ну-ка, признайся честно, что я сказал тогда правду, хотя твой дружок и встал на дыбы! А, плутовка? Тебе следовало бы попросить у меня прощения за ту пощечину.

Тэсс по-прежнему молчала. Измученной женщине показалось, что ей остается только один выход: она внезапно пусти-

лась бежать и, не оглядываясь, мчалась как стрела по дороге, пока не увидела перед собой ворота, за которыми начинался лесок. Она вбежала в ворота и не останавливалась, пока не забралась в чащу, где вряд ли можно было ее отыскать.

Под ногами шуршали сухие листья, а кусты остролиста, росшего меж стволов и обнаженных деревьев, сохранили листву и защищали от ветра. Тэсс сгребла опавшие листья в кучу, устроила посредине что-то вроде гнездышка и забралась туда.

Конечно, спала она плохо и поминутно просыпалась. Слышались ей какие-то странные звуки, но она убеждала себя, что это ветер. Она думала о муже, который находился в жаркой стране, где-то в другом полушарии, в то время как она дрожала здесь от холода. «Есть ли на свете кто-нибудь несчастней меня?» — спрашивала себя Тэсс и, думая о загубленной своей жизни, говорила: «Все суета». Машинально повторяла она эти слова, пока не пришло ей в голову, что к современной жизни они совсем не подходят. Так думал Соломон свыше двух тысяч лет назад, а Тэсс, хотя и не принадлежала к категории мыслителей, ушла значительно дальше. Если все суета, то кому вздумалось бы обращать на это внимание! Увы, все было хуже, чем суета, — несправедливость, кара, расплата, смерть! Жена Энджела Клэра провела рукой по лбу, ощупала лобную кость и надбровные дуги, выступавшие под тонкой кожей, и подумала, что настанет день, когда эта кость будет обнажена. «Хотела бы я, чтобы этот день уже настал», — сказала она.

Отдаваясь этим странным мыслям, она вдруг услышала среди листвы какие-то новые звуки. Быть может, ветер? Нет, не похоже было на ветер. Словно что-то билось и трепетало, потом слышались хрипенье и бульканье. Вскоре она убедилась, что шум этот вызван какими-то обитателями леса: сначала раздавался шорох в ветвях над головой, затем что-то тяжелое падало на землю. Очутись она здесь при других и более счастливых обстоятельствах, она бы испугалась, но сейчас только люди внушали ей страх.

Наконец рассвело. Раньше день разгорелся на небе, потом светло стало и под деревьями.

Как только проникли в чащу успокоительные и прозаические лучи света, возвещающие начало рабочего дня, Тэсс выбралась из-под кучи листьев и смело осмотрелась по сторонам. Тут она поняла, что испугало ее ночью. Лесок, где она нашла убежище, в этом месте клином вдавался во вспаханное поле. Под деревьями лежало несколько фазанов, яркое их оперение было запятнано кровью: одни были мертвы, другие слабо шевелили крыльями, иные смотрели в небо, слегка вздрагивали или судорожно подергивались, — все были в агонии, кроме тех счастливых, чья пытка окончилась ночью, ибо они уже не могли больше выдержать страшной муки.

Тэсс сразу поняла, в чем дело. Накануне охотники загнали птиц в эту часть леса; тех, которые были убиты или умерли

до наступления темноты, отыскиали и унесли, а тяжело раненные фазаны спрятались в кустах или взлетели на толстые сучья, где пытались удержаться, пока не ослабели от потери крови; потом они один за другим попадали на землю, — вот что означал шум, который она слышала.

В детстве ей случалось видеть мельком этих людей: целясь из ружья, они выглядывали из-за изгородей или кустов, и в их глазах горел кровавожадный огонек. Ей объяснили, что, хотя они и кажутся жестокими и грубыми, такими они бывают отнюдь не круглый год; в сущности, это очень мягкие люди, но в течение нескольких недель зимой и осенью, подобно туземцам Малайского полуострова, они впадают в неистовство и ставят себе целью уничтожить жизнь — в данном случае жизнь этих безобидных пернатых, которых разводят исключительно для того, чтобы удовлетворять подобную склонность к убийству, — какое это жестокое, какое рыцарское отношение к своим слабым товарищам в единой семье природы!

Ощущая чужое страдание не менее остро, чем свое, Тэсс тут же решила прекратить мучения умирающих птиц, и, свернув шею всем фазанам, которых ей удалось отыскать, оставила их там, где нашла, — сюда, несомненно, придут лесные сторожа, когда начнутся вторичные поиски недобитых птиц.

— Бедняжки! А я-то считала себя самым несчастным существом в мире, когда они так мучились! — воскликнула она, и слезы струились по ее щекам, когда, охваченная жалостью, она убивала птиц. — А ведь у меня ничего не болит! Я не изувечена, не истекаю кровью, и у меня остались здоровые руки, чтобы зарабатывать на хлеб и одежду. — Она стыдилась своего отчаяния, охватившего ее этой ночью: ведь оно было вызвано всего-навсего чувством обреченности перед лицом деспотических законов общества, не имеющих ничего общего с законами природы.

XLII

День окончательно вступил в свои права, и Тэсс осторожно выбралась на большую дорогу. Но ей нечего было опасаться — вблизи никого не было видно, — и она решительно тронулась в путь. Воспоминание о птицах, молча выносивших смертельные муки, произвело на нее сильное впечатление; она думала о том, что все несчастья в мире относительно и со своим горем она могла бы справиться, если бы у нее хватило сил презирать мнение других людей. Но это было невозможно, раз его разделял Клэр.

Придя в Чок-Ньютон, она позавтракала в харчевне, где несколько молодых парней забрасывали ее любезностями. Почему-то в ней вспыхнула надежда: быть может, и муж когда-нибудь будет говорить ей то же самое! Но в таком случае она обязана не допускать, чтобы за ней ухаживали. Поэтому Тэсс

решила изменить свою внешность, чтобы не подвергать себя риску. Выйдя из деревни, она спряталась в кустах и достала из корзинки одно из самых старых своих рабочих платьев, которое не надевала даже в Тэлботейсе, не надевала ни разу с тех пор, как вязала снопы на поле около Марлотта. Затем ее осенила счастливая мысль: она вытащила из узелка носовой платок и обвязала лицо, прикрыв подбородок, виски и щеки, словно у нее болели зубы. Вынув карманное зеркальце и вооружившись маленькими ножницами, она безжалостно обстригла брови, избавив себя таким образом на будущее время от назойливого внимания, и пошла дальше.

— Вот так чудело! — сказал первый повстречавшийся ей человек своему товарищу.

Услышав эти слова, Тэсс чуть не расплакалась от жалости к себе.

«Только мне все равно! — подумала она. — Да, все равно! Теперь я всегда буду безобразной, потому что Энджела со мной нет и меня никому защитить. У меня был муж, но он уехал и больше никогда меня не полюбит. А я все-таки его люблю и ненавижу всех других мужчин и не хочу, чтобы они меня замечали».

И Тэсс бредет дальше. Она словно неотъемлемая часть пейзажа, обыкновенная батрачка в зимней одежде — серый короткий плащ из саржи, красный шерстяной шарф, толстые кожаные перчатки, шерстяное платье, поверх которого надета грубая коричневая роба. Каждая ниточка этой старой одежды вытянулась и износилась под хлещущими дождями, палящим солнцем, буйными ветрами. Стерлись с лица следы юной страсти.

Девушки холоден рот.
Кудри скрывает ее
Простая повязка.

Под этой внешней оболочкой — на ней, как не заслуживающей внимания, почти мертвой, лишь на секунду мог остановиться взгляд — скрывалась натура, полная жизни, но для своих лет слишком глубоко познавшая тщету бытия, жестокость страсти и хрупкость любви.

На следующий день погода испортилась, но Тэсс продолжала путь: прямая и очевидная враждебность стихий мало ее смущала. Она поставила себе целью найти работу и пристанище на зиму, а время было дорого. Теперь она знала, что значит временная работа, и твердо решила искать постоянного места.

Так шла она от фермы к ферме по направлению к тому месту, откуда ей написала Мэриэн и куда она думала обратиться лишь в крайнем случае, так как, по слухам, жилось там несладко. Сначала она искала работу полегче, а потеряв надежду найти ее, стала менее разборчивой. Таким образом, начав с ухода за коровами и домашней птицей — это была любимая

ее работа, — она кончила тем, что готова была согласиться на самый тяжелый и неприятный для нее труд — полевые работы, от которых при других условиях отказалась бы наотрез.

К вечеру второго дня она поднялась на неровное меловое плато, усеянное полукруглыми холмами — словно здесь возлежала многогрудая Кибела — и отделявшее долину, где она родилась, от той, где узнала она любовь.

Воздух здесь был сухой и холодный, и едва успевал пройти дождь, как дороги снова становились белыми и пыльными. Деревьев почти не было — живые изгороди безжалостно калечились фермерами-арендаторами, исконными врагами деревьев и кустов. Вдали виднелись вершины Балбэрроу и Неттлком-Таута — такие знакомые и дружеские. Если смотреть на них с этого плато, они казались низкими и неприметными, а со стороны Блекмурской долины поднимались, словно грозные бастионы. Далеко к югу, за холмами и кряжами, она могла разглядеть ровную, как отполированная сталь, поверхность — это был пролив Ла-Манш.

Перед ней в неглубокой впадине лежала бедная деревушка. Тэсс дошла наконец до Флинтком-Эша, где жила Мэриэн. Другого выхода у нее не было: ей было суждено прийти сюда. Каменистая почва ясно свидетельствовала о том, что ее ждет тут необычайно тяжелая работа, но она не могла затягивать поиски и решила остаться здесь; к тому же начал накрапывать дождь. На окраине деревни стоял домик с выступающим вперед щипцом; и Тэсс, вместо того чтобы поискать приюта на ночь, спряталась под навесом и ждала сумерек.

«Кто бы мог подумать, что я — миссис Энджел Клэр?» — мелькнула у нее мысль.

Стена пригрела ей спину и плечи, и она догадалась, что за этой стеной находится очаг и тепло проникает сквозь кирпичи. Она погрела руки и прижалась к теплым кирпичам щекой, покрасневшей и влажной от дождя. Казалось, стена была единственным ее другом. Ей не хотелось уходить, она могла бы просто стоять здесь всю ночь.

Тэсс слышала, как, вернувшись после трудового дня, разговаривали обитатели домика, слышала, как гремела посуда, когда они сели ужинать. Но на деревенской улице не видно было ни души. Наконец появилась вдали какая-то женщина в ситцевом платье и летней шляпе, хотя вечер был холодный. Тэсс почему-то решила, что это Мэриэн. И действительно, когда женщина подошла ближе, Тэсс разглядела в сумерках Мэриэн. Она потолстела, стала еще румянее, а одета была гораздо хуже, чем прежде. В былое время Тэсс вряд ли захотела бы возобновить знакомство при таких обстоятельствах, но теперь она была бесконечно одинока и тотчас же ответила на приветствие Мэриэн.

Мэриэн расспрашивала ее вежливо, но как будто была очень расстроена тем, что Тэсс живет не лучше, чем рань-

ше,— хотя она и слышала что-то о том, что Тэсс рассталась с мужем.

— Тэсс... миссис Клэр... милая жена милого мистера Клэра! Неужели тебе и вправду так плохо приходится, моя девочка? И почему ты обвязала свое хорошенькое личико? Кто-нибудь избил тебя? Неужели он?

— Конечно, нет! Я это сделала только для того, чтобы никто ко мне не приставал.

Она с отвращением сорвала повязку, которая могла навести на такие нелепые мысли.

— И воротничка у тебя нет.

(На мызе Тэсс обычно носила белый воротничок.)

— Да, Мэриэн.

— Ты потеряла его дорогой?

— Нет, не потеряла. Но, по правде сказать, мне совершенно все равно, какой у меня вид, и потому я его не надела.

— И обручального кольца ты не носишь?

— Ношу, но так, чтобы его не видели. Я продела в него ленту и повесила на шею. Я не хочу, чтобы люди знали, за кем я замужем, да и вообще, что я замужем. Это было бы неудобно теперь, когда мне приходится вести такую жизнь.

Мэриэн задумалась.

— Но ведь ты жена джентльмена! И не очень-то это справедливо, что тебе приходится так жить.

— О нет, это справедливо... хотя я очень несчастна.

— Ну-ну! Он на тебе женился, а ты несчастна!

— Жены бывают несчастными, и не мужья в этом виноваты, а они сами.

— Ты ни в чем не виновата, милочка, в этом я уверена. Да и он тоже не виноват. Должно быть, вы оба тут ни при чем.

— Мэриэн, милая, будь добра, не задавай мне вопросов. Мой муж уехал из Англии, а я слишком быстро истратила деньги, которые он мне оставил, и теперь должна работать по-старому. Не называй меня миссис Клэр, зови меня Тэсс, как раньше. Здесь нужна работница?

— О да! Работницы здесь всегда нужны, потому что сюда мало кто идет. Тощее здесь место. Кроме ржи да шведской брюквы, ничего тут не растет. Хоть я сама здесь работаю, но мне жаль, что такая, как ты, пришла сюда.

— Но ведь ты была такой же хорошей доильщицей, как я.

— Да, но я отбилась от работы с тех пор, как стала пить. О, господи, теперь это единственное мое утешение! Если ты сюда наймешься, тебя заставят копать брюкву. Я тоже это делаю, но тебе такая работа придется не по вкусу.

— О, все равно. Не поговоришь ли ты обо мне?

— Лучше будет, если ты сама поговоришь.

— Хорошо. Послушай, Мэриэн,— ни слова о нем, если я здесь останусь. Я не хочу пачкать его имя.

Мэриэн была в самом деле славной девушкой, хотя и грубее, чем Тэсс; она обещала исполнить ее просьбу.

— Сегодня платят жалованье,— сказала она.— Если бы ты пошла со мной, сразу разузнала бы все. Очень мне тебя жалко! Ну, да ты несчастна только потому, что он уехал. Я знаю — будь он здесь, ты бы не была несчастна, даже если бы он не давал тебе денег и заставлял взяться за черную работу.

— Да, это верно... Я была бы счастлива.

Дальше они пошли вместе и скоро увидели ферму, такую унылую, что было в ней даже что-то величественное. Ни одного деревца поблизости, даже зеленых лугов не видно было в эту пору года, повсюду только брюква да земля под паром — разгороженные плетнями огромные поля, которые тянулись до самого горизонта.

Тэсс ждала у двери, пока работники получали жалованье; потом Мэриэн повела ее в дом. Сам фермер был в отлучке, но жена, заменявшая его в тот вечер, наняла Тэсс с условием, что она останется до благовещенья. Женщины редко предлагали свои услуги для полевых работ, а так как женский труд оплачивался дешево, хозяева охотно нанимали работниц, которые справлялись с делом не хуже мужчин.

Тэсс подписала договор, и теперь ей оставалось только подыскать пристанище. Она сняла комнату в том самом доме, у стены которого грелась. На жалкое существование обрекла она себя, но, во всяком случае, могла кое-как прожить зиму.

Вечером она написала родителям, сообщая свой новый адрес,— на случай, если в Марлотте получено будет письмо от ее мужа. Но о бедственном своем положении она ни одним словом не обмолвилась, чтобы никто не вздумал осуждать Клэра.

XLIII

Мэриэн не преувеличивала, называя Флинтком-Эш тощим местом. Единственным жирным существом была здесь сама Мэриэн, но она пришла сюда со стороны. Все деревни можно разбить на три разряда: одни находятся на попечении помещика, другие сами о себе заботятся и, наконец, о третьих не заботятся ни они сами, ни их помещик. (Иными словами: деревни, находящиеся во владении проживающего там помещика; деревни, арендуемые на правах фригольда или копигольда; и деревни, брошенные на произвол судьбы отсутствующим помещиком.) Флинтком-Эш принадлежал к третьему разряду.

Тэсс энергично принялась за работу. Терпение — качество, вырастающее из духовного мужества и физической слабости,— было теперь основой характера миссис Энджел Клэр. Оно-то и поддерживало ее.

Поле, где она работала со своей товаркой, выкапывая брюкву, простиралось больше чем на сотню акров и находилось на возвышенности, поднимавшейся над каменистыми буграми; бугры эти были образованы выходящими на поверхность кремневыми жилами в меловой породе и состояли из множества белых кремней луковичной, роговидной и фаллической формы. Ботва и верхняя часть каждой брюквы были уже объедены скотом, и обе женщины должны были особыми кривыми вилами выкапывать остатки корнеплода, чтобы и они пошли в пищу скоту. Так как от зеленых листьев не осталось и следа, то ровное коричневое поле имело вид унылый и отталкивающий — словно лицо, плоское от подбородка до лба. И небо напоминало поле, только было другого цвета — белое плоское лицо со стертыми чертами. Эти два лица, наверху и внизу, целый день взирали друг на друга; белое смотрело вниз на коричневое, а коричневое смотрело вверх на белое; и не было между ними ничего, кроме двух девушек, ползавших, словно мухи, по темному лицу.

Никто не подходил к ним, и движения их были автоматическими и однообразными. Они работали в грубых робах — коричневых халатах, завязанных сзади, чтобы юбка не развевалась по ветру; ботинки поднимались выше щиколотки, руки были защищены желтыми рукавицами из бараньей кожи. Капоры с оборками придавали им задумчивый вид, и случайному наблюдателю эти склоненные головы напомнили бы двух Марий в изображении какого-нибудь итальянского художника эпохи раннего Возрождения.

Они работали час за часом, не сознавая унылости картины, частью которой они были, и не задумываясь о том, справедлива ли к ним судьба. Даже такая работа не мешала им предаваться мечтам. Потом пошел дождь, и Мэриэн сказала, что им можно бросить работу, но только в этом случае им ничего не заплатят; и они не ушли с поля. Плоскогорье было таким высоким, что под напором воющего ветра дождь хлестал горизонтально, колючий, как осколки стекла, и они промокли до костей,— Тэсс впервые поняла, как это бывает на самом деле. Ведь промокнуть можно по-разному, и выражение «промокнуть до костей» часто пускают в ход по пустякам. Но работать на поле и чувствовать, как дождевая вода стекает сначала по ногам и плечам, потом по бедрам и голове, по спине, груди и бокам, и все-таки не бросать работы, пока не потемнеет свинцовое небо, возвещающая заход солнца,— такая работа требует стоицизма и непреклонной воли.

Однако они страдали от дождя меньше, чем можно было предположить. Обе были молоды, а разговаривали они о том времени, когда вместе жили и любили на мызе Тэлботейс, в этом благословенном зеленом уголке земли, где лето щедро раздавало свои дары. Тэсс предпочла бы не говорить с Мэриэн о человеке, который по закону считался ее мужем, но эта тема была слишком увлекательна, и, помимо своей воли, Тэсс начала отвечать Мэриэн. Хотя мокрые оборки капоров били по лицу, а робы назойливо липли к телу — весь этот день, как уже говорилось, они жили воспоминаниями о зеленой, солнечной и романтической мызе Тэлботейс.

— В ясный день отсюда можно увидеть холм, который совсем рядом с долиной Фрум,— сказала Мэриэн.

— Да неужели! — воскликнула Тэсс, оценивая новое достоинство этой местности.

Итак, здесь, как везде, боролись две силы: врожденное стремление к счастью и ему препятствующая сила обстоятельств. У Мэриэн был особый метод поддержания бодрости духа: к концу дня она извлекла из кармана пинтовую бутылку, заткнутую белой тряпкой, и предложила Тэсс выпить. Но сейчас Тэсс довольствовалась своими мечтами и не нуждалась в искусственном подхлестывании. Она сделала только маленький глоток, но Мэриэн хлебнула основательно.

— Привыкла я к спиртному,— сказала она,— и теперь уж не могу отвыкнуть. Единственное мое утешение! Видишь ли, я ведь его потеряла, а ты нет... вот потому ты и можешь обходиться без спиртного.

Тэсс думала, что потеряла она не меньше, чем Мэриэн, но спорить не стала: все-таки она считалась женой Энджела, и эта мысль ее поддерживала.

Вот так работала Тэсс в утренние заморозки и в дождливые дни. Когда не нужно было выкапывать брюкву, они ее чистили, то есть кривым ножом соскребали присохшую землю и срезали корешки, а затем ссыпали на хранение. Этой работой они могли заниматься под навесом, если шел дождь; но в морозные дни даже толстые кожаные перчатки не защищали пальцев от холода, когда приходилось перебирать мерзлые комья. Тем не менее Тэсс не теряла надежды. Она была убеждена, что рано или поздно великодушие, которое она по-прежнему считала основной чертой Клэра, одержит верх и побудит его вернуться к ней.

Мэриэн, подвыпив и развеселившись, взвизгивала от смеха, когда находила кремни упоминавшейся причудливой формы, но Тэсс пропускала ее шутки мимо ушей. Часто посматривали они в ту сторону, где лежала долина реки Вар, или Фрум, хотя увидеть ее они не могли. И, всматриваясь в пелену серого тумана, они вспоминали дни, прожитые там.

— Ах,— сказала Мэриэн,— как бы я хотела, чтобы здесь был еще кто-нибудь из старой нашей компании! Тогда бы мы каждый день могли говорить здесь, на поле, о мызе Тэлботейс, и о нем, и о том, как славно нам жилось и что мы там делали. И нам казалось бы, что все опять как будто по-старому.

Взгляд Мэриэн стал мягче и голос дрогнул, когда перед ней встали видения прошлого.

— Напишу-ка я Изз Хьюэт,— продолжала она.— Я знаю, что она теперь живет дома и ничего не делает. Напишу, что мы здесь и просим ее приехать. Может быть, и Рэтти уже поправилась.

Тэсс не стала возражать против предложения, а дня через два-три она узнала о результатах этого проекта воскресить счастливые дни Тэлботейса: Мэриэн сообщила ей, что Изз ответила на письмо и постарается приехать.

Давно уже не было такой зимы. Подкралась она незаметно, и приближение ее напоминало строго рассчитанные ходы шахматиста. Как-то утром несколько чахлах деревьев и кустов в живой изгороди, казалось, приняли облик животных. Каждая ветка покрылась белым ворсом, словно за одну ночь обросла мхом, и сделалась в четыре раза толще; и теперь кусты и деревья казались рисунком, набросанным мелом по хмурому серому небу. Обнаружилась паутина на стенах и навесах, там, где никто ее не заметил бы, не покройся она мельчайшими

кристаллами; петлями из белой пряжи висела она на выступах сараев, на столбах и воротах.

После изморози ударили морозы, и с Северного полюса начали прилетать на плоскогорье Флинтком-Эш странные птицы — худые, призрачные, с печальными глазами; там, за недоступным Полярным кругом, где от холода в жилах стынет кровь, они были свидетелями страшных катастроф, о которых не имеют представления люди; они видели столкновения айсбергов и обвалы снежных холмов при свете северного сияния, и вихри снежных бурь почти ослепили их; глаза их хранили ужас, рожденный этим зрелищем. Птицы подпускали Тэсс и Мэриэн совсем близко, но не рассказывали о том, что видели и чего никогда не увидит человек. Им чудно было тщеславие путешественника, повествующего о виденном; немые и бесстрастные, они не хранили впечатлений, ибо не придавали им значения,— этих залетных странников интересовало только то, что происходило на плоскогорье: две женщины поднимали вилами комья земли, обнажая корни, которые могли оказаться съедобными.

Но вот однажды на этом открытом плоскогорье повеяло чем-то особенным. Было холодно, но не морозно, в воздухе чувствовалась влажность, не предвещавшая, однако, дождя. У Тэсс и Мэриэн ныли глаза, болел лоб, и хотя холод не щипал ноги, он пронизывал до костей. Они знали, что это предвещает снег,— и действительно, ночью начался снегопад. Тэсс по-прежнему жила в том самом домике с теплой стеной, вселившей бодрость во всякого путника, прислонявшегося к ней. Проснувшись среди ночи, она услышала над головой такой шум, словно все ветры обрушились на соломенную кровлю дома. Утром она зажгла лампу и увидела, что снег проник сквозь щель в оконной раме и у стены вырос конус из мельчайшей белой пудры. Снег ворвался в комнату и через дымовую трубу, покрыв пол тонким слоем, на котором оставались следы башмаков Тэсс. Снаружи бушевал ветер, и в кухне стояла снежная мгла, но было еще слишком темно, чтобы разглядеть, что делается на улице.

Тэсс поняла, что работать на брюквенном поле невыносимо. Когда она завтракала при свете маленькой лампы, пришла Мэриэн и сообщила, что, пока погода не изменится, они будут работать в риге с другими женщинами, отделявшими солому от колосьев. Как только черная мантия ночи начала светлеть, принимая сероватый оттенок, они погасили лампу, надели самые теплые свои чепцы, обмотали шеи шерстяными шарфами, концы которых перекрещивались на груди, и отправились к риге. Снег явился вслед за птицами с Полярного круга, словно белый облачный столб,— не видно было отдельных хлопьев. Ветер принес запах айсбергов, арктических морей, китов и белых медведей и с такой стремительностью гнал снег, что он только лизал землю, но не покрывал ее. Сгорбившись, брели

они по полям, стараясь держаться ближе к изгородям, которые, впрочем, не защищали от ветра и скорее играли роль фильтров. Воздух побелел от насыщающей его снежной пыли, а ветер крутил и кружил ее, превращая мир в бесцветный хаос. Но обе молодые женщины были настроены бодро: такая буря на плоскогорье не нагоняет тоски.

— Ха-ха! А ведь эти хитрые северные птицы знали, что быть буре,— сказала Мэриэн.— Уж можешь мне поверить — они летели от самой Полярной звезды, чтобы уйти от метели. А твой муж, моя милая, наверно, изнывает все время от жары. Посмотрел бы он сейчас на свою хорошенькую жену! А впрочем, от этой погоды ты ничуть не подурнела, даже лучше стала.

— Мэриэн, не говори мне о нем,— строго сказала Тэсс.

— Ладно, но ведь ты же его любишь, правда?

Вместо ответа Тэсс со слезами на глазах повернулась в ту сторону, где, по ее мнению, находилась Южная Америка, и послала страстный поцелуй, подхваченный снежным ветром.

— Ну да, знаю, что любишь! А все-таки чудная вы пара! Ладно, я больше ни слова не скажу! В риге нам нечего бояться метели, но отделять солому ужасно тяжелая работа — куда хуже, чем копать брюкву. Я-то с ней справлюсь, потому что я толстая, но ведь ты худее меня. Понять не могу, почему хозяин послал тебя на эту работу!

Они добрались до риги. В одном конце длинного строения было сыпано зерно, посредине отделяли солому, и еще с вечера положили под пресс столько снопов пшеницы, чтобы работницам хватило работы — отделять колосья от соломы — на целый день.

— Как, да ведь это Изз! — воскликнула Мэриэн.

Действительно, их встретила Изз. Накануне она отправилась пешком, не подозревая, какой длинный путь ей предстоит, шла целый день и запоздала. Впрочем, метель не застигла ее в пути, а переночевала она в харчевне. Фермер договорился на базаре с ее матерью и обещал нанять Изз, если она придет сегодня, поэтому девушка спешила, боясь опоздать.

Кроме Тэсс, Мэриэн и Изз, здесь работали еще две женщины из соседней деревни — две сестры-амазонки. Тэсс вздрогнула, узнав смуглую Кар — Даму Пик и ее младшую сестру — Даму Бубен, которые хотели вступить с ней в драку во время полуночной ссоры в Трэнтридже. Они не подали виду, что узнали ее, а может быть, действительно не узнали, так как были в ту пору под хмельком, да и прожили они в Трэнтридже недолго. Они брались преимущественно за работу, выполняемую обычно мужчинами: рыли колодцы, канавы, ямы, ставили изгороди — и, казалось, никогда не уставали. Сейчас они высокомерно посматривали на трех остальных работниц, так как славились своим умением отделять солому от колосьев.

Надев перчатки, все принялись за работу и выстроились в ряд перед прессом — сооружением из двух столбов, соединен-

ных поперечной балкой, под которой лежали снопы колосьями наружу; балка поддерживалась колышками и опускалась по мере того, как уменьшалась гора снопов.

День разгорался, свет проникал в двери сарая снизу, отражаясь от снега, вместо того чтобы падать с неба. Девушки охаживали тащили солому из-под пресса. В присутствии незнакомых женщин, сплетничавших между собой, Мэриэн и Изз молчали, хотя им очень хотелось поговорить о прошлом. Вскоре послышался приглушенный топот копыт, и к риге подъехал фермер. Сойдя с лошади, он подошел к Тэсс и остановился, задумчиво всматриваясь в ее лицо, обращенное к нему в профиль. Сначала она не оглядывалась, но упорный взгляд заставил ее повернуть голову, и тогда она узнала в своем хозяине того самого человека, родом из Трэнтриджа, от которого убегала, когда он заговорил о ее прошлом.

Он подождал, пока она вынесет охапку соломы из риги, а потом сказал:

— Значит, ты и есть та самая молодка, которая так ответила на мою вежливость? Черт меня подери, если я сразу не догадался, кто ты такая, как только узнал, что ты к нам нанялась! Ты, верно, думала, что ты с твоим дружкой оставила меня в дураках там, в харчевне, а потом и здесь, на дороге, когда от меня удрала? Ну, зато теперь ты у меня запоешь!

И он грубо захохотал.

Тэсс в присутствии амазонок и фермера чувствовала себя, словно птица в западне. Она молчала, продолжая тащить из-под пресса солому. Она достаточно умела разбираться в людях и теперь поняла, что ей нечего бояться ухаживаний со стороны своего хозяина: он казался озлобленным, видно, не забыл оскорбления, нанесенного ему Клэром. Пожалуй, она предпочитала возбуждать в нем злобу, чувствуя, что мужество ей не изменит.

— А ты, верно, подумала, что я в тебя влюблен? Есть такие дуры, которые каждый взгляд принимают всерьез. Ну да зимняя работа на поле — лучшее средство, чтобы выбить дурь из головы у молодой девки, а ведь ты обязалась работать до благовещенья. Может быть, попросишь у меня прощения?

— Мне кажется, не я у вас, а вы у меня должны просить прощения.

— Ну, как знаешь. Но скоро мы увидим, кто здесь хозяин. А вот те снопы — это все, что ты сегодня сделала?

— Да, сэр.

— Мало. Посмотри, сколько они сделали.— Он указал на двух дюжих женщин.— Да и остальные работают лучше тебя.

— Они с этой работой свыклись, а я нет. А вам, мне кажется, все равно, потому что работа сдельная, платят нам только за то, что сделано.

— Так-то оно так, но я хочу поскорее очистить ригу.

— Все кончают работу в два часа, а я останусь здесь до вечера.

Он хмуро посмотрел на нее и вышел. Тэсс чувствовала, что с местом ей не повезло, но все-таки это было лучше, чем ухаживание. К двум часам профессиональные вязальщицы допили бутылку виски, положили на место кривые ножницы, связали последние снопы и ушли. Мэриэн и Изз охотно последовали бы их примеру, но, узнав, что Тэсс остается, надеясь лишними часами работы возместить недостаток сноровки, решили остаться с ней. Мэриэн посмотрела на падавший снег и воскликнула:

— Ну, вот мы и одни!

Тогда речь зашла наконец о днях, прожитых на мызе, и, разумеется, об их любви к Энджелу Клэру.

— Изз и Мэриэн,— сказала миссис Энджел Клэр с достоинством, в котором было что-то бесконечно трогательное, если вспомнить о том, как мало прав жены ей было дано,— теперь я не могу говорить с вами о мистере Клэре, как бывало раньше; вы сами это знаете. Хотя он от меня и уехал, но все-таки он мой муж.

Из четырех девушек, любивших Клэра, Изз от природы была самой дерзкой и насмешливой.

— Конечно, ухаживал он как никто,— сказала она.— Да только мужем оказался не очень любящим, если так скоро от тебя уехал.

— Ему пришлось уехать, он должен был уехать, чтобы присмотреть там участок земли,— возразила Тэсс.

— Он мог бы прожить с тобой зиму.

— Ах, это вышло случайно... недоразумение... не будем говорить об этом,— со слезами в голосе отозвалась Тэсс.— Быть может, многое можно сказать в его оправдание. Он не уехал, как уезжают другие мужья, не предупредив меня... И я всегда могу узнать, где он.

После этого на них нашла задумчивость, и они долго не нарушали молчания. Работа шла своим чередом: они захватывали колосья, вытягивали солому, совали ее в под мышку и кривыми ножницами срезали колосья, только шелест соломы да щелканье ножниц нарушали тишину в сарае. Вдруг Тэсс покачнулась и упала на кучу колосьев.

— Я знала, что у тебя сил не хватит! — воскликнула Мэриэн.— Для такой работы нужно быть посильнее, чем ты.

Как раз в эту минуту вошел фермер.

— Вот как ты работаешь, когда меня нет! — сказал он.

— Но от этого я одна остаюсь в убытке,— возразила она.

— Я хочу, чтобы дело было сделано,— упрямо сказал он, пересек ригу и вышел в другую дверь.

— Ты, милочка, не слушай его,— сказала Мэриэн.— Я и раньше здесь работала. Ступай приляг, а мы с Изз за тебя поработаем.

— Не хочу я, чтобы вы за меня работали. Ростом я выше вас...

Однако она была до такой степени измучена, что согласилась сделать передышку и прилегла в углу на куче мятых стеблей, которые отделялись от хорошей соломы и выбрасывались. Упадок сил вызван был не только тяжелой работой, но и разговором о ее разлуке с мужем. Сознание ее бодрствовало, но воля ослабела — шорох соломы и щелканье ножниц причиняли ей почти физическое страдание.

Кроме этих звуков, до нее доносился и шепот. Она была уверена, что они возобновили прерванный разговор, но слов разобрать не могла. Ей не терпелось узнать, о чем они говорят, и, убедив себя, что уже отдохнула, она встала и снова принялась за работу.

Теперь выбилась из сил Изз Хьюэт. Накануне она прошла больше двенадцати миль, спать легла в полночь, а встала в пять утра. Одна Мэриэн благодаря бутылке виски и крепкому своему сложению работала, не чувствуя боли в спине и руках. Тэсс убедила Изз идти домой, заявив, что ей теперь лучше и она может работать, а затем они разделят все снопы поровну.

Изз с благодарностью приняла предложение и, выйдя из сарая, побрела по заснеженной тропинке домой. К этому времени бутылка всегда настраивала Мэриэн на романтический лад.

— Вот уж никогда бы я этого о нем не подумала! — мечтательно произнесла она. — А как я его любила! И мне было все равно, что он на тебе женился. Но с Изз он обошелся скверно!

Тэсс, испуганная ее словами, чуть было не отрезала себе палец ножницами.

— Ты о моем муже говоришь? — пробормотала она.

— Ну да! Изз говорит: «Не рассказывай ей», — а я не могу удержаться! Знаешь, чего он добивался от Изз? Он ее звал с собой в Бразилию!

Лицо Тэсс побелело как снег, падавший на землю, и сразу осунулось.

— А Изз отказалась ехать? — спросила она.

— Не знаю. Но потом он передумал.

— Пустяки! Значит, он говорил не всерьез. Просто он пошутил.

— Нет, он не шутил; он даже проехал с ней по дороге на станцию.

— Но все-таки не увез ее!

Обе продолжали молча работать. Вдруг Тэсс расплакалась.

— Эх! — сказала Мэриэн. — Зря я тебе рассказала.

— Нет. Это ты хорошо сделала! Я совсем руки опустила и не понимала, чем это может кончиться! Я должна была чаще ему писать. Он сказал, что приехать я к нему не могу, но не запрещал писать, сколько мне вздумается. Больше я не буду

так жить! Я была неправа, когда позволила ему все за меня решать!

В полутемном сарае сгущались сумерки, и больше нельзя было работать. Вернувшись в этот вечер домой, в свою маленькую, выбеленную известкой комнату, Тэсс тотчас же начала письмо Клэру. Но кончить его не могла, потому что ею овладела сомнения. Потом она сняла кольцо с ленточки, на которой носила его у сердца, надела на палец и так легла спать, словно хотела убедить себя в том, что она действительно жена этого ушедшего от нее человека, который сразу после разлуки с ней мог предложить Изз ехать с ним за море. Зная это, могла ли она обращаться к нему с мольбами и не скрывать, что продолжает его любить?

XLIV

После того, что Тэсс услышала в риге, мысли ее снова обратились к дому пастора в далеком Эмминстере,— не раз она вспоминала о нем за последнее время. Ей было сказано, что письмо Клэру она может отправить через его родителей, если пожелает ему написать, а в случае каких-либо затруднений может обратиться непосредственно к ним. Но сознание, что она не имеет на него никаких моральных прав, не позволяло ей писать; в результате для семьи Клэра ее словно и на свете не было,— так же как перестала она после замужества существовать для своих родителей. Она как бы отрезала себя и от тех и от других, что вполне соответствовало независимому ее характеру: ничего не хотела она получать из милости или сострадания, которых, по здравому рассуждению, не заслуживала. Она решила положиться только на себя и не извлекать пользы из формального родства с чужой семьей — родства, обретенного ею только потому, что один из членов этой семьи, действуя под влиянием минутного порыва, написал свое имя в церковной книге рядом с ее именем.

Но рассказ Изз задел ее так больно, что подобное самоотречение оказалось свыше ее сил. Почему муж ей не написал? Он ясно сказал, что даст знать, где обоснуется, но он не написал ни строчки, не сообщил своего адреса. Неужели он действительно равнодушен к ней? А может быть, он болен и первый шаг следует сделать ей? Конечно, у нее хватит смелостийти к его родителям, навести справки и сказать, как огорчает его молчание. Если отец Энджела действительно хороший человек, как она слыхала, то он поймет, в каком она отчаянии. О своем бедственном положении она умолчит.

Уйти с фермы в будний день она не могла. Оставалось только воскресенье. Через меловое плоскогорье, где находился Флинтком-Эш, еще не была проложена железная дорога, и ей предстояло идти пешком. В оба конца ей нужно было сделать

тридцать миль, и, чтобы вернуться вовремя, она решила встать как можно раньше.

Через две недели, когда после снега ударили морозы, Тэсс решила отправиться в путь, пользуясь тем, что дорога хорошая. В воскресенье, в четыре часа утра она спустилась по лестнице и вышла под звездное небо. Погода ей благоприятствовала, земля звенела под ее ногами, как наковальня.

Мэриэн и Изз приняли близко к сердцу эту экскурсию, зная, что она имеет отношение к Клэру. Жили они в домике на той же улице и пришли снарядить Тэсс в путь. Они убеждали ее надеть лучшее платье, чтобы покорить сердца свекра и свекрови, но Тэсс колебалась, зная, что старый мистер Клэр придерживается суровых кальвинистских догматов. Уже год прошел со дня ее свадьбы, но у Тэсс еще осталось кое-что из нарядов, и она могла одеться очень мило, как простая деревенская девушка, не гоняющаяся за модой: серое платье из мягкой шерстяной материи, отделанное рюшем из белого крепа, подчеркивающим розовый тон шеи и щек, черный бархатный жакет и шляпа.

— Какая жалость, что твой муж не может сейчас на тебя поглядеть! Ты настоящая красавица! — сказала Изз Хьюэт, любуясь Тэсс, когда та стояла на пороге дома, освещенная стальным светом звезд, а за ее спиной мерцало желтое пламя свечи.

Изз великодушно забыла о самой себе — да иначе и быть не могло: ни одна женщина, если сердце у нее было больше ореха, не могла питать вражду к Тэсс, потому что ее доброта и исключительная душевная сила легко побеждали низменные женские чувства — злобу и зависть.

Еще раз оправив платье и смахнув пылинки с жакета, они отпустили ее, и она исчезла в жемчужных предрассветных сумерках. Они услышали, как ее башмаки начали постукивать по твердой дороге, как она ускорила шаги. Даже Изз желала ей удачи и, не видя в этом особой добродетели, радовалась, что в минуту искушения не причинила зла своей подруге.

Год тому назад Клэр женился на Тэсс, и почти год прошел с тех пор, как он с ней расстался. Но в это ясное, сухое зимнее утро на меловом плоскогорье Тэсс, помня о своей цели, не унывала и бодро шла вперед, вдыхая разреженный воздух. В эту минуту она, несомненно, мечтала о том, чтобы понравиться свекрови, рассказать ей всю свою историю, сделать ее своей союзницей и в конце концов вернуть скитальца.

Вскоре она дошла до края плоскогорья, у подножия которого широко раскинулась Блекмурская долина, туманная и тихая, в прозрачных сумерках. Здесь, на плато, воздух был бесцветный, а там, внизу, отливал синевою. Тэсс привыкла теперь работать на полях в сотню акров, а в долине отдельные поля занимали меньше шести акров, и столько их было, что с этих высот они напоминали петли рыболовной сети. Здесь, на плато, пейзаж был выдержан в тонах беловато-коричневых,

а внизу, как и в долине реки Фрум, всегда в зеленых. И, однако, там, в этой долине, настигло ее горе, и теперь она любила ее не так, как раньше. Для Тэсс, как и для всех, кто познал горе, красота заключалась не в самой вещи, а в том, что эта вещь символизировала.

Оставив долину с правой стороны, она по-прежнему держала путь на запад; миновала Хинток, пересекла под прямым углом проезжую дорогу из Шертон-Эббес в Кэстербридж, обогнула Догбери-Хилл, Хай-Стой и ложбину между ними, которую называли Кухней Дьявола. Придерживаясь горной дороги, она достигла перекрестка «Крест в руке», где высится немой и одинокий каменный столб, отмечая место, озаменованное каким-то чудом или убийством, а может быть, и тем и другим. Пройдя еще три мили, она пересекла прямую и безлюдную Римскую дорогу, носившую название дороги Вязов, и проселком спустилась с холма в маленький городок, или, вернее, деревню, Эверсхед. Полпути было пройдено. Здесь она отдохнула и еще раз поела — не в харчевне «Свинья и желудь», так как харчевен она избегала, а в коттедже около церкви.

Вторую половину пути она шла по Бэнвилльской дороге, и здесь пейзаж был более приветлив. Но по мере того как уменьшалось расстояние, отделявшее ее от цели путешествия, Тэсс все больше теряла уверенность, и задуманное предприятие начинало ее пугать. Она так ясно видела предстоящую встречу, что не обращала внимания на дорогу и едва не заблудилась. Однако в полдень она остановилась у ворот на склоне котловины, в которой был расположен Эмминстер.

Квадратная колокольня церкви, где, как знала Тэсс, находился в это время священник со своей паствой, показалась ей грозной. Она пожалела, что не могла прийти в будний день. Такой благочестивый человек может осудить женщину, отправившуюся в путь в воскресенье, и не поймет, что другого выхода у нее не было. Но не возвращаться же ей назад! Она сняла грубые башмаки, в которых вышла из дому, надела другие, из тонкой кожи, и, спрятав старую пару в живой изгороди у ворот, где легко было ее найти, стала спускаться с холма. От ходьбы и свежего воздуха она раскраснелась, но румянец сбежал с ее щек, когда она приблизилась к дому священника.

Тэсс надеялась, что какой-нибудь счастливый случай придет ей на помощь, но надежда не оправдалась. Холодный ветер неприветливо шелестел в кустах на лужайке перед домом. Хотя Тэсс и надела лучшее свое платье, представить, что в этом доме живут ее близкие родственники, она все-таки не могла. А ведь, по существу, невелика была пропасть, их разделяющая: те же страдания, те же радости и размышления, рождение, и смерть, и загробная жизнь — это был их общий удел.

Она сделала над собой усилие, вошла в калитку и позвонила у двери. Дело сделано, путь назад отрезан. Нет, не отрезан.

Никто не вышел на звонок. Нужно было снова овладеть собой и повторить попытку. Она позвонила вторично. Волнение и пройденные пятнадцать миль дали себя знать: усталая, она ждала, бессильно опустив руку и прислонившись к стене дома. Под холодным ветром листья плюща сморщились и посерели; они шуршали, задевая друг друга, и шелест этот действовал ей на нервы. Клочок запятнанной кровью бумаги из мусорной кучи — в него когда-то было завернуто мясо — метался вдоль улицы, слишком легкий, чтобы опуститься на землю, слишком тяжелый, чтобы улететь; вместе с бумагой металось несколько соломинок.

Второй звонок был громче, но все-таки никто не отозвался. Тогда она сошла с крыльца, открыла калитку и вышла на улицу. И хотя она оглянулась нерешительно, словно хотела вернуться, но, закрывая калитку, вздохнула с облегчением. Ее преследовала мысль, что ее узнали (хотя это и казалось невозможным) и приказали не принимать.

Тэсс дошла до угла. Она сделала все, что могла, но, не желая облегчать себе задачу, чтобы потом расквиртоваться, она вернулась и прошла мимо дома, посматривая на окна.

А, вот в чем дело! Они все ушли в церковь. Она вспомнила, как муж ее рассказывал, что по настоянию отца все домохозяйцы, не исключая и слуг, ходят к утренней службе и в результате едят по возвращении домой холодный обед. Следовательно, нужно только подождать конца службы. Побоявшись ждать около дома, чтобы не обращать на себя внимания, она пошла к церкви. Но когда она дошла до церковной ограды, молящиеся начали расходиться, и Тэсс очутилась в толпе.

Эмминстерские прихожане глазели на нее так, как могут глазеть только возвращающиеся из церкви досужие жители маленького городка на незнакомую женщину незаурядной внешности. Она ускорила шаги и стала подниматься по той самой дороге, по которой пришла, чтобы где-нибудь между живыми изгородями переждать, пока семья священника пообедаст и будет готова ее принять. Вскоре Тэсс оставила далеко позади всех прихожан, кроме двух молодых людей, которые быстро шли рука об руку.

Когда они к ней приблизились, она услышала, как они что-то серьезно обсуждают; и женское чутье помогло ей уловить сходство их голосов с голосом ее мужа. Эти двое были его братья. Забыв обо всех своих планах, Тэсс боялась только, как бы они ее не догнали сейчас, когда она взволнована и неподготовлена к встрече с ними. Хотя она понимала, что они не могут догадаться, кто она, но инстинктивно боялась попасться им на глаза. Они ускорили шаги, и она тоже пошла быстрее. Ясно было, что они озябли в церкви во время длинной службы и хотят размяться перед обедом.

Один только человек опередил Тэсс, поднимавшуюся на холм, — хорошо одетая молодая женщина, довольно миловид-

ная, но, пожалуй, слегка чопорная и жеманная. Тэсс почти нагнала ее, когда братья ее мужа очутились так близко за ее спиной, что она могла расслышать каждое их слово. Сначала они не говорили ничего, что представляло бы для нее интерес, потом один из них, заметив идущую впереди молодую женщину, сказал:

— Это Мерси Чант. Догоним ее.

Тэсс слышала это имя. Это была та самая девушка, которую прочили в жены Энджелу его и ее родители.

И, вероятно, он женился бы на ней, не повстречайся ему на пути Тэсс. Если бы Тэсс не знала этого раньше, то узнала бы сейчас, так как один из братьев продолжал:

— Ах, бедный Энджел, бедный Энджел! Стоит мне увидеть эту милую девушку, и я опять жалею о том, что он так поторопился с этой женитьбой на доильнице, или кто она там такая! Странная какая-то история. Не знаю, поехала она к нему или еще нет. Во всяком случае, несколько месяцев назад, когда я получил его последнее письмо, ее там не было.

— Ничего не могу сказать. Теперь он никогда не бывает со мной откровенен. Его неудачная женитьба, по-видимому, еще усилила то отчуждение, начало которому положили его нелепые взгляды.

Тэсс опять ускорила шаги, но если бы пошла еще быстрее, она обратила бы на себя их внимание. В конце концов они ее догнали и прошли мимо. Мерси Чант, услышав за собой шаги, оглянулась, поздоровалась с ними, и дальше они пошли втроем.

Вскоре они поднялись на вершину холма. Должно быть, это и было целью их прогулки, так как они замедлили шаги и повернули к воротам, где час назад отдыхала Тэсс и смотрела вниз, на город, прежде чем спуститься туда. Разговаривая, один из братьев шарил зонтиком в кустах и вдруг что-то вытащил оттуда.

— Старые башмаки,— объявил он.— Вероятно, брошены каким-нибудь бродягой.

— Или каким-нибудь обманщиком-попрошайкой, который решил войти в город босиком, чтобы мы его пожалели,— сказала мисс Чант.— Да, несомненно, это так! Башмаки прекрасные и совсем не изношены. Какой гнусный обман! Я отнесу их домой и отдам какому-нибудь бедняку.

Катберт Клэр, нашедший башмаки, подцепил их на ручку зонта — и Тэсс лишилась своей обуви.

Она слышала этот разговор, когда, закрыв лицо шерстяной вуалью, проходила мимо них. Потом, оглянувшись, она увидела, что они отошли от ворот и спускаются с холма, унося ее башмаки.

Тогда наша героиня побрела дальше. Слезы, горькие слезы струились по ее лицу. Она понимала, что только чрезмерная впечатлительность заставила ее истолковать разыграв-

шуюся сцену как свой приговор, но справиться с собой она не могла и чувствовала себя беззащитной перед этими зловещими предзнаменованиями. Не могло быть и речи о том, чтобы вернуться; жене Энджела чудилось, будто эти утонченные, на ее взгляд, клерикалы изгнали ее из своего общества, словно какое-то презренное существо. Обида была нанесена неумышленно, но, к несчастью, Тэсс встретила сыновей, а не отца, который, несмотря на узкий свой кругозор, был далеко не так накрахмален и выютюжен, как эти двое, и обладал высоким даром милосердия.

Вспомнив запыленные свои башмаки, Тэсс готова была пожалеть их за те насмешки, какие они вызвали, и невольно подумала о том, как безнадежно складывается жизнь владелицы этих башмаков.

«Ах! — подумала она, все еще плача от жалости к самой себе. — Они не знали, что в этих башмаках я шла по каменистой дороге, чтобы сберечь эти хорошенькие туфли, которые он мне купил! Да, этого они не знали! И не знали, что он выбирал материю для лучшего моего платья... Откуда им знать? А если бы и знали, то, пожалуй, не было бы им дела до этого, потому что не очень-то любят они его, бедного!»

Теперь она плакала от жалости к любимому, к тому, чьи предрассудки были причиной всех ее последних страданий. И она брела своей дорогой, не ведая того, что величайшее несчастье постигло ее сейчас, когда она о своем свекре судила по его сыновьям и в этот критический момент по-женски упала духом. Она находилась в таком жалком положении, что, несомненно, мистер и миссис Клэр отнеслись бы к ней сочувственно. Их сердца всегда были открыты для несчастных, дошедших до последней черты, тогда как более утонченные душевные страдания людей, еще не отчаявшихся, не вызывали у них ни интереса, ни внимания. Широко раскрывая объятия мытарям и грешникам, они забывали о том, что можно замолвить словечко и за книжников и фарисеев, у которых тоже бывают свои невзгоды. И благодаря этой особенности они оказали бы своей невестке радушный прием, — ее несчастья давали ей все права на их любовь.

Тэсс возвращалась той самой дорогой, по которой шла если не с радостной надеждой, то, во всяком случае, с уверенностью, что в ее жизни наступает кризис. Но никакого кризиса, по-видимому, не произошло, и ей ничего иного не оставалось, как трудиться на тощих полях до тех пор, пока она снова не наберется храбрости, чтобы пойти к родителям Клэра. Однако она не настолько отчаялась, чтобы и на обратном пути не откинуть вуаль: пусть все видят, что она красивее Мерси Чант. Впрочем, она печально покачала головой. «Это ни к чему, ни к чему! — сказала она себе. — Никто моего лица не любит, никто его не видит! Никому нет дела до такого жалкого существа, как я!»

Она шла, еле волоча ноги. Ей некуда и незачем было спешить, и она двигалась по инерции. На скучной длинной Бэнвилльской дороге она начала уставать и часто прислонялась к воротам или останавливалась возле столбов, отмечающих мили.

Ни в один дом она не заходила. Наконец, пройдя семь-восемь миль, Тэсс спустилась с высокого, крутого холма в местечко Эверсхед, где утром завтракала, еще преисполненная надежды. Домик около церкви, куда она снова зашла, находился в конце деревни. Пока хозяйка ходила за молоком в чуланчик, Тэсс, посмотрев в окно, удивилась, что на улице никого не видно.

— Должно быть, все пошли к вечерне? — спросила она.

— Нет, милая, — отозвалась старуха. — Сейчас рано, и к службе еще не звонили. Народ собрался в амбаре слушать проповедь. У нас тут один проповедник читает проповеди между службами: говорят, усердный христианин! Ну, да я не хожу его слушать! Хватит с меня и того, что священник говорит с кафедры.

Когда Тэсс пошла дальше по улице, ее шаги гулко отдавались на мостовой, словно деревня вымерла. На полдороге к звуку ее шагов примешались другие звуки, — увидев неподалеку амбар, Тэсс догадалась, что это до нее доносится голос проповедника; он отчетливо раздавался в неподвижном, чистом воздухе, и вскоре она могла разобрать отдельные фразы, хотя проходила у задней стены.

Проповедь, как и следовало ожидать, была в крайне антиномистском духе: речь шла об оправдании верой, как учил апостол Павел. Свою мысль оратор излагал с воодушевлением

и энтузиазмом, но больше декламировал, чем убеждал, ибо как диалектик явно никуда не годился. Хотя Тэсс не слыхала начала проповеди, но догадалась, какой библейский текст был выбран, потому что оратор все время повторял:

«О несмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине — вас, у которых пред глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?»

Тэсс прислушалась и заинтересовалась, потому что проповедник, хотя и вдаваясь в крайность, излагал взгляды отца Энджела, а еще больше заинтересовалась она, когда оратор начал подробно рассказывать о своем собственном духовном опыте, о том, как обрел он эту веру. Был он, по его словам, величайшим из грешников. Он богохульствовал, водился с людьми безрассудными и распутными, но настал день пробуждения, а случилось это главным образом благодаря влиянию одного священника, которого он сначала грубо оскорбил. Слова, сказанные этим священником при прощании, запали ему в сердце и хранились там, пока, по милости божьей, не произвели в нем этой перемены и не сделали его таким, каков он сейчас.

Однако Тэсс поражена была не столько проповедью, сколько голосом, который — как ни странно это могло показаться — удивительно напоминал голос Алека Д'Эрбервилля. Тревога и ожидание были написаны на ее лице, когда она обошла амбар и остановилась у входа. Лучи зимнего солнца, низко стоявшего над горизонтом, били прямо в широкую двустворчатую дверь амбара; одна створка была открыта, и солнечные лучи падали на проповедника и его слушателей, защищенных стенами амбара от северного ветра. Слушателями были исключительно крестьяне, и среди них находился человек, которого видела она в памятный для нее день, когда он нес горшок с красной краской. Но она смотрела только на центральную фигуру этой картины. Проповедник стоял на мешках с зерном, лицо его было обращено к собравшимся и к двери. Было три часа дня, лучи солнца падали прямо на него, и та странная пугающая догадка, которая мелькнула у Тэсс, как только она ясно расслышала его слова, — эта догадка подтвердилась: перед ней был ее обольститель.

ОБРАЩЕННЫЙ

XLV

С тех пор, как Тэсс уехала из Трэнтриджа, и вплоть до этого мгновения она не видела д'Эрбервилля и ничего о нем не слышала.

Встреча произошла в тяжелую минуту ее жизни, когда даже такая встреча не могла слишком потрясти ее. Но столь безрассудна память, что, хотя он, несомненно, исправился и публично каялся в былых своих прегрешениях, страх овладел Тэсс, и она, словно парализованная, не могла ни отступить, ни приблизиться.

Вспоминать выражение этого лица, какое она видела в последний раз,— и смотреть на него сейчас... Это было все то же красивое, неприятное лицо, но черные усы исчезли,— теперь он носил аккуратно подстриженные старомодные бакенбарды; костюм его несколько напоминал одежду священника, и этого было достаточно, чтобы стереть облик прежнего дэнди, так что у Тэсс мелькнула даже мысль, не обозначась ли она.

Сначала ей казалось чудовищно нелепым, что торжественные слова Священного писания срываются с уст такого человека. Четырех лет не прошло с тех пор, как этот слишком хорошо знакомый голос нашептывал ей совсем иные слова, преследуя совсем иные цели; и была в этом несоответствии такая ирония, что у Тэсс мучительно сжалось сердце.

Случившееся можно было назвать не столько исправлением, сколько преображением. Лицо, прежде дышавшее чувственностью, выражало теперь благочестивый пыл. Губы, словно созданные для того, чтобы соблазнять, изрекали теперь слова молитвы. О горевшем на щеках румянце сказали бы еще вчера, что он зажжен распутством, а сегодня — набожным энтузиазмом; животные страсти превратились в фанатизм; язычник стал последователем апостола Павла. Дерзкие глаза, которые когда-то смотрели на нее повелительно, теперь сверкали огнем благочестия, чуть ли не яростным. Прежде он мрачно

хмурился, когда не исполнялось его желание, теперь — когда клеймил неисправимого грешника, упорно предпочитающего барахтаться в грязи.

И все же казалось, что черты его лица уступают насилию, принимая вместо предназначенных им природой выражений те, для которых они не были созданы. Как ни странно, именно жар вдохновения был неуместен на этом лице, а в святости чудилась деланность.

Но могло ли это быть так? Ей пришлось признать, что такое подозрение несправедливо. Д'Эрбервилль был не первым грешником, который вернулся на стезю добродетели, дабы спасти свою душу; как же могла она считать это фальшью? Только привычное представление о нем заставляло ее возмущаться, когда она слышала новые, хорошие слова, произнесенные прежним недобрым голосом. Чем более велик был грешник, тем более велик святой; в этом можно убедиться, даже не слишком углубляясь в историю христианства.

Все эти смутно осознанные впечатления чем-то ее тронули. Как только оцепенение, вызванное неожиданностью, начало проходить, ей захотелось поскорее уйти. Конечно, он еще не успел ее разглядеть, так как она стояла спиной к солнцу.

Но стоило ей сделать движение — и он узнал ее. На бывшего ее любовника неожиданная встреча произвела потрясающее впечатление — гораздо более сильное, чем на нее. Воодушевление его и пламенное красноречие словно улетучились, губы задрожали, слова застряли в горле; он не мог говорить, пока она стояла перед ним. Скользя глазами по ее лицу, он смущенно отвел взгляд, стараясь смотреть куда угодно, только не на нее, но взгляд его упорно возвращался к ней. Однако растерянность его продолжалась недолго, ибо, как только он утратил власть над собой, к Тэсс вернулось самообладание, и она, быстро отойдя от сарая, продолжала путь.

Как только она собралась с мыслями, ее ужаснула перемена, происшедшая с ним и с ней. Он, виновник ее гибели, пережил духовное возрождение, тогда как она оставалась непросветленной. И — как в легенде — достаточно было сладострастному образу внезапно появиться перед алтарем, чтобы пламя фанатизма почти угасло.

Она шла не оглядываясь. Казалось, не только спина ее, но и одежда наделены способностью ощущать на себе взгляды, — Тэсс чудилось, что он, стоя в амбаре, провожает ее глазами. До этой встречи ее душу давила безмерная тяжесть — но и только, а теперь в ее настроении произошла перемена: тоска по любви, которой она была лишена так долго, уступила место чуть ли не физическому ощущению неумолимости прошлого, все еще державшего ее в тисках. Сознание былой вины перешло в отчаяние. Она надеялась, что между прошлым и настоящим встанет стена, но надежда не сбылась. Прошлое не может стать прошлым, пока она сама не уйдет в прошлое.

Поглощенная этими мыслями, она пересекла под прямым углом северную часть дороги Вязов и вскоре увидела перед собой белую тропу, поднимающуюся на плоскогорье, по которому предстояло ей пройти остальную часть пути. Сухая белизна дороги уныло уходила вдаль, на ней не было видно ни людей, ни повозок, лишь кое-где на холодной, бесплодной земле лежал лошадиный навоз. Медленно поднимаясь в гору, Тэсс услышала за собой шаги и, оглянувшись, увидела хорошо знакомую фигуру в столь необычной для нее одежде методиста — увидела того единственного человека, с которым надеялась до самой смерти не встречаться.

Впрочем, для размышлений или попытки избежать встречи времени не было, и она, стараясь остаться спокойной, подчинилась неизбежному — позволила ему догнать себя. Она заметила, что он очень возбужден, но не быстрой ходьбой, а обуревавшими его чувствами.

— Тэсс! — окликнул он.

Она не оглянулась, но замедлила шаги.

— Тэсс! — повторил он. — Это я, Алек д'Эрбервилль.

Тогда она повернулась к нему, и он подошел к ней.

— Вижу, что вы, — холодно сказала она.

— Как... и это все? Впрочем, большего я не заслуживаю... Конечно, — усмехнувшись, добавил он, — я кажусь вам немного смешным в таком виде. Но с этим я должен примириться... Я слышал, что вы уехали, но никто не знал куда. Тэсс, вы удивляетесь, почему я пошел за вами?

— Да, пожалуй; и от всего сердца жалею, что пошли!

— Вы имеете право так говорить, — мрачно отозвался он; вместе поднимались они на гору, Тэсс неохотно шла рядом с ним. — Но не заблуждайтесь на мой счет, я прошу об этом, потому что действительно мог ввести вас в заблуждение, когда вы заметили — если только вы заметили, — как взволновало меня ваше неожиданное появление. Но это было лишь минутное замешательство, что вполне естественно, если принять во внимание, кем вы для меня были. Бог помог мне преодолеть его, и я тотчас же понял, что мой долг спасти от неминуемого гнева божия — смейтесь, если хотите! — прежде всего ту женщину, которой я причинил такое зло. И я догнал вас, имея в виду только эту цель.

Легкое презрение слышалось в ее голосе, когда она сказала:

— А себя-то вы спасли? Говорят врачу: «Исцелися сам».

— О, это произошло помимо меня, — бесстрастно сказал он. — Как я уже говорил своим слушателям, это сделало провидение... Как бы вы ни презирали меня, Тэсс, ничто не может сравниться с тем презрением, какое питаю я к самому себе — к ветхому Адаму прошлых дней! Но я расскажу вам, как произошло мое обращение, — надеюсь, вы заинтересуетесь этим настолько, чтобы выслушать. Слыхали ли вы когда-нибудь об эминистерском священнике? О старом мистере Клэре, одном

из самых искренних проповедников своей доктрины? Об одном из немногих ревностных людей, оставшихся в церкви? Правда, он не столь ревностен, как то крайнее крыло христиан, к которому принадлежу я, но тем не менее является исключением среди духовенства, ибо священники помоложе разжижили истинные догматы веры софистикой, и теперь осталась от них лишь тень того, чем были они раньше. Я расхожусь с ним только в вопросе взаимоотношения церкви и государства — в толковании текста «Уйдите от них и пребудьте отдельно, сказал господь». Я твердо верю, что мистер Клэр был смиренным орудием спасения большего числа душ в этих краях, чем кто бы то ни было другой в Англии. Вы о нем слышали?

— Слыхала,— ответила она.

— Года два-три тому назад он выступил с проповедью в Трэнтридже по поручению какого-то миссионерского общества. И я, жалкий негодяй, я оскорбил его, когда он самоотверженно старался меня образумить и указать мне истинный путь. Он не рассердился на меня, он сказал только, что когда-нибудь я почувствую веяние духа — и те, что приходят издеваться, остаются иногда для молитвы. В его словах была странная сила. Они запали мне в душу. Однако смерть матери явилась самым сильным толчком; и мало-помалу я прозрел. С тех пор единственным моим желанием было передавать благую весть другим людям, и это я пытался делать сегодня. Впрочем, в этих краях я начал проповедовать недавно. Первые месяцы моего служения я провел на севере Англии, среди чужих мне людей, где предпочел сделать первые неумелые попытки, чтобы приобрести смелость для самого сурового из всех испытаний искренности — смелость для того, чтобы обратиться с проповедью к тем, кто знал меня раньше, кто принимал участие в моей греховной жизни. Если бы только вы знали, Тэсс, как приятно закатить пощечину самому себе, я не сомневаюсь, что вы...

— Замолчите! — страстно воскликнула она и, отвернувшись от него, прислонилась к изгороди.— Я не верю в такие внезапные обращения! Я возмущена тем, что вы можете так со мной говорить, хотя вы знаете... знаете, какое зло вы мне причинили! Вы и вам подобные наслаждаетесь жизнью, обрекая таких, как я, на горе и тоску! А потом, когда вам все надоедает, неплохо подумать и о том, чтобы обратиться к богу и обеспечить себе райское блаженство! Я вам не верю! Все это мне противно!

— Тэсс,— сказал он,— не говорите так! Для меня это было как внезапное озарение! А вы мне не верите! Чему вы не верите?

— Вашему обращению. Вашей религиозности.

— Почему?

Она ответила, понизив голос:

— Потому что человек, который лучше вас, не верит в это.

— Вот она, женская логика! Кто же этот человек?

— Я не могу вам сказать.

— Хорошо,— отозвался он, словно с трудом сдерживая раздражение,— боже сохрани, чтобы я назвал себя хорошим человеком, и вы слышите — я этого не говорю! Действительно, я новичок на пути добродетели, но иногда новообращенные бывают самыми дальнозоркими людьми.

— Да,— грустно произнесла она.— Но я не могу поверить в ваше обращение. Боюсь, Алек, что такие порывы длятся недолго.

С этими словами она отошла от изгороди, к которой прислонилась, и повернулась к нему лицом. Его взгляд упал на знакомое лицо и фигуру и не мог от них оторваться. Низменные наклонности в нем теперь, конечно, не проявлялись, но они не были вырваны с корнем, не были даже до конца побеждены.

— Не смотрите на меня так,— сказал он вдруг.

Тэсс, не думавшая о том, какое она может произвести впечатление, тотчас же опустила свои большие темные глаза и, вспыхнув, пробормотала:

— Простите!

И снова овладело ею то мучительное чувство, какое часто испытывала она и раньше: чувство виновности в том, что природа дала ей эту телесную оболочку.

— Нет! Не просите у меня прощения. Но вы надели вуаль, чтобы скрыть свое красивое лицо,— почему же вы ее не опустите?

Она опустила вуаль, быстро сказав:

— Я надела ее от ветра.

— Быть может, моя просьба груба,— продолжал он,— но мне не следует слишком часто смотреть на вас. Это может быть опасно.

— Ш-ш...— остановила его Тэсс.

— Женские лица имели слишком большую власть надо мной, и у меня есть основания их бояться! Евангелисту не должно быть никакого дела до них, а мне они напоминают прошлое, которое я хотел бы забыть!

После этого они перебрасывались только отдельными замечаниями, продолжая идти рядом. Тэсс размышляла, долго ли он думает идти с ней, но не хотела сама отсылать его назад. Часто на воротах и перелазах им попадались тексты из Священного писания, выведенные красной или синей краской, и она спросила его, не знает ли он, кто взял на себя труд делать эти надписи. Он ответил, что он сам и другие лица, проповедующие в этой округе, наняли человека, который пишет такие напоминания, ибо нужно использовать все средства, чтобы воздействовать на души грешников.

Наконец они подошли к тому месту, которое носит название «Крест в руке». Это было самое унылое место на всем

пустынным белом плоскогорье. Оно было настолько лишено того очарования, какое ищут в пейзаже художники и любители красивых видов, что обрело иную красоту,— само безобразие его дышало красотой трагической и мрачной. Название свое оно получило от стоявшего здесь каменного столба с грубым изображением человеческой руки, высеченного из породы, не добываемой в здешних каменоломнях. Об истории этого столба и о цели, с какой он был поставлен, ходили противоречивые рассказы. Одни утверждали, что когда-то тут стоял крест, от которого остался теперь только этот обрубок, другие — что всегда он был таким, а поставлен здесь как вежа, отмечающая какую-то границу или место встречи. Но какова бы ни была история этого камня, место, где он стоит, казалось и кажется зловещим или торжественным, в зависимости от настроения, и производит впечатление даже на самого флегматичного прохожего.

— Теперь я должен с вами расстаться,— сказал он, когда они приблизились к этому месту.— В шесть часов вечера я обещал произнести проповедь в Эбботс-Сернеле, и отсюда дорога моя идет вправо. А вы, Тэсси, нарушили мое душевное равновесие, я не могу и не хочу сказать — почему. Я должен уйти и собраться с силами. Вы стали очень хорошо говорить теперь. Кто научил вас такому чистому языку?

— Мои беды многому меня научили,— уклончиво ответила она.

— Какие беды?

Она рассказала ему о первой и единственной, которая имела к нему отношение.

Д'Эрбервилль был потрясен.

— А я понятия об этом не имел,— пробормотал он.— Почему вы мне не написали, когда почувствовали, что дело неладно?

Она не ответила; и он снова нарушил молчание:

— Ну, мы с вами еще увидимся.

— Нет,— сказала она.— Никогда больше не приближайтесь ко мне!

— Посмотрим. Но раньше, чем мы расстанемся, подойдите сюда.— Он направился к столбу.— Когда-то здесь был крест. В священные реликвии я не верю, но бывают минуты, когда вы мне внушаете страх; я вас боюсь гораздо больше, чем вы теперь должны бояться меня. И вот, чтобы избавить меня от опасений, положите свою руку на эту каменную руку и дайте клятву, что никогда не будете меня искушать — ни красотой своей, ни как-либо иначе.

— О, господи, какая бессмысленная просьба! Меньше всего я об этом думала!

— Да, но поклянитесь, поклянитесь!

Тэсс, слегка испуганная, уступила его настойчивым просьбам: положила руку на камень и дала клятву.

— Я скорблю о том, что вы неверующая,— продолжал он.— Какой-то атеист получил власть над вами и смутил вашу душу. Но не будем больше говорить об этом. Дома я могу молиться о вас и буду молиться. Кто знает, что будет дальше? Я ухожу. До свидания.

Он повернулся к пролому в изгороди, перепрыгнул через нее и, не взглянув на Тэсс, зашагал по меловому проскогорью, направляясь к Эбботс-Сернелу. Судя по его походке, он был сильно взволнован. Спустя несколько минут, словно подчиняясь какой-то прежней мысли, он извлек из кармана маленькую Библию, в которую вложено было письмо, смятое и запачканное,— по-видимому, его много раз перечитывали. Д'Эрбервилль развернул это письмо. Оно было написано несколько месяцев тому назад священником Клэром.

В начале письма мистер Клэр выражал неподдельную радость по поводу обращения д'Эрбервилля и благодарил его за то, что тот ему об этом сообщил. Далее он заверял, что от души прощает прежние поведение молодого человека и интересуется дальнейшими его планами. Он, мистер Клэр, рад был бы видеть д'Эрбервилля в числе служителей церкви, которой сам он посвятил столько лет своей жизни, и охотно помог бы ему поступить в духовный колледж; впрочем, на этом он не настаивает, если д'Эрбервилль считает такую отсрочку нежелательной. Каждый человек должен работать в меру сил своих и так, как указывает ему дух.

Д'Эрбервилль читал и перечитывал это письмо и, казалось, при этом цинично усмехался про себя. На ходу прочел он также несколько отрывков из Библии, пока наконец не появилось на лице его выражение полного спокойствия, и образ Тэсс, по-видимому, перестал смущать его мысли.

Тем временем Тэсс шла по краю обрыва кратчайшей дорогой к дому. Пройдя около мили, она встретила пастуха.

— Что это за каменный столб, мимо которого я прошла?— спросила она его.— Там был раньше крест?

— Крест? Не было там никакого креста! Дурное это место, мисс. В старые времена этот камень поставили родственники одного злодея, которого там пытали: пригвоздили его руку к столбу, а потом повесили. Кости его лежат под камнем. Говорят, он продал душу черту и иногда выходит из могилы.

От этого страшного и неожиданного рассказа у Тэсс мучительно сжалось сердце, и она поспешила отойти от пастуха. Только в сумерках она вернулась в Флинтком-Эш и на окраине деревушки увидела какую-то девушку и ее возлюбленного, которые не заметили ее. Они говорили громко, и звонкие реплики молодой женщины и нежные уверения мужчины, сливаясь в холодном воздухе, вносили ноту бодрости в тяжелую неподвижность сумерек. На секунду голоса обрадовали Тэсс, пока она не подумала, что это свидание вызвано тем же влече-

нием, которое явилось причиной ее несчастья. Когда она подошла ближе, девушка спокойно оглянулась и узнала ее, а молодой человек, смутившись, поспешил уйти. Это была Изз Хьюэт, и интерес ее к путешествию, предпринятому Тэсс, тотчас же одержал верх над личными делами. Тэсс рассказала о своей встрече с родными мужа довольно туманно, и Изз, девушка тактичная, тотчас заговорила о своем маленьком романе, о котором Тэсс только что случайно узнала.

— Это Эмби Сидлинг. Раньше он работал в Тэлботейсе,— равнодушно объяснила Изз.— Разузнал, куда я уехала, и явился сюда. Говорит, что вот уже два года, как в меня влюблен. Но я с ним почти не разговаривала.

XLVI

Несколько дней спустя после неудачного путешествия Тэсс работала в поле. По-прежнему дул резкий зимний ветер, но плетеные загородки давали ей некоторую защиту. С подветренной стороны стояла корнерезка, заново окрашенная ярко-голубой краской, и на фоне тусклого пейзажа эта голубизна казалась живой. Перед машиной тянулась длинная насыпь, или «могила», в которой с начала зимы хранилась брюква. С одной стороны яма была разрыта, и у края ее стояла Тэсс, срезавшая кривым ножом волокна и мерзлую землю с брюквы и бросающая ее затем в корнерезку. Батрак вращал рукоятку машины, и из ее желоба падали желтые ломтики брюквы. Ее свежий запах разносился вместе с шумом ветра, резким свистом лезвий машины и стуком ножа в руках Тэсс, защищенных кожаными перчатками.

Широкое бурое поле, где уже выкопали брюкву, начинало покрываться темно-коричневыми бороздами, постепенно расширяющимися. Вдоль каждой борозды двигалось не спеша и не останавливаясь какое-то десятиногое существо — две лошади и человек, а между ними плуг, вспахивающий поле для весеннего сева.

Проходили часы, и ничто не нарушало безрадостной монотонной работы. Потом далеко за полем показалась черная точка. Она выплыла из-за пролома в изгороди и как будто поднималась по откосу, направляясь к машине. Сначала это было крохотное пятнышко, вскоре оно приняло форму кегли, и, наконец, стало видно фигуру человека в черном, шедшего из Флинтком-Эша. Работник, приводивший в движение машину, мог, не отрываясь от работы, следить за путником, но Тэсс, обчищавшая брюкву, не замечала его, пока ей не указал на него работник.

Человек этот не был их суровым хозяином, фермером Гроби; к ним приближалась фигура в костюме, напоминающем одежду духовных особ,— иными словами, бывший повеса

Алек д'Эрбервилль. Сейчас он не был разгорячен собственной проповедью и потому казался более уравновешенным, а присутствие работника, по-видимому, его смущало. Тэсс побледнела, смутилась и надвинула капор на самые глаза.

Подойдя к ней, д'Эрбервилль сказал негромко:

— Мне нужно поговорить с вами, Тэсс.

— Вы не исполнили моей последней просьбы и все-таки пришли ко мне? — сказала она.

— Да, но для этого у меня есть серьезные основания.

— Ну, говорите.

— Это гораздо серьезнее, чем вы, быть может, думаете.

Он осмотрелся по сторонам — не подслушивают ли его. Они находились довольно далеко от батрака, приводившего в движение машину, да и стук ее заглушал голос Алека.

Д'Эрбервилль повернулся спиной к работнику, так чтобы заслонить от него Тэсс.

— Дело вот в чем, — продолжал он, и в голосе его чувствовалось любованье своим раскаянием, — когда мы встретились в последний раз, я, думая о вашей душе и о своей, забыл спросить о материальном вашем положении. Мне это в голову не пришло, потому что вы были хорошо одеты. Но теперь я вижу, что живется вам плохо — хуже, чем в те времена, когда я... вас знал... хуже, чем вы заслуживаете. И, быть может, во многом виноват я!

Она ничего не ответила, он посмотрел на нее пытливо. Опустив голову так, что лица не было видно из-за оборок капора, она снова принялась чистить брюкву. Работа помогала ей скрыть волнение.

— Тэсс, — добавил он со вздохом, — перед вами я виноват больше, чем перед кем бы то ни было! Я понятия не имел о последствиях, пока вы мне не сказали. Негодяй, я осквернил невинность. Вся вина лежит на мне... за беззаконие, совершенное мною в Трэнтридже. И ведь в ваших жилах течет кровь д'Эрбервиллей, а я — жалкий самозванец. Но каким слепым ребенком были вы, Тэсс! Я говорю совершенно серьезно: родители совершают преступление, воспитывая своих дочерей в полном неведении о том, какие сети расставляют для них злые люди. И родители виноваты, независимо от того, руководствовались ли они добрыми побуждениями или были попросту равнодушны.

Тэсс слушала молча: машинально, словно автомат, бросала она в корнерезку одну брюкву за другой, как любая другая батрачка на поле.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить об этом, — продолжал д'Эрбервилль. — Положение мое таково: после того как вы уехали из Трэнтриджа, моя мать умерла, и теперь поместье принадлежит мне. Но я хочу продать его и посвятить свою жизнь миссионерской деятельности в Африке; быть может, я приму духовный сан, может быть, просто буду состоять при миссии, — для меня это не имеет значения. Теперь вот о чем хочу я вас спросить:

дадите ли вы мне возможность исполнить мой долг, загладить единственным возможным для меня способом вину перед вами? Иными словами, согласны ли вы быть моей женой и вместе со мной уехать? Чтобы не терять времени, я уже получил вот это... И таково было желание моей умирающей матери.

Он смущенно вытащил из кармана кусок пергамента.

— Что это? — спросила она.

— Разрешение на брак.

— О нет, сэр, нет! — воскликнула она, отшатнувшись.

— Вы мне отказываете? Почему?

И на лице д'Эрбервилля отразилось разочарование, вызванное не только тем, что его лишили возможности исполнить долг. Ясно было: в нем снова вспыхнула прежняя страсть к ней; желание и долг шли рука об руку.

— Ведь вы, конечно... — заговорил он с большей настойчивостью и умолк, бросив взгляд на батрака, вертевшего ручку машины.

Тэсс тоже почувствовала, что здесь не место для таких разговоров. Сказав работнику, что хочет пройтись с джентльменом, который к ней приехал, она пошла рядом с д'Эрбервиллем по полю, полосатому, словно зебра. Когда они дошли до первой свежевспаханной полосы, он протянул руку, чтобы помочь ей, но она, будто не замечая, пошла вперед, шагая по комьям земли.

— Вы не хотите выйти за меня, Тэсс? Не хотите, чтобы я снова мог уважать себя? — спросил он, когда они миновали вспаханную полосу.

— Я не могу.

— Но почему?

— Вы знаете, что я вас не люблю.

— Но, быть может, любовь придет со временем, когда вы действительно меня простите?

— Нет, никогда!

— Почему так решительно?

— Я люблю другого.

Ответ, казалось, ошеломил его.

— Любите?! — воскликнул он. — Другого? Но разве сознание нравственного долга ни к чему вас не обязывает?

— Нет, не говорите этого!

— Но, быть может, ваша любовь к этому человеку является мимолетным чувством, которое вы преодолете...

— Нет... нет...

— Почему? Почему вы это отрицаете?

— Я не могу вам сказать.

— Но вы должны!

— Ну, хорошо... я вышла за него замуж.

— Ах! — воскликнул он и остановился как вкопанный, не спуская с нее глаз.

— Я не хотела говорить, — сказала она. — Здесь об этом не знают или, быть может, только смутно догадываются. И вы,

пожалуйста, не расспрашивайте меня. Вы должны помнить, что мы теперь чужие.

— Мы — чужие? Чужие!

На секунду, как в былые дни, на лице его появилась ироническая усмешка, но он тотчас же прогнал ее.

— Вот это ваш муж? — рассеянно спросил он, кивнув в сторону работника, вращавшего рукоятку машины.

— Этот человек? Конечно, нет! — гордо ответила она.

— Кто же?

— Не спрашивайте меня, я не хочу об этом говорить.

И, повернувшись к нему, она с мольбой подняла на него глаза, затененные темными ресницами.

Д'Эрбервилль смутился.

— Но я спрашиваю только ради вас! — с жаром возразил он. — Черт возьми! Бог да простит мне эти слова... Клянусь, я приехал сюда ради вашего блага! Тэсс, не смотрите на меня так... я не могу вынести вашего взгляда. Никогда еще не было на свете таких глаз, ни до, ни после рождества Христова. Нет, я не должен, не смею терять самообладание. Признаюсь, при виде вас во мне снова вспыхнула любовь к вам, а я-то думал, что она угасла, как и все другие страсти. Но я надеялся, что брак освятит нас обоих. «Неверующий муж освящается женой, а неверующая жена освящается мужем», — говорил я себе. Но план мой рухнул, а меня постигло разочарование.

Он задумался, хмуро уставившись в землю.

— Вышла замуж! Замуж!.. Ну, если дело обстоит так, — спокойно продолжал он, разрывая пополам разрешение и пряча клочки в карман, — если жениться на вас я не могу, то мне бы хотелось быть чем-нибудь полезным вам и вашему мужу, кто бы он ни был. Я о многом хочу спросить вас, но воздержусь, раз вы этого не хотите. Однако, если бы я знал вашего мужа, мне легче было бы помочь и вам и ему. Он здесь, на этой ферме?

— Нет, — прошептала она. — Он далеко отсюда.

— Далеко? Далеко от *вас*? Что же это за муж?

— О, не говорите о нем ничего плохого! Это произошло из-за вас. Он узнал...

— Ах, вот что! Это печально, Тэсс!

— Да.

— Но жить вдали от вас... заставлять вас так работать!

— Он не заставляет меня работать! — с жаром воскликнула она, заступаясь за отсутствующего. — Он ничего не знает! Я сама так хотела.

— Но он вам пишет?

— Я... я не могу об этом говорить. Есть вещи, которые касаются только нас двоих.

— Иными словами — не пишет. Вы — покинутая жена, моя прелестная Тэсс!

Он порывисто взял ее за руку, но на руке была толстая пер-

чатка, и, сжав грубые кожаные пальцы, он не почувствовал живой руки.

— Нет, не надо! — испуганно воскликнула она, вытаскивая руку из перчатки, словно из кармана, и оставляя в его руке кожаные пальцы. — О, уйдите! Ради меня... ради моего мужа... заклинаю вас вашим христианством!

— Да, да, ухожу, — ответил он отрывисто и, отдав ей перчатку, хотел уйти; потом снова повернулся к ней и сказал: — Тэсс, видит бог, у меня не было грешных мыслей, когда я взял вашу руку!

Увлеченные разговором, они не слышали мягкого топота копыт по вспаханной земле; лошадь остановилась неподалеку от них, и раздался голос:

— Черт возьми, чего ты бросаешь работу среди дня?

Фермер Гроби издали увидел прогуливающуюся пару и пожелал узнать, зачем они забралась в его владения.

— Не смейте так разговаривать с ней! — крикнул д'Эрбервилль, и лицо его потемнело от гнева, мало напоминающего христианские чувства.

— Вот оно что, мистер. А какие могут быть у нее дела с попами и методистами?

— Кто этот парень? — спросил д'Эрбервилль, взглянув на Тэсс.

Она подошла к нему ближе.

— Уходите, прошу вас!

— Как! И оставить вас с этим негодяем? По лицу видно, что это за грубиян!

— Он меня не обидит. Уж он-то в меня не влюблен. Я могу оставить ферму на благовещенье.

— Мне ничего не остается, как повиноваться. Но... Ну, прощайте!

Когда ее защитник нехотя удалился — защитник, которого она страшилась больше, чем обидчика, фермер снова стал ее ругать, но его брань Тэсс выслушала с величайшим хладнокровием, потому что боялась совсем иного обращения. Иметь хозяином этого тупого человека, который надавал бы ей пощечин, если бы только посмел, являлось для нее чуть ли не облегчением после прежних испытаний. Молча направилась она в тот конец поля, где работала; только что закончившееся свидание поглощало все ее мысли, и вряд ли она замечала, что лошадь Гроби почти касается носом ее спины.

— Если ты нанялась работать на меня до благовещенья, так уж я позабочусь о том, чтобы ты договор исполнила, — ворчал он. — Вот чертовы бабы — то одно у них, то другое. Ну, да я этого не потерплю!

Тэсс прекрасно знала, что других работниц он не притеснял так, как притеснял ее, не забыв о полученной пощечине. И на секунду она задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы она была свободна, приняла только что сделанное ей предложение

и стала женой богача Алека. Не пришлось бы ей тогда подчиняться грубому хозяину, да и всем тем, кто, казалось, теперь ее презирает.

— Нет! — прошептала она. — Я бы не могла выйти за него замуж! Очень уж он мне не нравится.

В тот же вечер она начала писать трогательное письмо Клэру, скрывая от него свои беды и заверяя в вечной своей любви. Всякий, кто умеет читать между строк, понял бы, что за великой ее любовью скрывается великий страх, чуть ли не отчаяние, — страх, вызванный какими-то обстоятельствами, о которых ни слова не сказано в письме... Но и на этот раз не закончила она своего послания... Он предлагал Изз ехать вместе с ним и, быть может, совсем ее не любит. Она спрятала письмо в сундучок и задумалась над тем, попадет ли оно когда-нибудь в руки Энджела.

Зима проходила для нее в тяжелой работе, и наконец настал день, знаменательный для всех земледельцев, — день сретенской ярмарки. На этой ярмарке заключались новые договоры на год, начиная с благовещенья, и те батраки, которые подумывали о том, чтобы подыскать другое место, неизменно отправлялись в город, где была ярмарка. Почти все работники с фермы Флинтком-Эш подумывали о полном расчете и рано поутру двинулись в город, находившийся милях в десяти — двенадцати, по холмистой дороге. Хотя Тэсс также намеревалась остаться только до благовещенья, однако она была в числе тех немногих, кто не пошел на ярмарку; смутно надеялась она на какую-то перемену, благодаря которой ей не нужно будет снова наниматься батрачкой на ферму.

Был тихий февральский день, удивительно теплый для этой

поры года, и можно было подумать, что зиме конец. Не успела она пообедать, как перед окном ее домика, где она осталась в этот день одна, появился д'Эрбервилль.

Тэсс вскочила, но гость уже стучал в дверь, и убежать она не могла. Стук д'Эрбервилля, походка его, когда он шел к двери, указывали на то, что со времени их последней встречи с ним произошла какая-то неуловимая перемена. Казалось, он стыдился того, что делал. Она хотела было не открывать дверь, но вряд ли и это имело смысл; подняв щеколду, она быстро отступила назад. Он вошел, увидел ее и, не поздоровавшись, сел на стул.

— Тэсс, я ничего не мог поделать! — с отчаянием начал он, вытирая лицо, покрасневшее от волнения. — Я должен был хотя бы зайти узнать, как вы живете. Клянусь, я совсем о вас не думал, пока мы не встретились в то воскресенье. А теперь меня преследует ваш образ, и я не могу от него избавиться! Грустно, что хорошая женщина причиняет зло дурному человеку, но это так! Если бы вы помолились обо мне, Тэсс!

Было что-то почти жалкое в этом тихом отчаянии, но Тэсс не чувствовала к нему жалости.

— Как я могу молиться о вас, — сказала она, — если мне запрещено верить в то, что великая сила, которая правит миром, ради меня изменит свои планы?

— И вы действительно так думаете?

— Да. Меня излечили от самонадеянных представлений.

— Излечили? Кто же?

— Мой муж, если уж вы хотите знать.

— Ах, ваш муж... ваш муж! Как это странно! Помню, что-то в этом духе вы мне говорили в прошлый раз. Во что же вы верите, Тэсс? — спросил он. — У вас как будто нет никакой религии... и, быть может, по моей вине.

— Есть, но ни во что сверхъестественное я не верю.

Д'Эрбервилль посмотрел на нее недоверчиво.

— Значит, вы считаете, что я избрал ложный путь?

— Да, более или менее.

— Гм... а я-то был так уверен, — встревоженно проговорил он.

— Я верю в дух Нагорной проповеди, в это верит и дорогой мой муж. Но я не верю...

И она перечислила все, что отрицала в религии.

— Понимаю, — сухо сказал д'Эрбервилль, — вы принимаете все, во что верит дорогой ваш муж, а все, что отрицает он, отрицаете и вы, не рассуждая и не задумываясь. Как это по-женски! Он поработил ваш ум.

— Да, потому что он все знает! — воскликнула она с такой горячей простодушной верой в Энджела Клэра, какую не только он, но и человек более совершенный вряд ли мог бы заслужить.

— Но не следует усваивать целиком чьи бы то ни было скептические взгляды. Нечего сказать, хорош ваш муж, если он учит вас скептицизму!

— Он никогда не навязывал мне своих взглядов. И никогда не хотел говорить со мной об этом. А я рассуждала так: то, во что верит он, хорошо знакомый с разными доктринами, ближе к истине, чем мои убеждения, потому что я никогда никаких доктрин не изучала.

— Ну, а что он говорил? Хотя что-нибудь должен же был он говорить?

Она задумалась; отдельные замечания Энджела Клэра она запомнила слово в слово, даже если смысл был ей непонятен, и сейчас повторила жестокий полемический силлогизм, который слышала от него, когда он размышлял при ней вслух, что случилось с ним нередко. С удивительной точностью она воспроизвела даже манеру говорить и интонации Клэра.

— Скажите еще раз,— попросил д'Эрбервилль, который слушал с глубоким вниманием.

Она повиновалась, а д'Эрбервилль шепотом повторял за ней слова.

— Быть может, вы еще что-нибудь запомнили? — спросил он.

— Однажды он сказал вот что...

И она повторила аргументы, которые можно было бы найти в целом ряде произведений, начиная от «*Dictionnaire Philosophique*»¹ и кончая «*Essays*»² Гексли.

— Как это вы запомнили?

— Я хотела верить в то, во что верит он, хотя он этого и не просил. И мне удалось выпытать у него кое-что. Не могу сказать, чтобы я все это хорошо понимала, но я знаю, что это правда.

— Гм... Любопытно, что вы меня учите тому, чего сами не знаете.

Он глубоко задумался.

— Вот я и пошла по его дороге,— продолжала она. — Мне не хотелось, чтобы пути у нас были разные. Что хорошо для него — то хорошо и для меня.

— А ему известно, что вы такой же скептик, как и он?

— Нет... если я и скептик, то я никогда ему об этом не говорила.

— Ну, Тэсс, теперь вы находитесь в лучшем положении, чем я! Вы не верите в мою религию, и поэтому вам не нужно ее проповедовать, совесть вас за это не упрекает. А я верю и знаю, что проповедовать я должен,— и трепещу, потому что я отказался от проповеди и не сумел справиться со своей страстью к вам.

— Что?

— Да,— сказал он устало,— весь этот путь я прошел сегодня, чтобы увидеть вас. Но, выходя из дому, я хотел идти на кэстербриджскую ярмарку, где должен был сегодня в половине

¹ «Философский словарь» (фр.).

² «Очерки» (англ.).

третьего говорить с фургона проповедь, и сейчас все братья ждут меня там. Вот и объявление.

Он вытащил из кармана объявление, возвещавшее о дне, часе и месте собрания, на котором он, д'Эрбервилль, должен был проповедовать слово божие.

— Но ведь вы же опоздаете! — воскликнула Тэсс, взглянув на часы.

— Я уже опоздал.

— И вы действительно обещали говорить проповедь?

— Да, обещал, но говорить не буду, потому что меня сжигает желание видеть женщину, которую я когда-то презирал! Нет, клянусь честью, вас я никогда не презирал! Иначе я бы не мог любить вас теперь! Не презирал, потому что вы, несмотря ни на что, — чистая женщина. Как быстро и решительно ушли вы от меня, когда поняли создавшееся положение! Вы не сделали моей игрушкой. И потому есть на свете женщина, к которой я не чувствую презрения, и женщина эта — вы. Ну, а теперь у вас есть основания презирать меня. Я думал, что поклоняюсь господу на горних высотах, но вижу, что все еще служу в рощах! Ха-ха!

— О Алек д'Эрбервилль, что же это значит? Что я сделала?

— Что вы сделали? — переспросил он глумливо. — Умышленно — ничего. Но вы были орудием — невинным орудием моего отступничества, как они это называют. Я спрашиваю себя, не я ли один из тех «рабов порока», которые, «раз избегнув скверн мира сего, вновь запутываются в сетях и терпят поражение», и последнее их падение хуже, чем первое?

Он положил руку ей на плечо.

— Тэсс, Тэсс, я был на пути к спасению, по крайней мере, в глазах общества, пока снова не увидел вас! — воскликнул он, ласково встряхивая ее за плечо, словно ребенка. — Зачем же вы меня искушали? Я был тверд, как может быть тверд мужчина, пока не увидел снова этих глаз, этого рта... Клянусь, со времени Евы не было такого соблазнительного рта! — Он понизил голос, черные глаза жарко сверкнули. — Вы искусительница, Тэсс, вы чародейка из Вавилона... я не мог устоять, как только увидел вас снова.

— Мы встретились не по моей вине, — сказала Тэсс, отодвигаясь от него.

— Я это знаю и повторяю, что вас я не виню. Но факт остается фактом. Когда я увидел, как обращаются с вами на этой ферме, я чуть с ума не сошел при мысли, что у меня нет законного права вас защищать, нет и быть не может! А тот, у кого это право есть, пренебрегает вами.

— Не смейте говорить о нем плохо! Его здесь нет! — горячо воскликнула она. — Относитесь к нему с уважением, он ничего плохого вам не сделал! И оставьте его жену в покое, пока еще не пошли сплетни, которые могут запятнать его честное имя!

— Да, — отозвался он, словно пробуждаясь от страшного сна. — Я нарушил обещание проповедовать слово божие этим

бедным пьяницам на ярмарке; впервые выкинул я такую штуку! Месяц тому назад я бы ужаснулся при одной мысли об этом. Я уйду... и поклянусь... если хватит сил, что не буду больше искать встреч... — И вдруг он изменил тон: — Один поцелуй, Тэсси, только один! В память старой дружбы...

— Я беззащитна, Алек! На мне лежит забота о добром имени честного человека... подумайте об этом... и постыдитесь!

— Да, да! О, боже!

Он сжал губы, возмущенный собственной слабостью. В глазах у него потемнело — угасла надежда и на любовь и на религию. Былые темные страсти, чьи следы почти стерлись с его лица после его обращения, казалось, воскресли и проступили наружу. Он ушел, словно колеблясь.

Хотя д'Эрбервилль и заявил, что в нарушении своего обещания видит лишь отступничество верующего, но слова Тэсс, являвшиеся отголоском речей Энджела Клэра, произвели на него глубокое впечатление, и оно не стерлось, когда он расстался с ней. Он шел тихо, словно придавленный мыслью, которая раньше и в голову бы ему не пришла: он начал понимать, что дальнейшее его служение невозможно. Рассудок был непричастен к его неожиданному обращению, которое, возможно, было всего-навсего причудой легкомысленного молодого человека, жаждущего новых ощущений и потрясенного смертью матери.

Те капли логики, какие Тэсс уронила в море его энтузиазма, охладили пыл Алека. Снова и снова возвращаясь к тем четким формулам, какие она ему сообщила, он подумал: «Этот умник не подозревал, что, толкуя с Тэсс о таких предметах, он прокладывает мне дорогу к ней!»

XLVII

На ферме Флинтком-Эш предстоит молотьба последней скирды пшеницы. Мартовский рассвет на редкость бесцветен, и нельзя угадать, в какой стороне восток. На фоне сумеречного неба поднимается верхушка скирды, имеющая форму трапеции; скирда стоит одиноко, вымытая и выбеленная зимними дождями и снегом.

Когда Изз Хьюэт и Тэсс пришли на поле, только по шороху и шелесту можно было догадаться, что другие их опередили; однако скоро небо начало светлеть, и на верхушке скирды вырисовались силуэты двух мужчин. Они энергично «готовили» скирду, то есть срывали с нее соломенную крышу, прежде чем сбрасывать вниз снопы. Между тем Изз, Тэсс и остальные батрачки, облаченные в светло-коричневые фартуки, дрожали от холода: фермер Гроби велел им прийти пораньше, чтобы к вечеру обязательно покончить с молотьбой. Возле самой скирды смутно виднелось красное чудовище, прислуживать которому пришли женщины. Это было деревянное сооружение с ремнями

и колесами — молотилка, которая деспотически испытывает выносливость мускулов и нервов.

Поодаль темнел другой неясный предмет — черный, сдержанно шипевший, и шипение это свидетельствовало о таившейся в нем силе; длинная труба поднималась к небу параллельно ясно; от этого предмета исходило тепло, и даже в темноте можно было угадать, что это — паровая машина, которой предстоит быть источником движения этого маленького мирка. Подле машины стояла темная неподвижная фигура, высокая, мрачная, покрытая сажей и словно погруженная в транс; у ног ее лежала куча углей; это был механик. Судя по виду и цвету одежды, можно было принять его за выходца из ада, который забрел сюда, в эту прозрачную и бездымную страну желтого зерна и бесцветной земли, совершенно ему чуждую, для того, чтобы изумлять и приводить в смущение ее обитателей.

И вел он себя соответствующе: работал вместе с земледельцами, но держался особняком. Он служил огню и дыму, а эти жители полей — злакам, погоде, морозу и солнцу. С фермы на ферму, из графства в графство путешествовал он со своей машиной, ибо в этой части Уэссекса паровая машина до сих пор еще вела бродячую жизнь. Он говорил со странным северным акцентом, был углублен в себя и не спускал глаз со своей железной спутницы, вряд ли замечая, что вокруг него происходит, и нимало этим не интересуясь. С местными жителями он общался лишь постольку, поскольку такое общение было необходимо, и словно по воле древнего рока скитался здесь, служа своему владыке Плутону. Длинный ремень, соединявший передаточное колесо его машины с красной молотилкой, стоявшей возле скирды, был единственным звеном, связывающим его с земледелием.

Пока снимали солому со скирды, он апатично стоял подле своего передвижного вместилища энергии, горячего и черного, вокруг которого вибрировал утренний воздух. В подготовительной работе он не принимал никакого участия. Угли были раскалены, пары разведены, и в любой момент он мог привести в движение длинный ремень, который по его воле будет двигаться с невероятной быстротой. Все, что находилось за пределами его машины, будь то пшеница, солома или хаос, нисколько его не интересовало. Если праздные зрители спрашивали его, кто он такой, он отвечал коротко: «Механик».

Когда скирду «приготовили», было уже совсем светло. Мужчины заняли свои места, женщины влезли наверх, и работа закипела. Фермер Гроби — или, как называли его, «он» — явился заблаговременно, и по его приказанию Тэсс встала на площадку машины, рядом с батраком, разсавшим пшеницу в молотилку; в ее обязанности входило развязывать снопы, которые передавала ей со скирды Изз Хьюэт. Затем батрак брал у нее сноп и бросал колосья на вращающийся барабан, который в одну секунду их обмолачивал.

После одной-двух заминок, порадовавших сердца тех, кто ненавидел машины, работа пошла на лад и продолжалась без перерыва до завтрака. На полчаса молотилку приостановили, а когда снова пустили в ход, то дело нашлось и для остальных батраков — они возводили скирду соломы рядом с уменьшавшейся скирдой пшеницы. Полдничали на скорую руку там, где работали, а часа через два настало обеденное время. Неумолимые колеса продолжали вращаться, а назойливый гул молотилки словно пронизывал насквозь всех, кто находился неподалеку от вращающейся проволочной клетки.

Старики, воздвигавшие соломенную скирду, толковали о тех временах, когда хлеб молотили цепами на дубовом току, когда даже при просевании зерна применялся только ручной труд, когда работа шла медленнее, но результаты были куда лучше. Те, что стояли на скирде пшеницы, также могли немного поболтать, но работники, в их числе и Тэсс, которые, обливаясь потом, обслуживали молотилку, не могли облегчить свой труд и коротким разговором. Эта непрерывная работа жестоко измучила Тэсс, и она начала сожалеть, что вообще пришла на ферму Флинтком-Эш. Женщины, стоявшие на скирде пшеницы, и особенно Мэриэн, могли оторваться от работы, чтобы глотнуть из фляжки эля или холодного чая и перебраться отдельными фразами, вытирая потное лицо или счищая приставшую к платью солому и шелуху. Но для Тэсс не было ни минуты отдыха; пока вращался барабан, батрак, бросавший в него пшеницу, не мог прервать работу, и Тэсс, подававшая ему развязанные снопы не могла передохнуть, если ее не сменяла Мэриэн, временами уступавшая ей свое место на полчаса, хотя Гроби и ворчал, что она развязывает снопы слишком медленно.

Из соображений скорее всего экономических на эту работу всегда назначали женщину, и Гроби поставил на молотилку Тэсс, мотивируя свой выбор тем, что была она не только сильной и выносливой, но и снопы развязывала быстрее, чем другие. Пожалуй, это было верно. Гул молотилки, мешавший разговорам, переходил в рев, когда иссякало в ней зерно. Так как Тэсс и работник ни на секунду не могли отвернуться от машины, то Тэсс понятия не имела о том, что незадолго до обеда на поле пришел какой-то человек и остановился возле второй скирды, следя за батраками и в особенности за Тэсс. Он был одет в модный суконный костюм и вертел в руках изящную трость.

— Кто это? — спросила Изз Хьюэт у Мэриэн. Сначала она задала этот вопрос Тэсс, но та не расслышала.

— Должно быть, чей-нибудь дружок, — кратко ответила Мэриэн.

— Ставлю гинею, что он бегаёт за Тэсс.

— Нет, за ней последнее время волочился методистский поп, а не этот франт.

— Да это он самый и есть.

— Проповедник? Ничуть не похож.

— Он снял черный сюртук и белый галстук, сбрил бакенбарды, но все-таки это он.

— Ей-богу? Ну, так я ей скажу,— заявила Мэриэн.

— Не надо. Она скоро сама его заметит.

— По-моему, не очень-то это хорошо — и проповедовать, и волочиться за замужней женщиной, даже если ее муж уехал за океан и оставил ее вроде как бы вдовой.

— Ну, у него ничего не выйдет,— сухо отозвалась Изз. — Ее так же трудно сдвинуть с места, как увязшую в грязи телегу,— она только о муже своем и думает. Ни ухаживание, ни проповеди, ни даже громы небесные не смогут расшевелить эту женщину, именно когда ей больше всего нужно, чтобы ее расшевелили.

Настал обеденный час, и молотилку остановили. Тэсс покинула свой пост; от тряски машины ноги ее так дрожали, что она едва могла идти.

— Следовало бы и тебе, по моему примеру, прикладываться к бутылочке,— сказала Мэриэн.— Тогда бы ты так

не побледнела. Ей-богу, можно подумать, что из тебя душу вытрясли!

Добродушная Мэриэн решила, что при виде гостя у измененной Тэсс пропадет аппетит, и хотела увести ее к лестнице, чтобы спуститься на другую сторону скирды, но в это время джентльмен выступил вперед и поглядел на них.

Тэсс тихонько вскрикнула: «Ох!» — и быстро сказала:

— Я пообедаю здесь, на скирде.

Нередко случалось им всем обедать таким образом, но сегодня дул резкий ветер, поэтому Мэриэн и другие батрачки спустились по лестнице со скирды и расположились возле стога соломы.

Этот джентльмен действительно был Алек д'Эрбервилль, еще недавно странствующий проповедник, но теперь и костюм его, и внешний вид резко изменились. С первого взгляда было видно, что им овладела прежняя жажда наслаждений. И — насколько это позволяли протекшие с тех пор три-четыре года — он снова превратился в того развязного красавца щеголя, каким Тэсс впервые увидела своего поклонника и так называемого кузена. Решив остаться на верхушке скирды, Тэсс уселась среди снопов, так что ее не было видно снизу, и принялась за обед. Вскоре она услышала, как кто-то взбирается по лестнице, и через секунду на верхушке скирды, которая превратилась теперь в продолговатую и ровную площадку, показался Алек. Шагая по снопам, он подошел к Тэсс и молча уселся против нее.

Тэсс продолжала доедать свой скромный обед — толстую лепешку, принесенную из дому. Между тем остальные работницы удобно расположились на разбросанной у скирды соломе.

— Как видите, я опять здесь, — сказал д'Эрбервилль.

— Зачем вы меня мучаете! — воскликнула она, и казалось, все ее существо дышало укоризной.

— Я мучаю вас? Мне кажется, я могу спросить, зачем вы меня мучаете?

— Но я вас не мучаю!

— Да? Ошибаетесь! Вы меня преследуете. Сейчас вы посмотрели на меня с горьким упреком — вот такими я вижу ваши глаза и днем и ночью! Тэсс, с тех пор как вы рассказали мне о нашем ребенке, все мои чувства, стремившиеся к небу, внезапно устремились к вам, словно шлюзы открылись и поток ринулся в новое русло. Русло веры отныне высохло, и это сделали вы, вы!

Она молча смотрела на него.

— Как, неужели вы совсем отказались от проповедования?! — воскликнула она.

Хотя она в известной мере и восприняла от Энджела скептицизм современной мысли, — во всяком случае, настолько, чтобы презирать чересчур бурное проявление религиозного энтузиазма, но сейчас она немного испугалась, как испугалась бы всякая женщина на ее месте.

С деланной суровостью д'Эрбервилль ответил:

— Окончательно. Я нарушал все обязательства с того дня, когда должен был произносить проповедь перед пьяницами на кэстербриджской ярмарке. Черт его знает, что думают теперь обо мне братья! Ха-ха! Братья! Несомненно, они обо мне молятся, оплакивают мое отступничество. По-своему они неплохие люди, но мне-то что? Мог ли я по-прежнему делать то, во что перестал верить? Это было бы самым гнусным лицемерием! Среди них я бы играл роль Гименея или Александра, которых препроводили к Сатане, чтобы они отучились кощунствовать. О, как вы мне отомстили! Я встретил вас, невинную, — и оболстл. Через четыре года вы встречаете меня, ревностного христианина, — и производите на меня такое впечатление, что, быть может, меня ждет теперь вечная погибель. Нет, Тэсс, моя кузюночка, как я вас называл в былые времена, ведь это только болтовня, и незачем вам делать такое озабоченное лицо. Конечно, вы виноваты только в том, что сохранили хорошенькое личико и красивую фигуру. Я вас увидел на верхушке скирды, когда вы меня еще не заметили... Этот узкий фартук обрисовывает вашу фигуру, а чепчик... вам, девушкам-работницам, во избежание беды, лучше не носить таких чепчиков.

Несколько секунд он молчал и смотрел на нее, потом с циничным смешком добавил:

— Думаю, если бы холостяк-апостол, чьим представителем я себя мнил, увидел такое хорошенькое личико — он, как и я, позабыл бы о своем долге.

Тэсс хотела было возразить, но эти последние слова лишили ее дара речи, и д'Эрбервилль продолжал как ни в чем не бывало:

— Ну, в конце концов, рай, который можете дать вы, не хуже, чем всякий другой. Но поговорим серьезно, Тэсс.

Он встал, подошел ближе и прилег на снопы, опираясь на локоть.

— С тех пор как мы виделись в последний раз, я обдумал то, что вы мне передавали с *его* слов. Я пришел к заключению, что этим старым, изношенным заповедям не хватает здравого смысла. Ума не приложу, как мог я заразиться энтузиазмом бедного пастора Клэра и с таким пылом заняться святым делом, что даже его самого превзошел! Ну, а то, что вы мне говорили в последний раз, со слов вашего удивительного супруга, чье имя до сих пор мне неизвестно, — об этической системе, не опирающейся на догму, — это меня совсем не устраивает.

— Но ведь вы можете исповедовать религию любви, доброты и целомудрия, хотя бы вы и не верили в то, что называют догматами.

— О нет! Это мне не по вкусу! Раз нет никого, кто бы мне сказал: «Если ты поступаешь вот так, то тебе будет хорошо после смерти, а если вот этак — будет скверно», — я не могу воспылать добродетелью. Черт возьми! Я не намерен взвешивать

свои поступки и страсти, раз нет никого, перед кем бы я должен был отвечать! Да и на вашем месте, моя дорогая, я бы рассуждал точно так же.

Тэсс пыталась возражать, — сказать, что его тупой мозг пугает теологию с моралью, тогда как на заре человечества эти два понятия ничего общего между собой не имели, но Энджел Клэр был сдержан, когда говорил на эту тему, а она была слишком необразованна и жила скорее эмоциями, чем рассудком, и поэтому ничего не могла доказать.

— Ну да стоит ли об этом говорить? — сказал он. — Я снова здесь, моя красавица, как и в былые времена!

— Нет, не так, как тогда! Теперь иначе! — взмолилась она. — И никогда я вас не любила. Ох, уж лучше бы у вас осталась ваша вера, вы бы так не говорили со мной.

— Веры меня лишили вы, и да падет вина на вашу милую головку! Ваш муж не подозревал, что его слова обратятся против него самого! Ха-ха! Я ужасно рад, что вы сделали меня вероотступником, Тэсс! Я в вас влюблен больше, чем когда бы то ни было, и вдобавок мне вас жаль. Хотя вы и молчите, а все-таки я вижу, что живется вам плохо, — вами пренебрегает тот, кто должен о вас заботиться.

Кусок не шел ей в горло, губы пересохли, она задыхалась. Голоса и смех обедавших внизу, на соломе, едва доходили до ее слуха, словно они находились за четверть мили отсюда.

— Вы жестоки ко мне, — сказала она. — Разве могли бы вы говорить со мной так, если бы хоть немного меня любили?

— Правда, правда, — отозвался он, нахмурившись. — Я пришел не для того, чтобы упрекать вас за мои проступки. Тэсс, я не хочу, чтобы вы так много работали, я для вас пришел сюда. Вы говорите, что вы замужем, и не я — ваш муж. Быть может, вы сказали мне правду, но я его никогда не видел, его имя вы скрыли, и вообще он кажется мне мифом. Но даже если у вас есть муж, я считаю — я вам ближе, чем он. Все-таки я пытаюсь помочь вам в беде, чего не делает он, да благословит небо этого невидимку! Мне припоминаются слова сурового пророка Осии, которого я, бывало, читал. Вы их знаете, Тэсс? «Погонится за любовником своим, но не догонит его, и будет искать его, но не найдет, и скажет: пойду я и возвращусь к первому мужу моему, ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». Тэсс, моя двуколка ждет у подножия холма, а остальное вам известно, любимая моя... не его!

Она густо покраснела, пока он говорил, но не ответила ни слова.

— Вы были причиной моего отступничества, — продолжал он протягивая руку, чтобы обнять ее за талию, — поэтому вы должны разделить мою судьбу и навсегда оставить этого осла, которого называете своим мужем.

У нее на коленях лежала одна из кожаных перчаток, которую она сняла, когда принялась за обед; не говоря ни слова,

она схватила ее и, размахнувшись, ударила его по лицу. Перчатка была толстая и тяжелая, как рукавица воина, а удар пришелся прямо по губам. Ее закованные в латы предки не раз нанесли такие удары, и при наличии пылкой фантазии можно было подумать, что в поступке Тэсс сказались ее кровь. Алек, лежавший на снопах, вскочил. Алая капля выступила на губе, а через секунду кровь закапала на солому. Но он быстро овладел собой, спокойно вынул носовой платок из кармана и вытер окровавленные губы.

Она тоже вскочила, но тотчас же опустилась снова на снопы.

— Ну, накажите меня,— сказала она, глядя на него испуганно и вызывающе, словно воробей, которому вот-вот свернут шею.— Ударьте меня, прибейте! Можете не бояться этих людей там, у стога! Кричать я не буду. Однажды жертва — на всю жизнь жертва!.. Таков закон!

— Ну что вы, Тэсс,— невозмутимо сказал он.— Я понимаю ваши чувства. Однако вы ко мне очень несправедливы, забывая, что я женился бы на вас, если бы вы не лишили меня этой возможности. Разве я не просил вас быть моей женой? Отвечайте.

— Просили.

— А вы не могли согласиться. Но запомните одно!..— Голос его стал жестче; гнев овладел им, когда он вспомнил, как искренне просил ее быть его женой и как отблагодарила она его сейчас. Он подошел к ней и схватил ее за плечи, так что она покачнулась.— Помни, когда-то я был твоим господином. И снова им буду. Твой единственный и настоящий муж — я.

Снизу донесся шум — молотильщики поднимались с земли.

— Ну, кончим ссориться,— сказал он, отпуская ее.— Сейчас я вас оставляю, а за ответом приду позднее. Вы меня еще не знаете. Но я-то вас знаю!

Она молчала, словно оглушенная. Д'Эрбервилль зашагал по снопам и спустился по лестнице, а внизу потягивались отяжелевшие от пива работники. Снова пустили в ход молотилку, снова зашуршала солома, а Тэсс, двигаясь, словно во сне, вернулась на свое место возле гудящего барабана и начала развешивать один сноп за другим.

XLVIII

После обеда фермер объявил, что скирду нужно обмолотить сегодня, хотя бы пришлось работать при луне, так как механик со своей машиной отправляется завтра на другую ферму. Стук, гул, шелест возобновились и почти ни на секунду не затихали.

Было около трех часов, когда Тэсс улучила минутку, чтобы поднять глаза и осмотреться по сторонам. Она почти не уди-

вилась, увидев, что Алек д'Эрбервилль вернулся и стоит у ворот около изгороди. Поймав ее взгляд, он помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй. Этим он давал знать, что ссора забыта. Тэсс снова опустила глаза и упорно старалась не смотреть в ту сторону.

Медленно тянулся день. Скирда пшеницы оседала, скирда соломы росла, а мешки с зерном увозили в амбар. К шести часам вечера пшеничная скирда стала высотой всего лишь по плечи. Но казалось, не счесть было оставшихся снопов, хотя ненасытная молотилка поглотила бесчисленное количество их, и все снопы прошли через руки батрака и Тэсс, кормивших чудовище. А гигантская скирда соломы, выросшая там, где утром ничего не было, являлась как бы испражнениями этого гудящего красного обжоры. К концу пасмурного дня запад окрасился зловещим багрянцем, — неистовый март не мог подарить лучшего заката, — и медный свет залил усталые, потные лица молотильщиков и развевающуюся одежду женщин, которая льнула к телу, словно языки тусклого пламени.

Все задыхались от усталости. Выбился из сил батрак, кормивший молотилку; Тэсс видела, что к его красной шее пристали грязь и шелуха. Она все еще стояла на своем посту; разгоряченное, потное лицо ее было покрыто пшеничной пылью, от которой потемнел белый чепчик. Она была единственной женщиной, стоявшей на площадке сотрясавшейся молотилки; по мере того как понижалась скирда, Мэриэн и Изз все дальше отодвигались от нее и теперь уже не могли меняться с ней местами. Вместе с машиной сотрясались все мускулы Тэсс, и постепенно она впала в оцепенение, руки ее работали независимо от нее самой. Вряд ли сознавала она, где находится, не слышала, как Изз Хьюэт крикнула ей снизу, что у нее распустилась коса.

Даже самые сильные начали изнемогать, лица у всех были землистого цвета, глаза запали. Поднимая голову, Тэсс видела все тот же гигантский стог соломы, а на нем сбросивших куртки батраков, которые вырисовывались на фоне серого северного неба; словно лестница Иакова, возвышался длинный красный транспортер, по которому непрерывным потоком поднималась солома — желтая река, стремящаяся вверх и разливающаяся по верхушке скирды.

Тэсс знала, что Алек д'Эрбервилль остался на поле и следит за ней, но где он стоит, она не могла сказать. Сейчас его присутствие можно было объяснить: обычно, когда оставался последний слой снопов, начиналась охота за крысами, и в этой забаве принимали участие люди, не имеющие к молотье никакого отношения, — всевозможные любители подобных развлечений, джентльмены с терьерами и рожками, простые парни с палками и камнями.

Однако нужно было работать еще около часу, чтобы добраться до крыс, прикотившихся под скирдой. Когда вечерняя

заря угасла над холмом Великана близ Эбботс-Сернела, белолыцая мартовская луна поднялась над горизонтом с той стороны, где находилось Миддлтонское аббатство и Шотсфорд. В течение последних двух часов Мэриэн все сильнее беспокоилась о Тэсс, к которой не могла приблизиться настолько, чтобы та ее услышала. Другие женщины подкреплялись элем, но Тэсс ничего не пила, так как еще в детстве узнала, к чему это приводит. Однако она держалась на ногах: если бы силы ей изменили, ее прогнали бы с фермы; месяц или два назад она бы отнеслась к этому равнодушно, быть может, даже обрадовалась, но с тех пор, как д'Эрбервилль начал охотиться за ней, мысль о потере места приводила ее в ужас.

Работники, разбиравшие скирду и бросавшие снопы в молотилку, могли теперь свободно разговаривать с теми, кто стоял на земле. К великому удивлению Тэсс, фермер Гроби влез на площадку машины и сказал ей, что если она хочет пойти к своему другу, то он возражать не станет, а на ее место поставит кого-нибудь другого. Она поняла, что «другом» был д'Эрбервилль, а фермер оказывает ей снисхождение, исполняя просьбу этого друга — или врага. Не прерывая работы, она покачала головой.

В конце концов добрались до крыс, и охота началась. Зверьки залезали все глубже в пшеницу, по мере того как оседала скирда, и наконец очутились на земле. Когда исчез последний слой снопов и крысы бросились врассыпную, громкий вопль полупьяной Мэриэн возвестил ее товаркам, что одна из крыс напала на ее особу. Остальные женщины заранее приняли меры, подоткнув юбки или заняв места повыше. Крысу наконец прогнали. По всему полю раздавался лай собак, крики мужчин, визг женщин, ругань, топот, и в этом вавилонском столпотворении Тэсс развзала последний сноп. Остановили молотилку, гул стих, и Тэсс спустилась с площадки на землю.

Ее поклонник, не принимавший участия в охоте на крыс, тотчас же очутился подле нее.

— Как... вы все-таки здесь... после моей пощечины? — прошептала она; усталая, она не могла говорить громко.

— Я был бы дураком, если бы обижался на вас, как бы вы со мной ни обращались,— сказал он вкрадчиво, как говаривал, бывало, в Трэнтридже.— Как дрожат маленькие ножки! Вы сейчас слабенькая, как большой теленок, и сами это знаете. А ведь вы могли бы не работать, с тех пор как я пришел. Зачем было упрячиться? Я сказал фермеру, что он не имеет права ставить на такую работу женщин. Не женское это дело, и он прекрасно знает, что на всех хороших фермах отказались от этого обычая. Я провожу вас домой.

— Хорошо,— отозвалась она, едва передвигая ноги,— проводите меня, если хотите. Я помню, что вы собирались жениться на мне, когда еще не знали о моем замужестве. Быть может... быть может, вы лучше и добрее, чем я думала. За

доброту вашу я вам благодарна, но за другое сержусь на вас. Иногда я не могу понять, что у вас на уме.

— Если я не имею права узаконить прежние наши отношения, то, во всяком случае, могу вам помочь. И помогать буду, стараясь по мере сил щадить ваши чувства, чего не делал раньше. С моей религиозной манией, — называйте это, как хотите, — покончено. Но кое-что хорошее во мне осталось. Надеюсь, что осталось. Послушайте, Тэсс, заклинаю вас всем лучшим в отношении между женщиной и женщиной, доверьтесь мне! Денег у меня достаточно, больше чем достаточно, чтобы избавить от нужды и вас, и ваших родителей, и сестер. Я их обеспечу, если только вы отнесетесь ко мне с доверием.

— Вы недавно их видели? — быстро спросила она.

— Да. Они не знали, где вы. Только случай помог мне отыскать вас здесь.

Сквозь ветки живой изгороди холодная луна посматривала на измученное лицо Тэсс, остановившейся перед домиком, где она жила. Д'Эрбервилль стоял подле нее.

— Не говорите о моих маленьких братьях и сестрах. Я теряю последние силы, когда вы говорите о них, — сказала она. — Если вы хотите им помочь — а богу известно, как они в этом нуждаются, — помогайте, но только не говорите мне... Нет, нет! — воскликнула она. — Я ничего от вас не приму — ни для них, ни для себя!

Он не вошел в дом, так как Тэсс жила вместе с хозяевами и всегда была на людях. Помывшись в лохани, Тэсс поужинала с хозяевами, потом глубоко задумалась и пересела к столу, стоявшему у стены, где при свете маленькой лампы начала писать, повинувшись страстному порыву:

«Мой дорогой муж, позволь мне называть тебя так. Я не могу иначе, даже если ты сердисься, думая о такой недостойной жене, как я. Я не могу не сказать тебе о моем горе, — кроме тебя, никого у меня нет!.. Меня так жестоко искушают, Энджел. Я не смею сказать, кто он, и не хочу об этом писать. Но ты представить себе не можешь, как я нуждаюсь в тебе! Не можешь ли ты приехать ко мне сейчас, немедля, пока ничего ужасного не случилось? О, я знаю, что не можешь, ты так далеко! Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе. Я заслужила наказание, которое ты наложил на меня, — знаю, что заслужила, и ты имеешь полное право на меня сердиться, ты справедлив ко мне. Но, Энджел, прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне, даже если я этого не достойна, — и приезжай. Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть — зная, что ты меня прости.

Энджел, я живу только для тебя. Я слишком тебя люблю, чтобы упрекать за то, что ты уехал, и знаю, что ты должен

был найти ферму. Не думай, что услышишь от меня хоть одно злое или горькое слово. Только вернись ко мне. Без тебя я тоскую, мой любимый. Так тоскую! Это ничего, что я должна работать. Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «Скоро приеду»,— о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!

С тех пор как мы поженились, быть верной тебе в словах и помыслах стало моей религией, и если кто-нибудь скажет мне вдруг любезность, мне кажется, что это обида тебе. Неужели ты больше ничего не чувствуешь ко мне и кончилось все, что было на мызе? А если нет, то как же ты можешь жить вдаль от меня? Я все та же женщина, Энджел, которую ты полюбил, да, все та же! И совсем не та, которая тебе так не нравилась, хотя ты ее никогда не видел. Чем стало для меня прошлое, как только я тебя встретила? Оно умерло. Я сделалась другой женщиной, и ты наполнил меня до краев новой жизнью. Могли ли я быть теперь той, прежней? Как ты этого не понимаешь? Милый, если бы ты был хоть чуточку тщеславен и уверен в себе, ты понял бы, что у тебя хватило сил изменить меня всю, и тогда, пожалуй, ты мог бы приехать ко мне — твоей бедной жене.

Как глупа я была, когда, счастливая, думала, что могу верить в твою вечную любовь ко мне! Следовало бы мне знать, что такая любовь не для меня, несчастной! Но меня терзает не только прошлое, но и настоящее. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день хотя бы одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел свою бедную, одинокую Тэсс.

Энджел, говорят, что я все еще хорошенькая (меня называют красавицей, уж если говорить правду). Быть может, это верно. Но мне-то не нужна моя красота. Я радуюсь ей только потому, что она принадлежит тебе, мой дорогой, и, может быть, кроме нее, нет у меня ничего, достойного тебя. И вот поэтому-то, когда меня из-за нее доняли, я обвязала лицо платком и старалась подольше не снимать повязки. О Энджел, все это я говорю тебе не из тщеславия,— ты ведь знаешь, что я не тщеславна,— а только для того, чтобы ты ко мне приехал!

Если ты действительно не можешь ко мне приехать, то позволь мне приехать к тебе. Говорю тебе — я измучена, меня заставляют делать то, чего я не хочу делать. Быть того не может, чтобы я хотя бы чуть-чуть уступила, но мне страшно при мысли о том, до чего может довести случай, а первая моя вина делает меня такой беззащитной. Больше не могу говорить об этом — очень уж тяжело. Но если я не устою и попаду в какую-нибудь страшную ловушку, теперь мне будет хуже, чем было в первый раз. О, боже, я и подумать об этом не могу! Позови меня к себе, позови скорее или сам приезжай ко мне!

Я была бы довольна — нет, счастлива! — быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать, что ты мой.

Солнечный свет меня не радует, раз тебя здесь нет, и не хочется смотреть на грачей и скворцов в полях, потому что мы вместе на них смотрели, а теперь я тоскую без тебя. Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землею — увидиться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай и спаси меня от того, что мне угрожает!

Твоя верная и несчастная Тэсс».

XLIX

Послание было своевременно доставлено к завтраку в тихий дом священника на западе той долины, где воздух такой мягкий, а земля такая тучная, что возделывание полей не требует тяжких усилий, как в Флинтком-Эше, и где даже люди, по мнению Тэсс, принадлежат к какой-то иной породе (хотя в действительности они везде одинаковы). Заботясь о том, чтобы письма не пропадали, Энджел посоветовал Тэсс писать на имя отца, которого не забывал уведомлять о переменах своего адреса в той стране, куда с тяжелым сердцем отправился на разведку.

— Ну вот,— сказал старый мистер Клэр жене, прочтя адрес на конверте,— если Энджел в конце будущего месяца намеревается, как он нам писал, покинуть Рио и посетить родину, то это письмо, пожалуй, ускорит его отъезд; мне кажется, оно от его жены.

Он глубоко вздохнул, и письмо было тотчас переадресовано Энджелу.

— Милый мой мальчик! Надеюсь, он благополучно вернется домой,— прошептала миссис Клэр.— До конца жизни я буду считать, что мы были к нему несправедливы. Ты должен был бы послать его в Кембридж, несмотря на его неверие, и дать ему такое же образование, какое получили старшие братья. При благотворном влиянии он изменил бы свои взгляды и, быть может, в конце концов принял сан. И, во всяком случае, это было бы справедливее по отношению к нему.

Это был единственный упрек в отношении их сыновей, который миссис Клэр позволяла себе делать мужу. Да и этот упрек повторяла она нечасто, так как была женщиной не только благочестивой, но и мягкой. Она знала, что и его тревожат сомнения, справедливо ли он поступил в данном случае. Частенько слышала она, как в часы бессонницы, он, сдерживая вздохи, молится об Энджеле. Впрочем, непреклонный евангелист и теперь считал, что не вправе был дать своему неверующему сыну то же академическое образование, какое полу-

чили его братья,— вполне возможно и даже весьма вероятно, что Энджел использовал бы свои познания для опровержения тех самых доктрин, служение которым его отец сделал целью своей жизни и жизни двух старших сыновей. Возводить одной рукой пьедестал для двух верующих, а другой — для неверующего казалось ему поступком, не соответствующим его убеждениям, положению и надеждам. Тем не менее он любил своего сына, столь неудачно названного Энджелом ¹, и втайне сокрушался по поводу своего решения в отношении сына, подобно тому как сокрушался Авраам, поднимаясь с обреченным Исааком на гору. И немая его скорбь была мучительнее тех упреков, какие приходилось ему слышать от жены.

Они считали себя виновниками этого неудачного брака. Если бы Энжделу не суждено было стать фермером, он не общался бы с деревенскими девушками. Они не знали, что именно привело его к разрыву с женой, и не знали, когда произошел этот разрыв. Сначала они предполагали, что он вызван какой-то непреодолимой неприязнью. Но в последних письмах Энджел вскользь упоминал о том, что собирается приехать за ней и увезти с собой; теперь они начали надеяться, что разрыв между ними вызван обстоятельствами, которые в конце концов можно устранить. Он им сказал, что она живет со своими родными, и, теряясь в догадках, они решили не вмешиваться в отношения, которых не могли изменить к лучшему.

Тот, кому адресовано было письмо Тэсс, созерцал в это время бесконечные равнины со спины мула, который вез его из центральных областей Южной Америки к побережью. В этой чужой стране Энджелу не повезло. Он все еще не мог оправиться после тяжелой болезни, которую перенес вскоре по приезде, и почти готов был отказаться от мысли приобрести здесь ферму, но скрывал это от своих родителей, пока еще у него оставались сомнения.

Толпы земледельцев, ослепленных надеждой на легкую и свободную жизнь и эмигрировавших вместе с ним в эту страну, страдали и вымирали. Видел он матерей с английских ферм, — они брели пешком, неся на руках детей. Когда дети заболели лихорадкой и умирали, мать голыми руками рыла в рыхлой земле могилу ребенку, проливая слезы и, засыпав яму, плелась дальше.

Первоначально Энджел не думал эмигрировать в Бразилию, он хотел приобрести ферму на родине, в одном из северных или восточных графств. Сюда он приехал в припадке отчаяния, и случилось так, что тяга в Бразилию, захватившая английских земледельцев, совпала с тем моментом, когда им овладело желание бежать от прошлой своей жизни.

За время своего отсутствия он духовно повзрослел лет на

¹ Имя Энджел означает по-английски Ангел.

десять. Теперь он ценил в жизни не столько красоту, сколько долг. Давным-давно отвергнув старые мистические системы, он пересмотрел и старый кодекс морали, придя к выводу, что и он нуждается в изменениях. Кого можно назвать нравственным человеком? И вопрос еще более существенный: что значит быть нравственной женщиной? Красота или уродство природы проявляются не только в уже совершенном, но и в стремлениях и импульсах; подлинная история человека определяется не тем, что он совершил, но тем, что хотел совершить.

А если так, то что же представляла собой Тэсс?

Теперь он видел ее в ином свете и начал сожалеть о том, что поторопился вынести ей приговор. Навеки он от нее отвернулся или нет? Он не мог утверждать, что будет ее отвергать всегда, а раз так, значит, он уже принимал ее теперь.

Нарастающая нежность к ней возникла в тот период, когда она жила в Флинтком-Эше, но еще не смела смутить его покой и написать о своей жизни или своих чувствах. Это приводило его в недоумение; не понимая, почему она не пишет, он не спрашивал о мотивах. Таким образом, смиренное ее молчание было истолковано неправильно. Каким оно было, в сущности, красноречивым, если бы только он мог его понять! Она буквально исполняла приказание, отданное им и забытое; смелая от природы, она тем не менее отказывалась от всех своих прав, признавала его приговор вполне справедливым и молча склонялась перед ним.

Когда Энджел верхом на муле возвращался к побережью, с ним ехал еще один человек. Этим спутником был англичанин, прибывший с той же целью, что и Энджел, но родом из другой части острова. Оба находились в угнетенном состоянии и беседовали о личных своих делах. Откровенность вызывает на откровенность. Людям, скитающимся в далеких странах, свойственно открывать чуть ли не первому встречному такие стороны своей жизни, о каких они никогда не заикнулись бы в разговоре с друзьями, — и Энджел, путешествуя с этим человеком, рассказал ему печальную историю своей женитьбы.

Незнакомец побывал во многих странах и знал обычаи многих народов — несравненно больше, чем Энджел. Для его космополитического мышления подобные уклонения от социальных норм, столь серьезные для нашей морали, не имели никакого значения, как не имеют значения для формы земного шара долины и горные цепи. Он взглянул на дело с совершенно иной точки зрения; он считал, что прошлое Тэсс несущественно, важно лишь одно: какой женой могла она стать, и Клэру он заявил откровенно, что тот не должен был уезжать от нее.

На следующий день их застигла гроза, и они вымокли до нитки. Спутник Энджела заболел лихорадкой и в конце недели умер. Клэр задержался на несколько часов, чтобы похоронить его, а затем продолжал путь.

Слова, мимоходом брошенные незнакомцем, беспристраст-

ным человеком,— о его жизни Клэр решительно ничего не знал и фамилию его услышал впервые,— были как бы освящены его смертью и произвели на Клэра более сильное впечатление, чем всевозможные рассуждения философов об этике. Сравнивая себя с ним, он устыдился узости своих взглядов. Собственная его непоследовательность стала очевидной. Ведь он всегда превозносил эллинское язычество, предпочитая его христианству. А у эллинов незаконная связь вовсе не была для женщины позором. Стало быть, его отвращение к недевственности, унаследованное им вместе с мистическим вероучением, вряд ли может быть оправдано, если девушка пала жертвой коварства. Он почувствовал угрызения совести. Припомнились запечатлевшиеся в памяти слова Изз Хюзт. Он спросил Изз, любит ли она его, и девушка ответила утвердительно. Любит ли она его больше, чем Тэсс? Нет, ответила она; Тэсс готова жизнь отдать за него, а больше и она сама не может сделать.

Тэсс вспомнилась ему такой, какой была в день свадьбы. Как не сводила она с него глаз, как прислушивалась к его словам, словно считала его божеством. А в тот страшный вечер у камина, когда ее простая душа раскрылась перед ним, каким жалким казалась ее лицо, освещенное пламенем: она не в силах была понять, что он может лишиться ее своей любви и защиты.

И так из обвинителя он превращался в ее защитника. Прежде, если он думал о ней, ему в голову приходили циничные мысли, но ни один человек не может быть всю жизнь только циником, и он прогнал эти мысли. Возникли они потому, что он подчинился влиянию общих принципов, пренебрегая особенностями данного случая.

Но все размышления на эту тему далеко не новы; любовники и мужа и раньше проходили через это. Клэр был жесток по отношению к ней, в этом не может быть сомнения. Часто, слишком часто мужчины бывают жестоки к женщинам, которых любят или любили, а женщины — к мужчинам. Но жестокость эта кажется нежностью по сравнению с той всеобщей жестокостью, из которой она вырастает,— жестокостью обстоятельств к человеку, жестокостью средств к цели, жестокостью сегодняшнего дня ко вчерашнему, а завтрашнего дня к сегодняшнему.

Предки Тэсс — могущественный род д'Эрбервиллей, к которому он относился с презрением как к растратившему свои силы,— теперь производили на него совсем иное впечатление. Почему не понимал он раньше, что подобные вещи можно оценивать не только политически? Что они многое дарят воображению? С этой точки зрения происхождение Тэсс было фактом огромной значимости; теперь род Тэсс не играл никакой роли в экономической жизни страны, но ее происхождение оставалось весьма важным стимулом для мечтателя и для моралиста, рассуждающего о падении и гибели. Этот факт,— это маленькое отличие, сохранившееся в крови и фамилии бедной Тэсс,—

будет очень скоро забыт, и будет предана забвению ее наследственная связь с мраморными памятниками и свинцовыми гробами в Кингсбуре. Как безжалостно уничтожает Время свою же собственную романтику! Снова и снова представляя себе лицо Тэсс, он думал теперь, что замечал в нем то гордое достоинство, которое, наверно, отличало ее благородных прабабок. И это видение вновь вызвало в его сердце прежнее чувство, сопровождавшееся какой-то неясной болью.

Хотя прошлое ее не было безупречно, но в Тэсс было нечто гораздо более драгоценное, нежели свежесть ее товаров. Разве оставшиеся после сбора урожая гроздьи в вертограде Ефрема не были вкуснее всего винограда Авии?

Так вещала возрождающаяся любовь, расчищая путь для смиренных излиятий Тэсс, которые были только что отправлены Клэру его отцом, но из-за дальности расстояния они не скоро могли быть услышаны.

Между тем надежды Тэсс на возвращение Энджела в ответ на ее мольбу то разгорались, то угасали. Гасли они потому, что в обстоятельствах, приведших к разлуке, никаких изменений не произошло — не могло произойти, а если искупление не пришло, когда она была с ним, тем более не могло это случиться в ее отсутствие. Однако она все время думала о том, как бы ему понравиться, если он вернется. Она сожалела, что не постаралась запомнить те мелодии, какие он играл на арфе, не выпытала у него, какие баллады, распеваемые деревенскими девушками, он любит. Она осторожно расспрашивала об этом Эмби Сидлинга, который приехал вслед за Изз из Тэлботейса, а Эмби случайно запомнил, что из тех песенок, какие распевали они на мызе, чтобы легче было доить коров, Клэр, казалось, отдавал предпочтение «Садам Купидона», «Есть у меня парк, есть у меня гончие» и «На рассвете», но равнодушно выслушивал «Штаны портного» и «Какой я выросла красоткой», хотя это и прекрасные песенки.

Теперь Тэсс хотелось петь эти баллады как можно лучше. Частенько она распевала их, когда оставалась одна, в особенности «На рассвете»:

Проснись, проснись, проснись
И милочке своей
Нарви букет цветов —
Тех, что в саду растут.
Все горлинки, смогри,
Вьют гнезда на ветвях
Весеннею порой
На утренней заре.

Даже камень и тот был бы растроган, услышь он, как пела она эти песни холодной ранней весной, если случалось ей работать в стороне от других девушек. Слезы струились у нее по щекам: она думала, что, наверно, он все-таки не придет и не услышит ее, и простые глупые слова песни звучали как насмешка, терзая ее измученное сердце.

Погруженная в мечты, Тэсс словно не замечала, что время идет, дни становятся длиннее, и благовещенье, когда окончится срок ее пребывания на ферме, уже не за горами.

Но до благовещенья произошло событие, которое направило ее мысли в другую сторону. Однажды вечером она сидела, по обыкновению, в общей комнате вместе с хозяевами, когда кто-то постучал в дверь и спросил, здесь ли Тэсс. На фоне сумеречного неба вырисовывалась в дверях высокая фигура — ее можно было принять за взрослую женщину, не будь она худенькой и тонкой, как ребенок. В сумерках Тэсс не узнала прошедшую, пока та не назвала ее по имени.

— Как, это ты, Лайза Лу? — удивилась Тэсс.

Сестра ее, которую год тому назад она оставила ребенком, вдруг выросла, стала девушкой, но вряд ли сама понимала происшедшую с ней перемену. Юбка, когда-то длинная, была ей теперь коротка, а тонкие ноги и руки, которые она не знала куда девать, красноречиво свидетельствовали о ее молодости и неопытности.

— Да, Тэсс, я целый день шла пешком, — сказала Лу с невозмутимой серьезностью, — старалась отыскать тебя и очень устала.

— Что случилось?

— Матери очень плохо, доктор сказал, что она умирает. Да и отец тоже плох и все говорит о том, что не годится человеку из такой знатной семьи работать не покладая рук, как простому крестьянину. Вот мы и не знаем, что нам делать.

Тэсс так глубоко задумалась, что не сразу догадалась позвать Лайзу Лу в дом. Усадив ее и напоив чаем, она приняла наконец решение. Ей необходимо вернуться домой. Срок договора еще не истек, но так как до шестого апреля, до дня благовещенья, осталось мало времени, она решила рискнуть и уйти немедленно.

Отправляясь в путь этим же вечером, она выигрывала целый день, но сестра ее так устала, что должна была отдохнуть до утра. Тэсс сбегала к Мэриэн и Изз, рассказала о случившемся и попросила замолвить за нее словечко перед фермером. Вернувшись, она покормила Лу, уложила ее в свою постель, потом собрала кое-какие вещи, которые могли поместиться в плетеной корзинке, и отправилась в путь, приказав Лу выйти на следующее утро.

L

Когда пробило десять часов, она вышла в холодную, темную ночь, — ей предстояло пройти пятнадцать миль под стальными звездами. В пустынной местности ночь не страшна путнику, скорее она защищает его от опасности, — и, зная это, Тэсс выбрала кратчайший путь: шла она проселочными дорогами, по которым не решилась бы идти днем. Грабителей в этих

краях не было, а мысль о больной матери прогнала призрачные страхи. Так шла она милю за милей, то поднимаясь на холмы, то спускаясь в долины, пока не добрела к полуночи до Балбэрроу, и с вершины посмотрела вдаль, где в хаосе ночных теней лежала долина, в которой она родилась. Около пяти миль прошла она по горному плато, ей оставалось пройти еще десять — одиннадцать миль по равнине. При бледном свете звезд едва можно было различить извилистую дорогу, а когда Тэсс спустилась по ней в долину, разница между плоскогорьем и низиной была столь ощутима, что воспринималась даже по запаху, а при ходьбе — по мягкости почвы. Это была тучная Блекмурская долина, та часть ее, где на дорогах не увидишь ни одной заставы. В таких уголках земли крепко держатся суеверий. Когда-то здесь был лес, и сейчас, в темную ночную пору, он как будто снова возник из небытия, перспектива исчезла, и каждое дерево, каждый куст принимали чудовищные размеры. Олени, за которыми некогда охотились здесь, ведьмы, которых пытали и окунали в воду, осыпанные зелеными отблесками феи, хохотавшие вслед путнику, — вера в них еще жила и возвращала к жизни всю эту нечисть.

В Натлбери она прошла мимо деревенской харчевни, и вывеска закрипела, отвечая на звук ее шагов, но никто, кроме нее, не слышал этого скрипа. Мысленно она представляла себе людей, лежащих в темноте под этими соломенными крышами, укутанных одеялами из красных квадратных лоскутов; сухожилия их ослаблены, мускулы дряблы, а сон восстанавливает их силы, чтобы завтра, как только появится над Хэмблдон-Хиллом розовый туманный отсвет, они могли снова приступить за работу.

В три часа утра Тэсс, миновав последний поворот, вышла из лабиринта проселочных дорог и вступила в Марлотт, пройдя по тому лугу, где впервые увидела Энджела Клэра на клубном празднике, когда он танцевал не с нею; воспоминание об этом и по сей день причиняло ей боль. Там, где был дом ее матери, мерцал свет. Освещено было окно спальни, и оно словно подмигивало ей, когда ветер раскачивал перед ним ветку дерева. Как только она разглядела очертания дома, на ее деньги покрытого новой соломенной крышей, в ее воображении сразу возникли старые, хорошо знакомые картины. Дом был словно частью ее жизни; покосившиеся слуховые окна, конек крыши, неровные ряды кирпичей, венчавших дымовую трубу, — все это было ей близко. Сейчас, казалось ей, дом пребывает в оцепенении: ее мать больна.

Она потихоньку открыла дверь, чтобы не потревожить спящих; в нижней комнате никого не было, но на площадку лестницы вышла соседка, ухаживавшая за ее матерью, и шепотом сообщила, что миссис Дарбейфилд не лучше, хотя сейчас она спит. Тэсс приготовила себе завтрак и, распрощавшись с соседкой, заняла ее место в комнате матери.

Утром, когда она увидела детей, они показались ей странно вытянувшимися; хотя дома она не была только около года, за это время они удивительно выросли. Она целиком отдалась заботам о них и на время забыла о своих печалях.

Отец по-прежнему прихварывал и сидел, по обыкновению, в своем кресле. Но на другой день после ее прихода вдруг развеселился: он придумал, как раздобыть денег, и Тэсс спросила, в чем заключается его план.

— Я хочу написать письмо всем антикварам, проживающим в этой части Англии,— объявил он.— Попрошу их собрать по подписке деньги на мое содержание. Уверен, что это дело покажется им и романтическим и занятным,— одним словом, подходящим. Они много денег тратят на содержание в порядке всяких старых развалин, на поиски скелетов и тому подобных штук, а живые останки должны показаться им еще интереснее, как только они обо мне прослышат. Вот если бы кто-нибудь пошел да и рассказал им, что за человек здесь проживает, хотя они и знать не знают о нем. Будь священник Трингхэм жив,— тот, что меня открыл,— уж он бы наверняка это сделал.

Выслушав этот грандиозный проект, Тэсс не стала возражать — сначала она хотела покончить с неотложными делами, так как положение семьи, по-видимому, не улучшилось, несмотря на посланные ею деньги. Когда удалось уладить домашние неурядицы, ей пришлось подумать и о работе вне дома. Подоспело время сеять и сажать, у многих крестьян сады и огороды были уже возделаны, но Дарбейфилды отстали от соседей. К большому своему огорчению, Тэсс открыла причину такого опоздания: картофель, оставленный на семена, был весь съеден,— возмутительная небрежность и непредусмотрительность. Ей удалось раздобыть картофель, а через несколько дней отец ее настолько оправился, что, подчиняясь ее уговорам, мог заняться садом, тогда как она сама начала возделывать участок земли, который арендовали они ярдах в двухстах от деревни.

Ей нравилась эта работа после дней, проведенных в комнате больной, где теперь не было необходимости дежурить, так как мать выздоравливала. Физический труд рассеивал мысли. Их участок находился на высоком, сухом, огороженном месте, по соседству с другими сорока или пятьюдесятью участками. И когда кончился рабочий день батраков, здесь закипала работа. Обычно вскапывать землю начинали в шесть часов вечера, и работа затягивалась до ночи, а иногда продолжалась и при лунном свете. На многих участках горели кучи сухой сорной травы и отбросов,— из-за сухой погоды костры пылали особенно ярко.

Как-то в ясный день Тэсс и Лайза Лу работали в поле вместе с другими крестьянами, пока последние лучи заходящего солнца не упали на белые столбики, отделявшие один участок от другого. Как только спустились сумерки, на участках стали загораться костры из пырея и капустных кочерыжек; они то

вспыхивали, то скрывались за густыми клубами дыма, которые подхватывал и уносил ветер. Когда разгорался костер, гряда дыма, стелющаяся по земле, тускло светилась, заслоняя рабочих друг от друга, и становилось понятным выражение «облачный столп», что днем стоял стеной, а ночью светился.

Вечером кое-кто прервал работу, но большинство осталось, чтобы покончить с посадкой, и среди оставшихся была Тэсс, которая отослала сестру домой. Она вскапывала один из тех участков, где сжигали пырей; четыре блестящих зубца ее мотыги позвякивали, ударяясь о камни и твердые комья земли. Иногда ее с ног до головы окутывал дым от костра, а когда дым рассеивался, видна была ее фигура, залитая медным светом. Она была несколько необычно одета сегодня и имела странный вид: платье, побелевшее от частой стирки, и короткая черная жакетка навевали мысль и о свадьбе и о похоронах. Другие женщины, работавшие поодаль, были в белых передниках, и когда на них не падал отблеск костра, во мраке были видны только эти передники да бледные лица.

На западе в светлом опаловом небе вырисовывались оголенные, напоминающие проволоку ветви колючего кустарника живой изгороди. Вверху сиял Юпитер, словно желтый нарцисс, такой яркий, что, казалось, отбрасывал тень. Загорались другие неведомые звезды. Вдалеке лаяла собака, по сухой дороге стучали колеса.

Зубцы мотыги по-прежнему со звоном ударялись о камни, так как было еще не поздно. И несмотря на прохладу, в воздухе уже веяло весной, и ее дыхание подбадривало работающих. Им всем, как и Тэсс, нравилось быть здесь, на поле, в этот час, когда трещали костры и разыгрывалась фантастическая мистерия света и тени. В морозную зиму ночь приходит как враг, в теплый летний вечер — как возлюбленная, а в этот мартовский день она несла с собой успокоение.

Никто не обращал внимания на своих соседей. Все смотрели вниз, на вскопанную землю, освещенную кострами. Поэтому Тэсс, которая разбивала земляные комья и напевала свои наивные песенки, почти не надеясь теперь, что Клэр когда-нибудь их услышит, долго не обращала внимания на человека, который работал неподалеку от нее — человека в длинной холщовой блузе, вскапывавшего, как она потом заметила, ее участок, — Тэсс решила, что его прислал сюда на подмогу отец. Только когда он подошел ближе к ней, она разглядела его. Иногда дым разделял их; потом ветер относил дым в сторону, и они могли видеть друг друга, оставаясь невидимыми для остальных.

Тэсс не заговаривала со своим помощником, а он с ней. Она по-прежнему не обращала на него внимания, подумав только, что днем она его здесь не видела и что он ей незнаком, но ничего удивительного в этом не было, так как за последние годы она уезжала из деревни часто и надолго. Вскapывая участок, он подошел к ней настолько близко, что огонь костра так же ярко заблестел на его мотыге, как и на ее собственной. Подойдя к костру, чтобы бросить в огонь охапку сорной травы, она увидела, что он, стоя по другую сторону, делает то же самое. Пламя вспыхнуло, и она узнала лицо д'Эрбервилля.

Неожиданное его появление и нелепый костюм — холщовая блуза со складками, какую носили теперь только самые ветхозаветные крестьяне, — производили впечатление страшного гротеска, и Тэсс стало жутко. Д'Эрбервилль тихо рассмеялся.

— Если бы вздумалось мне пошутить, я бы сказал: «Как это похоже на райский сад!» — заметил он, поглядывая на нее исподлобья.

— Что вы говорите? — робко спросила она.

— Шутник сказал бы, что это точь-в-точь как в раю. Вы — Ева, а я — искуcитель, явившийся вам в образе нечистой твари. В бытность мою богословом я неплохо изучил эту сцену из Мильтона. Вот, например:

— Царица! Путь свободен и недалог:
За рощей мирт...

...И если ты меня возьмешь в проводники,
Я отведу тебя туда.
— Веди! — сказала Ева...—

и так далее. Милая моя Тэсс, эти слова я говорю за вас, ведь вы, наверное, это подумали, потому что вы очень плохого обо мне мнения, хотя и совершенно несправедливо.

— Я никогда не называла вас сатаной и никогда этого не думала. Вообще мне не приходят в голову такие мысли о вас. Я к вам отношусь безразлично, за исключением тех случаев, когда вы меня оскорбляете. Неужели вы из-за меня пришли сюда копать землю?

— Исключительно! Чтобы вас увидеть — и только. По дороге сюда я увидел вывешенную для продажи блузу, и тогда я подумал, что в ней на меня не будут обращать внимания. Я пришел протестовать против того, чтобы вы так работали.

— Но мне это нравится — я работаю для отца.

— А работа на той ферме кончена?

— Да.

— Что же вы намереваетесь делать? Отправитесь к дорогому мужу?

Это напоминание показалось ей невыносимо унижительным, и она с горечью сказала:

— Не знаю... Нет у меня мужа!

— Совершенно верно — в том смысле, в каком вы говорите. Но у вас есть друг — и я, вопреки вашему желанию, решил позаботиться о вашем благополучии. Вот вернетесь домой и увидите, что я прислал вам.

— О Алек, я не хочу, чтобы вы мне что-нибудь дарили! Я ничего не могу принять от вас! Я не хочу... это нехорошо!

— Это хорошо! — сказал он весело. — Я не могу допустить, чтобы женщина, которую я нежно люблю, так бедствовала, а я не попытался бы ей помочь.

— Но я ни в чем не нуждаюсь! Меня мучит только... совсем другое, а не то, как я живу!

Она отвернулась и с отчаянием начала копать землю, а слезы ее падали на ручку мотыги и на комья земли.

— Вас беспокоит участь детей — ваших братьев и сестер, — сказал он. — Я о них подумал.

У Тэсс сжалось сердце. Он затронул больное место: угадал причину ее тревоги. Она еще более страстно привязалась к детям, с тех пор как вернулась домой.

— Должен же хоть кто-то о них позаботиться, если ваша мать не поправится. А отец ваш вряд ли способен работать.

— Он может о них позаботиться с моей помощью. Должен!

— И с моей.

— Нет, сэр!

— Как это чертовски нелепо! — вспыхнул д'Эрбервилль. — Ведь он думает, что мы родственники, и будет этим вполне удовлетворен.

— Нет, не думает. Я его разубедила.

— Какая глупость!

Д'Эрбервилль в сердцах отошел от нее к изгороди, снял блузу, так резко изменявшую его внешность, свернул ее и, бросив в огонь, ушел.

После его ухода Тэсс не могла работать; на душе у нее было тревожно. Испугавшись, что он отправился к ее отцу, Тэсс взяла мотыгу и пошла домой.

Ярдах в двадцати от дома она встретила одну из своих сестер.

— О Тэсси, что случилось! Лайза Лу плачет, и у нас в доме собрался народ! Матери гораздо лучше, но, говорят, отец умер.

Девочка чувствовала всю значительность этой новости, но трагического ее значения не понимала. Она глядела на Тэсс, сияя важностью, но потом, заметив, какое впечатление произвели на сестру ее слова, спросила:

— Да неужто мы, Тэсс, никогда больше не будем разговаривать с отцом?

Подошла Лайза Лу.

— Но ведь ему просто нездоровилось! — в отчаянии вскричала Тэсс.

— Он упал, а доктор, который пришел к матери, говорит, что все равно не жилец он был на этом свете, потому что у него сердце заросло жиром.

Да, муж и жена Дарбейфилды поменялись местами: умирающая была вне опасности, а слегка прихворнувший — умер. Событие это имело значение более серьезное, чем можно было подумать. Жизнь отца была нужна семье независимо от личных его трудов, даже если таковых и вовсе не было. Он был последним из тех троих, с чьей смертью кончался срок аренды дома и участка, на которые давно уже точил зубы сосед-фермер, так как для постоянных его батраков не хватало жилья. Кроме того, в деревнях ненавидели пожизненных арендаторов чуть ли не так же, как и мелких земельных собственников, за независимую их манеру держать себя, и когда срок аренды истекал, ее никогда не возобновляли.

Таким образом, Дарбейфилдов, бывших некогда д'Эрбервиллями, постигла та же участь, на какую, без сомнения, в бытность свою владельцами графства, обрекали они, и довольно жестоко, таких же безземельных, какими сами стали теперь. Так чередуются прилив и отлив — ритмические колебания — во всем, что совершается под небом.

LI

Наконец настал канун благовещенья, и весь земледельческий мир был охвачен той особой лихорадкой, которая ежегодно вспыхивает в этот день — день, когда вступают в силу

новые договоры, заключенные на сретенье и связывающие батраков на весь год. Батраки — или «рабочий люд», как называли они себя с незапамятных времен, пока не пришло из внешнего мира это новое слово «батрак», — не желающие оставаться у старых хозяев, переходят в этот день на другие фермы.

С каждым годом количество батраков, переходящих на новые места, все возрастало. Когда мать Тэсс была ребенком, почти все батраки из окрестностей Марлотта всю жизнь жили на одной и той же ферме, которая была домом их отцов и дедов, но за последние годы это стремление менять места стало всеобщим; для молодых это было удовольствием, нередко приносящим и пользу. Ферма, которая для одних являлась Египтом, казалась землей обетованной другим, созерцавшим ее издали, но затем и для них превращалась она в Египет, — поэтому они без усталости кочевали.

Однако эти перемены, с каждым годом все больше менявшие деревенские традиции, вызваны были не только неуживчивым нравом земледельцев. Сельское население уменьшалось. В прежней деревне бок о бок с батраками существовал другой класс, более образованный, стоявший ступенью выше на социальной лестнице, — класс, к которому принадлежали отец и мать Тэсс; входили в него плотник, кузнец, сапожник, мелочной торговец и другие обитатели деревни, не работающие на чужих фермах. Это был круг людей с прочно сложившимся жизненным укладом; объяснялось это тем, что они являлись либо пожизненными арендаторами, подобно отцу Тэсс, либо мелкими землевладельцами. Но когда истекал срок долгосрочной аренды, дома редко сдавались тем же лицам — их в большинстве случаев сносили, если они не нужны были фермеру для батраков. Тех, кто непосредственно не обрабатывал земли, в деревне не любили, но выселение одних отражалось на заработке других, которым, в свою очередь, приходилось покидать деревню. Эти семьи, которые составляли костяк прежней деревни, теперь вынуждены были искать убежища в крупных центрах. Статистики, словно в насмешку, именуют этот процесс «тягой сельского населения в большие города». Но и река течет в гору, если ее гонят туда машинами.

Так как немало коттеджей в Марлотте было снесено, то фермеры стремились использовать каждый уцелевший дом для своих батраков. Со времени происшествия, набросившего такую тень на жизнь Тэсс, семья Дарбейфилда (в чье высокое происхождение никто не верил) была молчаливо осуждена на выселение по истечении срока аренды — на выселение хотя бы во имя морали. Да и в самом деле, представители этой семьи отнюдь не являлись образцом воздержанности, трезвости и целомудрия. Отец, да и мать иногда выпивали, младшие дети редко ходили в церковь, а старшая дочь вела себя предосудительно. Нужно было позаботиться о нравственных устоях деревни. Поэтому в первое же благовещенье, когда явилась воз-

возможность выселить Дарбейфилдов, на их дом, довольно поместительный, предъявил требование возчик с большой семьей, а вдова Джоан, ее дочери Тэсс и Лайза Лу, сын Абрэхем и младшие дети должны были отправиться куда-нибудь в другое место. Вечером накануне отъезда сумерки спустились рано, потому что небо было затянуто облаками и моросил дождь. Это был их последний день в деревне, где они родились и выросли, и миссис Дарбейфилд, захватив Лайзу Лу с Абрэхемом, пошла попрощаться с друзьями, а Тэсс осталась сторожить дом.

Встав на колени на широком подоконнике, она прижалась головой к стеклу, с наружной стороны которого потоками стекала дождевая вода. Она смотрела на паутину, которая трепетала от легкого сквозняка, — должно быть, паук давным-давно умер с голоду, потому что по неведению сплел ее в углу, куда не залетала ни одна муха. Она думала о бедственном положении семьи и себя считала виновницей. Если бы она не вернулась домой, матери и детям, пожалуй, позволили бы остаться здесь, потребовав только, чтобы они вносили арендную плату еженедельно. Однако ее возвращение было немедленно замечено особами влиятельными и высоконравственными; они видели, как она бродила по кладбищу и с помощью скребка старалась привести в порядок детскую могилку, почти сровнявшуюся с землей. Так они узнали, что она вернулась в родной дом; ее мать прекренили за подобное «потворство греху», та, всплыв, наговорила лишнего, а под конец сказала, что может немедленно отсюда уехать; ее поймали на слове, — и вот чем дело кончилось.

«Не нужно мне было возвращаться домой», — с горечью подумала Тэсс.

Эти мысли так поглотили ее, что она почти не обратила внимания на человека в белом макинтоше, который проезжал верхом по улице. Но он увидел ее сразу, так как она сидела у самого окна, и подъехал настолько близко, что лошадь его едва не смяла копытом узкую клумбу, тянувшуюся вдоль стены. Она заметила его, только когда он постучал рукояткой хлыста по раме. Дождь почти перестал, и, повинувшись его знаку, она открыла окно.

— Вы меня не видели? — спросил д'Эрбервилль.

— Я задумалась, — ответила она. — Я слышала, что кто-то едет, но мне почудилось, будто это экипаж. Я была словно во сне.

— А!.. Быть может, вы слышали стук д'Эрбервилльской кареты? Вероятно, вы знаете эту легенду?

— Нет. Мой... Один человек хотел как-то рассказать мне ее, но не рассказал.

— Если вы подлинная д'Эрбервилль, то, пожалуй, и мне не следовало бы ее рассказывать. Я-то жалкая подделка, так что для меня это не имеет значения. Легенда довольно мрачная. Говорят, будто стук этой несуществующей кареты может услышать лишь тот, в чьих жилах течет кровь д'Эрбервил-

лей,— и для него это является дурным предзнаменованием. Это как-то связано с убийством, совершенным много веков тому назад одним из членов рода д'Эрбервиллей.

— Расскажите до конца, раз вы уже начали.

— Хорошо. Говорят, некий д'Эрбервилль похитил красавицу, а она пыталась выскочить из кареты, в которой он ее увозил; завязалась борьба, и он ее убил... или она его, я забыл, кто кого. Такова легенда. Но я вижу, что вся ваша домашняя утварь уложена. Уезжаете?

— Да, завтра... на благовещенье.

— Я об этом слышал, но как-то не верилось,— очень уж неожиданно. Чем это вызвано?

— Со смертью отца кончилась аренда, и больше уж мы не можем здесь жить. Пожалуй, нам разрешили бы остаться и еженедельно вносить плату, если бы не я.

— Вы-то тут при чем?

— Я не... порядочная женщина.

Д'Эрбервилль вспыхнул.

— Какая гадость! Гнусные ханжи! Черт бы побрал их грязные душонки! — воскликнул он злобно.— Так вот почему вы уезжаете! Вас выгоняют?

— Не то что выгоняют, но раз они нам сказали, что скоро мы должны отсюда выбраться, то лучше уж уехать завтра, когда все переселяются; быть может, удастся устроиться.

— Куда вы едете?

— В Кингсбир. Мы наняли там комнаты. Матери покоя не дают отцовские предки, потому-то она и хочет ехать туда.

— Но как же ваша семья будет ютиться в маленькой квартирке, да еще в такой дыре, как этот городишко? Почему бы не переехать ко мне в Трэнтридж? После смерти матери на ферме почти не осталось птиц, но домик и сад уцелели. Комнаты можно за один день выбелить, и вашей матери будет там очень удобно, а детей я помещу в хорошую школу. Должен же я хоть что-нибудь для вас сделать!

— Но мы уже наняли комнаты в Кингсбире,— ответила она.— И мы можем там подождать...

— Подождать — кого? О, конечно, вашего почтенного супруга! Послушайте, Тэсс, мужчин я знаю и знаю *причину* вашего разрыва... Вот почему я уверен, что он никогда не вернется к вам. Допустим, я был вашим врагом,— но теперь я ваш друг, даже если вы этому не верите. Переезжайте в мой коттедж. Мы разведем кур, и ваша мать будет прекрасно за ними ухаживать, а дети смогут ходить в школу.

Дыхание Тэсс все учащалось; наконец она сказала:

— Я не знаю, исполните ли вы все это. Ваши намерения могут измениться... и тогда мы... моя мать снова останется на улице.

— О нет! Если хотите, я вам выдам письменное обязательство. Подумайте об этом.

Тэсс покачала головой. Но д'Эрбервиль настаивал; редко случалось ей видеть его таким настойчивым. Он не желал примириться с отказом.

— Пожалуйста, сообщите вашей матери о моем предложении,— сказал он многозначительно.— Это ее дело решать, а не ваше. Я прикажу, чтобы завтра утром вымыли полы, побелили стены и затопили камины; к вечеру стены высохнут, так что вы можете ехать прямо туда. Помните, я буду вас ждать.

Тэсс снова покачала головой; сердце ее сжималось от волнения. Она не могла смотреть в глаза д'Эрбервиллю.

— Помните, я должен искупить свою вину перед вами,— продолжал он.— И вдобавок вы меня излечили от этой религиозной мании. Я рад...

— Лучше бы вы не избавлялись от этой мании и вели бы себя так, как в те дни.

— Я рад, что мне представляется случай уплатить хотя бы часть долга. Завтра я буду ждать приезда вашей матери. Обещайте мне это сейчас, дайте руку, милая Тэсс, красавица моя!

Он понизил голос до шепота и просунул руку в полуоткрытое окно. Гневно сверкнув глазами, Тэсс захлопнула окно, прищемив ему руку.

— Проклятье! Как вы жестоки! — вскричал он, освобождая руку.— Нет! Я знаю, вы это сделали не нарочно. Итак, я буду ждать вас или хотя бы вашу мать и детей.

— Я не приеду, у меня много денег! — воскликнула она.

— Где они?

— У моего свекра! И мне стоит только попросить...

— Да, но вы *не попросите*, Тэсс; я вас знаю, ни за что не попросите, скорее умрете с голоду!

С этими словами он отъехал. На углу он встретил человека с ведром, наполненным краской, который спросил его, действительно ли он покинул своих братьев во Христе.

— Пошел к черту! — крикнул д'Эрбервиль.

Тэсс долго не двигалась с места, и вдруг в ней вспыхнуло возмущение перед совершившейся несправедливостью, и на глазах показались слезы. Даже муж ее, Энджел Клэр, и тот поступил с ней так же жестоко, как и остальные. Раньше никогда не решилась бы она так подумать, но ведь он действительно был жесток. Она могла поклясться в том, что никогда за всю свою жизнь она не хотела поступать дурно, и все-таки ей вынесли суровый приговор. Каковы бы ни были ее грехи, никогда не грешила она сознательно; почему же ее наказывали так упорно?

Порывисто схватила она первый попавшийся лист бумаги и быстро написала следующие строки:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прощу тебя. Ты знаешь, что я не хотела

причинить тебе зла, зачем же ты причинил мне такое зло? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! — Т.».

Она ждала, пока не показался почтальон, потом выбежала к нему и, передав письмо, снова заняла свой пост у окна.

Не все ли равно — послать ли нежное письмо или вот это? Разве уступит он мольбам? Ничто не изменилось, не произошло никакого нового события, которое заставило бы его изменить свои взгляды.

Стемнело, и только огонь в очаге освещал комнату. Двое старших детей ушли с матерью, четверо младших, в возрасте от трех с половиной до одиннадцати лет, одетые в черные платья, собрались у очага и болтали. Наконец Тэсс, не зажигая свечи, подошла к ним.

— Милые мои, сегодня мы последнюю ночь будем спать здесь — в доме, где родились,— быстро сказала она.— Подумайте-ка об этом.

Они притихли. Впечатлительные, как все дети, они готовы были расплакаться теперь, когда ее слова вызвали у них представление о бесповоротном конце, хотя весь день они радовались, что переедут на новое место. Тэсс заговорила о другом.

— Спойте мне песенку,— сказала она.

— Что же нам спеть?

— Что хотите, мне все равно.

Минутное молчание было нарушено слабым голосом, к которому присоединился второй, третий, четвертый, они запели гимн, заученный в воскресной школе:

Здесь терпим мы муку и боль,
Здесь, встретясь, должны мы расстаться;
Но в раю не бывает разлуки.

Все четверо пели равнодушно — так, как будто этот вопрос был решен для них давным-давно и окончательно, а следовательно, и думать о нем нечего. Их личики были серьезны, они старались отчетливо выговаривать слова и не сводили глаз с колеблющихся языков пламени; голос младшего ребенка еще звучал, когда остальные делали паузу.

Тэсс отвернулась от них и снова подошла к окну. Было уже совсем темно, но она прижалась лицом к стеклу, словно всматриваясь в ночь. На самом деле она хотела скрыть слезы. Если бы она могла верить в то, о чем пели дети, если бы не возникали у нее сомнения, все было бы иначе. С каким спокойствием поручила бы она детей провидению в надежде на будущую жизнь! Но веры у нее не было: стало быть, она должна что-то делать, должна стать их провидением, ибо для Тэсс, как и для миллионов людей, жестокой насмешкой звучали слова поэта:

Не нагими приходим мы в мир,
Но облаченные в облако славы.

Для нее и ей подобных самый факт рождения являлся унижительным испытанием, насильем, которое до конца оставалось неоправданным или в лучшем случае оправдывалось лишь частично.

Вскоре она разглядела на темной мокрой дороге свою мать, высокую Лайзу Лу и Абрэхема. Мисс Дарбейфилд, постукивая патенами, подошла к дому, и Тэсс открыла дверь.

— Я заметила следы лошадиных копыт под окном,— сказала Джоан.— Кто-нибудь заходил?

— Нет,— ответила Тэсс.

Дети, сидевшие возле очага, посмотрели на нее серьезно, и один из них прошептал:

— Что ты, Тэсс? А джентльмен верхом?

— Он не заходил в дом,— сказала Тэсс.— Он разговаривал со мной, не сходя с лошади.

— А кто это был? — спросила мать.— Твой муж?

— Нет. Он ко мне никогда, никогда не придет,— ответила Тэсс с какой-то тупой безнадежностью.

— Так кто же это был?

— Не спрашивай. Ты его раньше видела, да и я тоже.

— А! Что же он сказал? — с интересом спросила Джоан.

— Я расскажу тебе завтра, когда мы устроимся на новой квартире в Кингсбуре, расскажу все до последнего слова.

Она сказала, что это был не ее муж,— однако ее все более угнетала мысль, что фактически только он один и был ее мужем.

ЛII

Было еще темно, когда обитатели домиков, расположенных неподалеку от проезжей дороги, были разбужены стуком и грохотом, не смолкавшим до рассвета,— шум этот повторялся ежегодно в эти числа месяца и был так же неизбежен, как кукованье кукушки в третью неделю того же месяца. Он предвещал общее переселение; по дорогам двигались пустые повозки и подводы, присланные за пожитками уезжающих семейств: обычай требовал, чтобы фермеры, нанявшие батраков, присылали за ними подводу. Вещи нужно было засветло перевезти на место — вот почему подводы грохотали по дорогам в глухую ночь: в шесть часов утра им следовало быть у дверей переезжающих, и тут же начиналась погрузка.

Но ни один заботливый фермер не выслал повозки за вещами Тэсс и ее матери. Они не были батраками, в их услугах никто не нуждался, никто не намерен был перевозить их даром, поэтому им пришлось за свой счет нанять подводу.

Выглянув в то утро из окна, Тэсс вздохнула с облегчением, когда увидела, что дождя нет, хотя погода ветреная и пасмурная, и что подвода явилась вовремя. Дождливое благовещение было бедствием для переселяющихся и надолго оставалось в

памяти; ему сопутствовали мокрая мебель, мокрые постели, мокрая одежда, а следом за этим шли болезни.

Мать, Лайза Лу и Абрэхем тоже проснулись, но младших детей решили пока не будить. Они позавтракали в тусклых лучах рассвета и приступили к погрузке.

Работа спорилась — несколько друзей явилось помочь им. Водрузив на подводу громоздкую мебель, устроили из постелей круглое гнездышко, в котором должна была поместиться Джован Дарбейфилд с младшими детьми. После окончания погрузки пришлось долго ждать, пока привели выпяженных лошадей. Наконец часа в два тронулись в путь: под повозкой болтался привязанный к оси кухонный котел, на вещах восседала окруженная младшими детьми миссис Дарбейфилд, державшая на коленях часы, чтобы они не разбились, и при каждом сильном толчке они обиженно отзванивали час или час с четвертью. Тэсс и старшая девочка шли рядом, пока не выбрались из деревни.

Утром и накануне вечером они заходили попрощаться к соседям, и кое-кто вышел их проводить и пожелать им удачи, но в глубине души мало кто верил, что благополучие возможно для такой семьи, как Дарбейфилды, хотя никому, кроме себя, они не причиняли зла. Дорога пошла в гору, и чем выше они поднимались, тем сильнее становился ветер.

Так как это был день благовещенья, то Дарбейфилды встречали на своем пути немало других семей, восседающих на возах с нехитрым скарбом, всегда уложенным одним и тем же способом, очевидно, столь же естественным для сельских батраков, как шестиугольник для пчел. Основой сооружения являлся кухонный шкаф, с блестящими ручками, захватанный пальцами и носивший множество других признаков многолетней службы; он величественно стоял впереди, возвышаясь над хвостами лошадей, — стоял, словно ковчег завета, который надлежит нести с благоговением.

Иные семьи были веселы, другие — сумрачны; кое-кто останавливался у дверей придорожных харчевен. Наконец остановилась и подвода Дарбейфилдов: нужно было покормить лошадей и самим подкрепиться.

Во время этой остановки взгляд Тэсс упал на трехпинтовую кружку, которую то и дело подавали на остановившийся неподалеку воз сидевшим там женщинам. Проследив очередное путешествие кружки, Тэсс вдруг узнала ту, в чьих руках она теперь оказалась.

— Мэриэн! Изз? — окликнула она девушек; они перебирались на новое место вместе с семьей крестьянина, в чьем доме они жили. — И вы тоже переселяетесь?

Да, переселяются. В Флинтком-Эше жилось слишком тяжело, и они уехали, даже не предупредив заранее фермера Гроби, — пусть он подает на них в суд, если хочет. Они сообщили Тэсс, куда держат путь, и та, в свою очередь, дала свой новый адрес.

Мэриэн, нагнувшись к ней с воза, шепнула:

— А знаешь, тот джентльмен, что волочился за тобой,— уж ты догадываешься, о ком я говорю,— приходил в Флинтком, когда ты оттуда ушла. Мы ему не сказали, где ты: знали, что ты не хочешь его видеть.

— Да, но я все-таки его видела,— прошептала Тэсс.— Он меня отыскал.

— А знает он, куда ты теперь едешь?

— Думаю, что знает.

— А твой муж вернулся?

— Нет.

Она распрощалась со своими товарками, так как возницы вышли из харчевни, и обе подводы разъехались в разные стороны. Подвода, на которой сидели Мэриэн, Изз и семья крестьянина — с этой семьей они связали свою судьбу,— была выкрашена яркой краской, и тащили ее три сильные лошади с блестящими медными украшениями на сбруе, тогда как скрипучая подвода Дарбейфилдов едва выдерживала тяжесть поклажи, краска слезла с нее давным-давно, а тащили ее только две лошади. Контраст этот красноречиво свидетельствовал о том, что за первой семьей прислал подводу преуспевающий фермер, а вторая перебиралась за свой счет, и никто не ждал ее прибытия.

Путь был дальний, такой дальний, что под конец лошади еле шли шагом. Хотя выехали они рано, но уже смеркалось, когда они добрались до возвышенности, составлявшей часть плоскогорья Гринхилл. Пока лошади отдыхали, Тэсс осматривалась по сторонам. Впереди, у подножия холма, виднелся почти вымерший городишко — цель их паломничества — Кингсбир, где покоились предки, служившие ее отцу неиссякаемой темой для разговоров,— Кингсбир, единственное место на земном шаре, которое поистине могло считаться родным домом д'Эрбервиллей, ибо они обитали здесь в течение целых пятисот лет.

Из предместья вышел какой-то человек; разглядев нагруженную подводу, он ускорил шаги.

— Не вы будете миссис Дарбейфилд? — обратился он к матери Тэсс, которая слезла с воза, чтобы дальше идти пешком.

Та кивнула.

— Если б вздумалось мне отстаивать свое право, я бы могла называться вдовой сэра Джона д'Эрбервилля, бедного дворянина. Я возвращаюсь во владения его предков.

— Да? Ну, этого я не знаю. Но если вы миссис Дарбейфилд, то меня послали вам сказать, что комнаты, которые вы хотели занять, сданы. Мы не знали, что вы приедете, пока не получили ваше письмо сегодня утром, когда было уже поздно. Но вы найдете комнаты где-нибудь в другом месте.

Он заметил, что лицо Тэсс стало землисто-бледным. Мать ее окончательно растерялась.

— Что же нам теперь делать, Тэсс? — с горечью спро-

сила она.— Вот тебе и владения предков! Ну, все равно, поедем дальше.

Они въехали в город и принялись за поиски. Тэсс осталась у подводы присматривать за детьми, а мать и Лайза Лу навели справки. Через час Джоан вернулась после бесплодных поисков, а тут возница объявил, что подводу нужно разгрузить, так как лошади совсем выбились из сил, а ему надо выехать в обратный путь еще до рассвета.

— Ладно, разгружайте здесь,— не задумываясь, ответила Джоан.— Где-нибудь я найду пристанище.

Подвода стояла у кладбищенской ограды, в стороне от дороги, и возница поспешил выгрузить жалкий домашний скарб. Когда он покончил с этим делом, она расплатилась с ним, отдав чуть ли не последний шиллинг, и он уехал, радуясь, что распрощался с такой семейкой. Дождя не было, и, по его мнению, ничего худого с ними не могло случиться.

Тэсс уныло смотрела на сваленные в кучу вещи. Холодные лучи заходящего солнца брезгливо скользили по глиняной посуде и котелкам, по пучкам сухих трав, трепетавших на ветру, по медным ручкам кухонного шкафа, по плетеной колыбели, в которой перебивали все дети Дарбейфилдов, и по отполированному футляру стенных часов. Всем этим вещам полагалось находиться под крышей, и сейчас они словно укоряли за то, что их бросили под открытым небом, подвергая превратностям погоды. Вокруг виднелись холмы, чьи склоны, когда-то покрытые лесом, были разбиты на маленькие огороженные участки; поросший мхом фундамент показывал место, где некогда стоял замок д'Эрбервиллей; за ним высился отрог Эгдон-Хита, являвшийся частью поместья. В нескольких шагах виднелся боковой придел церкви, называвшийся «приделом д'Эрбервиллей».

— Семейный склеп, наверное, считается вечной собственностью рода,— сказала мать Тэсс, обойдя вокруг церкви и осмотрев кладбище.— Конечно, так оно и есть. Тут мы и приутимся, пока не найдем другого пристанища во владениях наших предков. Тэсс, Лайза Лу, Абрэхем, помогите мне. Мы уложим детей, а потом опять пойдем на разведку.

Тэсс безучастно стала помогать матери, и через четверть часа старая кровать с пологом, извлеченная из-под груды вещей, была водружена возле южной стены церкви, у придела д'Эрбервиллей, под которым находились огромные склепы. Над пологом виднелся великолепный многоцветный витраж, сделанный в пятнадцатом веке. Он назывался «окном д'Эрбервиллей», в верхней его части можно было разглядеть такие же геральдические эмблемы, какие сохранились на старой печати и ложе Дарбейфилда.

Джоан задернула занавески, превратив кровать в прекрасную палатку, и уложила младших детей.

— На худой конец, мы можем провести здесь одну ночь,— объявила она.— Но все-таки попробуем подыскать помещение,

и нужно раздобыть чего-нибудь поесть детишкам. Ох, Тэсс, к чему только эти свадьбы с джентльменами, если нам от этого нет никакого проку!

Вместе с Лайзой Лу и Абрэхемом она снова зашагала по проселочной дороге, отделявшей церковь от городка. На первой же улице они встретили всадника, внимательно осматривавшегося по сторонам.

— А! Я вас искал,— сказал он, подъезжая к ним.— Все члены семьи собрались в историческом месте!

Это был Алек д'Эрбервилль.

— Где Тэсс? — спросил он.

Джоан не питала симпатии к Алеку. Она рассеянно указала ему на церковь и продолжила путь, а д'Эрбервилль сказал на прощание, что он еще повидается с ними, если поиски пристанища и на этот раз не увенчаются успехом,— он уже слышал о постигшей их неудаче. Когда они ушли, он подъехал к харчевне и, оставив там лошадь, пошел дальше пешком.

Тем временем Тэсс, оставшаяся с детьми, которых уложили на кровать, поболтала с ними, а потом, видя, что больше ничего не может для них сделать, пошла бродить по кладбищу, уже окутанному вечерними тенями. Дверь церкви была не заперта, и впервые в жизни переступила она этот порог.

За окном, у которого стояла кровать, находились могилы ее предков — здесь хоронили их в течение нескольких столетий. Одни гробницы были совсем простые, другие напоминали по форме церковный аналой или осенялись балдахином; резьба стерлась, медные украшения были сорваны, дыры от винтов зияли, словно норки, прорытые куницей в песчаном утесе. Эти остатки прежнего величия были самым неоспоримым доказательством того, что род ее захирел и утратил былое значение. Она подошла к темному камню, на котором было высечено: «*Ostium sepulchri antiquae familiae d'Urberville*»¹.

В знании церковной латыни Тэсс не могла соперничать с кардиналами, однако она поняла, что это вход в усыпальницу предков и там, внизу, лежат те рослые рыцари, которыми под хмельком хвалился ее отец.

Задумчиво повернулась она к выходу и подошла к одной из самых старых гробниц, на которой виднелась склонившаяся фигура. Сначала Тэсс не заметила ее в сумерках, да и сейчас не обратила бы на нее внимания, если бы не почувдилось ей, что изваяние пошевелилось. Подойдя ближе, она тотчас же убедилась, что это не памятник, а живой человек. Эта неожиданность так потрясла ее, что она едва не потеряла сознания, чуть не упала, хотя и узнала Алека д'Эрбервилля.

Он соскочил с гробницы и поддержал ее.

— Я видел, как вы вошли,— улыбаясь, сказал он,— и забрался сюда, чтобы не прерывать ваших размышлений. Род-

¹ Усыпальница древнего рода д'Эрбервиллей (лат.).

ственная встреча с предками, покоящимися здесь, под нами? Слушайте! — Он с силой стукнул каблуком об пол; снизу донеслось глухое эхо.— Нужно думать, что это их немножко расшевелит! — продолжал он.— А ведь вы меня приняли за каменное изваяние одного из них! Нет, теперь настали другие времена. Мизинец лже-д'Эрбервилля может сделать для вас больше, чем целая династия подлинных д'Эрбервиллей, лежащих под этими плитами... Распоряжайтесь мною. Что должен я сделать?

— Уйдите! — прошептала она.

— Хорошо, я пойду поищу вашу мать,— сказал он мягко, но, проходя мимо нее, шепнул: — Запомните мои слова: придет время, когда вы будете более любезны.

Он ушел, а она опустилась на плиту, закрывавшую вход в склеп, и подумала: «Почему я не по ту сторону этой двери?»

А Мэриэн и Изз Хьюэт тем временем ехали на подводе, перевозившей имущество крестьянина в землю Ханаанскую, которая была землей Египетской для какой-нибудь другой семьи, уехавшей отсюда сегодня поутру. Но девушки мало думали о том, куда они едут. Разговор шел об Энджеле Клэре, Тэсс и настойчивом ее поклоннике, о роли которого в прошлом Тэсс они кое-что слышали, а кое о чем догадывались.

— Другое дело, если бы она совсем его не знала,— говорила Мэриэн.— Но вся беда в том, что один раз он уже ее соблазнил. Ужасно будет жалко, если он опять добьется своего. Изз, для нас мистер Клэр все равно потерян, значит, нечего ревновать его к ней, а лучше попробуем их помирить. Если бы он знал, каково ей приходится и как вокруг нее увиваются, пожалуй, он бы приехал и позаботился о своей жене.

— Нельзя ли дать ему знать?

Они раздумывали об этом всю дорогу, но потом, устраиваясь на новом месте, забыли о своем плане.

Месяц спустя они услышали, что Клэр возвращается на родину, но о Тэсс не имели больше никаких сведений. Снова вспыхнула в них любовь к нему, но так как к Тэсс они были настроены дружелюбно, то Мэриэн откупорила общую бутылочку чернил, купленную за пенни, и девушки вдвоем сочинили следующее послание:

«Уважаемый сэр, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит. Ее жестоко искушает враг, прикинувшийся другом. Сэр, подле нее вертится человек, которому следует быть от нее подальше. Нельзя подвергать женщину испытаниям, которые ей не под силу, а капля долбит камень и даже алмаз.

Два доброжелателя».

Письмо они адресовали Энджеле Клэру, Эмминстер, дом священника — другие его адреса были им неизвестны; затем они долго пребывали в восторженном состоянии, восхищаясь собственным великодушием, и то пели от избытка чувств, то истерически плакали.

A decorative frame with a double-line border and ornate flourishes on the sides. Inside the frame, the text 'ФАЗА СЕДЬМАЯ' is written in a bold, serif font, centered.

ФАЗА
СЕДЬМАЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ

ЛШ

Был вечер в доме эмминстерского священника. Две свечи под зелеными абажурами горели, по обыкновению, в кабинете, но самого хозяина там не было. Изредка он заходил туда и размешивал слабо тлеющие угли,— разводить большой огонь было незачем, так как весна вступала в свои права. Иногда он останавливался у входной двери, потом шел в гостиную и снова возвращался к двери. Она была обращена на запад, и хотя в доме сумерки уже сгустились, на улице было еще достаточно светло. Миссис Клэр, сидевшая в гостиной, подошла вслед за мужем к двери.

— Рано еще,— сказал священник.— В Чок-Ньютоне он будет только в шесть часов, даже если поезд не опоздает, а оттуда десять миль по проселочным дорогам, из них пять по проселку Криммеркрок; наша старая лошадь не так-то скоро его привезет.

— Дорогой мой, она, бывало, привозила нас за час.

— С тех пор прошло много лет.

Так коротали они время, зная, что словами не поможешь и нужно терпеливо ждать.

Наконец в переулке послышался шум, и за решеткой показался экипаж, из которого вышел человек. Они не сомневались в том, что узнали его, хотя, встретив его на улице, прошли бы мимо, не узнав: просто он вышел из их экипажа в тот момент, когда ждали именно его.

Миссис Клэр бросилась по темному коридору к двери, муж следовал за ней, но не столь стремительно.

Приезжий, входя в дом, мог разглядеть в вечернем свете их взволнованные лица и очки, отражавшие закатное небо, но они видели только его силуэт.

— Сынок, сынок мой, наконец-то ты дома! — воскликнула миссис Клэр, забыв о еретических его убеждениях, послуживших причиной разлуки; сейчас они интересовали ее не

больше, чем пыль на его одежде. Да и какая женщина, будь она самым ревностным искателем истины, верит в обещания и угрозы Священного писания так, как верит в своих собственных детей, и какая женщина не отмахнется от богословия, если на другой чаше весов лежит счастье ее ребенка? Когда они вошли в комнату, где горели свечи, она взглянула ему в лицо.— О, это не Энджел. Это не мой сын. Это не тот Энджел, который отсюда уехал! — вскричала она, в отчаянии отворачиваясь от него.

Отец тоже был потрясен — так похудел Энджел от забот и неудач в стране, куда бросился очертя голову, обращенный в бегство судьбой, посмеявшейся над ним на родине. Казалось, от него остался один скелет — и даже не скелет, а только тень. Словно с него писал Кривелли своего мертвого Христа: Тусклые, запавшие глаза были обведены мертвенной синевой, складки и морщины, бороздившие лица его родителей, появились на его лице лет на двадцать раньше срока.

— Я ведь там болел,— сказал он.— Теперь я здоров.

Но, словно в опровержение этих слов, ноги его подкосились, и он поспешно сел, чтобы не упасть. Это был только приступ дурноты после утомительного дня, проведенного в пути, и взволновавшей его встречи с родителями.

— Мне нет писем? — спросил он.— Последнее, которое вы мне переслали, я получил благодаря счастливой случайности, да и то с большим опозданием, потому что забрался в глубь страны. Иначе я приехал бы раньше...

— Это ведь было письмо от твоей жены?

— Да.

С тех пор пришло еще только одно письмо. Они не стали пересылать, зная, что он скоро вернется.

Энджел быстро распечатал конверт и в смятении прочел записку Тэсс — последнее ее письмо, написанное второпях:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прощу тебя. Ты знаешь, что я не хотела причинить тебе зла, зачем же ты причинил мне такое зло? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! — Т.».

— Она права,— сказал Энджел, бросая письмо.— Быть может, она никогда не простит меня.

— Не нужно так волноваться, Энджел, ведь она только дитя земли,— сказала его мать.

— Дитя земли! Все мы дети земли. Хотел бы я, чтобы она действительно была «дитя земли» в том смысле, в каком вы это понимаете, но я должен вам сообщить кое-что, о чем до сих пор молчал; ее отец происходит по мужской линии от одного из старейших нормандских родов, подобно многим дру-

гим крестьянам, которые живут, никому неизвестные, в наших деревнях и зовутся «детьми земли».

Он рано лег спать, а на следующий день, чувствуя себя совсем больным, не выходил из своей комнаты и размышлял. Когда он, находясь к югу от экватора, получил ее нежное письмо, ему показалось, что ничего не может быть проще, как вернуться к Тэсс и броситься в ее объятия, раз ему угодно ее простить, но теперь, вспоминая обстоятельства, при которых он с ней расстался, он понял, что это совсем не так просто. Она была от природы страстной, и ее письмо, из которого он узнал, что ее мнение о нем изменилось,— а он с грустью признал, что она была права,— это письмо заставило его призадуматься: благоразумно ли будет, не предупредив ее, встретиться с ней в присутствии ее родителей? Если предположить, что за последние недели разлуки любовь ее к нему уступила место неприязни, неожиданная встреча может вызвать ссору.

Поэтому Клэр решил подготовить Тэсс и ее семью, сообщив в Марлотт о своем приезде; он надеялся, что она по-прежнему живет там, как было условлено перед его отъездом из Англии. В тот же день он отправил письмо, а в конце недели получил короткий ответ миссис Дарбейфилд, который ничем ему не помог, ибо миссис Дарбейфилд писала, к большому его удивлению, не из Марлотта и адреса своего не указывала.

«Сэр, в этих нескольких строках я хочу сообщить, что моя дочь сейчас от меня уехала, и я не знаю, когда она вернется. Но я вам напишу, как только она придет. Я не имею права сообщить вам, где она временно проживает. Прибавлю еще, что я с семьей недавно уехала из Марлотта.

Ваша Дж. Дарбейфилд».

Клэр с таким облегчением узнал, что с Тэсс, по-видимому, ничего дурного не случилось, что нежелание ее матери сообщить ее адрес его не очень беспокоило. Несомненно, все они не могут его простить. Он будет ждать, пока миссис Дарбейфилд не напишет ему о возвращении Тэсс, а судя по ее письму, это не замедлит случиться. Большого он не заслуживал. Любовь его была такова, «что изменяется, встречая перемену». Он многое понял за время своего отсутствия: в безупречной Корнелии он увидел возможную Фаустину, в теле Фрины — дух целомудренной Лукреции; он думал о той женщине, которую хотели побить камнями, и о жене Урии, ставшей царицей, и задавал себе вопрос: почему, вынося приговор Тэсс, он обращал внимание на внешние обстоятельства ее жизни, а не на внутренний ее мир,— на поступки ее, а не на стремления?

Прошло несколько дней. Энджел все еще жил у отца, ждал обещанной второй записки от Джоан Дарбейфилд и надеялся окрепнуть после болезни. Силы постепенно возвращались к нему, а письма от Джоан все не было. Тогда он отыскал

старое письмо, пересланное ему в Бразилию, которое Тэсс написала из Флинтком-Эша, и снова перечитал. Как и в первый раз, оно его глубоко растрогало.

«Я не могу не сказать тебе о моем горе,— кроме тебя, никого у меня нет!.. Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе... прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне... Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть — зная, что ты меня простил... Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «Скоро приеду»,— о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!.. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день хотя бы одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел свою бедную, одинокую Тэсс... Я была бы довольна — нет, счастлива! — быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать что ты мой... Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землею — увидеться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай и спаси меня от того, что мне угрожает!»

Клэр решил не верить последнему суровому письму и отыскать ее немедленно. Он спросил отца, брала ли она у него деньги за это время. Тот ответил отрицательно, и тогда только Энджел понял, что гордость помешала ей обратиться с такой просьбой и она предпочла терпеть лишения. По его отрывистым замечаниям родители догадались наконец об истинной причине разрыва, и тогда на помощь им пришло их христианство, поручавшее грешников особому их попечению; они воспылали к Тэсс нежностью, какую не могло пробудить в них ее происхождение, ее простодушие и даже бедность.

Готовясь к отъезду и торопливо укладывая вещи, Энджел мельком просмотрел жалкое маленькое письмецо, недавно полученное от Мэриэн и Изз, начинавшееся словами: «Уважаемый сэр, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит»,— и подписанное: *«Два доброжелателя»*.

LIV

Через четверть часа Клэр покинул родительский дом, а мать провожала взглядом его тонкую фигуру, когда он вышел на улицу. Ехать на старой кобыле отца он отказался, зная, что она нужна родителям. Зайдя в харчевню, он нанял двуколку и едва дождался, пока запрягут лошадь. Несколько минут спустя он уже выехал из города и поднимался на холм; по этой самой дороге три-четыре месяца назад спускалась Тэсс, полная надежд, и по ней возвращалась, потерпев неудачу.

Вскоре он выехал на Бэнвилльскую проселочную дорогу. На деревьях и живой изгороди краснели почки, но Клэр занят был другим и по сторонам оглядывался только для того, чтобы не сбиться с дороги. Не прошло и полутора часов, как он уже обогнул с юга поместья Кингс-Хинток и очутился в мрачной, пустынной местности, где одиноко возвышался зловещий камень «Крест в руке», на котором Тэсс, по настоянию Алека д'Эрбервилля, обратившегося тогда к богу, поклялась никогда не вводить его в искушение. На придорожных насыпях еще виднелись чахлые, серые стебли прошлогодней крапивы, а у корней уже пробивались свежие, зеленые, весенние ростки.

Он поехал по краю плато, возвышавшегося над другими поместьями Хинток, затем свернул направо, в известковый, продуваемый ветром район, где находится Флинтком-Эш; одно из писем Тэсс было отправлено оттуда, и он полагал, что именно об этом месте и писала ее мать. Конечно, он не нашел ее в Флинтком-Эше и окончательно пал духом, узнав, что ни батраки, ни сам фермер никогда не слышали о «миссис Клэр», хотя имя Тэсс было им хорошо известно. Очевидно, она не носила его фамилии, совершенно отрезав себя от него на время разлуки,— и в этом ее благородство сказалось не меньше, чем в том, что она предпочитала терпеть лишения, о которых он только теперь услышал, лишь бы не просить денег у его отца.

На ферме он узнал, что Тэсс Дарбейфилд, никого не предупредив, ушла отсюда к родителям, жившим в Блекмурской долине; стало быть, он должен был во что бы то ни стало найти миссис Дарбейфилд. Она написала ему, что не живет больше в Марлотте, но почему-то не сообщила своего нового адреса: приходилось ехать в Марлотт, чтобы навести там справки. Фермер, который так грубо обращался с Тэсс, был очень любезен с Клэром и дал ему лошадь и кучера, чтобы доехать до Марлотта; двуколку Клэр отправил назад, в Эмминстер, так как нанял ее на один день.

В повозке фермера он доехал только до Блекмурской долины, потом отослал ее обратно с кучером, заночевал в харчевне, а на следующий день пошел пешком в деревню, где родилась его милая Тэсс. Была ранняя весна. Для лесов и садов наступила еще пора ярких красок; так называемая весна была на самом деле зимой, укрывшейся под тончайшим слоем земли,— такими же были и его надежды.

Дом, где Тэсс провела годы детства, был занят теперь другой семьей, никогда ее не знавшей. Новые жильцы находились в саду и с таким увлечением занимались своими делами, словно дом этот не был первоначально связан с историей других людей, по сравнению с которой их жизнь представляла для Клэра лишь незначительный интерес. Они сновали по дорожкам сада, поглощенные своими заботами, и, казалось, каждое их движение оскорбляет туманные тени прошлого; а разговаривали они друг с другом так, словно то время, когда жила

здесь Тэсс, было не более насыщено событиями, чем настоящий день. Даже птицы, прилетевшие вместе с весной, пели так, будто никто не покидал этих мест.

Расспросив этих простаков, которые едва могли припомнить даже фамилию своих предшественников, Клэр узнал о смерти Джона Дарбейфилда и об отъезде из Марлотта детей и вдовы, которая объявила, что они будут жить в Кингсбире, но вместо этого поехала в другое место, называемое так-то. К этому времени Клэр успел возненавидеть дом за то, что в нем больше не живет Тэсс, и поспешил уйти, ни разу не оглянувшись.

Путь его лежал через луг, где он впервые увидел ее во время танцев. И луг показался ему еще более ненавистным, чем дом. Он пересек кладбище и среди новых надгробных плит заметил одну, более дорогую. Надпись на ней гласила:

ПАМЯТИ ДЖОНА ДАРБЕЙФИЛДА,
ПРАВИЛЬНЕЕ — Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ,
ПРОИСХОДИВШЕГО ИЗ
НЕКОГДА МОГУЩЕСТВЕННОГО И ЗНАТНОГО РОДА,
ПРЯМОГО ПОТОМКА
СЭРА ПЭГАНА Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ,
ОДНОГО ИЗ РЫЦАРЕЙ
ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ.
СКОНЧАЛСЯ МАРТА 10-го, 18...
ТАК СВЕРШАЕТСЯ ПАДЕНИЕ
СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО.

Какой-то человек, очевидно церковный сторож, заметил Клэра, стоявшего у могилы, и подошел к нему.

— Эх, сэр, не очень-то хотелось этому человеку лежать здесь. Он желал, чтобы его перевезли в Кингсбир, где покоятся его предки.

— Почему же не исполнили его волю?

— Денег не было. Видите ли, сэр... болтать направо и налево я не собираюсь, но... даже за эту плиту с такой важной надписью не заплачено.

— А кто ее делал?

Сторож назвал фамилию каменщика, проживавшего в Марлотте, и Клэр, покинув кладбище, зашел к нему. Убедившись, что слова могильщика соответствуют действительности, он оплатил этот счет, а затем пошел отыскивать переселенцев.

Путь был длинный, но Клэр жаждал одиночества и не стал нанимать экипаж; не пошел он также и к станции железной дороги, по которой кружным путем мог добраться до цели. Впрочем, в Шестоне он вынужден был нанять лошадь, но дорога была плохая, и только к семи часам вечера, проехав от Марлотта больше двадцати миль, он добрался до деревни, где жила Джоан.

Деревушка была маленькая, и он без труда нашел обиталище миссис Дарбейфилд — окруженный садом домик, расположенный в стороне от главной улицы, и такой маленький, что

она еле разместила в нем свою громоздкую старую мебель. Было ясно, что она почему-то не желает его видеть, и он чувствовал себя незванным гостем. Она сама открыла дверь, и лучи заходящего солнца осветили ее лицо.

Клэр встретился с ней впервые, но он слишком занят был своими мыслями и заметил только, что она все еще красива и одета, как подобает одеваться почтенной вдове. Он принужден был сказать, что он муж Тэсс, и объяснить, зачем сюда приехал. С этой задачей он справился довольно неловко.

— Я хочу увидеть ее сейчас же,— добавил он.— Вы обещали мне написать, но не исполнили обещания.

— Потому что она не вернулась домой,— ответила Джоан.

— Вы не знаете, хорошо ли ей живется?

— Не знаю. Скорее вам следовало бы знать это, сэр,— сказала она.

— Вы правы. Где она живет?

На протяжении всего разговора Джоан прижимала руку к щеке,— было ясно, что она смущена.

— Я... я точно не знаю, где она живет. Она была в... но...

— Где она была?

— Ну, теперь ее там нет.

Дав этот уклончивый ответ, она снова умолкла. Дети к этому времени уже собрались у двери, и младший ребенок, дергая мать за юбку, спросил шепотом:

— Это тот самый джентльмен, который хочет жениться на Тэсс?

— Он на ней женился,— прошептала Джоан.— Ступайте в дом.

Клэр, видя, что она о чем-то умалчивает, спросил:

— Как вы думаете, Тэсс хотела бы, чтобы я ее отыскал? Если нет, то, конечно...

— Я думаю, что не хотела бы.

— Вы уверены?

— Да, уверена.

Он повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил о нежном письме Тэсс.

— А я уверен в обратном! — возбужденно воскликнул он.— Я ее знаю лучше, чем вы.

— Очень может быть, сэр, потому что я-то, в сущности, никогда хорошенько ее не знала.

— Прошу вас, скажите ее адрес, миссис Дарбейфилд, хотя бы из жалости к одинокому, несчастному человеку.

Снова мать Тэсс смущенно потерла щеку рукой; наконец, видя, что он страдает, сказала тихо:

— Она в Сэндборне.

— А... но где именно? Говорят, Сэндборн разросся...

— Знаю только, что она в Сэндборне. Я сама никогда там не бывала.

Ясно было, что Джоан говорит правду, и больше он не настаивал.

— Не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь? — ласково спросил он.

— Нет, сэр,— ответила она.— Мы теперь всем обеспечены.

Не заходя в дом, Клэр ушел. В трех милях отсюда была станция, и, расплатившись с возницей, он отправился туда пешком. Вскоре отошел последний поезд на Сэндборн, и с этим поездом Клэр уехал.

LV

В одиннадцать часов вечера, заняв номер в гостинице и немедленно по приезде послав отцу телеграмму с указанием адреса, он вышел пройтись по улицам Сэндборна. В такой поздний час нельзя было наводить справки, и он поневоле отложил это до утра. Но ему было не до сна.

Этот модный приморский курорт с двумя вокзалами — восточным и западным, с его набережными, сосновыми рощами, аллеями, садами казался Энджелу Клэру каким-то сказочным местом, возникшим внезапно по мановению волшебного жезла и лишь слегка запыленным. С востока примыкала к нему гигантская красно-бурая Эгдонская пустошь, и, однако, именно на границе этой древней земли вырос город увеселений. На расстоянии мили от предместий Сэндборна каждый холмик вещал о доисторических временах, каждый канал служил средством сообщения бриттам; все оставалось неприкосновенным со времен цезарей. Но внезапно, словно дерево пророка, вырос здесь новый шумный город и заманил сюда Тэсс.

При свете фонарей Клэр бродил по извилистым улицам нового мирка, возникшего в мире старины, и среди верхушек деревьев видел на фоне звездного неба высокие крыши, трубы, бельведеры, башни пышных вилл, которые и составляли город. Здесь были только особняки; курорт, перенесенный на берег Ла-Манша с побережья Средиземного моря, ночью казался еще внушительнее, чем был в действительности.

Море было близко, но не вторгалось навязчиво, оно шумело, а он подумал, что шумят сосны; сосны шумели так же, как и море,— и этот шум принял он за плеск прибоя.

Где же могла приютиться Тэсс, крестьянка, его молодая жена, в этом богатом и фешенебельном городе? Чем больше он думал, тем сильнее недоумевал. Разве есть здесь коровы, которых она могла бы доить? Полей-то, уж во всяком случае, тут не было. Вернее всего, она работает прислугой в одном из этих больших домов. И он брел дальше, посматривая на освещенные окна, которые гасли одно за другим, и старался угадать, где окно ее комнаты.

Догадки ни к чему не привели: после полуночи он вернул-

ся в гостиницу и лег спать. Прежде чем потушить свет, он еще раз прочел страстное письмо Тэсс. Заснуть он, однако, не мог: быть так близко от нее и в то же время так далеко... Поминутно поднимал он шторы, всматривался в дома напротив и спрашивал себя: не за этой ли стеной спит она сейчас?

В эту ночь он мог бы и не ложиться в постель. Встал он в семь часов и, выйдя на улицу, направился к почтамту. У двери он встретил смышленного на вид почтальона, отправлявшегося разносить утреннюю почту.

— Не знаете ли вы адреса миссис Клэр? — спросил Энджел.

Почтальон покачал головой.

Вспомнив, что она, вероятно, живет под своей девичьей фамилией, Клэр добавил:

— Или мисс Дарбейфилд?

— Дарбейфилд?

И этой фамилии почтальон не слышал.

— Здесь, знаете ли, сэр, одни приезжают, другие уезжают, — сказал он. — Не зная дома, никого не отыщешь.

В это время из почтамта вышел один из его товарищей, и Клэр повторил фамилию.

— Дарбейфилдов я не знаю, но в «Цапле» живет д'Эрбервилль, — ответил второй почтальон.

— Вот это мне и нужно! — воскликнул Клэр, обрадовавшись, что она носит теперь неискаженную фамилию. — А что это за «Цапля»?

— Богатый пансион. Здесь только и есть что пансионы.

Расспросив дорогу, Клэр ускорил шаги и подошел к дому одноэтажному с молочником. «Цапля» была самой обыкновенной виллой, но находилась на отдельном участке и скорее напоминала частный особняк, чем пансион, где сдаются комнаты. Если бедная Тэсс, как он опасался, устроилась сюда служанкой, она должна была бы встретить молочника у черного входа, и Клэр сначала решил последовать за ним. Потом, передумав, пошел к парадной двери и позвонил.

Час был ранний, и дверь открыла сама хозяйка. Клэр осведомился, не здесь ли живет Тереза д'Эрбервилль, или Дарбейфилд.

— Миссис д'Эрбервилль?

— Да.

Значит, Тэсс считали здесь замужней женщиной, и он обрадовался этому, хотя она и не носила его фамилии.

— Будьте добры, скажите ей, что ее хочет видеть родственник.

— Рановато еще. А как доложить о вас, сэр?

— Скажите, что пришел Энджел.

— Мистер Энджел?

— Нет, Энджел. Это имя, а не фамилия. Она знает.

— Пойду посмотрю, проснулась ли она.

Его ввели в комнату. Это была столовая; сквозь прозрачные занавески он видел маленькую лужайку, рододендроны и кусты. Очевидно, Тэсс жилось не так плохо, как он опасался; у него мелькнула догадка, что она как-нибудь вытребовала и продала бриллианты. За это он ее не осуждал. Вскоре настроженный его слух уловил шаги — кто-то спускался по лестнице. Сердце его мучительно забилося, он едва удержался на ногах. «Боже мой, что она обо мне подумает? Я так изменился!» — прошептал он — и дверь распахнулась.

На пороге стояла Тэсс — совсем не такая, какую думал он ее увидеть, совсем и непонятно другая. Ее поразительная красота не то что выигрывала, но, во всяком случае, казалась заметнее благодаря костюму. Ее окутывал широкий серовато-белый кашемировый капот с вышивкой, выдержанной в полутраурных тонах; того же цвета были утренние туфли. У ворота капот был обшит пухом. Густую темно-каштановую массу волос, которую он так хорошо помнил, она закрутила на затылке, но отдельные пряди падали ей на плечо,— очевидно, она спешила.

Он протянул к ней руки, но она осталась стоять в дверях, и руки его опустились. Он, похожий теперь на скелет, обтянутый желтой кожей, почувствовал контраст между собой и ею и решил, что внушает ей отвращение.

— Тэсс,— сказал он хрипло,— простишь ли ты меня за то, что я уехал? Неужели ты не подойдешь ко мне? Почему ты так... изменилась?

— Слишком поздно! — проговорила она; ее голос звучал резко, глаза неестественно блестели.

— Я был несправедлив к тебе, я видел тебя не такой, какою ты была! — умолял он.— Теперь я тебя знаю. Тэсси, любимая!

— Слишком поздно! — повторила она, судорожно отмахиваясь рукой, словно ее пытали, и каждая минута казалась ей часом.— Не подходи ко мне, Энджел! Нет, нельзя. Не подходи!

— Неужели ты можешь меня разлюбить, моя любимая, моя жена, потому что я так изменился после болезни? Нет, ты не была непостоянной... я приехал за тобой, теперь мои родители примут тебя с любовью!

— Да, да! Но говорю тебе — слишком поздно! — Казалось, она испытывала то страшное ощущение, когда во сне хочешь бежать и не можешь.— Или ты ничего не знаешь? Но как же ты мог прийти сюда, если ты не знал?

— Я навел справки и отыскал тебя.

— Я тебя ждала! Так ждала! — говорила она, и голос ее снова звучал мелодично и скорбно, как в былые времена.— Но ты не возвращался. Я тебе написала, а ты не приехал! Он мне твердил, что ты никогда не вернешься и что я глупа. Когда умер отец, он был очень добр ко мне, и к матери, и ко всем нам. Он...

— Я не понимаю.

— Он уговорил меня вернуться к нему.

Клэр пристально посмотрел на нее, потом, поняв смысл ее слов, поник, как пораженный громом, и опустил глаза; взгляд его упал на ее руки: эти руки, когда-то розовые, были теперь белые и очень нежные.

Она продолжала:

— Он там, наверху. Теперь я его ненавижу, потому что он мне солгал: сказал, что ты не вернешься, а ты *вернулся!* Вот как он меня нарядил... мне было все равно, что бы он со мной ни делал! Но, прошу тебя, Энджел, уйди и никогда больше не приходи.

Они стояли неподвижно, в смятении, с тоской глядя друг на друга. Казалось, оба умоляли кого-то защитить их от действительности.

— Ах, это моя вина! — сказал Клэр.

Продолжать он не мог. Слова были так же бессильны, как и молчание. Но он смутно почувствовал то, что только впоследствии понял ясно: его Тэсс как бы отреклась от тела, которое

он видел перед собой, и позволила ему, словно это был труп, плыть по течению, независимо от ее воли.

Прошло несколько секунд, и он заметил, что Тэсс ушла. Кровь отхлынула от его лица: казалось, оно еще больше осунулось, пока он стоял, сосредоточенно размышляя. Минуты через две он уже шел по улице, сам не зная, куда идет.

LVI

Миссис Брукс, хозяйка «Цапли» и владелица всей этой прекрасной мебели, отнюдь не страдала чрезмерным любопытством. Вынужденная служить расчетливому демону барышей и убытков, она, бедняжка, слишком погрязла в материальных делах и могла интересоваться только карманами своих жильцов; бескорыстное любопытство было ей чуждо. Однако визит Энджела Клэра к ее состоятельным жильцам, супругам д'Эрбервиллям, каковыми она их считала, был настолько необычен, если принять во внимание ранний час и другие обстоятельства, что воскресил в ней женское любопытство, которое давно было задушено, поскольку не могло служить интересам дела.

Тэсс разговаривала с мужем, оставаясь в дверях и не входя в столовую, и миссис Брукс, стоявшая за приоткрытой дверью своей гостиной в конце коридора, слышала обрывки разговора, — если можно назвать разговором те слова, какими обменялись двое несчастных. Слышала она также, как Тэсс поднялась по лестнице, а Клэр ушел и как за ним захлопнулась парадная дверь. Потом стукнула дверь наверху, и миссис Брукс поняла, что Тэсс вернулась к себе. Так как молодая женщина была в капоте, миссис Брукс предполагала, что она выйдет еще не скоро.

Тихонько поднялась она по лестнице и остановилась у двери гостиной, которая соединялась двусторчатой дверью со смежной комнатой — спальней. Весь бельэтаж, где находились лучшие комнаты миссис Брукс, снимали д'Эрбервилли, внося плату еженедельно. В спальне было тихо, но из гостиной доносились какие-то звуки.

Сначала она расслышала только протяжный стон, словно кого-то пытали на колесе Иксиона:

— О-о-о...

Молчание, тяжелый вздох и снова:

— О-о-о...

Хозяйка посмотрела в замочную скважину. Ей видна была только небольшая часть комнаты, угол стола, на котором уже приготовлен был завтрак, а рядом стул. Над сиденьем стула виднелась склоненная голова Тэсс, стоявшей на коленях; руки она заломила над головой, подол ее капота и вышитой ночной рубашки расстился по полу; на ковре видны были ее босые ноги, с которых упали туфли. И с ее уст срывался шепот, выражавший бесконечное отчаяние.

Из смежной спальни донесся мужской голос:

— Что случилось?

Она не ответила, не прервала своего заунывного монолога, звучащего, как похоронное пение. Миссис Брукс могла расслышать лишь некоторые фразы:

— А потом мой милый муж вернулся ко мне... а я этого не знала... А ты был так жесток и все мне внушал... да, ты не переставал мне внушать. Мои сестры, братья, нищета матери — вот чем удалось тебе меня сломить, и ты говорил, что мой муж никогда не вернется, никогда... Ты надо мной издевался, говорил, что я глупа, если все еще его жду... И наконец я тебе поверила и уступила... А он вернулся! Теперь он ушел. Снова ушел, и я потеряла его навеки... и теперь он не может меня любить, он будет ненавидеть... Да, теперь я его потеряла, и опять из-за тебя!

Корчась на полу, она повернула лицо к двери, и миссис Брукс увидела, что оно искажено от боли; губы до крови закусены, глаза закрыты, и длинные ресницы, смоченные слезами, прилипли к щекам. Она продолжала:

— А он умирает... он похож на умирающего!.. И мой грех убьет его, а не меня! Да, ты разбил мою жизнь... сделал то, что я молила тебя не делать,— сделал меня своей. А мой муж никогда, никогда... о, боже, я этого не вынесу! Не вынесу!

Мужчина что-то резко сказал, послышался шорох; она вскочила. Миссис Брукс, думая, что она выбежит из комнаты, поспешила спуститься вниз.

Однако ей незачем было спешить: дверь гостиной не распахнулась. Но миссис Брукс, считая небезопасным подслушивать на площадке лестницы, вернулась в свою комнату.

Сверху не доносилось ни звука, хотя она напряженно прислушивалась, и поэтому она пошла в кухню кончать прерванный завтрак. Вернувшись затем в гостиную первого этажа, она принялась за шитье, поджидая, когда позвонят жильцы; она хотела пойти сама на звонок и убрать со стола, надеясь, что ей удастся разузнать, в чем дело. Наверху поскрипывали половицы — кто-то ходил по комнате; потом, задев за перила лестницы, зашуршало платье, открылась и захлопнулась парадная дверь, и показалась Тэсс, выходящая на улицу. Она была одета в дорогой костюм для прогулки, в котором приехала сюда, но шляпу с черными перьями закрыла вуалью.

Миссис Брукс не расслышала, обменялись ли жильцы бельэтажа еще какими-нибудь фразами. Быть может, они поссорились, а может быть, мистер д'Эрбервилль еще спал — он не имел обыкновения вставать рано.

Она удалилась в заднюю комнату, где обыкновенно работала, и продолжала шить. Дама не возвращалась, а джентльмен не звонил. Миссис Брукс размышляла, чем может быть вызвано такое промедление и какое отношение имеет ранний посетитель к паре, занимавшей бельэтаж. Задумавшись, она откинулась на спинку стула.

Случайно подняв глаза, она увидела на белом потолке пятно, которого раньше никогда не замечала. Когда она обратила на него внимание, оно было не больше облатки, но, быстро разрастаясь, стало величиной с ладонь, и тогда она разглядела, что пятно это красное. Комната была длинная, и белый потолок с алым пятном посредине напоминал гигантского туза червей.

У миссис Брукс зародились странные опасения. Она влезла на стол и коснулась пальцами пятна на потолке. Оно было влажное; ей показалось, что это кровь.

Спрыгнув со стола, она поднялась на второй этаж, намереваясь войти в комнату наверху — это была спальня, смежная с гостиной. Но, хотя нервы у нее были крепкие, она не могла заставить себя нажать дверную ручку. Она прислушалась. Мертвую тишину нарушало только мерное капанье: кап, кап, кап.

Миссис Брукс поспешно спустилась вниз, открыла парадную дверь и выбежала на улицу. Мимо проходил человек, которого она знала, — рабочий, служивший в соседней вилле. Она попросила его вместе с ней подняться наверх: она боится, не случилось ли беды с одним из ее жильцов. Рабочий согласился и последовал за ней.

Она открыла дверь гостиной и, пропустив его вперед, вошла вслед за ним. В комнате никого не было; завтрак — кофе, яйца, холодная ветчина — остался нетронутым; стол был накрыт так, как она сама его накрыла, не хватало только большого ножа. Она попросила рабочего пройти в соседнюю комнату.

Он открыл дверь, сделал два-три шага и тотчас же вернулся с помертвевшим лицом.

— О, господи, джентльмен лежит в постели мертвый! Кажется, его ударили ножом... на полу лужа крови!

Подняли тревогу, и дом, еще недавно такой тихий, огласился шарканьем многочисленных ног; явился и врач. Рана была маленькой, но острие ножа задело сердце жертвы; убитый лежал на спине, бледный, окоченевший,— вряд ли он хоть раз пошевелинулся, после того как ему нанесен был удар. Четверть часа спустя весть о том, что приезжего джентльмена убили ножом в постели, распространилась по всем улицам и виллам модного курорта.

LVII

Энджел Клэр шел, как автомат, обратно по тем же улицам и, вернувшись в гостиницу, сел завтракать, рассеянно глядя в пространство. Ел он и пил, не сознавая, что делает, затем вдруг потребовал счет и, расплатившись, взяв свой саквояж, вышел.

В эту минуту ему подали телеграмму — несколько слов от матери: они были рады получить его адрес и сообщают ему, что его брат Катберт сделал предложение мисс Мерси Чант, которое и было принято.

Клэр скомкал телеграмму и пошел на вокзал; здесь он узнал, что следующий поезд отходит только через час. Он сел. Однако через четверть часа почувствовал, что ждать больше не может. Раздавленному, оглушенному, ему незачем было спешить; но он хотел скорей выбраться из города, где пережил такое испытание, и решил идти пешком до следующей станции, а там сесть в поезд.

Он шел по открытой дороге, которая спускалась в ложбину и была видна из конца в конец. Он уже почти миновал ее, когда, поднимаясь по западному склону, приостановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг оглянулся. Почему он это сделал, он не мог бы объяснить,— словно что-то его подтолкнуло. Он увидел пройденную им дорогу, ровную и прямую, как протянутая тесьма, и вдруг на этом белом пространстве появилось движущееся пятнышко.

Это был бегущий человек! Клэр ждал, смутно предчувствуя, что кто-то старается его догнать.

Внизу по склону бежала женщина, но он далек был от мысли, что его жена может за ним последовать; даже когда она была уже близко, он не узнал ее в этом новом костюме, и только когда она подошла к нему совсем вплотную, он наконец поверил, что перед ним Тэсс.

— Я видела, как ты отошел от вокзала... когда я подходила к нему... и всю дорогу я за тобой бежала!

Бледная, задыхающаяся, она дрожала всем телом, и он, не задав ей ни единого вопроса, продел ее руку под свою и

повел дальше. Желая избежать встречи с прохожими, он свернул с дороги на тропинку, убегавшую в еловый лес. Ветви стонали над ними, когда они углубились в чашу; здесь он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

— Энджел,— начала она, словно только и ждала его взгляда,— знаешь, почему я за тобой побежала? Сказать тебе, что я его убила!

И жалкая улыбка появилась на ее лице.

— Что? — воскликнул он, думая, что она бредит.

— Я это сделала... не знаю как,— продолжала она.— Наверное, я должна была это сделать ради тебя и ради самой себя, Энджел. Я давно боялась, еще в тот день, когда ударила его перчаткой по губам, что когда-нибудь убью его за то зло, какое он причинил мне в ранней юности, испортив тем и твою жизнь. Он стоял между нами и погубил нас, но теперь он бессилен вредить. Я никогда не любила его, Энджел, я любила одного тебя. Ты это знаешь, да? Ты мне веришь? Ты ко мне не вернулся, и я принуждена была вернуться к нему. Зачем ты уехал, зачем, когда я тебя так любила? Я не могу понять, зачем ты это сделал. Я тебя не виню, но ты мне простишь, Энджел, мою вину перед тобой — теперь, когда я его убила? Я бежала за тобой и думала, что теперь ты меня, наверно, простишь, раз я это сделала. Меня словно осенило, что так я могу тебя вернуть. Больше я не могла жить без тебя, ты не знаешь, как невыносимо мне было сознавать, что ты меня не любишь. Скажи же мне, мой муж, мой любимый муж, скажи, что любишь меня теперь, когда я его убила!

— Я люблю тебя, Тэсс, люблю, как раньше,— сказал он, судорожно прижимая ее к себе.— Но как понять твои слова? Ты его действительно убила?

— Да, убила...— прошептала она, словно сквозь сон.

— Он мертв?

— Да. Он слышал, как я плакала, когда ты ушел, и стал надо мной издеваться, гнусно ругать тебя,— тогда я это сделала. Сердце мое не вынесло. Он и раньше издевался надо мной, говоря о тебе. А потом я оделась и пошла искать тебя.

Наконец Клэр почти поверил, что она если не убила его, то, во всяком случае, пыталась сделать то, о чем говорила. К ужасу перед ее поступком примешивалось изумление: как сильна была ее любовь к нему и как необычайна, если она заглянула в ней все нравственные чувства! Не отдавая себе отчета в серьезности своего поступка, она, казалось, была счастлива: прислонившись к его плечу, она плакала от радости, а он смотрел на нее и думал о том, что темная кровь д'Эрбервиллей внушила ей этот бред — если это было бредом. Потом у него мелькнула мысль, что фамильная легенда о карете и убийстве возникла потому, что д'Эрбервилли действительно бывали повинны в таких деяниях. Он подумал, насколько вообще он мог, находясь в таком смятении, думать, он пред-

положил, что в минуту безумного горя, о котором она говорила, рассудок ее помутился и она ринулась в эту пропасть.

Если она сказала правду — это было страшно; если бредила — печально. Но как бы то ни было, она, его покинутая жена, страстно любящая женщина, льнула к нему в непоколебимой уверенности, что найдет у него защиту. И он понял, что не может обмануть ее надежды. Наконец нежность одержала верх над всеми другими чувствами, Клэр бледными губами без конца целовал ее. Потом, не выпуская ее руки, сказал:

— Я не покину тебя! Что бы ты ни сделала, любимая, я буду защищать тебя, пока хватит сил!

Они пошли дальше под сенью деревьев. Тэсс поминутно повертывала голову, чтобы взглянуть на него. Хотя он теперь исхудал и подурнел, она, очевидно, не находила в нем никаких недостатков. Как в старые времена, он оставался для нее совершенством. Все еще был он ее Антиноем, даже Аполлоном. Для нее, любящей, его изможденное лицо было прекрасно, как утро, прекрасно сегодня, как и в день первой их встречи, — ведь это было лицо единственного человека на земле, который любил ее чистой любовью и верил в ее чистоту.

Инстинктивно сознавая всю опасность их положения, он не пошел, как намеревался раньше, на станцию, но углубился в лес, который тянулся на много миль. Обнявшись, шли они по сухому ковру из еловых игл, опьяненные сознанием, что наконец-то они вместе и никто не стоит между ними; о мертвце они забыли. Так прошли они несколько миль. Наконец Тэсс, очнувшись, осмотрелась по сторонам и робко спросила:

— Мы идем куда-нибудь в определенное место?

— Не знаю, дорогая. А что?

— Не знаю.

— Мы можем пройти еще несколько миль, а когда стемнеет, поищем комнату в какой-нибудь уединенной хижине. Ты не устала, Тэсси?

— О нет! Я могу идти без конца, когда ты обнимаешь меня.

Уйти как можно дальше — это было, пожалуй, самым разумным. Они ускорили шаги и, избегая проезжих дорог, шли лесными тропинками, держа путь на север. Но все же действовали они необдуманно: ни он, ни она не помышляли ни о бегстве, ни о переодевании, ни о том, чтобы где-нибудь спрятаться. Будущее их не заботило, и, как дети, они не заглядывали дальше этого дня.

К полудню они увидели придорожную харчевню, и Тэсс хотела войти туда вместе с ним, чтобы поесть, но он убедил ее подождать его среди деревьев и кустов, — теперь они шли по перелескам, разбросанным среди вересковой равнины. Тэсс была одета по последней моде, даже изящный зонтик с ручкой из слоновой кости был диковинкой в этом глухом уголке, даже покрой ее платья привлек бы всеобщее внимание. Вскоре он

вернулся с провизией, по крайней мере, на шесть человек и двумя бутылками вина: этого должно было им хватить на день, даже на два, если бы случилось что-нибудь непредвиденное.

Усевшись на куче хвороста, они принялись за еду. Когда они завернули остатки провизии и пошли дальше, было уже около половины второго.

— У меня хватит сил идти очень долго,— сказала она.

— Мы пойдем в глубь страны и скроемся там на время; вероятно, разыскивать нас будут ближе к побережью,— заметил Клэр.— Потом, когда о нас забудут, мы попробуем добраться до какого-нибудь порта.

Она ничего не ответила и только крепко его обняла. Так пошли они в глубь страны. Хотя был май — английский май, но погода стояла ясная и теплая. Они прошли еще несколько миль, и тропинка завела их в чащу Нового леса, а к вечеру, повернув на проселочную дорогу, они увидели над красивыми воротами большую доску, на которой было написано белой краской: «Этот прекрасный дом сдается внаймы с мебелью»; далее следовали подробности, а за справками предлагалось обращаться в какое-то лондонское агентство. Войдя в ворота, они увидели красивый, построенный в строгом стиле дом со службами.

— Я знаю, где мы,— сказал Клэр.— Это усадьба Бремсхерст. Видишь, дом заперт, и аллея заросла травой.

— Несколько окон открыто,— заметила Тэсс.

— Должно быть, проветривают комнаты.

— Весь дом пустой, а у нас нет пристанища.

— Ты начинаешь уставать, моя Тэсси. Мы скоро отдохнем.

И, поцеловав ее скорбные губы, он повел ее дальше.

Он тоже чувствовал усталость, так как прошли они не меньше двадцати миль, и нужно было подумать об отдыхе. Издали посматривали они на уединенные хижины и маленькие харчевни и хотели было зайти в одну из последних, но мужество изменило им, и они свернули в сторону. Они с трудом волочили ноги и наконец остановились.

— Не переночевать ли нам в лесу? — спросила она.

Но, по его мнению, было еще слишком холодно.

— Я все думаю об этом пустом доме, мимо которого мы прошли,— сказал он.— Вернемся туда.

Они повернули назад, но только через полчаса добрались до ворот с объявлением. Он попросил ее подождать, а сам отправился на разведку.

Она села под кустом у ограды, а Клэр, крадучись, направился к дому. Он не возвращался довольно долго, и Тэсс охватила мучительная тревога — не за себя, а за него. Расспросив какого-то мальчика, Клэр узнал, что за домом присматривает старуха, которая приходит только в ясные дни открывать и закрывать окна; живет она в соседней деревушке. Сегодня она придет только на закате.

— Мы можем влезть в одно из окон нижнего этажа и отдохнуть,— сказал он Тэсс.

Под его охраной она медленно пошла к дому; окна были закрыты ставнями и походили на глаза слепого; оттуда на них никто не смотрел. Они поднялись на крыльцо; окно около двери было открыто. Клэр влез в него и втащил за собой Тэсс.

Все комнаты, кроме vestibюля, были погружены во мрак. Они поднялись на второй этаж; здесь также все ставни были закрыты — дом проветривался кое-как, во всяком случае, сегодня открыто было только окно в прихожей и одно окно в верхнем этаже. Клэр отпер дверь большой комнаты, ощупью добрался до окна и приоткрыл ставни, так что образовалась щель шириной в два-три дюйма. Яркий солнечный луч проник в комнату, осветив тяжелую старомодную мебель, малиновые шелковые портьеры и огромную кровать под балдахинном; над ее изголовьем вырезаны были бегущие фигуры,— по-видимому, состязание Аталанты с женихами.

— Наконец-то мы отдохнем! — сказал Клэр, бросая на пол саквояж и сверток с провизией.

Они сидели, притаившись, поджидая старуху, которая должна была прийти закрыть окна. Из предосторожности они снова плотно закрыли ставни и остались в полной темноте, опасаясь, как бы старуха случайно не заглянула в эту комнату. Она явилась между шестью и семью, но даже не зашла в то крыло дома, где они приютились. Они слышали, как она закрыла окна, заперла двери и ушла. Тогда Клэр, снова приоткрыв ставни, впустил луч света, и они поужинали. Постепенно их окутывали тени ночи, у них не было свечей, чтобы разогнать мрак.

LVIII

Ночь была странно торжественная и тихая. В глухой полуночный час Тэсс шепотом рассказала ему, как он во сне переносил ее на руках через реку Фрум, подвергая опасности жизнь их обоих, как положил ее в каменную гробницу в разрушенном аббатстве. Только сейчас узнал он об этом.

— Почему ты ничего не сказала мне на следующий день! — воскликнул он.— Это избавило бы нас от многих недоразумений и печалей.

— Не думай о прошлом,— сказала она.— Я хочу думать только о настоящем. Кто знает, что будет завтра?

Но завтра, казалось, не сулило ничего дурного. Утро было сырое, туманное, и Клэр, зная, что старуха приходит отворять окна только в ясные дни, рискнул выйти из комнаты и осмотреть дом, пока Тэсс спала. Провизии в доме не оказалось, но вода была. Под покровом тумана Клэр покинул усадьбу и, дойдя до маленького городка, находившегося в двух милях оттуда, купил в лавке чаю, хлеба и масла, а также маленький

чайник и спиртовку, чтобы избежать дыма. Тэсс проснулась, когда он вернулся, и они принялись за принесенный им завтрак.

Им не хотелось идти дальше: прошел день, ночь, еще два дня, и так незаметно промелькнуло пять дней полного уединения, ни один человек не нарушал их покоя,— если это был покой. Единственным событием в их жизни была перемена погоды; общество людей заменяли им птицы Нового леса. По молчаливому соглашению они почти не говорили о месяцах, последовавших за днями их свадьбы. Это мрачное время словно провалилось в хаос, и более отдаленное прошлое сомкнулось над ними с настоящим. Когда Клэр заговаривал о том, чтобы покинуть усадьбу и идти в Саутгемптон или Лондон, она отказывалась трогаться с места.

— Зачем нам обрывать эту жизнь, такую чудесную и радостную! — убеждала она. — Чему быть, того не миновать. Все беды подстерегают нас там, а здесь хорошо,— добавила она, заглядывая в щель ставней.

Он тоже посмотрел в щель. Она была права: здесь — любовь, жалость, прощение, там — неумолимая судьба.

— И знаешь,— сказала она, прижимаясь щекой к его щеке. — Я боюсь, что ты не всегда будешь думать обо мне так, как думаешь теперь. Я не хочу пережить твою любовь. Да, не хочу. Лучше мне умереть, прежде чем настанет время, когда ты будешь меня презирать,— пусть я никогда не узнаю, что ты меня презираешь.

— Я никогда не буду тебя презирать.

— Ах, если бы так! Но, вспоминая свою жизнь, я не верю, что может найтись хоть один человек, который рано или поздно не почувствует ко мне презрения... Какое страшное безумие овладело мной! А ведь раньше я бы не обидела мухи или червяка; я часто плакала, глядя на птицу в клетке.

Они остались еще на сутки. Ночью пасмурное небо прояснилось, и поэтому старуха, присматривающая за домом, проснулась рано. Ослепительный солнечный свет подбодрил ее, и она решила немедленно пойти в усадьбу и хорошенько проветрить дом по случаю такой чудесной погоды. И вот еще до шести часов она открыла окна в нижнем этаже, а затем поднялась наверх и хотела было открыть дверь в комнату, где они спали, как вдруг ей почудилось, что она слышит чье-то дыхание. Мягкие туфли заглушали ее старческие шаги, и она хотела было уйти, но потом, предположив, что ошиблась, вернулась к двери и осторожно нажала ручку. Замок был испорчен, но изнутри кто-то заставил дверь мебелью, и она могла приоткрыть ее только на один-два дюйма. Луч света, пробивавшийся в щель ставня, падал на лица мужчины и женщины, погруженных в глубокий сон; губы Тэсс, полураскрытые, как распускающийся цветок, касались щеки Клэра. Старуха была поражена приличным видом этой пары, а также элегантным платьем Тэсс, висевшим на спинке стула, шелко-

выми ее чулками, красивым зонтиком и другими изящными принадлежностями туалета, который она продолжала носить, так как ничего другого у нее не было. И негодование, охватившее старуху при мысли, что в дом забралась наглые ночные бродяги, сменилось теперь романтическим сочувствием к тайно обвенчавшимся влюбленным благородного происхождения, за которых она их приняла. Она закрыла дверь и удалилась так же тихо, как пришла, намереваясь посоветоваться с соседями о своем странном открытии.

Минуту спустя после ее ухода проснулась Тэсс, затем Клэр. У обоих было смутное чувство, будто что-то потревожило их сон, и порожденная этим тревога все усиливалась. Поспешно одевшись, Клэр внимательно осмотрел лужайку сквозь щель в ставне.

— Нам надо уходить,— сказал он.— День ясный, и мне все время чудится, что в доме кто-то есть. И, во всяком случае, старуха сегодня придет.

Тэсс покорно подчинилась. Приведя комнату в порядок и захватив свои вещи, они потихоньку вышли. На опушке леса она оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на усадьбу.

— Прощай, счастливый дом! — сказала она.— Все равно мне осталось жить всего несколько недель. Почему мы там не остались?

— Не говори так, Тэсс. Скоро мы уйдем из этих мест. Будем, как и раньше, идти прямо на север. Никому не придет в голову разыскивать нас там. Если и будут нас искать, то только в уэссекских портах. А мы доберемся до какого-нибудь северного порта и уедем.

Он уговорил ее принять этот план, и они пошли прямо на север. Длительный отдых в усадьбе восстановил их силы, и незадолго до полудня они увидели колокольни Мелчестера, старинного городка, лежавшего на их пути. Днем Клэр решил отдохнуть в роще, а дальше идти уже под покровом ночи. В сумерках он, как всегда, отправился покупать провизию, а затем они пошли дальше и около восьми часов перешли границу между Верхним и Средним Уэссексом.

Тэсс не впервые приходилось идти, минуя проезжие дороги, и она проявила такую же выносливость, как в былые времена. Им пришлось войти в Мелчестер, чтобы по городскому мосту перейти широкую реку, преграждавшую путь. В третьем часу ночи они шли по безлюдным улицам, кое-где освещенным фонарями, шли не по тротуару, а по мостовой, чтобы заглушить звук своих шагов. Слева смутно вырисовывался величественный собор, но сейчас они не могли его разглядеть. Выйдя из города, они прошли несколько миль по большой дороге, которая увела их на открытую равнину.

Небо было затянуто облаками, но лунный свет, пробивавшийся сквозь эту завесу, помогал им ориентироваться. Однако вскоре луна зашла, тучи, казалось, нависли над самой

головой, и стало темно, как в подземелье. Однако они кое-как продвигались вперед, стараясь идти по траве, чтобы не слышно было шагов; это не представляло затруднений, так как ни заборов, ни живой изгороди им не попадалось, кругом тянулась открытая пустынная черная равнина, над которой дул резкий ветер.

Так прошли они в темноте две-три мили, как вдруг Клэр заметил, что перед ними маячит какое-то гигантское строение. Они едва на него не наткнулись.

— Что это за странное место? — воскликнул Энджел.

— Здесь все гудит,— сказала она.— Слушай!

Он прислушался. Ветер, разбиваясь о строение, гудел, словно дрожала струна гигантской арфы. Больше ничего не было слышно. Вытянув руку, Клэр шагнул вперед и коснулся вертикальной стены. Казалось, она была сложена не из отдельных камней, а представляла собой одну сплошную каменную глыбу. Проведя по ней рукой, он убедился, что это колоссальная прямоугольная колонна; вытянув левую руку, он нащупал вторую такую же колонну. Вверху, между ними, черное небо казалось еще чернее — там нависал соединяющий их архитрав. Клэр и Тэсс осторожно прошли между колоннами, и гулкое эхо отвечало на их тихие шаги; но оказалось, что они все еще находятся под открытым небом. Строение это было лишено крыши. Тэсс боязливо затаила дыхание, а Энджел с недоумением проговорил:

— Что это может быть?

Свернув в сторону, они наткнулись еще на одну колонну, похожую на башню, прямоугольную и мощную, как и первая. Здесь не оказалось ничего, кроме колонн, просветов между ними и архитравов, соединяющих некоторые колонны.

— Настоящий храм ветров,— сказал Клэр.

Следующая колонна стояла совсем одиноко, другие образовывали трилитоны, а большинство лежало на земле, и по их широкой поверхности могла бы проехать карета.

Тэсс и Клэр убедились, что находятся в лесу из монолитов, возвышающихся среди покрытой травой равнины. Углубившись в эту обитель ночи, они остановились.

— Это Стоунхендж! — воскликнул Клэр.

— Языческий храм?

— Да. Он древнее столетий. Древнее, чем д'Эрбервилли! Что же нам делать, дорогая? Пойдем дальше искать пристанища.

Но Тэсс была совсем измучена, она легла на продолговатую каменную плиту, защищенную от ветра колонной. Днем солнце нагрело камень, и теперь он был сухой и теплый, тогда как жесткая трава вокруг покрылась холодной росой, пропитавшей подол ее платья и ботинки.

— Я не хочу идти дальше, Энджел,— сказала она, протягивая к нему руку.— Нельзя ли остаться здесь?

— Боюсь, что нет. Днем это место открыто со всех сторон, хотя сейчас оно и кажется уединенным.

— Я припоминаю, что один из родственников моей матери был здесь пастухом. А в Тэлботейсе ты меня называл язычницей. Значит, теперь я дома.

Он опустился подле нее на колени и коснулся губами ее губ.

— Ты совсем засыпаешь, дорогая. Мне кажется, ты лежишь на алтаре.

— Мне здесь очень нравится,— прошептала она.— Я была бесконечно счастлива, а здесь так торжественно и уединенно, только небо над головой. Можно подумать, что, кроме нас двоих, в целом мире нет никого. И я бы хотела, чтобы только мы двое и были,— мы и Лайза Лу.

Клэр решил, что ей следует отдохнуть здесь до рассвета, и, прикрыв ее своим пальто, сел рядом с ней.

— Энджел, если что-нибудь случится со мной, ты ради меня позаботишься о Лайзе Лу? — спросила она после долгого молчания, когда они оба прислушивались к ветру, завывающему среди колонн.

— Да.

— Она такая добрая, простодушная и чистая. О Энджел, я бы хотела, чтобы ты женился на ней, если лишишься меня, а это случится скоро. Женись на ней!

— Лишаясь тебя, я лишаюсь всего. И она — моя свояченица.

— Это ничего не значит, любимый. В Марлотте часто женятся на свояченицах. Лайза Лу милая и кроткая девочка, а какая она стала красивой! О, я бы не ревновала тебя к ней, когда мы будем духами! Ах, если бы ты воспитал, обучил ее, Энджел, и поднял до себя!.. В ней есть все, что было лучшего во мне, и нет моих недостатков; а если бы она стала твоей, было бы так, словно смерть нас не разлучила... Ну вот, теперь я тебе сказала. Больше я не буду говорить об этом.

Она умолкла, а он задумался. Далеко на северо-востоке он видел между колонн горизонтальную полосу. Черный облачный свод приподнимался, словно крышка горшка, пропускающая у края земли свет загорающегося дня, и при этом свете начали вырисовываться темные монолиты и трилитоны.

— Здесь приносили жертвы богу? — спросила она.

— Нет,— сказал он.

— А кому?

— Я думаю, солнцу. Вот тот высокий камень стоит в стороне и обращен к востоку; из-за него скоро выглянет солнце.

— Помнишь, любимый,— сказала она,— пока мы не поженились, ты никогда не хотел касаться моих верований? Но все-таки я знала твои мысли и думала так, как думал ты,— не потому, что у меня были какие-то убеждения, а только

потому, что ты так думаешь. Скажи мне теперь, Энджел, как по-твоему, встретимся мы снова после смерти? Я хочу знать.

Он поцеловал ее, чтобы избежать ответа в такую минуту.

— О Энджел... Боюсь, что это значит — нет! — воскликнула она, заглушив рыдания.— А я так хотела бы тебя увидеть, так хотела! Энджел, неужели даже ты и я не встретимся? А ведь мы так любим друг друга!

Подобно тому, кто был сильнее, чем он, Клэр не ответил на роковой вопрос, заданный в роковую минуту. И снова они умолкли. Минуты через две дыхание ее стало ровнее, пальцы, сжимавшие его руку, разжались, и она заснула. В бледном серебристом свете, разгорающемся на востоке, великая равнина казалась черной и словно приблизилась к ним; сосредоточенная, напряженная тишина окутывала необъятное пространство — тишина, предшествующая рассвету. Восточные колонны с архитравами чернели на фоне светлого неба, дальше виднелся камень Солнца, очертаниями своими напоминающий язык пламени, а перед ним жертвенник. Ночной ветер стих, и вода, скопившаяся в выбоинах, напоминающих чаши, застыла неподвижно. В то же мгновение за восточным краем развалин мелькнуло темное пятно. Это была голова человека, шедшего по ложбине за камнем Солнца. Клэр пожалел, что они не ушли отсюда, но сейчас благоразумнее было остаться на месте. Человек направлялся прямо к тем колоннам, среди которых они приютились.

Сзади послышался шум — шарканье ног. Оглянувшись, он увидел над поверженной колонной еще человека; не успел он опомниться, как справа, под трилитомом, появился еще один,

а слева другой. Рассвет позволил Клэру разглядеть, что человек, шедший с западной стороны, был высокого роста и в нем чувствовалась военная выправка. Очевидно, они их сознательно окружили. Значит, Тэсс сказала правду! Вскочив, он стал осматриваться, ища какое-нибудь оружие, камень... мелькнула мысль о бегстве. Но тот, что был ближе всех, уже подошел к нему.

— Бесплезно, сэръ,— сказал он.— Нас здесь шестнадцать человек, и вся округа поднята на ноги.

— Дайте ей самой проснуться,— шепотом умолял он обступивших его людей.

Только теперь они увидели, где она лежит, и не стали возражать; неподвижные, как колонны, они стояли и стерегли ее. Он подошел к каменной плите и, склонившись над Тэсс, взял ее маленькую руку; дыхание ее было короткое и слабое, как у ребенка. Светало. Все ждали. Фигуры людей были темные, а лица и руки казались посеребренными; блестящие серозеленые камни, но равнина все еще была окутана мраком. Выходило солнце; луч упал на лицо спящей, коснулся ее века и разбудил ее.

— Что случилось, Энджел? — спросила она, приподнимаясь.— Они пришли за мной?

— Да, любимая,— сказал он.— Они пришли.

— Так и должно быть,— прошептала она.— Энджел, я почти рада... да, рада! Это счастье не могло быть долговечным. Слишком оно велико. Я была счастлива, а теперь я не доживу до того времени, когда ты будешь меня презирать.

Она встала, выпрямилась и шагнула вперед, но никто не пошевелился.

— Я готова,— спокойно сказала она.

LIX

Уинтончестер, красивый древний город, бывшая столица Уэссекса, расположенный на холмистой равнине, купался в ярких и теплых утренних лучах июльского солнца. На домах из кирпича, черепицы и известняка почти высох покрывающий их мох, ручьи в долинах обмелели, а на Хай-стрит, от Западных ворот до средневекового креста и от средневекового креста до моста, лениво подметали улицу, что обычно предшествует базарному дню.

Как известно каждому жителю Уинтончестера, у Западных ворот начинается длинная прямая дорога, поднимающаяся на протяжении мили в гору и постепенно уводящая от домов. По этой дороге шли из города два человека, шли быстро, словно не замечая трудного подъема,— но не избыток сил был тому причиной, а глубокая сосредоточенность. Вышли они на эту дорогу из узкой калитки в высокой стене. Казалось, они хотели уйти подальше от домов и людей и потому избра-

ли этот путь. Хотя оба были молоды, но шли понурившись, а солнце безжалостно улыбалось, освещая скорбную пару.

Это были Энджел Клэр и юная девушка, полуробенко-полуженщина, живое подобие Тэсс, тоньше, чем она, но с такими же чудесными глазами,— Лайза Лу, свояченица Клэра. Их бледные лица казались осунувшимися; они шли, держась за руки, в глубоком молчании, а склоненные их головы приводили на память картину Джотто «Два апостола».

Они почти достигли вершины Западного холма, когда на городских часах пробило восемь. Оба вздрогнули и, сделав еще несколько шагов, подошли к первому придорожному столбу, белевшему на зеленом фоне травы, так как здесь дорога не отделялась изгородью от поля. Они ступили на траву и, повинуясь непреодолимой силе, замедлили шаги, остановились у столба, повернулись и оцепенели в ожидании.

Вид с этой вершины открывался необозримый. Внизу, в долине, лежал город, который они только что покинули, и самые высокие здания напоминали изометрический чертеж: массивная башня собора с ее нормандскими окнами, его длинные боковые приделы и неф, шпили церкви св. Фомы, остроконечная башня колледжа, а правее — башня и крыша древнего странноприимного дома, где странник и по сей день может получить кусок хлеба и кружку эля. За городом поднимался куполообразный холм святой Екатерины, а за ним бесконечная даль терялась в ослепительном блеске солнца.

На фоне этого пейзажа и впереди других городских построек высилось большое кирпичное здание с плоской серой крышей и рядами низких, защищенных решетками окон, наводивших на мысль о заточении; своим казенным видом это строение резко отличалось от причудливых готических зданий. Со стороны дороги его заслоняли тисовые деревья и вечнозеленые дубы, но с вершины холма оно было хорошо видно. Калитка, из которой они недавно вышли, находилась в стене этого здания. В центре здания поднималась уродливая восьмиугольная башня с плоской крышей, обращенная затененной стороной к холму. Если смотреть на нее отсюда, против солнца, она казалась единственным пятном на прекрасном облике города. И, однако, не его живописная красота, а именно это пятно притягивало взгляды двух путников. К карнизу башни был прикреплен длинный шест. С него не спускали они глаз. Через несколько минут после того, как пробили часы, что-то медленно поползло вверх по шесту и развернулось, подхваченное ветром. Это был черный флаг.

«Правосудие» свершилось, и «глава бессмертных» (по выражению Эсхила) закончил игру свою с Тэсс. А рыцари и дамы из рода д'Эрбервиллей спали, ничего не ведая, в своих гробницах. Два молчаливых путника склонились до земли, словно в молитве, и долго оставались неподвижными. В полной тишине развевался флаг. Как только вернулись к ним силы, они выпрямились, снова взялись за руки и пошли дальше.

КОММЕНТАРИИ

Над романом «В краю лесов» Томас Гарди работал немногим более года — он начал его в ноябре 1885 года, а 4 февраля 1887 года сделал в своем дневнике следующую запись: «8 часов 20 минут вечера. Закончил «В краю лесов». Думал, что буду рад этому, но особой радости не испытываю,— только облегчение». Впрочем, первое упоминание о замысле романа относится к 1875 году. Интересно, что он возник под впечатлением сбора яблок и изготовления сидра (уже тогда Гарди виделся герой, ставший потом Джайлсом Уинтерборном). В 1884 году Гарди уже вел переговоры с издателем Макмилланом о публикации этого произведения.

Роман печатался в журнале «Макмилланс мэгэзин» с мая 1886 года по апрель 1887-го, а в середине марта 1887 года вышел отдельным изданием в трех томах.

Роман «В краю лесов» существовал в восьми вариантах. Гарди приходилось быть очень осторожным в трактовке темы брака и развода, стоящей в центре произведения. В глазах закона неверность мужа не давала жене оснований для развода — тема эта широко обсуждалась общественностью, однако романист, хотевший увидеть свой роман на страницах журнала, должен был соблюдать крайнюю осмотрительность в ее трактовке. Сейчас нам трудно себе представить, до каких нелепостей доходила пресловутая «миссис Гранди» (традиционная персонификация общественного мнения в Англии) в своих требованиях. Скажем, даже такое слово, как «ночная рубашка», в некоторых случаях под запретом. Описывая Сьюк Дэмсон, выходящую поутру из дома Фитцпирса, Гарди пишет, что на ней было свободное белое одеяние. Лишь в издании 1896 года он осмелится прибавить: «наподобие ночной рубашки». «О, небеса!» — восклицала в первых изданиях Грейс, выслушав признание миссис Чармонд. Лишь в 1896 году Гарди исправляет это восклицание на: «О, боже!»

Показательно в этом отношении письмо, которое направил Гарди издатель «Макмилланс мэгэзин» Моубрей Моррис сразу же после прочтения первых глав романа: «Я уверен, что вы не рассердитесь на меня, если я позволю себе намек на одну небольшую деталь — я имею в виду эпизод с мисс Дэмсон и доктором. Я не беспокоюсь за собственную нравственность, как вы могли бы подумывать, но боюсь, что наши читатели — своеобразные люди: набожные

шотландцы, которых ничего не стоит обидеть... Если бы вам удалось не слишком позорить прелестную мисс Сьюк, это было бы очень хорошо. Пусть человеческая слабость будет смягчена». Моррис на деле, как ни скромно формулирует он свои предложения, диктует известному к тому времени писателю желательное направление в развитии его неоконченного романа — нас не должны обманывать такие его выражения, как «намеки на небольшую деталь», «прелестная мисс Сьюк» и проч. Мисс Дэмсон — это развеселая деревенская девица, а «небольшая деталь» имеет принципиальное значение для всего замысла романа.

Гарди удалось — в последний раз! — удовлетворить требования взыскательной «миссис Гранди», следящей за нравственностью его журнальных читателей. Он сделал это за счет небольшой стилистической правки, не затронувшей в целом ни самого замысла романа, ни характеристики персонажей или смысла описываемых событий. Издавая впоследствии роман отдельными книгами, Гарди год за годом восстанавливал первоначальный текст и вносил в него дополнительные оттенки. Казалось, ничто не предвещало бури, разразившейся в связи с публикацией «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» несколькими годами позже. Впрочем, сам писатель понимал, насколько можно судить по его письмам и дневникам, опасность избираемых им тем.

История Грейс Мелбери — своеобразный вариант еще одного «возвращения на родину». Дорогой ценой платит Грейс за амбиции своего отца, захотевшего сделать из нее «барышню», за отрыв от родной почвы и окружавших ее с детства людей. Сравнивая роман «В краю лесов» с «Возвращением на родину», вместе с тем видишь, насколько более зрелым стало и мастерство, и видение писателя. Подчеркнутая роль случайности, характерная для первого романа, уступает место показу глубинных причин событий. Зоркость Гарди как социального художника неизмеримо возрастает. «Ты — жена Фитцпирса, как и была, — с горечью говорит дочери Мелбери в кульминационный момент романа. — Он еще мало причинил тебе зла! Ты по-прежнему его собственность». Отсюда уже всего один шаг до «Собственника» Голсуорси!

Обращает на себя внимание и то, что сама тема романа перекликается с пьесами Ибсена; на это указывал в июле 1889 года и сам Гарди, когда к нему обратились за разрешением инсценировать роман. В своем ответе Гарди среди прочего писал: «Вы, вероятно, заметили, что в конце романа (это дается скорее намеком, чем прямым утверждением) героиня оказывается приговоренной к несчастливой жизни с непостоянным мужем. Я не мог это достаточно подчеркнуть в романе вследствие условностей, принятых библиотеками и пр.¹ С тех пор, однако, правду характера перестали считать таким

¹ Библиотеки, которые, так же как и журналы, предназначались для «семейного чтения», были весьма строги в отборе литературы. Так, например, «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» была отвергнута рядом библиотек.

преступлением в литературе, как это было прежде, так что вы вольны подчеркнуть эту концовку или затушевать ее». Поэтическое описание лесов и садов, окружающих Малый Хинток, служит не только фоном для всего происходящего; природа участвует в жизни героев Гарди самым непосредственным образом. Об этом красноречиво говорит история болезни и смерти старого Саута.

«В краю лесов» — одно из высших достижений Гарди-романиста. Шумный успех «Тэсс» отчасти затмил этот роман в глазах современников, однако мы на расстоянии в столетие можем оценить его по достоинству.

В дневниках Томаса Гарди мы находим свидетельства того, что весь 1889 год он провел в работе над романом, получившим позже название «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Насколько можно судить, он начал писать роман еще осенью 1888 года. За честь опубликовать роман боролись три журнала. В октябре 1889 года Гарди послал первую часть романа в «Мэррейс мэгэзин», который стоял первым в его списке. Однако уже в середине ноября журнал вернул рукопись автору: причина отказа, как отмечает Гарди в дневнике, крылась в «неприличной откровенности», которую редакция усмотрела уже в самом начале повествования. Гарди тут же послал роман в «Макмилланс мэгэзин», который стоял следующим в его списке, но уже к 25 ноября рукопись была возвращена — по тем же причинам. Отказался печатать роман и третий журнал, «Болтон мэгэзин».

В конце концов роман был опубликован в иллюстрированном еженедельнике «Грэфик ньюспейпер», однако для того чтобы напечатать его, Гарди пришлось пойти на значительные жертвы. Конечно, он мог бы и вовсе отказаться от журнальной публикации, однако, как он признается в своем «Жизнеописании»¹, не сделал этого по финансовым соображениям. В результате он решился на «план действий, беспрецедентный, как ему казалось, в анналах истории». Гарди изъял из романа целые эпизоды и даже главы и внес — цветными чернилами, чтобы легче было их впоследствии восстановить, — ряд существенных изменений в журнальный вариант. Так, в этом варианте Алек д'Эрбервилль не соблазнил Тэсс, но с помощью приятеля разыгрывал сцену регистрации брака, а Тэсс, обнаружив обман, возвращалась домой. Было изъято все, что касалось незаконнорожденного ребенка Тэсс; даже сцена, в которой Энджел Клэр переносит Тэсс и ее подружек через затопленную дорогу, была изменена: Клэр перевозит их в тачке! В таком искаленном виде роман и появился впервые в свет — «Грэфик ньюспейпер» печатал его с 4 июля по 26 декабря 1891 года. Никто не жаловался на неприличие, если не считать одного джентльмена, назвавшегося «отцом нескольких дочерей», которому показалось непристойным пятно крови на потолке, — «Гарди так и не смог понять почему». Наиболее важные из изъятых частей Гарди опубликовал отдельно: часть главы XIV («Полуночное крещение») в мае 1891 года, то есть до начала публи-

¹ Напомним, что в «Жизнеописании» Гарди писал о себе в третьем лице.

кации в «Грэфик ньюспейпер», вышла в журнале «Фортнайтли ревью», а главы X—XI под заглавием «Субботний вечер в «Аркадии» — в ноябре 1891 года в литературном приложении к журналу «Нейшенэл обсервер».

Буря разразилась, когда в ноябре 1891 года появилось отдельное издание романа (издательство «Осгуд и Макилвейн»), в котором Гарди восстановил все купюры. Основная тема романа, заявленная в подзаголовке «Чистая женщина, правдиво изображенная», не могла не вызвать гнева викторианских блюстителей нравственности. Однако, как это нередко бывает, скрыв свои «расхождения с автором произведения чисто художественного в области общественных взглядов, политики или богословия, эти критики напали на его книгу, искусно маскируясь под критиков чисто художественных». Гарди дорого стоили эти нападки: несмотря на растущую популярность романа среди читателей, Гарди с горечью отмечает в дневнике «недобросовестные передергивания» критики. 15 апреля 1892 года он цитирует в дневнике отрывок из рецензии, появившейся во влиятельном журнале «Куотерли ревью» («Эта грубая грязная повесть о похоти и низкой жестокости...»), и замечает: «Если это будет продолжаться, я бросаю писать романы. Нужно быть дураком, чтобы сознательно подставлять себя под выстрелы». Он напишет еще один роман, «Джуда Незаметного» — и уйдет с поля брани.

Сейчас нам очень трудно представить себе, что «Тэсс», которую без преувеличения можно назвать самым поэтичным произведением Гарди, вызвала столь грубые нападки. И дело здесь, разумеется, не только в том, что Гарди в этом романе бросил вызов лицемерной морали буржуазного общества, узаконившей «двойную» норму нравственности и справедливости: одну для мужчин, другую для женщин. Ярость поборников нравственности вызывал, безусловно, и тот факт, что «чистой женщиной», противопоставленной испорченным представителям высших классов, Гарди сделал девушку из народа, которая трудится на ферме, в коровнике и в поле, и труд которой представлен в самом поэтическом виде. К этому следует присовокупить обвинения в «безбожии», которые викторианская критика обрушила на Гарди. Особый гнев вызвал эпизод с братьями Энджела Клэра и фраза из финала романа: «Правосудие» свершилось, и «глава бессмертных» (по выражению Эсхила) закончил игру свою с Тэсс». (В журнальном варианте Гарди пришлось заменить «главу бессмертных» на «Время, этого величайшего из шутников».) И хотя Гарди неустанно повторял во всех интервью, что он просто процитировал эсхилевского «Прометея», нападки на безбожного автора продолжались.

Несмотря на поднятую травлю, «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» имела огромный успех. Уже на следующий после выхода в свет год она была переиздана четырьмя изданиями. Вскоре появились и переводы на европейские языки, и переиздания «за океаном и в колониях». Гарди особенно обрадовал вышедший в 1893 году русский перевод, заслуживший одобрительный отзыв Л. Толстого.

Н. Демурова

В КРАЮ ЛЕСОВ

Стр. 16. ...за его гранью словно разверзлась вселенская пустота, предшествовавшая сотворению мира — Гиннунг-гэп из легенд ее предков-датчан.— Гиннунг-гэп — в древнескандинавской мифологии — «зияющая пропасть» между царством холода и царством огня, хаос, из которого возник мир.

Стр. 17. *Трафальгарский бой* — морское сражение у мыса Трафальгар на атлантическом побережье Испании (1805 г.), в котором английский флот под командованием Нельсона нанес сокрушительное поражение франко-испанской эскадре.

Стр. 19. ...они «страдают под ударами грома и молний» не меньше, чем слабые лютики.— Цитата из стихотворения английского поэта Уильяма Вордсворта (1770—1850) «Лютики».

Стр. 20. ...она боялась собственного отражения не меньше, чем богиня ее предков Сиф, когда волосы ее похитил зловредный Локи.— Сиф — в древнескандинавской мифологии — жена Тора, бога грома; Локи — бог огня, носитель зла и разрушения, строивший козни другим богам; согласно легенде, он похитил золотые волосы Сиф, и боги принудили его дать Сиф новые волосы, которые черные эльфы выковали из чистого золота.

Стр. 22. *Георгианская эпоха* — время правления английских королей Георга I, Георга II и Георга III, 1714—1820 гг.

Стр. 26. ...душа все же легче, чем беды, и всегда всплывает над их океаном.— Океан бед (море бедствий) — слова из монолога Гамлета «Быть или не быть...» (Шекспир, «Гамлет», акт. III, сцена 1).

Стр. 33. ...написал бы ее красивые брови праутовской или ван-дейковской коричневой.— Праут Сэмюел (1783—1852) — английский художник. Известен своими акварелями, изображениями архитектурных памятников и учебниками рисования. Ван-Дейк Антонис (1588—1641) — знаменитый фламандский живописец. Ряд лет работал в Лондоне как придворный портретист. Произведения Ван-Дейка отличаются мастерством колорита.

Стр. 50. «Сентиментальное путешествие» — «Сентиментальное путешествие Йорика по Франции и Италии» — произведение английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

Стр. 55. ...у вас сейчас лицо, какое, наверно, было у Моисея, когда он спустился с Синая.— По библейской легенде, Моисею на горе Синай явился бог.

Стр. 56. ...она записывает путевые впечатления, как Александр Дюма, и Мери, и Стерн...— Александр Дюма (Дюма-отец) (1802—1870) — французский писатель, автор знаменитых историко-авантюрных романов. Писал также путевые очерки, в том числе о поездке в Россию в 1858 г. Мері Жозеф (1798—1866) — французский писатель. Среди многочисленных произведений Мері — романы, пьесы, стихи и книги о путешествиях.

Стр. 71. *Менандр* (ок. 343—291 г. до н. э.) — древнегреческий драматург-комедиограф.

Стр. 82. «Меч господень и Гидеонов».— Слова из Библии (Книга Судей, гл. 7).

Стр. 92. *Дом и сад своей симметричностью напоминали создания голландских архитекторов времен Вильгельма и Марии.*— Имеется в виду Вильгельм III Оранский, штатгальтер (правитель) Голландии, который был возведен на английский престол после государственного переворота 1688—1689 гг., так называемой «Славной революции».

Стр. 95. *«Она своим сияньем залила...»* — Строфа из поэмы великого английского поэта Перси Биши Шелли «Восстание Ислама» (песнь II, строфа 23).

Стр. 96. *«Кто удержит ветер рукой? Кто принесет воду в подоле?»* — Парафраза библейского текста: «Кто собрал ветер в пригоршни свои? Кто завязал воду в одежду?» (Книга притчей Соломоновых, гл. 30).

Стр. 112. *Шлейермахер* Фридрих (1768—1834) — немецкий философ, теолог и проповедник.

Стр. 127. *Гален* Клавдий (ок. 130—200) — древнеримский врач и естествоиспытатель. *Гиппократ* (ок. 460—377 гг. до н. э.) — величайший врач Древней Греции, один из основоположников научной медицины. *Герофил* (ок. 335—280 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач и анатом.

...уборка в гостиной Мелбери напоминала уборку в приемной Толмача, при которой бедный Пилигрим чуть не задохнулся от пыли.— Здесь упоминается эпизод из аллегорического романа «Путь паломника» английского писателя Джона Беньяна (1628—1688).

Стр. 136. *«Когда от яблок, алых, как закат...»* — Строфа из «Песни менестреля» английского поэта Томаса Чаттертона (1752—1770), входящей в его трагедию «Элла».

Стр. 137. *Помона* — в римской мифологии — богиня плодов.

Стр. 139. *Он мог бы сказать о себе словами современного поэта.*— Имеется в виду друг Томаса Гарди, известный английский критик и историк литературы Эдмунд Госсе (1849—1928), выпустивший в то время сборник стихов «Книга сердца». «Коль я забуду...» — несколько сокращенное стихотворение Госсе «Два взгляда».

Стр. 143. *И все же мгновениями, точно таинственные письма на стене, перед ним возникали будто бы сказанные миссис Чармонд слова о том, что он загубил свое будущее.*— По библейской легенде, вавилонский царь Валтасар во время пира увидел на стене таинственные письма, возвещавшие гибель его царства (Книга пророка Даниила, гл. 5).

Стр. 155. *Почему смерть одна дарит то, что у жизни приходится вымаливать...*— Парафраза строки из элегии Шелли «Адонаис» (строфа 21).

Стр. 161. *Тангейзер* — немецкий поэт-миннезингер XIII века, герой множества легенд и романтических произведений.

Вауверман Филипс (1619—1668) — голландский художник. Мастерски изображал сцены охоты, кавалерийские сражения, всадников на фоне живописных пейзажей.

Родной брат Осени... — Образ брата Осени, возможно, навеян известным стихотворением английского поэта-романтика Джона Китса

(1795—1821) «Ода к осени», в котором осень предстает в облике крестьянской девушки.

Стр. 168. *...на дереве повеситься, как Авессалом.*— Авессалом — персонаж из Библии, сын царя Давида, славившийся своей красотой. Восстав против отца, Авессалом потерпел поражение и пытался спастись бегством. Но его мул вбежал под ветви большого дуба, и Авессалом, запутавшись своими длинными волосами в ветвях, «повис между небом и землей» (Вторая Книга Царств, гл. 18).

«Сердце, из-за которого кровоточат другие сердца, кровоточат из-за меня».— Цитата из комедии английского драматурга Уильяма Конгрива (1670—1729) «Пути светской жизни» (акт III, сцена 3).

Стр. 173. *«Который и в страданиях не страждет».*— Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 2.

Стр. 175. *...поведут себя, как добрые горожане из Ковентри...*— Имеется в виду средневековая легенда о леди Годиве, которая просила своего мужа графа Ковентри освободить жителей города от тяжелого налога. Граф согласился отменить налог при условии, если Годива среди бела дня объедет весь город обнаженная верхом на коне. Леди Годива выполнила жестокое условие, а жители Ковентри в этот час заперлись в домах и отвернулись от окон.

...беда, которая исторгла плач Ариадны, явилась причиной ослушания Васты и гибели Эми Дадли.— Ариадна — героиня греческого мифа, дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тесею выбраться из лабиринта с помощью клубка нитей и была покинута им на острове Наксос. *Васты.*— По библейской легенде, персидский царь Артаксеркс за непослушание отверг свою жену Васты и избрал в жены Эсфирь. *Эми Дадли* — героиня романа Вальтера Скотта (1771—1832) «Кенилворт», убитая по приказу своего мужа графа Лестера.

Стр. 199. *А когти твои что у орла, который терзал печень... того на горе Кавказа...*— Имеется в виду герой греческого мифа титан Прометей, похитивший с Олимпа огонь. По велению Зевса Прометей был прикован к скале Кавказских гор, где могучий орел клевал его печень.

Стр. 201. *Смерть из Апокалипсиса.*— В Откровении Иоанна Богослова, или Апокалипсисе, содержатся мистические пророчества о конце света. Один из четырех всадников, возвещающих конец света,— Смерть на «коне бледном».

Стр. 207. *Элизабет Монтегю* (1720—1800) — английская писательница. В ее салоне собирались выдающиеся художники, писатели и артисты того времени.

...лицом с платка святой Вероники.— По христианской легенде, святая Вероника дала свой платок Христу, ведомому на Голгофу, чтобы он мог отереть лицо; на платке чудесным образом остался отпечаток лица Христа.

Стр. 208. *...ни мак, ни мандрагора...*— Шекспир, «Отелло», акт III, сцена 3.

Стр. 209. *...Завеса в храме разодралась надвое...*— Согласно евангельской легенде, после смерти Христа на кресте, «завеса храма разодралась надвое, сверху донизу» (Евангелие от Марка, гл. 15).

Стр. 211. *Долина Унижения* — один из образов аллегорического романа Джона Беньяна «Путь паломника».

Стр. 247. ...*Артемиды всегда преобладала в ней над Афродитой...*— *Артемиды* — в греческой мифологии целомудренная богиня луны, покровительница охоты; *Афродита* — богиня любви и красоты.

Стр. 256. ...*хочешь... свести седины мои в гроб.*— Парафраза из Библии (Бытие, гл. 44).

Стр. 258. *Джордж Герберт* — английский поэт (1593—1633); здесь приводятся слова из стихотворения «Суетность», входящего в сборник религиозных стихотворений Герберта «Храм».

Стр. 264. «*Цимбелин*» — драма В. Шекспира.

Стр. 265. *В своей любви утончена природа...*— Шекспир, «Гамлет», акт IV, сцена 5.

ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

Стр. 295. ...*Бедное поруганное имя! Сердце мое, как ложе, приютит тебя.*— Шекспир, «Два веронца», акт I, сцена 2.

...*вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл...* имена ваших предков упоминаются в списках королевского казначея во времена короля Стефана.— *Вильгельм Первый Завоеватель* — английский король (1066—1087). Будучи герцогом Нормандии, одержал победу над англосаксами в битве при Гастингсе (1066) и завоевал Англию. В честь битвы при Гастингсе было построено аббатство Бэттл (Battle — битва). *Король Стефан* — король Англии (1097—1154).

Стр. 296. *При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан был вызван в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были посвящены в рыцари Королевского Дуба.*— *Король Иоанн*.— *Иоанн Безземельный*, король Англии (1199—1210). *Рыцари-госпитальеры* (ионниты) — духовно-рыцарский орден святого Иоанна, основанный в конце XII в. в Палестине. Ордену принадлежали значительные земельные владения в разных странах. *Эдуард Второй* — английский король (1307—1326). *Вестминстер* — построенный в XI в. королевский дворец в Лондоне. *Великий Совет* — съезд крупнейших феодалов, непосредственных вассалов короля. *Оливер Кромвель* (1599—1658) — выдающийся деятель английской буржуазной революции 1640—1660 гг., лорд-протектор республики. *Карл Второй* — английский король (1660—1685). Вскоре после смерти Кромвеля, в 1660 г., в Англии была восстановлена монархия. Парламент провозгласил королем Карла Стюарта Второго, сына казненного в 1649 г. Карла Первого.

Стр. 301. *Церера* — в античной мифологии богиня плодородия и земледелия. По мнению Гарди, древние празднества в честь Цереры сохранились в Англии XIX в. в виде «клубных гуляний», или «плясок Майского дня».

...сшиты они были по моде времен королей Георгов.— Три короля Георга царствовали один за другим более ста лет, с 1714 до 1820 г.: Георг Первый (1714—1727), Георг Второй (1727—1760), Георг Третий (1760—1820).

...чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости».— Библия. Книга Екклесиаста, гл. 12.

Стр. 302. *Фактотум* — доверенное лицо, выполняющее самые различные поручения.

Стр. 309. *Когда они бывали вместе, век Елизаветы и век Виктории соприкасались*.— *Елизавета Первая* — английская королева (1558—1603), *Виктория* — королева Великобритании (1837—1901).

Стр. 310. *Хотелось бы знать, откуда почерпнул право говорить о «священном плане Природы» поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи — легкими и прозрачными*.— Имеется в виду стихотворение английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта (1770—1850) «Строки, написанные ранней весной». Вордсвортовский идеал смирения перед «божественной гармонией» мироздания отталкивал и возмущал Томаса Гарди.

Стр. 312. ...должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.— *Король-норманн* — Вильгельм Завоеватель (см. примеч. к с. 295).

Стр. 342. ...начал насвистывать песенку «Прочь уста — весенний цвет».— Шекспир, «Мера за меру», акт IV, сцена 1.

Стр. 344. *Джига* — английский народный танец.

Стр. 345. ...множество Панов кружится со множеством Сиринг, и Логис тщетно пытается ускользнуть от Приапа.— *Пан* — бог лесов и рощ, покровитель пастухов и охотников. Представлялся в образе козлоподобного человека, с рогами и копытами. Пан преследовал своей любовью нимфу *Сирингу*. Укрывшаяся в реке Сиринга была превращена в тростник, из которого Пан вырезал свою свирель. *Приап* — бог полей и садов. Считался также богом сладострастия, чувственных наслаждений. *Логис* (Лотида) — нимфа, спасавшаяся от преследований Приапа и превращенная в лотос (греч. миф.). ...У стены... восседало несколько Силенов... — *Силен* — в древнегреческой мифологии воспитатель бога вина Диониса, изображавшийся в виде толстого, добродушного, всегда пьяного старика (греч. миф.).

Стр. 348. *Пракситель* (390—330 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий скульптор.

Стр. 354. *Но где же был ангел-хранитель Тэсс? Где было провидение... Или, подобно другому богу, о котором говорит скептический Фесвитянин, оно развлекалось беседой с кем-нибудь, кого-нибудь преследовало либо просто путешествовало? А может быть, оно спало и не желало просыпаться?* — По библейской легенде, пророк *Илия* (Илия Фесвитянин) состязался с жрецами Ваала, чтобы показать народу, какой бог истинный — Яхве или Ваал. Жрецы молили Ваала

ниспослать огонь с неба, но огонь не загорался. Тогда Илия посоветовал им с издевкой: «Кричите громким голосом... Может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!» (Третья Книга Царств, гл. 18).

Стр. 361. *И вдруг Тэсс, вспыхнув, поняла, какова будет надпись, дописанная им до половины: «Ты, не, сотворишь...»* — Имеется в виду седьмая из десяти библейских заповедей: «Не прелюбодействуй» (Книга Исхода, гл. 20).

Стр. 363. *...говоря словами Роберта Саута...* — Роберт Саут (1634—1716) — английский богослов. Его «Проповеди» (1692) неоднократно переиздавались вплоть до середины XIX в.

Стр. 364. *...лэнгдоновский напев...* — Лэнгдон Ричард (1730—1803) — английский органист и композитор, автор большого числа псалмов и гимнов.

Стр. 371. *Подобно всем деревенским девушкам, она... выучила историю Аголы и Аголибы и знала, какой урок следовало из нее извлечь.* — По библейскому сказанию, сестры Агола и Аголиба за свое распутство и другие пороки были подвергнуты страшной казни. Это должно было послужить уроком всем женщинам (Книга пророка Иезекииля, гл. 23).

Стр. 373. *...ей пришло в голову имя, подсказанное фразой из Книги Бытия, и она произнесла его: — Горем нарекаю тебя во имя отца, и сына, и святого духа.* — По библейскому сказанию, жена Иакова Рахиль родила сына в страшных мучениях и умерла. Перед смертью она дала сыну имя Бенони, то есть «Сын Страданий», однако Иаков изменил это имя на Вениамин (Бытие, гл. 35).

Стр. 376. *Роджер Эшем (1515—1568) — английский ученый и педагог, был секретарем королевы Елизаветы. Главное произведение Эшема — трактат «Учитель», опубликованный в 1570 г.*

Святой Августин Аврелий (354—430) — один из основоположников учения католической церкви. Наиболее известное из произведений Августина — автобиографическая «Исповедь».

Стр. 377. *Джереми Тэйлор (1613—1667) — один из крупнейших проповедников англиканской церкви. Автор ряда богословских сочинений, а также религиозно-нравоучительных книг «Правила и примеры благочестивой жизни» (1650) и «Правила и упражнения, приготавливающие к благочестивой смерти» (1651).*

Стр. 378. *Тэлботейс — название фермы, принадлежавшей отцу Томаса Гарди, в Норрис-Хилле, недалеко от Стинсфорда.*

Стр. 380. *Зеленый луг был усеян ими так же густо, как холсты ван Альслота или Саллерга усеяны бюргерами.* — Альслот Денис ван (1550—1628) — фламандский художник, мастер городского пейзажа и многофигурных композиций. Саллерг Антонис (1590—1657) — художник фламандской школы, изображал обыденную жизнь современной ему Фландрии, особенно Брюсселя.

Воды Вара, прозрачные, как Река Жизни, увиденная евангелистом, были стремительны, словно облака... — Имеются в виду слова из Евангелия: «И показал мне чистую Реку Жизни, светлую, как кристалл...» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 21).

Стр. 383. *Патены* — деревянные подошвы, прикреплявшиеся к обуви металлическими обручами.

Стр. 389. *...он один остался верным Низкой церкви,— в этих краях все принадлежит к Высокой.*— В англиканской церкви в XIX в. существовало три направления: Высокая церковь, требовавшая строгого выполнения всех обрядов и предписаний церкви, более демократическая и последовательно протестантская Низкая церковь и Широкая церковь, отстаивавшая большую терпимость, допускавшая свободную разработку вопросов богословия и критическое исследование Библии.

Стр. 391. *«Был убежден...»* — Цитата из поэмы английского поэта Роберта Браунинга (1812—1889) «День пасхи» (1850).

...я не могу принять догмат четвертый (не говоря уже обо всех остальных) в «буквальном и грамматическом его смысле», как того требует Декларация.— Декларация 1571 г. утвердила символ веры англиканской церкви, состоящий из тридцати девяти статей. Статья Четвертая — догмат о воскресении и вознесении Христа.

...цитируя твое любимое Послание к евреям, «к изменению колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое».— В евангельском тексте речь идет о непоколебимости в вере, в «слушении богу».

Стр. 393. *Его представление о работниках, как о подобию жалкой фигуры анекдотического Ходжа, было через несколько дней предано забвению.*— Ходж — имя персонажа комедии Джона Стила «Иголка кумушки Гартон» (1556); стало нарицательным, насмешливым прозвищем английского батрака. В статье Томаса Гарди «Дорсетширский работник», напечатанной в июле 1883 г. в журнале «Лонгмэнс мэгэзин», содержится та же мысль, что и в романе.

Паскаль Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ.

...попались среди них и обладатели высоких талантов, если не гениальности... одни были Мильтонами, чей дар не находил себе выражения, другие в иных условиях оказались бы Кромвелями.— Парафраза строфы из «Элегии, написанной на сельском кладбище» (1751) английского поэта Томаса Грея (1716—1771). Строка из этой элегии послужила заглавием романа Томаса Гарди «Вдали от безумствующей толпы».

Стр. 399. *Долина Унижения* — один из образов аллегорического романа английского писателя Джона Беньяна (1628—1688) «Путь паломника».

...чувства жителя Уца.— Имеется в виду библейский Иов. Бог решил подвергнуть праведного Иова испытанию, и на него стали обрушиваться несчастья. В отчаянии Иов сказал: «Душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне!» (Книга Иова, гл. 7).

Стр. 400. *Я похожа на несчастную царицу Савскую из Библии! Нет у меня больше бодрости.*— Царица Савская, убедившись в вели-

кой мудрости и богатстве царя Соломона, признала его превосходство (Третья книга Царств, гл. 10).

Стр. 404. *Артемиды* — сестра бога солнца Аполлона, целомудренная дева-охотница, богиня луны. *Деметры* — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и земледелия (греч. миф.).

Стр. 414. *Всему свое время... ..Время для объятий и время, когда нужно воздержаться от них.*— Библия. Книга Екклесиаста, гл. 3.

Стр. 415. *Три Лии — ради одной Рахили!* — По библейскому рассказу, Иаков служил своему родственнику Лавану семь лет, чтобы получить в жены его младшую дочь Рахиль. Однако Лаван обманом выдал за него старшую дочь Лию. Иаков согласился служить еще семь лет ради Рахили (Бытие, гл. 29).

Стр. 419. *...термидорианская жара.*— *Термидор* — одиннадцатый месяц (19 июля — 18 августа) французского революционного календаря, установленного в 1793 г.

Стр. 420. *«Розы, наполненные снегом».*— Строка из стихотворения английского поэта Томаса Кэмпбелла (1795—1835) «Спелые вишни».

Стр. 422. *«Толпы мужчин и женщин, в будничных платьях // Как все вы мне интересны!»* — Строки из стихотворения американского поэта Уолта Уитмена (1819—1892) «На бруклинском переезде».

Стр. 425. *Антиномизм* — религиозное учение, отрицающее силу законов Ветхого завета для христиан.

Близкий по духу Уиклифу, Гусу, Лютеру и Кальвину, евангелист до мозга костей, человек, и в быту и в размышлениях своих склонявшийся к апостольской простоте...— *Уиклиф* Джон (1320—1384) — выдающийся английский богослов-реформатор. В своих трактатах требовал радикального изменения церковного устройства, уничтожения папства, монастырей, независимости светской власти от церкви, конфискации церковных земель, настаивал на праве чтения Библии на родном языке. *Гус* Ян (1369—1415) — крупнейший чешский деятель Реформации, сторонник учения Уиклифа. Требовал возвращения к строгости и простоте раннего христианства, отмены торговли индульгенциями, очищения церкви от роскоши и пороков духовенства. По приговору Констанцкого собора 1415 г. Ян Гус был осужден и сожжен. *Лютер* Мартин (1483—1546) — основатель протестантизма в Германии. В 1517 г. Лютер опубликовал свои знаменитые 95 тезисов. Выступал за реформу католической церкви, за богослужение на родном языке, против торговли индульгенциями. Отлученный папой римским от церкви, Лютер отказался отречься от своего учения. *Кальвин* Жан (1509—1564) — видный деятель Реформации. Подчинил светскую власть магистрата в Женеве жестокой диктатуре возглавляемой им церковной организации. Основу учения Кальвина составлял догмат предопределения, по которому бог предопределил людей еще до их рождения к «спасению» или «погибели». Большое значение кальвинизм придавал суровому «мирскому аскетизму», по существу оправдывавшему и освящавшему буржуазную бережливость и накопительство.

Стр. 426. *Вера его в детерминизм была почти манией и негативной своей стороной граничила с философией отречения, родственной философии Шопенгауэра и Леопарди.*— Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ. Главное произведение Шопенгауэра — «Мир как воля и представление» (1818). Шопенгауэр утверждал господство над миром слепой, неразумной, бессмысленной воли. Волюнтаристская, пессимистическая философия Шопенгауэра получила распространение во второй половине XIX в. Леопарди Джакомо (1798—1837) — итальянский поэт. Выдвигал идею универсального зла, являющегося источником неизбежных страданий человека. Настроения трагической безысходности соседствуют в творчестве Леопарди с патристическими идеями.

Стр. 433. *Даже среди представителей древних фамилий встречаются мудрецы, которые «восстают против своего же права наследования», как выразился Гамлет.*— Шекспир, «Гамлет», акт II, сцена 2.

Стр. 434. *Пиетист* — сторонник пиетизма, направления в протестантском богословии, призывавшего к деятельной вере, аскетизму, отказу от мирских удовольствий. В дальнейшем слово «пиетист» стало означать «святоша», «ханжа».

Стр. 438. *...хотя Тэсс и не знает, принадлежит ли она к Высокой, Низкой или Широкой церкви.*— См. примеч. к с. 389.

«Вот молится сестра твоя...» — Строфа из поэмы английского поэта Альфреда Теннисона (1809—1892) «In memoriam» (1850).

Стр. 449. *Карл I* — английский король (1625—1649) (см. примеч. к с. 296).

Стр. 466. *...решил, что нам удобнее взять брачное свидетельство.*— Английская церковь предоставляет право покупать разрешение гражданских властей на вступление в брак, заменяющее церковное оглашение.

Что, если это платье изменит цвет и выдаст ее, как выдал королеву Джиневру ее наряд? — В легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола рассказывается, как король Артур узнал о неверности своей жены, королевы Джиневры, потому что ее платье стало изменять свой цвет.

Стр. 472. *...ей казалось, что она озарена светом, подобно ангелу, которого видел на солнце святой Иоанн.*— Имеется в виду фраза из Евангелия: «И увидел я ангела, стоящего на солнце...» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 19).

Стр. 473. *...как говорил монах Лоренцо: «Таких страстей конеу бывает страшен».*— Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт II, сцена 6.

Стр. 481. *...каждый должен подписаться под этими словами Павла: «Будь образцом в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте».*— Евангелие. Первое Послание к Тимофею, гл. 4.

«Integer vitae»,— говорит римский поэт, несколько неожиданный соратник святого Павла — цитата из оды римского поэта Горация (65—8 гг. до н. э.) (Оды, книга 1, ода 22).

Стр. 487. *«Когда лица твоего исчезнет прелесть...»* — Строфа из драматической поэмы английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837—1909) «Аталанта в Калидоне» (1865).

Стр. 490. *«Меньше чуть-чуть, и какие миры исчезли!»* — Строка из поэмы Роберта Браунинга «У очага» (см. примеч. к с. 391).

Стр. 497. *Сюлли-Прюдом* Арман (1839—1907) — французский поэт. Для философской лирики Сюлли-Прюдома характерны настроения пессимизма.

Стр. 503. *...подобно потягивающемуся Самсону — пробует свою силу...* — Самсон — библейский герой. Возлюбленная Самсона Далила выдала его врагам — филистимлянам тайну силы Самсона, которая заключалась в его длинных волосах. Отрезав спящему Самсону волосы, враги ослепили его и заковали в цепи.

Стр. 506. *...в тоске процитировал стих поэта, переделывая его по своему: «Нет бога на небе — все плохо на земле!»* — Героиня драматической поэмы Роберта Браунинга «Пиппа проходит» (1841), молоденькая девушка-работница Пиппа, проходя через город, поет наивную, полную благочестивого оптимизма, песенку: «Бог на небе, все прекрасно на земле». Под влиянием пения Пиппы люди раскаиваются в своих дурных поступках и помыслах. Эта строка Браунинга стала своего рода обобщенным выражением викторианского оптимизма.

Стр. 510. *...широко раскрытые глаза и жуткие позы экспонатов музея Виртца...* — Виртц Антуан Жозеф (1806—1865) — бельгийский художник. Для творчества Виртца характерно изображение беспроектных страданий, нагромождение ужасов. Большинство работ Виртца собраны в музее его имени в Брюсселе.

...и гримасы в манере ван Беекса. — Беекс Ян ван (1852—1927) — бельгийский художник, часто изображал сцены смерти или похорон различных исторических личностей.

«Вот самое главное: не ведай смятения», — сказал языческий моралист. — *Языческий моралист*, по всей вероятности, — Марк Аврелий, римский император (161—180), выдающийся представитель стоической философии.

«Пусть сердце твое не ведает ни тревоги, ни страха», — сказал Назарянин. — *Назарянин* — Иисус Христос из Назарета. Евангелие от Иоанна, гл. 14.

Стр. 518. *Подобно пророку на горе Фавор...* — По библейской легенде, прорицатель Валаам намеревался с вершины горы Фавор проклясть израильтян и предсказать им поражение, но бог заставил его вместо проклятия произнести слова благословения и предсказать победу (Книга чисел, гл. 23).

Стр. 524. *«Все суега».* — Библия. Книга Екклесиаста, гл. 12.

Стр. 526. *«Девушки холоден рот...»* — Строки из стихотворения Суинберна «Фраголетта».

Стр. 527. *Кибела* — фригийская богиня плодородия.

Стр. 529. *Фригольд и копигольд* — принятые в Англии формы аренды помещичьей земли.

Стр. 531. *...эти склоненные головы напомнили бы двух Марий...* — *Две Марии* — богородица дева Мария и Мария Магдалина, склонившиеся над мертвым Христом.

Стр. 545. *...Тэсс... догадалась, какой библейский текст был вы-*

бран, потому что оратор все время повторял: «О несмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине...» — Галатия — римская провинция в Малой Азии, в которой, по легенде, апостол Павел проповедовал христианство. Галаты не очень ревностно следовали учению Павла, что и вызвало его гнев. Цитата из евангельского Послания к галатам, гл. 3.

Стр. 548. *Ветхий Адам* — воплощение греховной природы человека.

Стр. 549. «*Уйдите от них и пребудьте отдельно,— сказал Господь*». — Евангелие. Второе Послание к коринфянам, гл. 6.

Стр. 556. «*Неверующий муж освящается женой, а неверующая жена освящается мужем*». — Евангелие. Первое Послание к коринфянам, гл. 7.

Стр. 560. *Dictionnaire Philosophique*. — В «Философском словаре», как и в других философских произведениях, Вольтер развивал идею деизма, то есть идею существования бога как некой безличной первопричины мирового процесса. Деизм отрицал все существующие религии, учение о божественном откровении, церковные догматы и обряды.

Гексли Томас (1825—1895) — известный английский ученый-биолог, единомышленник Ч. Дарвина. В философии стоял на позициях агностицизма.

Стр. 561. *Я думал, что поклоняюсь господу на горних высотах, но вижу, что все еще служу в рощах*. — Под «служением в рощах» подразумевается служение языческим богам.

...не я ли один из тех «рабов порока», которые, «раз избегнув скверн мира сего, вновь запутываются в сетях и терпят поражение», и последнее их падение хуже, чем первое? — Евангелие. Второе Послание Петра, гл. 2.

Стр. 563. *Плутон* — в древнегреческой мифологии владыка царства мертвых, бог земных недр.

Стр. 567. *Среди них я бы играл роль Гименя или Александра, которых препроводили к Сатане, чтобы они отучились кощунствовать*. — *Гименей* (Именей) и *Александр* — упоминаемые в Евангелии вероотступники, которых апостол Павел «предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать» (Первое Послание к Тимофею, гл. 1).

Думаю, если бы холостяк-апостол... увидел такое хорошенькое личико — он, как и я, позабыл бы о своем долге. — *Холостяк-апостол* — апостол Павел.

Стр. 568. *Мне припоминаются слова сурового пророка Осии, которого я, бывало, читал... «Погонится за любовником своим...»* — Библия. Книга пророка Осии, гл. 2.

Стр. 510. *Лестница Иакова*. — В Библии рассказывается, как Иаков увидел во сне лестницу, поднимающуюся до неба (Бытие, гл. 28).

Стр. 575. *...подобно тому как сокрушался Авраам, поднимаясь с обреченным Исааком на гору*. — По библейскому сказанию, бог повелел Аврааму принести в жертву своего сына Исаака. Убедившись,

что Авраам готов исполнить его повеление, бог послал ангела, который остановил руку Авраама (Бытие, гл. 22).

Стр. 578. *Разве оставшиеся после сбора урожая гроздь в вертограде Ефрема не были вкуснее всего винограда Авии?* — Библия. Книга Судей, гл. 8.

Стр. 582. *...и становилось понятным выражение «облачный столп», что днем стоял стеной, а ночью светился.* — По библейской легенде, во время исхода евреев из Египта впереди двигался ангел, днем — в столпе облачном, ночью — в столпе огненном, достигавшем до самого неба (Книга Исхода, гл. 13).

Стр. 584. *«— Царица! Путь свободен и недолог...»* — Строфа из поэмы великого английского поэта Джона Мильтона (1608—1673) «Потерянный рай» (книга IX).

Стр. 586. *Ферма, которая для одних являлась Египтом, казалась землей обетованной другим...* — По Библии, Моисей вывел евреев из Египта, где они находились в рабстве, в землю «обетованную», то есть обещанную богом (Книга Исхода).

Стр. 591. *«Не нагими приходим мы в мир...»* — Строки из оды Вордсворта «Доказательства бессмертия».

Стр. 592. *...стоял, словно ковчег завета...* — *Ковчег завета* — по Библии, украшенный золотом ларец, в котором хранились скрижали (каменные таблицы) с десятью заповедями и тексты других священных законов; считался величайшей святыней.

Стр. 598. *Словно с него писал Кривелли своего мертвого Христа.* — *Кривелли* Карло (1430—1495) — итальянский художник. Выразительные фигуры Кривелли иногда преувеличенно деформированы.

Стр. 599. *Любовь его была такова, «что изменяется, встречая перемену».* — Шекспир, сонет 116.

Он многое понял за время своего отсутствия: в безупречной Корнелии он увидел возможную Фаустину, в теле Фрины — дух целомудренной Лукреции. — *Корнелия* — мать прославленных народных трибунов Гракхов, считалась образцом женской добродетели. *Фаустина Старшая* — жена римского императора Антонина, и *Фаустина Младшая* — ее дочь, жена императора Марка Аврелия, были предметом слухов и пересудов, обвинявших их в супружеской неверности и безнравственности. *Фрина* — натурщица древнегреческого скульптора Праксителя, нарицательное имя красивой и безнравственной женщины. *Лукреция*. — По преданию, сын римского царя Тарквиния Гордого обесчестил жену своего родственника Лукрецию. Добродетельная и гордая Лукреция покончила жизнь самоубийством.

...о той женщине, которую хотели побить камнями, и о жене Урии, ставшей царицей... — В Евангелии рассказывается, что книжники и фарисеи привели на суд Христа женщину, виновную в прелюбодеянии. По закону ее должны были побить камнями до смерти, но Христос сказал: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Евангелие от Иоанна, гл. 8). *Жена Урии*. — По библейской легенде, царь Давид приказал привести к себе во дворец жену военачальника Урии красавицу Вирсавию, а самого Урию послал на верную

гибель. После смерти Урии Вирсавия стала женой царя Давида (Вторая книга Царств, гл. 11).

Стр. 604. *Но внезапно, словно дерево пророка, вырос здесь новый шумный город...*— В библейской Книге пророка Ионы рассказывается, как бог вырастил в пустыне дерево, в тени которого оказался пророк Иона; затем бог уничтожил это дерево (Книга пророка Ионы, гл. 4).

Стр. 607. *Он...*— В издании 1892 г. фраза была закончена: «Он купил меня».

Стр. 608. *...словно кого-то пытали на колесе Иксиона.*— Иксион, один из мифических греческих царей, за совершенные им преступления был в подземном царстве прикован к вечно вращающемуся огненному колесу (греч. миф.).

Стр. 613. *Все еще был он ее Антиноем, даже Аполлоном.*— Антиной — красивый юноша, любимец римского императора Адриана. После самоубийства Антиноя в 130 г. Адриан учредил в его честь праздник и основал город Антинополь. Аполлон — бог солнца и света, мудрости и искусства. Изображался в виде прекрасного юноши (греч. миф.).

Стр. 615. *...состязание Аталанты с женихами.*— Аталанта — знаменитая охотница, вскормленная медведицей. Женихи Аталанты должны были состязаться с ней в беге, и те, кого она обгоняла, лишались жизни (греч. миф.).

Стр. 618. *Стоунхендж* — сооружение эпохи каменного века близ города Солсбери. Предположительно — храм Солнца.

Стр. 620. *Подобно тому, кто был сильнее, чем он, Клэр не ответил на роковой вопрос, заданный в роковую минуту.*— По Евангелию, Христос во время суда над ним не ответил на вопрос, в чем его обвиняют.

Стр. 625. *«Правосудие» свершилось, и «глава бессмертных» (по выражению Эсхила) закончил игру свою с Тэсс.*— Эсхил (525—456 гг. до н. э.) — великий древнегреческий драматург. Выражение «глава бессмертных» взято из трагедии Эсхила «Прикованный Прометей», в которой Зевс изображен как самовластный деспот, тиран.

М. Гордышевская

СОДЕРЖАНИЕ

В КРАЮ ЛЕСОВ

Роман

Главы I—XXV в переводе А. Сергеева, главы XXVI—XLVIII в переводе
М. Литвиновой 5

ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

Роман

Перевод А. Кривцовой

Фаза первая. Девушка	295
Фаза вторая. Больше не девушка	356
Фаза третья. Выздоровление	379
Фаза четвертая. Последствия	422
Фаза пятая. Женщина расплывается	483
Фаза шестая. Обращенный	546
Фаза седьмая. Завершение	597
Комментарии <i>Н. Демуровой и М. Гордышевской</i>	623

Томас Гарди

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

Редакторы

М. Макарова, М. Тюнькина

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

В. Нефедова

Корректоры

Н. Пехтерева, О. Левина

ИБ № 5504

Сдано в набор 08.07.88. Подписано в печать 14.12.88. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40. Усл. кр.-отт. 40. Уч.-изд. л. 43,3. Тираж 200 000 экз.
(2-й завод 100001—200000). Изд. № VI-3160. Заказ № 175. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882,
ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Диaposитивы изготовлены в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва,
Валовая, 28. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Калининском полиграфиче-
ском комбинате Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

